Гражданская война в России: Записки белого партизана

А. Г. Шкуро

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мемуары генерала А.Г. Шкуро и воспоминания о нем, представленные в этой книге, в значительной степени могут способствовать восстановлению противоречивой картины Гражданской войны 1917–1920 гг. на юге России.

Текст снабжен предисловием, приложениями и комментариями. Книга будет интересна как специалистам, так и любителям военной истории.

- А.Г. Шкуро
  - Крестный путь казака Андрея Шкуро
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Приложения
    - I
    - II
    - III
    - IV Райгородецкий Е. Конец белого атамана*
    - V
    - VI

- VII
  - I. Кубанские казаки и государственный переворот 1917 г. Организация власти на Кубани
  - II. Последние дни на Кубани перед ледяным походом. Генералы Корнилов и Деникин
- VIII

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35

- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79

- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123

- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167

- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211

- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43

- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50

А.Г. Шкуро
Гражданская война в России: Записки белого партизана

Время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру.

Еккл. 3, 8.

И не будет убежища пастырям и спасения вождям стада.

Иер. 25, 35.

Крестный путь казака Андрея Шкуро

Любая война аморальна и жестока, но гражданская — особенно. Суть ее — трагедия братоубийства, калечащая душу народа и его историческую судьбу. Гражданская война в России не была просто вооруженным столкновением враждующих армий. В первую очередь она явилась столкновением политических взглядов, различных нравственных позиций и духовных устремлений. Гражданская война велась отнюдь не на четырех фронтах, а на одном — том, что проходил через души людей, их мировоззрение и мироощущение. И естественно, победившая сторона сделала все, чтобы превратить свою совесть, свое мировоззрение — в народную совесть, в народное мировоззрение, народное мировосприятие. Это вызвало перекос исторической памяти нашего народа не только в тех вопросах, которые были связаны со стороной проигравшей — белыми, но и со стороной победившей — красными. В этом отношении наша Гражданская война — поистине «легендарная». Не менее «легендарны» и исторические труды, посвященные этой войне. Действительно, Гражданская война в России настолько обросла легендами и мифами, столько вымыслов наполняет ее историю, что здесь хватит работы по восстановлению исторической правды еще не одному поколению историков.

Помимо «легендарности», история Гражданской войны отличается еще и крайней политизацией, и при изучении подавляющего большинства научных трудов бывших советских историков создается впечатление, что война эта вовсе еще не завершилась, а с неослабевающей силой продолжается и по сей день…

В наши дни, когда все большее значение приобретает призыв к национальному и гражданскому примирению, необходимо осознание обществом всей глубины трагедии Гражданской войны. Большая ответственность здесь ложится на историков, писателей, журналистов, художников, кинематографистов и многих других, чьим человеческим и профессиональным долгом является донесение до широкого читателя или зрителя всей правды об этой общероссийской драме.

Значительную роль в этом деле играет публикация воспоминаний, записок и дневников непосредственных участников Гражданской войны, позволяющих полнее, ярче, достовернее представить себе весь колорит той эпохи, а главное — людей, их психологию, культуру, образ мыслей, все те положительные и отрицательные начала, из которых

складывается человеческая личность.

«Записки белого партизана» генерала А.Г. Шкуро, несмотря на их безусловный субъективизм, присущий любым воспоминаниям, в значительной степени будут способствовать восстановлению во многом противоречивой картины Гражданской войны 1917–1920 гг. на юге России.

Кто же такой генерал Шкуро, о котором так много слышал и так мало знает современный читатель? Андрей Григорьевич Шкура[1]родился 7 (20)[2] февраля 1886 г. в станице Пашковской Екатеринодарского отдела Кубанского казачьего войска. Отец его — потомственный кубанский казак Григорий Федорович Шкура, бывший тогда подъесаулом 1-го Екатеринодарского Кубанского казачьего войска полка (в 1919 г. он — полковник в отставке). Начальное военное образование А.Г. Шкуро получил в 3-м Московском Императора Александра II кадетском корпусе, который окончил в 1905 г. Затем он поступил в казачью сотню Николаевского кавалерийского училища в Санкт-Петербурге.

Согласно циркуляру Главного штаба за № 82 от 14 марта 1908 г. юнкер Шкуро закончил училище в 1907 г. по 1-му разряду и вышел хорунжим в 1-й Уманский бригадира Головатого Кубанского казачьего войска полк, дислоцировавшийся на Кавказе в г. Карее.

При выпуске из училища, исходя из действовавшей тогда 11-балльной системы, Шкуро имел средние баллы: старшинства — 8,94, по наукам — 8,88, по военным наукам и механике — 8,5, за строевое образование — 10.

В рядах полка Шкуро в 1909 г. участвовал в экспедиции в Персию. На следующий год он, уже в чине сотника, с помощью отца перевелся в 1-й Екатеринодарский Кубанского казачьего войска полк, стоявший тогда в станице Усть-Лабинской. Там он женился и[3] «вышел по войску», то есть в отставку, оставаясь на учете в Войсковом штабе. Затем он по собственному желанию уехал в г. Читу. Здесь Шкуро пробыл недолго и с началом I Мировой войны по мобилизации получил назначение в 3-й Хоперский Кубанского казачьего войска полк и вместе с ним выступил на фронт. Поначалу он был офицером в полковой пулеметной команде, а позднее принял команду разведчиков.

Приказом войскам 4-й армии Юго-Западного фронта за № 413 от 29 января 1915 г. подъесаул Шкуро «за то, что 5 и 6 ноября 1914 года у дер. Сямошице, подвергая свою жизнь явной опасности, установил связь между 21-й и 75-й пехотными дивизиями, а с 7 по 10 — между 21-й пехотной и 1-й Донской казачьей дивизиями», согласно Георгиевскому статусу, был награжден Георгиевским оружием. В том же году в связи со

стабилизацией фронта и переходом противоборствующих армий к позиционной войне кавалерия была обречена на бездействие и у Шкуро родилась идея организации партизанского отряда для разведывательных рейдов в тыл противника. Мысль эта была поддержана начальником штаба Походного атамана казачьих войск Великого Князя Бориса Владимировича Генерального штаба полковником А.П. Богаевским, и в конце концов партизанский отряд (600 человек) был сформирован. В 1915 г. Шкуро совершил несколько успешных рейдов в германский тыл. Во время одного из рейдов он разгромил штаб германской дивизии и захватил в плен командовавшего ею генерала.

Надо отметить, что генерал барон П.Н. Врангель, весьма негативно относившийся к Шкуро, характеризовал в своих воспоминаниях его действия по-другому: «Отряд есаула Шкуро во главе со своим начальником, действуя в районе XVIII корпуса, в состав которого входила и моя Уссурийская дивизия, большей частью болтался в тылу, пьянствовал и грабил и, наконец, по настоянию командира корпуса и генерала Крымова был с участка корпуса отозван».

Перед началом Брусиловского наступления летом 1916 г. отряд Шкуро (он был официально назначен командиром отряда 12 января 1916 г.) был переброшен на Юго-Западный фронт в состав конного корпуса генерала Ф.А. Келлера. Шкуро придали еще два организованных партизанских отряда, и летом же 1916 г. он совершил успешный рейд на глубину 7 верст в тыл австрийцам, захватив около 6 тысяч пленных и почти не понеся при этом потерь.

После Февральской революции 1917 г. войсковой старшина Шкуро добился у Походного атамана разрешения на перевод своего Кубанского отряда особого назначения (2 сотни) в Персию в состав Отдельного Кавказского кавалерийского корпуса генерала от кавалерии Н.Н. Баратова. Военный комиссар временного правительства при корпусе Баратова А.Г. Емельянов, сблизившийся со Шкуро в Персии, в своих воспоминаниях «Персидский фронт» приводит свой разговор с ним, показывающий отношение последнего к революции{4}.

По дороге в Персию в Кишиневе часть отряда — солдаты — перешла на сторону солдатских комитетов и у Шкуро остались одни лишь казаки. В ноябре отряд прибыл в г. Энзели, расположенный на персидском побережье Каспийского моря. Здесь группа большевистски настроенных солдат сделала попытку убить Шкуро, но в результате покушения он отделался ранением. В это время предоставленный самому себе отряд развалился, большая часть казаков дезертировала и уехала на

Кубань. С остатками отряда Шкуро из Энзели направился в г. Хамадан, где был расквартирован штаб корпуса Н.Н. Баратова, и сделал попытку пополнить свой отряд. Этого не получилось, Шкуро был арестован большевиками. Вот как рассказал об этом эпизоде А.Г. Емельянов:

«Мы говорили долго и много. Рассказали о России, о Кубани; обещали назначить комиссию из членов Корпусного Комитета с участием представителей от партизан, для подробного рассмотрения обвинений и для выяснения финансовых расчетов.

Наконец Шкуро заговорил.

Он вспоминал походы, что проделал с казаками. Яркими мазками он напомнил им историю создания отряда, печали неуспехов и пережитую радость побед.

— Ваши груди украшены эмблемой храбрых{5}. Кто дал вам их? Я. Кто вел вас к чести и славе? Я. Когда вы придете на Кубань, вы не будете прятать ваши награды, а будете с гордостью выпячивать ваши груди, чтобы все видели в вас героев!

Он переходит от патетического пафоса к трагическому шепоту. Восклицал, укорял и взывал…

— Родная Кубань, — говорил он, плача, — возьми меня в свою землю, чтобы не видеть и не испытывать мне больше позора, что я выношу…

Он почти падал в обморок на руки его окружающих. Впечатление было колоссальное. Из обвиняемого он превратился в обвинителя, вырос из маленького войскового старшины, на глазах у всех, во властного вождя, переживающего трагедию. Шкуро увели, и казаки в безмолвии разошлись. Его увели друзья-офицеры, посадили в автомобиль и увезли. Все это видели, и никто не протестовал. Арестованный на глазах у всех стал свободным. Его освободили сила таланта убеждать и молчаливое признание всех…»

Шкуро попытался перейти на службу к британцам — охранять банки, но это не удалось. Отряд по-прежнему подвергался травле со стороны большевиков. Несмотря на весьма тяжелое положение отряда, он все-таки и здесь принял участие в боях.

В июле 1917 г. партизанский отряд Шкуро входил в состав Курдистанского отряда и действовал на Гаранском перевале против курдов, грабивших персидские селения и жгущих посевы. В августе отряд Шкуро (в сентябре он насчитывал 3 конные сотни при 6 пулеметах и 2 конно-горных орудиях), усиленный пехотным батальоном и горной батареей, сражался против турок в районе г. Сенне, прикрывая дорогу Сенне — Хамадан. В начале ноября подразделения отряда дрались против курдов. Следует

подчеркнуть, что сотнями в отряде командовали подъесаулы Г.А. Ассиер и Я.И. Прощенко, трагически погибшие в годы Гражданской войны.

Генерал Баратов в приказе по корпусу от 10 (23) июня 1918 г. отмечал, что «с выдающимся успехом и пользой работал на крайнем правом фланге… и в особенности лихой Кубанский Партизанский отряд войскового старшины Шкуро, который, как и войсковой старшина Бичерахов, восполнял недостаточную численность своего отряда своей доблестью и отвагой. Отряд в 2 сотни заменял целый 6-сотенный полк…»

Во избежание кровопролития Баратов отдал приказ о расформировании отряда (в нем осталось лишь 80 человек) и отправке его на Кубань. Емельянов вспоминал, что он и Баратов «убеждали Шкуро уехать из отряда. Политическое положение на фронте было запутанное. Связь с центром утеряна. Денег не было. Назревала эвакуация корпуса. Хлопот было много, а тут еще возня с отрядом Шкуро. Отряд в Хамадане, около штаба, мешает работать. Казаки требовали, чтобы под командой ближайшего помощника и друга Шкуро — есаула Прощенка их отвели домой на Кубань. Шкуро упирался. Он очень самолюбив и заподозрил интригу:

— Ни за что! Казаков подговорили, их сбили, я знаю их наизусть. Знаю, чем дышит каждый. Не уеду. Через три дня они опять все пойдут за мной.

Нужно сказать, что офицеры отряда все были на стороне Шкуро, да и часть казаков, конечно».

В конце концов казаки вместе со Шкуро выехали на Кубань и с боями добрались до Минеральных Вод, где им в конце февраля 1918 г. пришлось «распылиться», чтобы не быть уничтоженными большевиками. Шкуро отправился в Кисловодск, где был арестован местными большевиками. В конце марта Шкуро перевезли во Владикавказскую тюрьму, откуда он через два месяца, после случайного освобождения, бежал на Кубань{6}.

В середине июня среди казаков-баталпашинцев разнесся слух о появлении Шкуро в Баталпашинском отделе. Он сразу же принялся формировать свой отряд, который в течение весьма короткого времени вырос с 6 до 40 человек. С ним Шкуро совершил ряд лихих набегов на станицы Суворовскую, Бекешевскую и Воровсколесскую. Набеги Шкуро явились искрой, попавшей в бочку с порохом — они вызвали серию уже давно замышлявшихся казаками восстаний, — в станицах Чамлыцкой, Упорной, Бесстрашной, Спокойной и Удобной{7}

12 (25) июня 1918 г. Шкуро с помощью «комиссара» (бывшего станичного атамана) Шамайского занял станицу Суворовскую, где

в его руки попало 800 винтовок и 15 тысяч патронов. Здесь Шкуро объявил мобилизацию казаков четырех призывных возрастов, и к вечеру у него в отряде насчитывалось уже 500 конных казаков.

Отряд Шкуро, в котором вскоре появилось также одно орудие, успешно провел ряд боев под станицей Баталпашинской, а в одну из ночей отважился даже атаковать Кисловодск, вызвав там панику. Он захватил большое количество оружия, снаряжения, денег и, кроме того, вывез из города несколько членов бывшей Императорской фамилии.

24 июня (7 июля) отряд Шкуро (7 тысяч человек, из них 3–4 тысячи вооруженных) принял неравный бой с красными под станицей Воровсколесской. Ночью он почти без потерь вышел из окружения.

Появившись на территории Ставропольской губернии, Шкуро продолжал пополнять свой отряд, встреченный местными крестьянами достаточно спокойно и без опаски, о чем свидетельствует факт передачи Шкуро крестьянами села Бешпагир 500 винтовок с патронами. Село Донское дало в его отряд лошадей и 500 вооруженных бойцов.

8 (21) июля Шкуро хитростью без боя овладел г. Ставрополем и на другой день отправился для представления и доклада о своих действиях к командующему Добровольческой армией генерал-лейтенанту А.И. Деникину. Последний так охарактеризовал тогда Шкуро: «Молодой, нервный, веселый, беспечный, подкупающий своей удалью и бесшабашностью — словом — тип настоящего партизана…» (В дальнейшем характер Гражданской войны несколько повлиял на натуру Шкуро, но, к сожалению, не в лучшую сторону.)

Во время отсутствия Шкуро красные сделали попытку отбить Ставрополь, но он успел прибыть к своим частям, ведущим тяжелый бой, на бронепоезде и с помощью подоспевших добровольцев отбил наступление красных и удержал город еще на месяц.

В это время части отряда Шкуро были развернуты во 2-ю Кубанскую казачью дивизию, начальником которой он был назначен. 30 июля (12 августа) его сменил полковник С.Г. Улагай, а Шкуро стал командовать 2-й бригадой той же дивизии. В начале (середине) августа красным все-таки удалось захватить Ставрополь, и части Шкуро и Улагая были отрезаны от Добрармии на 2,5 месяца.

По приказу Деникина Шкуро с несколькими сотнями казаков Баталпашинского отдела был направлен на Кубань для формирования Кубанской Партизанской отдельной бригады, начальником которой он был назначен 8 (21) августа. Шкуро —

«командующий войсками Добровольческой армии, действующей в Баталпашинском и Пятигорском районах» (со штабом в Кисловодске) — сформировал значительное число казачьих и горских полков и 12 (25) сентября предпринял с ними нападение на Кисловодск, увенчавшееся успехом. В Кисловодске Шкуро сохранил жизнь и свободу почти 3 тысячам больных и раненых красноармейцев, находившихся в больницах и госпиталях. Там он продолжал формирование новых частей, но 25 сентября (8 октября) под давлением превосходящих сил красных с боями (в которых участвовала и местная офицерская рота) отступил от города.

Нам представляется необходимым привести здесь отрывок из статьи донского журналиста Н. Николаева «Генерал А.Г. Шкуро» («Донская волна», № 10 (38), 3 марта 1919 г.), который дает любопытную характеристику как самому Шкуро, так и его казакам:

«…Плохо приходилось комиссарам, которые попадали в руки Шкуро. Но темных и, в сущности, одураченных людей он щадил. Мобилизованный член профсоюза, случайно попавший в красную армию молодой казак, какой-нибудь «комиссар народного образования» из струсивших интеллигентов после встречи со Шкуро уносили воспоминания об оригинальной «банде», которая не расстреляла без суда и опроса свидетелей ни одного человека, голодная и измученная, не взяла насильно у жителей ни одного куска хлеба, ни одной рубахи.

Когда в сентябре прошлого года он взял Кисловодск, в городе было до 3000 раненых и больных красноармейцев, с ужасом ожидавших, что казаки сделают с ними то же, что они делали с захваченными казаками.

— Не тронуть ни одного раненого красноармейца, — отдал приказ Шкуро.

И никакие репрессии, никакие виселицы не произвели бы на население и самих красноармейцев такого впечатления силы и уверенности в себе, какое произвело это великодушие победителя.

В Пятигорске, под влиянием известия о занятии Кисловодска, усилился террор. Шкуро приказал посадить на подводы более здоровых красноармейцев, довезти их до передовых постов и пустить к врагам.

— Пусть там расскажут о «кадетских зверствах», — сказал Шкуро, — быть может, там хоть немного станут щадить невинных людей.

— Я не могу слышать о том, что они делают, — говорил он.

И он производит налеты на Кисловодск, Ессентуки и вывозит

с собой оттуда тысячи человек…

Он идет на войну, а не в карательную экспедицию.

— Иные идут по трупам, а я иду по цветам, — такую фразу приписывает Шкуро молва.

Шкуро — романтик. Он любит бой, любит развернутые знамена, любит «идти в шашки» (много раз лично водил свою Волчью сотню). С боем заняв город, он любит вводить в него свои войска под музыку, под звон колоколов».

После взятия 2 (15) ноября Ставрополя Добрармией Шкуро отправился в г. Екатеринодар на заседание Кубанской Краевой Рады в качестве ее члена, представителя от Баталпашинского отдела. В Раде он произнес пламенную речь о необходимости поддержки Добрармии и генерала Деникина, что еще более подняло его и так высокий у кубанцев авторитет и заставило добровольческое командование пристальнее вглядеться в эту казавшуюся простоватой фигуру «рубаки-партизана».

Карьера Шкуро начинала складываться удачно. Это был его «звездный час».

9 (22) ноября он был назначен начальником Кавказской конной (в ноябре — 1-я Кавказская казачья) дивизии, переименованной из Кубанской Партизанской отдельной бригады. 30 ноября (13 декабря) он за боевые отличия был произведен Деникиным в генерал-майоры. В декабре Шкуро был награжден Радой орденом «Спасение Кубани» 1-й степени. По ходатайству станиц Кардоникской (25 ноября (8 декабря) 1918 г.), Беломечетинской Баталпашинского отдела (8 (21) декабря), Николаевской Лабинского отдела (17 (30) января 1919 г.) и Бекешевской Баталпашинского отдела (8 (21) февраля 1919 г.) Шкуро был утвержден в звании «почетного старика» этих станиц…

Но Гражданская война продолжалась, и в 20-х числах декабря 1918 г. (начале января 1919 г.) Шкуро со своей 1-й Кавказской казачьей дивизией был направлен на ликвидацию прорвавшихся в Баталпашинский отдел красных частей. Шкуро, обогнав дивизию, со своей Волчьей сотней прибыл в станицу Баталпашинскую и почти в самое Рождество разбил авангард красных. Вскоре подошла вся дивизия, отразившая новое наступление большевиков. 5 (18) января в Баталпашинской Шкуро обратился к казакам с призывом вступать в ряды дивизии — откликнулось более 3 тысяч «стариков», взбодривших своим примером молодежь.

К 20 января (2 февраля) 1919 г. дивизия Шкуро сбила противника у Минеральных Вод и подошла к Владикавказу. Здесь она столкнулась с ингушами, оказывавшими белым упорное

сопротивление. Начались серьезные бои с рукопашными схватками — вплоть до кинжалов, принявшие затяжной характер. Тогда Шкуро нанес удар по горным ингушским аулам, и 27 января (9 февраля) делегация ингушей договорилась со Шкуро об отходе ингушских красных частей от Владикавказа. На следующий день вечером в город вошли части Шкуро. Владикавказ пал, и территория, занятая Добровольческой армией, распространилась на весь Северный Кавказ — от Черного до Каспийского моря…

В начале (по новому стилю — в середине) февраля дивизия Шкуро была переброшена на Дон. Здесь он вступил в командование группой войск 1-го армейского корпуса Кавказской Добровольческой армии. С 14 (27) марта по 21 марта (3 апреля) части Шкуро, постоянно маневрируя, обороняли Донбасс.

Однако красные перебросили в Донецкий бассейн новые подкрепления, и они смогли потеснить фронт Кавказской Добровольческой армии. В связи с этим командованием Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР) «коннице генерала Шкуро, взявшей 17-го{8} Дебальцево, была дана задача ударить по тылам западного фронта» (Деникин А.И. Очерки русской смуты. — Т. Н. — Париж, 1926. — С. 76.)

23 марта (5 апреля) в районе Юзовки они прорвали фронт красных и начали рейд по их тылам. Некоторые красноармейские части были разгромлены, и шкуринцы захватили несколько поездов, в одном из которых находилось телефонное имущество, в котором так нуждались белые, и аэропланы. Помимо этих трофеев, было захвачено также и несколько бронепоездов.

3 (17) апреля 1-я Кавказская казачья дивизия группы генерала Шкуро (в тот день исключенной из состава группы генерала В.З. Май-Маевского) под г. Мариуполем атаковала партизанские отряды Н.И. Махно; последние понесли большие потери, как убитыми, так и пленными; в тот же день красные оставили Мариуполь. К 13 (26) апреля в руках Шкуро было сосредоточено командование 1-й Кавказской и 1-й Терской казачьими дивизиями, части которых были, переброшены на север. 19 апреля (2 мая) казаки Шкуро начали рейд по тылам советской 8-й армии, прервали железнодорожную линию Дебальцево — Кодамов и заняли хутор Таврический, станции Петровеньки и Штеровка.

Красные, воспользовавшись ослаблением белого фронта у Каменской (на Луганском направлении), продвинулись вперед, но, как отмечал генерал А.И. Деникин, «переброшенные туда вновь корпуса Калинина и Шкуро, совместно с другими левофланговыми частями Донской армии, в двадцатых числах

апреля с большим уроном обратили противника за р. Белую» (Деникин А.И., Очерки русской смуты, Т. 5. — С. 77.)

13 (26) мая Шкуро, произведенный к тому времени в генерал-лейтенанты, был назначен командиром 3-го конного корпуса, в который вошли 1-я Кавказская и 1-я Терская казачьи дивизии. Однако в это время он находился в служебной командировке в Екатеринодаре, и во временное командование корпусом вступил генерал от артиллерии В.А. Ирманов.

По свидетельству генерала П.Н. Врангеля, 7 (20) мая Деникин поздравил генерал-майора П.Н. Шатилова с производством в генерал-лейтенанты и объявил о назначении его командиром 3-го конного корпуса (в него вошли 1-я Конная и Сводно-Горская конная дивизии). Однако через несколько дней 1-я Кавказская (генерала Шкуро) и 1-я Терская казачьи дивизии были сведены в конный корпус, ставший 3-м, корпус генерала Шатилова был переименован в 4-й конный, а 1-й, 2-й и 3-й конные корпуса получили наименование Кубанских.

Части корпуса Шкуро вновь прорвали фронт красных в районе станций Очертино — Гришино, захватив несколько орудий и штаб 9-й стрелковой дивизии 13-й армии Южного фронта, а вскоре началось общее наступление Вооруженных сил на Юге России на север, по направлению к Москве.

Шкуро возвратился из командировки 6 (19) июня, но уже 9 (22) июня он, по приказу Деникина, вступил в командование войсками вновь созданного Западного фронта Добровольческой армии{9}. На следующий день генерал Ирманов «до особого распоряжения» вновь вступил во временное командование 3-й конным корпусом…

Следует отметить, что 1 (14) июня в Харькове было опубликовано письмо начальника штаба Шкуро, Генерального штаба полковника Шифнер-Маркевича, к Н.И. Махно. В нем, в частности, говорилось: «Будучи, как и вы, простым человеком, я всегда с восторгом следил за вашим быстрым возвышением, рекомендующим вас как незаурядного русского самородка. К сожалению, вы пошли по ложному пути, но теперь я с радостью узнал, что вы одумались и вместе с доблестным атаманом Григорьевым объявили лозунг «Бей жидов, коммунистов, комиссаров и работников чрезвычайки». С принятием вами этих лозунгов нам не из-за чего воевать. Генерал Шкуро предлагает Вам войти в переговоры, гарантируя вас и ваших уполномоченных от всяких репрессий» (Правда. — 1919. — 18 июня {10}. - № 130. — С. 2).

После несанкционированного Деникиным занятия Екатеринослава 16 (29) июня кубанскими казаками 1-й

Кавказской казачьей дивизии состоялся торжественный въезд в город генерала Шкуро. Вот как описывает встречу очевидец З. Арбатов: «Увидев молодого генерала, идущего впереди бесконечной ленты конных войск, толпа забыла печаль прошлой ночи…

Прилив твердой веры и новые надежды охватили исстрадавшихся людей.

Генерала забрасывали цветами; молодые и старые женщины, крестясь и плача, целовали стремена принесшего освобождение генерала.

И впервые после трехнедельного молчания зазвонили церковные колокола…

Шкуро, устало покачиваясь в седле, смущенно улыбался: к его простому, загорелому лицу как-то не шли ярко-красные генеральские лацканы{11}, и еще вчера никому не известная фамилия Шкуро сегодня стала ореолом освобождения и надеждой на восстановление Родины…»

Командующий Добровольческой армией генерал-лейтенант В.З. Май-Маевский 19 июня (2 июля) отправил Шкуро телеграмму следующего содержания: «Действия частей вверенного Вам корпуса дают яркий образец высокой воинской доблести, в которой Вы воспитали славных кубанцев и терцев. Поручая Вам командование Западным фронтом армии, я не сомневался, что вновь подчиненные Вам части окажутся достойными своего вождя, и они подтвердили это блестящими делами по овладении Екатеринославом, Александровском и Мелитополем. От души благодарю Вас за прекрасное командование и блестящее руководство ответственными операциями и прошу передать вверенным Вам войскам мое преклонение перед их подвигами…»

Летом 1919 г. популярность Шкуро достигла апогея; в Ростове-на-Дону вышли две апокрифические книжки, описывавшие его биографию и боевую службу: П. Абрамова «Генерал А.Г. Шкуро» и Н.Т. Добровольского (Н. Туземцева) «Генерал-партизан А.Г. Шкуро». Название «Генерал Шкуро» носили бронепоезд и один из танков, поставлявшихся Великобританией в войска Деникина.

Тогда же и были написаны несколько песен, посвященных А.Г. Шкуро; из них нам пока полностью известны тексты лишь двух из них.

Первая из них — «Песня о славном Кубанском партизане» — посвящена лично генерал-майору А. Г. Шкуро и написана, по-видимому, весной 1919 г. Автор ее неизвестен, исполнялась на мотив песни периода русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «Грянем славу трубой».

По Кавказу, по Кубани
Слышен грозный крик «Ура!».
Разразился над врагами
Генерал-герой Шкура.

Припев:
Грянем славу трубой,
Славный наш Шкура-герой,
Мы с твоим лихим отрядом
Скоро будем под Москвой.

Раньше с маленьким отрядом,
Чуть не в десять человек,
Смерть он нес, как тучи с градом —
Не забыть того вовек…

Припев.

Ночью темною, бывало,
На станицу налетит
И атакою удалой
Бунт нелепый укротит.

Припев.

И не раз с отрядом малым
Города он в руки брал,
Этот грозный и удалый
Славный Шкуро-генерал.

Припев.

Тихо стало на Кубани,
Покорен уже Кавказ,
Но мы знали и заране,
Что не, скоро мира час.

Припев.

Златоглавую столицу
Раньше нужно отстоять,
А тогда уж и в станице
Можно мирно поживать.

Припев.

Шкуро на Дон появился
В помощь брату своему,
Вновь на бой он снарядился,
Прокричим «Ура!» ему…

Припев.

Только вечер — партизаны
Волчьей сотни — «Марш вперед!».
Тихо крадутся кустами,
А впереди Шкура идет.

Припев,

Кто попался — не сорвется,
Головы уж не снесет:
Под ударом вмиг свернется,
Душу сразу отдает.

Припев,

И над Доном слышна слава:
Генерал пришел Шкура,
Рубит влево,
рубит вправо,
И кричат ему: «Ура!»

Припев.

Вторая песня под названием «Походный марш» написана летом — в начале осени 1919 г. Г.А. Морозовым и посвящена Волчьей сотне А.Г. Шкуро. Куплеты ее исполнялись на два различных мотива: 1-й, для запевалы, на мотив «Стеньки Разина», 2-й, для хора, на мотив «Варяга», и так далее:

То не ветер в поле веет,
Не дубравушка шумит —
Волчья сотня Шкуро едет,
Мать-земля под ней дрожит.
Трубите же, «волки», свой клич боевой,

Вся сотня в поход выступает,

Всегда впереди на коне наш герой,
Душа его страха не знает.
То не гром на небе ясном,

То не молния блестит —
В огневом бою опасном
От Шкуро приказ летит:
«Вперед же, герои, вперед все за мной!

День правды святой наступает;
Пробил для насильников час роковой,
Плеть наша по гадам гуляет».
То не месяц светит ясный,

То не звездочка блестит, —
То народный стон ужасный
Грудь казацкую щемит.
Гей вы, казаки, за правду борцы!

Пощады врагу не давайте,
Скорей же спешите в Москву, удальцы,
Живьем комиссаров поймайте.
То не сокол-кречет ясный

По поднебесью летит, —
То Шкуро, всем красным страшный,
«Волкам» слово говорит:
«Покончивши дело победой, бойцы,

Вы честью его закрепите:
Корнилова знамя, «волки»-удальцы,
На стенах Кремля водрузите!»

Вернувшись из отпуска, проведенного на Кубани, Шкуро вновь возглавил 3-й конный корпус, к тому времени переброшенный с Украины в район Белгорода. Как раз в это время 4-й Донской корпус генерала К.К. Мамонтова совершал свой столь знаменитый рейд по тылам красных, и Шкуро приложил много усилий, чтобы вместе с Мамонтовым ворваться в Москву. Но Главное командование ВСЮР не согласилось на эту авантюру, прекрасно понимая, что силами двух конных корпусов Москвы не взять.

Шкуро получил приказ совершить рейд по тылам красных

войск, противостоящих Донской армии. Шкуро прекрасно справился с этой задачей, и в развитие ее ему было приказано взять Воронеж. Во время рейда туда Шкуро нанес поражение ряду частей и соединений Красной Армии, что и было отмечено в телеграмме на его имя генералом Май-Маевским: «От лица нашего общего дела прошу Вас принять мою сердечную благодарность за блестяще выполненную операцию по ликвидации ударной группы красных, что положило основание нашему успеху на Курском направлении. Доблестным кубанцам и терцам мой низкий поклон».

17 (30) сентября корпус Шкуро после ожесточенного боя захватил Воронеж. Май-Маевский немедленно откликнулся телеграммой: «Срочно. Генералу Шкуро. Поздравляю Вас и славные части Вашего корпуса с новой блестящей победой и взятием Воронежа. Считаю своим долгом отметить неизменно доблестную работу Вашего корпуса, неоднократно выводившего армию из тяжелого положения. Благодарю Вас за блестящее руководство войсками корпуса, а Ваших орлов за неутомимость, исключительную доблесть».

Вскоре к Воронежу подошел 4-й Донской корпус генерала Мамонтова и 19 сентября (2 октября) соединился с корпусом Шкуро. Через некоторое время Мамонтов уехал в Новочеркасск на заседания войскового круга Всевеликого войска Донского{12}, и общее командование конной группой из 3-го конного и 4-го Донского корпусов принял генерал Шкуро, поручивший командование 3-м корпусом генералу Ирманову, а 4-м — генералу Толкушкину. В конце сентября Шкуро был вызван на совещание в Харьков, где получил задание любой ценой удержать Воронеж.

В город Шкуро вернулся 2 (15) октября, когда красные уже начали Воронежско-Касторненскую операцию, являвшуюся частью осеннего контрнаступления Южного фронта. Против 3-го конного и 4-го Донского корпусов, а также нескольких пехотных частей, приданных им (всего у белых насчитывалось, по данным противника, около 9 тысяч сабель и 800 штыков), к 30 сентября (13 октября) красные сосредоточили ударную группировку из 42-й стрелковой дивизии и 13-й кавалерийской бригады 13-й армии, 4-й и 6-й кавалерийских дивизий конного (с 17 (30) октября 1-го конного) корпуса СМ. Буденного с подчиненными ему конной группой Филиппова и 56-й кавалерийской бригадой, 12-й стрелковой дивизии 8-й армии, в своем составе имевшей 12 тысяч штыков, около 8,5 тысячи сабель, 94 орудия и 351 пулемет.

30 сентября (13 октября) начались ожесточенные бои, продолжавшиеся с переменным успехом до 11 (24) октября, когда

части Шкуро, теснимые численно превосходящими их красными, после непродолжительного боя оставили Воронеж.

Потерпевшие поражение под Воронежем, части 3-го косного корпуса с приданной ему пехотой постепенно отступили, ведя постоянные тяжелые арьергардные бои, на Касторное, где были усилены подкреплениями, как снятыми с фронта, так и пришедшими из тыла. Численность красных также возросла, и к 26 октября (8 ноября) они, отразив попытку контрнаступления Шкуро, перешли в наступление на Касторное с севера, востока и юга. После тяжелых, продолжавшихся неделю боев, воспользовавшись сильной метелью, красные нанесли решительный удар и в результате почти суточного непрерывного сражения 2 (15 ноября) овладели Касторным.

В тот же день Шкуро, морально надломленный поражением, был сменен на своем посту генерал-майором В.Г. Науменко и уехал в Харьков, откуда отбыл в Таганрог в штаб Главкома ВСЮР для доклада о положении на фронте.

На этом обрываются «Записки белого партизана» А.Г. Шкуро. Далее мы в самых общих чертах расскажем о последнем этапе его участия в Гражданской войне в России.

28 октября (10 ноября) приказом Главкома ВСЮР генерала Деникина за № 2633 было объявлено о награждении Шкуро английским королем «кавалером наиболее почетного ордена Бани» (РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1714. Л. 21), но лишь в Таганроге начальнику британской военной миссии генералу Хоулмэну{13} представилась возможность вручить этот орден Андрею Григорьевичу.

В связи с тяжелой обстановкой, сложившейся на Кубани, и как следствие этого все возрастающим дезертирством из кубанских фронтовых частей в конце декабря 1919 г. по приказу Деникина Шкуро, известный своими «всюровскими» симпатиями, отправился на Кубань, где объявил казачий сполох и предпринял ряд попыток восстановить моральный дух кубанских казаков. Одновременно он, по-видимому, не без ведома генерала Деникина вел агитацию против Врангеля (отношения их начали обостряться после поражения ВСЮР и антиденикинской пропаганды последнего), распространяя слухи о якобы готовящемся Врангелем перевороте с целью провозглашения в России монархии и обращения за помощью к Германии. Узнавший об этом Врангель вызвал Шкуро к себе и имел с ним весьма серьезный разговор, во время которого Андрей Григорьевич сделал все, чтобы загладить конфликт. Однако отношения с Врангелем были безнадежно испорчены, и в самом непродолжительном времени Шкуро в этом убедился…

Врангель попытался втянуть Шкуро в интригу, направленную против Главкома ВСЮР генерала А. И. Деникина. Вот как излагал эту историю сам Андрей Григорьевич:

«Мой поезд остановился напротив поезда генерала Врангеля. Прошло несколько минут, как адъютант мне доложил, что меня желает видеть генерал Шатилов. Я приказал просить. С генералом Шатиловым я был давно знаком, но за время Гражданской войны нам как-то не приходилось встречаться. После взаимных приветствий генерал Шатилов заговорил о моих отношениях с генералом Врангелем. Сказал, что все недоумения, которые произошли между нами, вызваны исключительно тем, что генерал Врангель был неправильно информирован о моей работе и деятельности, что теперь ввиду тяжелого положения на фронте и общей опасности нам всем надо объединиться для спасения общего дела, а затем просил, чтобы зашел к генералу Врангелю. Не задумываясь, я ответил полным согласием и выразил готовность явиться к генералу Врангелю немедленно.

Спустя немного времени я пошел к генералу Врангелю. Будучи приглашен в салон, я там застал генералов Науменко и Шатилова. Генерал Врангель очень любезно принял меня, наговорил массу любезностей и просил помочь ему в той тяжелой работе, которую он на себя принял. Вскоре зашел только что прибывший с фронта генерал Улагай, но он был совершенно болен и сейчас же ушел. В тот же день он свалился от тифа и долго проболел. Когда ушел и генерал Науменко, то генерал Врангель начал расспрашивать о настроениях казачества на местах, о степени популярности генерала Деникина среди казачества и офицерства и вскользь несколько раз бросил мысль, что Главное Командование совершенно не понимает обстановки и всех нас ведет к гибели и что против этого надо бороться и искать какой-либо выход. Так как время было близко к Рождеству, то, помню, генерал Врангель сказал, что он хочет ехать на два-три дня в Кисловодск немножко отдохнуть, а также чтобы повидаться с Терским атаманом и генералом Эрдели. Собираясь также выехать в Кисловодск, где была моя семья, я предложил генералу Врангелю и генералу Шатилову с супругами встретить у меня сочельник. Генералы очень любезно согласились.

Мы соединили наши поезда, и 23-го декабря мы все вместе выехали. По дороге я долго беседовал с генералом Врангелем, который настойчиво доказывал мне, что вся общественность и армия в лице ее старших представителей совершенно изверилась в генерале Деникине, считая его командование пагубным для дела и присутствие генерала Романовского на посту начальника штаба даже преступным; что необходимо заставить во что бы то

ни стало генерала Деникина сдать командование другому лицу и что с этим вполне согласны и что он уже переговорил об этом лично с Донским и Кубанским атаманами, с председателями их правительств, а также с командующим Донской армией генералом Сидориным и его начальником штаба генералом Кельчевским, с кубанскими генералами Покровским, Улагаем и Науменко, с видными членами Кубанской Рады и Донского круга, со многими чинами Ставки и представителями общественности и что все вполне разделяют его, Врангеля, точку зрения, и что теперь остановка только за мной и за Терским атаманом, а тогда в случае нашего согласия мы должны предъявить генералу Деникину ультимативное требование уйти, а в случае нужды не останавливаться ни перед чем.

Я ответил, что я пока не могу дать своего согласия, что это слишком рискованный шаг, который может вызвать крушение всего фронта.

Затем я ушел, условившись вечером в сочельник встретиться у меня на даче в Кисловодске. 24 декабря, утром, подъезжая к Пятигорску, я приказал отцепить свой вагон, а сам тотчас же проехал к Терскому атаману генералу Вдовенко. Генерал Врангель также до вечера оставался в Пятигорске. Рассказав ему (генералу Вдовенко) все подробно, я спросил, как он думает поступить. На это атаман ответил: «Думаю, что-то не так, тут чувствуется какая-то провокация. Во всяком случае, полагаю, что подобная генеральская революция преступна и нас всех погубит. Этого допускать нельзя, и я сейчас же экстренным поездом отправлю председателя Круга Губарева к Донскому атаману и к Главнокомандующему. К вечеру мы все будем знать точно всю обстановку. Ты же никаким образом не соглашайся на ту роль, которая тебе подготавливается. А если придется действовать энергично, я тебе помогу». Немедленно после этого я поехал в Кисловодск.

Генерал Врангель оставался еще несколько часов в Пятигорске. Вечером, часам к 8, приехал в Кисловодск генерал Врангель, которого я встретил на вокзале с почетным караулом, а оттуда поехали ко мне генералы Врангель и Шатилов с супругами. За обедом все обменялись очень любезными тостами, но никаких серьезных разговоров не поднимали. Вскоре пришел генерал Эрдели. Тотчас же генерал Врангель и генерал Эрдели уединились в соседнюю комнату и о чем-то долго и горячо говорили. Затем все ушли, а утром совершенно неожиданно генерал Врангель потребовал паровоз и выехал. Мы условились, что по приезде в Екатеринодар, через два дня, мы снова обо всем переговорим» (Цит. по: Деникин А.И. Очерки русской смуты. — Т.

V. — Берлин, 1926. — С. 288–290).

П.Н. Врангель, по-видимому, догадался, что генерал Шкуро успел раньше его поговорить с Терским Войсковым атаманом Г.А. Вдовенко и уже соответствующим образом настроить последнего. Этим и объясняются первые слова Врангеля, сказанные генералу А.И. Деникину во время их встречи в Тихорецкой 27 декабря 1919 г. (9 января 1920 г.), — в них явно сквозит желание П.Н. Врангеля скрыть свою оппозиционность Главнокомандующему и затушевать правду: «Ваше превосходительство, Науменко и Шкуро предатели. Они уверили меня, что я сохранил популярность на Кубани, а теперь говорят, что имя мое среди казачества одиозно и что мне нельзя стать во главе казачьей конной армии…» (Деникин А.И. Очерки русской смуты. — Т. V. — С. 291).

Поведение Андрея Григорьевича в этой недостойной генерала П.Н. Врангеля попытке сместить А.И. Деникина со своего поста лишний раз подтверждает порядочность Шкуро, его верность своему воинскому долгу и чести офицера — и все это несмотря на то, что он уже был не у дел и как бы в опале.

В декабре 1919 г. Главному командованию ВСЮР стало ясно, что для удержания кубанских казаков на фронте необходимо создать Кубанскую армию, и 31 декабря 1919 г. (13 января 1920 г.) было начато ее формирование. В основном в ее состав должны были поступать кадры кубанских частей бывшей Кавказской армии и мобилизованные кубанские казаки. Еще 29 декабря 1919 г. (11 января 1920 г.) ее командующим был назначен генерал Шкуро.

К 5 (18) января 1920 г. боевой состав частей Кубанского казачьего войска состоял из 2,5 тысячи сабель, 6 тысяч штыков и 36 орудий. В январе же на фронт посылались пополнения, вошедшие вместе с оставшимися там частями в 1-й Кубанский корпус генерала Крыжановского; к концу месяца на Кубани закончил реорганизацию и выступил на Манычский фронт 2-й Кубанский корпус (2-я и 4-я Кубанские казачьи дивизии; командир — генерал Науменко), продолжал реорганизовываться 3-й Кубанский корпус.

После ряда мощных ударов Красной Армии, которым подверглись еще не полностью сформированные и реорганизованные части и соединения Кубанской армии (в частности, 1-м конным корпусом Буденного был полностью разгромлен 1-й Кубанский корпус и убит в бою его командир), остатки ее к 10 (23) февраля составляли три группы, располагавшиеся в районе Тихорецкой (600 чел.) и Кавказской (700 чел.), а также на подступах к Ставрополю (небольшой отряд

генерала Н. Бабиева).

Как и следовало ожидать, результатом такого положения Кубанской армии было назначение 14 (27) февраля 1920 г. ее командующего генерала Шкуро в распоряжение Главкома ВСЮР. Вместо него командующим стал генерал-лейтенант С.Г. Улагай. В марте Шкуро вновь получил строевую должность — он был назначен командующим группой войск Сочинского направления (затем — Кавказского побережья), в которую вошли остатки Кубанской армии, сведенные в Сводно-Кубанский корпус под командованием генерал-майора Морозова, и 4-й Донской отдельный конный корпус генерал-лейтенанта Старикова. Здесь последний раз в Гражданской войне Шкуро водил в атаки своих казаков, не сумевших эвакуироваться вместе с остатками ВСЮР из Новороссийска и вынужденных отступать вдоль Черного моря к границе Грузинской республики. Однако в районе Сочи их путь к отступлению был прегражден красными частями. После трехнедельных колебаний — сдаваться или не сдаваться красным (Врангель специально прислал из Крыма достаточное количество судов для эвакуации всего личного состава войск), несмотря на все убеждения их генералами Шкуро, Улагаем и Науменко, будучи преданными своим Войсковым атаманом генерал-майором Букретовым и председателем Кубанского правительства Иванисом, в последний момент «эвакуировавшимися» в Грузию, около 60 тысяч кубанских и донских казаков 2 (15) мая капитулировали и сдались красным{14}. В этот день Шкуро, находившийся на британском линкоре «Айрон Дьюк», предпринял еще одну попытку обратиться к казакам, и после его увещеваний на корабли погрузилось еще до 3 тысяч казаков — последних, кто ушел в Крым продолжать неравную борьбу с большевиками{15}.

По прибытии в Крым Шкуро не получил никакой должности в Русской армии Врангеля и эмигрировал за границу — во Францию, где поселился в Париже вместе со своей женой… Здесь он создал труппу из казаков-джигитов — всего вместе с хозяйственными чинами 250 человек, в том числе 80 наездников, 40 человек хора трубачей, 100 человек хора песенников и 20 танцоров.

В мае 1925 г. в Париже на стадионе Буффало состоялся казачий парад. Вот как описывает его очевидец, полковник Ф. И, Елисеев:

«Духовой оркестр в 60 казаков вздымал душу всех бравурными русскими маршами…

Тряс землю щегольскою маршировкою и наполнял воинственными казачьими напевами широкое воздушное пространство над стадионом величественный хор в 100 человек…

Своею хищною, скользящею походкою, лаская глаз врожденной красотою и простотою, элегантностью костюмов, невольно привлекали зрителя два десятка танцоров — горцев, затянутых, суровых видом…

Но главное — под взорами десятков тысяч горячо влюбленных глаз — в косматых шапках, словно демоны на гарцующих конях — затаенно, молча проходили они, на ком был «гвоздь» всего — джигиты…

Их 60 шло следом в общем, гипнотизирующем своею красотою, казачьем параде на стадионе Buffalo, в Париже. А впереди всего казачьего ансамбля, как и на полях сражений, — сам Шкуро, овеянный легендами…»

После триумфальных выступлений в Париже состоялось полуторагодичное турне по странам Европы, в том числе в Великобританию. Однако получить постоянный источник средств к существованию не удавалось. Какое-то время Шкуро оставался в Париже, пытаясь «удержаться на поверхности», а в декабре 1931 г. приехал в Белград для оформления документов на пребывание в Югославии.

Тогда же в журнале «Кубанский казак» (№ 12 (102), декабрь 1931 г., с. 9) было опубликовано письмо Шкуро к кубанским казакам-эмигрантам «Родина ждет нашей помощи», написанное 6 декабря. По-видимому, оно было вызвано доходившими за границу сведениями о коллективизации, массовых репрессиях и голоде. Это не только волновало эмиграцию, но и вселило в нее надежды на восстание против советской власти в России.

В своем письме Шкуро призывал казаков объединиться и сплотиться вокруг Кубанского Войскового атамана генерал-майора В.Г. Науменко, оставить споры и дрязги, свары и политиканство. Шкуро писал: «…будьте готовы по-настоящему, честно, по-казачьи, первыми пойти на зов Войскового атамана туда, куда вас призывают честь и доблесть казачьи и святой долг перед родным Войском. Подготовка ведется, и окончательный расчет с красными палачами приближается. Родина ждет нашей помощи, и мы все должны ее дать».

Однако восстания против Советов в СССР не приобрели желаемого размаха, и жизнь эмиграции продолжалась своим чередом.

Шкуро, однако, удалось развернуть свое небольшое «дело» — в конце 1933 — начале 1934 гг. около Белграда строилась новая железная дорога, которая должна была соединить старую и новую Сербию. На главном участке работали кубанские, терские, астраханские казаки во главе со Шкуро, заведовавшим работами…

В июне 1935 г. состоялись мероприятия, проводившиеся при поклонении кубанцев на могиле югославского короля Александра I в г. Опленце. На них присутствовал и генерал Шкуро, прибывший из Приштины.

После начала в 1936 г. Гражданской войны в Испании, которую руководство Русского Общевоинского Союза (РОВС) считало продолжением Гражданской войны в России и призывало всех бывших белогвардейцев отправиться в Испанию и принять участие в борьбе против коммунизма, Шкуро активно пытался договориться с генералом Франко о широком поступлении в войска последнего русских добровольцев. Но Франко отклонил это предложение…

В марте 1938 г. А.Г. Шкуро встретился в Белграде с АА Вонсяцким, председателем Всероссийской национал-революционной партии (ВНРП) в США, и пригласил его на банкет с участием 150 казаков-ветеранов Гражданской войны, где последний выступил с речью. Она была встречена бурными аплодисментами, и Вонсяцкого приняли в почетные кубанские казаки (Стефан Д. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. — М., 1992. — С. 291).

К началу Второй мировой войны Шкуро по-прежнему жил в Югославии и надеялся, что Германия все-таки нападет на СССР, разгромит РККА и с большевизмом в России будет покончено.

С началом советско-германской войны 1941–1945 гг. Шкуро активно поддержал стремление казаков включиться в борьбу против советской власти на стороне Третьего рейха. Однако по распоряжению Гитлера большинству русских эмигрантов поначалу было запрещено служить в германской армии, и свою деятельность в Русском освободительном движении (РОД) Шкуро смог начать лишь в 1944 г.

После долгожданного дня 22 июня 1941 г. поляризация внутри эмиграции по отношению к СССР и гитлеровской Германии стала очевидной. В Югославии образовалось два лагеря; в антигерманский входили представители русской интеллигенции, большая часть русского эмигрантского студенчества и несколько крупных организаций: Югославский отдел РОВСа (во главе с его начальником генерал-лейтенантом И.Г. Барбовичем), «Младороссы» (во главе с И.И. Толстым), «Крестьянская Россия» Маслова и другие. Прогерманский лагерь составляли: «Монархическое объединение» (глава — бывший вице-губернатор П. Скержинский), «Русский национальный союз участников войны» (возглавлялся генерал-майором А.В. Туркулом и П. Багратионом), Русский корпус (формировался генерал-майором М.Ф. Скородумовым), так называемые «штабс-капитаны»

(во главе с известным писателем Б.Л. Солоневичем и его братом) и «Русское национал-социалистическое движение» (председатель — Скалой, фактический руководитель — Меллер-Закомельский).

Шкуро вместе с атаманом Донского казачьего войска генерал-лейтенантом Г.В. Татаркиным, кубанским атаманом генерал-майором В.Г. Науменко, донскими генералами Ф.Ф. Абрамовым и Е.И. Балабиным, «добровольческим» генералом В.В. Крейтером и многими другими бывшими белыми и казачьими генералами и офицерами поддержал начавшееся организовываться в 1943–1944 гг. Русское освободительное движение во главе с бывшим советским генералом А.А. Власовым, и стали создаваться казачьи формирования в составе вермахта, Шкуро сразу же активно включился в «работу». Летом 1944 г. Шкуро с группой офицеров ездил в концлагеря для советских военнопленных, расположенные в Норвегии, для вербовки добровольцев в казачьи части. Офицер Русской освободительной армии (РОА) Л.А. Самутин, оставивший любопытные воспоминания, рассказывал в них о своей встрече со Шкуро, остановившимся проездом в датском г. Ольборге в отеле «Ритц». Он был приглашен Шкуро «на стакан чаю» и так описал эту встречу: «…Действительно, лицо {16} было разрублено наискось от левого края лба через нос, правую щеку и вниз почти до шеи. Страшный удар! Но видимо, здоров был в молодости атаман! Выдержал такое ранение. В общем же он поразил меня примитивизмом профессионального рубаки и отчаянного выпивохи. Датский «Аквавит» — тминную сорокаградусную — он глушил как лимонад, не пьянея нисколько, только краснел и распалялся. Темами его речей были вино, женщины и рубка. Ни военные дела, ни политика его, казалось, совершенно не интересовали» (Самутин Л.А. Не сотвори кумира // Военно-исторический журнал. — 1990. — № 11.-С. 68).

К сожалению, проверить это свидетельство не представляется возможным, так что оставим его на совести очевидца…

Как писал генерал В.Г. Науменко, «знаю генерала Шкуро как партизана лично храброго и умевшего увлечь за собой казаков. Но в силу бесшабашного своего характера, а самое главное — не имея ни знаний, ни соответствующей подготовки, он совершенно не был знаком с ведением {17} войны крупными войсковыми соединениями» (Науменко В.Г. Великое предательство. — СПб., 2003. — С. 351.)

В начале февраля 1944 г. А.Г. Шкуро вместе с атаманами — Донским генерал-лейтенантом Г.В. Татаркиным и Астраханским генералом Н.В. Ляховым — посетил 1-ю казачью кавалерийскую дивизию генерал-лейтенанта Х. фон Паннвица в Хорватии. Все трое в то время не занимали никакой воинской должности и не

имели отношения к казачьим частям германской армии, и поездка была организована по инициативе Главного управления казачьих войск в пропагандистских целях. В качестве наблюдателя в дивизию прибыл начальник Казачьего управления (создано в декабре 1942 г.) при Министерстве по делам оккупированных восточных территорий доктор Н.А. Гимпель. Хорунжий К.С. Черкассов, бывший офицер для особых поручений генерал-майора И.Н. Кононова, вспоминал об этом так:

«Утром 2 февраля в 5-й Донской полк прибыли гости. Их сопровождали командир 2-й бригады 1-й казачьей дивизии подполковник Шульц и другие немецкие казачьи офицеры, а также и доктор Гимпель. Командир полка с командирами дивизионов встретил гостей. /…/

Кубанский генерал Шкуро, невысокого роста, стройный, живой и поворотливый, с типично славянским лицом, говорил с темпераментом, живо и резко, сопровождая свою речь энергичной жестикуляцией. На его лице сурово сходятся брови, но через несколько секунд оно расплывается в веселой, с хитрецой, улыбке. Он бесконечно шутит и острит. За столом, после пары стаканов вина, он уже и Кононову, и всем кононовским офицерам говорит «ты» и всех называет не иначе как «сынками». По его виду и поведению видно, что он нисколько не чувствует себя эмигрантом без должностей и положения, а чувствует себя уверенно, как прежде на поле боя, казачьим вождем-батькой и никак не по-другому.

Молодые кононовские офицеры с явной симпатией смотрят на генерала Шкуро и грохоют со смеху при его шутках. /…/

В тот же день выстроенный 5-й Донской полк познакомился с почетными гостями и выслушал их приветственные речи и призывы к бескомпромиссной борьбе с коммунизмом. Больше всех казакам понравился генерал Шкуро. Он задорно и весело и как-то особенно дружелюбно говорил с казаками, пересыпая свою речь шутками и остротами.

Генерал Шкуро самолично вручал некоторым казакам боевые ордена и особенно торжественно приколол медаль за отвагу воспитаннику нашего полка сербскому мальчику Андрею.

Возвращаясь после построения по домам, казаки постарше, воевавшие в Гражданскую войну 1918–1920 гг. в рядах Красной армии, рассказывали, что в те времена генерал Шкуро был для них самым страшным противником, что он был очень способным полководцем и лихим рубакой, что его «волчьи» сотни прорывались в тыл красных и наводили там страшную панику.

На другой день офицеры 5-го полка стали задавать гостям вопросы о роли казачества в царской России и Белом движении и

какие цели преследовала идея последнего. Шкуро спросили о том, стоит ли казакам «продолжать бороться за то же, за что боролась Белая армия, или же нам нужно бороться за что-то новое? и была ли Белая борьба народной? была ли у нее какая-то идея, идея, отвечающая народным чаяниям?» Шкуро ответил, что цели первых белых вождей были подлинно народные. Но после их смерти во главе белых оказались люди, не сумевшие привлечь в их ряды народные массы. Тыл заполнили спекулянты, воры, пьяницы, они «скомпрометировали святую Белую идею». Далее он сказал о том, что вести ныне «борьбу против большевиков под знаком Белого движения равносильно самоубийству» и что эту борьбу «нужно вести под новыми лозунгами, которые должны соответствовать интересам порабощенных большевиками народных масс России». В заключение он заявил, что ему лично для себя ничего не нужно, а в борьбе против Сталина нужны возглавители из советской среды типа генерала Власова или полковника Кононова, так как имя любого белого генерала будет немедленно использовано большевиками для пропаганды в свою пользу.

Шкуро призвал казаков искать себе соратников «среди храбрых русских воинов Белой армии, среди белых орлов». Шкуро, наполнив стаканы, стал подносить их нам, обнимая и целуя каждого из нас. Когда же заиграли лезгинку… генерал Шкуро, не выдержав, подоткнул полы черкески и плавно, мелко перебирая ногами, подошел мне навстречу. Когда темп участился, он все еще пробовал делать какие-то резкие движения, но вскоре, запыхавшись, под общий веселый смех и гик, обессиленный, упал на руки казакам, подхватившим его на лету. «Загнали, бисовы диты, батьку Шкуро!» — говорил он, жалуясь на быстрый темп музыкантов» (Черкассов К.С. Генерал Кононов (Ответ перед историей за одну попытку). — Т. 2. — Мюнхен, 1965. — С. 35–36, 39–42, 51, 56).

2 апреля того же года Шкуро вновь посетил 5-й Донской полк 1-й казачьей кавдивизии. «…в теплый весенний день по случаю дня рождения Кононова в нашем полку состоялись торжества. / …/

Самым почетным и дорогим гостем у Кононова в этот день был приехавший из Германии по случаю торжества генерал Шкуро.

Последний, в дорогой, расшитой серебром черкеске и приподнятом веселом настроении, командовал «парадом».

Каждая чарка выпивалась только по его команде. Он, как всегда и везде, чувствовал себя хозяином и невольно заставлял всех себе повиноваться.

В самом разгаре веселья Шкуро сказал речь по поводу дня рождения И.Н. Кононова, в которой он подчеркнул, что, несмотря на террор, коммунистам не удалось уничтожить казачество.

«Иван Никитич, подойди-ка сюда, пожалуйста», — позвал генерал Шкуро Кононова. Тот подошел и стал «смирно».

«Цией плетью мий батько меня по ж… стягав, — сказал Шкуро по-украински, показывая всем кавказскую плеть дорогой кавказской работы, с позолоченным черенком. — А теперь я ее дарю, как родному сыну, И.Н. Кононову. Бери плеть, казак! У тебя моя закваска. Ты достоин этого подарка».

Один из адъютантов Шкуро подал ему круглый картон, и он, вынув из него донскую фуражку… надел ее на Кононова. Казаки подбежали, подхватили генерала Шкуро и Кононова на руки и начали качать.

«Що вы робитэ, бисовы диты?!» — упираясь и смеясь, говорил подбрасываемый высоко в воздух генерал Шкуро.

Вечером того же дня Шкуро рассказал Кононову о своей встрече с генералом Власовым и его окружением. Он пообещал приложить все усилия, дабы настроить доброжелательно П.Н. Краснова по отношению к Власову. Также он говорил о том, что в казачьих частях не должно быть немецких командиров. После этого Шкуро отбыл в Германию к П.Н. Краснову, а затем в Толмеццо, к Т.И. Доманову» (Черкассов К.С. Указ. соч. — Т. 2. — С. 68–72.).

В 1944 г. в Берлине состоялась встреча Шкуро и Власова, во время которой они обсуждали возможность передачи 15-го Казачьего кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Х. фон Паннвица под командование Власова, как только гитлеровцами будет разрешено создание единой РОА. Как пишет один из биографов Власова С. Стеенберг, «оба они были согласны с тем, что командование казаками никак не может быть поручено бывшему царскому генералу, так как этот факт дает советской пропаганде возможность утверждать, что Освободительное Движение добивается восстановления монархии. Шкуро, как и большинство казаков, считал «Казакию» Розенберга{18} скверным анекдотом…» (Стеенберг. С. Власов. — Мельбурн, 1974.) Встреча со Шкуро предоставила Власову возможность установить связь с казачьими частями Паннвица в Югославии.

5 сентября 1944 г, по приказу рейхсфюрера СС Г. Гиммлера, занимавшего должность начальника запасных частей, его заместитель группенфюрер и генерал-лейтенант войск СС Г. Бергер назначил генерал-лейтенанта А.Г. Шкуро начальником Казачьего резерва (ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 13. Л. 183)(казачьего запасного полка — около 3 тысяч человек), входившего в

«Казачий стан» генерал-майора Т.Н. Доманова, который располагался в Северной Италии в районе г. Удине.

Военные неудачи заставили нацистов переменить свои взгляды на многие вещи. Вследствие этого Шкуро был назначен на должность инспектора резервов казачьих войск при Восточном министерстве. 25 июня 1944 г. 1-я казачья кавалерийская дивизия развернулась в 15-й казачий кавалерийский корпус СС, и А.Г. Шкуро также стал подчиняться войскам СС; он по-прежнему руководил вербовочной работой в лагерях военнопленных и других местах, при этом создавая кадры казачьих частей (в том числе в конце сентября в Леобене). По поводу этого начальник Главного управления казачьих войск (ГУКВ) генерал от, кавалерии П.Н. Краснов писал генерал-лейтенанту Е.И. Балабину следующее:

«Генерал-лейтенант Шкуро назначен от Ваффен-СС для вербовки казаков, для создания казачьего корпуса и не подчинен Главному управлению казачьих войск, но работает самостоятельно, получая указания от Ваффен-СС. Главное управление ему только помогает, не вмешиваясь в его действия…

Насколько мне известно, прямого приказа для освобождения казаков с заводов, для поступления в строй, у генерала Шкуро нет, но у него есть распоряжение Ваффен-СС, чтобы таких рабочих увольняли с заводов» (Неотвратимое возмездие. — М., 1973. — С. 144).

То, что Шкуро действительно был подчинен войскам СС, подтверждает его обращение к казакам: «Я, облеченный высоким доверием руководителя СС, громко призываю вас всех, казаки, к оружию и объявляю всеобщий казачий сполох! Поднимайтесь все, в чьих жилах течет казачья кровь! Дружно отзовитесь на мой призыв, и мы все докажем великому фюреру, что мы — казаки, верные ему друзья и в хорошее, и в тяжелое время».

В своем дневнике 13 сентября 1944 г. В.Г. Науменко записал, что по приезде в Берлин виделся со Шкуро и узнал, что он «назначен начальником Казачьего резерва, зачислен на службу как генерал-лейтенант с правом ношения немецкой генеральской формы и получением содержания по этому чину. Он развил работу. В {19} «Эксельсиоре» у него и штаб, в котором много офицеров. Главную роль играет есаул Н.Н. Мино.

…Шкуро набирает людей и отправляет их в лагерь около Граца. Поступают казаки в довольно большом количестве. Сколько поступило, пока не знаю». (Науменко В.Г. Великое предательство. — СПб., 2003. — С. 324–325).

В декабре 1944 г. ГУКВ также перешло в подчинение СС, а части Казачьего стана походного атамана Доманова подчинялись

в оперативном отношении группенфюреру СС Адило Глобочнику, штаб которого находился на Адриатическом побережье в г. Триесте.

Добровольцы, завербованные Шкуро, направлялись в запасный полк 15-го корпуса, первоначально дислоцировавшийся в 1943 г. в Мохово и его окрестностях и насчитывавший около 5 тысяч человек. Полком командовал подполковник Штабика, однако зачастую отечественные и зарубежные авторы называют командиром полка А.Г. Шкуро. В 1944 г. полк был передислоцирован во французский город Лангр, и с началом формирования 15-го корпуса полк переименовали в 9-й запасный казачий полк численностью 11 тысяч человек (в их числе были не только казаки, но и калмыки, алтайцы, представители различных народов Северного Кавказа). Таким образом, фактически Шкуро являлся инспектором резервов 15-го казачьего кавалерийского корпуса.

14 ноября 1944 г. А.Г. Шкуро являлся одним из почетных гостей на торжественном обнародовании Манифеста Комитета освобождения народов России (КОНР), которое состоялось в Праге. Известно, что он просил Власова принять его в члены Комитета (Фрёлих С. Генерал Власов: русские и немцы между Гитлером и Сталиным. — США, «Эрмитаж», 1990. — С. 173–178).

Переходя к заключительной части биографии А. Г. Шкуро, следует отметить, что вокруг его передачи англичанами в руки НКВД ходит множество легенд как эмигрантского, так и советского происхождения, но все они пока не имеют документального подтверждения. Согласно существующему комплексу официальных британских военных документов о выдаче казаков, в том числе и Шкуро, события разворачивались следующим образом.

В марте 1945 г., во время отступления казачьих частей, пытаясь поднять падающий моральный дух казаков, Шкуро предпринял попытку создать — как бы воскрешая ушедшие в прошлое страницы Гражданской войны в России — особую боевую группу — Волчий отряд из двух тысяч человек под командованием полковника Кравченко. Однако этой затее так и не суждено было воплотиться в жизнь. (Отметим, что Шкуро не участвовал ни в одном бою во время Второй мировой войны.)

К весне казачья часть генерала Шкуро (около 1400 человек) вопреки своему названию включала много гражданских беженцев. 10 мая в Реннвеге (севернее Шпиталя) эта группа сдалась англичанам и неделю спустя была переведена в основные лагеря для интернированных, созданные в районе дислокации британской 78-й пехотной дивизии — под Лиенцем, Пеггетцем и

Обердраубергом, где к тому времени уже находились остальные казачьи формирования (15-й Казачий корпус, «Казачий стан» Доманова).

6 мая 1945 г. в итальянское местечко Котчак в расположение штаба Походного атамана Казачьего стана Т.И. Доманова прибыл Шкуро и вручил последнему приказ группенфюрера СС Глобочника об отстранении его от должности, предании военно-полевому суду и передаче Казачьего стана под руководство генерала Шкуро. Это было вызвано тем, что Доманов не выполнил приказа о начале боевых действий против британских войск из-за отсутствия противотанковых средств. Доманов был очень расстроен приказом, переданным ему Шкуро, но выполнять его не стал, так как приказ уже не имел силы вследствие отбытия Глобочника с фронта (Родина. — 1993. - № 2. — С. 78–79). Шкуро остался в Казачьем стане и вместе с ним из Северной Италии перебрался в Австрию.

В соответствии с решением совещания, проходившего утром 21 мая в штабе британского 5-го корпуса, личный состав казачьего резерва Шкуро был определен как относящийся к «советскому народу». К 27 мая у штаба корпуса имелся уже разработанный план передачи казаков советским властям. Все части 5-го корпуса должны были в 10-дневный срок — с 28 мая по 7 июня — провести серию операций, связанных с выдачей казаков. 78-я пехотная дивизия под командованием генерал-майора Р. Арбатнотта и, в частности, 36-я пехотная бригада бригадира Дж. Массона отвечали за «перемещение» казаков Доманова, «учебной» части Шкуро и Кавказской дивизии генерала С. Келеч-Гирея, находившихся в лагерях Пеггетца и Обердраубергa под Лиенцем.

24 мая Шкуро из Зальцбурга приехал в Лиенц. Здесь его встретили уже потерявшие к тому времени свою решительность, но восхищенные его приездом казаки. Так как Шкуро никогда не был советским гражданином, казаки надеялись, что он сможет повлиять на англичан.

Но, несмотря на это и без предъявления какого-либо обвинения, на следующее утро в гостинице «Цум голден фиш» Шкуро был разбужен и поднят с кровати английскими военными полицейскими, арестован и увезен ими. Никто не знал куда…

Угон лошадей, разграбление полевого оркестра и арест Шкуро явились серьезным «ударом ниже пояса по надеждам казаков. Они стояли по всему лагерю в растерянности и взволнованно обсуждали происходящее…» (Kern E. General von Pannwitz und seine Kozaken. — Neckargemund, 1963. - S. 178–179).

При аресте Шкуро англичанами 25 (по другим сведениям, 26-

го) мая, по свидетельству С. Стеенберга, «генерал Шкуро сорвал с себя британский орден и бросил его под ноги английскому офицеру. Он требовал оружия, не желая отдаться живым в советские руки» (Стеенберг С. Указ. соч. — С. 239).

Накануне ареста, по свидетельству Л. Задохлина, Шкуро «вел себя очень достойно и выдержанно, но его никуда не допускали…» (Науменко В.Г. Великое предательство. — СПб., 2003. — С. 360).

Переводчица лагеря Пеггетц О.Д. Ротова вспоминала об этом следующее:

«Утром 26 мая я вышла из барака № 6… Вижу, вся главная улица запружена казаками, казачками и детьми.

Я думала, что это новая группа приехавших, и на мой вопрос об этом я получила ответ:

— Нет, это батька Шкуро приехал».

После краткого разговора со Шкуро О.Д. Ротова расцеловалась с ним, и Шкуро сел в автомобиль. «Толпа окружила его. Каждый хотел пожать ему руку. К нему протягивались руки, суя папиросы, табак, лепешки…

— Ура батьке Шкуро! — ревела толпа. Автомобиль шагом еле полз. Казаки провожали его до ворот лагеря и дальше, как будто бы чувствовали они, что больше никогда не увидят его…

Позже мне рассказывала О.А. Соломахина, что вечером Шкуро был приглашен на ужин к Походному атаману генералу Доманову.

Генерал Соломахин, будучи начальником штаба Походного атамана, никогда на такие ужины не приглашался, хотя комната его была напротив домановской.

В 3 часа утра 27 мая к ним в комнату ввалился Шкуро, сел на кровать и заплакал.

— Предал меня м…ц Доманов, — восклицал он. — Пригласил, напоил и предал. Сейчас приедут англичане, арестуют меня и передадут Советам. Меня, Шкуро, передадут Советам… Меня, Шкуро, Советам…

Он бил себя в грудь, и слезы градом катились из его глаз.

В 6 часов утра он был увезен двумя английскими офицерами» в г. Грац (Науменко В.Г. Великое предательство. Выдача казаков в Лиенце и других местах (1945–1947). Сборник материалов и документов. — Т. 1. — Нью-Йорк, 1962. — С. 191–192).

Один из офицеров штаба 15-го казачьего кавалерийского корпуса вспоминал, что при сдаче оружия казачьими офицерами англичанам ему пришла на память фраза Шкуро, сказанная «им не так давно нашим казакам: "Ребята! Винтовки из рук не выпускайте!.. А то… вырежут"» (Науменко В.Г. Указ. соч. — Т. 2.

— Нью-Йорк, 1970. — С. 177).

28 мая Шкуро перевезли в лагерь в г. Шпиталь, и, по словам одного кубанского офицера, «когда днем… колонна грузовиков входила в лагерь Шпиталь, то у ворот он видел в руках одного английского солдата хороший кинжал и шашку. Он предполагает, что это было оружие Шкуро.

По его данным, когда 29 мая офицеров вывозили из Шпиталя, то Шкуро еще оставался там. Он помещался не в бараке, а в каменном здании» (Науменко В.Г. Указ. соч. — Т. 1. — С. 169). Британский историк граф Н.Д. Толстой также указывает, что «нет нигде следов знаменитой шашки генерала А.Г. Шкуро /…/. Шашка очень дорогая, украшенная брильянтами. Думаю, что она просто украдена английским генералом и до сих пор находится у него дома» (Станица (Москва). — 1993. — Февраль. — № 1 (8)).

В Шпитале доктор-англичанин обратился к оказавшемуся в лагере профессору Ф.В. Вербицкому с просьбой пройти в одно из зданий лагеря осмотреть больного генерала, у которого был сердечный припадок. Как вспоминал позднее Вербицкий, «в большой комнате, где находилась группа казачьих офицеров из 15–20 человек, навстречу мне отделился мой старый знакомый по Белграду — генерал Шкуро. Он был в расстегнутом мундире немецкого генерала; бросалась в глаза небрежность в костюме и прическе.

Быстрыми шагами он направился ко мне и, посмотрев в сторону английского солдата, шепотом задал мне короткий вопрос: «Кто прибыл и куда везут?» В его выразительных, с мужицкой хитрецой глазах,* я прочел тревогу и растерянность. /…/

Ясно понимая, что дело не в сердечном припадке, я все же попросил его расстегнуть рубаху и приложил к груди ухо. В такой позе мы продолжали наш разговор.

Когда я сказал, что везут всех офицеров Казачьего стана с П.Н. Красновым во главе, он побледнел и безнадежно махнул рукой» (Науменко В.Г. Указ. соч. — Т. 2. — С. 67–68).

Имеются интересные свидетельства по поводу формы, в которую был одет Шкуро в Шпитале. Так, профессор Ф.В. Вербицкий писал о том, что «категорически могу утверждать, что Шкуро в тот момент был в немецкой военной форме; так как он был в довольно растрепанном виде, с расстегнутым сверху донизу мундиром, и так как я ни в то время, ни сейчас не умею разбираться в отличиях формы разных чинов, то не считаю себя вправе утверждать, что эта форма была генеральская. Какие были погоны — не помню. Так как до этого я видел его в немецкой генеральской форме (и в Лиенце, куда он приезжал незадолго), то

и остается до сих пор твердая уверенность, что он и в этот момент был в немецкой генеральской форме» (Науменко В.Г. Указ. соч. — Т. 2. — С. 67).

В свою очередь, О.Д. Ротова утверждает, что она перед «лиенцкой трагедией встречалась дважды с покойным генералом Шкуро. Первый раз в Котчаке до прихода англичан.

Тогда он был в черной черкеске. Последний раз я встретилась с ним в Пеггетце, куда он приехал накануне своего ареста, и тогда он был в черной черкеске. Не думаю, чтобы он, вернувшись в отель в Лиенце, переоделся в немецкую форму» (Науменко В.Г. Указ. соч. — Т. 1. — С. 191).

29 мая Шкуро вместе с другими генералами в автобусе вывезли из Шпиталя в Юденбург, куда их и доставили после обеда.

По свидетельству М.И. Коцовского, офицера Казачьего стана, в Юденбурге между советским офицером и Шкуро произошел неприятный разговор. Последний «повышенным голосом сказал:

— Для того, чтобы разговаривать с генералом, надо стать «смирно» и взять «под козырек».

И, обращаясь к тут же стоявшему советскому генералу, потребовал убрать дерзкого советского офицера. Генерал приказал офицеру уйти» (Науменко В.Г. Указ. соч. — Т. 2. — С. 301).

Во второй половине дня 29 мая П.Н. Краснов и Шкуро были вызваны на допрос офицерами НКВД. «По возвращении они рассказали, что вызывал их командующий группою войск на Украине и расспрашивал о событиях Гражданской войны 1918–1920 гг.».

По свидетельству П.Н. Краснова, в ночь с 29 на 30 мая «генерал Шкуро почти безостановочно «весело» беседовал с советскими офицерами и солдатами, заходившими к нам в комнату. Они с интересом слушали его рассказы о Гражданской войне 1918–1920 гг. Старые советские офицеры пробовали ему возражать, но Шкуро на это им сказал:

— Лупил я вас так, что пух и перья с вас летели!

Это вызвало взрыв смеха у солдат и смущенные улыбки на лицах офицеров.

Как известно, Шкуро за словами в карман не лез. Он шутил; но, внимательно наблюдая за ним, видно было, что шутки его и смех наигранны и ими он тушил боль души своей. Все мы отлично понимали, с какой тоскою о себе и всех нас думал он, но не хотел казаться малодушным в глазах красных».

Бывший офицер Б.К. Ганусовский в письме к В.Г. Науменко отмечал: «Шкуро держал себя очень свободно и разговаривал с

сопровождавшими его советскими офицерами. На нем была наброшена немецкая шинель, мне показалось, что на нем была и черкеска. Это тем более вероятно, что генерал Шкуро имел высокие английские ордена, которые он на немецкий мундир надеть не мог, а показать их англичанам, вероятно, не хотел. Кинжала никакого на нем не было. /…/

Разговаривал Шкуро и в автомобиле, и проходя по цеху в свою комнату. Именно так, как я это описал, это я запомнил наверное (речь шла о Гражданской войне и боях под Касторной. —*А.Д.)*. Еще в течение дня Шкуро возили куда-то в штабном легковом автомобиле, и сопровождавшие его офицеры обращались с ним очень учтиво!.,» (Науменко В.Г. Великое предательство. — СПб., 2003. — С. 396).

30 мая к вечеру генерал Шкуро вместе с другими казачьими генералами на грузовых машинах привезли в Грац, где на ночь поместили в тюрьме, предварительно тщательно обыскав. На следующий день его перевезли в советскую оккупационную зону в г. Баден под Веной. В день вьщачи Шкуро был в немецком кителе без орла и погон.

На другое утро, вновь на грузовиках, отвезли в г. Баден, где находился центр советской контрразведки «Смерш». На ночь всех поместили в пяти подвальных комнатах одной из вилл, предоставив кровати. Здесь во время обыска были отобраны ножи и шпоры.

В Бадене всех казачьих генералов сфотографировали группой. В течение двух ночей шли допросы. П.Н. Краснов отмечал: «Никого не бьют, отношение корректное, даже чересчур, что нас больше всего тревожило. Питание хорошее, табак немецкий — сколько угодно. Белый хлеб и шоколад…» (Науменко В.Г. Великое предательство. — Т. 2. — Нью-Йорк, 1970. — С. 283.).

К ШКуро практически ежедневно приезжали некоторые советские высшие офицеры — участники Гражданской войны. Как свидетельствует бывший разведчик Б. Витман, «беседы были вполне мирными, в виде бесконечных устных мемуаров, конечно же, с сочным матерком: «А помнишь, как я распушил твой левый фланг?» — «Ты лучше расскажи, как я тебе двинул в "лоб"». Вино лилось рекой, обеды доставлялись из лучших ресторанов Вены. Ничто вроде бы не предвещало кровавого конца…»

31 мая началась операция по «разгрузке» лагерей. 1 июня в казачьих лагерях Пеггетца и Обердрауберга части 36-й бригады предприняли попытку начать погрузку интернированных; следствием этого явился ряд инцидентов, в результате которых оказались жертвы среди казаков, женщин и детей (некоторые погибли от рук британцев, иные покончили жизнь

самоубийством). К 7 июня передача интернированных была завершена. Всего британскими военными властями в руки НКВД было передано в районе г. Лиенца 37 генералов, 2200 офицеров и около 30 тысяч казаков вместе с семьями, разделившими их судьбу. Основная часть несчастных была расстреляна или сгинула в сталинских лагерях; выжили буквально единицы. Перевернулась еще одна страница «Книги судеб» российского казачества, понадеявшегося на спасение и освобождение своей Родины с помощью иностранной военной силы…

В 7 часов утра 4 июня 1945 г. на пассажирском самолете «Дуглас» генералы П.Н. Краснов, А.Г. Шкуро и другие были доставлены в Москву, на Лубянку, где были сразу же разъединены и распределены по камерам.

О пребывании его здесь известно немногое. Питание было скверным, как, впрочем, и другие условия содержания. Пытки к заключенным генералам не применялись. Известно, что следствие затянулось из-за плохого самочувствия П.Н. Краснова…

17 января 1947 г. «Правда» опубликовала следующее сообщение Военной Коллегии Верховного Суда СССР: «Военная Коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело по обвинению арестованных агентов германской разведки, главарей вооруженных белогвардейских частей в период гражданской войны атамана Краснова П.Н., генерал-лейтенанта белой армии Шкуро А.Г., командира «Дикой дивизии» генерал-майора белой армии князя Султан-Гирей Клыч, генерал-майора белой армии Краснова С.Н. и генерал-майора белой армии Доманова Т.И., а также генерала германской армии, эсэсовца фон-Панвиц Гельмута в том, что по заданию германской разведки они в период Отечественной войны вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против СССР.

Все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

В соответствии с п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила обвиняемых Краснова П.Н., Шкуро А.Г., Султан-Гирей, Краснова С.Н., Доманова Т.И. и фон-Панвиц к смертной казни через повешение.

Приговор приведен в исполнение».

Все генералы были повешены 16 января во дворе внутренней тюрьмы МГБ СССР (Лефортово), по мнению некоторых авторов, самым изуверским способом — на мясных крюках за ребро. Лишь одного П.Н. Краснова ввиду его возраста расстреляли.

Так вместе со многими другими бывшими белыми генералами и офицерами закончил свою яркую трагическую жизнь генерал-лейтенант Андрей Григорьевич Шкуро. Всю свою жизнь оставаясь последовательным врагом большевизма и советской власти, он все-таки, несмотря ни на что, оставался верен России — той прежней России, которую помнил и о возрождении которой мечтал… Бог ему Судия!

Жизнь его прошла под знаком Гражданской войны, принесшей ему и славу, и горе, и, в конце концов, смерть на виселице. Справедливое, на мой взгляд, суждение о судьбе Шкуро высказал Ф.И. Елисеев, кубанский казачий полковник, один из немногих уцелевших при расстрелах казаков на севере и бежавший через границу в Финляндию. Близко зная Шкуро, он упоминает о нем в своих воспоминаниях «С хоперцами от Воронежа до Кубани 1919–1920 гг.»: «Война рождает героев — говорит военная история. И не будь ее — А. Г. Шкура так и остался бы неизвестным «сотником по войску», т. е. в запасе офицеров своего Кубанского войска. Хотя — такова фортуна многих, ставших действительными героями Гражданской войны».

В 1990-е годы появились публикации, которые пытались представить Шкуро, Краснова и других казачьих генералов и их подчиненных горсткой «предавших идеалы казачества в годы войны» (Шпион (Москва). — 1994. — № 1 (3). — С. 40). Подобный подход весьма примитивен и попросту повторяет всем известные советские стереотипы минувших лет. Для таких людей, как А.Г. Шкуро, война 1941–1945 гг. явилась прямой возможностью продолжения Белой борьбы 1917–1920 гг. с оружием в руках. Недаром в те грозные годы адъютант-переводчик Походного атамана полковника СВ. Павлова сотник С. Бевад писал: «Эта война по своему характеру приближается к войне Гражданской — только в гораздо более сложной обстановке и в масштабах всего мира» (На казачьем посту. — 1 августа. — 1943. — № 7. — С. 3).

Идеи, за которые сражался и мученически погиб А.Г. Шкуро, живы и теперь. Это подтверждают пророческие слова генерала П.Н. Краснова, которые начинают сбываться; «Будущее России — велико! В этом я не сомневаюсь. Русский крепок и отпорен. Он выковывается как сталь. Он выдержал не одну трагедию, не одно иго. Будущее за народом, а не за правительством. Режим приходит и уходит, уйдет и советская власть. Нероны рождались и исчезали. Не СССР, а Россия займет долженствующее ей почетное место в мире».

Впервые предлагаемые российскому читателю «Записки белого партизана» А. Г. Шкуро были составлены им в 1920–1921 гг. в Париже. Здесь он познакомился с полковником бывшей

Российской Императорской армии Владимиром Максимилиановичем Беком, который в то время был приглашен на службу французской военной миссией и занимался составлением докладов для французского военного министерства. Между ними сложились настолько дружеские отношения, что Шкуро упросил Бека записать с его слов воспоминания о Гражданской войне. Последний постарался облечь их в литературную форму, что ему в целом удалось.

Позднее Шкуро хотел дополнить и опубликовать свои мемуары, но этот замысел по неизвестным причинам так и остался неосуществленным. Воспоминания были подготовлены к сдаче в редакцию и хранились у Бека, который в 1936 г. вместе со своей семьей переехал в Южную Америку, где и скончался в 1944 г. Рукопись воспоминаний Шкуро осталась в семье Бека. В конце 1960 г. его вдова предложила их главе издательства «Сеятель» Никифору Холовскому в Буэнос-Айресе. Издательство опубликовало мемуары без всяких поправок и редакторских изменений под заглавием «Записки белого партизана» (авторский заголовок отсутствует) в декабре 1961 г. Текст был снабжен предисловием в виде высказываний тех или иных лидеров Белого движения о различных событиях Гражданской войны, помещенных в подстрочнике.

В качестве приложения к «Запискам…» были переизданы мемуары Кубанского атамана генерал-лейтенанта А.П. Филимонова о разгроме Кубанской Рады в конце 1919 г.

К сожалению, опубликованный тогда текст изобиловал многочисленными ошибками в датах и опечатками…

Текст «Записок белого партизана» АХ. Шкуро, впервые выходящих в свет в России, публикуется по изданию 1961 г. без каких-либо изменений и купюр. Воспоминания Филимонова о Кубанской Раде дополнены его же записками о начале Гражданской войны на Кубани в 1918 г. В примечаниях дана до сих пор еще мало доступная современному читателю информация о биографиях упоминаемых Шкуро белых генералов и офицеров и истории различных воинских частей.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся проблемами Гражданской войны в России.

Я выражаю огромную благодарность за помощь при подготовке данной публикации д.и.н. Волкову СВ., к.и.н. Дробязко СИ., военным историкам Залесскому К.А., Кручинину А.С, Наумову СВ., Стрелянову (Калабухову) П.Н. и в особенности — Юшко В.Л. и Мальцевой М.А.

Дерябин А.И.

Глава 1

Детство. — Кадетские годы. — «Кадетский бунт». — Военное училище. — Первые годы офицерской службы. — Персидский поход. — Угарная жизнь в Екатеринодаре. — Женитьба. — Экспедиция в Нерченский округ. — Мобилизация. — Возвращение в Екатеринодар.

Я родился в городе Екатеринодаре 7 февраля 1886 г. Мой отец, Григорий Федорович, происходил из зажиточных кубанских казаков станицы Пашковской (под Екатеринодаром). Он учился в Ставропольском коммерческом училище. Отец мой принимал участие, в качестве простого казака, в войне 1877–1878 гг.[1]; затем, уже в качестве офицера, в Ахал-Текинской экспедиции 1881 г.[2] и в многочисленных экспедициях в горы против немирных горцев[3]. Он был сильно искалечен; впоследствии дослужился до чина полковника и в этом чине вышел в отставку.

В то время, когда я появился на свет, он был подъесаулом и служил в 1-м Екатеринодарском казачьем полку[4]. Мать моя, Анастасия Андреевна, также уроженка Кубанской области, была дочерью священника. Мое раннее детство протекло в станице Пашковской, где я проводил время в оживленных играх и ожесточенных сражениях с одностаничниками-казачатами, доставляя немало огорчений своей матери, не успевавшей чинить мою вечно изорванную одежду. Когда мне минуло 8 лет, меня отдали в станичную школу, а затем) когда я усвоил начала грамоты, отвезли в Екатеринодар, в подготовительный класс Александровского реального училища.

Мне было 10 лет, когда меня с другими казачатами отправили в Москву, в 3-й Московский кадетский корпус, куда я поступил казеннокоштным воспитанником, то есть жил безвыходно в корпусе, на полном казенном иждивении. Кадетские годы были счастливой порой моей жизни; науки мне давались легко, со своими однокашниками жил я дружно, проказы наши были разнообразны и веселы, — вообще жилось хорошо и годы летели быстро. Уже будучи в последних классах, я сдружился со своим одноклассником, сыном капитана Петровского, смотрителя зданий корпуса, и стал по праздникам ходить в отпуск в их семью. Учился я или очень хорошо, или весьма плохо — середины не было; все зависело от того, чем в данное время была занята моя голова. Я обладал чрезвычайной живостью воображения, и, если увлекался какой-нибудь идеей или интересной книжкой,

учение шло к черту. Свои досуги мы проводили в саду корпуса, куда приходили барышни, большей частью дочери наших воспитателей и педагогов, за которыми мы усиленно ухаживали.

Нашим воспитателем был, внушавший нам глубокое уважение, суровый по внешности, но гуманный и добрый подполковник Стравинский. Он был олицетворением чувства долга и всеми силами старался передать нам это свое качество. Директором корпуса был в то время генерал Ферсман, которого мы очень не любили, так же, как и ротного командира 1-й роты, полковника Королькова.

Осенью 1905 г., когда я был уже в 7-м классе, произошел так называемый «кадетский бунт», произведший большой переполох в Военном министерстве, где его сочли результатом проникновения революционных идей в военные школы. Общее беспредметное недовольство в обществе, несомненно, бессознательно проникло и в кадетские умы, и мы перешли в оппозицию к начальству, постепенно усиливавшуюся на почве бестактности некоторых педагогов; дело обострилось вопросом о неудовлетворительном качестве подаваемых котлет; началось брожение умов. Я написал обличительные, против начальства, стихи, которые с большим подъемом читал перед однокашниками. 5-го октября произошел кадетский бунт. Мы поломали парты и скамейки, побили лампы, разогнали педагогов, разгромили квартиру директора корпуса и бушевали целую ночь. Ввиду слухов, что на усмирение нас вызвана рота Самогитского гренадерского полка — что нам очень, с другой стороны, польстило — мы приготовились к вооруженному отпору, но, к счастью, нас предоставили самим себе. К утру наш дух протеста иссяк за отсутствием дальнейших объектов разрушения. Начались репрессии. Главные виновники — 24 человека — в числе которых был и я, предназначались к исключению из корпуса.

В это время приехал в корпус тогдашний главный начальник Военно-учебных заведений, обожаемый всеми нами, покойный ныне, Великий Князь Константин Константинович[5]. Расспросив нас как следует, он, однако, пожелал разобраться лично в переживаниях, доведших нас до столь бурных проявлений протеста. Мы устроили Великому Князю чай, сервированный самими кадетами, причем пили его из казенных кружек. Затем чистосердечно рассказали Князю, как дошли мы до жизни такой; в результате несколько воспитателей и педагогов были уволены, а кара, грозившая кадетам, смягчена — через месяц после исключения мы были амнистированы и снова приняты в корпус.

Подвергнувшись временному остракизму, я уехал на родину, где был принят весьма сурово моим родителем, обзывавшим меня

«бунтарщиком». Эта катастрофа, окончившаяся, впрочем, благополучно, принудила меня, однако, пересмотреть всю линию моего поведения. Моей заветной мечтой было попасть в Николаевское кавалерийское училище[6]; для этого нужно было иметь не менее девяти баллов по наукам и восьми за поведение; мои же успехи, как в том, так и в другом, оценивались значительно ниже. Я принялся с рвением за учение, окончил корпус достаточно успешно и был принят в Николаевское кавалерийское училище, в его казачью сотню.

Начальником «Славной школы» был в то время генерал Де-Витт, а командиром казачьей сотни — войсковой старшина Пешков, забайкальской казак, совершивший в свое время, в чине сотника, свой знаменитый конский пробег, не сменяя лошади, из Владивостока в Петербург. Это было единственное, что он сделал путного в своей жизни. Сменным офицером был донской казак, есаул гвардии Леонид Иванович Соколов. В сотне, вместе со мной, было много кубанских казаков. С драгунами и особенно с донцами мы жили дружно. Моим лучшим другом был юнкер Заозерский, впоследствии трагически погибший во время автомобильной катастрофы под Москвой, когда он ехал на свою свадьбу.

Я ходил в отпуск к служившему в Главном артиллерийском управлении генералу Скрябину, который любил окружать себя военной молодежью и которому нравилась наша веселость и жизнерадостность. У него был сын кадет, мальчик лет пятнадцати. Его отсылали обыкновенно спать часов в 9; мы же, юнкера, оставались ужинать и при этом частенько изрядно выпивали, не выходя, однако, из пределов приличия, чтобы не шокировать гостеприимного и любезного хозяина.

Учился я в училище хорошо, хотя по-прежнему отличался некоторой супротивностью начальству. Очень увлекался верховой ездой, в особенности джигитовкой. На старшем курсе я был произведен в портупей-юнкера, но недолго проносил заветные нашивки; выпив как-то раз вместе с друзьями несколько неумеренно, я был замечен в этом дежурным офицером. В результате меня разжаловали из портупей-юнкеров[7]. Любопытно, что записавшим меня дежурным офицером был сотник Скляров[8], доблестно командовавший впоследствии одной из бригад в моем корпусе. В мае 1907 г. состоялось мое производство в офицеры. Вновь производимые юнкера были вызваны в Петергоф, где мы получили приказы о нашем производстве из собственных рук Государя Императора, который произвел на меня тогда обаятельное впечатление. Я был выпущен в 1-й Уманский бригадира Головатова казачий полк[9] своего

родного Кубанского казачьего войска, стоявший в крепости Каре. Нужно ли рассказывать, какое гомерическое пьянство устроили мы в Петербурге, вспрыскивая свои новенькие эполеты?[10] Без копейки денег в кармане явился я в Екатеринодар, в отчий дом. Папаша мой, вообще человек достаточно прижимистый насчет монеты, на этот раз расщедрился и экипировал меня в полк на славу. Кроме хорошего обмундирования и вооружения, я получил пару превосходных коней, сослуживших мне впоследствии большую службу.

В начале августа 1907 г. я отправился в Каре, к своему новому месту служения. 1-й Уманский полк был первоочередным полком; он весьма отличился в недавней еще в то время Японской кампании и считался лучшей и славнейшей частью Кубанского войска. Командиром полка состоял генерал Акулов. Он требовал работы от своих подчиненных, а также постоянной тренировки в поле. Мы, молодые офицеры, чрезвычайно напрактиковались в джигитовке, скачке с препятствиями и рубке с коня; также обращал внимание командир и на развитие военных знаний у офицеров: постоянно читались лекции, доклады, рефераты. Частенько устраивались большие охоты на водившихся в тех краях кабанов. Офицерство жило дружной семьей, традиции товарищества свято хранились в полку.

Однако мне недолго пришлось побыть в полку — вскоре последовал вызов охотников в экспедицию. Должны были быть отправлены в Персию две сводных сотни для борьбы с разбойничьим племенем шахсеван, грабившим караваны и нередко нарушавшим нашу границу между Джульфю и Нахичеванью. Мы вели с шахсеванами мелкую войну, с постоянными стычками, набегами, преследованиями контрабандистов; нужно было быть постоянно начеку, опасаясь засад и всякого рода вероломства. Потери наши, правда, не были особенно велики, но жизнь была больше чем беспокойной. Во время этой экспедиции я заработал свою первую награду — Станислава 3-й степени[11].

В Персии я пробыл до поздней весны 1908 г., когда состоялся приказ о переводе меня в 1-й Екатеринодарский конный кошевого атамана Захара Чепеги полк (1-й Екатеринодарский кошевого атамана Чепеги полк. — *Примеч. ред.),* стоявший гарнизоном в Екатеринодаре. После Персидского похода и всех лишений служить в Екатеринодаре показалось мне сплошной масленицей. Служебными обязанностями нас не обременяли. Мы, офицерская молодежь, играли в гвардию, плясали до упаду на балах, ухаживали за барышнями и порядочно пьянствовали. Несмотря на то что папаша давал мне в дополнение к жалованью ежемесячно

200 рублей, — сумму немалую по тогдашней дешевизне жизни, особенно если принять во внимание, что я жил в родительском доме на всем готовом, — мне вечно не хватало денег и я влез в долги.

Угарная жизнь того времени была прервана весьма поучительными и интересными маневрами в районе Минеральных Вод под руководством нашего командира полка полковника Генерального штаба Ягодкина. Во время этих маневров я хорошо изучил Минераловодский район, что впоследствии, во время Гражданской войны, весьма мне пригодилось. Безобразный период моей екатеринодарской жизни ознаменовался для меня несколькими сидениями на гауптвахте и даже однажды вызовом к Наказному атаману — тогда генералу Бабычу — для отеческого внушения. Я, вероятно, кончил бы достаточно плохо, если б в моей жизни не случилось обстоятельство, действующее обыкновенно отрезвляюще, — я влюбился и женился. Жена моя и мой друг детства, Татьяна Сергеевна, была дочерью директора народных училищ Ставропольской губернии Сергея Гавриловича Потапова.

После бракосочетания мы предприняли наше свадебное путешествие за границу — в Берлин и в Бельгию на Всемирную выставку. В Германии я хотел изучить производство пустотелых бетонных кирпичей. Дело это я изучил и применил по возвращении на Кубань и даже выстроил себе три дома, но дальше этого дело у меня не пошло вследствие моей неопытности и непрактичности. Брюссельская Всемирная выставка произвела на меня сильное впечатление, но, к сожалению, я не успел ее осмотреть и изучить досконально, ибо она сгорела, причем я принимал самое горячее участие в тщетных попытках тушения ее грандиозного пожара.

По возвращении из свадебного путешествия мы зажили с женой спокойной, чисто буржуазной жизнью. В 1913 г. я должен был быть спущенным на льготу; мне предстояло четыре года числиться во второочередном полку в полной бездеятельности — и в то же время быть привязанным к штаб-квартире полка. Строго говоря, полка и не существовало, был лишь штаб его. Эта перспектива стеснения свободы и длительного ничегонеделания мне, человеку энергичному и подвижному, казалась невыносимой. Я надумал ехать в Восточную Сибирь, в Нерчинский округ, где Кабинетом Его Величества организовывалась интересная экспедиция для отыскивания и нанесения на карту золотоносных месторождений. Я взял отпуск из полка и отправился в Читу, где мне было поручено организовать военную часть намеченной экспедиции. Горячо

принялся я за дело, но в это время телеграф принес известие о начавшейся, в связи с австро-сербским конфликтом[12], мобилизации Русской армии, и я, бросив все, поспешил обратно в Екатеринодар.

Глава 2

Война 1914 года. — Назначение в 3-й Хоперский полк, отправлявшийся на Галицийский фронт. — Бои под Тарнавой, Сенявой и Ивангородом. — Преследование австрийцев на Кельцы и Радом. — Ранение в ногу в декабре 1914 года.

Когда я приехал в Екатеринодар, то не застал своего полка, уже ушедшего на фронт, и был назначен, сверх комплекта, в 3-й Хоперский полк[13] младшим офицером. Полк этот, вошедший в состав 3-го Кавказского армейского корпуса[14], отправлялся на Галицийский фронт. Корпусом командовал доблестный генерал Ирманов (Ирман)[15] — герой Порт-Артура, командовавший впоследствии, во время Гражданской войны, у меня в корпусе бригадой. Мы поехали по железной дороге до Ивангорода, куда прибыли в начале августа; оттуда мы были направлены к Тарнове, к которой подошли в самый разгар боя.

Без мостков, в чистом поле, выпрыгнули казаки верхом из вагонов. С места, в конном строю, помчались они в конную атаку на немецкую гвардию и австрийскую пехоту. Пролетая карьером, я видел, как наши славные апшеронцы[16], выскакивая из вагонов со штыками наперевес, в свою очередь, бросались в атаку. Мы бешено врубились в неприятельские цепи. Казаки дрались, как черти, нанося страшные удары.

Неприятель не выдержал, побежал. Далее последовала картина разгрома вдребезги. Мы пустились в преследование, забирая массу пленных. Гнали в глубь Галиции до замка графа Потоцкого близ Сенявы. Через реку Сан переправились вплавь на конях. Под Сенявой я, командуя взводом в составе 17 шашек, в разъезде, встретился внезапно с эскадроном гвардейских гусар[17]. Мы заметили их прежде, так как были в лесу, а они в поле; я выскочил на них с гиком, но они, в свою очередь, пошли в атаку. Мы сбили их, взяли в плен двух офицеров, 48 гусар и два исправных пулемета. За это дело я получил заветную «клюкву» — Св. Анну 4-й степени на шашку, с красным темляком[18].

Во время боев под Ивангородом, где 3-й Кавказский корпус, вместе с гвардией, дрался не на живот, а на смерть, отражая бешеные атаки немцев и неся громадные потери от огня германской тяжелой артиллерии, наш полк, вместе с конями, тоже стоял в окопах. Особенно сильный бой происходил 5-го октября; наши части выбивались из сил. Ирманов обходил полк и просил продержаться до утра, когда ожидался подход

Гренадерского корпуса[19]. Под утро я вышел на рекогносцировку и обнаружил, что немцы отходят. Велика была наша радость! Если б они атаковали нас еще раз, мы погибли бы, так как гренадеры сильно запоздали. Во время Ивангородских боев наш полк сильно поредел; в числе прочих было убито два сотенных командира — подъесаул Амилахвари и сотник Положецев. Я тоже был контужен в голову и пролежал дней десять в госпитале.

Затем я вступил в командование 5-й сотней и на меня была возложена задача преследовать отступающих австрийцев. Я «висел» на них, не отпуская их ни на минуту. Ночью обстреливал, днем, пользуясь всякой складкой местности, делал засады, бросался в шашки. Оторванные от своих, мы попали наконец в какую-то жуткую свалку, где наши и австрийцы были совершенно перемешаны. Неожиданно мы вышли к окруженной австрийцами 21-й дивизии генерала Мехмандарова[20] и присоединились к ней. Мехмандаров приказал мне постараться войти в связь с нашими войсками.

Внезапной конной атакой я разбил и взял в плен две роты австрийцев, и 21-я дивизия соединилась с одним из наших корпусов, в свою очередь, окружавших австрийцев, Началось форменное их избиение. Мне казаки приводили каждый по 200–250 пленных. Мы преследовали врага в направлении на Кельцы, занятые австрийцами, которые, при приближении наших разъездов, бросили город, оставив громадную добычу и значительное количество пленных.

В начале ноября под Радомом я, вместе с донцами, взял много пленных, орудия, пулеметы, и получил за это Георгиевское оружие[21]. Весь остаток 1914 г. мы метались по Галиции. В декабре я был ранен ружейной пулей в ногу во время разведки.

Глава 3

Командировка в Луцк, — Возвращение в полк. — Ранение в живот. — Формирование партизанских отрядов. — Представление Государю. — Действие отряда в районе реки Шары. — Постоянные набеги. — Захват штаба германской дивизии.

Я начал прихварывать, ибо сказывалась беспрерывная походная жизнь, не дававшая возможности отдохнуть и полечиться от раны и контузий. Ввиду сего командир полка командировал меня в Луцк, где находился конный запас полка и куда поехали к нам пополнения людьми с Кубани. В Луцке я провел февраль и март месяцы (1915 г. — *Примеч. ред.)*. В начале апреля я повел походом в наш полк коней и казаков; по прибытии в полк получил пулеметную команду.

Наша армия отступала с боем по направлению к Брест-Литовску. В июле, в сражении под Таржимехи, когда наш полк шел в пешую атаку, я выскочил со своей пулеметной командой на 500 шагов перед нашей цепью, спешился с коней и открыл сильнейший огонь по немцам; атака наша увенчалась успехом, но я был опять ранен; ружейная пуля ударила в рукоятку кинжала[22], раздробила ее, пробила мне живот, с одной стороны слегка задела брюшину. Если бы не кинжал, я, конечно, был бы ранен смертельно. Меня эвакуировали в Холм, но через две-три недели я уже снова был на ногах, и для дальнейшего лечения отправлен в Екатеринодар. За это дело меня произвели в есаулы.

Возвратившись в полк, я был назначен в полковую канцелярию для приведения в порядок материалов. по истории боевой работы полка. Это был период затишья на фронте. В обстановке временного отдыха мне пришла в голову идея сформирования партизанского отряда для работы в тылах неприятеля[23]. Дружественное отношение к нам населения, ненавидевшего немцев, лесистая или болотистая местность, наличие в лице казаков хорошего кадра для всякого рода смелых предприятий, — все это в сумме, казалось, давало надежду на успех в партизанской работе. Мой полковой командир, доблестный полковник Труфанов, впоследствии вместе с братом зверски убитый большевиками в г. Майкопе, много помог мне своей опытностью и советами. Организация партизанских отрядов мне рисовалась так: каждый полк дивизии отправляет из своего состава 30–40. храбрейших и опытных казаков, из которых

организуется дивизионная Партизанская сотня. Она проникает в тылы противника, разрушает там железные дороги, режет телеграфные и телефонные провода, взрывает мосты, сжигает склады и вообще, по мере сил, уничтожает коммуникации и снабжение противника, возбуждает против него местное население, снабжает его оружием и учит технике партизанских действий, а также поддерживает связь его с нашим командованием.

Высшее начальство одобрило мой проект, и я был вызван в Могилев, в Ставку походного атамана всех казачьих войск — Великого Князя Бориса Владимировича[24]. Там я присутствовал при опытах со вновь изобретенной зажигательной жидкостью, которой наполнялись снаряды и пули. При ударе пуля разрывалась, и возникал пожар, не поддававшийся никакому тушению. На одном из опытов присутствовали Государь[25], Наследник Цесаревич[26], Великие Князья, генерал Алексеев[27], генерал Богаевский[28] и др. Был дождливый день; изобретатель, господин Братолюбов, демонстрировал свое изобретение. Были приготовлены для опытов кирпичная стенка и деревянный дом. Государь лично выстрелил из винтовки в стенку, которая загорелась; дом также вспыхнул, как свеча. Мне было предложено применить и это изобретение во время партизанских набегов, но я так и не получил никогда этих зажигательных пуль. Говорили, что Братолюбов похитил чужое изобретение, возникли недоразумения и дело затянулось.

По обратном возвращении в полк я был прикомандирован в штаб нашего корпуса и в течение декабря 1915 г. и января 1916 г. формировал Партизанскую сотню исключительно из кубанцев. Она получила наименование Кубанского конного отряда особого назначения. В конце января состоялось первое боевое применение моего отряда. В это время наш корпус стоял на реке Шаре. В зимнюю морозную ночь, в белых балахонах двинулись мы через наши заставы, имея проводниками несколько местных лесников. Было очень темно; мы шли гуськом, ступая на следы друг друга, в мертвой тишине. Шли уже около часу, по цельному снегу, без тропинок. Взошла луна. Проводник доложил, что мы обошли уже первый немецкий пост. Я отрядил 15 человек, которые поползли к немецкому посту. Часовой был снят без звука, а 6 германцев взяты живьем.

От пленных мы узнали, где главная застава, состоявшая из роты пехоты. Решили ее уничтожить. Я разделил свой отряд на две части: одну повел сам, другую — под начальством хорунжего Галушкина. Выждав время, я двинулся медленно по лесу. Вдруг возглас:

— Хальт! Вер да? (Стой! Кто там? — *Примеч. ред.)*

Затем залп из нескольких винтовок. Проводники наши прыгнули в кусты, мы же повалились в снег и не отвечали. Пальба вскоре прекратилась. Вдруг слева, куда ушел Галушкин, раздалась частая ружейная стрельба и крики «ура». Видимо, молодой и горячий Галушкин «не выдержал характера». Тогда и мы, но без крика, в кинжалы, на вновь открывший по нас огонь германский пост. Вырезали, без потерь, 30 немцев и скорее вновь на выстрелы. Выходим — лесная поляна, на ней двор лесника, из которого выскакивают немцы и беспорядочно стреляют в разные стороны. Мы с места в штыки и кинжалы. После короткой рукопашной борьбы мы их частью перебили, частью забрали в плен.

С той стороны, где — как мы предполагали — действует Галушкин, появились черные фигуры. Это были отступавшие от него немцы. Мы бросились на них в штыки. Но Галушкин, не зная, где мы, продолжал стрелять в нашу сторону. Мы перебили человек 70 германцев, 30 взяли в плен; в общем, роту прикончили, забрали 2 пулемета, винтовки, много касок. У меня оказалось 2 убитых и 18 раненых. У немцев всюду поднялась тревога. За отсутствием проводников, по компасу и звездам пошли мы обратно, с песнями и добычей, выслав вперед дозоры. Вскоре нашли под кустами наших перепугавшихся проводников, и они снова повели нас. Мы были еще дважды обстреляны немецкими заставами, но с боем, перекатами, ушли от них без новых потерь и на рассвете вышли на берег Шары.

Русские посты, встревоженные ночной пальбой с криками «ура», открыли по нас огонь через речку. Несмотря на наши крики «свои, свои», огонь с русской стороны все усиливался, быстро распространяясь и вниз по реке. В это время наши задние дозоры стали доносить, что сзади на нас наступает около батальона германской пехоты, высланной нас преследовать. Положение становилось тягостным — мы рисковали оказаться между двух огней. Я вызвал охотников доставить донесения через Шару, что это мы и чтобы нас пропустили. Охотники дошли благополучно, огонь прекратился. Со своим отрядом, гуськом, прикрываясь огнем задней заставы, мы перешли на нашу сторону. Немцы решили нас преследовать на нашем берегу Шары. Мы тотчас рассыпались в цепь и отбивались до подхода роты из резерва.

Было уже совсем светло, когда с песнями и, влача пленных, явились мы на бивак. Едва похоронили своих убитых, как приехал корпусной командир, генерал Ирманов. Он горячо благодарил нас и наградил казаков крестами. Я получил благодарность в приказе по корпусу. Тут впервые я встретился с доблестным

командиром 206-го пехотного полка[29] полковником Генерального штаба И.П. Романовским[30], впоследствии начальником штаба Добровольческой армии[31] при генералах Корнилове[32], Алексееве, Деникине[33]; он недавно принял полк.

Затем началась боевая служба. Каждые двое суток мы выходили ночью в набеги, часто с прибавленными к моему отряду пехотными разведчиками. Мы очень беспокоили немцев, настолько усиливших свою бдительность, что нам приходилось постоянно менять место нашей работы. Мы брали много пленных, частенько приводили их по сотне и больше. Однако основная цель нашей работы — организация партизанской деятельности населения в неприятельских тылах — так и не была достигнута вследствие пассивности и запуганности населения.

Однажды, это было несколько южнее, я задумал смелую операцию — захватить неожиданным набегом высмотренный нами штаб германской дивизии, расположенный в тылу, верстах в 30–35 от нашего фронта. Для этой цели к моему отряду, выросшему уже до двух сотен, были приданы еще две сотни Хоперского полка Кубанского войска. У меня была хорошо налаженная связь с местным населением, и оно перерезало штабные телефонные линии к назначенному мною сроку. Конным пробегом мы дошли до штаба, перерезали германскую охранную роту, взяли в плен весь штаб дивизии во главе с ее начальником и забрали все документы. Это было уж слишком дерзко, и мы поплатились. Немцы нас почти окружили, и мы никак не могли выбраться на нашу сторону. Нарвавшись на германский батальон, попали под сильнейший огонь и понесли большие потери. Часть пленных разбежалась; немецкого генерала, пытавшегося скрыться, казаки зарубили.

Трое суток, преследуемые со всех сторон, бродили мы по лесу без отдыха, замерзшие, голодные и с некормленными конями. Люди изнервничались и пали духом. К счастью, мы встретили двух крестьян, указавших нам затерянную деревушку, где мы отдохнули и отогрелись. С большими трудностями, на четвертую ночь, выбрались мы наконец на нашу сторону, доставив документы и несколько пленных. За это дело я был представлен к Георгиевскому кресту[34], но так его и не получил.

Глава 4

Переброска на Брусиловский фронт в Галиции. — Предписание отправиться в Буковину. — Конный поход на Черновицы. — Генералы Келъчевский, Крымов, Врангель. — Работа в Карпатах. — Присоединение к 3-му конному корпусу графа Келлера. — Работа с ним. — Отношение его к отречению Государя.

Ранней весной 3-й Кавказский корпус отправился походным порядком на север, в район Барановичи-Молодеч-но, где собирался большой кулак из 12 корпусов, долженствовавший совершить прорыв германского фронта. Удар этот не состоялся вследствие совершившегося в это время знаменитого Брусиловского прорыва[35] южного австро-германского фронта; собранные под Молодечно корпуса были постепенно переброшены на развитие достигнутых Брусиловым успехов.

Это был трудный поход в весеннюю распутицу, по невылазной грязи. Пасху мы встречали в одной деревушке Минской губернии. Под Барановичами наша пехота села в окопы. На этом участке фронта происходила правильная позиционная война; тылы противника были плотно населены его резервами, и поэтому партизанская работа не могла иметь тут никакого применения. Мой отряд стали посылать для производства разведок, вследствие чего он нес большие потери в людях, — и притом в каких людях! — в лучших, отборных, искусных партизанах!

Желая спасти свой отряд от конечного и притом непроизводительного истребления, а также полагая, что его боевые качества будут более полезны в другой военной обстановке, я стал проситься на южный фронт, где, как я слыхал, происходили конные бои. Ходатайство мое в этом отношении увенчалось успехом; я получил предписание отправиться походом в 9-ю армию[36], действовавшую в Буковине. Около месяца мы шли, опять конным походом, на Черновицы и сильно заморили коней. По прибытии в район Черновиц, в июле 1916 г., мы отдохнули и поправили лошадей. Там я впервые встретил генерала Кельчевского[37], в то время начальника штаба 9-й армии, а впоследствии, во время Гражданской войны, начальника штаба Донской армии[38], находившейся под командованием генерала Сидорина[39]. Девятой армией командовал генерал Лечицкий[40].

В этот период войны Румыния также приняла в ней участие, и русские и румынские части были расположены вперемежку. Севернее нас действовала Уссурийская конная дивизия[41] славного генерала Крымова[42], впоследствии участника похода Корнилова на Петроград[43], и 3-й конный корпус[44] доблестного генерала Келлера[45], убитого в 1919 г. в Киеве петлюровцами[46]. Корпус этот состоял из дивизий: 1-й Донской[47], 10-й кавалерийской[48] и 1-й Терской[49]. 1-й Донской дивизией командовал известный военный писатель, впоследствии Донской атаман, генерал Краснов[50].

Из Черновиц мой отряд был переброшен в район Селетина. Мне были переданы еще три партизанских отряда: один казачий донской («быкадоровцы») подъесаула Быкадорова[51], уральский казачий[52] подъесаула Абрамова («абрамовцы») и Партизанский отряд 13-й кавалерийской дивизии[53]. Таким образом, теперь под моей командой состояло более 600 шашек. Действовать приходилось пешком в отрогах южных Карпат, причем работа наша координировалась с задачами, возлагавшимися на пехоту. В то время как пехота готовила лобовую атаку, я забирался в тылы неприятельского участка, нарушал коммуникации, производил разгром тылов, а если было возможно, то и атаковал неприятеля с тылу. Горы были страшно крутые, продвижение обозов невозможно, подвоз продуктов приходилось производить на вьюках по горным тропинкам, вывоз раненых был затруднен. Вообще работа была страшно трудная. Драться приходилось с венграми и баварцами.

При взятии Карлибабы, где мы захватили огромную добычу, я был контужен в голову, причем у меня была разбита щека и поврежден правый глаз. Вскоре после этого мой отряд придали 3-му конному корпусу генерала от кавалерии графа Келлера.

Тут я несколько отвлекусь, дав характеристику генерала Крымова, совместно с которым мне часто приходилось работать. Он, грубый с виду, резкий на словах, разносивший, не выбирая выражений, своих подчиненных, задиравшийся по всякому поводу с начальством, пользовался, несмотря на все это, безграничным уважением и горячей любовью всех подчиненных, от старшего офицера до младшего казака. За ним, по первому его слову — все в огонь и в воду. Это был человек железной воли, неукротимой энергии и неустрашимой личной храбрости. Он быстро разбирался в самой запутанной военной обстановке и принимал смелые, но неизменно удачные решения; хорошо изучил своих подчиненных и умел использовать их боевые качества и даже самые их недостатки. Так, зная склонность казаков держать подле себя коней, дабы в случае неудачи спешно изменить свое

местонахождение, Крымов держал коноводов верстах в 50-ти от места боя, благодаря чему его казаки держались в пешем бою крепче самой стойкой пехоты. Зная местность огня, он со своими забайкальцами, природными охотниками, применял такой метод борьбы с наступающим противником: занимал горные вершины отдельными взводами казаков, которые устраивались там по-своему и били на выбор. Никакой огонь артиллерии, никакие атаки баварцев не могли выкурить из горных щелей засевших в них казаков.

Я недолго работал с Крымовым, но вынес много ценных уроков и светлую память об этом доблестном солдате, об этом честном человеке, который не мог мириться с предателем Керенским[54] и пережить позора России. Вечная ему память! Там же, в его дивизии, встретился я впервые с бароном Врангелем, впоследствии Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России в борьбе против большевиков. Однажды, после тяжелого ночного боя, под моросившим мелким дождем, возвращался я на отдых. Высланные заблаговременно квартирьеры донесли, что заняли для нас одинокий охотничий домик. Промокший и усталый, подъезжаю я, слезаю с коня. Вдруг на пороге домика появляется высокая, статная фигура и слышится громкий, властный голос:

— Это что еще за орда прибыла? Я спросил:

— Кто это говорит?

— Командир 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска[55], флигель-адъютант Его Величества, полковник барон Врангель[56], — последовал ответ.

Я представился и назвал себя. Выяснилось, что квартирьеры барона Врангеля заняли помещение раньше моих. Тем не менее Врангель любезно потеснился и пустил нас обогреться и отдохнуть. Я недолго, однако, пользовался его гостеприимством, ибо прискакавший ординарец привез мне новое спешное задание. Кстати, полк барона Врангеля считался лучшим в славной дивизии генерала Крымова.

Однако возвращаюсь к прерванному рассказу. Итак, мой отряд был придан 3-му конному корпусу, и я явился представиться своему новому корпусному командиру. Граф Келлер занимал большой, богато украшенный дом в г. Дорна-Ватра. С некоторым трепетом, понятным каждому военному человеку, ожидал я представления этому знаменитому генералу, считавшемуся лучшим кавалерийским начальником русской армии. Меня ввели к нему. Его внешность: высокая, стройная, хорошо подобранная фигура старого кавалериста, два Георгиевских креста на изящно сшитом кителе, доброе

выражение на красивом, энергичном лице с выразительными, проникающими в самую душу глазами, Граф ласково принял меня, расспросил о быте казаков и обещал удовлетворить все наши нужды.

— Я слышал о славной работе вашего отряда, — сказал он. — Рад видеть вас в числе моих подчиненных и готов во всем и всегда идти вам навстречу, но буду требовать от вас работы с полным напряжением сил.

Об этом, впрочем, граф мог бы и не говорить; все знали, что служба под его командой ни для кого не показалась бы синекурой. Действительно, после двухдневного отдыха на отряд были возложены чрезвычайно тяжелые задачи. За время нашей службы при 3-м конном корпусе я хорошо изучил графа и полюбил его всей душой, равно как и мои подчиненные, положительно не чаявшие в нем души. Граф Келлер был чрезвычайно заботлив о подчиненных; особенное внимание он обращал на то, чтобы люди были всегда хорошо накормлены, а также на постановку дела ухода за ранеными, которое, несмотря на трудные условия войны, было поставлено образцово. Он знал психологию солдата и казака. Встречая раненых, выносимых из боя, каждого расспрашивал, успокаивал и умел обласкать. С маленькими людьми был ровен в обращении и в высшей степени вежлив и деликатен; со старшими начальниками несколько суховат. С начальством, если он считал себя задетым, шел положительно на ножи. Верхи его поэтому не любили. Неутомимый кавалерист, делавший по 100 верст в сутки, слезая с седла лишь для того, чтобы переменить измученного коня, он был примером для всех. В трудные моменты лично водил полки в атаку и был дважды ранен.

Когда он появлялся перед полками в своей волчьей папахе и в чекмене Оренбургского казачьего войска[57], щеголяя молодцеватой посадкой, казалось, чувствовалось, как трепетали сердца обожавших его людей, готовых по первому его слову, по одному мановению руки броситься куда угодно и совершить чудеса храбрости и самопожертвования. Впоследствии, когда в Петрограде произошла революция, граф Келлер заявил телеграфно в Ставку, что не признает Временного правительстваВременное правительство — центральный орган государственной власти, образовавшийся после февральского переворота и существовавший со 2 марта по 25 октября (7 ноября) 1917 г. Являлось высшим исполнительно-распорядительным органом, выполняя и законодательные функции. Министрами-председателями являлись: князь Г.Е. Львов (2 марта — 2 июля), А.Ф. Керенский (2 июля — 25 октября (7

ноября)). Правительство прекратило свое существование в результате Октябрьского переворота в ночь на 26 октября (8 ноября) 1917 г.[58] до тех пор, пока не получит от Монарха, которому он присягал, уведомление, что тот действительно добровольно отрекся от престола. Близ Кишинева, в апреле 1917 г., были собраны представители от каждой сотни и эскадрона.

— Я получил депешу, — сказал граф Келлер, — об отречении Государя и о каком-то Временном правительстве. Я, ваш старый командир, деливший с вами и лишения, и горести, и радости, не верю, чтобы Государь Император в такой момент мог добровольно бросить на гибель армию и Россию. Вот телеграмма, которую я послал Царю (цитирую по памяти): «3-й конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от Престола. Прикажи, Царь, придем и защитим Тебя».

— Ура, ура! — закричали драгуны, казаки, гусары. — Поддержим все, не дадим в обиду Императора.

Подъем был колоссальный. Все хотели спешить на выручку плененного, как нам казалось, Государя. Вскоре пришел телеграфный ответ за подписью генерала Щербачева[59] — графу Келлеру предписывалось сдать корпус под угрозой объявления бунтовщиком. Келлер сдал корпус генералу Крымову и уехал из армии. В глубокой горести и со слезами провожали мы нашего графа. Офицеры, кавалеристы, казаки, все повесили головы, приуныли, но у всех таилась надежда, что скоро недоразумение объяснится, что мы еще увидим нашего любимого вождя и еще поработаем под славным его командованием. Но судьба решила иначе.

Глава 5

Революция 1917 года. — Начало большевизма. — Последствия приказа № 1 и инцидент в Кишиневе. — Обратный путь на Кубань.

Приказ № 1Приказ № 1 — первый после Февральского переворота приказ Петроградского Совета по петроградскому гарнизону, принятый 1 марта 1917 г. Он узаконил солдатские комитеты в армии; установил подчиняемость воинских частей в политических выступлениях Совету рабочих и солдатских депутатов; оружие должно было находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам; солдаты получали гражданские права; приказ ставил солдат на одну ступень с офицерами вне службы и строя, запрещал грубое обращение с солдатами и отменял титулование офицеров и генералов фразами: «Ваше благородие или высокоблагородие» и «Ваше (высоко)превосходительство». Действие этого приказа распространилось практически на всю Российскую армию. Он сыграл огромную роль в «демократизации» и «революционизировании» армии, ее окончательном развале, падении боевого духа, росте дезертирства и уголовных преступлений среди солдат и матросов. [60] и беспрерывное митингование, пример которому подавал сам глава Временного правительства — презренный Керенский, — начали приносить свои плоды: армия и особенно ядро ее — армейская пехота — стали разлагаться неуклонно и стремительно. По улицам Кишинева ходили толпы разнузданных солдат, останавливавших и оскорблявших офицеров. Желая оберечь своих казаков от заразы, мы, офицеры, стали проводить все наши досуги среди них, стараясь привить им критическое отношение к крайним лозунгам, проповедовавшимся неизвестно откуда налетевшими агитаторами, а также внушить необходимость доведения борьбы до победного конца.

Казаки держались крепко, но я чувствовал, что дальнейшее пребывание тут небезопасно, ибо брожение в пехоте приняло такой масштаб, что она производила впечатление совершенно небоеспособной. С другой стороны, отношения между пехотой и казаками, получившими прозвище «контрреволюционеров», приняли столь напряженный характер, что можно было ежеминутно опасаться вспышки вооруженной междоусобицы. Тогда я задумал отправиться со своим отрядом в Персию, в

экспедиционный корпус генерала Баратова[61], слава о действиях которого, гремевшая на Кавказе, докатилась до нас. Офицеры, которых я посвятил в свой план, отнеслись к нему с восторгом, а прослышавшие о нем казаки — с энтузиазмом.

В это время произошел инцидент, положивший конец всяким нашим колебаниям, ибо уход наш из Кишинева стал совершенно необходимым. Однажды я зашел в один из кишиневских ресторанов вместе со своим адъютантов. Едва мы устроились позавтракать» как вломилась банда растерзанных пехотных солдат. Они расположились в ресторане, не снимая головных уборов и поносительно ругаясь площадной бранью. Было ясно, что солдаты вели себя умышленно дерзко, чтобы демонстрировать этим свое пренебрежение к обедавшим тут же офицерам. Я не мог молча смотреть на подобное безобразие. Подойдя к солдатам, потребовал от них, чтобы они вели себя пристойно и сняли головные уборы; они не только не послушались меня, но даже вступили со мной в непозволительно дерзкие пререкания. Я, в свою очередь, пригрозил, для их успокоения, вызвать вооруженную силу. Тогда они, выскочив на улицу, стали созывать толпу, чтобы расправиться со мною. Адъютант, видя, что мне грозит суд Линча, бросился к телефону и передал в отряд о грозившей нам опасности. Тем временем на улице уже собралась громадная, дико горланившая толпа, требовавшая под угрозой разгрома ресторана, чтобы я вышел к ней. Едва я появился в дверях, как они бросились на меня. Я выхватил револьвер, — ближайшие шарахнулись от меня в стороны и уже не решались подходить близко. С ревом и ругательствами толпа требовала, чтобы я отдался в ее распоряжение, так как она намерена тащить меня силой в комендатуру. Я заявил, что живым в их руки не дамся, а к коменданту пойду и сам, но чтобы ко мне никто не приближался, если не желает быть застреленным наповал. Выйдя на улицу, я пошел в комендантское управление, держа револьвер в руке и не подпуская никого близко к себе. В бессильной злобе, осыпая меня проклятиями, валила за мной толпа. Вдруг послышался отдаленный, все усиливавшийся конский топот по каменной мостовой; из-за угла выскочил головной разъезд моего отряда, а за ним, полным карьером, вынесся, сотня за сотней, и весь отряд. По сигналу тревоги и узнав о грозившей мне опасности, примчались ко мне на выручку мои верные станичники. Казаки не потратили, видимо, и минуты на сборы — они сидели на неоседланных конях, многие были полуодеты, без папах, даже босиком — но шашки, кинжалы и винтовки были при них. Командир дивизиона, подъесаул Ассьер, подскакал ко мне с

рапортом о прибытии.

Построиться, мерзавцы! — скомандовал я, обращаясь к глумившейся только что надо мной толпе. И вся эта сволочь, в мгновение ока, покорно выстроилась и, руки по швам, стояла навытяжку. Я приказал казакам стать сзади этой шеренги успокоенных буянов. Затем обратился к солдатам с внушением.

— Вы забыли дисциплину, — сказал я. — Родине нужны воины. Вы же превратились в банду разнузданных хулиганов, годных лишь для того, чтобы митинговать и оскорблять офицеров, виновных только в том, что у них нет ни спереди, ни сзади красного банта. Вот мои казаки, по первому звуку тревожной трубы бросились они исполнить свой долг…

— Тут я поблагодарил казаков. Струсившие солдаты стали просить прощения и жаловаться, что их подбивают и сбивают с толку агитаторы.

— Ступайте, — сказал я им. — Лишь полным подчинением дисциплине можете вы поддержать гибнущую Родину, если у вас еще осталась хоть капля совести.

Этот случай переполошил все местные комитеты. На меня полетели телеграммы с жалобами в Питер к самому Керенскому. Нужно было уходить, ибо стало ясно, что вот-вот начнется война между комитетчиками и казаками. Я занял силой кишиневский вокзал, добыл поездной состав и двинулся на Кубань. Нас всюду везли как экстренный поезд. Казаки держали себя безукоризненно.

18 апреля 1917 г. (1 мая нового стиля) мы подъехали к Харцизску. Уже издали была видна громадная, тысяч в 15, митинговавшая толпа. Бесчисленные красные, черные, голубые (еврейские) и желтые (украинские) флаги[62] реяли над нею. Едва наш состав остановился, как появились рабочие делегации, чтобы осведомиться, что это за люди и почему без красных флагов и революционных эмблем.

— Мы едем домой, — отвечали казаки, — нам это ник чему.

Тогда «сознательные» рабочие стали требовать выдачи командного состава, как контрреволюционного, на суд пролетариата. Вахмистр 1-й сотни Назаренко вскочил на пулеметную площадку.

— Вы говорите, — крикнул он, обращаясь к толпе, — «что вы боретесь за свободу! Какая же это свобода? Мы не хотим носить ваших красных тряпок, а вы хотите принудить нас к этому. Мы иначе понимаем свободу. Казаки давно свободны.

— Бей его, круши! — заревела толпа и бросилась к эшелону.

— Гей, казаки, к пулеметам! — скомандовал Назаренко. В момент пулеметчики были на своих местах, но стрелять не

понадобилось. Давя и опрокидывая друг друга, оглашая воздух воплями животного ужаса, бросилась толпа врассыпную, и лишь стоны ползавших по платформе ушибленных и валявшиеся в изобилии пестрые «олицетворения свободы» свидетельствовали о недавнем «стихийном подъеме чувств сознательного пролетариата».

Глава 6

Возвращение на Кубань, — Отъезд с отрядом в Персию в экспедиционный корпус генерала Баратова. — Столкновение в Энзели. — Путешествие и прибытие в Персию к генералу Баратову. — Военные действия. — Моя поездка делегатом в Екатеринодар, совпавшая с большевистским переворотом. — Заболевание там тифом. — Возвращение обратно. — Производство мое в полковники. — Покушение на меня. — Отъезд инкогнито переодетым.

В начале мая 1917 г. я прибыл со своим отрядом на Кубань, на станцию Кавказскую; там распустил своих людей по домам в двухнедельный отпуск. В двадцатых числах мая, без всяких опозданий, отдохнув и проведав свои семьи, вернулись мои партизаны в отряд, и мы двинулись, двумя эшелонами, по железной дороге на Баку, а оттуда — пароходом на Энзели.

Энзелийский гарнизон уже пришел в состояние разложения. Там задавали тон потерявшие всякий воинский облик матросы Каспийской флотилии. Местные войсковые комитеты выносили демагогические резолюции и решения, окончательно сбивавшие с толку бросивших службу и слонявшихся без дела солдат. Появление моих бравых партизан, сохранивших полную старорежимную дисциплинированность, отвечавших по-прежнему на приветствия офицеров и щеголявших молодцеватым отданием чести, становившихся часто мне, как начальнику отряда, во фронт, не могло не оскорбить «революционного сознания» энзелийского сброда. Произошел ряд столкновений между пехотинцами и партизанами, доходивших до крупных потасовок; особенно острые столкновения возникали у казаков с матросами.

Глубоко презиравшие матросов казаки раз действительно хватили через край. Дело в том, что начальник энзелий-ского гарнизона, с согласия и одобрения местных комитетов, издал приказ, запрещавший принявшую безобразные размеры азартную игру в карты. Вышедшие прогуляться в городской сад 3–4 казака увидели толпу матросов, ожесточенно резавшихся в «три листика».

— Вот, — сказал один из казаков, — ваша революционная дисциплина. Ваши же комитеты запрещают карточную игру, а вы в публичном месте целой толпой играете в карты. К чему же тогда все эти комитеты? Лишь для того, чтобы мешать начальству работать?

Матросы вознегодовали и набросились на казаков, попрекая их 1905 г., когда казачество подавляло революцию. Казаки возражали достаточно резко. Слово за слово… Казаки взялись за плетки и, отодрав хорошенько нескольких матросов, поставили перепуганных игроков на колени и заставили их пропеть «Боже, Царя храни»[63]; при этом они «поощряли» плетками тех, кто пел, по их мнению, фальшиво или без достаточного воодушевления.

Этот случай переполошил все комитеты, и ко мне полетели жалобы на моих подчиненных. Расследовав дело, я признал, что казаки действительно виноваты в том, что принудили матросов петь гимн, и наложил на них за это своей властью дисциплинарное взыскание. Поведение же матросов, вынудившее казаков применить плети, я признал, в свою очередь, провокационным и потребовал наказания. Дисциплинарные комитеты были вынуждены посадить матросов на месяц под арест. Тут уж «товарищи» обиделись совершенно. Особенно бесило их полное игнорирование казаками Приказа № 1, этого краеугольного камня невиданной прежде революционной дисциплины. Полетели телеграфные жалобы генералу Баратову и комитету в штаб корпуса. Ежедневно происходили свалки и драки. Мои казаки, сильные взаимной выручкой и артистически владевшие оружием, отнюдь не давали себя в обиду. Впрочем, дело редко доходило до серьезных кровопролитий, если не считать таковыми кровоподтеков от казачьих нагаек.

В начале июня мы двинулись походом на Решт и Казвин. Каждые 30 верст были расположены дорожные этапные посты, в обязанности которых входила охрана пути, а также заготовка продовольствия и запасов фуража для проходивших по дороге воинских частей, патрулирование и охрана дороги, телеграфных и телефонных линий от нападений курдов и персидских разбойников. Во главе каждого такого поста стоял этапный комендант с гарнизоном солдат старших сроков службы. Этапные солдаты, обязанности которых были очень легкими сравнительно со службой боевых солдат, сочли происшедшую революцию как освобождение и от их незначительных обязанностей, и положительно бесились от безделья. Единственным их занятием был сбор получаемых новостей от проходящих мимо эшелонов и пускание всевозможных, отнюдь не укреплявших боеспособность, уток и сплетен. Приходя после утомительных переходов на этап, несмотря на телеграфное предупреждение, мы не получали ни пищи, ни фуража для коней и, измученные, должны были раздобывать это как могли. В ответ на мои упреки этапные коменданты оправдывались отказом их подчиненных от какой-

либо работы. Видя, что так мы не дойдем до цели, я решил привести этап в христианский вид. Высылаемые на переход вперед отряда сильные разъезды должны были напоминать этапам, что сзади идет нуждающийся в их услугах внушительный отряд. Первые дни этапные солдаты относились недостаточно внимательно к убеждениям начальников разъездов, но после того, как разъезды преподали несколько хороших уроков неповинующимся, а подошедший отряд дополнил «обучение», слава о сварливости шкуринцев значительно опередила движение отряда и, приходя на этапы, мы купались в изобилии. Более того — этапные команды выстраивались перед нашим прибытием на шоссе и встречали нас с почетом.

Дорогой мы встречали подчас возвращавшихся с фронта агитаторов, многие из коих были рады свежей аудитории, за каковую считали моих партизан. Казаки очень охотно выслушивали этих носителей нового мировоззрения, но, однако, редко кто из них уходил после этого целым. Обыкновенно после окончания дискуссии, и притом по собственной инициативе, неблагодарные казаки их сильно пороли плетками. Так они высекли, между прочим, одного весьма красноречивого «высокопоставленного» господина Финкеля, комиссара Бакинского комитета, командированного в штаб ген. Баратова и пытавшегося разъяснить станичникам контрреволюционность моего мировоззрения. После этого агитаторы, вероятно, сочли мой отряд недостаточно подготовленным к восприятию новых идей и стали искать более благодарной аудитории. Во время пути по крайней мере мы их больше не слыхали.

По прибытии в Хамадан я представил свой отряд генерал-лейтенанту Павлову[64], известному кавалеристу, командовавшему впоследствии, во время Гражданской войны, после смерти генерала Мамонтова[65], 9-м Донским конным корпусом[66]. Генерал Павлов командовал в это время экспедиционным корпусом, вместо генерала Баратова, который состоял в должности командующего Кавказской армией[67]. Мы в Хамадане остановились в роскошном саду какого-то персидского хана; лошади стояли у коновязей, всюду дневальные, у ворот часовые. Приехавший внезапно генерал был встречен рапортом дежурного. Молодцеватая выправка, лихой ответ людей на приветствие, их бодрый, веселый вид привели в восторг старого кавалериста.

— Впервые, — сказал он казакам, — с начала революции встречаю я настоящую воинскую часть.

Мы недолго состояли, однако, под начальством доблестного генерала, ибо он скоро был отчислен от должности, по настоянию

комитетов, за контрреволюционность. Мы повесили головы, думая, что настал конец делу; однако — нет еще. Генерал Баратов, увидевший, что пост командующего Кавказской армией, вследствие засилья комитетов и полного распада тыла, является теперь уже совершившейся синекурой, отказался от этой должности. Он вернулся, по отставке Павлова, на свой старый пост командира экспедиционного корпуса, дабы, по мере сил, гальванизировать возможно дольше державшиеся еще, с грехом пополам, на позициях части.

На большой дороге Казвин — Хамадан, близ Хамаданской заставы, выстроил я свой отряд, ожидая прибытия следовавшего в автомобиле из Энзели славного генерала Баратова. На правом фланге отряда стояли трубачи, блестя на солнце медью своих инструментов, и хор туземных зурначей[68]. Казаки, с лихо заломленными папахами, в новеньких черкесках, в ладно пригнанной амуниции и на хорошо вычищенных походных конях, ниточкой вытянулись вдоль шоссе. Вот вдали запылилась дорога и показался серый автомобиль ген. Баратова. Дружно по команде блеснули в воздухе шашки, и понеслись, пробуждая равнину, чудные, заставляющие трепетать казачьи сердца аккорды бессмертного Сунженского марша. Подкатил и остановился автомобиль. Из него легко выпрыгнул все тот же не стареющий и жизнерадостный Николай Николаевич Баратов.

— Здравствуйте, старые кунаки-кубанцы! — весело и молодо крикнул он.

Звонко и дружно гаркнули станичники ответное приветствие. Собравшаяся у заставы громадная толпа персов, привыкших за последнее время видеть лишь банды буйных и недисциплинированных «товарищей», с сочувственным удивлением смотрела на непривычное для нее зрелище. Генерал Баратов сказал несколько теплых слов отряду и поехал в штаб корпуса, окруженный джигитовавшими казаками.

Вскоре генерал Баратов позвал меня к себе и объяснил общее положение дел. Известия о неудачном исходе похода Корнилова на Петроград докатились уже до Кавказа, и тыловые комитеты бомбардировали полки телеграммами, предупреждающими о контрреволюционности офицерства. В войсках, стоявших на позициях, начались брожение, смуты, возникло недоверие к своим начальникам. Приехавшие агитаторы проповедовали анархию и большевизм. Первыми поддались заразе стрелки Туркестанской бригады[69] и пограничники[70]; случаи неисполнения боевых приказов стали нередкими. Турки приободрились и почти повсюду, как на нашем фронте, так и в Месопотамии, перешли в наступление. Получавшие субсидии от

турецких и немецких эмиссаров курдские племена обнаглели, нападали на наши тылы и рвали коммуникации. Из крепких частей оставались еще на фронте лишь 1-я Кавказская казачья дивизия[71], Кубанская отдельная конная бригада[72], отряд партизан войсковых старшин Лазаря Бичерахова[73] и вновь прибывший отряд. Необходимо было во что бы то ни стало продержаться на фронте хотя бы несколько месяцев, чтобы дать возможность эвакуировать находившееся в Персии громадное русское имущество, а также чтобы успело подойти подкрепление к дравшемуся в Месопотамии английскому экспедиционному отряду.

По новой диспозиции генерала Баратова бичераховские партизаны должны были держаться у Керманшаха и Коршеда до смены их английскими войсками. Я обязан был удержаться во что бы то ни стало в районе города Сенэ, прикрывая дорогу Сенэ — Хамадан. Во исполнение этой задачи мой партизанский отряд должен был развернуться до четырех сотен; к нему был придан батальон пехоты из неподдавшихся заразе добровольцев от полков и горная батарея. В начале августа я прибыл в Сенэ, в распоряжение начальника Курдистанского отряда генерала Гартмана и получил от него приказание выбить турецкие таборы, успевшие занять позиции восточнее Гаранского перевала; турки старались сбить нас с него. Я выдвинул разведку, которая, путем расспросов местных жителей, выяснила, что существует горная тропинка, обходящая турецкие позиции. На рассвете 15 августа 1-я сотня моего отряда, под командой подъесаула Прощенко, двинутая по этой тропинке, успешно обошла турок и сбила их заставы. Следовавшие за сот-. ней на вьюках горные орудия изрядно обстреляли турок; пользуясь их переполохом, я развернул свой батальон в атаку. Турки в панике бежали, бросая пулеметы и пушки. Казаки преследовали их до ночи, забирая пленных и трофеи, и вышли в Мериванскую долину. Мы укрепились на отвоеванных позициях, и началось нудное сидение в окопах, нос с носом со вновь подошедшим противником. Изредка мы разнообразили это времяпрепровождение набегами на курдских ханов, грабивших наши транспорты.

В конце октября я вместе с вахмистром Назаренко был делегирован от кубанцев, находящихся на фронте, во впервые собравшуюся Кубанскую краевую Раду и поехал в Екатеринодар. В это время в России произошел большевистский переворот, но Кубанская Рада не признала такового и объявила независимость Кубанского края. Ходили слухи о бегстве Корнилова из Быхова и о том, что он идет на Дон[74]. В Раде происходили страстные дебаты, как отнестись к его выступлению; большинство членов ее

высказывалось за его поддержку. Я не успел, однако, принять сколько-нибудь заметного участия в волновавших всех политических вопросах, ибо заболел тифом; навещавшие меня во время моей вынужденной бездеятельности друзья рассказывали мне о проникновении большевистских идей в среду кубанских «иногородних» и о том, что многие из кубанских частей, возвратившихся с Западного фронта, также не избегли большевистской заразы.

Оправившись от болезни, я в начале декабря, в сопровождении своего верного, многолетнего вестового Захара Чайки, через Баку — Энзели, выехал на фронт. Между Энзели и Казвином, у этапа Имам-Заде-Раше, мой автомобиль был внезапно остановлен преградившей дорогу толпой вооруженных солдат, которые потребовали, чтобы я назвал себя. Услышав мою фамилию, толпа заревела в восторге. Солдаты объявили, что я арестован в качестве известного контрреволюционера. Затем они собрались на митинг, чтобы решить, что со мной делать. Голоса разделились: одни требовали расстрелять меня немедленно, другие же, опасаясь позднейших репрессий со стороны моих казаков, склонялись к тому, чтобы я был отправлен на суд комитета этапного батальона.

Не теряя драгоценного времени, я устроил, в свою очередь, военный совет со своим верным Чайкой и с шофером привезшего меня автомобиля. Решено было, что шофер выведет тихонько свою машину на шоссе, посадит ожидающего там Чайку и к утру доставит его в Казвин, чтобы вызвать на выручку меня моих партизан. Я прекрасно отдавал себе отчет в том, что мои казаки, да и то в самом ограниченном, за малочисленностью автомобилей, количестве, могут прибыть в Имам-Заде-Раше лишь через несколько дней, ибо они могли быть от меня не ближе Хамадана. Но я знал трусость «товарищей», которые не решатся тронуть меня хоть пальцем, если будут знать, что это не пройдет для них безнаказанно. Когда автомобиль зашумел во мраке, увозя Чайку, я крикнул что есть силы ему вслед:

— Пусть немедленно все казаки мчатся сюда и устроят по мне хорошие поминки.

— «Товарищи» переполошились и, конечно, решено было меня не расстреливать. Я спокойно заснул на своей бурке. Утром меня повезли в автомобиле на суд этапного комитета. Войдя в комитетское помещение, я раскричался на его чинов:

— Как смели вы задержать, лишить свободы меня, начальника отдельной части, спешащего на фронт по делам службы? Мною вызван сюда мой отряд. Он вас научит порядкам — ни один из вас не избегнет веревки!

Испуганные комитетчики стали извиняться в своей «ошибке» и взмолились о прощении. Однако я переписал их фамилии (вследствие чего, как я слышал позже, большинство из них разбежалось), потребовал себе машину и уехал. Примчавшийся на рассвете в Казвин Захар Чайка наделал там шуму. Услышав от телефонистов, что мои казаки, вызванные меня выручать, обещались изрубить по дороге всех комитетчиков, многие из них также поспешили предусмотрительно навострить лыжи.

Явившись в Хамадан, в штаб корпуса, я узнал, что за Гаранское дело произведен в полковники и назначен командиром 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска[75], оставаясь одновременно командиром своего партизанского отряда. Кроме того, Кавказская георгиевская дума присудила мне офицерский Георгиевский крест, но я не ношу его, ибо награждение это не могло до сего времени быть санкционировано Всероссийской георгиевской думой. Мои партизаны, в свою очередь, пользуясь новыми правилами, присудили мне солдатские георгиевские кресты 4-й и 3-й степени[76]. В Хамадане я встретил часть своих орлов; остальные стояли на позициях у Сенэ. Я принялся объезжать сотню за сотней свой новый 2-й линейный полк. Казаки еще держались, но уже было заметно некоторое шатание. Повсюду заявлялись жалобы на невыданное обмундирование, на недодачу пары копеек, на то, что не пускают домой. Хотя во всем этом не было еще ничего политического, но для меня, природного казака, было ясно, что все это печальные признаки скрытых бурь. Пехотные полки уже потеряли к этому времени всякий облик воинских частей. Солдаты открыто дезертировали, распродавая персам и курдам казенное имущество, винтовки и патроны. Мой отряд за время моего отсутствия тоже немного разболтался. Молодые партизаны, присоединившиеся к нам только в Персии и разбавившие крепкий кадр проделавших всю кампанию старослужащих, неохотно подчинялись строгим порядкам, коими держалась часть, но охотно прислушивались к смутьянам, будировавшим на митингах.

Корпусной комитет, в котором задавали тон писаря и мальчишки-офицеры, завидовавшие лаврам Крыленко, не боролся с большевистской пропагандой и даже довольно явно способствовал ей. Стоявший на государственной точке зрения, уважаемый корпусной комиссар Алексей Григорьевич Емельянов[77] совместно с генералом Баратовым тщетно боролся с разложением войск. Скоро пришел приказ: уволить на льготу старослужащих казаков. Лучшие, незаменимые партизаны, с которыми я привык делить горе и радость, составлявшие цвет моего отряда, должны были уйти на льготу. И это в то время,

когда фронт едва держался и каждый надежный боец был на учете. Взгрустнулось мне; мало надежд оставалось на будущее; чувствовалось, что мутные волны, залившие всю Россию и повергнувшие ее в бездну позора и страданий, затопят скоро и Кавказ, разрушат последние очаги русской государственности и жалкие остатки недавно могучей и грозной врагам русской армии, бесславно дезертировавшей теперь.

Отъезд спускаемых на льготу казаков был назначен на 26-е декабря, на второй день Рождества. В сочельник, в предместье Хамадана — Шаварин, где стояли сотни, по старому русскому обычаю была приготовлена кутья. С первой звездой я вышел из своей квартиры и в сопровождении офицеров стал обходить сотни, поздравляя казаков с праздником Рождества Христова. Была лунная морозная ночь. Отовсюду слышалась беспорядочная стрельба — это по кавказскому обычаю люди салютовали празднику, стреляя в воздух… Выйдя из первой сотни, после того как там поздравил казаков, и направляясь ко второй, я проходил по двору; шел несколько впереди сопровождавших меня офицеров и казаков. В это время грянул залп, как мне показалось, с кровли соседнего туземного дома. Я почувствовал сильный удар в грудь, упал и потерял сознание.

Офицеры и казаки бросились к месту, откуда стреляли, и открыли огонь по убегавшим в темноте фигурам. Это были большевистские агенты, решившие убить меня, как заклятого врага большевизма. Положенный на казачью бурку, я был отнесен в казармы, где прибежавший доктор осмотрел меня. Выяснилось, что пуля, направленная мне в грудь против сердца, ударившись в костяные козыри черкески, отклонилась влево, пробила грудную клетку возле самого сердца, вышла наружу под левую мышку и пронзила левую руку, не задев, однако, кости, оставив таким образом 4 отверстия.

Когда я пришел в себя, то лежал на топчане, облитый кровью, обильно струившейся из ран. Нагнувшийся надо мной доктор Коренев поспешно бинтовал меня. Как в тумане плыли передо мною суровые лица казаков, смотревших на меня полными слез глазами. По выражению их лиц я понял, что умираю. Силы вновь оставили меня. Когда я очнулся вновь, то увидел перед собой милое лицо генерала Баратова, узнавшего о моем ранении и приехавшего вместе с комиссаром Емельяновым меня проведать или, может быть, проститься со мной. Баратов перекрестился, наклонился к моему уху и сказал:

— Доктор говорит, что сердце не задето. Будешь жив. Ты еще нужен родине.

Меня вновь переложили на бурку и тихо и осторожно

вынесли во двор, где стояли пожелавшие меня видеть все казаки моего отряда. Услыхав, что рана не смертельна, они разразились криками «ура», и хор трубачей грянул Кубанский войсковой марш. Перенесенный на квартиру, я впал в лихорадочную нервозность и просыпался тотчас же, лишь только замолкала успокаивавшая меня музыка. И долго, долго, до полного изнеможения, играли под окнами мои добрые трубачи.

Проболев недели три, худой и бледный вышел я впервые во двор, погреться на жиденьком январском солнце и посмотреть на своих казаков. Давно уже уехали на родину мои старые боевые орлы, Я увидел вокруг себя лишь новые, молодые, почти все незнакомые мне лица. Мое сердце почуяло, что теперь здесь уже сделать ничего нельзя. Вскоре ко мне пришла депутация молодых партизан; они просили, чтобы я настаивал перед начальством о скорейшем возвращении казаков на Кубань; говорили, что Корнилов уже разбит, Кубань признала советскую власть и воевать дальше нет смысла.

Мне стоило больших трудов убедить казаков в необходимости продержаться еще некоторое время, чтобы дать генералу Баратову возможность закончить эвакуацию имущества из Персии. Тем не менее мне пришлось несколько раскассировать свой отряд. Отобрав две сотни наиболее надежных людей, я отправил, под разными предлогами, на родину наиболее малодушных и поддавшихся агитации казаков. Ввиду того что мои раны снова разболелись, я вынужден был временно сдать командование полком и отрядом своим заместителям и уехать полечиться в Тегеран.

Во время моего отсутствия наши войска, по диспозиции генерала Баратова и ввиду вывоза главной части русского имущества из Персии, стали оттягиваться от перевалов и отступать к Энзели через Казвин и Решт. Возвращаясь из Тегерана, я догнал свой отряд уже близ Казвина. Там узнал, что комитеты Баку и Энзели не выпустят меня живым, хотя бы для этого потребовалось вступить в бой С моими казаками. Не желая подводить своих подчиненных под опасность, я решил скрыться, распустив слухи, что якобы не возвращался из Тегерана, ибо уехал оттуда к англичанам в Багдад. Переодевшись солдатом, выкрасив волосы и с подложным паспортом, я приехал неопознанным в Энзели и ждал там случая сесть на пароход, отходящий с войсками в Петровск. Посещал митинги, происходившие в Энзели, и слышал, как «товарищи» поносительно ругали генерала Баратова, полковника Бичехарова и меня, грозили смертью нам троим.

Однажды ночью в лачугу, где я скрывался, явилась группа

казаков. Это были казаки моего отряда и 3-го Хоперского полка, в рядах которого я начал кампанию на Западном фронте. Мои казаки вошли в конспиративную связь с хоперцами и просили их доставить меня, вместе с их эшелоном, в Петровский порт. Они принесли мне костюм персиянина, провели на пароход, на который был погружен 3-й Хоперский полк, и спрятали в трюме. На рассвете наш пароход отвалил от энзелийской пристани. Выйдя на палубу, я увидел на берегу многих казаков из моего партизанского отряда. Стоя на набережной, они махали мне своими папахами. Несмотря на то что все хоперцы знали о том, кто я, ни один не показал и виду, что я опознан ими, и не проронил об этом ни слова большевистской команде. По прибытии в Петровск я поселился в этом городе, тогда столице Татарско-Дагестанской республики[78], ожидая прибытия своего Партизанского отряда.

Глава 7

Путешествие в Кисловодск. — Жизнь там инкогнито. — Собирание известий. — Отъезд и разведка по станицам. — Подготовка восстания казаков. — Встреча сАвтономовым — красным Главковерхом Северного Кавказа.

Мне не пришлось, однако, дождаться в Петровске прибытия моего отряда и полка. Дело в том, что Татарско-Дагестанская республика вела в то время войну с наступавшими со стороны Баку большевиками. Ввиду этого, а также принимая во внимание продовольственные затруднения, татарское правительство предложило находящимся в Петровске, в ультимативной форме, или выступить против большевиков, или же немедленно покинуть пределы республики. Не испытавшие еще прелестей большевистского строя и соскучившиеся по своим семьям казаки заявили, что они остаются нейтральными в татарско-большевистской распре и просят дать им возможность уехать на Кубань.

Мне было невозможно оставаться одному в городе, и поэтому я решил продолжать далее свой путь вместе с 3-м Хоперским полком. Нам подали составы, и мы тронулись на Грозный. Это путешествие по железной дороге останется надолго в моей памяти. Мы проезжали местами, где еще недавно кипела отчаянная война между отстаивавшим свои очаги местным русским населением и горцами, решившими изгнать его из пределов своих стародавних земель. В этой войне горцы, хорошо вооруженные и фанатичные, победили мирных русских крестьян, огнем и мечом пройдя всю страну. Лишь немногие уцелевшие крестьяне, бросив все, с женами и детьми бежали в пределы Терской области[79]. Там, где еще недавно стояли цветущие русские села, утопавшие в зелени богатых садов, теперь лежали лишь груды развалин и кучи обгоревшего щебня. Одичавшие собаки бродили и жалобно выли на пепелищах и, голодные, терзали раскиданные всюду и разлагавшиеся на солнце обезглавленные трупы русских поселян, жертв недавних боев. Зрелище этого беспощадного истребления трудов многих поколений, этого разрушения культуры, напоминавшее времена Батыя и Чингиз-Хана, было невыносимо тягостно и разрывало душу. Железнодорожное полотно было местами разрушено, телеграфные столбы порублены, мостики сожжены. Засевшие в лесистых трущобах чеченцы осыпали проходившие эшелоны

градом метких пуль, нанося нам потери. Приходилось двигаться с величайшими предосторожностями, постоянно исправляя путь, и часто с рассыпанной впереди цепью казаков, выбивавших из засад преграждавших дорогу горцев.

После длительного, полного опасностей путешествия по стране смерти наш эшелон достиг наконец пределов Терской области. От терских казаков мы узнали, что делается на белом свете. Невеселые сообщили они нам новости: большевики заключили предательский мир с немцами в Брест-Литовске[80]; генерал Корнилов убит в феврале под Екатеринодаром, а Терский атаман Караулов[81] тоже убит на станции Прохладной; Кубань, а за нею и Терек признали советскую власть. В наш эшелон стали подсаживаться какие-то подозрительные личности, именовавшие себя делегатами разных, неизвестных прежде, организаций, командированными якобы для приветствия возвращавшихся на родину казаков. Это были большевистские соглядатаи, на обязанности которых лежало ознакомление с настроением казаков, а может быть, и составление проскрипционных списков тех, кто критически относился к советской власти и мог впоследствии оказаться ей опасным.

Эти люди пытались побудить казаков истребить своих офицеров, убеждая их в том, что казачьи части, возвращавшиеся на родину вместе со своими офицерами, считаются заведомо контрреволюционными и навлекают на себя большие неприятности, что все офицеры будут расстреляны большевиками и что поэтому лучше бы это сделать заблаговременно самим казакам. Однако хоперцы, привыкшие любить и уважать своих офицеров, не пожелали совершить над ними какого-либо насилия. Наоборот, они тайно предупредили офицеров о том, что им надо уходить и распыляться во избежание грозящей гибели. На последнем перегоне, не доезжая станции Минеральные Воды, где, как я слышал, был большевистский контрольный пункт, пользуясь тихим ходом поезда, я соскочил на полотно и пошел пешком, в обход этой станции, затем, на ходу же, вновь вскочил в товарный вагон и, не замеченный никем, приехал зайцем в Кисловодск, где жила моя семья.

Разбитый физически и морально, поселился я там, продолжая соблюдать свое инкогнито. Отдохнув немного и оправившись, стал совершать небольшие прогулки, прислушиваться и присматриваться к тому, что происходило кругом. В Кисловодске советские власти устраивали многочисленные митинги, на которых восстанавливали низы общества против буржуазии, интеллигенции и офицерства. По базарам ходили неясные слухи о том, что Корнилов жив и вновь формирует свою армию.

Называли имя Деникина, рассказывали легенды о каком-то отряде Баратова. Неузнанный никем, толкался я, переодетый стариком, по базарам и чутко прислушивался к тому, что говорили приезжавшие из станиц казаки и казачки. Они держались вообще осторожно, опасаясь соглядатаев и большевистских провокаторов, коими кишели базары. Каждое неосторожное слово могло стоить жизни; даже самое наименование «казак» считалось контрреволюционным, и станичники именовались гражданами, а чаще «товарищами». Эмблема протеста — черные казачьи папахи были заменены защитными, без кокард, и солдатскими картузами. Было жалко смотреть на матерых казаков, переряженных в ненавистные им картузы и. застенчиво именовавших друг друга «товарищами».

Однажды утром на Пятницком базаре я встретил своего старого вахмистра, казака станицы Бекешевской Наума Козлова. Он сделал мне незаметный для посторонних знак, что узнал меня, и последовал. за мной в укромное местечко, где мы могли поговорить с ним по душам, не привлекая на себя ничьего внимания. Наум Козлов был пожилой, рассудительный казак, хорошо знающий казачий быт и тонко разбирающийся в казачьих настроениях. Он пользовался большим уважением и влиянием в своей станице. По словам Наума Козлова, в начале советской власти ей поверили и считали, что она знаменует собой начало казацко-мужицкого царства. Однако когда в станичных советах вместо уважаемых хозяев засела и стала верховодить местная голытьба, пропившие разум пьяницы, хулиганы, высланные сходом конокрады и вообще лишь подонки казачества и иногородних, советы перестали пользоваться каким-либо уважением; наоборот, их стремление вмешиваться и регламентировать жизнь в станице стало вызывать всеобщее негодование. Старый антагонизм с инородцами сильно обострился, ибо иногородние стали требовать себе земельных наделов и Советы поддерживали эти их тенденции. Насильственные отнятия земель, открытый грабеж под видом реквизиций — всё это страшно возмущало казаков. Вообще повторилась старая история — все очень охотно готовы были делить чужое имущество, но никто не хотел делиться своим.

На почве общей бессудности и бесправия обострились отношения и между казаками. Бедные косились на зажиточных; те, кто работал, опасались, что плоды их трудов будут у них отняты впоследствии. Семейства, потерявшие на войне своих сочленов, не только перестали получать какую-либо поддержку от общества, а наоборот, им ставилось в укоризну участие их близких в «империалистической бойне». Бесконечное

митингование и всякого рода съезды с их крикливым бахвальством и бестолочью сумбурных речейотнюдь не способствовали устроению жизни на местах. Попытки большевистских властей обезоружить казаков и вооружить иногородних вызвали взрыв негодования среди казачества. Чувствовалось, что так дело дальше продолжаться не может. Назревала гроза, которая могла ежеминутно разразиться. Казачество ждало лишь вождя; если бы таковой явился и поднял знамя восстания, казаки восстали бы поголовно и повсеместно.

Расставаясь с Наумом Козловым, я ему дал инструкции потолковать — не называя, однако, меня — со стариками и подготовить казачье общественное мнение в Бекешевской станице к возможности в недалеком будущем восстания против власти большевиков.

Для того чтобы убедиться лично в настроениях казачества Пятигорья, я решил совершить поездку по некоторым станицам. На Страстной неделе, в двадцатых числах апреля, наняв в качестве извозчика одного преданного мне человека, занимавшегося до большевизма отнюдь не извозным промыслом, и в сопровождении моего бывшего подчиненного, есаула Мельникова[82], ранним утром выехал я в эту разведку. Ввиду того что при налаженности большевистского сыска мое длительное отсутствие могло бы навлечь подозрения агентов, нам нужно было обернуться туда и обратно в одни сутки. Мы с Мельниковым решили именовать себя приказчиками скупщиков шерсти, каковые действительно в то время разъезжали по краю в поисках товара.

Первоначально мы заехали в станицу Бекешевскую, к Науму Козлову, узнать от него, что и как. У него взяли на всякий случай винтовки, которые тщательно запрятали под подушки нашей линейки. Оттуда отправились в станицу Бургустанскую, где остановились напиться чаю у одного зажиточного казака, доброго знакомого нашего возницы. Слово за словом разговорились по душам с любезным хозяином, продолжая, однако, тщательно хранить наше инкогнито. Нарисованная этим казаком картина бесчинства совдепских деятелей вполне совпадала с тем, что мне рассказывал Наум Козлов. Определяя настроение казачества, наш хозяин категорически высказывался за неизбежность поголовного восстания казаков против советского строя и скорбел лишь о том, что ввиду отсутствия общего руководителя, могущего возглавить таковое, оно может вылиться в ряд разрозненных бунтов, могущих быть подавленными каждый отдельно, причем много казачьей крови прольется напрасно. В общих чертах, весьма осторожно, я сообщил ему, в свою очередь, что скоро явится

человек, который подымет и организует казачество; пока же необходимо терпеть без протестов гнет большевизма, осторожно объединяя верных людей. Хозяин очень обрадовался тому, что я ему рассказал, и взялся за подготовку общественного мнения в своей станице.

Оттуда мы поехали в большую станицу Баталпашинскую, бывшую главным административным центром Баталпашинского отдела. Там жил один из офицеров моего партизанского отряда, сотник Тарасов (фамилия вымышленная), у которого на руках оставалось несколько тысяч казенных денег. Дело в том, что, покидая отряд близ Казвина и не желая, чтобы казенные деньги были захвачены «товарищами» и пошли на усиление большевизма, я роздал их офицерам отряда, с обязательством вернуть мне по первому моему требованию впоследствии.

Часов в пять вечера, сделав более 70 верст и совершенно изморив лошадей, подъехали мы к Баталпашинской. Я не знал адреса Тарасова и не был даже уверен в том, что он не расстрелян еще большевиками. Чтобы узнать все это, мы пустились на хитрость. Подъехав к колодцу, этому клубу прекрасной половины станичного населения, и напоив лошадей, мы пустились судачить с казачками, притворяясь торговцами, едущими в Ставрополь за хлебом. Узнав адрес Тарасова, мы имели попутно возможность убедиться в том, что казачки весьма неодобрительно отзывались о существующем строе, именуя его арестантским, каторжным и тому подобными поносительными эпитетами. Затем мы выехали на окраину станицы и спрятали нашего возницу вместе с линейкой и конями в необитаемом саду моего попутчика, есаула Мельникова, который был сам жителем станицы Баталпашинской, но, опасаясь расправы со стороны большевиков, скрывался в Кисловодске; сам Мельников, опасавшийся быть узнанным одностаничниками, спрятался в том же саду.

Когда стемнело, я отправился к Тарасову. На мой стук в щеколду выскочил маленький мальчик, его сын; он объяснил, что папаша ушел на речку удить рыбу и скоро вернется к ужину. Я решил дожидаться. Во дворе меня встретила жена Тарасова. Несмотря на весь мой маскарад, она сразу опознала меня и положительно обомлела от ужаса. Придя в себя, чуть не на коленях стала умолять меня уехать скорей и не губить ее мужа; говорила, что он уже подвергался многократным обыскам и был даже арестован и что если кто-либо из живущих поблизости большевиков узнает, что я заходил к нему во двор, то гибель всей их семьи неизбежна. В это время пришел и сам сотник; он тоже сильно струсил, увидев меня, поспешно вернул мне потребованные от него деньги и явно стремился выпроводить

меня поскорее. Однако я успел выведать от него, что в Баталпашинской не только большинство казаков, но и многие иногородние из тех, кто позажиточнее, ненавидят большевиков и мечтают о свержении советской власти, а учитывающие это настроение коммунисты стараются застраховаться путем арестов, террора и беспощадных расстрелов, от которых уже погибло множество офицеров и наиболее видных казаков. По станице ходят слухи, что полковник Шкуро скоро подымет восстание и казаки очень на меня надеются.

Уходя от Тарасова, я попросил его немедленно послать жену Мельникова в их подстаничный сад, где ее ожидает спрятанный там муж. Вернувшись к своим попутчикам, я застал их кормящими коней. Лошади были так утомлены, что необходимо было дать им несколько часов отдыха, прежде чем пускаться в обратный путь. Вскоре пришла в сад жена Мельникова. Она страшно обрадовалась своему мужу, которого, не имея давно известий о нем, готова была уже считать погибшим. Она рассказала, что среди станичников вдет слух, будто бы полковник Шкуро находится в станице и ходит по дворам, переодетый нищим, и поет песни, призывающие казаков к восстанию. Расспросив Мельникову и не желая нарушать интимности ее свидания с мужем, я залег спать под деревьями. Вдруг, часу в третьем ночи, едва стало сереть небо, в сад прибежала запыхавшаяся старуха-казачка.

— Мельничиха тут?

— Тут.

— Пусть ваши утекают скорее. В совдепе суматоха. Говорят, что полковник Шкуро в станице. Скачут конные, всюду обыски, похватали многих офицеров. Уже пошли патрули по садам.

Мы бросились запрягать лошадей, перекрестились и, с винтовками в руках, провожаемые благословениями перепуганных женщин, выехали на дорогу. Только что поднялись на гору, как увидели патруль из шести вооруженных конных, которые, заметив нас, с криками: «Стой, стой!», помчались к нам. Мы с Мельниковым открыли по ним огонь, а возница наш ударил по коням.

Не ожидая такой встречи, патрульные остановились и, в свою очередь, стали стрелять по нас. Мы свернули на небольшой полевой проселок и помчались по нему карьером, часто меняя направление. Благодаря пересеченной местности и нерешительности наших преследователей мы скоро оказались вне опасности. Объехали станицу тылами и по дороге перерезали во многих местах телефонную линию между станицами Баталпашинской и Бекешевской. Затем, вернув винтовки Науму

Козлову, мы спокойно поехали через Бугурусланскую в Кисловодск, вступая в разговоры с работавшими на полях казаками. Не доезжая Кисловодска, куда прибыли ночью, мы с Мельниковым разошлись поодиночке в разные стороны.

Пасха прошла спокойно. На Фоминой неделе я вышел однажды прогуляться по парку. Я не был загримирован, но по покрою своей одежды смахивал скорее на мастерового средней руки. В одной из аллей мне встретилась группа людей, человек семь, обвешанных дорогим оружием и одетых в новенькие, нарядные черкески. Поравнявшись со мною, они остановились. Я посмотрел на них и встретился глазами с бывшим некогда у меня сотенным фельдшером Гуменным. Он торопливо подозвал к себе какого-то человека семитского типа и с револьвером за пазухой, и что-то сказал ему. Прикинувшись равнодушным, я зашагал было дальше, но еврей догнал меня.

— Вы полковник Шкуро? — спросил он меня.

Чувствуя, что дело дрянь, но отпираться нелепо, раз я уже опознан Гуменным, я ответил утвердительно.

— Вас хочет видеть Главнокомандующий революционными войсками Северного Кавказа, товарищ Автономов…

Я последовал за евреем. Отделившись от группы, Гуменный подошел ко мне:

— Разве вы не узнаёте меня, господин полковник? Я ваш бывший сотенный фельдшер Гуменный. Помните, может быть, когда вы формировали в Полесье ваш партизанский отряд, я пришел проситься к вам. Вы же мне изволили тогда ответить, что «мне в отряде сволочи не надо».

— Что-то не припоминаю, — возразил я, хотя прекрасно помнил этого вечного жалобщика и кляузника, бывшего в постоянной оппозиции к начальству, имевшего, однако, сильное, но скверное влияние на казаков.

— Позвольте вас представить нашему Главкому — товарищу Автономову.

Считая в душе, что все это — глумление и что сейчас меня потащат к стенке, я тем не менее посмотрел внимательно на Автономова. Он был сотником 28-го казачьего полка. Светлый блондин, маленького роста, лет 26 с виду, он производил впечатление человека неглупого и сильной воли. Не привыкший к шикарной черкеске с красным башлыком, Автономов как-то путался в ней и несколько проигрывал от этого.

Мы поздоровались.

— Я много слышал о вашей смелой работе на фронте, господин полковник. Рад познакомиться с вами, — сказал мне Автономов. — Хотел бы побеседовать с вами по душам. Не

откажите сказать ваш адрес и, если вас это устраивает, мой адъютант зайдет за вами сегодня часов в восемь вечера.

Вы придете с ним ко мне в бронепоезд, и там мы поговорим. Было бы желательно, чтобы вы пригласили с собою кого-либо из старших, компетентных офицеров по вашему выбору.

Я обещал, и мы расстались.

Когда я вернулся домой и рассказал об этой встрече жене, она пришла в отчаяние, уверенная, что теперь мне крышка.

Глава 8

Посещение мое Автономова. — Свидание генералов Радко-Дмитриева, Рузского и мое с Автономовым в Ессентуках. — Митинг в Ессентуках. — Посещение мое Радко-Дмитриева и визит ему Автономовым. — Возвращение в Кисловодск.

Адъютант Автономова, — бывший писарь из казаков, — явился ко мне в восемь часов вечера, и мы со Слащовым[83] и Датиевым пошли в бронепоезд Главковерха, стоявший у самой платформы станции Кисловодск. У дверей вагона стояли на часах большевистские часовые.

Нас ввели в роскошный салон-вагон, где стоял богато сервированный и украшенный цветами стол. Автономов любезно встретил нас и познакомил с несколькими находившимися в салоне хорошенькими дамами, которых он назвал сестрами милосердия. Тут же находился его начальник штаба Гуменный, не оставлявший нас ни на минуту с глазу на глаз с Автономовым, и брат Автономова, кадет лет 14 из Новочеркасского корпуса[84].

За обедом Автономов рассказывал весьма ярко и образно о том, что казачество недовольно большевизмом. При этом проглядывало его несколько ироническое отношение к советской власти. Он высказал мнение, что крупной ошибкой со стороны большевистских главарей было их неумение привлечь на свою сторону офицерство, которое сидит по тюрьмам и истребляется бессудно. Опасаясь с его стороны какой-либо провокации, мы вели себя весьма сдержанно.

После обеда Автономов пригласил меня со Слащовым в кабинет, предварительно распростившись с Датиевым. Гуменный, конечно, последовал за нами.

— Моя главная задача, — начал Автономов, — помирить офицерство с советской властью для того, чтобы начать борьбу против немецких империалистов, по-прежнему в союзе с Антантой, и добиться отмены позорного Брест-Литовского мира. Если немцы доберутся теперь до Кубани, где имеются громадные запасы всякого рода, то это их чрезвычайно усилит. Я прошу вас, господа, помочь мне в этом отношении. Не думаю, конечно, сохранить за собою должность Главкома. Было бы желательно пригласить на этот пост генерала Рузского[85] или Радко-Дмитриева[86]: Я же с удовольствием откажусь от ненавистной мне политической деятельности и по-прежнему готов служить младшим офицером. Можно ли было бы в этом случае

рассчитывать на поддержку офицеров?

Я возразил, что офицеры боятся довериться советской власти; офицерство не имеет даже возможности собраться, чтобы обсудить подобный вопрос, ибо рискует при этом арестом или даже расстрелом; оно обезглавлено, обескровлено и вынуждено терпеть, но рано или поздно восстанет вместе с казачеством и сбросит советское иго.

— Да, это трудная задача, — согласился со мной Автономов, — тем более трудная, что, с другой стороны, вследствие Корниловского добровольческого похода[87] солдаты смотрят на всех офицеров как на контрреволюционеров и совершенно им не доверяют. Дело осложняется еще тем, что Донской атаман Краснов, поддерживающий, в свою очередь, добровольцев, является германофилом. Но если Рузский или Радко-Дмитриев согласятся возглавить Краснуюармию, действующую против немцев, то генерал Алексеев и Деникин едва ли пойдут против нее.

Затем он рассказал, как защищал красный Екатеринодар от атаковавших его добровольцев под начальством генерала Корнилова. По его словам, Екатеринодар в феврале должен был быть оставленным вследствие больших потерь среди красных войск и неудержимой стремительности добровольцев. Уже Автономовым был отдан приказ об эвакуации города, когда пришла весть, что Корнилов убит и добровольцы отходят. Когда генерал Боровский[88] ворвался в город и проник до Сенного базара, пришлось для отражения его и ввиду полного израсходования резервов хватать, вооружать и пускать в бой первых попавшихся, встреченных на улице людей; конечно, этот сброд совершенно не мог противостоять добровольцам. Ввиду деморализации красных войск не могло быть и речи об энергичном преследовании кадет. Озлобленные жестокими потерями, большевики выместили свою злобу на буржуазной части населения Екатеринодара, выволакивая на улицу и убивая всех, кто им попадался на глаза.

«Несмотря на все мои усилия, я не был в состоянии в течение почти трех дней прекратить это безобразие, равно как и глумление над трупом Корнилова, который «товарищи» откопали, долго таскали его голым по улице и сожгли в конце концов. За оборону Екатеринодара я получил свой нынешний пост, но советские воротилы не считаются со мною. Командующий Таманской армией Сорокин совершенно согласен со мною в необходимости вновь организовать настоящую русскую армию».

Затем Автономов распростился со Слащовым. Меня он просил остаться еще и пройти поужинать в Курзал. Меня это

совершенно не устраивало; я опасался, что подобная демонстрация моей короткости с большевистским Главковерхом дискредитирует меня во мнении офицеров и казачества и повредит успеху восстания, которое я подготовлял. Мне даже пришло в голову, не эту ли именно цель преследовал Автономов в своем сближении со мной. Впрочем, я был вынужден отказаться от этой мысли, — ведь был совершенно во власти Автономова и, приказав расстрелять меня, он гораздо надежнее обезвредил бы меня, и притом без всякой возможности реабилитации с моей стороны. В таком случае оставалось думать, что Автономов желал показать казачеству свою близость со мною, чтобы несколько примирить его с собой. Как бы то ни было, но близость Автономова к контрреволюционерам не прошла впоследствии безнаказанно для него.

Поужинали мы в Курзале, причем мне казалось, что меня пытались подпоить. Я же, ссылаясь на болезнь почек, совершенно отказывался пить что-либо. Автономов и Гуменный изрядно подпили, расхлябались и стали уверять меня в своей любви к казачеству. Гуменный изъяснялся в своем расположении ко мне. По его словам, на него было возложено поручение разоружать у станицы Невинномысской возвращавшиеся с фронта казачьи эшелоны. При этом он имел предписание расстрелять меня без суда, о чем, в свою очередь, дал телеграммы по станциям. От хоперцев Гуменный (сам хоперец) слышал, что я бежал в Багдад, но другие казаки говорили, что я жив, скрываюсь в лесах и организую казачество для восстания против советской власти. Затем Гуменный стал высказывать те же мысли, которые излагал Автономов: о желательности примирения с офицерством и казачеством, о мире с добровольцами и необходимости продолжения борьбы против немцев.

В бронепоезде Автономов сделал мне теперь решительное предложение: начать немедленно вербовку офицеров и казаков и формирование партизанских отрядов на Кубани и Тереке для предстоящей борьбы с немцами, в чем он обещал мне полное свое содействие и выдал письменный мандат за своей и Гуменного подписью. Согласно этому мандату все совдепы, комиссары и местные власти под угрозой расстрела обязаны были оказывать мне полное содействие во всех моих требованиях и во всем идти мне навстречу. Я поднял вопрос об оружии. Автономов объяснил мне, что он едет на днях в Екатеринодар, где совместно с Сорокиным арестует местный ЦИК и пришлет мне затем в бронированном поезде 10 000 винтовок, пулеметы и миллион патронов, а также крупную сумму денег. Я же должен обязаться гарантировать ему и Гуменному жизнь и прощение со стороны

белых войск в случае удачного осуществления его планов. Автономов хвалился, что он уже при посредстве Гуменного передал Добровольческой армии на станции Тихорецкой несколько составов с вооружением. Из последующего рассказа его о численности и дислокации Добровольческой армии я убедился, что разведка у него была поставлена образцово.

— Добровольцы нас непременно поколотят, несмотря на свою малочисленность, — сказал Автономов, — ибо население ненавидит большевиков, а белых оно не знает и склонно их идеализировать. Быть может, впоследствии и большевистский режим окажется не таким, за который его склонны считать.

В это время вошел адъютант Автономова и доложил, что приехал председатель Совета народных комиссаров Терской республики товарищ Буачидзе. Автономов попросил меня перейти в салон и принял Буачидзе. Я слышал происходивший между ними разговор. Буачидзе приехал встревоженный прибытием на станцию Армавир отряда некоего Беленкевича, которого он именовал бывшим полковником. Отряд этот состоял преимущественно из донцов, калмыков и китайцев, щеголял своей дисциплинированностью и даже отдавал честь своим офицерам, так что население даже считало его прорвавшимся отрядом контрреволюционеров. Беленкевич арестовал ЦИК и забрал все деньги. Теперь он направляется во Владикавказ. Что делать?

— Я знаю этого мерзавца, — был ответ Автономова. — Он вовсе не полковник, а жид, бежавший из боя во время операций против немцев у Таганрога. Предложите ему разоружиться! В случае же отказа поставьте орудия на пути, разбейте паровозы и перестреляйте их всех из пулеметов…

Буачидзе уехал. Автономов вновь пригласил меня в свой кабинет. Пользуясь случаем, я попросил Автономова походатайствовать за бывшего Кубанского наказного атамана — генерала Бабыча, у которого большевики производили частые обыски и вообще стремились всячески унизить старика, прослужившего верой и правдой 50 лет и которому теперь поздно менять свои взгляды. Автономов тотчас же выдал мне на руки бумагу, в коей запрещалось кому бы то ни было беспокоить старого атамана. В четвертом часу утра распростился я наконец с Автономовым, причем он просил меня прийти к нему завтра в 9 часов утра вместе со Слащовым и Датиевым, для того чтобы ехать совместно на митинг в Ессентуки, а оттуда на собеседование с генералами Рузским и Радко-Дмитриевым.

Страшно утомленный от громадного нервного напряжения, ибо мне приходилось все время быть начеку, и не веря в душе ни

одному слову из того, что мне говорили Автономов и Гуменный, вернулся я домой, где моя жена оплакивала меня, думая, что я уже расстрелян. Проворочавшись несколько часов в постели без сна, я зашел в девятом часу утра к жившим со мной в одной гостинице Слащову и Датиеву. В указанное время мы вновь пришли втроем в бронепоезд Главнокомандующего революционными войсками Северного Кавказа — товарища Автономова. В начале десятого часа бронепоезд его тронулся на Пятигорск. На Ессентукском вокзале, куда подошел бронепоезд Главковерха, его уже ждали многочисленные комиссары. Среди них были Ной Буачидзе, председатель наркомов Терской народной республики; Булэ, председатель Пятигорского совдепа, — взяточник и вор, славившийся своей жестокостью; Фигатнер, терский военный комиссар из народных учителей, а также терский комиссар внутренних дел, еврей, идейный большевик и культурный человек, пользовавшийся симпатиями населения за свою внимательность к арестованным и доступность, и Лещииский, энергичный, умный и хитрый еврей, присланный из Москвы для сбора контрибуции с буржуазии. Автономов познакомил нас; пришлось подать им руку.

Во время представления кто-то из комиссаров назвал меня «товарищем». Я запротестовал и объяснил, что приглашен сюда не в качестве товарища, а. в качестве полковника. Услышав мои слова, Автономов поддержал меня и просил комиссаров называть меня по чину. Кто-то из комиссаров поехал на автомобиле и привез генералов Рузского и Радко-Дмитриева. Оба генерала были в весьма скромном штатском платье и выглядели постаревшими. Радко-Дмитриев имел вид больного человека. Он держался сдержанно и с достоинством. При их входе в салон все встали. Автономов обратился к генералам с приветственной речью, именуя их почтительно «Ваше превосходительство» и прося помочь спасти погибающую от надвигающейся со стороны немцев опасности Россию и объединить своим именем офицерство на этот подвиг. Оба генерала, заметно державшиеся выжидательно, ответили несколько неопределенно, что они не прочь помочь в этом деле, но интересуются узнать, какими силами располагает Автономов.

Тут, по приказанию Главковерха, выступил вперед Гуменный и стал довольно грамотно докладывать боевой состав и дислокацию войск. С его слов могло показаться, что Красная армия находится в очень благоприятном положении и является грозной силой. Однако Автономов часто прерывал докладчика и вносил поправки, свидетельствовавшие о том, что он отнюдь не разделял оптимизма своего начальника штаба. Автономов

особенно подчеркивал совершенную недисциплинированность красноармейцев и полное отсутствие надлежащего командного состава. По окончании доклада Гуменного молчавшие до сих пор терские комиссары вставили несколько слов, в том смысле, что для реорганизации армии у них деньги найдутся и они постараются со своей стороны привлечь офицерство. Генералы Радко-Дмитриев и Рузский стали прощаться, и Автономов, извинившись, что за отсутствием времени не может представиться на дому им обоим, просил генерала Рузского быть в час дня у Радко-Дмитриева, куда он приедет с визитом. После отъезда генералов заседание продолжалось.

— Нужно пригласить одного из них на пост командующего армией, — сказал Автономов.

Полковник Датиев высказал мнение, что желательно пригласить Радко-Дмитриева, который, как ярый германофоб, более популярен среди офицеров, чем генерал Рузский, а также что генерал Радко-Дмитриев, как болгарин, стоит вне партий в русской Гражданской войне. Большинство заседавших согласилось с тем, что генерал Радко-Дмитриев является подходящим для занятия поста командарма, но некоторые из терских комиссаров возражали на это, заявляя, что народ не верит больше ни генералам, ни кадровым офицерам и что необходимо образовать новое офицерство, вышедшее из недр самого народа. Слащов оспаривал это мнение и настаивал на том, что новые офицеры будут неопытными в военном деле и потому бесполезными; Автономов и мы с Датиевым горячо поддерживали Слащова.

В конце концов было постановлено, что офицерам будет предоставлена возможность собраться на съезд в Пятигорске для обсуждения их отношения к вопросу о вступлении офицерства в имеющуюся быть реформированной Красную армию. Затем мы все отправились на митинг в Ессентукский парк, где уже собралась масса народу, и в том числе немного казаков. Автономов выступил с речью, в которой доказывал, что происходящая Гражданская война есть не более как результат недоразумения и что ввиду общего грозного врага — немцев — все слои общества должны объединиться, забыв прежние распри. Он призывал всех к взаимному примирению и доверию к офицерству и казачеству. Речь его была красиво построена и хорошо сказана. Видно было, что она понравилась слушателям, но однако не могла рассеять взаимного недоверия и антагонизма, уже успевшего пустить прочные корни. Несколько простых казаков взяли, в свою очередь, слово.

— Какое может быть у нас, казаков, к большевикам

доверие, — сказал один из них, — когда они нас обезоруживают. В нашей станице понаехавшие красноармейцы поотымали даже кухонные ножи.

— Вы просите, чтобы мы выставили полки, — возражал другой, — а потом заведете наших детей невесть куда на погибель.

Вообще из выступлений казаков у меня создалось впечатление, что они совершенно не склонны доверяться большевистским зазываниям и даже приход немцев считают меньшим злом, чем владычество большевиков. После митинга я со Слащовым и Датиевым отправились к Радко-Дмитриеву. Он занимал скромный, маленький домик около парка. Супруга генерала была очень встревожена тем, что ее муж стал объектом внимания со стороны большевистских заправил. Мы успокаивали ее, как могли.

— Я не могу им верить, — сказал мне генерал Радко-Дмитриев. — При первой же неудаче они обвинят меня в контрреволюционности или измене и расстреляют. Не думаю также, чтобы генералы Алексеев и Деникин согласились пойти на сговор с этими мерзавцами.

Пришедший в это время генерал Рузский высказывал аналогичные взгляды:

— Кроме того, ведь у них нет ничего мало-мальски похожего на то, что мы привыкли понимать под словом армия; как же с этими неорганизованными бандами выступать против германцев?

Мы со Слащовым возражали, что все-таки необходимо организовать армию; это даст нам возможность произвести переворот.

— У нас имена слишком одиозные, и нам невозможно начинать это дело, — возражали оба генерала. — Беритесь вы за это дело, а если у вас что-либо наладится, то, может быть, и мы согласимся впоследствии возглавить армию.

В это время приехали Автономов и Гуменный. Первый стал уговаривать Радко-Дмитриева принять на себя командование имеющей сформироваться армией, но тот, а за ним и Рузский решительно отклонили это предложение, ссылаясь на старость и болезни. Впрочем, Радко-Дмитриев сказал, что если здоровье его поправится и офицеры, поступающие в армию, будут пользоваться всеми присущими этому званию прерогативами, то он, может быть, еще пересмотрит впоследствии свое решение. На этом мы и расстались. Затем в бронепоезде Автономова мы уехали обратно в Кисловодск.

Автономов пробыл в Кисловодске сутки и опять выступал на митинге на те же темы, что и в Ессентуках. Затем он уехал в

Екатеринодар. После этого я его никогда больше не встречал.

Глава 9

Мой арест в Кисловодске, — Владикавказская тюрьма. — Случайное освобождение из нее и бегство в Кисловодск и в горы.

Имея в руках мандат Автономова, предоставлявший мне широкие права, я горячо принялся за организацию казачьих отрядов. В гостинице «Гранд-Отель», где я жил, ко мне стали приезжать ходоки от разных станиц Терека и Кубани, с которыми я вел долгие переговоры. Они единодушно настаивали, чтобы под тем или другим предлогом я раздобыл им оружие, а затем предлагали ударить на советскую власть; я же просил их, главное, быть осторожными и не скомпрометировать преждевременно нашу идею.

Приходилось во многих случаях щупать почву. Многие депутаты из Совдепа особенно интересовались вопросом: какую позицию займет новая армия относительно Добровольческой армии Алексеева и Деникина? Я возражал, что политические дела не входят в мою компетенцию и, вероятно, ЦИК сумеет сговориться с Добровольческим командованием. Если же соглашение достигнуто не будет, то что же — придется нам сразиться и с добровольцами.

Тем временем в Пятигорске собрались офицеры и своим старшиной выбрали прославившегося партизанскими действиями в Японскую войну генерала Мадритова[89]. У них возник вопрос о необходимости кодификации новых уставов, где были бы приняты во внимание идейные завоевания революции и которые бы строго регламентировали правовое положение офицеров и их взаимоотношения с солдатами. Для этой цели была выбрана комиссия, которая, с Мадритовым во главе, выехала во Владикавказ, чтобы работать там в сотрудничестве с большевистским правительством Терской республики.

Я совместно со Слащовым и капитаном гвардии Сейделером[90] тщетно добивался выдачи оружия для казаков. Под предлогом, что под рукой нет складов такового, комиссар по военным делам предлагал мне собрать отряды и отправить их в Тихорецкую, где они будут вооружены из имеющихся там складов. Терские комиссары согласились, однако, на возвращение терским казакам их шашек и кинжалов. Но отобранное в свое время у казаков дорогое, выложенное золотом и серебром, оружие так и не было им возвращено. Я передал по станицам,

чтобы в начале мая казаки, желающие поступить в формируемые мною отряды, собрались на сборный пункт в станицу Кисловодскую. Председателем Кисловодского совдепа состоял некто Тюленев; это был левый коммунист из монтеров, страшно ненавидевший буржуазию и офицерство, человек в высшей степени дерзкий и грубый. Он, как сторонник углубления классовой борьбы, относился весьма недоверчиво к затеянному Автономовым примирению и всюду это высказывал. Меня Тюленев считал заведомым контрреволюционером, не доверял мне совершенно и всячески препятствовал моей работе, а также восстанавливал против нашего дела и других членов Совдепа.

Однако у нас был свой человек в секретариате Совдепа, который извещал нас о всех шагах Тюленева. Вдруг он уведомил нас, что им получена телеграмма из Екатеринодара, сообщающая, что Автономов арестован за заговор против советской власти, приказано арестовать всех, у кого есть какие-либо мандаты за его подписью, и что Тюленев требует на этом основании моего ареста. Тотчас же я созвал совет из Слащова, Датиева и Сейделера: что делать? Вдруг получилось новое известие: в Совдепе тревога… большевистский разъезд между Бургустанской и Кисловодском наткнулся на бивак казачьего отряда и был им обстрелян. Прибегает поручик Бутлеров:

— Спасайтесь, полковник, решено вас арестовать!

На один момент мы решили было уже бежать, тем более что лошади для нас были уже приведены из станицы и спрятаны поблизости. Но бегство мое было бы сочтено большевиками как признание контрреволюционности моих намерений. И это в то время, когда организация отрядов была не закончена, оружие отсутствовало и время для восстания, в связи с движением Добровольческой армии, еще не назрело. Я решил отправиться сам в Совдеп, идти напролом и попытаться спасти дело.

— Подхожу к зданию Совдепа. Возле него масса народу; раздают винтовки, патроны; страшная суматоха, отрывистые возгласы: «казаки восстали».

— А вот и вы сами, товарищ Шкуро, — иронически возгласил Тюленев, увидя меня входящим в зал заседаний, — а я уже послал привести вас под конвоем.

— Во-первых, я для вас не товарищ, а господин полковник, — закричал я, в свою очередь, — а во-вторых, почему вопреки мандату главкома Автономова вы не исполнили до сих пор моего требования и не приготовили помещения и фуража для собирающихся в Кисловодск казаков?

— Предатель Автономов уже арестован, и теперь мы приберем к рукам всю офицерскую сволочь, — дерзко возразил

мне Тюленев. — Что касается до казаков, то они несколько поторопились и атаковали наши разъезды еще до получения ваших на этот счет приказов.

— Это недоразумение, — вскричал я. — Вероятно, разъезды первые атаковали казаков, а те лишь защищались.

— Вы арестованы, — объявил мне Тюленев.

Тут ко мне подошли вооруженные солдаты и отвели в комнату рядом с залом заседаний. Дело принимало худой оборот, и я мог плохо кончить, особенно если бы казаки опять подрались с большевиками. Самое ужасное, что, сидя взаперти я был лишен возможности сноситься с внешним миром и предупредить развитие событий: Через неплотно прикрытую дверь до меня доносились отрывки дебатов, происходивших в зале заседаний, и я разобрал фразу Тюленева: «Если раздастся еще хотя бы один выстрел со стороны казаков — Шкуро нужно расстрелять». Я ходил широкими шагами по комнате, обдумывая положение дел. Проходя мимо окон, видел постоянно кого-либо из своих единомышленников, прохаживающихся с беспечным видом по улице. Сознание, что я не один и друзья заботятся обо мне, вливало некоторую отраду в мое сердце. Охранявший меня часовой производил на меня впечатление добродушного парня.

— Вот, брат, — сказал я ему, — из-за простого недоразумения проливается русская кровь. Свои по своим выпалили, а я в ответе. Чтобы не было напрасного кровопролития, прошу тебя, снеси тайком записку к моей жене. Я напишу, чтобы казаки ушли обратно.

Тут я посулил ему еще 100 рублей за услугу.

— Чего же, пиши. Я снесу после смены.

Я написал коротенькую записку жене, в которой сообщил о моем аресте и о том, что мне грозит расстрел в случае, если казаки вступят в бой с большевиками; подателю письма просил выдать 100 рублей награды. Получив записку, жена наградила красноармейца и тотчас бросилась к Слащову, а с ним в мою комнату; на моем столе были раскиданы разные бумаги и карты с отметками; на стене висело мое партизанское знамя — волчья голова на черном поле[91]. Поспешно попрятали все это. Вдруг входит казак в бурке.

— Кони поданы для полковника и господ офицеров!

Жена к нему:

— Скачи скорее в отряд! Скажи: полковник арестован… Чтоб казаки спешно разошлись по станицам… Когда полковник освободится, он вас снова соберет.

Казак ускакал. Тем временем ко мне явился комиссар Илешенин с нарядом красноармейцев и потребовал, чтобы я

следовал за ним для присутствия при обыске у меня в «Гранд-Отеле». Обыск, как у меня, так и у жены, конечно, оказался безрезультатным. Уходя, «товарищи» выставили караул у комнат моей жены.

Ночевал я под арестом в здании Совдепа и опять подслушивал. Происходили ночное заседание и допрос пленных офицера и казака, выехавших на разведку и захваченных красноармейским патрулем. Офицер оказался не дураком.

— Позвольте, — доказывал он, — на каком основании нас схватили и теперь держат тут под арестом? Полковник Шкуро приказал нам собраться в станицу Кисловодскую, где мы пройдем недельное обучение, а потом будем отправлены под Ростов сражаться с германцами.

Пленный казак вторил своему офицеру. В Совдепе начались прения. Многие члены нападали на Тюленева, доказывая, что он своей ненавистью к офицерам доведет дело до гражданской войны на Кавказе. Требовали моего освобождения. После горячих дебатов постановили послать депутацию для переговоров с казачьим отрядом, придав к ней обоих пленных. Меня же решено было отпустить домой, но оставив на всякий случай наружных часовых у занимаемых мною и женой комнат. Утром меня опять потребовали в Совдеп: оказывается, случилась история со вчерашней депутацией. Ночью один из большевистских патрулей наткнулся на бивак казачьего отряда и открыл по нему стрельбу. Казаки ответили тем же. В это время подъезжала депутация и также попала под обстрел. Пользуясь суматохой, оба пленных удрали. Вместо них большевики поймали двух других казаков; один из них, совсем еще молодой казачишка, оказался набитым дураком и чуть не сгубил меня. На допросе он показал, что, мол, полковник Шкуро «нас гарнизовал, чтоб большевикам шеи свернуть; что у большевиков возьмем, то наше и по 1000 карбованцев жалования обещал». Впечатление убийственное. На мое счастье, Тюленев не присутствовал на этом заседании. Он уехал вместе с самыми завзятыми коммунистами на съезд в Моздок, откуда ему уже не суждено было вернуться. Если бы он был тут, меня бы немедленно расстреляли.

— Позвольте — обратился я к членам Совдепа, — допросить мне этого казака.

Они согласились.

— Ты видал когда-нибудь полковника Шкуро?

— Нет, не видал.

— Меня (я был в штатском пальто) знаешь?

— Нет, не знаю.

— Кто же тебе говорил, чтобы бить большевиков?

— Да вообще казаки большевиков не уважают, побьют и их.

Тут заговорил другой, молчавший до сих пор, пленный казак:

— Нас собирал вахмистр Наум Козлов, чтобы битв немцев, по приказанию господина главнокомандующего Автономова. Как же нам не послушаться? Не пускать же немцев к себе.

Видя, что шансы мои улучшаются, я обратился, в свою очередь, с речью к Совдепу, в которой упрекал большевиков в непоследовательности и в том, что, обратившись к нашему содействию, они при первом же недоразумении прибегают к обыскам, арестам и угрозам расстрела. Я сильно раскричался и заявил, что немедленно посылаю телеграмму Ною Буачидзе — председателю Совета наркомов Терской республики. В Совдепе начался спор: отпустить меня или нет? В это время вернулись разъезды, доложившие, что казачьи отряды разошлись по станицам.

В конце концов Совдеп постановил отправить меня во Владикавказ. Тем временем есаул Бибиков (из моей организации) отправился с жалобой на мой арест в Пятигорск, в отдельский Совдеп, которому Кисловодск был подчинен. Но оказалось, что все главари Пятигорского совдепа также уехали на съезд в Моздок. Оставался на месте один комиссар Радзевич. Это был социалист-революционер и сторонник сближения с казаками. Он приехал тотчас же на автомобиле в Кисловодск, навестил меня в моем заключении и обещал со своей стороны также дать телеграмму Буачидзе с просьбой о моем освобождении.

Полковник Константин Владимирович Агоев[92], терский казак, имевший мандат, аналогичный с моим, на формирование партизанских отрядов в Терской области, узнав о моем аресте, поднял страшный скандал и грозил распустить собранных им казаков. Тем временем меня повезли во Владикавказ. Ехал я в третьем классе, под сильным конвоем и в сопровождении одного политкома. По прибытии на место меня временно, на одни сутки, посадили в стоявший на станционных путях поезд Беленкевича, затем перевели во Владикавказскую тюрьму, где я просидел в одиночке трое суток.

Меня водили на допрос пешком и под конвоем, в местный Совдеп, помещавшийся в гостинице «Париж», в которой впоследствии стоял я со своим штабом; водили мимо казарм красноармейцев, которые, узнав, что ведут казачьего, офицера, осыпали меня бранью и требовали даже моей выдачи для самосуда. Раз они даже открыли по мне огонь из окон, но мои конвоиры не растерялись и ответили также огнем; красноармейцы убежали. На допросах я держался нахально и жаловался на кисловодских комиссаров. Тут мне очень подвезло:

начальник кисловодского гарнизона, извозчик Сорокин, — совершенный зверь по своей жестокости, — уехал в Моздок. В это время произошли события, вследствие которых мое дело отошло на второй план: красноармейцы вступили по какому-то поводу в перестрелку с грузинскими войсками и разразился конфликт, грозивший перейти в открытую войну. Тем временем меня перевели в общую камеру… грязь, вонь, вши, глумление.

Для разбора моего дела был назначен следователь, гуманный и интеллигентный человек, служивший у большевиков отнюдь не из сочувствия большевизму. Я попросил его допросить по моему делу в качестве свидетеля Буачидзе, так как ему, де, известны проекты Автономова и его переговоры со мною. Узнав от следователя, что я сижу в тюрьме, Буачидзе потребовал меня к себе. Он объяснил мне, что дело с Автономовым обстоит вовсе не так, как его объяснил Тюленев; что Автономов на свободе и вызван для объяснений в Москву, где, возможно, и сумеет еще оправдаться; что генерал Мадритов был по моему делу у него, Ноя Буачидзе, настаивал на моем освобождении, указывал, что в противном случае и предпринятый им пересмотр уставов бесцелен, ибо казаки будут окончательно восстановлены против большевиков и ни о каком взаимном их сотрудничестве не может быть и речи; что он получил также протест от социалистов-революционеров, требовавших моего освобождения и именовавших мой арест «провокацией».

— Я прикажу немедленно вас освободить, — сказал мне на прощанье Буачидзе.

Я возвратился в тюрьму в очень радостном настроении. Однако прошел день, другой, — меня все еще не освобождали. Тогда я понял, что дело о моем освобождении обстоит вовсе не так просто, как это рисовалось Буачидзе, и решил приложить все старания, чтобы по возможности удрать из тюрьмы. В камере, где я теперь сидел, было человек 60 осетин, а среди них шесть офицеров, как осетин, так и казаков.

С ними я сумел сойтись настолько, что они меня выбрали старшиною камеры. Осетины эти имели хорошо налаженную связь с внешним миром. Между прочим, неведомо откуда у них появлялись каждый день по 5–6 револьверов. Сообща с этими осетинами мы стали разрабатывать план бегства. Ввиду того что тюремная стража состояла из горьких пьяниц, это казалось не очень трудным. Решено было, что человек 200 осетин, пользуясь тем, что тюрьма находилась на окраине города, во Владимировской слободке, нападут на нее неожиданно. Мы же, пользуясь суматохой, нападем, в свою очередь, на тюремную стражу, вырвемся на волю и уйдем в горы.

Наше решение было передано вольным осетинам, и был назначен уже день бегства, когда случилось со мной странное, более того, невероятное событие. Того самого Беленкевича, которого так нелестно охарактеризовал Автономов, местный Совдеп назначил главкомом Владикавказского округа. Новый воевода, который, как говорили, был вообще не дурак выпить, нарезался на этот раз как сапожник и стал объезжать, наводя порядки, подведомственные учреждения. Явился он и в нашу тюрьму. При самом входе я попался ему на глаза.

— Ты кто такой?

— Я — Шкура, — отвечаю ему мрачно.

— Так это ты тот самый Шкура, который дрался со мной под Таганрогом?

— Да, я, а теперь вот тут сижу.

— Вот мерзавцы, — ведь и меня чуть было не арестовали за контрреволюцию. Едем со мною в поезд.

Караульный начальник запротестовал было. Беленкевич — бах его в рожу.

— Как? Я ваш главнокомандующий, а вы — в разговоры! Не служите, пьянствуете только, мерзавцы! Арестовать!..

Пользуясь тем, что Беленкевич наводил порядки в карауле, я бросился в нашу камеру и рассказал осетинам о том, что он увозит меня из тюрьмы и что я намерен с сегодняшним полдневным поездом бежать на Группы Кавминвод; ввиду того что, конечно, недоразумение с фамилиями будет скоро обнаружено и меня станут преследовать, было бы чрезвычайно желательно, чтобы железнодорожное сообщение и телеграфно-телефонная связь между Владикавказом и Группами была прервана тотчас по проходе поезда. Осетинские офицеры обещали, что это будет исполнено. Распростившись затем поскорее с пьяным Беленкевичем и дождавшись в укромном местечке момента отхода полуденного поезда на Группы, я вскочил в него незаметно и запрятался среди пассажиров.

Ввиду того что нападения разбойничьих шаек на поезда были в то время делом обычным, каждый поезд конвоировался обыкновенно сзади него шедшим бронепоездом по одноколейному пути. Так было и в данном случае. Нас конвоировал «Интернационал», под командой какого-то армянина. Едва мы миновали станцию Беслань и наш поезд перешел небольшой мостик, переброшенный через один из потоков Терека, как из кустарника грянул залп и затем открылась частая стрельба. Тотчас же оба поезда остановились. «Интернационал», в свою очередь, открыл огонь по атаковавшим.

Много пассажиров, в том числе и я, побежали в бронепоезд за

оружием. Я возглавил отряд человек из сорока вооруженных пассажиров и пошел в обход атаковавшей шайки. У меня не было уверенности в том, что это дружественные мне осетины, и я хотел проверить это. Мне, однако, посчастливилось захватить в плен одного из нападавших, который оказался осетином; он объяснил, что их отряд действует по приказанию своих начальников и получил задание взорвать мост. Мне пришло тогда в голову присоединиться к осетинам, и я стал приближаться к ним, вывесив носовой платок в качестве парламентерского флага. Однако осетины перестарались и встретили нас таким огнем, Что войти с ними в контакт мне не удалось. Тогда я отошел обратно к поездам. К большому моему сожалению, выяснилось, что среди пассажиров имелись уже убитые и много раненых. Я отправился к командиру «Интернационала» и просил его, во избежание дальнейших потерь, пропустить наш поезд вперед. Он согласился, и мы двинулись, но едва отъехали версты две, как сзади нас раздался сильный взрыв, — это взлетел на воздух взорванный осетинами мост. Я был спасен. «Интернационал» остался на восточном берегу Терека.

По прибытии на станцию Минеральные Воды я прочел в экстренном выпуске местной газеты о взрыве моста и о том, что телеграфная связь с Владикавказом прервана. Только через три дня были восстановлены связь и железнодорожное сообщение с Владикавказом. Поздно ночью я приехал в Кисловодск и повидался там с женою, Слащовым и Сейделером. Затем я уехал в Ессентуки, распорядившись, чтобы капитан Сейделер и поручик Фрост, отправившись в Кумско-Лоовский аул, узнали от имеющейся у меня там ячейки, где скрывается ядро моего отряда, присоединились бы к нему и ожидали моего прибытия.

В Ессентуках у меня была организация, возглавлявшаяся станичным комиссаром (так большевики окрестили станичных атаманов) прапорщиком Глуховым. Оказалось, что Глухов был уже отстранен большевиками от должности за неисполнение декретов и даже просидел некоторое время под арестом, но дела по организации шли у него блестяще. Не было лишь денег на покупку пулеметов, приторгованных Глуховым у красноармейцев. Я дал ему на это 4000 рублей. В Ессентуках я остановился в пансионе Яблокова, конечно, под чужой фамилией, вместе с присоединившимся ко мне Мельниковым (расстрелян впоследствии большевиками), братом подъесаула Мельникова, ездившего со мною в Баталпашинскую. Там ко мне явился штаб-ротмистр Гибнер, присланный секретно представителем Добрармии на Тереке — полковником Лейб-гвардии Измайловского полка Веденяпиным[93] — Гибнер сообщил мне,

что Веденяпин просит меня несколько повременить с началом восстания, ибо у терцев, где работал полковник Владимир Константинович Агоев, еще не все готово. С другой стороны, на Моздокском казачье-крестьянском съезде, куда, как я говорил раньше, выехало много комиссаров и на который советская власть возлагала большие надежды, соглашение с большевиками, видимо, достигнуто не будет, ибо с первых же шагов обнаружены большие разногласия и часть делегатов даже отказалась категорически работать с большевиками.

Пробыв в Ессентуках сутки, я вернулся в Кисловодск; двух казаков, данных мне Глуховым, отправил на подводе с вещами в аул Кумско-Лоовский. Оба казака (фамилия одного из которых Ягодкин) были впоследствии расстреляны большевиками, захваченные в разведке. Их повез на подводе старик казак, отец Ягодкина.

В назначенный час и в условленное место прибыла за мною заказанная заблаговременно лихая тройка; извозчик был свой, преданный нашему делу человек. Простившись со своими, мы со Слащовым, переодетые красноармейцами, сели в нее, и я демонстративно громко приказал:

— В «Замок коварства и любви»!

Это был популярный кабачок, расположенный верстах в шести от Кисловодска. Проезжая мимо, патрулей, стоявших на окраине города, мы со Слащовым сидели развалясь, горланя пьяные песни, обнявшись. Благодаря этому патрульные, предполагая, что мы подобные им пьяные «товарищи», беспрепятственно нас пропускали.

Проехав версты четыре по направлению к «Замку коварства и любви», мы свернули на Камбиевский кабардинский аул, недалеко от которого нас ждали предупрежденные заранее о нашем приезде два брата Тамбиевы. Они были вооружены и привезли вооружение также для нас со Слащовым. В качестве проводников они поскакали впереди нашей тройки, указывая дорогу на Кумско-Лоовский черкесский аул, отстоявший от Тамбиевского верст на 25.

Владетельный князь Лоов[94], старый офицер, прапорщик милиции, был деятельным членом нашей организации и именно через него велась связь с менявшими постоянно местоположение казачьими отрядами; вокруг Кумско-Лоовского аула патрулировали, предохранявшие от внезапностей, многочисленные черкесские разъезды. Несмотря на то что весь аул знал о предстоящем нашем приезде и благодаря чрезвычайной солидарности черкесского населения, ни одно лицо не повернулось в нашу сторону при нашем следовании по улицам

аула. Милейший князь Лоов встретил нас обильным угощением. Так как Ягодкин с подводой был уже в ауле, то я переоделся тотчас же в черкеску с погонами, надел револьвер и шашку. Впервые после долгих месяцев унижений я вновь почувствовал себя русским офицером. Из отряда прибыл к князю Лоову для встречи меня, еще до моего приезда, поручик Фрост, который теперь доложил мне, что завтра утром лошади будут ждать нас в ближайшем лесочке.

Переночевав у князя, на другой день на рассвете на подводе Ягодкина и в сопровождении вооруженных конных черкесов мы поехали к месту, где нас должны были ждать кони. Поверх черкески у меня была бурка. Нам повстречались ехавшие из лесу мужики соседнего большевистского селения Михайловского.

— Куда вы? — окликнули они нас.

— Мы из Кисловодска в Бекешевку за хлебом.

— Тут кругом казаки белогвардейские бродят.

— Мы их не боимся, — ответил я.

— Оттого и не боитесь, что вы, верно, с ними, — заметил один из мужиков.

— Да не с тобой, дураком, — крикнул ему я.

Поехали дальше, а лошадей все нет. Решили сесть в лесок, перекусить хлебом с салом. Едет из лесу казачишка на возу.

— Здравствуйте, чего тут робите?

— А ты кто?

— Я из Бугурусланской; ездил по дрова. Чего же вы в лесу будете делать? Может, вы до Шкуры едете? — А это кто? — спросил я.

— Да полковник один. Гарнизовал казаков; говорят, тысяч десять по горам бродят; пока баранту крадут да коней у мужиков угоняют.

— А вы что будете делать? — спросил я его.

— Если придет к нам Шкура, мы с ним вместе с большевиков шкуру спустим.

Тут он принялся ругать большевиков. Затем пристал к нам опять:

— А вы кто будете? Наверно, офицеры?

— Скоро увидишь и узнаешь, кто мы такие.

Тут он сразу принял положение человека, разговаривающего с начальством, чтобы подчеркнуть свою приверженность к старым порядкам.

— Коней видел?

— Да вон там, версты полторы отсюда, пасутся кони — четыре коня поседланные с сумами.

— Ну, прощай, козаче, — сказал я ему, — да скажи в станице,

что скоро к ним приедут гости…

Этот казак, Литвиник, впоследствии был у меня ординарцем.

Мы поехали дальше. В это время прогремели в стороне, куда мы направлялись, 2–3 выстрела. Вскоре мы увидели пасущихся коней, и навстречу нам выскочили вахмистр Перваков и несколько казаков, закричавших «ура».

— Кто это стрелял? — спросил я Первакова.

— Да тут ехали два мужика Михайловских. Мы к ним: «откуда, мол, ребята?» Кони у вас очень добрые. «Да это мы помещика делили». Я говорю мужикам: «Помещик тот сказал, чтобы вы коней этих мне отдали». Они, конечно, удирать. Тут мы выстрелили — вроде по ним. Они с коней со страху попадали и… дёру. Ну, мы, конечно, коней забрали.

Я принялся ругать Первакова, что он может, действуя таким образом, переполошить большевиков и наделать тревоги пальбой. Затем мы сели верхом и двинулись в путь.

Долго прорывались по водомоинам, ущельям и лесным трущобам. Наконец добрались до седловины между двух гор. Это была так называемая Волчья поляна. Под исполинским дубом стоял сложенный из сучьев шалаш; возле него была воткнута пика, и на ней трепетал мой значок — волчья голова на черном поле.

— Смирно! Равнение направо, господа офицеры! — раздалась команда подполковника Сейделера, стоявшего на правом фланге небольшой шеренги офицеров и казаков. Затем он подошел ко мне с рапортом: — Господин полковник! Во вверенной вам армии налицо штаб-офицеров 2: Слащов и Сейделер; обер-офицеров 5: подъесаул Мельников, поручик Фрост, прапорщик Лукин, прапорщик Макеев, прапорщик Светашев; казаков 6: вахмистр Перваков, вахмистр Наум Козлов, урядники Лучка, Безродный, Совенко, Ягодкин; винтовок — 4, револьверов — 2, биноклей — 2…

— Здорово, Южная кубанская армия! — крикнул я. — Приветствую вас с началом действительной борьбы. Глубоко верю, что с каждым днем армия наша станет все увеличиваться и победа будет за нами, ибо наше дело правое, святое.

Восторженные крики «ура» были мне ответом. Так началась новая эра моей жизни.

Глава 10

Скитания в горах. — Волчья поляна. — Начало восстаний в Пятигорском и Баталпашинском отделах в мае 1918 года. — Взятие станиц Суворовской и Бекешевской.

Последние числа мая я провел на Волчьей поляне, подготовляя восстание казаков. Для этой цели рассылал своих офицеров и партизан по соседним станицам Усть-Джмуримской, Воровсколесской, Баталпашинской, Бекешевской, Бургустанской и другим. В каждой из них у нас были верные люди, через которых мои разведчики узнавали о силах большевиков, о казачьих настроениях и новостях. Вместе с тем они пускали фантастические слухи о силах моего отряда; чтобы побудить станичников охотнее идти мне навстречу и подцержать их оппозиционное к большевикам отношение.

С Кисловодском, где у меня сидел поручик Бутлеров, и с Ессентуками, где был Мельников, поддерживалась регулярная связь, и я знал ежедневно о действиях и намерениях большевистских верхов, о положении дел на Тереке и действиях Добрармии. Мое исчезновение из Владикавказской тюрьмы наделало, как я и ожидал, много шуму; большевики тщетно искали меня на Группах и даже арестовали мою жену. Ходившие по станицам слухи о приблизительном местонахождении моего отряда докатились и до Кисловодска; в Совдепе начались разговоры о необходимости выслать вооруженную силу для моего окружения и поимки.

Во избежание всяких случайностей мы охранялись весьма бдительно. На вершине горы на дереве сидел цостоянно дозорный с биноклем, держа под своим наблюдением все ведшие к нам дороги. Со стороны Кумско-Лоовского аула нас охраняли черкесские патрули. Однако наше местопребывание постепенно становилось известным окрестному населению. К нам стали приходить пастухи, казаки, наконец, даже бабы, приносившие нам гостинцы. Тут случилось еще одно досадное обстоятельство: поехавший в станицу Бекешевскую вахмистр Перваков и еще один казак напились там после спора на политические темы и выпороли одного большевизанствующего мужика. Вскоре после этого в Бекешевскую прибыл большевистский карательный отряд в составе роты пехоты с пулеметами и полевым орудием, назначенный для нашего уловления. Надо было менять убежище.

Поздно ночью мы поседлали коней и гуськом, шагов по 40

дистанции, двинулись в путь, в глубь гор, где, по выражению казаков, была хорошая щель. Проезжая по местам, где пастухи пасли овец, или мимо хуторов, мы подымали крик и шум, чтобы оставить впечатление, что идет большой отряд. На Волчьей поляне с этой же целью оставили громадное количество пепелищ от костров; это мы делали на каждой остановке отряда. Кроме того, волочили за собой под брезентом деревянный пулемет, что также производило свой эффект. Как выяснилось впоследствии, карательный отряд, уже после нашего ухода, обстрелял поляну из пулемета и атаковал ее пехотой. При этом едва не погиб приехавший в разведку на старое место подполковник Сейделер. Спасся он прямо чудом.

Обосновавшись в новой «щели», мы сделали оттуда ряд набегов на крестьянские хутора за оружием. Набрали много всякого оружия, которое зарыли в разных потайных местах. Однажды мы имели даже бой с двадцатью красноармейцами, засевшими в засаду на одном хуторе и встретившими мой отряд огнем, а затем перешедшими в атаку. Однако после короткого боя, причем мною была пущена обходная колонна из двух человек, красноармейцы бежали с поля битвы, побросав свое оружие, которое, таким образом, досталось нам. Там мы взяли 15 винтовок, коней, хлеб и одежду.

Для удобства сношений с горцами я нанял 5 черкесов-абреков, которые были нам чрезвычайно полезны своим изумительным знанием местности и всевозможных потайных лазов и троп. Они выводили нас такими тропинками, где лошади становились на колени и сползали таким образом, и водомоинами, где приходилось идти вслед за абреческим конем, который, опустив голову, подлезал под спутанные корни и лесные поросли, прорывая их лукою горского седла. Вскоре и «щель» стала небезопасной; нам приходилось часто менять штаб-квартиру, оставляя по-прежнему свой адрес у князя Лоова. Однажды я послал войскового старшину Сейделера в станицу Суворовскую, где был станичным комиссаром бывший атаман, старый гвардейский казак. Он сочувствовал всей душой делу борьбы с большевизмом и познакомил Сейделера с начальником станичных пластунов — есаулом Русановым и начальником конницы — сотником Евренко. Оба эти офицера были утверждены в своих должностях большевиками и могли поэтому открыто обучать свои контингента, весьма пригодившиеся нам впоследствии. Суворовский комиссар поддерживал с нами оживленную связь и весьма помогал нам. Дабы уберечь его семью от мести большевиков, мы обещали ему при захвате станицы Суворовской арестовать его и выпустить лишь по ходатайству

стариков.

В это время большевики объявили, под угрозой жестоких репрессий, приказ о сдаче казаками оружия, еще остававшегося у них на руках. Отобранное оружие свозилось в станицу Баталпашинскую для дальнейшей переотправки в Екатеринодар, но станичный комиссар оттягивал отправку этого оружия под разными предлогами, и оно так никогда и не досталось большевикам. Предупреждаемые о времени привоза некоторых партий оружия в станицу Баталпашинскую, мы делали засады, атаковали конвой и увозили оружие к себе. В Кумско-Лоовском ауле оставалось оружие от расформированной в нем в свое время запасной сотни 1-го Черкесского полка[95]. За ним поехал поручик Фрост с двумя казаками. Аульный старшина очень охотно подчинился, но просил оставить расписку, каковая была ему выдана от моего имени. Мы взяли там 200 пик, 80 шашек и 80 кинжалов. Тем временем мой отряд увеличивался пробиравшимися к нам добровольцами и состоял уже из 25 человек. Однажды рано утром я проснулся от чьих-то устремленных на меня глаз. Передо мной стоял старый казак, страшно оборванный, исхудавший и босой.

— Я — Георгий Победоносец! — заговорил он глухим голосом. — Веди, молодой воин, спасай казачество. Не забывай Бога, будь милосерд к людям. Ты одолеешь…

Это был юродивый, пробравшийся к нам пешком из Екатеринодара. Он стал ходить по окрестным станицам, пел псалмы, предсказывал скорое пришествие воина, идущего освободить русский народ от большевистского ига. Его мистические речи, переполненные цитатами из Святых Отцов и всевозможными намеками и прибаутками, отвечали чрезвычайно настроению казаков. Слушая его, они вспоминали глубокие обиды, унижения, расстрелы близких, и сердца их распалялись гневом. Бабы плакали навзрыд в чаянии новых бед.

Однажды я получил сведения, что в Бургустанском станичном управлении назначен митинг, на котором должны были выступить комиссары, приехавшие, чтобы потребовать от станичников помощи для поимки меня и моего отряда. Опасаясь, что это их выступление может отразиться нежелательным для меня образом на психологии казачества, я решил ответить им по-своему. В день митинга, когда стало уже темнеть, я выехал из своей штаб-квартиры в сопровождении шести вооруженных и снабженных ручными гранатами казаков. Поверх черкесок у нас были бурки. У въезда на станичную площадь я оставил четырех казаков, приказав им в случае тревоги, стрельбы или взрывов бомб броситься мне на помощь; сам же* в сопровождении

вахмистра Первакова и урядника Безродного, поехал к станичному управлению. На улицах было безлюдно и тихо, ибо стар и млад пошли на митинг. По дороге от встретившейся казачки я узнал, что приехавшие на митинг большевики уже уехали в автомобиле и увезли с собой бывший в станице пулемет, на который я точил было зубы. Я дал инструкции сопровождавшим меня вахмистру Первакову и уряднику Безродному в слу-, чае, если бы я был схвачен, открыть стрельбу и бросать бомбы прямо в окна станичного управления. Мы поехали к станичному управлению. Гул многих спорящих голосов несся из его открытых, ярко освещенных окон.

— Это что за казаки? — спросил нас кто-то из темноты.

— Мне нужно станичного атамана, — сказал я, не отвечая на вопрос.

— Станичных атаманов больше нет; теперь всюду станичные комиссары. Я сам станичный комиссар.

— Вы прапорщик такой-то?

— Да, я бывший прапорщик.

— Я от восставших казаков.

— А вы не от полковника Шкуро?

— Нет, я сам полковник Шкуро.

— Пожалуйте в станичное управление, там все старики.

— Вот что, прапорщик, — сказал я ему раздельно и веско, — вон там на окраине станицы стоят два моих полка. В случае какого-либо предательства с вашей стороны они вырежут всю станицу до последнего человека. Вы поняли? Теперь ведите меня в управление.

Я спрыгнул с коня и последовал за комиссаром в зал заседания, как был в бурке и в папахе» Громкий говор, смех, шум, люди стоят кучами.

— Товарищи казаки, — возгласил комиссар, — сядьте по местам; прибыл и хочет говорить с вами делегат от полковника Шкуро.

Гробовая тишина.

Широкими шагами вышел я на середину зала, обернулся лицом к двери и остановился; полусбросил с себя бурку и положил одну руку на кинжал, держа опущенный вниз револьвер. Сотни загорелых лиц смотрели на меня изумленно полными напряженного внимания глазами.

— Я — полковник Шкуро. Здравствуйте, братья бургустанцы! — крикнул я что было сил.

— Здравия желаем, ваше высокоблагородие! — раздался вдруг бешеный, неудержимый, надрывный крик, от которого закачались лампы и задрожали стекла, а у меня пошли круги

перед глазами. Я почувствовал всем своим существом, что взял их за живое, что это победа… Тогда я заговорил с ними краткими, сильными, понятными казаку словами. Охарактеризовал весь ужас советской власти, напомнил им о погубленном отечестве, о тысячах невинных жизней, павших жертвами произвола и насилий, и о пролитой казачьей крови, вопиющей к небу о мести. Вместо нашего покойного героя ведут славных добровольцев генералы Алексеев и Деникин.

— Приготовляйтесь к восстанию! Будут жертвы, кровавые жертвы с нашей стороны, но лучше казаку умереть на поле битвы, чем и далее влачить бесславное ярмо большевистских рабов!

Когда я кончил, старики бросились ко мне, плача, приветствуя, обнимая. Вдруг отворилась дверь, и вошел, сильно под хмельком, молодой казак.

— Это что еще за белогвардейщина? Опять офицеры появляются. Чего же смотрят комиссар и красноармейцы?

Почему не арестуют его?

Окружавшие меня старики испуганно шарахнулись в стороны и как-то сразу поникли. Не желая проливать крови, я решил, однако, оставить поле за собой.

— Как смеешь ты, пьяная рожа, являться сюда, где твои деды и отцы решают участь казачества? Если вы, старики, — обратился я к ним, — не обуздаете своих щенков и они будут мутить народ, как мутили на фронте, то все равно ваша станица погибнет и от нее не останется камня на камне.

Сзади меня хлопнула дверь и раздался стук прикладов. Это входили, проталкиваясь через народ, вызванные кем-то красноармейцы.

— Дорогу, — рявкнул я и направился к двери, с револьвером в поднятой руке. Люди шарахнулись, я вышел, вскочил одним прыжком на коня, и через минуту мы уже мчались карьером по пустынным улицам станицы. Захватив ожидавших меня казаков, мы проскакали версты полторы от станицы. Погони не было. Тогда я приказал вернуться в станицу с другой стороны. Подъехав к крайней хате, мы завели коней во двор, выставили часовых в обе стороны и стали стучаться в окошко.

— Вы кто такие будете? — раздался женский голос.

— Мы с базара, позвольте отдохнуть.

— Нынче базара не было.

— Да мы бекешевские, загуляли у кумы.

— Ну, заходите.

Я зашел с Перваковым и Безродным. Старуха-хозяйка поздоровалась и приказала молодухе накрыть на стол и подать сметаны и молока.

— А где хозяин?

— Он прошел до правления. Говорит: что делается!

— А что?

— Приехал полковник Шкуро. С ним казаков видимо-невидимо, до самой речки все полки стояли. Красноармейцы хотели арестовать его, да он их стал бить, а потом ускакал…

Чувствуя боль в сердце и невыносимую усталость, как реакцию после страшного напряжения нервов, отвернулся я к стенке, под буркой снял черкеску с погонами и остался в бешмете. При этом из гозырей посыпались на пол патроны. Впоследствии я узнал, что по краю ходила легенда, будто меня пуля не берет — знаю такое слово. Видали будто бы, как в меня всадили пять пуль, а я зашел в хату и при людях высыпал пули из себя на пол.

Отдохнув и закусив, мы простились и поехали к себе. Встречая казаков, чтобы замести следы, спрашивали дорогу в разные направления и кстати расспрашивали, кто такой полковник Шкуро. Отзывы о нем были восторженные: был, мол, у нас в станице орел, громкий голос, из себя дюже красивый, говорил — скоро придет с дивизией казаков нас выручать…

Глубокой ночью вернулся я на бивак. Устроив совет со Слащовым и офицерами, мы решили, что дальше медлить нельзя, иначе казаки могут потерять дух, а большевики подтянут силы. Было решено сделать налет в ночь на 10 июня на станицу Суворовскую. Стали готовиться. Мои партизаны, высланные заранее в станицу Бекешевскую, через которую лежал наш путь, сговорились с надежными казаками, чтобы все, кто хотят присоединиться к отряду, в ночь на 10 число выставили бы свет в окошки и ожидали нас, имея полное вооружение и оседланных коней.

Когда стемнело, я построил свой отряд и поздравил с первым походом. Мы двинулись, применяя обычные наши фокусы для того, чтобы убедить население в нашей многочисленности. Кроме того, применили новый трюк: проезжали по одному и тому же месту несколько раз, обходом возвращались обратно. Наполненные оружием, отрытым теперь из наших потайных складов, следовавшие на рысях телеги напоминали артиллерию своим грохотом.

Станицу Бекешевскую, дабы не оставлять следов, мы обошли по руслу реки. Отряд пошел дальше; я же с Перваковым проехали прямо в станицу, стуча по три раза в хаты, окна которых были освещены, — «время настало». Через одну-две минуты после стука из ворот выезжал готовый казак и молча следовал за нами. Особенно запомнился выезд первого добровольца. На наш стук в

окно вышел старик казак; он был в одном белье. Опознав Первакова, старик впустил нас в хату. Вошли; поднялась и хозяйка. Я сбросил бурку.

— Здравствуйте, хозяин. Я — полковник Шкуро, начинаю войну. Давайте вашего сына! Я его знаю, он добрый казак.

— Благослови, Господи, наше дело! Мать, иди седлай коня!

Старуха и жена молодого казака завыли. Через минуту он уже ехал за нами по улице.

Часа два мы собирали казаков. Собаки подняли страшный лай. Изредка слышалось сдержанное завывание жен и матерей, оплакивавших своих уходящих членов семейств. Набрав человек двадцать и оставив Первакова собирать других, я поскакал вдогонку отряду, который и застал в балке, верстах в четырех от Бекешевки. Подойдя к станице Суворовской, послал письменный приказ есаулу Русанову и сотнику Евренко по первому же звуку церковного набата собирать казаков и вооружать их из станичного правления. Затем я выслал вперед конные партии с офицерами во главе, чтобы арестовать без шума всех членов местного Совдепа, а также и станичного комиссара, знаменитого гвардейского казака, с которым приказал обращаться демонстративно грубо.

Выждав время, пока это было исполнено, я развернул свой отряд лавой и пошел на станицу, выслав вперед разъезды, которым было приказано бросить несколько гранат на станичной площади. Раздались взрывы. Далеко понеслись в утреннем воздухе медные звуки призывного набата. Мы шли на рысях по улицам станицы; мои трубачи трубили тревогу, из окон выглядывали испуганные физиономии, полуодетые станичники выскакивали из хат, натягивали на ходу бешметы и бежали на площадь. Ожидавшие нас казаки выезжали в полном вооружении и присоединялись к отряду. Мальчишки-казачата на неоседланных конях с визгом мчались за отрядом.

Через час площадь была набита народом. Я обосновался в станичном правлении; Слащов устроил там же свой штаб. Вскоре был отпечатан на машинке лервый боевой приказ, в котором перечислялись якобы существовавшие дивизии, полки, сотни и батареи, долженствовавшие согласно этому приказу отправиться в район отдаленной станицы Отрадной на поддержку сражавшихся там казаков. Я стоял на крыльце станичного правления и принимал доклады подскакивавших ко мне ординарцев из этих несуществующих частей. Они громко докладывали мне, что их части «двинулись уже в Отрадную». Роль этих ординарцев исполняли казаки Волчьей поляны.

Привели арестованного станичного комиссара и членов

Совдепа. Я приказал рассадить их всех отдельно и назначить над ними полевой суд. Затем поздоровался с народом и сказал речь, в которой заявлял, что восстание против насильников-коммунистов поднято мною по приказанию находящихся при Добровольческой армии войскового атамана и Кубанского краевого правительства. Я требую беспрекословного исполнения моих приказаний и назначаю мобилизацию казаков пяти младших присяг, прием всех охотников и мобилизацию лошадей. Для производства последней назначается комиссия из стариков под начальством офицера. Ввиду отсутствия денег комиссия должна выдавать квитанции для последующей их оплаты средствами войсковой казны. Собравшийся народ встретил мои слова восторженным «ура», и тотчас же закипела работа в станице. Затем ко мне явилась делегация от стариков просить освобождения арестованного станичного комиссара.

— Он был хорошим атаманом, — говорили они, — когда же большевики назначили его комиссаром, то заступался за нас и не давал в обиду. Оставьте его по-прежнему нашим атаманом.

Я приказал привести арестованного.

— По просьбе стариков, — сказал я ему, — освобождаю вас от наказания за службу у большевиков и назначаю вновь станичным атаманом. Примите, однако, обличье, приличное казаку.

Через несколько мгновений славный старик появился в синей черкеске с погонами гвардейской сотни Конвоя Его Величества[96] и многочисленными медалями. Его радостно приветствовало население.

Полковник Слащов уже напечатал на машинке первую боевую сводку. В ней говорилось, что Добровольческая армия наступает на Тихорецкую, что на Кубани, в Лабинском отделе и на Тереке вспыхнуло повсеместное восстание против советской власти. Тем временем уже построились 3 конные и 2 пластунские сотни вновь сформированного Суворовского отряда под начальством своих станичных офицеров во главе с есаулом Русановым. Все казаки были вооружены и одеты в черкески с погонами.

— Поздравляю вас, — кричал я, объезжая сотни. — Вы опять казаки! Многие из вас не увидят больше родной станицы, но те, которые погибнут, падут за освобождение казачества!

Народ тащил скрывавшихся и пойманных красноармейцев. Раздались голоса, требовавшие немедленной с ними расправы. Я снова обратился к народу с речью.

— Мы не нападаем, мы защищаемся, — сказал я, — не будем же начинать наше правое дело пролитием крови. Отпустите на все четыре стороны этих несчастных, ослепленных лжеучителями людей. Пусть они рассказывают всюду о том, что мы не душегубы

и не насильники, подобно коммунистам, а люди, поднявшиеся на защиту своей свободы. Кто из них хочет, может поступать в наше войско и боевыми заслугами искупить свой, быть может невольный, грех перед родиной.

Слова эти произвели на всех громадное впечатление. Вслед за этим на открытом воздухе было отслужено молебствие о даровании победы нашему оружию. Я же получил тем временем сведения, что весть о поднятии мною восстания докатилась уже до Группы Кавминвод и произвела страшный переполох в большевистских верхах. Я полагал, что не далее как завтра могу быть атакованным красными частями. Необходимо было увеличивать отряд и мобилизовать возможно большие силы в ожидании первого боя, результат которого должен был произвести громадное впечатление на психологию казачества.

Глава 11

Занятие нами станицы Воровсколесской. — Ночевка и работа в Бекешевской. — Захват красными Суворовского. — Действия их в Бургустанской.

Я приказал Суворовскому отряду двинуться на станицу Воровсколесскую, отстоящую от Суворовской верст на сорок. Уже начало темнеть, когда отряд выступил. Для ускорения движения пластуны были посажены на подводы. Отряд должен был идти переменным аллюром. Одновременно я послал письменный приказ в станицу Бекешевскую — мобилизоваться и ждать нашего прибытия через 1–2 дня; догнав в пути суворовцев, приказал, чтобы при занятии Воровсколесской всеми средствами избегать кровопролития и не допускать каких-либо насилий и грабежей.

На рассвете мы подошли к Воровсколесской. Станичники, уже предупрежденные о событиях, ждали нас. По звуку набата вся станица собралась на площади. Тотчас же я объявил мобилизацию и сбор коней. Призыв к восстанию в этой станице был встречен со значительно меньшим энтузиазмом, ибо она находилась в непосредственной близости к границе Ставропольской «мужицкой» губернии и могла первой подвергнуться атакам со стороны расквартированных там красных гарнизонов.

Вскоре ко мне в станичное правление прибыли делегации от соседних сел Ставропольской губернии — Нагутского, Лебедевки и др., присланные для того, чтобы осведомиться о моей политической платформе, Я объяснил делегатам, что мы восстаем под лозунгами: «Долой советскую власть», «Да здравствует Всероссийское учредительное собрание». Делегация уехала, увезя с собой отпечатанные моим штабом и объяснявшие наше политическое «кредо» воззвания к казакам и крестьянам. Делегаты обещали переговорить с антибольшевистской организацией села Солдатско-Александровского, объединявшего вокруг себя 18 сел и немецких колоний. В распоряжении этой организации было многочисленное и разнообразное вооружение, вплоть до артиллерии полевой, горной и даже тяжелой.

От полубольшевистского селения Курсавки, расположенного по железной дороге между Минеральными Водами и Армавиром, также прибыла делегация. Курсавчане обещали свой нейтралитет в имеющей произойти гражданской войне, но просили нас не трогать их села. Желая, однако, извлечь что-нибудь и от

Курсавки, я послал туда несколько пожилых казаков. На созванном там митинге выяснилось, что многие жители хотели бы поддержать меня, но другие, боясь мести Красной армии, стояли за нейтралитет.

В полдень прискакало ко мне несколько казаков из станицы Бургустанской. Они сообщили, что в их станицу приехали комиссары и потребовали немедленной выдачи всего оружия, угрожая в противном случае разгромить станицу посредством якобы следующего за ними отряда Красной армии. Комиссары арестовали нескольких казаков за контрреволюционность, которая выразилась в том, что я, полковник Шкуро, не был арестован, когда выступил в станичном правлении. Трое из арестованных казаков уже расстреляны. Известие это еще более убедило меня в необходимости действовать возможно быстрее во избежание деморализации казачества. В Воровсколесскои мой отряд усилился на 200 конных казаков и 100 пластунов. Однако многие из них были вооружены лишь холодным оружием, а те, у кого были ружья; не имели достаточного количества патронов. Отслужив напутственный молебен, около четырех часов дня мы выступили (имея опять пехоту на подводах) по направлению на Бекешевку. В Воровсколесской я назначил начальника гарнизона, подчинив ему конвойную команду из стариков, и приказал держать, со мной связь постами летучей почты.

Поздно вечером, под лихие песни казаков, подходили мы к Бекешевке. Вот замелькали станичные огни, высыпал из ворот народ.

— Що за войско? — закричал чей-то голос.

— Шкуринцы, — отвечали мои казаки.

Я выслал сторожевых вокруг станицы с приказанием впускать всех, но не выпускать никого из станицы. Справа повзводно, растянувшись длинной колонной, вошли мы в станицу. Ко мне подскакал с рапортом вахмистр Перваков, оставленный тут вчера ночью для вербовки партизан. Он распорядился, оказывается, уже от моего имени, арестовать всех комиссаров, а трех, наиболее ненавистных казачеству, успел даже расстрелять. Я напустился на него за такое нарушение моих указаний; он же оправдывался тем, что нужно было пустить малость крови, чтобы казаки, зная, какая расплата им теперь грозит со стороны коммунистов, стояли тверже. Я расположил свой отряд на ночевку на станичной площади. Казаки развели костры и готовили себе всякую снедь из припасов, обильно нанесенных им щедрыми казачками.

Всю ночь в станице продолжалась лихорадочная работа по формированию пеших и конных сотен из бекешевских контингентов. В моем штабе тоже не спали. Донесения стекались

со всех сторон. Красные не дремали. Еще в течение дня были получены сведения, что из Ессентуков выступил отряд Красной армии в составе 500 штыков, при двух орудиях. Он шел на Суворовскую. Отряд такой же силы выступал из Кисловодска по направлению на Бургустанскую. На станции Курсавка уже высаживаются эшелоны красных, имеющие, вероятно, своим заданием овладеть Воровсколесской и Бекешевской. Из Армавира едут поездами красные части с артиллерией для высадки на станции Невинномысской и дальнейшего движения на Баталпашинскую, для закрепления за собой этой пока еще не поднятой мною станицы.

В течение ночи были получены донесения, что красноармейцы уже вступили в Суворовскую и в Бургустанскую и арестовали оставленные мною власти, а виднейших казаков взяли заложниками. В Бургустанской они насильно мобилизовали казаков, но те перерезали в пути комиссаров и бежали обратно в свою станицу. На рассвете из Суворовской вышел, направляясь на Бекешевку, красный отряд.

Глава 12

Наша подготовка к атаке красных у Бекешевки, отбитой налги. ~ Свидание с полковником Агоевым. — Восторженная ветрена в Бургустанской. — Военный совет там. — Налет на Кисловодск. — На выручку Бекешевки, захваченной красными. — Формирование полков и конной дивизии.

Учитывая, что мой плохо вооруженный и совершенно не сколоченный отряд пока еще мало пригоден к маневренным действиям, я распорядился следующим образом.

Пехоту поделил на две части; наилучше вооруженная часть ее, под начальством есаула Русанова, должна была занять горный хребет в шести верстах от станицы Бекешевской, на дороге Суворовская-Бекешевская. Остальные — тысячи две жителей, вооруженных чем попало, — должны были занять вторую позицию, почти у околицы станицы Бекешевской. Кавалерию в составе 600 человек, из них только 150–200 с винтовками, я взял под свою непосредственную команду и спрятал ее за правым флангом передовой позиции. Сотник Евренко с двумя конными сотнями суворовцев должен был отправиться в обход, через станицу Бургустанскую, и, подняв там казаков, ударить вместе с ними в тыл наступающих на нас красных.

На рассвете 12 июня я расположил свое войско согласно вышеизложенному и, выслав разъезды в разные стороны, ожидал неприятеля. Я объехал ряды казаков, призывая их сражаться мужественно и стойко, помня, что они защищают не только свое достояние и свободу, но жен и детей, которым не будет пощады от красных, если мы дрогнем; если же не хватит патронов — идти в штыки и кинжалы.

Странное зрелище представляла моя вторая линия. Бок о бок стояли древние старики, вооруженные кремневыми ружьями, с которыми их отцы и деды завоевали Кубань у горцев и татар, а рядом — ребята и бабы с рогатинами., С тяжелым сознанием ответственности смотрел я на этих людей, доверившихся мне и поставивших теперь все на карту. Глазами, полными веры, глядели они теперь на меня. Я дал себе слово погибнуть в случае неудачи, чтобы не видеть гибели этих славных поборников свободы казачества.

— Ваше высокоблагородие, — обратился ко мне старый, седой как лунь казак, как бы угадавший мои думы. — Когда вы пришли, мы сразу поверили вам и стали на защиту казачьей

вольности. Мы отдаем вам все. Делайте, что нужно; мы же будем слушать вас и повиноваться. Если Божья воля, чтобы мы погибли, положим наши жизни…

Часов в 9 утра стали поступать донесения, что верстах в десяти от позиции показались вражеские разъезды. Я вновь выехал на первую линию и отдал приказание Русанову беречь патроны и не открывать огня по цепям противника далее 400 шагов.

Вот уже показались наши отходящие разъезды. Глухо бухнуло вдали орудие, и первый выпущенный красными снаряд разорвался, далеко не долетев до нас. Второй снаряд с воем пронесся над нашими головами и взрыхлил землю между моими первой и второй линиями. Следующие снаряды рвались в станице, вселяя смятение в души казаков, у которых оставались в ней жены и малые дети. Вдали показались медленно приближавшиеся к нам перебежками первые неприятельские цепи, стрелявшие не жалея патронов. Вот зататакали у них пулеметы, и целые рои пуль с визгом понеслись в воздухе или подымали пыль, рикошетируя об землю. То здесь, то там начали раздаться стоны; раненые казаки поползли в станицу. Огонь все усиливался. Я чувствовал, как трудно казакам лежать под огнем, не имея возможности отвечать, и боялся, что они не выдержат. Артиллерия работала вовсю. Красные цепи быстро приближались. В это время с полсотни молодых суворовцев, под начальством своего лихого прапорщика, выбежали в лесок перед позицией и открыли меткий огонь во фланг неприятельской цепи, которая остановилась и залегла.

— Ура, братцы, в атаку! — крикнул я и вынесся вперед на коне со своим штабом и конвоем. Вся моя первая линия поднялась, как один, и ринулась без выстрела вперед. Не приняв штыкового удара, красные цепи пустились наутек. Я доскакал до пригорка на левом фланге убегавших большевиков. Оборачиваюсь и вижу, что моя пехота залегла на том месте, где только что была неприятельская цепь; оттуда послышалась трескотня пулеметов, и убегавшие красноармейцы стали то здесь, то там с размаху тыкаться в землю. Оказывается, мои пехотинцы взяли 5 пулеметов и тотчас же обратили их против врагов. Тут же было подобрано до 70 винтовок и масса патронов.

Отбежав верст 25, большевики вдруг остановились и вновь открыли огонь; оказалось, что к ним подошли подкрепления. Я приказал прапорщику Светашеву, захватив с собой взвод конных казаков, скакать что есть силы в станицу Бургустанскую и поторопить сотника Евренко с его выходом в тыл неприятельских сил. Есаулу же Русанову послал приказание не продвигаться

вперед, пока не начнется пальба в большевистских тылах.

Перестрелка длилась с час. Вдруг я вижу в бинокль, как русановские пластуны перебежками начинают отходить к станице; вот провезли в тыл и пулеметы на тачанках. Оказалось, что группа красных, зайдя, в свою очередь, во фланг цепи пластунов, вынудила ее своим огнем к отступлению. В то же время артиллерия противника метко била по нашей цепи. Увидя, что дело дрянь и посоветовавшись со Слащовым, я решил бросить свою конницу на батарею с целью овладеть ею и дать возможность Русанову обосноваться на второй линии. Видя мчавшуюся на него конницу, артиллерийское прикрытие пустилось наутек; артиллеристы открыли бешеный огонь картечью, вырывая целые прорехи из рядов казаков. Мчавшийся впереди доблестный прапорщик Светашев, присоединившийся ко мне в самом начале восстания, один из лучших офицеров, получив целый заряд в себя и лошадь, был разорван на куски. Конница дрогнула и пустилась врассыпную.

Собрав вокруг себя несколько десятков конных казаков, полковник Слащов снова бросился на батарею, но упал, споткнувшись о воронку, вместе с конем. Он тотчас же вскочил снова и вдвоем с ординарцем врубился в прислугу; я со своим конвоем влетел на батарею, но, к сожалению, оказался у зарядных ящиков. Прислуга, перерубив постромки, поскакала от нас в сторону, преследуемая моим конвоем. Мы захватили ящики, но красные артиллеристы успели увезти пушку. В это время я получил донесение Русанова, что его пехота, полагая, что наше дело проиграно, начинает разбегаться и со второй линии.

Вдруг в красных рядах начались смятение и крик. Это Евренко врубился наконец с тыла в красные резервы. Увидя это зрелище, все население Бекешевки высыпало на бугор, оглашая воздух радостными воплями. Вообразивши, что к нам подошли новые силы, большевики пустились бежать. Собравшаяся вновь моя конница бросилась в шашки. Очутившиеся между двух конных отрядов красноармейцы устремились в чистое поле между станицами Бекешевской и Суворовской, и тут произошло их страшное избиение — более 500 трупов было подобрано потом на этом месте. Я наскочил со своим конвоем на удиравший эскадрон красных и лично срубил с коня его командира, большевика из вольноопределяющихся[97], который хотел в свое время, в качестве шпиона, проникнуть в мою организацию. Мы захватили пушку, оказавшуюся неисправной, 6 пулеметов, 400 ружей и массу патронов.

В это время в Суворовскую прибыл отряд Красной армии, около 1000 человек, сделавшихся пассивными свидетелями того,

как бегали по полю настигаемые казачьими шашками красноармейцы и как летели их головы. Вновь прибывшие поспешно замитинговали, решили, что силы неравны, и разбежались. Около пяти часов дня все было кончено. Тем временем в штабе моем были получены донесения, что отряд Красной армии из Баталпашинской направляется на Бекешевку. Другой отряд, вышедший из Курсавки, занял уже станицу Воровсколесскую. Приказав первой сотне преследовать остатки красных, бежавших по направлению к Ессентукам, я повернул свой отряд обратно в Бекешевскую, чтобы дать людям поесть и отдохнуть. Население встретило нас с восторгом.

На другой день с утра мы похоронили убитых и организовали обоз для транспортировки с собою раненых, насчитывавшихся уже около сотни, которых, не имея базы, я должен был таскать с собой повсюду, из опасения, чтобы они не были зверски зарезаны мстительными коммунистами. Весть о вчерашней моей победе над большевиками широко разнеслась по краю. Шла молва о том, что у меня уже до 70 000 войска и будто одних пленных я набрал 10 000 человек.

Ко мне прибыли между тем небольшие отряды добровольцев-казаков из станиц Кисловодской и Ессентукской. Каждый из этих пяти отрядов просил атаковать его станицу, гарантируя поголовное восстание ее населения. Передо мною стояла теперь дилемма: или атаковать направляющиеся на меня красные отряды (но будучи плохо вооруженным, я подвергал дело большим случайностям), или же, игнорируя их, ворваться в один из городов Минераловодской группы, в каждом из коих были значительные склады оружия. Вооружив свой отряд, я мог бы уже с большими шансами на успех уничтожать живую силу противника. Ввиду того что в Кисловодске, по полученным мною сведениям, гарнизон был слабее, я решил атаковать его, никому, однако, кроме Слащова, не сообщив о своем решении.

Днем 13 июня в Бургустанскую приехал полковник Константин Агоев[98] вместе с комиссаром Радзевичем для переговоров со мною от имени Пятигорского Совдепа. Однако Радзевич, боясь недружелюбия казаков, вскоре уехал в автомобиле обратно. Во главе всего своего отряда я двинулся к Бургустанской и остановился биваком в близлежащем лесу. Агоев, приехавший ко мне на линейке, сообщил мне, что брат его, полковник Владимир Агоев, у станицы Мариинской организовал отряд терцев и хотел было уже поднять восстание, но внезапный арест большевиками намечавшегося командующим Терской армией полковника Бочарова, — позже расстрелянного ими, — спутал все карты. Он, Константин Агоев, тоже сформировал, с

согласия большевиков и на основании прежних переговоров с Автономовым, отряд милиции человек в 200 и намерен попытаться освободить Бочарова и бежать к брату.

— С чем же вы идете? — сказал он мне. — Ведь у вас нет оружия.

— Передайте комиссарам, что у большевиков есть достаточно оружия и мы его возьмем.

— Большевики уполномочили меня предложить вам сдаться при условии полной амнистии вам и всем восставшим. Ваша жена взята заложницей, и ее расстреляют, если вы не сдадитесь.

— Передайте комиссарам, что женщина ни при чем в этой войне. Если же большевики убьют мою жену, то клянусь, что вырежу, в свою очередь, все семьи комиссаров, которые мне попадутся в руки. Относительно же моей сдачи передайте им, что тысячи казаков доверили мне свои жизни и я не брошу их, и оружия не положу.

Этот мой ответ позднее был напечатан во всех большевистских газетах. Мы дружески распростились с Агоевым, и я сказал ему по секрету, что завтра иду на Кисловодск или Ессентуки. Проводив его, двинулся с отрядом в Бургустанскую. С песнями, сотня за сотней, вступали мы в эту станицу, восторженно приветствуемые ее населением. Никогда, ни раньше, ни потом, не видел я такого энтузиазма и готовности идти на все жертвы. На площади отслужили мы ночной молебен под слезы вдов и клятвы бургустанцев победить или умереть. Эта чудная станица, равно как и Бекешевская, жестоко поплатились впоследствии: они были уничтожены дотла большевиками.

Ночью я собрал военный совет, на который, кроме чинов штаба, своих старых офицеров и строевых начальников, пригласил бургустанскую станичную администрацию, а также делегатов станиц Ессентукской и Кисловодской. Выслушав мнения всех присутствующих, я объявил, что мы пойдем брать Пятигорск. Тотчас же после совета выслал сотню бургустанских казаков для производства демонстрации на Пятигорском направлении. Ввиду того что результат военного совета стал уже известным в Пятигорске, а также вследствие этой демонстрации, большевики стали спешно оттягивать войска в Пятигорск из других городов Группы: из Кисловодска также была отправлена часть гарнизона, в том числе и горная батарея, на которую я было имел виды.

В полночь на 13 июня я построил свой отряд, отобрав из него 4 конных и 2 пластунских сотни из лучших и храбрейших казаков, при двух пулеметах и, посадив пластунов на подводы, двинулся на Пятигорск. Остальную часть отряда поделил пополам, поручив

ей защиту станиц Бекешевской и Бургустанской от возможных нападений большевистских войск. Присоединившись затем к моему отряду, двигавшемуся на Пятигорск, я, неожиданно для всех, приказал свернуть на Кисловодскую дорогу; не доходя несколько верст до Кисловодска, разделил отряд на три колонны; первая из них должна была атаковать здание Совдепа на Тополевой улице, вторая — вокзал и Курзал при нем, третья — парк. Каждой колонне были приданы проводники из казаков станицы Кисловодской.

Едва начало светать, как колонны, изрубив большевистские посты, ворвались в Кисловодск. Вокзал, Курзал и часть парка были захвачены сравнительно легко, но из Нарзанной галереи, где засели большевики с пулеметами, а также из здания Совдепа, где забаррикадировались комиссары, нас осыпали пулями. Казаки рассыпались в цепь и затеяли длительную перестрелку. Бой затягивался. Хотя железнодорожный мостик на дороге Кисловодск — Пятигорск был взорван и мы были гарантированы от нападений неприятельских поездов, но кавалерия, брошенная по тревоге, могла бы атаковать нас внезапно. Я рыскал по улицам со своим конвоем в поисках оружия. К счастью, казаки нашли его в какой-то школе. Там оказалось 1000 винтовок, 100 000 патронов и 18 бомбометов с несколькими тысячами снарядов к ним, много револьверов и 9 пулеметов. Я приказал тотчас же грузить винтовки на подводы и вывозить их. Из бомбометов же мы начали обстрел зданий Совдепа. Выпустили уже снарядов пятьдесят, как вдруг один из них попал в окно нижнего этажа и разорвался внутри. Стрельба оттуда мгновенно прекратилась; лишь из верхнего этажа дома нас продолжали осыпать пулями.

Ввиду того что у стен дома теперь образовалось необстреливаемое (мертвое) пространство, я решил взять его штурмом и вызвал для этого охотников. Вызвалось человек двадцать. Главная трудность состояла в том, чтобы перебежать поперек широкую улицу, сильно обстреливаемую фланговым огнем из Нарзанной галереи. Приказав усилить до предела возможного огонь по галерее, я ринулся с охотниками через улицу. Потеряв четырех казаков ранеными, мы достигли, однако, дома и, выломав двери ударами прикладов, ринулись вверх по лестнице во второй этаж. На меня бросился кто-то с револьвером в руках, но я успел положить его наповал пулей из нагана в лоб.

Мы ворвались в большой зал, наполненный пороховым дымом. С десяток большевиков, преимущественно комиссаров, увидя нас, бросились на колени среди трупов и умоляли, с поднятыми вверх дрожащими руками, не убивать их. Я переписал фамилии пленных и объявил, что дарую им жизнь, но под

условием, чтобы никто из жителей Кисловодска и станицы не пострадал за мой набег.

— Я мог бы взять вас с собой в качестве заложников, но не делаю этого, полагаясь на ваше чувство чести, — сказал я им. Они благодарили меня униженно и со слезами.

На близлежащей горке засели красноармейцы, наносившие нам потери. Я бросился на эту горку с группой казаков, чтобы выбить оттуда засевших, но был встречен таким огнем почти в упор, что уцелевшие станичники разбежались. Я остался лишь с одним вестовым перед несколькими десятками бросившихся на меня в штыки красноармейцев.

— Держи! Держи! Сдавайся! — кричали они.

Выпустив в них все патроны своего нагана, я вынужден был спасаться бегством, но оказался перед крутым оврагом сажня четыре глубиной. В это время большевики дали залп и сбили с меня папаху. Выбора не было, и я прыгнул в овраг, а за мною и вестовой. До сих пор не понимаю, как я не поломал себе ног. Подбежавшие к оврагу красноармейцы открыли было сверху опять стрельбу по нас, но, встреченные, в свою очередь, огнем находившихся вдали казаков, поспешно ретировались. Я оказался на улице возле самого вокзала. Слащов со штабом находился в это время у въезда в станицу. Я послал ему приказание собирать войска на Пятницком базаре.

Тем временем ко мне явилась депутация от станицы Кисловодской, просившая, чтобы я объявил в ней мобилизацию и поднял станицу. Не имея в виду оставаться тут и не желая подводить кисловодчан под репрессии, я отказался категорически от этого предложения, разрешив, однако, желающим из них присоединиться к моему отряду. Сотни три конных казаков тут же присоединились к нам. Я хотел было еще взять Нарзанную галерею, чтобы овладеть находившимися там пулеметами, но высланная туда полусотня была встречена таким огнем, что пришлось отказаться от этой мысли. В это время я получил донесение, что значительный отряд красных, в составе примерно 2–3 тысяч пехоты и полка конницы, движется на Бекешевку со стороны Баталпашинской. Я решил двигаться немедленно кратчайшей дорогой на выручку Бекешевки через Кумско-Лоовский аул.

В шесть часов вечера, 13 июня, выступили мы из Кисловодска, везя с собой своих четырех убитых, 60–70 раненых и большой обоз с оружием и взятыми в Совдепе запасами чая, сахара и мануфактуры. Ночью мы отдохнули часа два в селении Михайловском. Там я получил новое донесение от оставленного мною начальника отряда, прикрывавшего Бекешевку, есаула

Русанова. Он доносил, что большевики находятся уже в десяти верстах от Бекешевки, наступают густыми цепями и громят артиллерией, а плохо вооруженные казаки ополчения отходят к станице, причем между ними возникли слухи, будто бы я их бросил и больше не вернусь в Бекешевку. Я приказал прибывшему ко мне в отряд и назначенному мною начальником конницы полковнику Кубанского войска Удовенко[99] идти лесными дорогами, выйти севернее Бекешевки и атаковать во фланг и тыл наступающих на станицу большевиков. Всех пластунов на подводах двинул прямо на Бекешевку. В станицу Бургустанскую же послал приказание, чтобы ее ополчение продолжало бдительную охрану в три направления — на Ессентуки, на Кисловодск и на Суворовскую, — выделило в то же время все наличные резервы и выслало их в помощь бекешевцам. Доблестные бургустанцы выслали 400 казаков и коней. Сам же я с сотней своего конвоя помчался, обгоняя своих пластунов, к Бекешевке.

15 июня утром я подъезжал к этой станице. Русанов с ополчением уже отошел от нее, занятой на его плечах красными, и вел бой на южной ее окраине. Навстречу мне попадались повозки, груженные казачьим имуществом, и толпы беженцев, преимущественно женщин, заливавшихся слезами, детей и сумрачных старцев, медленно двигавшихся, опираясь на посохи. Вот вдали показались станица и казачьи цепи, быстро отходившие от нее. Шрапнель противника метко рвалась над ними. Гора Бекет, высившаяся верстах в шести южнее станицы и ставшая командной высотой над всем полем сражения, была уже занята большевиками, фланкировавшими с нее казачьи цепи. Судя по меткости артиллерийского огня, неприятельские наблюдатели, видимо, уже также установили на ней свои посты. Я поскакал по казачьим цепям, ободряя их и обещая скорое прибытие помощи. Увидев, что я их не бросил и что к нам идет подкрепление, казаки подбодрились, по моему приказанию перешли в контратаку и остановили неприятельские цепи, которые залегли и затеяли длительную перестрелку.

Тем временем группа казаков, известными им одним лесными тропинками, пробралась к вершине горы Бекет и выбила оттуда красных. Теперь, в свою очередь, красные, поражаемые во фланг, не выдержали и начали отступать к станице. Ободренные успехом казаки стали всё сильнее и сильнее теснить большевиков. Вдруг я получаю донесение, что неприятельская артиллерия карьером уходит из станицы — это Удовенко вышел в тыл. К сожалению, он обнаружил себя преждевременно, иначе бы артиллерия стала нашей добычей. Дело в том, что на пути

отступления красных была сильно тенистая, непроходимая вброд речка. Удовенко успел захватить все мосты, кроме одного, к которому и устремилась красная артиллерия. Ввиду того что проскакивать через мост ей пришлось под огнем, две пушки опрокинулись с моста, и их засосало в болоте; зарядные же ящики и весь обоз с имуществом, награбленным большевиками в станице, достался нам.

Конная сотня казаков Удовенко заняла мост тотчас же и залегла на нем. Лишившись поддержки своей артиллерии, красная пехота быстро очистила станицу и бросилась к переправам, но, встреченная огнем занявших мост казаков, остановилась в смятении; прижатая к болотистой речке и впавшая в панику, она была обречена на гибель. Я пустил в конную атаку свою конвойную сотню. Взбешенные тем, что во время своего кратковременного пребывания в станице большевики расстреляли несколько стариков, бекешевские ополченцы не давали пощады никому. Из двухтысячного большевистского отряда не ушел почти никто. В этом бою мы захватили до 2000 ружей и 7 пулеметов. К вечеру в окрестных лесах было взято еще несколько десятков пленных, но и им не дали пощады взбешенные казаки.

Эта победа сильно ободрила казаков, ибо они увидали на опыте, что, несмотря на то что мы были малочисленны и почти безоружны, но били Красную армию, страшную только для беззащитных, но неизменно пасующую, лишь только ей приходится встретиться с организованным войском. Я подогрел это настроение и указал бекешевцам в речи, сказанной на станичной площади, что до тех пор, пока в нашем войске будут царить дисциплина и послушание, мы непобедимы; если же начнется митингование, то гибель нашего дела неизбежна.

Для того чтобы подсчитать свои силы и организовать по иному мой, теперь уже значительно увеличившийся отряд, я расположил его вне станицы. Пропуская его мимо себя, я был поражен: сотни выглядели очень жидко; однако наутро части опять были полными; это объясняется тем, что для казака совершенно невозможно, будучи возле своей хаты, не переночевать дома. Я отобрал 3000 вполне годных к бою казаков и сформировал из них одну конную дивизию[100] трехполкового состава и одну пластунскую бригаду[101] из трех батальонов. По имени старых казачьих полков, которые комплектовались из этих полковых округов, полки конной дивизии получили названия 1-го,[102] и 2-го[103] Хоперских кубанских и 1-го Волжского терского[104]. Батальоны пластунов были наименованы 6-м[105] и 12-м[106] пластунскими Кубанскими и 1-м Терским[107]. Начальником конной дивизии был назначен мною полковник

Удовенко.

Из присоединившихся к моему отряду горцев-черкесов, кабардинцев и карачаевцев мною был сформирован конный горский дивизион двухсотенного состава[108], командиром которого я назначил нашего старого друга, присоединившегося теперь к отряду, корнета князя Лоова. Ввиду того что мало боеспособные старики и казачата-бекешевцы, гордые своей недавней победой, путались всюду, мешая работе, я сформировал из них гарнизонные конный полк и пеший батальон. Однако никакими силами нельзя было отобрать у них и даже от участвовавших в сражении баб захваченное ими оружие, которое они берегли как зеницу ока.

Глава 13

Налеты на красных. — Осадное положение в городах и станицах, занятых красными. — Соединение с лабинцами. — Бой с красным отрядом, шедшим из Баталпашинской. — Путь в Ставрополь. — Налет на Баталпашинскую. — Разрушение железнодорожного пути у станции Киян и занятие ее. — На соединение с Деникиным. — Ультиматум из селения Птичьего Ставрополю. — Занятие его моим начальником штаба полковником Слащовым. — Поездка в Тихорецкую.

С 15 июня стояли мы в окрестностях станицы Бекешевской, часто меняя бивак ввиду необходимости пасти коней на траве. В то же время велась усиленная разведка в разные стороны и части пополнялись прибывавшими отовсюду казаками. Ожидали прибытия солдатских отрядов из восставшего района Солдатско-Александровского, но тщетно. От разбросанной всюду моей агентуры поступили сведения, что большевики сняли часть своих сил с Тихорецкого антидобровольческого фронта и сосредоточивают их в районе Невинномысской и Баталпашинской. Броневые поезда красных курсировали по всем путям.

По городам и станицам, занятым большевиками, было введено осадное положение и начались массовые аресты и расстрелы. Советская пресса, исправно мне доставляемая, забавляла себя и своих читателей рассказами о понесенных мною бесчисленных поражениях, о моей поимке и даже казни. На одном из митингов были даже проданы с аукциона снятые с меня, якобы после моего расстрела, сапоги. Вследствие своей удивительной непоследовательности, большевистские пускатели уток расстреливали меня вчера, но завтра объявляли о новом моем поражении, и так без конца. Я посылал тем временем отдельные небольшие отряды делать налеты на большевистские села и хутора, за оружием, провиантом, фуражом, но главное, за конями, которых не хватало, а также для того, чтобы взрывать мосты и нарушать железнодорожное сообщение и вносить беспорядок в большевистские коммуникации.

Рассылаемые мною во все стороны эмиссары подымали восстания моим именем в различных станицах Баталпашинского и Лабинского отделов[109]. Это делало мое имя вездесущим, чему весьма способствовала и большевистская пресса.

18 июня я перешел с отрядом в район Белого ключа, верстах в

16 от Бекешевки, где были превосходное пастбище и водопой. В Белый ключ прибыл ко мне разъезд казаков-лабинцев, доложивший, что он послан подъесаулом Солоцким[110], пробивающимся на соединение со мною из Лабинского отдела, через станицы Вознесенскую и Отрадную. 21 июня мои разъезды донесли, что Солоцкий приближается. Мы все бросились к нему навстречу. Сотня за сотней, с песнями ехали лихие лабинцы. При моем приближении бывшие в их отряде трубачи грянули войсковой марш; далеко покатилось, оглашая леса и горы, могучее «ура», папахи полетели в воздух. Мои казаки обнимали и целовали вновь прибывших. Это был незабываемый момент.

Солоцкий привел с собой около 5000 годных к бою казаков — 2 конных полка — 1-й Лабинский[111] и 1-й Хоперский, и 2 пластунских батальона того же наименования[112] (около 4000 шашек и 1000 штыков). Все люди имели хорошее вооружение, как холодное, так и огнестрельное; при отряде насчитывалось с десяток пулеметов, но патронов было мало. Офицеров в отряде тоже было мало; командный состав состоял больше из вахмистров и урядников. Однако главная беда состояла в том, что за отрядом Солоцкого двигался большой, почти в 2000 подвод, обоз беженцев, везших свой скарб, гнавших за собою громадные стада овец и рогатого скота.

Подъесаул Солоцкий происходил из станицы Владимирской. Он был инженером по образованию; призванный под знамена с начала германской войны, дослужился до чина подъесаула. После большевистского переворота, когда на Кубани тайно образовалось «Общество спасения Кубани», растянувшееся по всему краю и подготовлявшее вооруженную борьбу против большевиков, Солоцкий примкнул к этой организации и деятельно работал в своей станице. Когда слух о поднятом мною восстании докатился до Лабинского отдела, Солоцкий поднял восстание в свою очередь. Славная станица Прочноокопская, уже восставшая против большевиков 28 раз, тотчас же присоединилась к восстанию. Вокруг Солоцкого объединились до 10 000 казаков; отряд его принял название Южно-Кубанской армии. Солоцкий захватил Армавир, однако, не имея артиллерии, был скоро выбит оттуда. Преследуемый большевистскими отрядами, он долго метался по горам Лабинского отдела, то нанося большевикам поражения, то неся сам потери и восполняя их казаками, примыкавшими к нему из станиц, по которым он проходил.

У станицы Исправной Баталпашинского отдела Солоцкий потерпел серьезное поражение, главным образом вследствие отсутствия у него патронов. В его войсках начались распад и митингование. Объединив вокруг себя 5000 твердых, не

поддававшихся заразе казаков, он решил пробиваться ко мне. Остальная часть его отряда, пошедшая самостоятельно, напоролась под станицей Андреевской на превосходные силы красных и потерпела вторичное поражение. Остатки этого отряда пробились позже на соединение со мною, но не застали меня, ибо к тому времени я уже ушел в пределы Ставропольской губернии; тогда, через Клухорский перевал, отряд направился к Сухуму, где был обезоружен грузинскими войсками и интернирован в Грузии. Пользуясь контингентом, приведенным Солоцким, я переформировал теперь свое войско: 1-й Хоперский полк Солоцкого влил в свои 1-й и 2-й Хоперские полки, а 1-й Лабинский ввел в свою конную дивизию в качестве отдельного полка. Дивизия эта, развернутая теперь в четыре полка (1-й и 2-й Хоперские, 1-й Лабинский и 1-й Волжский), была мною названа 1-й Казачьей дивизией[113]; я не мог назвать ее Кубанской, ибо 1-й Волжский полк состоял целиком из терских казаков. Начальником этой дивизии вместо несколько вялого полковника Удовенко я назначил подъесаула Солоцкого. Пластунская бригада, в которую вошел приведенный Солоцким 1-й Лабинский пластунский батальон (командиром его был есаул Калядин), достигла теперь также нормального четырехбатальонного состава.

Общая обстановка к этому времени складывалась так: терцы на Сунженской линии еще не восставали; в Баталпашинской вновь сосредоточились большие силы красных. Их начальник, товарищ Балахонов, из бывших прапорщиков, клялся на митингах, что возьмет меня живьем и привезет в клетке в Баталпашинск. В помощь ему движется из Армавира, направляясь в Баталпашинскую, дивизия красных. Крестьянское восстание на севере Ставропольской губернии разрастается. Добровольческая армия генерала Деникина движется на Тихорецкую.

Я решил пробиваться через Ставропольскую губернию на соединение с генералом Деникиным. Тут я получил известие о том, что из Баталпащинской, с целью окружения меня, движутся два отряда. Один идет прямо на Бекешевскую, другой, по лесным дорогам, через станицу Усть-Джегутинскую и Белый ключ. Я решил разбить каждый отряд порознь, атаковав первоначально Усть-Джегутинскую колонну; оставив с этой целью пластунскую бригаду на позиции у Белого ключа, выслал казачью лесными тропинками в тыл приближающейся красной колонне.

Утром 20 июня разъезды донесли, что красные подходят. Два батальона пластунов я оставил в резерве, а два других в боевой линии. Большевики открыли сильный артиллерийский огонь и пошли пехотой в атаку. Мои бомбометы, расположенные на горах,

метко били по красным цепям, как только они приближались шагов на тысячу. Не будучи в состоянии добиться успеха фронтальной атакой, большевики пробовали принимать охватывающее положение, что не представляло особых трудностей, ибо местность была весьма лесистая и овражистая. Имея резерв, я отвечал им тем же. С переменным успехом бой длился уже более полудня. Я начал волноваться, ибо, как действующий по внутренним операционным линиям, не мог держать свои руки связанными. Вдруг, около двух часов дня, красные стали отступать, предупрежденные, видимо, кем-то о движении на их тыл, предпринятый моей конницей. Взяв горский конный дивизион и в сопровождении своего конвоя, я бросился лесными тропами на поиски дивизии. Нашел ее стоящей и спешенной в лесу. Оказывается, что Солоцкий заблудился. Выслав тотчас же разъезды, я обнаружил, что артиллерия противника уже проскочила обратно; пехота же как раз в это время двигалась мимо дивизии, в 2–3 верстах от ее стоянки. Я бросил тотчас же один конный полк к станице Джегутинской для захвата обозов колонны, остальные же три полка направил в пешем строю в атаку, во фланг проходившей мимо красной пехоты. Атакованные внезапно красноармейцы бросились врассыпную; многие были перебиты, однако значительной части пехотинцев удалось рассеяться по лесам. Как я узнал впоследствии, в Баталпашинскую после этого боя прибыло до 400 раненых.

Ворвавшийся в Усть-Джегутинскую мой конный полк захватил все обозы и зарядные ящики; нам досталось порядочное количество хлеба, фуража и до 30 000 патронов. Не теряя времени, я снова собрал в кулак весь свой отряд и к вечеру сосредоточился восточнее Бекешевки в ожидании другой колонны красных. Однако, узнав о поражении первой колонны и получив известие от своих разъездов о том, что на полях лежат тысячи трупов изрубленных нами большевиков, красные части замитинговали и дальше не пошли. Вообще я заметил, что вид неубранного поля сражения всегда действовал на большевиков панически и представлял для них преграду, действовавшую лучше всякого проволочного заграждения.

Однако я не мог еще торжествовать победу. Большевики решили во что бы то ни стало уничтожить мой отряд. Уже новые три колонны двигались ко мне с целью забрать меня в кольцо. Один сильный отряд трех родов оружия, высланный из Пятигорска, направлялся на Суворовскую; второй, такой же силы, на Бургустанскую; третий, наиболее сильный, заканчивал свое сосредоточение в Курсавке для последующего движения на Воровсколесскую. Видя, что мне не под силу справиться со столь

превосходящими меня как в численности, так особенно и в вооружении, противником, я решил, не теряя времени, пробиваться в Ставропольскую губернию. Мой отряд, пополнявшийся все время стекавшимися ко мне отовсюду казаками, достигал уже 40 000 человек, но оружия по-прежнему не хватало.

Чтобы пробиться в Ставропольскую губернию, мне нужно было пересечь линию железной дороги, по которой постоянно курсировали броневые поезда. Для отвлечения внимания большевиков я решил произвести две демонстрации: одну 1-м Лабинским полком у Баталпашинской, другую — одними разъездами — у Курсавки. Весь мой остальной отряд должен был сосредоточиться в Воровсколесской, откуда затем броситься на пересечение железной дороги. Чтобы подсобрать оружия, я решил взять его у замитинговавшей колонны красных. В то же время, для защиты Бургустанской, выслал туда Волжский полк. Выслав по обыкновению один полк в тыл, я погнал красных, нажимая с фронта. Брошенный в тыл 1-й Лабинский полк под командой есаула Козликина дошел до самой станицы Баталпашинской и, ворвавшись в нее ночью, достиг станичной площади и открыл там стрельбу.

Наполнявшие станицу красноармейцы бежали в панике к мосту через реку Кубань, оставив на произвол судьбы всю свою артиллерию и обоз. Открыв огонь по мосту, лабинцы положили там около 1500 большевиков. Затем Козликин вышел из Баталпашинской, не подобрав трофеев, и двинулся к Воровсколесской, куда тем временем прибыла, уже направленная раньше, пластунская бригада. Если бы Козликин был энергичнее и распорядительнее, он не только забрал бы всю артиллерию красных, но поднял бы и мобилизовал громадную Баталпашинскую станицу, присоединение которой вызвало бы тотчас же восстание всего Баталпашинского отдела. Вооруженный артиллерией и имея за собой Баталпашинский отдел, я представлял бы собой столь грозную силу, что мне не потребовалось бы уходить в Ставропольскую губернию, а, наоборот, я мог бы тотчас сам атаковать красных, овладеть группами, соединиться с терцами и, поставив между своей и Добровольческой армиями действовавшие против генерала Деникина красные войска, раздавить их в короткий срок. Вся кампания сложилась бы иначе.

Козликин оправдывался тем, что Лабинский полк, состоявший из казаков, незнакомых баталпашинцам, был встречен ими недоверчиво и не мог рассчитывать на присоединение к нему местного казачества. В этом, конечно,

была доля правды, но если бы, задержавшись в Баталпашинской, он связался со мною, дело пошло бы иначе. Факт же невзятия им брошенной красными артиллерии совершенно необъясним и непростителен.

Пока лабинцы хозяйничали в Баталпашинской, оба Хоперские полка гнали замитинговавшую колонну красных из Бекешевки; другая колонна красных, высланная из Баталпашинской на поддержку замитинговавшей, еще до захвата Баталпашинска моими лабинцами атаковала, в свою очередь, хоперцев во фланг, нанесла им потери и вынудила к отступлению в Воровсколесскую. Услышав, однако, о том, что Баталпашинская взята казаками, колонна эта поспешно отступила на Невинномысскую.

27 июня весь мой отряд сосредоточился в четырех верстах от Воровсколесской, куда привезли и раненых. Высланные в разные стороны казачьи разъезды отогнали шмыгавшие всюду разъезды красных. Я предупредил население, что ухожу из станицы, и поэтому советую ему не сопротивляться красным в случае их прихода. Узнав, что я их увожу от их станицы, казаки замитинговали. Раздавались голоса, что не стоит идти со мною, что казакам придется воевать невесть где, в то время как большевики будут безнаказанно бесчинствовать в станицах. Я построил полки и убеждал казаков, что в силу создавшейся военной обстановки нам оставаться здесь долее нельзя. Говорил, что веду их на соединение с Добрармией, с которой вместе придем освобождать станицы, что нам нужно сколотиться и поучиться, прежде чем начинать крупные бои, ибо мы пока еще не серьезное войско, а необученный сброд. Затем сел на коня и крикнул:

— Кто со мной — иди, кто не хочет — ступай по домам!

Я долго ехал, не оглядываясь, а когда наконец посмотрел назад, то увидел следовавшие за мной колонны. Остались часть терцев, несколько сот кубанцев. Многие из них, как я узнал впоследствии, погибли, схваченные большевиками.

Ночью мы двинулись к намеченному месту прорыва через железную дорогу, между станциями Невинномысской и Киян. При этом случилось большое горе: позже были подвезены в Воровсколесскую еще раненые, которых станичники, не зная, что я ухожу ночью, оставили, не предупредив меня, переночевать в Воровсколесской. Эти несчастные были захвачены нагрянувшими на станицу красными и зверски ими умерщвлены.

Подойдя к железной дороге прямо против станции Киян, я выслал по конному полку вправо и влево от нее с приказаньем порвать телеграфные провода и разрушить железнодорожный путь. За отсутствием подрывных средств приходилось вручную

разбирать рельсы и шпалы. Два поезда все же успели проскочить к станции Киян со стороны Невинномысской.

Уже перед рассветом я занял с главными силами станцию Киян, где мы разогнали всех служащих, дабы не осталось свидетелей, могущих видеть и пересчитать мой отряд. Услышав шум от приближающихся поездов, я сильно опасался, не были ли это неприятельские броневики. В это время еще далеко не весь отряд пересек полотно — что же я мог поделать с ними, не имея артиллерии. К счастью, один из этих поездов оказался пассажирским, другой — товарным. Я приказал арестовать машинистов и потушить паровозные топки. Затем мы осмотрели поезд: Среди спавших пассажиров казаки обнаружили человек 60 красноармейцев; их обезоружили, а затем отпустили на волю.

В товарном поезде мы забрали 100 голов скота, 50 коней, седла, амуницию, более сотни винтовок и тысяч 20 патронов. Затем, присоединив к себе боковые отряды, я двинулся дальше. Шли без передышки весь следующий день. К вечеру 28 июня дошли до станицы Темнолесской в 30 верстах от Ставрополя. Мы сделали переход в 111 верст, имея с собой громадный обоз и раненых. Во время этого перехода в одном из многочисленных сел Баталпашинского отдела мужики открыли по нас огонь и произвели страшную панику в обозе. В виде репрессии я приказал выпороть несколько мужиков и забрать их коней под безлошадных казаков.

Темнолессцы встретили нас восторженно, поили и кормили на славу. Большое количество казаков этой станицы присоединилось к отряду. Ввиду того что лошади и люди падали от усталости, я дал отряду сутки отдыха (29 июня). Ночью с 28 на 29 июня со стороны Ставрополя доносилась сильная артиллерийская пальба. Выслав к Ставрополю разъезды из темнолесских казаков, я получил донесение, что в городе произошло восстание офицеров, которое, однако, ввиду неприсоединения к нему обещавших поддержку рабочих, а также из-за наличия в городе сильного красного гарнизона было жестоко подавлено.

Об армии Деникина мне было донесено, что она находится в районе селения Медвежьего. Полагая, что без артиллерии невозможно овладеть Ставрополем, я решил обойти город с востока, идти на Бешпагир и далее на северо-запад, для соединения с генералом Деникиным. 30 июня я двинулся к Бешпагиру. Мы прибыли туда часа в два дня. Во все стороны были высланы разъезды. Вдруг недалеко от моей палатки разорвалась граната, затем послышалась пулеметная трескотня и, наконец, примчались казачьи разъезды, преследуемые по пятам

несколькими грузовиками. Оказывается, это были большевистские разведчики, посаженные на грузовики, из коих один нес на себе горное орудие, другие же были вооружены пулеметами. Я тотчас же приказал рассыпать один полк лавой, дабы отрезать грузовикам отступление и захватить их. Некоторые из них успели проскочить и умчались к Ставрополю, где подняли страшную панику; два же грузовика достались нам. Среди изрубленной казаками прислуги был опознан местными жителями некий матрос Шпак, известный в Ставрополе своей кровожадностью.

Напуганный набегом большевиков обоз быстро запрягся, не ожидая приказания. Воспользовавшись этим случаем, я приказал двинуться в путь. Сделав новый переход верст в сорок, мы вышли севернее Ставрополя у селения Х. Не доходя до этого селения, я выслал вперед лихого подъесаула Васильева с дивизионом. Это был доблестный офицер из простых казаков. Ворвавшись в селение, он захватил там комиссара Петрова, два грузовика с пулеметами и денежный ящик с 500 000 рублей. Я предал Петрова военно-полевому суду, приговорившему его к смертной казни. Петров умолял о прощенье, указывая особенно на то, что он, как бывший офицер, может быть полезен в нашей армии. Прежде чем утвердить приговор, я обратился к казакам, предлагая им высказаться по этому поводу. Казачье общественное мнение высказалось за необходимость казни, и Петров был повешен.

Крестьяне этого селения, встретившие нас хлебом-солью, относились к нам очень радушно и проклинали большевиков, причинивших им очень много зла. Высылаемые мною в окрестные селения разъезды встречали повсюду хороший прием, и крестьяне охотно снабжали их оружием, припрятанным от большевиков. В штаб отряда стали прибегать из Ставрополя беженцы, утверждавшие, что красноармейцы бегут из города и что им можно легко овладеть. Временами у нас происходили стычки с небольшими партиями большевиков, причем казаками было взято несколько грузовиков.

Тем временем Добровольческая армия овладела Тихорецкой; я же перешел несколько к югу, к селенью Птичьему, расположенному около железной дороги Ставрополь — Кавказская. В Птичьем я составил ультиматум к большевистским властям Ставрополя, в котором потребовал сдачи города в 24-х часовой срок, угрожая в противном случае разгромить его тяжелой артиллерией (у меня не было ее не только тяжелой, но и легкой); в случае же добровольной сдачи обещал прощение захваченным большевикам. Высланный на станцию Пелагиада

разъезд 7 июля передал мой ультиматум в Ставрополь по телеграфу. Тотчас же был получен по телеграфу ответ из Ставрополя, что город оставлен большевиками и власть перешла в руки Городского самоуправления, которое и просит меня занять город.

Одновременно с этой же станции удалось вступить в телеграфную связь со станцией Кавказской, только что занятой дивизией генерала Боровского[114]. Приказав полковнику Слащову вступить с войсками в Ставрополь, я сам решил ехать к генералу Деникину. Погрузившись в один из захваченных грузовиков, с пулеметами и четырьмя казаками, 7 июля выехал в Торговую, где нашел командира Кубанской конной бригады[115], полковника Добрармии Глазенапа[116]. Встретившись с ним, я стал расспрашивать об общем положении, о политических лозунгах Добрармии и сказал ему:

— Мы, казаки, идем под лозунгом Учредительного собрания.

— Какая там лавочка еще, Учредительное собрание? — ответил он мне. — Мы наведем свои порядки.

Глазенап распорядился выслать в мой штаб генерала Уварова[117] в качестве заведующего гражданской частью Ставропольской губернии. Я вместе с Глазенапом и в его поезде должен был ехать в Тихорецкую к генералу Деникину. О нашем выезде Глазенап сообщил туда по телеграфу. За свое кратковременное пребывание в Торговой я видел много пьяных офицеров и казаков и слышал жалобы жителей на плохое поведение войск.

На станции Тихорецкая я был восторженно встречен находившимися на вокзале офицерами. Прежде всего отправился к Кубанскому войсковому атаману — полковнику Филимонову[118] в сопровождении приехавших со мною двух пожилых бекешевских казаков. Филимонов, живший со своей супругой, встретил меня радостно, расцеловал и повел к генералу Романовскому.

Глава 14

Свидание с Филимоновым, Романовским, Деникиным, Боровским. — Представление Алексееву. — Оборона Ставрополя. — ~ Помощь корниловцев. — Трения с губернатором. — Назначение меня начальником Отдельной Кубанской партизанской бригады. — Взятие Екатеринодара и моя поездка туда. — Восстание терцев.

Из разговора с Филимоновым я убедился в том, что между командованием Добрармией, с одной стороны, и Кубанским атаманом, Радой и правительством, с другой существуют некоторые трения. Атаман жаловался мне, что, несмотря на то что Добрармия вступила на территорию Кубанского края и невзирая на прежние договоры, генерал Дейкин игнорирует кубанскую власть. Разговорившись позже с офицерами, как добровольческими, так и казачьими, я убедился, что в армии установилось презрительное отношение к следовавшим за нею Раде и кубанскому правительству. Их обвиняли в трусости вследствие их неучастия в боях, в излишней заботливости о своем комфорте и самоснабжении, причем это недружелюбие демонстрировалось часто и недвусмысленно.

В Тихорецкой все чины штаба были расквартированы в небольших домах недалеко от станции. В одном из таких скромных домиков проживал и начальник штаба Добровольческой армии генерал Романовский. Я явился к нему и был встречен очень ласково и гостеприимно. Генерал сказал мне, что до штаба Добрармии доходили сведения о моем восстании; но эти вести были столь разноречивы, что никто себе не представляет в действительности, каковы мои средства и силы. Я доложил подробно историю моей работы и просил дать мне артиллерию, ибо, кроме пары поломанных пушек, которые я таскал за собой для морального воздействия на противника, и одного горного орудия, снятого нами с грузовика матроса Шпака, у меня не было ничего.

Генерал Романовский очертил мне общую картину того времени. Задуманная для взятия Екатеринодара операция встретила трудности — кавалерийская дивизия[119] генерала Эрдели[120] натолкнулась на сильное сопротивление противника у станции Станичной и отошла несколько назад; дивизия генерала Боровского упорно завязла у станции Кавказской, и в настоящее время трудно выделить какие-либо силы для защиты

Ставрополя от неизбежного нажима красных. Ставрополь лишь напрасно свяжет командование, основная цель которого захватить Екатеринодар и получить выход к Черному морю как к естественной границе, обеспечивающей фланг армии. Я докладывал Романовскому необходимость держать Ставрополь, ибо очищение города произвело бы самое тягостное впечатление на население и убедило бы его в слабости антисоветской армии. Романовский обещал поговорить с генералом Боровским о том, чтобы он выделил мне, если боевая обстановка позволит, какие-нибудь силы.

Распростившись с Романовским, я отправился, согласно его приказанию, к командующему Добрармией генерал-лейтенанту Деникину. Представляясь ему, я рапортовал по форме о состоянии приведенного мною отряда и о том, что признаю власть Добрармии и предоставляю себя в ее распоряжение.

— Родина вас не забудет, — сказал мне Деникин.

Затем, после нескольких дружеских фраз, он пригласил меня отобедать у него. Я вынужден был, однако, отказаться от этого приглашения, так как еще раньше был приглашен на обед к Филимонову. Я спросил генерала Деникина о лозунгах Добрармии. Однако он тотчас же перевел разговор на другие темы. У меня создалось впечатление, что Деникин избегал ответа на интересовавшую меня тему. Прощаясь со мной, он просил меня представиться завтра утром генералу Алексееву.

По выходе из квартиры командующего я был встречен несколькими членами Рады, которые повели меня в здание местной школы, где собрались на заседание члены Рады и атаман. Я был встречен аплодисментами депутатов. Затем атаман и председатель правительства Л.Л. Быч сказал мне приветственное слово. Я сделал Раде детальный доклад о своей работе и отвечал на задаваемые мне депутатами вопросы. Рада постановила ходатайствовать перед атаманом о производстве меня в генерал-майоры, в благодарность за труды мои по поднятию восстания; Филимонов вошел с представлением по этому поводу к командующему Добрармией. Затем Л.Л. Быч пригласил меня зайти к нему поговорить с глазу на глаз. Он жаловался мне на плохие отношения к кубанским верхам со стороны командования и на то, что слабохарактерный и покладистый атаман недостаточно энергично защищает перед командованием интересы казачества и достоинство Рады. Быч опасался, что по занятии Екатеринодара разногласия увеличатся. С другой стороны, он подчеркнул, что по мере военных успехов верхи армии начинают праветь и лозунг «Учредительное собрание» становится постепенно менее популярным.

Переночевав в отведенной мне квартире, на другой день в 6 часов утра я отправился к генералу Алексееву. Не видев его с 1916 г., я поразился, как он за это время осунулся, постарел и похудел. Одетый в какой-то теплый пиджачок и без погон, он производил впечатление почтенного, доброго старичка.

Алексеев особенно интересовался настроением крестьян Ставропольской губернии и Минераловодского района. Я доложил, что, по моему мнению, население почти всюду относится отрицательно к большевизму и что поднять его нетрудно, но при непременном условии демократичности лозунгов, а также законности и отсутствия покушения на имущественные интересы крестьян; в частности, необходимо избегать бессудных расстрелов, а также не производить безвозмездных реквизиций. Касаясь вопроса о настроении казачества, я обратил внимание генерала на прискорбные отношения, установившиеся между Радой и командованием. Алексеев возразил, что нынешний состав Рады не выражает волю населения, а роль ее важна лишь в будущем, когда будет очищена вся Кубань; теперь же Рада является лишь ненужным и бесполезным придатком к штабу армии. Относительно демократических лозунгов и о том, что Деникин не пожелал беседовать со мной на эту тему, Алексеев отозвался весьма сдержанно; у меня создалось впечатление, что между обоими генералами произошли по этому поводу какие-то недоразумения.

Затем я отправился поездом в Кавказскую на свидание с генералом Боровским. Подъезжая к ней, я слышал уже издали орудийную стрельбу, ружейную и пулеметную трескотню. Шел сильный бой. Генерал Боровский был на позиции. Однако вскоре он вернулся. Это был еще молодой, энергичный и решительный человек. Он выдвинулся на должности командира Студенческого батальона[121], теперь же командовал 1-й дивизией Добрармии, состоявшей из Марковского[122] и Корниловского[123] полков и Кубанского стрелкового полка[124]. Ссылаясь на боевую обстановку, Боровский отказался в данный момент выделить мне какие-либо силы, но просил держать связь с ним, обещая помочь в случае крайней необходимости. Однако он дал мне бронепоезд, вооруженный морскими орудиями, с прислугой, составленной из офицеров и кубанских казаков[125]. Правда, поезд этот был самодельной бронировки, однако он мне весьма пригодился впоследствии.

На этом бронепоезде в тот же день я отправился в Ставрополь, куда прибыл около пяти часов дня. На вокзале толпилась масса народу, встретившего меня овациями. Мне был

подан экипаж, и в сопровождении своего конвоя я поехал через город в приготовленную для меня квартиру. Вечером я вышел в общественный сад. Публика горячо приветствовала меня, выступали с речами, кричали «ура», некоторые даже пытались целовать мои руки. Ко мне являлись разные депутации, в том числе от рабочих.

В Ставрополе было захвачено 16 полевых и горных орудий. Доблестный подполковник Сейделер горячо принялся за формирование и в несколько дней сформировал одну за другой две 4-орудийных батареи[126]. Орудия были частью неисправны; приходилось из 2–3 неисправных пушек собирать одно годное к бою орудие. Лошадей собирали путем конной повинности, расплачиваясь квитанциями. Население охотно шло нам навстречу, поставляло лошадей, а крестьяне охотно привозили фураж и продовольствие для людей, Из наличных в городе офицеров, придав к ним гимназистов, студентов и юнкеров, был сформирован Ставропольский офицерский полк[127].

По приказанию Ставки я считался командующим войсками г. Ставрополя, но оставался непосредственным начальником конной дивизии, переименованной во 2-ю Кубанскую казачью дивизию[128]. Она состояла теперь из конных полков 1-го и 2-го Хоперских, 2-го Кубанского[129] и 1-го Лабинского. Двухсотенный дивизион терцев влился в состав 1-го Лабинского полка. Пластунская бригада была выделена из моего непосредственного командования, и ее начальником назначили полковника Слащова[130].

Организация у меня кипела день и ночь. Нужно было ждать впереди упорных боев и не терять времени напрасно. Для поднятия казачьих станиц между Армавиром и Ставрополем я рассылал отдельные сотни, но оружия опять стало не хватать. Разведка начала приносить сведения о том, что красные, узнав, что Ставрополь ими очищен под влиянием паники и без достаточного основания, ввиду отсутствия у меня артиллерии и малочисленности моего отряда, стали вновь собирать кулак для обратного его взятия. Одна из колонн, численностью до 4000 бойцов, двинулась от Невинномысской к Темнолесской. В северных уездах Ставропольской губернии большевики мобилизовали крестьян и собирали в районе Башкирских кочевий отряд численностью до 6000 человек. Генерал Боровский вел упорные бои. Для поддержки его я получил приказ нажать на Невинномысскую. Я двинул в район Темнолесской произведенного по ходатайству Рады в войсковые старшины Солоцкого с казачьей бригадой. Другая бригада была брошена к Башкирским кочевьям.

13 июля Солоцкий донес, что его бригада вытеснила большевиков из Темнолесской и отступает к селению Татарке. В помощь ему я выдвинул пластунскую бригаду Слащова на линию реки Татарки с приказанием поддержать Солоцкого и, если возможно, перейти в контратаку. Третья колонна красных заняла Бешпагир. Я оказался атакованным с трех сторон, имея мало артиллерии, снарядов и патронов, а свои войска — усталыми от длительных боев; тщетно просил помощи у генерала Деникина, руки которого были связаны кровопролитными боями у Кавказской. 16 июля положение стало угрожающим. Подвергаясь нажиму со всех сторон, мои войска стали уже приближаться к Ставрополю. В городе началась паника. Скоро снаряды большевистской артиллерии начали рваться на улицах. Пластуны выдыхались, не имея патронов.

Пришлось бросить в бой еще не сорганизованный как. следует офицерский полк. Часа в три дня положение стало особенно тяжелым. Конница уже не могла действовать в конном строю и жалась за пехотой и на флангах. Я упрашивал Боровского поддержать меня хотя бы батальоном. Среди казаков начались разговоры о том, что добровольцы нас бросили на произвол судьбы. Положение становилось отчаянным. Выяснилась невозможность дальнейшей обороны города. Ко времени захода солнца пластуны уже вели бой на окраинах Ставрополя.

Вдруг раздалась лихая военная песня и, рота за ротой, замаршировали по городу присланные Боровским батальоны корниловцев и кубанских стрелков[131]. Войдя во фланг большевистских цепей, не ложась и идя в полный рост, без выстрела наступали доблестные добровольцы и, приблизившись, бросились в штыки. Громовое «ура» огласило воздух. Подбодрившиеся пластуны также перешли в атаку. Красные цепи заколебались, смешались и пустились наутёк. Я бросил конницу в преследование. Забрали мы громадную добычу, нарубили массу «товарищей» и на их плечах дошли до Темнолесской. В ней я оставил бригаду Солоцкого, пехоту же оттянул обратно к Ставрополю и стал ее приводить в порядок и продолжать формирование офицерского полка. Корниловцы и стрелки, ознаменовавшие, к сожалению, свое пребывание в городе рядом грабежей и насилий, ушли обратно к Боровскому.

Тем временем у меня произошел ряд неприятностей с временно исполнявшим должность генерал-губернатора генералом Уваровым, вступившим в управление губернией, еще в большей своей части не очищенной от большевиков. Начались гонения на демократию, аресты, расстрелы. Пользуясь своим старшинством в чине, генерал не желал считаться со мною и даже

делал поползновения вторгнуться в область моей компетенции. Однажды ко мне пришла депутация рабочих, принесших шапку собранных между собою денег на нужды войска.

— Объясните нам, — просили они меня, — за что же вы, в конце концов, боретесь? Теперь мы уже ничего не понимаем.

— Мы боремся за освобождение от большевистского засилья, за землю, волю и Учредительное собрание, — отвечал я.

На другой день мой ответ был напечатан во всех местных газетах, и со стороны Уварова полетела на меня жалоба в Ставку, что я своими выступлениями мешаю ему управлять губернией. Меня вызвали в Ставку; начальник штаба от имени Главнокомандующего сделал мне внушение за то, что я вторгаюсь в область политики. Взбешенный, я пошел к атаману Филимонову и заявил ему, что затрудняюсь впредь командовать ставропольскими войсками и вообще не создан для оборонительной борьбы; моя сфера — партизанщина, и я прошу отпустить меня подымать восстание в Баталпашинском отделе и в горах. Как на своего желательного преемника я указал на полковника Улагая[132], выздоровевшего в это время в Новочеркасске от ран. Л.Л. Быч поддержал меня. Ставка, с которой у меня возникли новые недоразумения по поводу того, что я стал снабжать свой отряд запасами из взятой мною добычи, вместо того чтобы сдать ее в интендантство Добрармии, охотно пошла мне навстречу.

8 августа был взят Екатеринодар, куда я приехал также вместе со Ставкой в поезде генерала Деникина. Я присутствовал на торжествах по этому поводу. Там впервые встретился с генералом Покровским[133] и видел его дивизии. Полки были хороши и в полном комплекте[134].

Затем я вернулся в Ставрополь, но заболел и провалялся недели две в постели.

Тем временем в должность губернатора вступил полковник Глазенап; Уваров же остался его помощником. С Глазенапом я не поладил по тому же поводу, что и с Уваровым. На смену меня прибыл полковник Улагай. Сдав ему дивизию, за исключением двух смешанных сотен хоперцев и терцев, ядра моей будущей Партизанской бригады и взвода полевой артиллерии, я получил наименование начальника отдельной Кубанской Партизанской бригады [135].

К тому времени на Тереке уже началось общее восстание против большевиков. Ввиду того что меня плохо снабжали, я ездил ругаться в Екатеринодар.

26 августа в Ставрополь приезжал генерал Деникин, восторженно принятый населением.

Казаки между собою ругали начальство и жаловались, что им приходится защищать мужиков, в то время как их братья казаки еще страдают под большевистским игом.

Глава 15

Движение наше на станцию Киян. — Обход станицы Новогеоргиевской; занятие Беломечетинской; сформирование 1-го Кубанского партизанского полка. — Присоединение черкесов. — Нападение на Баталпашинскую и взятие ее. — Освобождение Бекешевки.

Мой бывший отряд под командой Улагая вел с переменным успехом бои под Невинномысской и у позиций на горе Недреманной. Вскоре прибыл в Ставрополь генерал Боровский, принявший на себя общее командование войсками. Однако он недолго пробыл в Ставрополе и перешел с полевой частью своего штаба в село Татарку, а затем в Темнолесскую. Ко мне в Партизанскую бригаду в качестве начальника штаба был назначен подполковник Генерального штаба Анатолий Михайлович Шифнер-Маркевич[136]. Он произвел на меня первоначальное впечатление человека вялого и нераспорядительного; я готов был всячески от него отделаться. Однако впоследствии я убедился, что это замечательный офицер, и совершенно переменил о нем свое мнение.

Заботы мои по формированию кадра Партизанской бригады чрезвычайно осложнялись наплывом ко мне моих старых казаков, прослышавших, что я иду подымать их станицы, и стремившихся побывать дома. Улагай и Слащов ссорились со мной, думая, что я нарочно сманиваю у них казаков, и даже жаловались на меня в Ставку. Я гнал от себя казаков, но они усвоили новую «тактику»: попросту дезертировали из полков и, прячась по деревням и даже лесам, караулили мой исход, чтобы потом присоединиться в пути к моему отряду.

30 августа я выступил из Ставрополя и, дойдя до станицы Темнолесской, переночевал в ней в штабе генерала Боровского, получив в его разведывательном отделении сведения о расположении противника и его силах. Боровский настаивал, чтобы я, прорвав фронт красных на его левом фланге, атаковал затем их в районе Невинномысской и тем помог Боровскому взять ее. Я отказался, однако, самым категорическим образом от этого поручения. Мог ли я, имея самостоятельную и притом весьма трудную задачу, ввязываться в местные боевые действия. С другой стороны, я не считал себя вправе рисковать своим контингентом, одна половина которого состояла из офицеров, а другая из отборных казаков, каждый из которых был влиятельным лицом в

той или другой станице, которые мне предстояло поднять.

Почти сутки 31 августа я потратил на разведку неприятельского расположения. Высланные мною к востоку и юго-востоку от Невинномысской конные партии выяснили, что в этой местности красных войск не было и она охранялась только курсировавшими по железной дороге броневиками. Я решил прорваться в этом месте и затем идти снова к станции Киян, а оттуда в Баталпашинский отдел. 1 сентября перевел свой отряд на левый фланг. Произведя перекличку отряда, убедился, что силы его простирались теперь уже до 400 человек. Это влились в него все «самовольцьг». Гнать их было поздно. Ночью с 1 на 2 сентября я, не замеченный никем, двинулся к станции Киян, которой достиг, идя со всеми предосторожностями, к вечеру 2 сентября, сделав переход в 45 верст. Заняв гору над станцией, я расположил на ней свою двухорудийную батарею, которой командовал доблестный есаул Трепетун; впоследствии, уже в чине полковника, он пал смертью храбрых под Екатеринославом, командуя артиллерийским дивизионом в моем 3-м конном корпусе[137].

У станции Киян маневрировали три красных бронепоезда: один на путях по направлению Минеральных Вод, два — в направлении к станции Невинномысской. Трепетун завязал с ними артиллерийский бой. Около полудня ему удалось подбить один из минераловодских броневиков, который был тотчас же взят на буксир другим броневиком, потащившим его из района боя. Третий оставшийся броневик стрелял из рук вон плохо. Команда его, чувствуя, что ему несдобровать в случае продолжения борьбы, погрузила находившуюся на станции Киян роту красной пехоты, и он поспешно удалился в сторону Невинномысской. Тотчас же по его уходе я стал переводить отряд через полотно, а затем втянулся в горы. Во время боя с броневиками случилось у нас большое горе: лопнуло тело одного из двух наших орудий, и мы его таскали впредь за собой лишь для морального эффекта.

От Кияна я взял направление на станицу Новогеоргиевскую, которую мы обошли в ночь со 2 на 3 сентября. Когда проходили ночью по хуторам, открывались окна и слышались оклики:

— Кто идет? — Шкуринские партизаны, — отвечали мои казаки.

Многие хуторяне присоединялись к моему отряду, причем это были не только казаки, но и крестьяне. В Новогеоргиевскую я выслал офицерский разъезд с приказанием поднять станицу и, мобилизовав казаков, вести их в станицу Беломечетинскую, которую намерен был занять. Совершив громадный переход, в 6

часов 3 сентября, я подошел к Беломечетинской, приказал тотчас же оцепить ее и не выпускать из нее никого. Одну полусотню двинул вперед в станицу, приказав ей занять площадь и ударить в набат.

Когда полчаса спустя я въехал на площадь, она была полна народа, встретившего меня восторженными криками «ура».

От имени Кубанского атамана и генерала Деникина я объявил призыв 10 присяг казаков и конскую мобилизацию; послал также эстафеты в окружные хутора, аулы, в станицы Отрадную и Карданикскую с приказанием мобилизоваться и собираться в станице Беломечетинской. Затем собрал стариков на совет. Они настаивали в один голос на необходимости возможно скорее овладеть станицей Баталпашинской, ибо лишь в этом случае подымется дружно весь Баталпашинский отдел.

К утру 4 сентября уже был сформирован в станице 1-й Кубанский Партизанский полк[138]. Командиром его я назначил есаула Логинова, приказав ему оставаться с полком в станице, продолжая формирование и готовясь к встрече могущих прибыть из Невинномысской красных отрядов. Две сотни прибывших из Новогеоргиевской казаков я также придал Логинову; ему же оставил и поврежденную пушку, еще годную, однако, для производства 2–3 выстрелов.

Между прочим, в Беломечетинской удалось захватить многих комиссаров, возвращавшихся со съезда в Баталпашинской; среди них был обнаружен и военный комиссар всего Баталпашинского отдела казак Беседин. Из допроса комиссаров выяснилось, что в Баталпашинской войск мало и там ничего еще не известно о начатом мною движении. Посаженный мною на телефонной станции офицер продолжал вести переговоры с Баталпашинской телефонной станцией и принимал телефонограммы, как будто ничего не случилось.

Вечером 4 сентября, со своими основными двумя сотнями, выступил я, направляясь на Баталпашинскую, и еще задолго до рассвета достиг черкесского аула Дударуковского, расположенного на горе, на левом берегу реки Кубани, как раз напротив Баталпашинской. Ненавидевшие большевиков черкесы встретили нас очень радушно и сообщили, что мост через Кубань охраняется одним лишь взводом, а гарнизон Баталпашинской меня совершенно не ожидает. Черкесы пожелали тотчас же присоединиться к моему отряду. Хотя большинство из них не имело не только оружия, но даже и седел, сотни четыре черкесов сели на коней и явились в мое распоряжение. Я присоединил их к своему конвою.

Одну конную сотню, под начальством есаула Маслова, послал

перейти вброд реку Кубань и напасть затем на Баталпашинскую с запада, со стороны дороги на Новогеоргиевскую. Сигналом для атаки должен был послужить орудийный выстрел. Другой сотне я приказал спешиться и атаковать мост.

Ровно в 5 часов утра я приказал Трепетуну дать сигнальный выстрел. По странной игре случая, выпущенный при этом снаряд попал в здание местного Совдепа и наделал там страшный переполох. Тотчас же затрещали пулеметы; спешенные казаки овладели мостом. Оторопевшие было сначала большевики быстро, однако, оправились, заняли прибрежные дома и открыли сильный ружейный огонь по мосту. Тогда Трепетун дал по ним несколько орудийных выстрелов, и они обратились в бегство. Я видел в бинокль страшную суматоху и беготню в станице. Взяв свой конный взвод и в сопровождении черкесов, я бросился бродом через Кубань у самого моста, в виду всей станицы. Увидев эту, показавшуюся громадной, массу конницы, гарнизон, составленный из 800 красноармейцев, бросился бежать, — одни по направлению к Воровсколесской, другие на Бекешевскую. В это время влетел в станицу и Маслов.

Из домов выскакивали казаки, бросая в воздух папахи, крича «ура» и целуя нам руки. Вооружившись чем попало, до вил включительно, они вскакивали на неоседланных коней, на спешно заложенные подводы и бросались преследовать большевиков; нарубили до 400 убегавших красноармейцев.

Старики пришли ко мне с хлебом-солью. Отовсюду спешили освобожденные баталпашинские офицеры, уже переодетые в черкески и с погонами. В их числе оказался уважаемый войсковой старшина Косякин, которого я назначил атаманом Баталпашинского отдела. Тотчас же был мною подписан приказ о всеобщей мобилизации, разосланный эстафетами во все станицы; туда же мною были разосланы офицеры для заведывания мобилизацией. В Баталпашинской я стал форсировать два Хоперских полка; командиром 1-го[139] назначил полковника Толмачева, а 2-го[140] — войскового старшину Бреуса. Тем временем десятка два казаков моего отряда, бекешевцев по происхождению, без всякого с моей стороны приказания поскакали в свою станицу, атаковали ее, выгнали красных и донесли мне об этом по телефону.

Около 8 сентября Логинов стал доносить из Беломечетинской, что на него наступают красные со стороны Невинномысской. Один из красноармейских отрядов сжег Мансуровский черкесский аул. Это произвело впечатление электрической искры на черкесов, которые начали всюду восставать и вступать со мною в связь. Из них я стал формировать

1-й и 2-й Черкесские полки.[141]

Глава 16

Восстание терцев. — Деятельность Бичераховых. — Поднятие станиц Баталпашинского отдела. — Решение соединиться с горцами. — Движение на Ессентуки и Кисловодск через Бекешевскую и Бургустанскую. — Занятие станицы Кисловодском — Капитуляция гарнизона Кисловодска. — Связь с полковником Агоевым. — Связи по радио с генералом Деникиным. — Выговор мне от генерала Деникина. — Образование финансовой комиссии для изыскания средств и снабжения моей партизанской бригады. — Подготовка эвакуации Кисловодска по требованию генерала Деникина. — «Пикадоры». — Наступление красных на Кисловодск; захват ими Бургустанской. — Помощь бургустанцам и освобождение станицы, -т. Приезд жены. — Эвакуация Кисловодска 27 сентября.

Подтянув от Армавира и Невинномысской свои резервы, красные стали нажимать и на Беломечетинскую. Со стороны Минеральных Вод они взяли уже Суворовскую, частью сожгли ее и завязали упорные бои с терскими казаками, защищавшими под начальством полковника Скобельцына, с мужеством отчаяния, уже второй месяц, почти без патронов, станицу Бургустанскую. Я тотчас же послал, сколько мог, патронов бургустанцам и просил их продолжать оборону в ожидании помощи от меня.

Терцы уже восстали и, образовав в г. Моздоке Крестьянское народное правительство, с Георгием Федоровичем Бичераховым во главе, вступили в бой с большевиками. Они снабжались оружием, снарядами и патронами от генерала Лазаря Федоровича Бичерахова, занявшего г. Петровск и владевшего Каспийским морем. Тем временем рассылаемые мною всюду эмиссары подымали станицы Баталпашинского отдела, с энтузиазмом восставшие одна за другой и высылавшие свои отряды в Баталпашинскую. Таким образом, я имел обеспеченный в случае неудачи тыл, ибо граница с Грузией была открыта для меня, вследствие того, что казаки завладели Клухорским и другими горными проходами. Равным образом в моем распоряжении были и выходы в Сочинский округ.

Теперь передо мною стояла альтернатива: или ударить от Беломечетинской в тыл красных, сражавшихся с Добрармией у Невинномысской, или, бросив Баталпашинский отдел, проникнуть в Лабинский и, подняв его, нажать затем на Армавир

и облегчить, таким образом, движение генерала Покровского с 1-й Кубанской дивизией из Майкопского отдела и генерала барона Врангеля с 1-й конной дивизией[142], или же войти в соединение с терцами, облегчив этим им восстание. Первая задача была легче всего осуществима, но для решения ее, как и задачи второй, нужно было иметь артиллерию и патроны; у меня же не было ни того, ни другого. Поэтому я решил пробиваться к терцам, где мог достать вооружение и амуницию, а затем уже приступить к решению других задач. С другой стороны, было весьма трудно вывести казаков из своих земель; в случае если бы это потребовалось, с непосредственной целью соединиться с их ближайшими братьями терцами, они пошли бы охотно.

Я поручил начальнику Баталпашинского отдела, войсковому старшине Косякину, организовать территориальные войска и держать фронт в сторону Невинномысской, себе не поставил очередной целью овладеть Кисловодском или Ессентуками для соединения с командующим терскими войсками, полковником Владимиром Агоевым и ротмистром Серебряковым-Даутовским[143], успевшим поднять против большевиков всю Кабарду. 12-то сентября я выступил в Бекешевскую, имея в своем отряде 1-й Партизанский конный полк в составе шести сотен и 6-й и 12-й пластунские батальоны; 1-й и 2-й Черкесские конные полки и Карачаевский конный полк[144] были мною оставлены в районе станиц Баталпашинской и Отрадной.

В Бекешевскую я прибыл 12 вечером и был встречен с энтузиазмом. Там присоединил к себе 2-й Хоперский полк. Переночевав в Бекешевской, мы двинулись в станицу Бургустанскую, куда прибыли в 9 часов вечера 13 сентября. Печальное зрелище представляла эта станица. Церковь была сожжена, многие дома лежали в развалинах. Множество казаков было расстреляно большевиками или погибло в боях. Горестный плач овдовевших казачек и осиротелых детей смешивался с восторженными криками приветствовавшего нас населения.

Я построил свой отряд на площади и просил духовенство отслужить нам напутственный молебен. Затем подарил станице 5 пулеметов. Восторгам жителей не было конца. Затем я поздравил войско с походом. Казаков-суворовцев, в количестве 300–400, послал выбить большевиков из их станицы, с тем чтобы по выполнении задания они опять присоединились к отряду. Сам же, взяв с собой всю конницу и присоединив к себе бригаду волжцев Скобельцына, около 12 часов ночи выступил в сторону Ессентуков.

На рассвете 14 сентября мы приблизились к станице Ессентукской. 1-й Волжский полк[145] я послал атаковать станицу

Кисловодскую; 2-й же Волжский полк[146], под командой войскового старшины Менякова, состоявший преимущественно из казаков станицы Ессентукской, двинул на эту станицу. Полк, приблизившись незаметно, по пушечному выстрелу в конном строю атаковал занятые красными окопы. Встреченный сильным огнем, полк врубился, однако, в окопы. Большевики обратились вспять. При этом было захвачено одно орудие и около ста снарядов. Однако вместо преследования врага казаки рассыпались по своим хатам, чтобы проведать близких. Ободренные этим красные, засев в домах у парка, открыли бешеный огонь по. станице и расстреливали, как куропаток, сражавшихся поодиночке казаков. Много их, в том числе и войсковой старшина Меняков, было ранено. Казаки стали отступать из, станицы. Я бросил в поддержку к волжцам, в конном строю, 2-й Хоперский полк. Он доскакал до самой станицы, но встреченный сильнейшим огнем и потеряв убитым своего доблестного командира, войскового старшину Бреуса, отхлынул в беспорядке назад, увозя, однако, взятую в бою пушку и труп своего командира.

Со стороны Кисловодска появились два бронепоезда и открыли по нас артиллерийский огонь. Есаул Трепетун, с одним-единственным орудием, вступил с ними в перестрелку. Первым же выстрелом, попавшим в вагон с огнестрельными припасами одного из броневиков, он взорвался на воздух. Устрашенный этим второй броневик поспешно вышел из сферы нашего огня и открыл издалека по нас огонь тяжелой артиллерией. В это же время Партизанский полк занял вокзал. Обнаружив там большие склады товаров, партизаны занялись грабежом их, рассыпались и вышли из рук начальства.

Подвезенные незаметно со стороны Пятигорска несколько эшелонов большевиков атаковали их и выбили с вокзала. Таким образом, элемент внезапности был утерян; приходилось все начинать сызнова. Гарнизон Ессентуков, значительно усиленный и ободренный удачей, представлялся серьезным противником. Тогда, продолжая демонстративную атаку Ессентуков, я решил обратить удар на Кисловодскую, откуда командир 1-го Волжского полка еще не присылал донесения. Оставив для действия против Ессентуков 2-й Волжский полк и подошедший по взятии своей станицы дивизион суворовских казаков и приказав им, кроме того, охранять Бургустанское направление от возможного со стороны красных покушения, я двинулся к Кисловодску со 2-м Хоперским полком, командиром которого назначил теперь только что явившегося из карачаевских аулов, где он скрывался, лихого полковника Беломестного[147]. Оказалось, что 1-й Волжский полк

успел взять станицу Кисловодскую и даже уже произвел в ней мобилизацию.

К моменту подхода остального моего отряда, 15 сентября утром, гарнизон города капитулировал. Здесь было взято нами 3000 пленных, 2 исправных орудия, 2500 винтовок до 200 000 патронов и освобождено большое количество офицеров. Захвачен был также целый ряд комиссаров, с которыми было поступлено со всей строгостью законов. Мобилизованных казаков станицы Кисловодской я влил в 1-й и 2-й Волжские полки. Многочисленное освобожденное в Кисловодске офицерство вошло в местный офицерский полк[148]. Оружия опять стало не хватать.

Для связи с полковником Владимиром Агоевым я выслал в аул Кармово (кабардинский — единственный враждебный нам — аул) Партизанский конный полк. Встреченный недружелюбно кармовцами, полк занял аул после небольшой перестрелки; из Кармова в станицу Мариинскую, где находился штаб Агоева, был выслан дивизион партизан. Он был восторженно встречен агоевцами и вскоре вернулся ко мне обратно, привезя с собою от Агоева два орудия со снарядами, винтовки и патроны. Тут необходимо упомянуть, что еще раньше, при движении моем к Кисловодску, ко мне прибыл разъезд от Агоева и привез 20 000 патронов, что и дало мне возможность овладеть Кисловодском, ибо после боя под Ессентуками у меня почти совсем иссякли патроны.

В Кисловодске мною была захвачена мощная радиостанция стационарного типа. Я приказал переделать ее в передвижную, что и было исполнено радиотелеграфистами в трехдневный срок, причем, однако, радиус действия ее сократился до 300 верст; этого, впрочем, было вполне достаточно для меня. Я связался по радио со штабом генерала Деникина и донес ему о взятии мною Кисловодска, поднятии Баталпашинского отдела и связи моей с восставшими, под начальством Агоева, терцами. Получив позже возможность сноситься шифром, я донес, что по окончании организации ударю в тыл большевикам, сражающимся против генерала Боровского. В ответ на это я получил по радио выговор от генерала Деникина за неисполнение директивы. Что это была за директива, которую я якобы не выполнил, не знаю и до сих пор; никакой директивы я от штаба Добрармии не получал, и вообще на все мое предприятие там смотрели как на авантюру, обреченную на неудачу. От Кубанского атамана тоже пришла весьма неразборчиво переданная по радио радиограмма, где упоминалось что-то о суде надо мною.

От Агоева, с которым я поддерживал регулярную связь разъездами, приходили нехорошие вести. Казачье-крестьянское

народное правительство, видимо, не пользовалось популярностью. На Моздокском и Сунженском фронтах начались разложение и митингование. Казаки устали и рвались по домам. Во главе всех вооруженных сил терцев стал генерал Мистулов[149] — хороший воин, отчаянно храбрый человек, но, видимо, уже утерявший веру в успех дела. Один отряд Агоева еще держался твердо.

Для связи с отрядом генерала Лазаря Бичерахова, овладевшего уже, по слухам, Кизляром, я выслал разъезд с поручением просить у генерала денег на вооружение. У меня не было ни денег, ни какого-либо снабжения. Поэтому я очень обрадовался, когда ко мне явились представители местного беженского финансово-промышленного мира и предложили свои услуги по налаживанию этого вопроса. Они сформировали из себя Финансовую комиссию, поставившую себе задачей изыскание средств для питания армии финансами и всяким снабжением. Председателем комиссии был господин Фрешкоп, члены — Востряков, Лоов, Кюн, Цатуров, Маилов, Гусаков, Шадинов и др. Работали идеально, блестяще, честно, самоотверженно, выше всяких похвал. Члены Финансовой комиссии выдали местному отделению Государственного банка вексель за своими подписями, обеспеченный их имуществом, находившимся в Совдепии; банк выпустил равную сумму денег местного значенья (чеки) на 6–7 миллионов, прозванных в народе «шкуринками». По взятии Грозного Маилов внес один миллион. Впоследствии все эти обязательства были оплачены и изъяты из обращения.

В течение двух месяцев Финансовая комиссия содержала армию в 25 000—30 000 человек, освободив меня от всяких хозяйственных забот. Вся интендантская часть обслуживалась также комиссией, открывшей швальни, кожевенный, полотняный и шорный заводы, сапожные и седельные мастерские, сукновальню. Комиссия скупала винтовки и патроны. Она же издавала газету «Доброволец», сослужившую большую службу в смысле привлечения к нам общественных симпатий и боровшуюся с большевистскими лжеучениями. Впоследствии, при отступлении моем из Кисловодска, комиссия озаботилась вопросами эвакуации и питания до 10 000 беженцев, их размещением, санитарными мероприятиями. Я не нахожу слов, чтобы охарактеризовать замечательную работу этой комиссии. На ее примере я убедился, что наша буржуазия и общественность могут работать, и притом великолепно; если бы командование Добрармии сумело наладить сотрудничество с общественностью, мы не претерпели бы впоследствии погубившего все дело распада тыла.

По радио я получил приказ генерала Деникина помочь во что бы то ни стало генералу Боровскому, продолжавшему сражаться с Таманской большевистской армией в районе Невинномысской. Атаман Баталпашинского отдела Косякин доложил о тяжелой боевой обстановке, создавшейся в районе Баталпашинской и Беломечетинской, атакованном отступавшими из Майкопского отдела красными, откуда их гнал генерал Покровский, и из Лабинского, где их ждал генерал Казанович[150]. Тем временем у терцев начался полный распад. В конце сентября они заключили соглашение с большевиками и ушли с фронта.

Держался лишь Агоев с отрядом двух Волжских полков, двух Кабардинских, одного пластунского, одного офицерского батальона и нескольких батарей[151].

Я решил очистить Кисловодск (этого категорически требовал Деникин) и, держа против Минераловодской группы красных фронт у Бекешевки, Суворовской и Бургустанской, обрушиться в тыл Невинномысскому красному фронту. Мое войско, все время усиливавшееся притоком добровольцев, достигло уже шести казачьих конных полков, сведенных мною в 1-ю Кавказскую дивизию (полки 1-й и 2-й Партизанские, 1-й и 2-й Хоперские, 1-й и 2-й Волжские)[152]. Из иррегулярной конницы я сформировал 1-ю Туземную горскую дивизию (полки 2-й и 3-й Черкесские, 1-й и 2-й Кабардинские, Карачаевский полк и Осетинский дивизион) [153]; пехота была сведена в пластунскую бригаду (батальоны — офицерский, терский и хоперский)[154]; артиллерия состояла из 5 или 6 полевых четырехорудийных батарей.

К сожалению, у меня было очень мало снарядов и патронов, и поэтому небольшая моя армия не могла еще принять участие в серьезной военной операции наступательного характера. Войсковой старшина в Баталпашинском отделе, за отсутствием оружия, вооружил до 8000 казачьей милиции самодельными пиками; на длинные деревянные древки насаживались самодельные, выкованные в местных кузницах, острия. Войско это, получившее название «пикадоров», мужественно сражалось с большевиками. Однажды два батальона «пикадоров» были внезапно окружены красной конницей Кочубея — моего бывшего казака — и, потеряв до 300 человек изрубленными, попали в плен, но были освобождены подоспевшей бригадой моей конницы, изрубившей в этом деле до 1500 красных кавалеристов.

25 сентября большевики повели сильное наступление на Кисловодск со стороны Ессентуков и на станицу Бургустанскую, которой они успели даже овладеть. Я выслал конную бригаду полковника Беломестнова против Бургустанской группы красных. На должность полевого начальника штаба я назначил только что

присоединившегося к нам полковника Генерального штаба Плющевского-Плющика[155], впоследствии, по уходе полковника Сальникова[156], назначенного генерал-квартирмейстером Добрармии. Зайдя в тыл группе красных, Беломестнов, с двумя полками (Партизанским и Хоперским), изрубил около 1500 большевиков и взял до 600 пленных. Ободренные этим бургустанцы перешли в наступление и отняли у красных свою станицу. Я же с главными силами вступил в бой с Ессентукской группой красных и сдерживал ее, деятельно готовясь к эвакуации Кисловодска, назначенной на 27 сентября.

Уступая приказанию генерала Деникина, я выслал два полка в тыл Невинномысской группе красных, в район станиц Беломечетинской и Отрадной. Около этого времени ко мне приехала моя жена, бежавшая в свое время из кисловодской тюрьмы при помощи штаб-ротмистра осетина Борукаева и скрывавшаяся в аулах около Нальчика. Доблестный Борукаев, бывший все время у меня адъютантом, впоследствии, в бою под Екатеринославом, пал смертью храбрых.

На рассвете 27 сентября началась эвакуация Кисловодска. Двинулось на заранее заготовленных подводах громадное количество беженцев и вывозилось из Кисловодска имущество государственных учреждений. Ничего оставлено не было. Беженцы частью осели в Баталпашинской, а также в ее окрестных станицах, — Усть-Джегутинской и Кардошинской, частью же двинулись на Сухум. Эвакуация прикрывалась кисловодским ополчением, офицерским и 1-м пластунским батальонами. Остальную часть своего отряда я бросил к Баталпашинской, на которую наступали красные со стороны Невинномысской, из Курсавки на Воровсколесскую и из Майкопского отдела. Эта группа же успела овладеть станицей Отрадной. Впоследствии выяснилось, что это была одна из попыток Таманской армии проложить себе путь отступления.

Очищение Кисловодска сократило мой фронт с 500 до 400 верст и дало мне возможность образовать некоторый резерв.

Глава 17

Соединение с генералом Покровским. — Торжественная встреча в Баталпашинской. — Подчинение мое генералу Покровскому. — Неприятный инцидент из-за жестокости генерала Покровского. — Налет на станицу Темнолесскую и захват ее. — Столкновения и расхождения во мнениях с генералом Покровским. — Начало бескормицы и недостаток пресной воды. — Поездка моя в Екатеринодар с генералом Покровским. — Представление мое генералам Деникину, Романовскому и Филимонову. — Обвинение генерала Деникина и мои объяснения. — Теплое отношение и овации. — Оппозиция Рады Главному командованию. — Выступление в Раде. — Праздник в станице Пашковской. — Попытка Покровского произвести переворот и арестовать членов Рады.

Маневрируя все время и сосредотачиваясь то здесь, то там, я наносил короткие удары пытавшимся наступать колоннам красных. Более крупные бои произошли у станиц Воровсколесской, Невинномысской, Бургустанской, Суворовской и Отрадной. Войска мои были изнурены громадными, преимущественно ночными переходами, не успевая отдохнуть от которых тотчас же пускались в бой. Патронов было так мало, что Финансовая комиссия скупала их у населения, уплачивая по 10 рублей за каждый. Я возил с собой небольшой запас патронов и, как драгоценность, из рук в руки, передавал командирам полков по цинковой коробке с 600 патронами в критические моменты боев.

Это имело и свои хорошие стороны: казаки приучились дорожить каждой пулей и открывали огонь лишь с дистанции постоянного прицела (400 шагов), стрельба их приобрела чрезвычайную меткость и выдержанность. Сравнивая результаты своего огня с беспорядочной и почти безвредной пальбой красных, казаки вырабатывали в себе уверенность в собственной силе и стойкости. Однако ввиду маневренного характера войны драться приходилось преимущественно кавалерии, которая за отсутствием патронов при каждом мало-мальски подходящем случае атаковала в конном строю, и притом не только кавалерию противника, которая обыкновенно не принимала удара, но и красную пехоту, масса которой полегла под казачьими шашками, особенно при преследовании.

Тем временем из Добровольческой армии пришли неважные

вести. В первых числах октября большевики прорвали фронт генерала Боровского, овладели Ставрополем и угрожали Невинномысской и Армавиру. У них образовался некоторый плацдарм, на котором они могли теперь оправиться и создать новый ударный кулак. Я не мог предпринять ничего серьезного, не имея патронов и снарядов, и ждал с нетерпением подхода генерала Покровского, двигавшегося на соединение со мною и, как я имел сведения, хорошо снабженного и вооруженного.

Около 7 октября мои разъезды встретились с разъездами Покровского в глубине Майкопского отдела. 9 октября, после боя у станицы Отрадной, которой я овладел, появились авангардные сотни Покровского. Я устроил почетную встречу генералу. Перед построенными полками мы выпили на «ты» с Покровским; наши казаки братались; станицы ликовали. Генерал стоял во главе отряда, состоявшего из 1-й Кубанской дивизии[157], которая включала в себя шесть полков большого состава — до 1000 шашек в полку — и четьфехбатальонную пластунскую бригаду под командованием генерала Геймана[158], поднявшего весь Майкопский отдел и присоединившегося к Покровскому. При отряде была сильная артиллерия, имевшая тяжелые орудия. Покровский приказал выдать мне 100 000 патронов и 500 снарядов. Я доложил генералу, что подчиняюсь ему как старшему по чину.

В Баталпашинской как в столице отдела была усгроена торжественная встреча Покровскому; отслужили молебствие перед всем войском; Финансовая комиссия поднесла лично генералу **100 000** рублей (еще раньше она поднесла мне 200 000 рублей, из коих я 100 000 подарил станице Баталпашинской, а 50 000 дал местной гимназии).

Затем генерал Покровский перешел со своим штабом в станицу Беломечетинскую, я же остался в Баталпашинской. В это время у нас произошел неприятный инцидент. Встав утром и выйдя на крыльцо занимаемого мною дома, на станичной площади против собора я увидел большую толпу народа, окружавшую виселицы, на которых болтались 5 трупов; человек 12 в одном белье ожидали очереди быть повешенными. Мне доложили, что прибывшие из штаба генерала Покровского офицеры вешают арестованных подследственных. Я приказал немедленно превратить это безобразие и поручил атаману отдела произвести расследование происшедшего. Выяснилось, что командир комендантской сотни штаба Покровского Николаев и есаул Раздеришин явились в местную тюрьму и, отобрав по списку часть арестованных, виновность которых отнюдь еще не была установлена судебной процедурой, именем генерала

Покровского потребовали их выдачи и стали вешать на площади. Я выгнал вешателей из станицы и послал протестующее письмо Покровскому. Вместо ответа он сам приехал ко мне разъяснить «недоразумение».

— Ты, брат, либерал, как я слышал, — сказал он мне, — и мало вешаешь. Я прислал своих людей помочь тебе в этом деле.

— Действительно, я не разрешал подчиненным какой-либо расправы без следствия и суда над взятыми большевиками. В состав судей привлекались местные жители из умудренных жизнью стариков, людей суровых, но справедливых и знавших чувство меры. Я просил генерала Покровского избавить меня на будущее время от услуг его палачей.

Покровский сообщил мне, что им получено приказание из Ставки о том, что я официально вхожу в его подчинение и назначаюсь начальником 1-й Кавказской дивизии. Сформированные же мйою конная горская дивизия[159] и пластунская бригада пошли под начальство генерала Гартмдна[160]. Покровский двинул пластунов обеих бригад на Невинномысскую и овладел ею. Оттуда я произвел внезапный налет на Темнолесскую и взял ее. При этом был пленен эскадрон красных и взяты кое-какие трофеи.

Приехавший вскоре генерал Покровский распорядился повесить всех пленных и даже перебежчиков. У меня произошло с ним по этому поводу столкновение, но он лишь отшучивался и смеялся в ответ на мои нарекания. Однажды, когда мы с ним завтракали, он внезапно открыл дверь во двор, где уже болтались на веревках несколько повешенных.

— Это для улучшения аппетита, — сказал он.

Покровский не скупился на остроты вроде: «природа любит человека», «вид повешенного оживляет ландшафт» и т. п. Эта его бесчеловечность, особенно применяемая бессудно, была мне отвратительна. Его любимец, мерзавец и прохвост есаул Раздеришин, старался в амплуа палача угодить кровожадным инстинктам своего начальника и развращал казаков, привыкших в конце концов не ставить ни в грош человеческую жизнь. Это отнюдь не прошло бесследно и явилось впоследствии одной из причин неудачи Белого движения.

Тем временем начались холода, сильно отзывавшиеся на моих плохо экипированных казаках: были случаи обмораживаний, начали развиваться простудные болезни. Местность, в которой приходилось действовать, была разорена рядом многократно происходивших здесь военных действий; продовольствие и фураж приходилось привозить издалека.

Большевики прочно держались в Ставрополе. Наши отряды с

разных сторон нажимали на них: дивизии Боровского и Улагая с севера, дроздовцы[161] от Армавира, которым они владели совместно с дивизией Врангеля, дивизии моя и Покровского с востока и юго-востока; пластуны остались в Невинномысской. Я получил приказ от Покровского овладеть большевистской позицией на горе Холодной, что у селения Татарки, причем было приказано взять ее в конном строю. Я считал нелепостью подобное использование конницы, но пришлось повиноваться. Посланная мною бригада хоперцев овладела было с налета окопами, но подошедший сильный резерв противника энергично выбил ее и, нанеся значительные потери, обратил в беспорядочное бегство. Тем временем Покровский успел уже разметать и мой резерв — я остался лишь со своей конвойной сотней и с хором трубачей. Бросившись навстречу улепетывавшим хоперцам и приказав трубачам играть марш, я собрал вокруг себя несколько сотен и повел их в контратаку. Позиция была вновь занята, но с тяжелыми жертвами.

Вечером этого же дня у Покровского было собрание старших начальников, на котором я, поддержанный моим начальником штаба полковником Шифнер-Маркевичем, горячо нападал на бессистемность нашей работы и на манеру Покровского руководить боем. Действительно, он совершенно не умел руководить боем конницы: страшно горячился во время боя, раздергивал части по сотням, распылял резерв и принимал личное участие в бою, мечась с конвойной сотней по полю сражения и видя лишь тот участок, на котором в данном случае находился. Части, уже нацеленные и ввязавшиеся в бой, выдергивались внезапно обратно, чем компрометировался достигнутый ими успех, часто добытый дорогой ценой, и перебрасывались иногда на другой фланг, где нужды в них не ощущалось.

Командиры полков 1-й Кубанской дивизии были совершенно обезличены Покровским и не смели пикнуть. Равным образом не считался он и со своим начальником штаба полковником Сербиным[162]. Меня и Шифнера он хотя и выслушивал, но не считался и с нашим мнением, тотчас же принимаясь писать боевой приказ или диктовать своему начальнику штаба. С другой стороны, нужно ему отдать справедливость, Покровский был превосходным организатором, человеком большой личной храбрости и громадной силы воли.

На данном заседании я доказывал, что окружаемые в Ставрополе большевики, безусловно, приложат все старанья к тому, чтобы вырваться из сжимающего их кольца, причем, естественно, они будут стремиться идти по линии наименьшего

сопротивления — на селение Благодатное и на Святой Крест; нам необходимо отжимать их к югу, где все равно они не уйдут от нас. Тратя же наши силы на овладение отдельными пунктами, мы не выигрываем ничего. Все мои доводы остались, однако, безрезультатными. Сжатые в Ставрополе большевики производили демонстрации в разные стороны, но в то же время стягивали поспешно обозы с юга к городу. Перебежчики и агентурные сведения подтверждали правильность моих предположений. Однако Покровский был уверен, что большевики будут прорываться к югу на Невинномысскую.

Внезапным налетом Врангель овладел монастырем к югу от Ставрополя, недалеко от города. Это послужило сигналом для красных. Прорвав фронт генерала Улагая (2-я Кубанская дивизия) и генерала Боровского, они пустились в отступление главными силами именно в тех направлениях, которые я предполагал: на Святой Крест и Благодатное. Отдельные же их отряды искали спасения во всех направлениях. Часть бросилась и в Астраханские степи.

Врангель ворвался в Ставрополь и с боем на улицах овладел им. Тем временем, ввиду постоянных передвижений и как следствие затрудненности подвоза фуража, у нас началась бескормица. Для продовольствия коней приходилось разбирать соломенные крыши, причем на полк назначалась одна хата. Кони стали падать. К этому прибавились затруднения с недостатком пресной воды, ибо местную соленую колодезную воду лошади отказывались пить, либо болели от нее. Болели от нее желудком и люди.

Началось преследование красных. Генерал Улагай со 2-й Кубанской дивизией двинулся в сторону Астраханских степей, а генерал Врангель с конной дивизией — на Святой Крест; пластуны Геймана и Слащова, объединенные теперь в 3-й армейский корпус[163] генерала Ляхова[164], пошли к югу на Минеральные Воды, против тех красных частей, которые, освободившись после распада Терского фронта, двинулись было на выручку Ставрополя. Я и Покровский должны были ехать в Екатеринодар на Раду. Наши две дивизии, объединенные под начальством генерала Науменко[165], начали преследование красных по направлению к селению Александровскому.

Однако вскоре моя дивизия была выделена и придана к корпусу Ляхова для движения на Минеральные Воды, севернее линии железной дороги.

В Екатеринодар я ехал вместе с генералом Покровским. В пути мы с ним узнали друг друга несколько ближе. По прибытии в город я явился в Ставку и к генералам Деникину и

Романовскому. Первый принял меня несколько суховато, упрекал в том, что я, согласно донесению Боровского, не выполнил своевременной данной им мне директивы — действовать по тылам красных, с коими он воевал у Невинномысской; вследствие невыполнения мной этой задачи он понес большие потери и сдал эту станицу. Я возразил Главнокомандующему, что не был подчинен Боровскому, а непосредственно ему, Главкому, и от него никакой другой директивы, кроме, приказания поднять восстание казачества, не получал. Пожелание же Боровского, чтобы я помог ему, как отвлекавшее меня от основной задачи, а также затруднительное, для моего отряда, не располагавшего достаточным количеством вооружения и патронов, было для меня невыполнимо. Удовлетворившись моим объяснением, генерал Деникин упрекнул меня, однако, в самовольном взятии, как он выразился, ни на черта не нужного в то время Добрармии Кисловодска. Когда же я очертил Главнокомандующему вынудившую меня к этому обстановку, а также выгоды, которые извлек из этого моего шага, генерал согласился с тем, что я не заслуживаю упрека. Относительно Рады Деникин высказался вскользь, что она слишком оппозиционна и это вредит общему делу.

Затем я представился войсковому атаману, генералу Филимонову, причем просил его разъяснить мне непонятную радиограмму, присланную мне атаманом по занятии Кисловодска, в коей говорилось что-то о суде надо мною. Атаман рассказал, что когда он, после взятия мною Кисловодска, по настоянию членов Рады обратился к генералу Деникину с просьбой о моем производстве в генерал-майоры, о чем он возбудил ходатайство еще в Тихорецкой, Главком ответил ему:

— Шкуро не в генералы нужно произвести, а предать, суду за самовольное взятие Кисловодска и за неисполнение. боевых приказов.

На основании этих двух разговоров у меня создалось впечатление, что незаслуженные мною нарекания обязаны своим происхождением какой-то штабной интриге, вероятно, имевшей своими авторами моих ставропольских противников — генерала Уварова и полковника Глазенапа.

В Екатеринодаре казаки и население города встретили. меня тепло, и я часто становился объектом уличных воет торгов и шумных приветствий. В прессе был помещен ряд лестных для меня отзывов. Я побывал у лидеров кубанских фракций: у Быча, Рябовола, Сушкова и других, стараясь уяснить себе различные оттенки общественных настроений. Чувствовалась сильная оппозиция к Главному командованию: его упрекали в

неисполнении договора, заключенного генералом Корниловым с казачеством[166], согласно коему Главнокомандующий обязался не вмешиваться в казачьи дела; в неисполнении обещания сформировать отдельную Кубанскую армию; в том, что командование игнорирует казачьи установления и конституцию края. С другой стороны, для меня не осталось незамеченным, что левое крыло Рады имеет сильное тяготение к Петлюре и даже стремится к суверенитету Кубани, что не могло не возбудить недоверия Главнокомандующего, стоявшего на страже общегосударственных, русских интересов.

Из переговоров моих с депутатами у меня создалось впечатление, что они относятся ко мне с какой-то скрытой боязливостью, причем мне было подчеркнуто несколько раз, что мои собеседники были бы откровеннее со мной, если б были уверены, что слова их не будут переданы мною моему другу генералу Покровскому, которому многие не склонны доверять, видя в нем решительного противника кубанских представительных учреждений.

Сопоставляя эти отзывы с тем, что мне урывками приходилось слышать от Покровского, я пришел к заключению, что он действительно затевает какое-то насилие над Радой. В станицу Пашковскую (под Екатеринодаром) Покровский привел, якобы для отдыха, Кубанский гвардейский дивизион и Сводный Кубанский полк[167]. Там же стояла моя конвойная Волчья сотня[168], несшая караул у моего дома и служившая также для меня приемно-отсылочным аппаратом снабжения моей дивизии. В день открытия Рады Покровский заехал за мною на своей машине — у меня не было автомобиля, — и мы отправились с ним в Зимний театр, где происходили заседания. Вошли в зал во время чьей-то речи и заняли места в одной из лож. Депутаты стали оборачиваться — видимо, наше появление произвело некоторую сенсацию. Наше совместное появление произвело и другой нежелательный эффект — оно как бы подтвердило создавшееся в политических кругах впечатление о нашей с Покровским неразрывной дружбе.

Мы оба послали записки председателю Рады Рябоволу о том, что просим слова. Покровский говорил первый. При его появлении вся Рада встала и приветствовала его аплодисментами.

— Я прошел всю Кубань огнем и мечом, — сказал Покровский, — и все казачество дружно восставало и шло за мной. И мне больно видеть теперь, как какие-то интриги роняют престиж Главнокомандующего и губят общее дело.

После Покровского выступил я, встреченный криками «ура» и бурными овациями Рады. Взволнованный и возбужденный

горячим приемом, я сказал речь, проводя ту же мысль, что и Покровский, но выразил ее в более мягкой формулировке. Я кончил свою речь здравицей за Главкома, за Кубанское войско, казачество и Россию. Вскоре должны были состояться выборы Кубанского Войскового атамана. Покровский, как я заметил это еще и раньше, в Ставропольской губернии, сильно целил на атаманский пост. Он тратил большие деньги на агитацию в станицах и рассылал повсюду своих офицеров, добивавшихся на сходах приговоров о желательности избрания Покровского войсковым атаманом. В одной станице даже случилось недоразумение: послав в Раду благоприятный Покровскому приговор, станичный сход тотчас же прислал и второй, коим аннулировал первый как неправильный и написанный под давлением офицера, присланного генералом. Покровского поддерживал и Союз хлеборобов — кубанских крупных земельных собственников. Рябовол просил меня выставить мою кандидатуру в атаманы.

— Вы природный казак, и на вас вся наша надежда. Поддержите нас, — убеждал он меня, но я решительно отклонил это предложение, ссылаясь на то, что еще молод для такого поста, неопытен в политике, а кроме того, враг сепаратистских тенденций левых элементов Рады и сторонник Великой России.

Через несколько дней, по открытии сессии Рады, станица Пашковская, праздновавшая какой-то местный праздник, прислала нам с Покровским приглашение приехать в станицу. Оба мы, вместе со своими штабами и в специально поданном для нас трамвае, поехали в Пашковку. Нам была приготовлена торжественная встреча: построены стоявшие там части Покровского и мои полки, хор трубачей играл войсковой марш. Станичный атаман подхорунжий Голубь приготовил для нас особую честь — все местные старики были в строю. Нам подали коней, и Покровский, сопровождаемый мною, принял парад. Затем мы оба встали на правый фланг своих частей и прошли церемониальным маршем перед стариками. Был приглашен и мой отец, отставной полковник, а пашковцы особенно приветствовали меня как своего одностаничника. Затем нас пригласили на обед, сервированный в местной гимназии. Покровский произнес застольную речь, совершенно недвусмысленно направленную против Рады. Подвыпившие старики поддерживали его: «Якы там бунты, теперь тышь и гладь» и т. п. На другой день в газетах появились статьи о празднестве с намеками, что скоро Покровскому быть атаманом.

При последующих встречах наших Покровский начал со мной заводить разговоры на политические темы: о необходимости

унять крикунов в Раде и о том, что власть войскового атамана должна быть расширена. Что атаман Филимонов и Главное командование держатся того же мнения, равно как и значительная часть самой Рады; таково же мнение и на местах, о чем у него, Покровского, имеются донесения. С другой стороны, из бесед моих с членами Рады, станичниками и общественными деятелями, у меня созда^ лось впечатление, что общественные настроения отнюдь не соответствуют картине, изображенной мне генералом Покровским.

Однажды поздно вечером ко мне приехал адъютант генерала Покровского — капитан Козловский и просил меня, по поручению своего начальника, немедленно ехать к нему по важному делу, не терпящему отлагательства. Последовав за ним, я застал Покровского сидящим за столом. Вокруг него сидели четыре полковника (командиры полков дивизии Покровского), его начальник штаба — полковник Ребдев и временный заместитель Покровского — з должности начальника дивизии — генерал Крыжановский (плененный впоследствии в 1919 г. вместе со своим штабом и зарубленный большевиками[169]). Покровский обратился к нам. с речью, в которой сообщил, что Главнокомандующий и атаман Филимонов настаивают на необходимости обуздать крикунов из Рады:

. — Сегодня в четыре часа я намерен арестовать этих гос-. под и предать их военно-полевому суду по обвинению в государственной измене. Части моей дивизии, расквартированные в станице Пашковской, уже идут сюда. Они займут все караулы. Полковник же Шкуро со своей Волчьей сотней произведет намеченные аресты, причем я дам в качестве провожатых моих офицеров, которые знают адреса лиц, коих необходимо арестовать.

Возмущенный тем, что Покровский, пользуясь моим временным подчинением ему, хочет заставить меня совершить государственный переворот, я резко возразил, что сомневаюсь, чтобы подобные приказания мргли быть отданы Главнокомандующим и атаманом, и не поверю, пока не услышу подтверждения этого приказания из их собственных уст.

— Хорошо, — ответил Покровский, — едем же, не теряя времени, к ним.

Мы с Покровским поехали к генералу Романовскому. Остальные же заседавщие, по моему настоянию, отправились к Филимонову, куда должны были вскоре прибыть и мы с Покровским. Романовский уже спал, когда мы приехали к нему; разбуженный, он вышел к нам.

— Ваше превосходительство, — обратился я к нему, —

уполномочило ли Главное командование генерала Покровского арестовать и предать военно-полевому суду часть членов Рады?

— Мне ничего не известно об этом, — ответил изумленный Романовский, — впрочем, я спрошу Главнокомандующего по телефону.

Вернувшись через некоторое время, он сообщил, что Главнокомандующий ничего не приказывал генералу Покровскому и что вообще Главное командование не может взять на себя никакой ответственности в этом деле. Взбешенный, я наговорил дерзостей Покровскому и, простившись с Романовским, мы поехали к атаману. Разбуженный приехавшими раньше офицерами, Филимонов, весьма смущенный и расстроенный, сидел окруженный ими;

— Господин атаман, — обратился я к нему, — генерал Покровский приказал мне произвести аресты членов Рады, причем ссылался на приказания, якобы им полученные от Главнокомандующего и от вас. Главнокомандующий, как я уже выяснил, не подтвердил этой ссылки на него. Жду ваших приказаний и объяснений.

— Ничего подобного, — возразил Филимонов, — я генералу Покровскому не приказывал. Мне ли, облеченному доверием народа, народному избраннику, становиться на путь нарушения конституции и государственного переворота?

— Значит, это провокация, ваше превосходительство! —, крикнул я Покровскому. — Я не только не пойду с вами, но не допущу вас до этого шага, — добавил я.

— Что же, мы с тобой драться будем? — полувопросительно, полушутливо и полуугрожающе сказал мне Покровский.

— Да, — ответил я, — если потребуется, но ни в коем случае не допущу переворота, который разложит армию и расколет Кубань.

Покровский смутился и глухим голосом отдал офицерам приказ остановить двигавшиеся из Пашковской свои войсковые части…

С тех пор я избегал встречаться с Покровским. Он же, в свою очередь, перестал бывать у атамана, у которого прежде бывал почти ежедневно.

Глава 18

Быч. — Различные фракции Рады и их стремления. — Взаимоотношения с Главным командованием. — Атаман Краснов. — Приезд союзников в конце ноября. — Богатый и торжественный прием их Красновым. — Командирование меня в качестве представителя вооруженной Кубани. — Выборы Войскового атамана в Екатеринодаре. — Успехи красных. — Производство мое в генерал-майоры и отъезд на фронт. — Немедленное командирование меня на Баталпашинскую в помощь генералу Султан-Келеч-Гирею. — В Новогеоргиевской. — Въезд в Баталпашинскую. — Строгие меры. — Освобождение Бекешевки и других станиц.

В Раде все больше обозначалось недовольство части ее членов Главным командованием на почве постоянных столкновений о пределах компетенции между органами кубанских правительственных учреждений и таковыми же Главного командования. Против атамана Филимонова велась агитация; его обвиняли в чрезмерной уступчивости командованию и неумении постоять за Кубань. Выдвигалась кандидатура на атаманский пост Луки Лаврентьевича Быча, председателя Кубанского краевого правительства. Л.Л. Быч вместе с правительством сопутствовал генералу Покровскому в его 1-м походе, затем, по соединении кубанцев с отрядом генерала Корнилова, последовал за Добрармией на Дон, а после обратного занятия Екатеринодара продолжал свои прежние функции министра-президента.

Презрительное отношение добровольцев к членам Рады и игнорирование Главным командованием конституций края и договора, заключенного в свое время между Кубанью и генералом Корниловым, глубоко уязвляло самолюбие Быча. В Екатеринодаре съезжавшиеся с мест старые депутаты нашли уже скристаллизовавшиеся настроения и примыкали к ним. Основных течений было два: одно, возглавляемое депутатами Сушковым и Скобцовым, стояло за всемерную, безоговорочную поддержку Главного командования; оно поддерживалось преимущественно депутатами так называемых линейных отделов, населенных в большинстве казаками-донцами великорусского происхождения (Лабинский, Баталпашинский, Майкопский). Другое течение, оппозиционное Главному командованию, возглавляемое Л.Л. Бычем и председателем чрезвычайной Рады Рябоволом,

поддерживалось преимущественно депутатами Черноморских отделов, украинского, частью запорожского происхождения (отделы Ейский, Таманский, частично Екатеринодарский и Кавказский).

Сам Быч происходил из простых казаков станицы Павловской Ейского отдела. Юрист по образованию, человек недюжинных способностей, большого ума и сильной воли, но также и большого честолюбия, он был в свое время городским головой города Баку; при Временном правительстве занимал должность помощника Главноуполномоченного по снабжению Кавказской армии. Быч пользовался репутацией человека бескорыстного. Он не обладал красноречием, но брал чрезвычайной основательностью и доказательностью своих выступлений.

Первоначальная позиция черноморцев отнюдь не носила принятого ею позже стремления к полному разрыву с Главным командованием и не выдвигала проекта о суверенитете и полной политической независимости или, как это именовалось, «самостийности» Кубани. Эта идея была выдвинута позже, равно как и проект союза с петлюровской Украиной. Однако, несомненно, украинофильская тенденция была всегда близка черноморской фракции Рады. Первоначальному плану черноморцев нельзя отказать в дальновидности и предусмотрительности.

— Нам, казакам, — говорили они, — не по силам освободить вооруженной рукой всю Россию. Необходимо. освободить казачьи области, установив в них правопорядок, провести в жизнь завоевания революции, создать оборонительную армию, заключить союзы — на федеральных началах — с Азербайджаном, Грузией, Арменией и горцами; создав таким образом сильное южно-русское государство, выжидать событий, служа красноречивым и соблазнительным примером для стремящейся к освобождению от большевизма России.

Однако Главное командование, отгороженное от общественного мнения Особым совещанием, состоявшим в значительной части из людей (под председательством реакционера А. М. Драгомирова[170]), не осмысливших факта происшедшей революции, упорно не хотело прислушаться к тому, что волновало общественные круги. Более того, Драгомиров относился прямо презрительно к членам кубанского правительства; это страшно озлобляло их, что, конечно, не могло идти на пользу общерусскому делу.

На Дону положение дел было другое. Тогдашний Донской атаман — генерал Краснов поставил себя в совершенно независимое, относительно Главного командования, положение.

Бывший атаманец, убежденный монархист, германофил по необходимости, Краснов был человеком широкого и разностороннего образования, громадной трудоспособности и железной воли. Он вел Дон твердой рукой. Организовав многочисленную, прекрасно вооруженную, экипированную и стойкую Донскую армию, Краснов освободил от большевиков всю территорию Дона, а также часть Богучарского уезда Воронежской губернии. Завязшее на Кубани по уши, не имевшее собственной территории, Главное командование, питавшееся к тому же снарядами и патронами из донских складов, с неопределенной политической программой и неустойчивой политикой, не пользовалось уважением на Дону.

Краснов, страдавший значительной манией величия, отнюдь не намерен был признавать приоритета генерала Деникина и не упускал случая это демонстративно проявлять. В начале декабря приехали в Екатеринодар союзники. Их встретили с большим подъемом и помпой. Конечно, Краснов, как глава «старшего казачьего брата», пожелал, в свою очередь, принять союзников самостоятельно. Он затеял это en grand{20}, разослав приглашения представителям Добрармии, Кубани и Терека. Я был командирован в качестве представителя вооруженной Кубани. Вместе со мной ехали Петр Макаренко, генерал Гейман и Ратагау от Рады, генерал Боровской от Добрармии.

Впервые после долгого перерыва вступил я на территорию Дона, После грязного и беспорядочного Екатеринодара казалось, что попал в другое царство, как в старое время, бывало, выезжал за границу. На станциях стояли бравые жандармы в красных фуражках[171]; поезда шли аккуратно по расписанию; всюду чистота и порядок. В Ростове нас приветствовали представители атамана. В Новочеркасске ожидавшие офицеры рассадили нас по приготовленным автомобилям и развезли по гостиницам, где для каждого был отведен чистенький номер. Все это представляло разительный контраст с екатеринодарскими порядками. На улицах города попадались чистенько одетые, франтоватые, лихо козырявшие казаки и солдаты.

Вечером я представлялся Краснову. Еще юнкерами мы зачитывались статьями подъесаула П. Краснова, писавшего по казачьим вопросам. В Германскую войну я встречался уже с генералом Красновым, командовавшим 1-й Донской дивизией. С большим удовольствием встретился и теперь. Разговор коснулся взаимоотношений Дона с Главным командованием.

— Могу ли я, — сказал атаман, — имея сильную армию, на освобожденной территории, с налаженным государственным аппаратом и установившимся правопорядком, подчиниться

генералу Деникину, почти не имеющему ни территории, ни своей армии, — ибо громадная часть Добрармии состоит из казаков же, — и с туманной, колеблющейся политической программой? Меня обвиняют в германофильстве, но это плод недоразумения, ибо мое так называемое германофильство есть разумная международная политика, вызванная обстоятельствами времени. Пусть добровольцы помнят, что Дон снабжал их патронами и снарядами, без чего борьба их с большевиками была бы немыслима; но эти полученные от немцев патроны я омываю прежде в водах Тихого Дона и затем уже передаю Добрармии, — добавил Краснов с улыбкой…

На другой день утром я присутствовал на торжественном богослужении в Новочеркасском соборе. Давно не испытывал я такого наслаждения; превосходное облачение духовенства, чудный хор, благолепное богослужение — все то, от чего мы давно отвыкли в нашей звериной жизни последних лет.

Затем состоялся парад войскам. Участвовали юнкера[172], донские гвардейские[173] и армейские части и вновь воссозданные старые русские боевые полки, с Лейб-гвардии Финляндским[174] во главе. Войска производили превосходное впечатление своей выправкой, экипировкой, бодрым видом и стройностью эволюции. Присутствовавшие на параде иностранцы, ожидавшие, видимо, встретить нечто вроде ополчения или милиции, были поражены. Вечером в честь иностранцев был дан торжественный обед в атаманском дворце. Роскошно сервированный стол ломился от всяких яств и бесчисленных закусок и вин; зернистая икра стояла прямо в жбанах; звенья громадной рыбы и янтарные балыки радовали глаз. Донской войсковой смешанный хор в старинных казачьих, расшитых позументом чекменях — детище донского композитора генерала Траилина — пел славные, исторические донские песни; превосходный войсковой струнный оркестр играл, скрытый на хорах. Умел-таки Краснов принять гостей седого Дона^ старшего брата всего русского казачества.

Присланные иностранцами представители были, вероятно, не без умысла, не в чинах — больше неполные штаб-офицеры и молодежь, но Краснов сумел не понять намека и принял их с великими почестями. Первый тост произнес Донской атаман за Его Величество Короля Георга, за английский народ, британскую армию и флот. Последовал английский гимн. Второй тост был тоже произнесен Красновым — за Францию и ее вооруженные силы. Выслушали «Марсельезу». Англичане ответили тостом за восстановление великой единой России. Оркестр грянул: «Боже, Царя Храни!» Республиканцы ежились, но, конечно, встали из приличия; монархисты раскраснелись от волнения и подт певали.

Генерал Боровский сказал солдатского характера речь, в которой благодарил Дон за гостеприимство, оказанное в свое время формировавшейся Добрармии. Краснов ответил тостом — достаточно кратким и сдержанным — за генерала Деникина и Добрармию. Макаренко и Ратагау в застольных речах проводили свою черноморскую платформу. Я также поднял бокал и высказал свое восхищение всем виденным на Дону, приписав это энергии и творческой деятельности атамана.

— Я вижу силу в единении, — сказал я, — а в генерале Краснове будущего атамана всех казачьих войск…

На другой день состоялся второй обед, данный Донским войсковым кругом. Главной темой застольных здравиц был вопрос объединения всех сил. Были, однако, речи и против такового.

По возвращении с донских празднеств я представился Кубанскому атаману и генералу Романовскому, который от имени Главкома сделал мне внушение за мое пожелание в застольной речи видеть Краснова атаманом всего казачества. В Екатеринодаре происходили в это время выборы Войскового атамана. Черноморская фракция решила голосовать за Быча. Депутаты приглашали меня поддержать своим влиянием эту кандидатуру, но я решительно отказался; не говоря уже об одиозности этого имени для Главного командования и о тяжких несогласиях, могущих проистечь в случае его избрания, Быч, как человек штатский, не был бы авторитетен для казаков, привыкших видеть на атаманском посту людей военных. Особенно малоуместным представлялся мне штатский атаман во время Гражданской войны, требовавшей напряжения всех воинских средств страны. Линейцы и поддерживавшая их в данном случае горская фракция вотировали за старого атамана Филимонова, который и был переизбран незначительным числом голосов; Быч, бывший на ножах с Филимоновым, не пожелал остаться председателем правительства, подал в отставку и был замещен видным линейным лидером Сушковым. Стараясь прет доставить Бычу приличный выход из положения, чернот морцы изобрели для него, как казалось тогда, синекуру в виде командировки в Париж в качестве председателя делегации, в которую вошли бывшие члены правительства: из ведомства юстиции Намитоков, по военным делам генерал Савицкий[175] и члены Рады Калабухов и Долгополов.

Тем временем дела на фронте шли неважно. Усилившись частями, подошедшими с ликвидированного Терского фронта, отступавшие красные части задержались и оказывали упорное сопротивление у селений Благодарного и Александровского. На

минераловодском направлении красные вновь овладели станицами Бургустанской, Суворовской и Бекешевской, угрожая своим левым флангом Баталпашинской, оборонявшейся отрядом Султан-Келеч-Гирея[176]. Станция Курсавка и станица Воровсколесская переходили из рук в руки. Из Баталпашинской приезжали ко мне старики с просьбой выручить их станицу.

Произведенный 30 ноября в генерал-майоры, около половины декабря я выехал на фронт. Дивизия моя входила в состав 3-го армейского корпуса под командой генерала Ляхова, штаб которого стоял на станции Киян. Ляхов объяснил мне общую обстановку. Красные намеревались овладеть Армавиром, чтобы затем выйти таким образом в тыл 3-му корпусу. Следующим ударом на Кавказскую они отрезали бы отряд Врангеля, наступавшего на Святой Крест.

Отправившись в свою дивизию, временно находившуюся под командой генерала Офросимова, я застал ее в печальном состоянии. Люди и лошади болели от плохой воды. Полки были очень слабого состава — 30–40 шашек в сотне; люди плохо одеты и неважно питались. Я просил Ляхова дать мне возможность отвести дивизию в резерв на несколько дней, чтобы привести ее в порядок. Вместо ответа он вызвал меня спешно к себе. Сдав временно командование дивизией полковнику Бегиеву, я 21 декабря вечером выехал со своей Волчьей сотней конвоя и хором трубачей в штаб корпуса. Пройдя верст 40 переменным аллюром, часа в 3 ночи я прибыл на станцию Киян. Генерал Ляхов уже спал в своем купе. Я приказал адъютанту разбудить его.

— Я вызвал вас, — сказал генерал Ляхов, — с тем, чтобы командировать немедленно в помощь генералу Султан-Келеч-Гирею, который доносит, что под нажимом превосходящих сил красных вынужден очистить Баталпашинскую и перевести свои силы на левый берег реки Кубани. Если Баталпашинская будет взята, то мой корпус и отряд Врангеля будут вынуждены к отступлению, ибо противник пойдет по нашим тылам. Местные казаки просят прислать им генерала Шкуро.

Я начал просить генерала Ляхова дать мне с собой мою дивизию или по крайней мере какой-либо отряд, но он отказал дать хотя бы сотню, ссылаясь на трудность обстановки и, наоборот, требовал, чтобы я прислал ему подкрепление для укомплектования его пластунских бригад. Ляхов приказал мне вступить в командование казачьей конницей и пластунами, находящимися под Баталпашинской; у Султан-Келеч-Гирея должна была остаться черкесская конница. Я стал настаивать, чтобы мне была предоставлена полная самостоятельность, — в противном случае не могу ручаться за успех. Он упирался было,

но в это время вошедший адъютант доложил, что телеграфная связь с Баталпашинской прервана. Полагая, что это означает уже взятие Баталпашинской красными, Ляхов согласился с моими доводами и тотчас же написал приказ о назначении меня командиром правого боевого участка корпуса, с полным подчинением мне всех находящихся там сил.

Часов в пять утра, опять со своей Волчьей сотней и трубачами, я выехал со станции Киян в направлении на станицу Новогеоргиевскую (верст 35), приказав своим казакам распускать по дороге слухи, что вся моя дивизия идет за нами. В Новогеоргиевскую вошел с музыкой. Там нашел обозы пластунской бригады Слащова[177] и множество дезертиров-черкесов[178] и казаков. Позвав к себе станичного атамана-коменданта, я жестоко распушил их обоих и приказал немедленно привести станицу в порядок. Затем обошел находившихся в станице раненых, расспросил их и роздал несколько крестов. В станице уже находилось много беженцев из Баталпашинской, приехавших со своим скарбом и пригнавших громадные отары скота.

Собрав стариков на сход, я подбодрил их, нарисовав положение дел в более розовом цвете, чем это было на самом деле, роздал пособия вдовам убитых казаков и, закусив чем Бог послал, тронулся с песнями в дальнейший путь. Ко времени моего отъезда местное начальство уже проявило должную энергию и разогнало дезертиров по своим полкам. Командир моей Волчьей сотни, есаул Колков[179] тоже не терял времени даром, — несколько десятков волонтеров было им присоединено к сотне. Доблестный Колков, командовавший впоследствии Волчьим полком, пал смертью храбрых во время десанта из Крыма в Тамань[180].

Уже темнело, когда мы подходили к Баталпашинской, Навстречу попадались толпы беженцев со скотом и вереницами телег. Я выслал вперед офицерские разъезды; вскоре было получено донесение, что станица почти покинута жителями, но атаман отдела — полковник Косякин еще в ней и что наши войска просачиваются партиями с того берега по мосту через реку Кубань. Приказав музыкантам играть войсковой марш, а «волкам» петь песни, я часов в десять вечера въехал в станицу. Это произвело переполох в войсках, вообразивших, что красные зашли им в тыл. Многие бросились по мосту на левый берег Кубани. Мои разъезды были обстреляны нашими. Когда мы ехали по улицам станицы, то отовсюду слышались крики: «Кто идет?» Узнав, что это генерал Шкуро прибыл на помощь, станичники приветствовали меня восторженными криками, и «ура» неслось по

станице. По прибытии моем на станичную площадь полковник Косякин подошел ко мне с рапортом; он уже собирался уезжать и его вещи были уложены. Атаман обрадовался.

— Теперь не сдадим станицы, — сказал он.

Я тотчас написал приказ о вступлении моем в командование, о том, чтобы войска вновь заняли позиции и что завтра я буду их смотреть. Своих «волков» разослал по войскам, приказав разглашать всюду о моем приезде. Однако войска туго верили этой новости. Тогда я сам поехал к мосту и начал драть плетью уходивших с позиций черкесов и казаков, осыпая их бранью. Слышу в темноте один голос:

— Верно, це батько Шкуро приихав, раз ругается и бьеться.

Я выставил у моста посты, приказывая возвращать дезертиров. Переночевав в станице, утром съездил в Дударуковский аул, куда перешел со своим штабом Султан-Келеч-Гирей. Генерал разъяснил мне обстановку, причем выяснилось, что красные в значительно превосходных силах, а казаки и особенно черкесы уже сильно деморализованы. Вернувшись, я приказал Косякину немедленно принять меры для возвращения дезертиров и объявить всеобщую мобилизацию в окрестных станицах.

Энергичный Косякин горячо принялся за работу: в первом же ауле, куда он приехал, повесил одного дезертира. В следующем ему уже не пришлось этого делать — конные черкесы и казаки ехали со всех сторон по своим полкам, не ожидая дальнейших «напоминаний». Целый день 23 декабря без перерыва шли возвращавшиеся дезертиры и волонтеры. Я объехал фронт и показался войскам. Несмотря на холод, у многих людей не было обуви, — особенно у терцев, — одежда плохая, пища неважная. Я отрешил за нераспорядительность двух командиров полков, предал суду одного заведующего хозяйством за злоупотребления и… пища улучшилась в количестве и качестве. Вездесущий Косякин распорядился насчет обуви и одежды. Разосланные им казаки обходили хаты и собирали эти предметы, не стесняясь разувать тех, кто не мог участвовать в бою: «Не можешь драться — давай сапоги». Скоро казаки запели песни — хороший признак.

Из опроса захваченных пленных удалось установить, что красное командование приказало взять 24 декабря Баталпашинскую. Тогда я решил опередить большевиков, перейти сам в наступление. В составе моей Волчьей сотни прибыл со мною мой старый сподвижник, войсковой старшина Русанов. Я решил поручить ему, действуя моим именем, поднять восстание в станицах Усть-Джегутинской и Красногорской, собрать и ударить 24 декабря в тыл красным на станицу. Бекешевскую; дал ему одну

пушку, несколько сот винтовок, патроны и снаряды.

У Баталпашинской я сузил фронт, оттянув ночью пехоту к станичной околице, конницу же расположил за левым флангом пехоты, дав разрешение отдыхать, держа связь со Слащовым; освободившийся резерв оттянул в Дударуковский аул. Вечером 23 перебежчики донесли: среди красных прошел слух, что я с дивизией захожу им в тыл; у них по этому поводу был митинг, на котором бойцы протестовали против того, что их хотят направить в станицу, лежащую в котловине, где их охватят с тыла.

Дабы усилить деморализацию большевиков, я приказал своим «волкам» произвести на них ночной набег, Подойдя садами, ползком, до одной из занятых красными высот, окружавших станицу, «волки» без выстрела и крика бросились в шашки, перебили роту красной пехоты и захватили человек 50 пленных. У красных начались переполох, беспорядочная стрельба и суетня; они не спали всю ночь, ожидая отовсюду нападений. Утром 24 декабря большевики повели нерешительное наступление и открыли сильный артиллерийский огонь по станице. Я приказал беречь патроны. Затянулась вялая перестрелка. От Русанова донесений нет и нет. Вдруг, около двух часов дня, вдалеке, в направлении на Бекешевку, послышалась отдаленная пушечная пальба. Я тотчас приказал перейти в атаку и вынесся вперед со своей сотней. Встретившие было нас пачечным огнем красные вдруг вскочили и бросились бежать. Мои «волки» и три сотни конного ополчения тут же, на глазах всей пехоты, врубились в красную орду, кроша ее в капусту. Пластуны, пешее ополчение с пиками, даже бабы, — всё это бросилось преследовать бегущих.

Красные бежали в панике, бросая пушки, пулеметы, винтовки, обозы, сдаваясь в плен. Тем временем от Русанова было получено донесение, что он соединился с полковником Кусовым, командовавшим Карачаевской конной сотней, и кисловодскими слобожанами, и что они вместе, подняв указанные станицы, идут на Бекешевку. Я продолжал преследование почти до Бекешевки; не доходя до нее версты три, остановил отряд на ночевку в окрестных горах.

Оставив Султан-Келеч-Гирея и приказав ему занять Бекешевскую на рассвете, я вернулся обратно в Баталпашинскую. Так как это был сочельник, в церкви шло торжественное, связанное с радостью победы богослужение. Церковь была полна плакавшим от радости народом. Священник сказал мне приветственное слово, растрогавшее меня до слез. Народ горячо благодарил меня. 25 декабря утром я побывал опять в церкви, а затем приветствовал десятитысячное ополчение стариков,

собравшихся со всех сторон освобождать Баталпашинскую, но не успевших принять участие в бою. Поблагодарил я стариков и распустил по домам, так как мне их нечем было кормить. Они страшно гордились готовностью сражаться, которую проявили; приписывали себе часть победы, ибо красные, мол, перепугались, узнав, что старики поднялись и идут на них. На радостях они изрядно загуляли в станице.

Слухи о поражении красных быстро разнеслись по краю. Отовсюду потянулись обозы и гурты скота возвращавшихся беженцев. После полудня я поехал в экипаже в Бекешевку, с которой уже наладилась телеграфная связь. Выяснилось, что Русанов вошел в нее раньше Султан-Келеч-Гирея. Отступавшие красные очистили без нажима Воровсколесскую, Бургустанскую и Суворовскую, но ввиду того, что преследование их не продолжалось и Ляхов не перешел тотчас же в наступление, красное командование успело привести свои войска в порядок и удержалось в Ессентуках. Не будь этого, можно было бы с налета овладеть всей Минераловодской группой.

Глава 19

Переход станицы Ессентуки из рук в руки. — Взятие Кисловодска и Пятигорска. — Приказ взять Владикавказ. — Взятие кабардинцами Нальчика. — Занятие станицы Прохладной. — Кабарда. — Осетия. — Ингушетия. — Отношения с терцами. — Взятие приступом селения Христианского.

27 декабря я перешел со штабом в Бургустанскую. Печальную картину представляла эта станица, так же, впрочем, как Бекешевская и Суворовская. По меньшей мере половина домов была сожжена большевиками. Массу хлеба красные увезли, большое количество сожгли и потоптали. Многие из казаков были расстреляны. Поддерживавшая большевиков часть иногородних бежала вместе с ними; оставшиеся были беспощадно вырезаны мстившими сторицей казаками.

Дальнейший мой план действий, одобренный генералом Ляховым, состоял в том, чтобы овладеть Ессентуками, затем пройти на станцию Прохладную и ударить оттуда в тыл всей Минераловодской группе красных. Из Баталпашинской я выслал генералу Ляхову около 1500 пластунов на укомплектование пластунских бригад Геймана и Слащова. 29 декабря, с ополчением конным и пешим и с Черкесской бригадой Султан-Келеч-Гирея, я двинулся на Ессентуки. Мы легко дошли до станицы, но, встреченные у нее сильным огнем, понесли большие потери и были отбиты; пришлось отойти версты на четыре от станицы; свой штаб я разместил на хуторе Старицкого.

30 декабря утром была сильная снежная пурга. Я бросил снова свои войска в атаку. Перебежчики указали нам хорошие цели, и огонь артиллерии был поэтому очень эффективен. Храбро дрались терские добровольцы, стремившиеся поскорее пробиться к родным станицам. После жестокого боя Ессентуки были взяты. Мост на железной дороге на Кисловодск конница взорвала, но, как выяснилось впоследствии, неудачно. Трофеи были невелики: всего несколько пулеметов, винтовки и человек 400 пленных.

Напуганные слухами о жестокости казаков, большевики настолько их боялись, что даже раненые и тифозные красноармейцы повыскочили из госпиталей и бежали полуодетые, падая и замерзая в пути. Ессентукские казаки всю ночь расправлялись с захваченными ими большевиками, их одностаничниками. Конница, видимо, небрежничала по случаю

холода и в упоении победой. Чрезвычайно утомленный, я, вопреки своему обыкновению, не проверил лично несение сторожевой службы. Между тем красные приготовили нам сюрприз.

Часов в пять утра я проснулся от сильной и близкой трескотни пулемета. Однако донесения о бое не было. Выяснилось, что подошедший от Пятигорска по исправленному, — плохо взорванному казаками, — мостику большевистский бронепоезд приблизился к станции и начал громить ее. Затем высадил десант пехоты, пошедшей в атаку. Станция была быстро занята; напуганные пальбой, наши обозы, вошедшие вопреки приказанию в город, пустились наутек. Разошедшиеся по своим хатам терцы были застигнуты врасплох. Местные большевики и прятавшиеся по садам красноармейцы открыли, в свою очередь, со всех сторон стрельбу по казакам. Началась паника: ополченцы, особенно пехота, стали поспешно, без сопротивления, покидать город.

Одевшись, я вскочил на коня и со своей конвойной сотней бросился к вокзалу. На площади перед ним стояли две наши горные пушки. Я приказал командиру артиллерийского взвода открыть огонь по появившимся вдалеке красным цепям. Едва мы успели дать два-три выстрела, как с тылу, совсем близко, раздались выстрелы; артиллерийская прислуга, бросив орудия, побежала в разные стороны. Цепь красных появилась сзади, в тридцати шагах от нас.

Быстро спешив конвойную сотню, я открыл ответный огонь. Красные попрятались за дома. Кое-как, вручную, мы накатили пушки, взяли их в передки, и артиллерия помчались в гору, осыпаемая пулями красных. Я приказал сотне садиться на коней — хвать, а моего коня нет: перепугавшийся вестовой спрятался где-то, уведя и моего коня. Конвойцы бросились искать его; скоро нашли и привели, предварительно изрядно отодрав его плетьми. Мой значок остался, прислоненный к забору возле вокзала. Под градом пуль помчались мы по опустевшим улицам и успели по дороге захватить и значок. Полным карьером неслись мы. Много конвойцев было ранено, но ни один не упал с коня, хотя позже некоторых сняли с седел замертво. Пришлось опять занять старые позиции, — верстах в четырех от города, — которые я приказал укрепить. Красные несколько раз порывались атаковать нас, но были без труда отбиваемы.

Войска генерала Ляхова атаковали в это время Курсавку. Барон Врангель вел упорные бои у Святого Креста. Ляхов прислал мне в помощь Волжскую[181] и Кабардинскую[182] бригады, а также снаряды и патроны; из станиц тоже подошли подкрепления.

4 или 5 января 1919 г. Ляхов овладел Курсавкой и приказал своим пластунам 6 января взять Пятигорск. Черкесская дивизия Султан-Келеч-Гирея получила приказание овладеть Железноводском, но потерпела неудачу и отступила. 5 января я послал Кабардинскую бригаду и человек 200 кисловодчан овладеть Кисловодском. Это было исполнено ими без труда.

Одновременно я направил Партизанский полк пополнения, бывший у меня, обойти Ессентуки со стороны Прохладной. Почувствовав себя окруженными, красные бежали из Ессентуков, которыми, перейдя в наступление частью отряда, мы легко овладели. 5 же января я послал 1-й Волжский полк на Пятигорск; 6 января, на плечах бегущих красных, полк ворвался в город и овладел им. Пластуны бригады Ляхова[183] подошли к Пятигорску лишь 6 января вечером.

Добыча, взятая в Ессентуках и особенно в Пятигорске, была очень значительна: несколько тысяч пленных, орудия, пулеметы. 20 января Волжский полк отрезал громадную колонну обозов, отбил своих пленных и взятых в Кисловодске большевиками заложников; было захвачено также много комиссаров и среди них известный жестокостью комиссар Ге, вместе со своей кровожадной супругой. Оба они были повешены впоследствии по приговору полевого суда.

6 января я приехал в Кисловодск, восторженно встреченный населением, измученным под большевистским режимом. Город сильно пострадал, много домов было разграблено, знаменитая тополевая аллея вырублена; сотни жителей изрубили и расстреляли красные палачи. По случаю Крещения было Водосвятие и благодарственное молебствие, после которого я принял парад войскам. 6 января Партизанской бригадой моей дивизии была занята станция Минеральные Воды; в тот же день Врангель овладел Святым Крестом. 7 января генерал Ляхов приехал в Пятигорск, встреченный выставленным мною почетным караулом и трубачами. Генерал тепло благодарил меня за спасение Баталпашинской и успехи, достигнутые со столь незначительными импровизированными отрядами.

Тотчас же он дал мне новую задачу — подымать восстание терских казаков и двигаться с ними на Владикавказ. Я снова вступил в командование, сданное мною временно полковнику Бегиеву, 1-й Кавказской казачьей дивизией. Мне была придана также Кабардинская бригада и несколько десятков штаб- и обер-офицеров из терцев в качестве командного состава для имеющих быть сформированными терских полков.

8 января я приехал в станицу Мариинскую, где стояла моя дивизия. Кабардинскую бригаду, через Кармово и Кабардинские

аулы, послал овладеть Нальчиком, который они взяли 12 января, после легкого боя. Сам же с дивизией пошел на станицу Прохладную; овладел ею 10-го января, после горячего боя. При этом удалось захватить два бронепоезда, 4 орудия, массу пленных и обозы. Оттуда я двинулся к Нальчику. По всем путям лежали сотни, и тысячи трупов замерзших красноармейцев; почти все они были босы и без теплой одежды.

Население Нальчика, русское и кабардинское, восторженно нас приветствовало. Большая и Малая Кабарда делились в это время на две партии; во главе одной стоял некий Назир, поддерживавший русских большевиков. Земля в Кабарде принадлежала почти целиком князьям и помещикам; безземельные нищие крестьяне состояли в полной зависимости от верхних классов. Назировцы истребляли помещиков и князей, отнимали у них землю и раздавали ее крестьянам. Консервативные слои кабардинцев сгруппировались вокруг ротмистра Серебрякова-Даутокова, офицера русской службы, служившего во время Германской войны в Кабардинском полку[184] Туземной дивизии[185].

Во время революции энергичный, образованный и неглупый Даутоков, обладавший к тому же красноречием, пользовался большим доверием среди всадников, выбиравших его на разные комитетские должности. По своим взглядам он был сторонником тесного единения с Россией, с предоставлением Кабарде неширокой местной автономии. Не будучи сторонником политической реставрации, он полагал, что лишь Всероссийское Учредительное собрание правомочно разрешить форму правления. Когда восстала против большевиков Терская область, Даутоков решил поднять восстание и в Кабарде.

Ввиду того что назировцы, потеряв свой прежний облик борцов за кабардинский пролетариат, все более обращались в простых разбойников, терроризовавших и грабивших население, восстание Даутокова получило поддержку со всех сторон. У него не хватало лишь денег для приобретения оружия и на ведение войны. Даутоков вступил в конспиративную связь с проживавшим в Кисловодске бывшим командиром Кабардинского полка графом Илларионом Илларионовичем Воронцовым-Дашковым. Граф выехал к генералу Лазарю Бичерахову, занимавшему в то время Петровск, и просил его прислать Даутокову денег. Бичерахов послал Даутокову с Воронцовым-Дашковым несколько миллионов. Даутоков сформировал два полка добровольцев: 1-й состоял сплошь из узденей, князей и помещиков, 2-й — из крестьян и добровольцев.

Аулы охотно давали пополнение, коней и седла. Борьба с

Назиром пошла успешно. Когда Терский фронт рухнул, Серебряков-Даутоков покинул Кабарду и горными перевалами пошел на соединение со мною в Баталпашинский отдел. После очищения Кабарды от большевиков и назировцев все полагали, что именно Серебряков-Даутоков, а не кто иной, будет назначен ее правителем. Однако у Даутокова было много врагов в штабе Главнокомандующего, доказывавших там, что он будто бы авантюрист и демагог.

Правителем Кабарды был назначен князь Бекович-Черкасский[186], ретроград и кабардинец только по названию. Произведенный в полковники и утвержденный в должности командира Кабардинской бригады, посланной на Царицынский фронт, Серебряков-Даутоков был вскоре убит.

Соседняя с Кабардой Осетия представляла собой кипящий котел. Одни шли за большевиков, другие против, третьи боролись с обеими сторонами. Болыневистствующая осетинская партия возглавлялась неким Керменом и носила поэтому название керминистов. Столицей их было селение Христианское, укрепленное и снабженное двухтысячным, хорошо вооруженным гарнизоном. Керминисты были вначале популярны в Осетии, но позже, так же как и назировцы, вступили на путь бесшабашного грабежа. Население отшатнулось от них.

Наиболее единодушной и целиком большевистской была Ингушетия. Еще со времен покорения Кавказа отчаянно защищавшие свою независимость, храбрые и свободолюбивые ингуши были частью истреблены, а частично загнаны в бесплодные горы. На принадлежавших им прежде плодородных землях расселили терских казаков, основавших на врезавшемся в Ингушетию клине свои станицы.

Лишенные возможности зарабатывать свой хлеб честным путем, ингуши жили грабежом и набегами на казачьи земли. Еще в мирное время пограничные с Ингушетией терцы не выезжали в поле без винтовок. Не проходило дня, чтобы не было где-нибудь стрельбы и кровопролития. Считая казаков угнетателями, а казачьи земли по-прежнему своими, ингуши беспощадно мстили терцам. Отношения создались совершенно непримиримые; дальнейшее сожительство было немыслимо. Нужно было либо уничтожить ингушей, или выселить казаков с бывших ингушских земель, вернув таковые их прежним владельцам.

Большевики, по занятии ими Северного Кавказа, созвав во Владикавказе съезд представителей ингушей и казаков четырех терских станиц, приказали последним в месячный срок выселиться. Впоследствии, по очищении Северного Кавказа от большевиков, терцы вновь вернулись в свои станицы, но после

неудачи Деникина были опять изгнаны.

Передо мною стояла задача утихомирить Осетию и Ингушетию. Я предполагал разрешить дело миром начиная с Осетии, а позднее, овладев Владикавказом, созвать в этом городе съезд представителей ингушей и вести с ними переговоры. Керминистам я предложил без боя очистить Христианское и уйти в горы. В противном же случае угрожал репрессалиями. Керминисты отказались исполнить мои требования.

Тем временем мой отряд значительно увеличился. Выйдя из Кабарды на Сунженскую линию в районе станиц Александровской и Солдатской, я присоединил к себе, с разрешения генерала Ляхова, только что сформированную 1-ю Терскую пластунскую бригаду[187] генерала Расторгуева[188]; проходя по станицам Сунженского отдела, сформировал 1-й, 2-й и 3-й Сунженские казачьи полки[189] и двинулся к Беслану, куда одновременно подошла назначенная также ко мне в подчинение Кубанская пластунская бригада генерала Геймана. Равным образом в Осетии мною было приступлено к формированию 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Осетинских конных полков[190] и Осетинской конной бригады[191].

Подойдя в двадцатых числах января к селению Христианскому и после того, как керминисты обстреляли моих парламентеров, я атаковал селение, но был отбит. Тогда мы подвергли Христианское двухдневной бомбардировке, а затем взяли его приступом. Потери при этом у нас были значительные. Генерал Ляхов приказал наложить на Христианское контрибуцию в 10 миллионов рублей (впоследствии она была сложена), 500 коней, 500 седел, 500 бурок и обезоружить жителей.

Оставив в Христианском гарнизон из двух сотен, я двинулся в казачью станицу Ардонскую. По дороге ко мне присоединилась масса добровольцев, как осетин, так и русских. Перешедший со своим штабом в Прохладную, генерал Ляхов вызвал меня к себе и отдал приказ немедленно двигаться на Владикавказ.

Глава 20

Борьба с ингушами и молоканами, — Взятие Владикавказа. — Мирные сношения с ингушами. — Вызов на Донской фронт. — Отставка генерала Краснова. — Избрание генерала Богаевского. — Мой приезд в Ростов и чествование меня там. — Представление атаману Богаевскому в Новочеркасске. — Помощь Май-Маевскому и Покровскому и защита Каменноугольного района.

Около 24 января я подошел к Владикавказу. Предварительно нужно было овладеть осетинским селением Муртазовым, занятым красными ингушами, а также молоканской большевистской Курской слободой. Молокане, несмотря на их непротивленческую религию, оказались людьми весьма кровожадными. Хозяйничали вместе с ингушами во Владикавказе, грабили жителей, принимали участие в обысках и даже расстрелах. Горожане страстно ненавидели молокан и жестоко отомстили им впоследствии.

Выслал я парламентеров в Муртазово с предложением сдать селение без боя, однако они были обстреляны ингушами. Тогда я послал генерала Геймана с пластунской бригадой вступить в Ингушетию и по овладении рядом аулов занять столицу ее — аул Назрань. Задача Геймана была чрезвычайно трудной, ибо каждый клочок территории, каждый хутор и аул защищались с мужеством отчаяния и стоили большой крови.

Атаковав аул Муртазово, я взял его после чрезвычайно упорного и кровопролитного боя. Один ингуш-пулеметчик стрелял до последнего момента и был изрублен казаками лишь после того, как выпустил последний патрон.

Едучи верхом, я видел, как два казака вели пленного старика-ингуша. Выхватив внезапно шашку у одного из конвойных и полоснув ею его по голове, старик бросился в кусты. Его настигли и хотели изрубить. Однако я не позволил убивать и объяснил казакам, что патриотическое и геройское, с его точки зрения, поведение старого ингуша должно служить примером для казаков. Спасенный мною ингуш проникся ко мне бесконечной благодарностью; воспользовавшись этим его настроением, я послал его в Назрань, чтобы он предложил своим единоплеменникам прекратить напрасное кровопролитие и войти со мной в переговоры. Миссия старика увенчалась успехом. Назрань сдался Гейману без боя, и Ингушетия вступила со мной в

переговоры.

Первая атака, поведенная мною против Курской слободы, была отбита после горячего боя. Однако 28 января, после вторичного, чрезвычайно упорного боя слободу мы взяли. Наши войска вступили во Владикавказ. Большевики бежали по Военно-Грузинской дороге. Я бросил конницу в преследование их.

Не зная границ нового Грузинского государства, казаки вторглись в Грузию верст на 40 и изрубили множество большевиков. Грузинское «храброе воинство» также бросилось бежать от казаков без оглядки. Однако я получил телеграмму из Ставки, что войска мои перешли границу и чтобы я вернул их и сосредоточился в районе Владикавказа для дальнейшего движения на Грозный, где дивизия Покровского потерпела неудачу.

Тем временем население Владикавказа и осетины горячо принялись за молокан. Ввиду того что пример этот деморализующе действовал на войска, я ввел порядок, а вслед за тем вывел войска из города и запретил без разрешения начальников частей въезд в город не только казакам, но и офицерам. Затем я проехал на бронепоезде «Генерал Алексеев»[192] в Назрань, где меня встретили представители ингушского народа. Побеседовав с ними обстоятельно и тихо, я получил от них обещание жить далее в мире и не воевать с Добрармией. Ингуши жаловались мне на терцев, вернувшихся вновь в свои четыре станицы и выселивших из них ингушей. Объяснив представителям несвоевременность поднятия этого вопроса теперь, я обещал в будущем созвать съезд для мирного разрешения его.

Возвратившись к своей дивизии, я получил телеграмму из Ставки об отмене предыдущего приказа о движении на Грозный, которым уже успел овладеть Покровский, и о вызове дивизии как моей, так и дивизий Покровского и Врангеля, на Донской фронт. В тот же день началась погрузка дивизии в эшелоны. Терцы и часть пластунов оставались еще на Кавказе; они погнали остатки большевиков к Каспийскому морю.

Прибыв в Екатеринодар, я явился в штаб Главнокомандующего и узнал там, что вверенная мне дивизия перебрасывается в район Александрово-Грушевской. В Екатеринодаре я пробыл с неделю. Тем временем на Дону происходили важные события. Сосредоточив значительные силы на правом берегу Волги, красные сильно нажали, вынудили донцов отступить от Царицына и даже очистить часть Донской территории. Под влиянием ряда неудач начался развал армии. Против атамана Краснова началась агитация в Донском

войсковом круге, возглавляемая представителем его Кермановым и партией Агеева. Удаленные в свое время Красновым генералы Сидорин и Семилетов[193] работали против него в Екатеринодаре. Главное командование, недовольное неустойчивостью Краснова в вопросах оперативного характера, отнюдь не поддерживало его. Он, в свою очередь, занял непримиримую позицию и, войдя по пустяшному поводу в столкновение с Кругом, ушел в отставку. Вместе с ним ушел и командующий Донской армией генерал Денисов[194].

На должность атамана был избран генерал Африкан Богаевский, пригласивший генерала Сидорина на должность Командарма, а Семилетова — походным атаманом. Донкруг и нрвый атаман пошли навстречу объединению с Добрармией, и генерал Деникин принял звание Главнркомандующего Вооруженными силами Юга России[195]. Барон Врангель был назначен командующим Добрармией[196], состоявшей, собственно, из Добровольческого корпуса в составе одной дивизии пехоты и из кубанских и терских частей. Врангель в это время выздоравливал в Кисловодске от тифа, и в командование армией временно вступил его начальник штаба генерал Юзефович[197]. В командование 1-й конной — бывший врангелевской — дивизией вступил генерал Шатилов[198] и двинулся с нею на Царицынский фронт.

Из моей 1-й Кавказской дивизии было взято два терских полка[199] (они вошли в состав вновь сформированной 1-й Терской дивизии[200] генерала Топоркова[201]); 2-я Терская дивизия[202] осталась в Дагестане; 2-я Кубанская (Улагая), 3-я Кубанская (Ренникова)[203] дивизии и Астраханская бригада[204] действовали в Астраханском направлении. Дивизии — моя, Покровского и Топоркова были назначены на Донской фронт.

В то время как кубанские части двигались на Донфронт, члены Кубанской Рады выехали на станцию Тихорецкую для подбадривания частей, ибо существовало опасение, что казаки откажутся переступить границу Кубанского края. В Ростове кубанцы были встречены и чествуемы членами Донкруга. Когда я приехал в Ростов для представления в штаб Добрармии, то был встречен на вокзале представителями города и членами Донкруга. Меня чествовали обедом в парадных комнатах; вокруг вокзала собралась громадная толпа народа, требовавшая моего выхода. По окончании обеда я хотел было отправиться на автомобиле в штаб армии, но народ подхватил меня и стал качать. Отпущенный наконец, я произнес небольшую речь, в которой изъявлял свою радость, что мы идем на выручку старшего брата, Седого Дона, а затем двинемся и на Москву.

В штабе генерал Юзефович объяснил мне, что вновь прибывшие дивизии распределятся следующим образом: моя — на правом фланге пехотного Добровольческого корпуса[205] генерала Май-Маевского[206]; правее меня — дивизии Покровского и Топоркова, долженствующие примкнуть своим правым флангом к левому флангу Донской армии. Юзефович полагал объединить все конные дивизии под начальством генерала Покровского. Я доложил, однако, ЮзефовиЗу, что в этом случае подаю в отставку, ибо, зная по опыту неумение генерала Покровского управлять конными частями, предвижу гибель моей дивизии, а далее и всего дела.

— Ну, я улажу это дело как-нибудь иначе, — сказал мне Юзефович.

Я пробыл еще пару дней в Ростове, причем меня беспрерывно чествовали обедами, адресами и торжественными встречами. Затем съездил в Новочеркасск, где представился моему старому преподавателю тактики в Николаевском кавалерийском училище, ныне Донскому атаману, Африкану Богаевскому. Атаман вспомнил прошлое школьное время, а также и то, как я представлялся ему в Ставке, где он был начальником штаба походного атамана всех казачьих войск, Великого князя Бориса Владимировича. Богаевский чествовал меня обедом…

Моя дивизия сосредоточилась в районе Александрово-Грушевской, и я отправился к ней, получив директиву подчинить себе Терскую дивизию Топоркова и ударить в тыл группе красных, прорвавших фронт и катившихся к Иловайской, в глубокий тыл Добровольческому корпусу. Направление мне было дано приблизительно на Дебальцево. ДивиЗия Покровского, 1-я Донская[207] и Донская пластунская бригады должны были прикрыть очищаемый мною участок фронта. Для выработки деталей этой операции собрался съезд начальников дивизий. Ввиду отсутствия у меня технических средств я должен был пользоваться средствами связи Покровского, держа связь со штабом постами летучей почты.

Артиллерия моя была слаба: по одной четырехорудийной батарее на дивизию[208]. Я решил рвать красный фронт у Крындачевки. Партизанская конная бригада лихо исполнила это задание, взяв при этом пленных и 12 пулеметов. Заночевав затем без достаточного, охранения, 2-й Партизанский полк был атакован внезапно на рассвете подошедшими свежими силами красных и рассеялся, потеряв полковой значок и все пулеметы. Я двинулся уже с бивака, когда увидел несшихся во весь дух полуодетых партизан, услышал стрельбу и крики «ура». Выслав тотчас же по полку справа и слева в обход красных, пустив

«волков» и остановленных мною партизан с фронта, я забрал весь отряд красных. Около 1500 их было изрублено, отнята обратно вся добыча, взятая ими у партизан, а также два орудия и много пулеметов. Через Покровского я донес в штаб армии о совершенном мною прорыве красного фронта. Покровский прислал мне письмо, ставя на вид, что я обязан доносить не непосредственно в штаб, а через него как моего прямого начальника. Я ответил ему, что он ошибается, полагая меня в его подчинении.

Ввиду того что красные сильно проникли к югу, я изменил данную мне директиву: взял южнее Горловки и оторвался от Покровского. Собрав в кулак все свои силы и выяснив, где находится почувствовавшая себя отрезанною и отступающая дивизия красных из 9 полков, я решил атаковать ее. Отрезав первоначально ее обозы, я атаковал затем на рассвете дивизию на походе в конном строю и раскатал ее вдребезги, не дав ей даже развернуться. Было взято 8 орудий, с сотню пулеметов и свыше 5000 пленных. Расстреляв комиссаров и коммунистов, я распустил красноармейцев по домам. Из насильно мобилизованных большевиками русских офицеров и добровольно пожелавших вступить в ряды Белой армии красноармейцев я сформировал при каждой дивизии по стрелковому батальону, развернутому впоследствии в полк[209]…

У генерала Май-Маевского положение становилось все более трудным. Атакованный с севера красными, а с юга и запада — махновцами, он держался из последних сил, имея на версту фронта 6 стрелков при 2 пулеметах и ожидая результатов моего рейда. Я атаковал Горловку ночью, взорвав железнодорожный мост к северу от нее и захватив два бронепоезда.

Атака велась в конном строю. Казаки шли цепью, верхом и не стреляя. Артиллерия и пулеметы на тачанках выносились карьером шагов на 500—1000 перед фронтом и открывали огонь. По мере приближения казаков стрельба красных становилась все более нервной, а потери наши уменьшались. Когда красные начали шевелиться, казаки обнажали шашки и с криком «ура» бросались вскачь. Большевики разбегались врассыпную; казаки преследовали их, рубя и забирая в плен. В Горловке была взята громадная добыча, в том числе артиллерия, погруженная уже в поезда, и много пленных, с которыми было поступлено по-старому.

Затем по тылам красных я вошел с боем в Ясиноватую и, описав правильную восьмерку, в конце марта явился в Иловайскую. Серьезных боев больше не было, но благодаря ужасающей весенней распутице сильно истрепался конский

состав, который приходилось менять по дороге на плохих крестьянских коней. Люди были также очень утомлены постоянными громадными пробегами. Я удвоил свою артиллерию и имел, кроме того, запасную батарею. Питаться приходилось продовольствием, бросаемым красными.

Рейд продолжался недели две[210]. Май-Маевский очень благодарил меня за оказанную выручку и просил проделать аналогичную операцию и против махновцев, угрожавших ему с юга и грозивших взятием Матвеева Кургана отрезать его от Таганрога. В случае отступления он должен был лишиться, за невозможностью их вывезти, громадных складов и всякого рода запасов. Донское командование, со своей стороны, просило, чтобы мною был произведен рейд в тылах красных, нажимавших превосходными силами на группу Покровского.

Генерал Деникин приказал, чтобы в первую очередь мною была оказана поддержка, требуемая донцами, а затем уже Добровольческому корпусу. Во исполнение первой задачи я выдвинулся громадными переходами к Дебальцево. На бесчисленных путях этого важного железнодорожного узла маневрировали пять тяжелых бронепоездов. Вертясь вокруг Дебальцево с разных сторон и взрывая пути то здесь, то там, я четырежды атаковал станцию, но был жестоко отбиваем огнем броневиков, успевавших починить пути и громивших меня сосредоточенным огнем. Имея лишь полевую артиллерию, я не мог нанести им большего вреда. Тогда в помощь мне был двинут славный Корниловский полк со своей тяжелой артиллерией. Он зашел в тыл Дебальцево и разгромил броневики. Соединенными нашими силами Дебальцево было взято. Корниловцы остались в качестве гарнизона поселка.

Таким Образом, Покровский был выручен. Он тотчас же перешел в наступление и погнал красных. Я же, выполняя директиву о выручке Май-Маевского, повернул и бросился на Никитовку; затем вновь повернул обратно, прошел южнее, уже почти без боев, и вышел опять у Иловайской. Тем временем большевистская Царицынская армия уже дошла до Великокняжеской и угрожала Тихорецкой. В случае взятия этой станции весь Донской фронт был бы отрезан от беззащитной теперь Кубани. Выздоровевший и вступивший в командование Врангель снял с Донского фронта дивизию Покровского и бросил ее к Великокняжеской.

Глава 21

Дробление сил и средств армии. — Ослабление духа. — Реквизиции. — Задание — сосредоточиться у Матвеева Кургана. — Наступление красных на Иловайскую. — Прорыв фронта красных. — Взятие корниловцами Ясиноватой и мною Юзовки, Чаплино и Волновахи.

В это время Врангель, полагая, что движение на Москву по прямому направлению не будет успешным, ибо мы едва в состоянии удержаться в Донецком бассейне, настаивал перед Главным командованием на очищении Донбасса и переброске конницы на левый берег Волги для соединения с левым флангом Колчака[211], через посредство Уральского казачьего войска[212]. Он настаивал на необходимости сформирования для этой цели особой Кавказской армии[213] на Царицынском направлении. Эта армия должна была состоять из всех конных и пластунских частей (кубанских, терских, астраханских и горских), за исключением дивизий моей 1-й Кавказской и 1-й Терской.

Добровольцы и донцы должны были бы удержать фронты по южной окраине Донецкого бассейна и восточнее — ныне существующий фронт, проходящий по Донской области. Однако Главное командование не согласилось полностью с этим планом и считало, что наивыгоднейшим является кратчайшее направление на Москву через Харьков, Курск и Орел. Кавказская же армия была сформирована[214], но должна была действовать не на левом, а на правом берегу Волги.

Лозунг же «неделимая Россия» теперь уже толковался в Ставке в ограничительном значении этого термина, то есть как отрицание федеративного строительства государства. Отсюда возникли невозможность сговориться с Петлюрой, перешедшая впоследствии в вооруженную борьбу, недоразумения с Кубанской Радой и с Грузией, кровопролитные столкновения с Дагестаном и Азербайджаном, недоброжелательства в сношениях с Польшей и т. п. Все это дробило силы и средства армии, вызывало необходимость содержания крупных гарнизонов в тылу и препятствовало возможности создания единого антибольшевистского фронта. Назначенный командующим войсками Кавказа генерал Эрдели[215], воспитанник Петербургских салонов, не имевший понятия о кавказских взаимоотношениях и обычаях, не сумел довести до конца удачно начатое мною умиротворение Ингушетии и Чечни. Там начались

беспрерывные восстания. Игнорируемая Главным командованием Кубанская Рада, ища союзников, приняла украинофильскую, вернее, петлюровскую ориентацию, ибо малороссийское наречие, традиции, дух и нравы родственны значительной части населения Кубанского края.

Однако вся эта политическая завируха, ослаблявшая армию физически, раздробляя ее силы морально, пока еще не очень отражалась на ней. Худшие в этом отношении последствия вызвала неналаженность или, вернее сказать, отсутствие снабжения. Денег не отпускалось достаточно, даже жалованье не платилось войскам иной раз по полгода. Приходилось жить добычей, отнимаемой у большевиков. Если же таковой не попадалось или не хватало, то прибегали к реквизициям у населения, уже сильно разоренного немецкой оккупацией и Гражданской войной. Реквизиционные квитанции, никогда не оплачиваемые, потеряли в глазах населения всякое значение; понятия реквизиции и вооруженного грабежа стали скоро для него аналогичными. Казаки и солдаты быстро привыкли, в свою очередь, смешивать два этих понятия, что чрезвычайно развращало армию.

Нравственный распад постепенно распространялся и на офицерский корпус. Первые добровольцы, горячие патриоты и идейные, бескорыстные сподвижники Л.Г. Корнилова, были уже повыбиты. Нынешнее офицерство состояло из новых людей, частью пленных или перебежавших из Красной армии, из мобилизованных в освобожденных от большевизма областях и из приезжавших с Украины, Грузии и окраинных государств. Прежние лозунги остались, но внутреннее содержание их стало другим. Прежний дух отлетел от армии. Не ощущалось и внутренней спайки между офицерами и солдатами.

Мобилизуемые принудительно крестьяне и рабочие интересовались прежде всего программой Добрармии. Ощутившие на своей шкуре грубую неправду большевистских обещаний, народные массы, разбуженные политически, хотели видеть в Добрармии прогрессивную силу, противобольшевистскую, но не контрреволюционную. Программа Корнилова была ясна и понятна; по мере же успехов Добрармии программа ее становилась все более неясной и туманной. Идея народоправства не проводилась решительно ни в чем. Даже мы, старшие начальники, не могли теперь ответить на вопрос: какова же в действительности программа Добрармии даже в основных ее чертах? Что же можно было сказать о деталях этой программы, как, например, в ответ на вопрос, часто задававшийся мне шахтерами Донецкого бассейна: каковы взгляды вождей

Добрармии на рабочий вопрос? Смешно сказать, но приходилось искать добровольческую идеологию в застольных спичах и речах, произнесенных генералом Деникиным по тому или другому случаю; простое сравнение двух-трех таких «источников» убеждало в неустойчивости политического мировоззрения их автора и в том, что позднейший скептизм и осторожность постепенно аннулировали первоначальные обещания. Никаких законоположений не было; ходили слухи о том, что-то пишется в тиши кабинетов; нас же, полевых работников, постоянно сталкивавшихся с недоумениями и печалями населения, ни о чем не спрашивали и даже гневались, когда мы подымали эти вопросы…

В конце апреля красная конница Думенко перешла в наступление от Великокняжеской направлением на Батайск. Предпринявший контроперацию Врангель разгромил Думенко и отбросил его на восток от Великокняжеской. Положение Май-Маевского, предоставленного собственным силам, становилось все более тягостным — он едва держался. Я получил задание сосредоточиться около Матвеева Кургана и прикрыть отход Май-Маевского. 2 мая мы стали сосредоточиваться у Харцизска с целью приступить к исполнению директивы и идти к Матвееву Кургану.

В ночь на 4 мая Врангель вызвал меня к аппарату, спрашивая о состоянии корпуса; я доложил, что люди и особенно конский состав очень переутомлены, но если мне дадут несколько дней отдыха, можно было бы вновь пуститься в рейд, дабы не отдавать каменноугольного района. Врангель предоставил мне свободу действий, а Май-Маевскому разрешил отступать, предоставляя ему выбрать момент для этого по его усмотрению. 4 мая я отправился к Май-Маевскому в Иловайскую.

— Мой корпус уже несколько отдохнул, — сказал я ему. — Я готов поддержать вас. Давайте удерживать Донецкий бассейн. Май-Маевский предложил мне отдохнуть еще денек.

— Если красные не будут наступать сегодня, я продержусь еще один день, — сказал он.

Эвакуация складов и запасов была им начата заблаговременно. Однако уже в два часа дня красные перешли в энергичное наступление и принудили к отступлению Корниловский и Марковский полки. Скоро снаряды красных стали ложиться на станции Иловайской. Бывшие на ней поездные составы стали уходить один за другим. Вскоре остался лишь один поезд Май-Маевского. Обстрел все усиливался. Повсюду рвались снаряды с оглушительным треском. Железнодорожники разбежались. Начальник штаба Май-Маевского, генерал

Агапеев[216], струсив, хотел было бежать. Май-Маевский сохранял, однако, полное спокойствие и хладнокровие; он успокаивал всех.

Я отдал приказание 1-й Терской дивизии Топоркова, выйдя из Харцизска, поддержать корниловцев, 1-й же Кавказской, стоявшей у Иловайской (временно командовал ею генерал Губин[217]), прорвать фронт красных южнее ее, направляясь на Волноваху, и отрезать таким образом Красную армию от Махновской. В резерве, в Иловайской, я оставил один полк 1-й Кавказской дивизии и свою Волчью сотню, а также хор трубачей, которых заставил играть на станции.

Прошло часа три. Пулеметная трескотня все приближалась. Стали появляться отдельные беглецы — марковцы и корниловцы. Видя, что поезд Май-Маевского на станции, а мои трубачи играют, и узнав от «волков», что я прибыл с корпусом на помощь, они подбодрились и поспешили обратно в свои части. Сев на коня, в сопровождении своих резервных частей, я поехал к Корниловскому полку; его цепи были в трех верстах от Иловайской; трубачи играли Корниловский марш[218].

Корниловцы повскакали в цепи, черно-красные фуражки[219] полетели в воздух, радостное «ура» огласило окрестность.

Опешившие красные прекратили стрельбу. Вдруг справа и в тылу у большевиков началась артиллерийская канонада. Это появились конные цепи терцев. Корниловцы с криками «ура» бросились тотчас же в атаку. Я двинул вперед своих «волков». Красные начали поспешно отступать.

Вернувшись в Иловайскую, я получил донесение о действиях 1-й конной дивизии. Оказалось, что 1-й Партизанский полк, исполняя задачу, нарвался на крупный отряд красных, засевших за илистой, непроходимой вброд речкой. Понеся потери, партизаны стали отступать. Решившие преследовать их красные перешли на тот же берег этой речки. Тогда командовавший 2-м Партизанским полком есаул Соломахин[220] по собственной инициативе ударил внезапно во фланг большевикам и погнал их к речке. Много большевиков потонуло и было изрублено.

Мы взяли около 1500 пленных, несколько пушек, множество пулеметов и другой добычи. Фронт красных был прорван. Я бросил обе дивизии в этот прорыв, нацелив их на Юзовку, которую Кавказская дивизия должна была атаковать с юга, а Терская — с севера.

5 мая прибыл к Май-Маевскому дивизион танков[221] — оружие невиданное до сих пор. Я дал для охраны их свою Волчью сотню. 6 мая корниловцы с танками перешли в наступление и взяли Ясиноватую. В тот же день мои дивизий овладели Юзовкой, забрав там много пленных — красных и махновцев. Перевешав

коммунистов, я распустил всех прочих по домам. Не задержавшись в Юзовке, мы взяли последовательно станции Чаплино и Волноваху без больших потерь.

Глава 22

Мое производство в генерал-лейтенанты и утверждение командующим конным корпусом. — Переход Юзовки к Махно и снова ко мне. — Взятие Мариуполя (сообща с добровольцами), Гуляй-Поля и Синельникова. — Взятие Харькова Май-Маевским и мой приезд туда. — Торжественная встреча. — Взятие Екатеринослава Шифнер-Маркевичем. — Трогательная встреча. — Посещение Деникиным Екатеринослава и чествование его. — Отъезд мой в отпуск. — Еврейские погромы. — Отношение населения к Скоропадскому, Петлюре, Махно. — Объезд станиц. — Съезд в Харькове командиров корпусов. — Мое стремление соединиться с Мамонтовым для совместного освобождения Москвы не получило одобрения Главнокомандующего.

По представлению временно командующего Добрармией генерала Юзефовича я произведен в генерал-лейтенанты; 4 мая был утвержден командующим конным корпусом[222], составленным из моей прежней конной группы: дивизии 1-я Кавказская и 1-я Терская. В середине мая донской генерал Калинин[223] прорвал фронт красных и продвигался с востока на Луганск. Для того чтобы помочь ему, я должен был нажать на красных со стороны Дебальцево. Я двинулся на Антрацитовку. Калинин овладел Луганском.

В это время Махно опять перешел в наступление на корпус Май-Маевского и вынудил его очистить Юзовку. Я получил задание атаковать махновцев. Стянувшись обратно, я отнял Юзовку от махновцев, затем южнее ее разбил дивизию красной пехоты и двинулся на Мариуполь, который атаковал и взял одновременно со сводным отрядом Добровольческой армии генерала Виноградова[224]. Оставив 1-ю Терскую дивизию для поддержки Добровольческого корпуса, сданного Май-Маевским генералу Кутепову[225], двигавшемуся на Харьков и взявшему уже Бахмут, с 1-й Кавказской дивизией я предпринял операцию против столицы махновцев и склада их награбленной добычи — поселка Гуляй-Поле, взял его с боем, разгромил и рассеял остатки махновцев. Затем я сжег важный Синельниковский железнодорожный узел.

Красные, разрезанные на две группы, отступили на правый берег Днепра, в районе Екатеринослава и Александровска. Взамен 1-й Терской дивизии мне были приданы пластунские бригады: 2-я

Кубанская генерала Геймана и 1-я Терская генерала Расторгуева[226]. Эта мера отнюдь не была выигрышной для меня. Мой корпус из конного обратился в смешанный конно-пеший, что лишало его подвижности и препятствовало производству дальних рейдов. В то же время Май-Маевский, употреблявший 1-ю Терскую дивизию в качестве своей дивизионной конницы, отнюдь не мог использовать всех прекрасных боевых качеств этой доблестной дивизии.

В командование моей бывшей 1-й Кавказской дивизией вступил мой бызший начальник штаба генерал Шифнер-Маркевич. Начальником штаба корпуса вместо него я взял полковника генерального штаба Соколовского[227]. Я был назначен командующим Западным фронтом Добрармии с подчинением Май-Маевскому, утвержденному уже в должности командующего Добровольческой армией взамен генерала Врангеля, вступившего окончательно в командование Кавказской (Царицынской) армией.

Мой фронт тянулся теперь по линии Мелитополь — Александрова — Синельниково и на север к Ново-Московску. Бывший у Мелитополя отряд Виноградова был влит во 2-й армейский корпус генерала Бредова[228], также мне подчиненный. Тем временем Май-Маевский овладел Харьковом и перешел туда со своим штабом. Вскоре туда приехал генерал Деникин. Туда же был вызван и я, но уже не застал Главнокомандующего. Население Харькова, много слышавшее обо мне от многократно разбитых мною красных войск и видевшее в моем лице представителя славного Кубанского войска, устроило мне торжественную встречу. Было устроено несколько банкетов, а также поднесены иконы и крупные суммы денег в мое личное распоряжение. Тем временем Шифнер-Маркевич вел бои с красными на левом берегу Днепра, против Екатеринослава.

15 июля, увлекшиеся преследованием, три сотни партизан на карьере, под пулеметным огнем, проскочили по железнодорожному мосту через Днепр, овладели двумя батареями в упряжке и, повернув их против красных, открыли по ним огонь. Красная пехота обратилась в бегство, но неприятельская артиллерия, открыв огонь по мосту, отрезала эти сотни от их дивизии. Не желая терять этих храбрецов, Шифнер перешел в наступление всей дивизией и вопреки директиве укрепиться на левом берегу Днепра занял Екатеринослав.

Измученное ужасами большевизма, население умоляло не отдавать снова города во власть красных, и Ставка разрешила оставить город за нами. Я никогда не забуду въезда моего в Екатеринослав. Люди стояли на коленях и пели «Христос

Воскресе», плакали и благословляли нас. Не только казаки, но и их лошади были буквально засыпаны цветами. Духовенство в парадном облачении служило повсеместно молебны. Рабочие постановили работать на Добрармию по мере сил. Они исправляли бронепоезда, бронеплощадки, чинили пушки и ружья. Масса жителей вступала добровольцами в войска. Подъем был колоссальный. Как изменилось все это впоследствии, когда там поработали на разрушение русского дела господа вроде губернатора Щетинина[229]. Город голодал вследствие отсутствия хлеба. Мне удалось подвезти несколько бывших в моем распоряжении поездов с мукой, и я роздал их бесплатно рабочим, кооперативам и городским продовольственным лавкам. Однако наше положение в этом районе отнюдь не могло быть названо прочным. Значительно превосходные силы красных под начальством матроса Дыбенко неоднократно переходили в наступление. Однако Шифнер-Маркевич, маневрируя с необыкновенным искусством, кружась в пространстве 80 верст и нанося короткие удары то здесь, то там, разбил по частям всю армию Дыбенко.

21 июня генерал Деникин посетил Екатеринослав. Ему были устроены торжественная встреча и обед в русском общественном клубе. Представители украинофилов-самостийников поднесли хлеб-соль на полотенце, расшитом простонародными узорами с надписью на украинской «мове»: «Не той казак, что поборов, атой, что выкрутився». Главнокомандующий принял это подношение, но в застольном тосте сказал, обращаясь к украинцам:

— Ваша ставка на Петлюру бита.

Затем он добавил, что Петлюра будет повешен, если попадется в руки Добрармии, как изменник. Эти слова были чреваты последствиями и дали почву для агитации самостийников как на Украине, так и на Кубани. После обеда Деникин, сидя у меня на квартире, принял явившуюся к нему депутацию рабочих, с которыми беседовал долго и благожелательно; он совершенно очаровал их…

Я просил Главнокомандующего вернуть мне 1-ю Терскую дивизию, и он обещал исполнить эту мою просьбу, как только позволит военная обстановка. Чрезвычайно утомленный беспрерывной боевой работой, я просил дать мне кратковременный отдых и, получив его на две недели, уехал в поезде Главнокомандующего в Екатеринодар, а затем в Кисловодск.

Тут я вынужден несколько отвлечься в сторону и коснуться вскользь взаимоотношений различных национальностей на местах. Прежде всего я коснусь вопроса антисемитизма. На Дону,

Кубани и Тереке нет еврейского населения. Единичные евреи-врачи, адвокаты и вообще интеллигенты, живущие в городах, ничем не отличаются от русской интеллигенции. Таким образом, в начале Гражданской войны казачество совершенно не знало еврейского народа и даже не подозревало о существовании еврейского вопроса. По мере продвижения моей группы к северу и к западу от Донской области стали попадаться населенные пункты с многочисленным еврейским населением. Расположенные по обывательским квартирам, казаки слышали повсюду негодующие речи о доминирующей роли евреев в большевизме, о том, что значительный процент комиссаров и чекистов евреи, о том, что евреи хвастают:

— Мы дали вам Бога, дадим и Царя.

Не только простонародье, но и интеллигенция были страшно настроены против евреев и положительно натравливали казаков против них. Постепенно у казаков выработался резко отрицательный взгляд на еврейство. Однако в Екатеринославе нас встретило одинаково радушно как русское, так и еврейское население. Явившиеся ко мне депутации высказывали возмущение деятельностью своих единоплеменников-большевиков, которые одинаково бесчинствовали и над русскими, и над евреями, не примкнувшими к большевизму. Уже ходили слухи о готовящихся еврейских погромах, и евреи просили защитить их. Было зарегистрировано несколько случаев, когда толпа водила казаков для отыскивания мнимых складов оружия и наворованного имущества у евреев, причем не обошлось без насилий и отдельных случаев грабежей. Однажды в еврейском квартале начался погром[230]. Толпа в несколько тысяч человек, в числе коих было два десятка казаков, разгромила несколько еврейских домов. При этом некоторые женщины были изнасилованы. Когда мне доложили об этом, я бросился туда со своей Волчьей сотней и прекратил безобразие. Арестованные при этом коноводы и крикуны были преданы мною полевому суду. Среди них оказалось шестеро одетых в казачью форму. Из числа этих шести казаков пятеро оказались не казаками, а обывателями, переодетыми в казачью форму для этого случая. Эти шестеро погромщиков были повешены по приговору суда на городском бульваре с надписью: «За мародерство и грабеж».

Во избежание дальнейших эксцессов я приказал вывести войска из города. Однако наихудшая часть всякой армии — обозная, — расположенная в пригородных поселках, частенько просачивалась в город. Соблазны большого города с его винными складами, погребками и всякого рода притонами не могли не привлекать измученных походами и отвыкших от людского

общества станичников. То здесь, то там происходили эксцессы. К сожалению, начальники разных степеней не подавали хорошего примера. Вернувшись из отпуска, я узнал, что терцы погромили несколько еврейских местечек, хотя и без убийств. Впоследствии, когда мой корпус был уже переброшен под Харьков, продолжали поступать жалобы на погромы, якобы производящиеся моими казаками. Но это бесчинствовали партизанские шайки различных самозваных атаманов, прикрывшихся моим именем для внешнего легализирования своей деятельности. Отнюдь не обвиняя огульно все еврейство в сотрудничестве с большевиками, я постоянно твердил казакам, что «не тот жид, кто еврей, а тот, кто грабит людей». Однако казаки решительно не давали пощады евреям-красноармейцам, даже не считаясь с документами, удостоверявшими, что они мобилизованы принудительно, ибо у казаков сложилось мнение, что при свойственной евреям изворотливости, они, если бы действительно пожелали, могли бы избегнуть мобилизации. Обыкновенно, пленив красную часть, казаки командовали:

— Гей, жиды, вперед, вперед!

И тут же рубили выходящих. Прослышавшие об этом евреи-красноармейцы предусмотрительно надевали на себя кресты, сходя, таким образом, за христиан, но после того как по акценту некоторые были опознаны впоследствии, казаки перестали верить крестам и проводили своеобразный телесный осмотр пленных, причем истребляли всех обрезанных при крещении. Особенно озверели казаки, когда им пришлось столкнуться с батальонами еврейских коммунистов, шедших в бой с голубым национальным знаменем. Дрались эти батальоны очень плохо и трусливо, пытались сдаваться при первом же хорошем натиске. Казаки рубили их беспощадно. Однако под Екатеринославом каким-то чудом батальон мобилизованных евреев был взят в плен живьем. Я отослал их в тыл в сопровождении собственного своего конвоя.

— Рубить, рубить! — кричали казаки со всех сторон, но конвой все-таки доставил их благополучно к поезду. Впоследствии, как я слышал, евреи эти работали в Новороссийске, разгружая суда. Мне пришлось по этому поводу наслушаться со всех сторон немало нелестных отзывов. Проходя по Екатеринославской губернии и останавливаясь у крестьян, я вел с ними долгие беседы на разные темы. Гетмана Скоропадского[231] они решительно и единодушно осуждали.

— Это был панский царь, — говорили они, — панам землю роздал, а нам — ничего.

Сепаратистских идеалов Петлюры они совершенно не разделяли и вообще не интересовались им, считая его чем-то

вроде чудака, психопата.

— Какие мы украинцы, мы русские, — заявляли они, — только мы — казаки.

Дело в том, что левобережные хохлы — прямые потомки запорожцев — гордились своим прозвищем «казаки» и мечтали о восстановлении Запорожского казачества[232]. Больше всего симпатизировали, однако, крестьяне батьке Махно.

— Ему помещиков не надо; мы их тоже не хотим, — говорили они.

— Земля наша; забирай что хочешь; это дело подходящее. Он бьет жидов и коммунистов и нам их тоже не треба.

Во время моего нахождения в отпуску получился приказ генерала Деникина о переброске моего корпуса в район Белгорода. Корпус состоял по-прежнему из 1-й Кавказской, 1-й Терской дивизий и стрелковой бригады[233], развернувшейся из приданных первоначально к ней стрелковых батальонов, куда входили добровольно вступившие быв-. шие красноармейцы-перебежчики.

Отдохнув несколько дней в Кисловодске, я предпринял объезд станиц, год тому примкнувших первыми к поднятому мною восстанию; навестил Беломечётинскую, Баталпашинскую, Кисловодскую, Ессентукскую, Бургустанскую, Суворовскую, Бекешевскую и Воровсколесскую станицы. Население встречало меня всюду с неописуемым энтузиазмом. Несмотря на страдную пору, казаки, услышав, что я еду, по 3–4 дня не выезжали в поле, дабы не пропустить времени моего пребывания. Мне была оказана особая почесть — меня встречал и провожал почетный конвой из конных казачат* певших песни и скакавших в строю справа по три. В станицах служили молебны. Громадные толпы приветствовали меня. Повсюду местные поэты преподносили мне свои безыскусственные, но полные чувства стихотворения. Станичные сходы вручали мне приговоры об избрании меня почетным казаком.

В свою очередь, я в каждой станице производил особо отличившихся казаков и стариков в приказные, урядники, вахмистры и подхорунжие и раздавал кресты; собирая сходы, ободрял казаков и расспрашивал о местных настроениях и нуждах. Последние были весьма ощутительны. Прошения подавались целыми мешками. Семьи офицеров, не получавшие регулярно жалованья, бедствовали. Вдовы и сироты убитых на войне и инвалиды не получали пенсий. Сознание материальной необеспеченности воинов вызывало стремление их застраховать свое благосостояние из так называемой военной добычи, понятие, которое все расширялось в ущерб добрым нравам. Церкви, школы

и хаты, разоренные большевиками, за отсутствием средств не могли быть отремонтированы. Я роздал громадные средства по станицам из тех денег, которые были поднесены в мое личное распоряжение в различных городах. По окончании моего объезда станиц я донес Главнокомандующему и войсковому атаману о настроениях на местах и казачьих нуждах.

Вскоре была получена телеграмма, что сосредоточение моего корпуса закончено, но что я вызываюсь первоначально в Харьков на съезд командиров корпусов. Я выехал туда. В совещании участвовали командир 5-го конного корпуса[234] генерал Юзефович, Добровольческого — Кутепов, генерал Май-Маевский и я. Председательствовал генерал Деникин. Киев и Курск были уже взяты, но красные перешли в контрнаступление и взяли Купянск; их разъезды появились уже в 15 верстах от Харькова. Получив задание ликвидировать этот прорыв красных, я решил отрезать прорвавшуюся группу от главных сил и затем уничтожить ее по частям. Перейдя от Белгорода к востоку, я разбил у Корочи несколько дивизий красной пехоты, взял 8 орудий, массу пулеметов и до 7000 пленных. Все, что успело уже прорваться к югу, бросилось обратно; я разбил всю эту группу по частям.

Как раз в это время проходил знаменитый рейд генерала Мамонтова[235], и от него не было известий. Я просил о том, чтобы мне было разрешено пробиваться на соединение с корпусом Мамонтова для дальнейшего, по соединении, совместного рейда для освобождения Москвы; доказывал, что, овладев Москвой, мы вырвем сразу все управление из рук кремлевских самодержцев, распространим панику и нанесем столь сильный моральный удар большевизму, что повсеместно вспыхнут восстания населения и большевизм будет сметен в несколько дней. Донцы поддерживали мой план. Однако Врангель и Кутепов сильно восстали против него. Врангель вследствие своего непомерного честолюбия не мог перенести, чтобы кто-либо, кроме него, мог сыграть решающую роль в Гражданской войне. Кутепов же опасался, что его правый фланг вследствие моего ухода повиснет в воздухе и он будет отрезан от донцов.

Все эти опасения были напрасны, ибо красная пехота, сильно потрепанная и чувствовавшая себя обойденной, едва ли была способна к энергичным наступательным действиям. Красной же кавалерии, кроме корпуса Думенко, действовавшего в Царицынском направлении, почти еще не существовало, ибо Буденный только формировал ее в Поволжье. Однако Главнокомандующий не разрешил мне этого движения. Бывая в Ставке, я продолжал настаивать.

— Лавры Мамонтова не дают Вам спать, — сказал мне генерал Романовский. — Подождите, скоро все там будем. Теперь же вы откроете фронт армии и погубите все дело.

В разговоре с генерал-квартирмейстером Плющевским-Плющиком я сказал ему частным образом, что, невзирая на запрещение, на свой страх брошусь на Москву.

— Имей в виду, — предупредил он меня, — что возможность такого с твоей стороны шага уже обсуждалась и что в этом случае ты будешь немедленно объявлен государственным изменником и предан, даже в случае полного успеха, полевому суду.

Пришлось подчиниться, но если бы я не подчинился, тогда история России была бы написана иначе. Не хочется верить, но многие и многие говорили мне потом, что тут со стороны Главного командования проявилось известное недоверие к казачеству и нежелание, чтобы доминирующую роль в освобождении Москвы, — этого сердца России, — сыграли казачьи войска.

Глава 23

Движение по тылам красных. — Приказ взять Воронеж. — Соединение с Мамонтовым. — Атака красных. — Разрыв снаряда в доме священника в Коротояке, пожар, ранения. — Взятие Воронежа. — Некоторая деморализация среди казаков.

Мне было приказано повернуть к востоку и пройти по тылам красных войск, стоявших против Донской армии. Совершая это движение, я бил красных по частям; особенно крупных боев, кроме боя у Старого Оскола, не было. Однако в течение трех недель я взял 75 орудий, свыше 300 пулеметов и около 35 000 пленных.

Затем я получил приказ взять Воронеж. 6 сентября произошло столкновение моих разъездов с разъездами возвращавшегося из рейда Мамонтова, ибо казаки не узнали друг друга. Вскоре недоразумение разъяснилось, и 8 сентября наши корпуса соединились у Коротояка. Мамонтов вел за собою бесчисленные обозы с беженцами и добычей. Достаточно сказать, что я, едучи в автомобиле, в течение двух с половиной часов не мог обогнать их. Казаки Мамонтова сильно распустились, шли в беспорядке и, видимо, лишь стремились поскорее довезти до хат свою добычу. Она была, по-видимому, весьма богата; например, калмыки даже прыскали своих лошадей духами.

Мамонтов получил директиву перейти на левый берег Дона и овладеть Лисками, облегчая этим задачу донских генералов Коновалова[236] и Гуселыцикова[237], тщетно атаковавших эту важную узловую станцию. Мамонтов допустил крупную ошибку — он перевел на левый берег Дона не только свои войска, но и громадные обозы, имея в тылу у себя лишь единственный узкий мостик. Для охраны своего правого фланга он выставил лишь один конный полк. Вытянувшись в бесконечную колонну по низменному берегу Дона, люди Мамонтова двигались вниз по его течению. В это время значительные силы красных, занимавших командные высоты, окаймлявшие низменность, перешли в наступление и, сбив фланговый полк донцов, атаковали отряд во фланг. Обозы бросились в паническое бегство; паника передалась и строевым частям; на единственном мосту через Дон происходила невообразимая давка. Установив пулеметы, большевики стали обстреливать мост, нанося мамонтовцам потери и увеличивая смятение.

Как раз в это время с противоположного берега Дона

появился я во главе 1-й Кавказской дивизии. Бросив Волчий дивизион на мост в плети и в шашки, я расчистил его и прилегавшую к нему местность от беглецов и тотчас же перевел по нему через Дон два конных полка, которые наказом и показом устыдили донцов и перешли в контратаку; к ним присоединилась Донская дивизия Секретева[238]. Вскоре красные были сбиты с высот и прогнаны.

Однако тем временем произошла у Мамонтова и другая неудача: высланная по левому берегу, вниз по течению Дона, Тульская пехотная дивизия[239] — бывшая красная, перешедшая в Туле на сторону Мамонтова, — была внезапно атакована, прижата к реке и разбита, причем потеряла свыше 3000 пленными, всю артиллерию и пулеметы. Брошенные на выручку ее донские полки атаковали, в свою очередь, победителей, отняли артиллерию, часть пулеметов и отбили до 2000 пленных тульчан. Затем, приведя обозы в порядок, Мамонтов перевел их обратно на правый берег Дона Однако мои казаки успели-таки разбить брошенные повозки; многие щеголяли уже в новой одежде и даже в калошах.

Затем мы с Мамонтовым поехали в Коротояк и получили там директивы из штаба: ему опять двигаться на Лиски, а мне взять Воронеж. В Коротояке мы с Мамонтовым остановились в доме священника. Мамонтов со сломанной ногой лежал в кровати; я сидел возле него. Два наших личных адъютанта находились в этой же комнате; батюшка стоял в дверях; самовар приветливо кипел на столе. Вдруг раздался оглушительный грохот, блеснул свет, комната наполнилась пылью и дымом. Мамонтов был сброшен с кровати и потерял сознание. Ударившись с силой обо что-то, я также лишился чувств. Однако вскоре пришел в себя; чувствую, что жестоко болит нога. Дом горел, как свеча. Батюшка испускал стоны, искалеченный и с оторванной ногой; вскоре он умер. Оглушенные адъютанты стонали на полу. Прибежавшие ординарцы вынесли нас на двор. Оказалось, что тяжелый снаряд попал в дом, пробил крышу и разорвался в коридоре.

Лежа под навесом, мы постепенно приходили в себя. Вдруг раздался второй оглушительный разрыв. Снаряд попал прямо в группу людей и лошадей; многих перебил. Тогда нас вывезли за город, и к утру мы оправились совершенно. Однако вследствие ушиба ноги я не мог некоторое время влезать на коня и ездил в экипаже.

Решив в первую очередь атаковать Нижне-Девицк, я направил к нему 1-ю Кавказскую дивизию с запада, 1-ю Терскую — с юга. В бою под Нижне-Девицком 11 сентября была разбита почти целиком армия красных, состоявшая из 13-й, 14-й, 51-й, 54-й и

60-й пехотных[240] дивизий. Мы взяли свыше 7000 пленных, 20 орудий, много пулеметов и другой добычи. Затем, чтобы ввести красное командование в заблуждение, я повернул на север и пошел на Землянск, который взял с малой кровью, но и с малыми потерями. Разбитые там красные части бросились бежать к Воронежу.

Путь на Москву был теперь совершенно открыт для меня, но, раз решив не поддаваться своему стремлению к ней, я удержался и продолжал выполнение данной мне задачи. Стрелковая бригада вместе с приданным к ней Волжским полком была брошена в преследование отступавшей от Землянска к Воронежу группы красных. Я же с конницей пошел к деревне Гвоздевке на Дону, верстах в 35 от Воронежа, где намеревался переправиться через реку.

Во время моей Землянской операции Мамонтов успел взять Лиски. Донской корпус генерала Гуселыцикова двигался от Лисок к Воронежу и вел бои в 100 верстах к югу от него. Моя стрелковая бригада, преследовавшая красных, дошла до Дона, но, обнаружив железнодорожный мост взорванным, начала артиллерийский бой через реку с красным гарнизоном Воронежа. В ночь на 15 сентября, сосредоточив конницу у Гвоздевки, я приступил к наводке моста через Дон. Работа облегчалась тем, что в этом месте остались сваи от прежнего сожженного моста. Но материал для верхней его части приходилось привозить издалека.

Не дожидаясь окончания работы, я перебросил бригаду на противоположный берег по найденному броду и приказал ее начальнику расширить плацдарм перед мостом. Около трех часов дня 16 сентября мост был закончен, и артиллерия стала перебираться в свою очередь. В это время красные открыли сильную канонаду как по мосту, так и по деревне Гвоздевке.

Одним из удачно выпущенных ими снарядов, ударив прямо в группу моих «волков», находившихся на деревенской площади, убил 8 казаков и 12 лошадей. Как раз в это время я проезжал мимо на автомобиле с группой старших начальников. Нас выбросило из автомобиля. Я был контужен в голову и оглушен, так же как и начальник 1-й Терской дивизии — генерал Агоев. Начальнику 1-й Кавказской дивизии — генералу Губину разбило ухо; временно исполняющий должность начальника штаба корпуса полковник Татонов[241] был ранен в шею и спину. Отделались мы, в общем, довольно легко, однако меня и Агоева тошнило подряд два дня и были сильные головокружения.

Не дожидаясь подхода остальных полков, переправившиеся ранее два полка сунулись было атаковать Воронеж, но были отбиты. Город был сильно укреплен несколькими ярусами окопов

с густой проволочной сетью впереди. Четыре броневика курсировали по многочисленным железнодорожным путям; имелась и тяжелая артиллерия. Однако, видимо, дух защитников был не на высоте, ибо многочисленные составы, уходившие от Воронежа, свидетельствовали о начавшейся эвакуации города. 16 сентября я атаковал город. Несколько атак было отбито, и потери росли. В 2 часа дня Волчий дивизион, партизаны и Горско-Моздокский полк помчались в конную атаку. Когда они бешеным карьером подскакали к проволоке и стали рубить ее шашками, гарнизон окопов обратился в бегство; то же сделали и броневики. Вокзал был взят. Начался уличный бой с отступавшими отрядами красных. Они бежали в предместье города, взорвав за собою мосты через реку Воронеж. Наша артиллерия завязала с ними артиллерийский бой.

Пользуясь растерянностью красных, Стрелковая бригада в ночь на 17 сентября навела мост через Дон и на рассвете вместе с приданным к ней Волжским полком вторглась в город. Перепуганные красные бежали и из предместья. Мы стали хозяевами города, а главное — почти вся железнодорожная линия Воронеж — Лиски перешла в наше пользование[242].

В Воронеже нами было взято 13 000 пленных, 35 орудий, бесчисленные обозы и громадные склады, однако несколько пощипанные казаками, которые все щеголяли теперь в новых гимнастерках, сапогах и… калошах. Штаб красной 13-й армии сдался добровольно в плен (кроме командующего, недавно умершего). Временно командовавший армией, бывший начальник штаба ее, Генерального штаба капитан Тарасов дал чрезвычайно ценные показания. Он объяснил (и подтвердил это приказами), что все время нарочно подставлял под наши удары отдельные части красной 13-й армии; он сообщил также, что Буденный, закончив формирование Конармии, движется с нею с востока, имея задание разбить порознь меня и Мамонтова. Капитан Тарасов и его подчиненные были приняты на службу в Добрармию.

Население Воронежа, еще недавно претерпевшего жестокие репрессии от большевиков за восторженный прием, оказанный им проходившему через город Мамонтову, держало себя несколько выжидательно. Действительно, ужасна была работа Чрезвычаек. Из домов, подвалов и застенков все время вытаскивали все новые и новые, потрясающе изуродованные трупы жертв большевистских палачей. Горе людей, опознавших своих замученных близких, не поддается описанию. Захваченная целиком местная Чрезвычайная комиссия была изрублена пленившими ее казаками. Также пострадали и кое-кто из евреев,

подозревавшихся в близости к большевикам.

В народе ходили слухи о чудесах у раки Святого Митрофания Воронежского, совершавшихся при попытках большевиков кощунственно вскрыть святыню. Часовые красноармейцы неизменно сходили с ума; у дотрагивавшихся дораки отсыхали руки. Масса паломников стремилась к святыне.

Освобожденные офицеры, рабочие и даже крестьяне охотно записывались в Стрелковую бригаду, которую я стал разворачивать в дивизию[243]. 8 сентября я раздвинул верст на 30–40 пределы занятой мною зоны. Однако Гуселыциков так и не подошел к Воронежу. В городе уже начала ощущаться некоторая деморализация казаков. До них стали доходить с Кубани неясные слухи о разногласиях между кубанским народным представительством и Главным командованием.

— Мы воюем одни, — заявляли казаки. — Говорили нам, что вся Россия встанет, тогда мы отгоним большевиков, а вот мужики не идут; одни мы страдаем. Многие из нас уже побиты. Где новые корпуса, которые обещали? Все те же корниловцы, марковцы, дроздовцы, да мы, казаки.

— Вот Рада за нас заступается, да Деникин ее за то не жалует. Не можем мы одни одолеть всю красную нечисть. Скоро нас всех побьют; тогда опять большевики Кубань завоюют.

При объездах мною полков казаки часто задавали мне щекотливые вопросы. Что мог ответить им я, отрезанный почти три месяца от Кубани и не знавший сам, что там, в сущности, творится Казаки стали стремиться на родину под разными предлогами. Все, кто имел право быть эвакуированным по состоянию здоровья и кто раньше оставался добровольно в строю, теперь стремились осуществить свое право. Командиры полков были завалены ходатайствами об увольнении в отпуск. Некоторые казаки дезертировали, уводя с собой коней и приобретенную мародерством добычу. Иные собирались целыми группами и от моего имени требовали себе вагоны, а то и просто захватывали их силой. Из-за отсутствия надлежащего надзора на железных дорогах дезертиры проезжали безнаказанно до Кубани и Терека никем не тревожимые, и поселились в станицах, вызывая там зависть одностаничников, сыновья и братья которых продолжали рисковать жизнью на поле брани.

Численный состав корпуса стал стремительно уменьшаться и дошел в сентябре до 2500–3000 шашек[244]. Становилось ясным, что ввиду ослабления численности нашей конницы и ожидавшегося появления кавалерии Буденного нужно было или бросаться рейдом на Москву, чтобы уже затем привести в порядок подбодренную успехом армию и доколотить затем

обескураженные остатки Красной армии, или же, собрав в кулак всю наличную конницу, в том числе и донскую, бросить ее на Буденного и уничтожить его, прежде чем он успеет втянуть свои неопытные части в работу и сделается опасным для нас.

Однако мои донесения в этом смысле остались безрезультатными. Было больно смотреть на то, что творилось на местах. Всеобщий энтузиазм первых дней по освобождении края от большевиков, по прибытии добровольческой администрации и своры помещиков, спешивших с сердцами, полными мести, в свои разоренные имения, сменялся недоверием и даже ненавистью.

— Встречают нас по батюшке, провожают по матушке, — говорили некоторые добрармейцы.

Ввиду того что вступившие добровольно в войска разбегались по домам, разочаровавшись в часто меняющихся и неосуществляемых лозунгах Добрармии, она комплектовалась преимущественно пленными красноармейцами. Среди них попадались, конечно, убежденные противники большевизма, но громадное большинство состояло из людей, не имевших вообще никакого желания воевать или, тем менее, лечь костьми за чуждое им дело; поэтому они неизменно сдавались, лишь только положение становилось опасным. Победители, как белые, так и красные, щадили пленных из числа мобилизованных принудительно; вояки эти носили при себе документы, свидетельствовавшие, что они действительно мобилизованы, причем большинство из них имело справки, выданные и белыми, и красными.

Добровольческая армия одевала этих солдат в новое английское обмундирование, переходившее затем к красным вместе с их владельцами. Были ловкачи, умудрявшиеся по 3–4 раза послужить в каждой из враждебных армий, причем заботы об их многократном экипировании выпадали исключительно на Добрармию, ибо большевики свою пехоту не обмундировывали.

Глава 24

Слухи о приближении Буденного. — Взятие Мариуполя махновцами. — Нападение красных курсантов. — Военный совет в Харькове. — Оборона Воронежа. — Эвакуация государственных ценностей и банков. — Разрешение гражданской эвакуации. — Ряд боев с Буденным вокруг Воронежа. — Оставление Воронежа. — Ежедневные стычки с Буденным для воспрепятствования его переправе через Дон. — Превосходство его конницы. — Медленный отход к Касторной в постоянных стычках. — Отход от Касторной. — Отъезд мой в Харьков и Таганрог для лечения. — Доклады генералам Плющевскому-Плющику и Романовскому. — Награждение меня орденом Бани генералом Хольменом. — Ужин у меня в поезде с генералами Хольменом, Нлющевским и Романовским. — Разговор с Романовским.

Стали доноситься слухи о приближении Буденного с 15 000 конной армией, хорошо снабженной и имевшей превосходный конский состав. Как раз в это время вновь ожившие махновцы взяли Бердянск и Мариуполь, угрожали уже Таганрогу, где была Ставка. Там начался переполох, и я получил телеграфный приказ отослать 1-ю Терскую дивизию под Таганрог. Я запротестовал и заявил, что в этом случае буду вынужден очистить Воронеж. Командующий Донской армией генерал Сидорин, которому я был временно подчинен, вызвал меня к аппарату и просил держаться, обещая прислать вскоре к Воронежу и корпус Мамонтова. Я приготовился к обороне и придерживал терцев до подхода Мамонтова.

Однажды утром поступило сенсационное донесение о том, что в районе Усмань-Собакино терцы атакованы конницей Буденного, но опрокинули ее; оказалось, что это был… авангард корпуса Мамонтова. Недоразумение выяснилось опросом взятых в плен донцов; однако в это время терцы были действительно атакованы, и притом совершенно внезапно, красной конной частью. Это был полк красных петроградских юнкеров-курсантов в составе около 1000 шашек. Всадники сидели на отличных конях и были одеты в кожаные куртки, синие рейтузы с кантами и красные бескозырки с большевистской звездой. Их успех был недолговременным, ибо подошедшая Донская дивизия Секретева ударила курсантам прямо в тыл. Оправившиеся терцы тоже атаковали их. Опрокинутых и прижатых к реке курсантов,

несмотря на отчаянную оборону, изрубили поголовно.

Было большое ликование по поводу подхода Мамонтова. В Воронеже отслужили при громадном стечении публики торжественный молебен перед Митрофаниевским монастырем. Одна бригада Терской дивизии была отправлена под Таганрог. Мамонтов вскоре заболел и эвакуировался; я вступил в командование всей конной группой и получил приказ выделить две бригады донцов также под Таганрог. Вскоре я был вызван в штаб Добрармии в Харьков, на совещание под председательством генерала Деникина. Сдав временно командование генералу Губишу, я в своем поезде, поданном к Воронежу по исправленной дороге Воронеж — Лиски, в конце сентября выехал в Харьков; на совещание опоздал и прибыл в Харьков уже после отъезда Главнокомандующего. Совещание продолжалось под председательством Май-Маевского, с участием генералов Кутепова и Юзефовича. Генерал Сидорин по военным обстоятельствам не мог прибыть на совещание; мнение его по возникавшим вопросам запрашивалось вызовами по телеграфному аппарату.

Донское командование настаивало на том, чтобы я оставил Воронеж и прикрывал Лиски; в противном случае оно требовало обратно 4-й Донской мамонтовский корпус. Наоборот, Кутепов просил, чтобы я держал Воронеж и распространялся к западу, прикрывая его правый фланг; он говорил, что в случае отдачи Воронежа обнажится его правый фланг и он неудержимо покатится к югу, ибо уже теперь держится с крайним напряжением сил. Я доказывал, что обе задачи, если не будет покончено с Буденным, мне не по силам, и настаивал на необходимости немедленно собрать конницу в кулак для ликвидации конной армии Буденного.

Ввиду того что Май-Маевский в конце концов приказал мне именем Главкома оборонять Воронеж, а в случае невозможности отходить на запад, я, считая этот приказ невыполнимым для себя, подал в отставку. Однако Май-Маевский, отказавшись принять ее, переслал Главнокомандующему, который тоже отказал мне в отставке. Приходилось браться за исполнение задачи, в неосуществимости которой я был убежден. Положение мое еще осложнялось и тем, что я был во временном подчинении Донскому командованию, которое решительно противилось принятию полученного мною приказа.

На совещании я услышал кое-что о назревавших на Кубани событиях; о том, что Кубань включена в тыловой район Кавказской армии Врангеля[245] и что генерал Покровский назначен начальником ее тыла. Передавали, что генерал

Деникин, коснувшись вскользь вопроса о Кубани, сказал, что он решил со всем этим решительно покончить и нужно надеяться, что скоро на Кубани наступит полное успокоение.

В Харькове я получил телеграммы от Кубанского войскового атамана и от председателя Рады с просьбой приехать в Екатеринодар. Однако, ссылаясь на необходимость моего пребывания на фронте, Главнокомандующий отказался отпустить меня туда и телеграфно уведомил об этом атамана и председателя Рады. Я полагаю, что генерал Деникин опасался, что я стану на защиту Кубанской конституции и это вызовет излишние осложнения. В Воронеж я вернулся 2 октября, причем на участке Воронеж — Лиски мой поезд был обстрелян красной артиллерией. Когда затем он, переполненный ранеными, отправился обратно, то его атаковала уже и пехота. Поезд остановился. Легко раненные рассыпались в цепь и отбили атакующих, понеся при этом потери от пулеметного огня противника. По проходе поезда небольшой железнодорожный мост был взорван красными, но затем вновь исправлен нами.

В Воронеже было неспокойно. Напуганное слухами о подходе Буденного, население волновалось и с трепетом ждало событий. Я распорядился начать немедленную эвакуацию государственных ценностей и банков. Ввиду участившихся нападений на линию железной дороги товаро-пассажирское движение по ней пришлось прекратить. Ходили лишь одни броневые поезда. 4 октября я разрешил эвакуацию города для гражданского населения, которое пожелало бы его оставить. Громадные обозы беженцев потянулись на Нижне-Девицк, Новый Оскол и Касторную. Донские полки уже имели несколько столкновений с передовыми частями Буденного, неудачные для них. Это вселило в них излишнюю осторожность к нему, и дух их несколько упал.

Внезапно Донское командование потребовало, чтобы я перешел в наступление и разбил Буденного. Это было совершенно непосильно для меня. Что мог сделать я с моими 5000 шашек против 15 000 свежей конницы Буденного? Отказавшись категорически от выполнения этого приказа, я решил обороняться. Приказал построить на случай отступления три моста через Дон против Воронежа, у деревни Гвоздевки; Стрелковую дивизию поставил гарнизоном в Воронеже; донцов решил держать в соприкосновении с противником, но не далее полуперехода от города, а Кавказскую и еще оставшуюся у меня бригаду терцев[246] иметь в качестве общего подвижного резерва.

Продовольственный вопрос был у меня поставлен хорошо, ибо я приказал выдавать крестьянам мануфактуру и калоши из отнятых у большевиков складов в обмен на хлеб, продовольствие

и фураж. Лишь позже, когда вокруг города разгорелись оживленные боевые действия, подвоз продуктов и фуража несколько уменьшился. Рабочие Воронежа также относились к нам хорошо — всякого рода заказы, починка вооружения и броневиков производились ими быстро и аккуратно; многие из них поступили к нам добровольцами.

4 октября была нащупана дивизия Буденного, девятиполкового состава, в районе Усмань-Собакина. Я решил атаковать ее внезапно и уничтожить. Терцы, отправка которых к Таганрогу была назначена на 6 октября, должны были атаковать от деревни Усмань-Собакино, кавказцы — от деревни Графской. Донцы дивизии Серетева тоже подходили к этому району. 5 октября чуть свет терцы атаковали на биваке один из полков красной дивизии, порубили и разогнали всадников, забрав до 400 коней и пулеметы.

В это время появилось 2–3 конных полка, шедших на рысях к месту боя. Терцы полагали, что это донцы, но оказалось, что красные. Подойдя версты на полторы, они помчались в атаку. Опешившие терцы бросились наутек, не приняв удара. Кавказская дивизия, в свою очередь, ударила во фланг красных и спасла терцев от поражения, дав им оправиться. Обе стороны спешились; завязался длительный и безрезультатный огневой бой. К вечеру терцы были выведены из боя и ушли под Таганрог, унося с собой впечатление, что в лице кавалерии Буденного вошел в игру новый и серьезный противник.

Начался ряд боев вокруг Воронежа с инициативой на стороне Буденного. Вначале он обнаружил достаточную безграмотность — атаковал меня одновременно во многих пунктах малыми отрядами. Уступая ему охотно эти пункты, я обрушивался затем превосходными силами своего резерва на небольшие отряды и уничтожал их. Быть может, Буденный слышал что-либо об аналогичном методе, применявшемся Наполеоном, но, видимо, не усвоил его сущность. В этих боях мне удалось разбить до двух бригад красной конницы и взять трофеи. Однако Буденный, поняв на опыте невыгодность своей тактики, изменил ее и не рисковал впоследствии распылять свои силы и действовать без резервов.

Конница его состояла преимущественно из изгнанных из своих станиц за причастность к большевизму донских, кубанских и терских казаков, стремившихся обратно в станицы, и из иногородних этих областей. Всадники были хорошо обучены, обмундированы и сидели на хороших, большей частью угнанных с Дона конях. Красная кавалерия боялась и избегала принятия конных атак. Однако она была упорна в преследовании уходящего противника, но быстро охлаждалась, натолкнувшись на

сопротивление.

Я мог бы еще долго держаться в Воронеже, но вскоре Лиски, а затем и Усмань-Собакино были взяты красными. Я мог оказаться отрезанным и окруженным в Воронеже с перспективой пробиваться на сотню верст через подавляющие конные массы противника. Ввиду этого в ночь с 10 на 11 октября я очистил Воронеж и перешел за Дон. Получивший несколько хороших «уроков», Буденный не решался в течение всего дня 11 октября занять город, охраняемый лишь постами и малочисленными разъездами. Лишь поздно вечером вступили в город его авангарды. Мои посты отошли, в свою очередь, за реку, уничтожив мосты.

Задача моя теперь состояла в том, чтобы не пропустить Буденного через Дон или, во всяком случае, возможно долее препятствовать его распространению на правом берегу Дона. Я полагал, что Буденный поставит себе задачей смести меня, а затем, направляясь на Харьков, обойти правое крыло Добрармии, стоявшей у Курска. Удар по донцам был менее вероятным, ибо Добрармия вследствие своего выдвинутого вперед положения сильнее угрожала большевикам: с другой же стороны, она была гораздо сильнее морально, чем посредственные и вялые донские части.

Во время моего пребывания в Воронеже состоялся ряд митингов, на которых рабочие высказывались за необходимость активно помогать мне. В последний момент, когда Воронеж уже обстреливался красной артиллерией, прямо на митинге, на котором выступил мой офицер, есаул Соколов, явился ко мне отряд рабочих-железнодорожников в составе около 600 человек. Я вышел и обратился к рабочим с горячей благодарностью. В это время прилетевший откуда-то снаряд с треском разорвался в воздухе. Перепуганные и непривыкшие к таким вещам рабочие шарахнулись в разные стороны; некоторые со страху попадали на землю. Стоявший близ меня рабочий был ранен и упал, обливаясь кровью.

— Поздравляю вас с боевым крещением! — крикнул я, ободряя рабочих.

Они оправились и, не заходя даже домой, с песнями двинулись из города. Эти рабочие были влиты в 1-й стрелковый батальон под командой полковника Рутсона[247], позже, по просьбе людей, переименованный в Волчий ударный батальон. Рабочие сделались хорошими солдатами и далеко превосходили своей доблестью многих казаков в боях.

Ударили большие морозы. Казаки и особенно стрелки были плохо экипированы; не было перчаток; обувь находилась в

жалком виде. Участились случаи отмораживания конечностей и простудные заболевания. Одновременно усилилась эпидемия тифа. Ряды наши стали быстро таять.

Под влиянием слухов о политической грозе, разыгравшейся на Кубани, деморализация Кавказской дивизии все усиливалась. Ежедневно поступали донесения командиров полков о том, что казаки дезертируют. Пополнения с Кубани не доходили до меня, разбегаясь по пути, или же, пользуясь отсутствием администрации в тылу, формировались в шайки, грабившие население и сеявшие в нем ненависть к войскам. Появилось и новое зло — отсутствие подков для перековки коней. Во время гололедицы наши кони могли идти лишь шагом, в то время как кованные на зимние подковы кони кавалерии Буденного развивали любой аллюр. Его отряды свободно уходили от нашего преследования; казаки же при каждой неудаче чувствовали у себя на плечах врубившегося в тыл противника. Это не могло не размагничивать настроения людей.

Для воспрепятствования Буденному переправиться через Дон я наблюдал постами реку верст на 25 вверх и вниз по течению. Посты были связаны телефонами с резервом, а в наиболее важных пунктах поставлены стрелковые батальоны. Ежедневно происходили стычки, сопровождавшиеся уничтожением переправляющихся то здесь, то там небольших групп противника.

Около 17 октября севернее селения Гроздевки, а также в районе Речицы Буденный, собрав ударные группы с сильной артиллерией, сбил мои отряды и перебросил по бригаде конницы, под прикрытием которой навел мосты; вскоре на каждом из моих флангов появилось по дивизии конницы, подкрепленной пехотой. Возникала возможность быть окруженным, ибо против трех конных дивизий Буденного (4-я, 6-я и Кубанская красные) у меня было лишь 2500 шашек и 2000 штыков. Нужно учесть, что красные конные дивизии состояли каждая из трех полковых бригад. Полки были сильные, по 700–800 шашек.

Буденный превосходил меня конницей почти вдесятеро. Пехота его состояла из одной дивизии девятиполкового состава. Полки, правда, были слабые, не более 600 штыков в каждом. Неважно экипированные и изрядно потрепанные нами во многих боях, они не обнаруживали большего порыва.

Донское командование требовало, чтобы я отступил на соединение с Донской армией, а Май-Маевский — чтобы я шел на Касторную, прикрыв таким образом правый фланг Добрармии. В случае несогласия с его планом, Сидорин опять грозил отобрать у меня донские части. С чем же я бы остался? С 600 шашек Кавказской дивизии.

В конце концов Главнокомандующий приказал мне идти на Касторную, с сохранением у меня 4-го Донского корпуса. Тем временем Курск был уже сдан добровольцами, и они отходили на юг. Мне необходимо было отходить возможно медленнее, дабы не вывести Буденного во фланг и тыл нашей армии. Тут я побил рекорд медленности отхода — 80 верст от Воронежа до Касторной при страшном неравенстве сил я прошел в три недели.

В исполнении этой трудной задачи мне очень помогли присланные два бронепоезда — «Слава Офицеру»[248] и «Генерал Дроздовский»[249], выезжавшие вперед и громившие красную конницу, как только она смелела. Особенно геройски действовал броневик «Слава Офицеру», который ворвался на одну из станций, занятую уже красными, взял батарею в полной упряжке. Офицеры его команды сели на коней в качестве ездовых и привели к нам эту батарею, следуя за поездом.

Всю свою пехоту[250] я соединил под командой доблестного генерала Постовского[251], участника Мамонтовских рейдов. После того, как красная пехота была расстроена в трех боях, она действовала очень нерешительно и пряталась за свою конницу. В Касторной, к которой я подошел в конце октября и занял позицию, ко мне прибыл небольшой, — около 600 штыков, — но сильный духом и стойкий Марковский полк[252]. Подвезли 3 танка — 1 большой и 2 малых[253], а также походные кухни. От танков мне, однако, было мало проку, ибо они вечно ремонтировались и портились после каждого своего выхода в поле.

Буденный заботливо берег свой конский состав. После 2–3 дней действий на фронте он отводил части в резерв, заменяя их свежими или пехотой. Я же вследствие ограниченности моих сил а также из-за того, что инициатива находилась в руках противника, вынужден был всегда держать свою конницу в первой линии, обнаруживая и утомляя и без того уже измученных казаков и калеча свой конский состав. Продержавшись с неделю у Касторной, я вынужден был отойти от нее, ибо вследствие отступления добровольческих частей, соприкасавшихся с моей группой своим правым флангом, рисковал быть обойденным Буденным.

Ушибленная в Коротояке нога, во время взрыва в доме священника, продолжала у меня болеть. Отсутствие надлежащего лечения и постоянная подвижность походной жизни не могли способствовать выздоровлению. Нога разболелась так сильно, что я хромал и не мог ездить верхом, а ездил в коляске. Позже я уже почти не мог ходить, причем боли становились мучительными, особенно во время холодов. Поэтому я послал ряд телеграмм с

просьбой заменить меня временно кем-либо и дать мне возможность отдохнуть и полечиться.

Около 9 ноября приехавший командир 2-го конного корпуса[254] генерал Науменко сменил меня; я выехал в Харьков. Науменко рассказал мне о расправе Врангеля и Покровского с Кубанской Радой, о казни Калабухова и высылке членов Рады (самостийников) за границу.

В Харькове я побывал в штабе Май-Маевского, но самого командующего Добрармией не застал, ибо он выехал в это время куда-то на фронт. Из Харькова я поехал в Таганрог для того, чтобы в штабе Главнокомандующего сделать доклад о создавшейся на моем участке фронта обстановке. В Таганрог приехал 15 ноября и сделал доклад генерал-квартирмейстеру Плющевскому-Плющику и начальнику штаба генералу Романовскому. Старался их убедить в том, что конная армия Буденного представляет для нас неотвратимую опасность; доказывал необходимость, не теряя времени, напрячь все усилия, чтобы покончить с ним, хотя бы для этого пришлось отвлечь силы с других участков фронта и отдать вследствие этого территорию даже до Ростова.

Генерал Романовский не разделял, однако, моего пессимизма и полагал, что концентрирующаяся теперь конная ударная группа генерала Улагая, достигающая 10 000 шашек, разобьет Буденного. В состав этой группы должен был войти 4-й Донской конный корпус Мамонтова, 2-й конный Кубанский корпус Науменко и мой 3-й конный корпус, пополненный обратным возвращением закончившей свою задачу под Таганрогом 1-й Терской дивизией. Я оспаривал мнение Романовского, доказывая ему, что эта конная группа не может справиться с Буденным, даже если бы она и состояла из 10 000 шашек; что цифра 10 000 сильно преувеличена, ибо донцы и моя Кавказская дивизия, страшно измученные и ослабленные боями и дезертирством, далеко не достигают указанных им цифр; что корпус Науменко отнюдь не состоит из 4000 шашек, как он говорит, а лишь из 1200 человек, притом недостаточно сплоченных и уже потерявших дух, ибо сборный пункт корпуса, назначенный у Старого Оскола, был выбран слишком близко к фронту и вновь прибывавшие контингента, едва высадившись из поездов, подвергались ударам красной конницы; что остальные казачьи пополнения рассеивались, не доезжая до станции Тихорецкой, под влиянием встречных дезертиров и самостийников, что пополнения донцов прибывают без винтовок и седел и разбегаются от одиночных разъездов красных. Я жаловался на жалкую экипировку и обувь людей и неподкованность конского состава; указывал также

генералу Романовскому на неудобство, могущее возникнуть вследствие подчинения заслуженного и знаменитого генерала Мамонтова молодому и сравнительно малоизвестному генералу Улагаю — неудобство тем более ощутительное, что главная масса конной группы должна была составиться из донцов, Улагай же был кубанец; я доказывал необходимость, не теряя времени, приступить к спешному формированию новых конных частей на северной окраине Кубани, причем брался выполнить эту задачу, но при условии немедленного примирения Главкома с народным представительством Кубани. Все мои доводы были тщетны. Ставка осталась при своем оптимизме, будучи уверенной даже в том, что мы отстоим Харьков. Я был приглашен на обед генералом Деникиным и убедился, что он разделяет мнение своего штаба. Во время моего пребывания в Таганроге ко мне заехал начальник английской военной миссии генерал Хольмен и просил меня прибыть в миссию для вручения мне ордена Бани, пожалованного Его Величеством английским Королем. Сговорившись и назначив подходящее для этой церемонии время я, в свою очередь, пригласил генерала Хольмена на ужин ко мне в поезд. Пригласил также генералов Романовского и Плющевского. Во время ужина играл известный скрипач, украшение петербургского «Аквариума» и любимец публики Жан Гулеско. По его просьбе я вывез его вместе с семьей из Харькова в своем поезде.

Жан Гулеско играл русские, родные, хватавшие за сердце песни. Мы все как-то размягчились; беседа наша стала задушевной и простой. Я разговорился с Романовским, которому сильно взгрустнулось. Разговор наш коснулся, между прочим, нелюбви к нему, которая ощущалась в армии.

— Главнокомандующий одинок, — сказал мне Иван Павлович. — Со всех сторон сыплются на него обвинения. Обвиняют его даже те, которые своим неразумием или недобросовестностью губят наше дело, — ведь таких много. Все партии стремятся сделать из него орудие своих целей. Бесконечно тяжел его жребий. Но я не покину его; пусть обвиняют меня в чем угодно, я не стану защищаться; буду счастлив, если мне удастся принять на себя хоть часть ударов, сыплющихся на него. В этом я вижу свою историческую задачу. Но тяжело, ох, как тяжело быть таким щитом. Чувствую, что паду под тяжестью этого креста, но утешаю себя мыслью, что сознательно и честно исполнил до конца свое назначение.

Он не удержался от слез и замолчал. Я знал, что этот умный, сдержанный и скромный человек говорит правду, ту правду, которую не высказал бы в другой обстановке. Я знал, что ему не

свойственно ни хвастовство, ни желание порисоваться. Именно такова была роль этого большого и честного русского патриота, столь несправедливо и беспощадно затравленного презренными честолюбцами, поперек дороги коих он стал. Когда он пал впоследствии, сраженный из-за угла пулей убийц, бессознательно творивших дело высокопоставленных заговорщиков и реакционеров, я вспоминал не раз тот вечер; изнемогавший и чувствовавший уже за своей спиной подстерегавших его убийц, он тогда вспоминал попранную Родину и оплакивал свою мученическую долю.

Покойся же в мире, незабвенный и честный Иван Павлович! Нелицеприятная история воздаст тебе должное и заклеймит позором виновников твоей мученической кончины.

На другой день, в указанное время, я прибыл в английскую военную миссию и был встречен там британским почетным караулом. Генерал Хольмен обратился ко мне с речью:

— Этот высокий орден жалуется вам Его Величеством, — сказал он мне, возлагая на меня орден, — за ваши заслуги в борьбе с большевизмом как с мировым злом.

Взволнованный, я ответил кратким словом благодарности за то, что моя работа оценена. Состоявший при миссии полковник Звягинцев[255] переводил мои слова на английский язык. Были выстроены вдоль стен все наличные в миссии английские офицеры. Присутствовавшие горячо меня поздравляли.

Чрезвычайно тронутый вниманием и высокой оценкой моей деятельности английским королем, я решил никогда не расставаться с этим орденом…

Приложения

I
Скобцев Д. Партизан Шкуро и его отряд*

Этот рассказ осенью 1946 г. в Париже передал полковнику Ф. Елисееву Даниил Ермолаевич Скобцев, казак станицы Урунской, бывший представитель Кубанского Краевого правительства, с предложением включить его в готовившуюся тогда Елисеевым работу «На берегах Кубани. 1918 год». Как отмечал Ф. Елисеев, «этот очерк Д.Е. Скобцева настолько интересный, обстоятельный и беспристрастный в описании отряда и в особенности личности его начальника, полковника Андрея Григорьевича Шкуро, что является очень ценным вкладом в историю нашего Кубанского войска тех героических и жутких годов Гражданской войны».

На заседании Кубанской Краевой Рады на станции Тихорецкая 5 июля 1918 г. появился молодой партизан Шкуро. С его именем пришлось познакомиться раньше.

Еще в ноябре 1917 г., когда вновь поставленное Кубанское Краевое Правительство приступило к своей деятельности, на его рассмотрение поступило несколько прошений «О перемене фамилий». Среди них была просьба войскового старшины Шкура изменить свою фамилию на «Шкуринский». Правительство удовлетворило эту просьбу.

Шкура-Шкуринский характеризовался при этом как веселый и бесшабашный офицер, но талантливый и удачный партизан, умевший создавать вокруг себя соответствующее окружение из казаков. Был не прочь при этом и соригинальничать: набрал при развале армии казаков-«волков». Теперь перед нами предстала, вопреки создавшемуся заочному положению, миниатюрная фигурка казачьего офицера с нервно подергивающимся лицом, с насмешливою кривой улыбкой. Чин у него полковник, а говорили, что он только войсковой старшина.

Самовольное проскакивание через чины было в обиходе того времени, когда утерялось следящее начальническое око.

Извещение Правительства о согласии на перемену его фамилии к нему, по-видимому, не дошло, но он уже успел усвоить другое имя — не Шкура и не Шкуринский, а Шкуро. Он почитал это более благозвучным.

Председательствующий в Раде Рябовол, давая ему слово для доклада, провозгласил: «Слово предоставляется полковнику Шкуранскому».

Доклад Шкуранского был очень краткий, но очень красочно изображал деятельность самого вождя, его движение. Рада

выслушала доклад полковника Шкуранского внимательно. Один делегат Майкопского отдела предложил даже поощрить его производством в генералы. Это предложение сочувствия не встретило, но состоялось постановление: командировать в отряд, к месту его нахождения в Ставропольской губернии, одного из членов Правительства и одного члена Рады. Выбор пал на меня и члена Рады от Баталпашинского отдела Усачева.

Нашей задачей было: 1. Ознакомиться на месте с состоянием отряда и его настроением. 2. Со своей стороны — ознакомить его со взглядами Кубанского Правительства и Рады на сущность противобольшевистской борьбы, на организацию и состояние противобольшевистских сил. 3. Поддержать и всячески поощрять настроение отряда.

По железной дороге мы доехали до станции Песчанокопской, а оттуда на автомобиле до села Медвежье и в село Ладожская Балка, где должен был находиться в то время отряд Шкуро.

К вечеру мы подъехали к селу Ладожская Балка. Шкуро с нами не поехал, а выехал в Кавказскую, только что занятую дивизией генерала Боровского.

За селением, расположив повозки несколькими рядами, сконцентрировав их, стояли табором шкуринцы, как в былые времена запорожцы. Штаб отряда помещался в этом богатом селе у зажиточного купца. Начальником штаба отряда был полковник Слащов (тогда он имел псевдоним «полковник Яшин» от своего имени Яков), и несколько офицеров составляли весь этот штаб. Они встретили нас с интересом, но осторожно: кто мы и зачем приехали-пожаловали?

Пока мы принимались за предложенную нам чашку чая, Слащов удалился с есаулом Мельниковым, возвратившимся от Шкуро с нами, для заслушивания его доклада.

Возвратясь, Слащов спокойно, деловито возобновляет разговор на тему: как организована Кубанская войсковая власть, какие взаимоотношения с командованием Добровольческой армии и пр. Он тут же дает краткую информацию о своем отряде.

Отряд, почти весь без исключения, состоит из кубанских казаков. Он переносит много невзгод, но бодрости не теряет. Все у Слащова складно и деловито. Он офицер Генерального штаба, выпуска из академии 1912 г.

Генералу Уварову, который прибыл с нами, в меру обнаружил уважение, но дал ясно понять, что в отряде, впредь до возвращения полковника Шкуро, он, полковник Слащов, есть главный начальник отряда и полномочия генерала Уварова, как назначенного губернатором, начнутся с занятием главного города губернии — Ставрополя. Нам же он, Слащов, обещал свое

содействие по взаимному ознакомлению с казаками, когда все будем в Ставрополе. А пока что — сделаем остальную часть похода совместно.

Вступление в Ставрополь

От начальника отряда, полковника Шкуро, оказывается, Слащов получил директиву, доставленную сюда вместе с нами через есаула Мельникова: «Немедленно двинуться и взять Ставрополь».

Часов в 6 вечера был отдан приказ о наступлении, и часам к 8 подводы вытянулись в длинную ленту до следующей перепряжки. Ночной привал делали в попутном селе, кажется, Птичье. Весь штаб и мы — все спали в одной комнате, на полу. Постепенно знакомились с людьми отряда.

С рассветом двинулись дальше. Спустились в открытую и ровную низину. Весь отряд перед глазами. С нами, со штабом, идут главные силы. В сторону от нас, с полверсты, гарцует сотни полторы казаков бригады подъесаула Солоцкого. Сил, вообще говоря, немного, но отдельные части отрдца носят громкие названия: бригада, полки и так далее. В отряде не было ни одной пушки, но все же одиноко трусился на лошади полковник Сейделер, именуемый «начальником артиллерии».

Главные силы, пластуны, на подводах, конница на лошадях. Собственно говоря, точного распределения казаков на пластунов и конницу не было. Достав лошадь, казак с удовольствием садился в седло, предпочитая быть в коннице. А в общем — как казаки выехали из дома, так и ездят теперь по степям Ставрополья на собственных лошадях и в собственном одеянии. Тот, кто сумел отбить у большевиков винтовку, был счастлив. У некоторых казаков были лишь берданки или охотничьи ружья.

В общей сложности боевых сил было:

1. Бригада пластунов, около 1000 казаков и
2. Дивизия конницы, около 2000–2500 человек.

Отдельные персонажи

Неподалеку гарцевал на недурной лошади всадник. Грязная-грязная рубаха, разорванная сверху донизу и связанная внизу узлом. Изодранные шаровары. На босу ногу чевяки.

Все вооружение у него — сбоку шашка. В прорехи просвечивает голое тело — грязное, обветрившееся. Лицо

загорелое. Как из меди вылитый человек.

Другой — это сотник Брянцев. По общим отзывам — очень хороший офицер. Сейчас его внешность — типичная для крачаевцев: конусообразная бурая войлочная шляпа; черкеска вся в заплатах; на ногах самодельные, из сырой кожи чевяки — постолы без подошв. И это — обыкновенная картина всех.

Подходим к большому селу Московскому. Движемся поза околицей. В сторону дворов высылается лава комендантской сотни. Никому не позволяется входить в село. Когда приходим на церковную площадь и располагаемся табором, Слащов направляется к сельским властям с просьбой — доставить продовольствия его отряду на время привала. Власти выполняют эту просьбу, и все выходит, как говорят, чинно и благородно. Такой порядок произвел на нас благоприятное впечатление.

С именем Шкуро связано очень много рассказов о легкомысленном отношении к чужой собственности не только близких к нему людей, но даже и его самого. Не могу утверждать, было это или нет, в особенности потом, в зените его славы, но в описываемый момент мое впечатление вполне благоприятно, как в отношении руководства отрядом, так и в отношении его рядовой массы. Сильно бедствовали сами, но населения не обижали.

Шкуро, отправляясь в Тихорецкую, послал красным комиссарам Ставрополя ультиматум: «очистить город, иначе он подвергнет его бомбардировке тяжелой артиллерией», которой у него не было, даже и горной. Угроза была сплошной «партизанщиной», но она была сделана и были назначены сроки, когда должно быть произведено очищение города от красных войск. Эти сроки приблизились, и теперь отряд шел занимать город. Когда солнце склонялось к западу, мы двинулись из селения Московского по направлению к Ставрополю. Комиссары испугались «тени партизан»… В лунный вечер, в ночь на 8 июля 1918 г., мы приблизились к Ставрополю и остановились на господствующей над городом возвышенности. Мы оказались более счастливыми, чем Наполеон на Поклонной горе под Москвою в 1812 г. Здесь нас уже поджидала депутация от города. Полковник Слащов, действовавший именем Шкуро, принял представителей, поблагодарил их и предложил всем им возвратиться к пославшему их населению и оставаться спокойными. Здесь губернатор, генерал Уваров, выступил на сцену и в автомобиле с небольшой охраной отправился в город принимать приветствия восторженного населения.

Гипноз имени

На странные умозаключения приводят явления Гражданской войны. Существует очень распространенное мнение о так называемом «обаянии личности отдельных людей».

В Гражданской войне приходилось наблюдать особый «гипноз имени», и этим часто хочется объяснять особую удачливость отдельных носителей его.

К таким именам нужно отнести и имя Андрея Григорьевича Шкуро. Как будто не зря он занимался с такой настойчивостью звуковой стороной своей фамилии — Шкура… Шкуранский… Шкуро…

При начале знакомства со Шкуро вам прежде всего бросается в глаза его миниатюрность, подвижность, непосредственность и, говоря правду, незначительность внешняя. Между тем заочно, при часто повторяемом имени, у вас создается представление о строгом карателе противника, неумолимом мстителе за обиду, жестоком и беспощадном преследователе — партизане Шкуро.

Я не берусь утверждать, что все, что я сейчас приведу, абсолютно верно, но в штабе Шкуро утверждали, отнюдь без желания поставить это себе или своему вождю в заслугу, следующее: за весь довольно длинный и обильный всяческими осложнениями поход отряда Шкуро по Ставропольской губернии и северной части Кубани только один раз назначенный военно-полевой суд приговорил подсудимого к высшей мере наказания — к смертной казни. И это был комиссар Петров, бывший местный штабс-капитан, прославившийся жестокостью.

Он бежал из Ставрополя на автомобиле, с деньгами и пулеметами. В селе Кугульта его и четырех его спутников захватила авангардная сотня. Был назначен суд, председателем коего был офицер отряда, юрист по образованию, а членами — выборные казаки-старики от каждого полка. Этот суд приговорил Петрова и всех, кто был с ним, к смертной казни. Считая, что такое наказание по отношению к спутникам Петрова слишком сурово, Шкуро приговор не утвердил, а перенес дело на решение всего отряда. И вообще — как подписать смертный приговор? На каком основании? Громада отряда здесь — Верховная власть. Пусть она и решает.

Сначала Шкуро удалось доказать невинность бывшего при Петрове шофера и его помощника, и их отпустили на все четыре стороны. По отношению к остальным трем подсудимым из рядов отряда слышались крики: «Смерть! Смерть!»

После этого Шкуро утвердил смертный приговор Петрову, а двум его приближенным высшую меру наказания заменил поркою. Отряд с таким мнением согласился. Их выпороли и отпустили. Петров же перед смертью просил, чтобы его тело было

отправлено матери, что и было выполнено. Все это было в селе Константиновском.

Прокламации Шкуро

Шкуро дрался будто бы со встретившейся организованной воинской частью красных, а с мирными жителями обращался хорошо: «Не трогайте меня — и я вас не трону».

Кормиться отряду надо. Население — давай продовольствие. Иногда отпущенное крестьянами продовольствие и фураж оплачивались, если касса отряда не была пуста, если при предыдущей стычке с красными в нее что-то попало. В противном случае — кормились за русское спасибо и выдавали квитанции с обязательством уплатить по соединении с Кубанским Войсковым правительством. Население в то время было приучено ко всяким насилиям, и все то, что описано, воспринималось не как «недопустимое», а лишь как «неизбежное». «Хорошо, что хоть честью просят», — говорили крестьяне.

«Мы не боремся с советской властью, но мы объявляем войну лишь комиссарам-насильникам»… Приблизительно такими словами формулировал основную идею борьбы Шкуро от имени отряда в специально выпущенной им прокламации. Я читал ее. Напечатана она была на машинке. Краткий текст совсем не обнаруживал у составителей способности «глаголом жечь сердца людей». Все выражено по-будничному.

На прокламации собственноручная подпись самого начальника отрада, с маленьким «завитком» у конечной буквы «о», как будто бы подписавшийся все еще колебался — поставить ли в конце фамилии наследственную букву «а» (Шкура) или благоприобретенное «о» (Шкуро).

В Ставрополе

Штаб отряда расположился в здании гимназии (на верхнем базаре). Избавление от большевистской дьявольской власти Ставрополь собрался праздновать на площади перед духовной семинарией по традиции всенародным благодарственным молебном.

Середина лета, июль месяц, а чин служения — Пасхальный: архиерей и все духовенство — в светлых ризах. Все началось прочувствованным словом епископа и троекратным возгласом, даже исступленным:

«Христос Воскресе, сестры и братья!»

«Воистину Воскресе!» — отвечает толпа.

Нервы не выдерживают. Все кругом рыдают. Посмотрел я искоса на рядом стоящего главного виновника торжества, «сурового Шкуро», а он, что называется — «не река рекой разливается! — слезы у него в три ручья, и он не пытается скрывать это. Фигурка же его, Шкуро, — беспомощная и слабая.

Большевики, по крылатому слову своего высокого шефа, Льва Троцкого, уходя из города, сильно «хлопнули дверью»… На задах бывшего Ставропольского казачьего юнкерского училища, закрытого в 1896 г., произведена была гекатомба ставропольского офицерства и другой интеллигенции, расстрелянных красными. Вот почему-то и рыдает весь народ на богослужении.

В тот же день Шкуро устроил парад своим войскам. Трубили нещадно трубачи, и полк за полком проходили мимо нас. Хриповатый голос Шкуро выкрикивал:

— Спасибо за сверхдоблестную службу!.. Спасибо, богатыри!..

Казаки-старики вне строя, за теснотою толпы, давали волю восторгу:

— Отец наш!..

Позже генерал Шкуро растворился в овациях толпы, взбаламученной развратом Гражданской войны. Пройдохи и проходимцы будут курить ему фимиам.

При других условиях, быть может, лучше бы сохранился человек и по другому руслу потекла бы его жизнь.

Когда господа офицеры пообчистились немного, был устроен торжественный завтрак — Шкуро, Слащов и все офицеры отряда, кто не был на позициях, и мы — члены Рады.

В то время как в основной массе отряда, в рядовом казачестве, было очень много людей пожилых и стариков, состав офицеров, наоборот, был преимущественно молодым.

Перед завтраком, пока не подошли все, для занятости разговора Шкуро давал советы офицерской молодежи, как обращаться с местными дамами. Советы были пикантные…

За завтраком, вопреки ожиданию, Шкуро почти ничего не пил. Офицеры отряда пили, но умеренно.

Я не могу думать, что такая воздержанность была устроена в нашу честь. По общему тону обращения, нас воспринимали как приезжих, но не особенно важных гостей. Среди молодежи было много наивных, хороших лиц. Весь поход, весь подвиг, который они совершили, для них дело обычное и неизбежное.

Мрак безвременья для многих лиц в отряде должен был представляться во много крат беспросветнее, чем, скажем, в той же Добровольческой армии. Рядовое офицерство там имело во

главе вождей с всероссийскими именами. Представление об их влиянии, об их значении могло давать надежду на торг жество поднятого знамени. Здесь же рядовое офицерство волей-неволей в минуты сомнений могло находить утешение лишь в общем сознании правоты своего дела и в вере, что правда эта в конце концов восторжествует.

Складывалась особая конституция отряда: офицеры, сам начальник отряда в боях командовали, держали боевую дисциплину, вели все боевые учеты. Но к моменту решения всех дел общего характера призывался к участию весь народ отряда и старики.

К старикам Шкуро, по его собственному признанию, обращался довольно часто.

— Как, господа старики? — спрашивал он. И старики высказывались. К их авторитету Шкуро обращался для сдерживания массы отряда от грабежей, насилий и прочего.

Сложные чувства владели мною, когда пришлось сидеть за общей трапезой с офицерами отряда. Лица перед нами — такие простые и такие близкие кубанские лица, что и нужды их, и горести, и радости также были близкие и простые. И когда наступил момент и стало ясно, что нужно какими-то словами приветствовать этих простых людей, в неведении совершавших геройство, то как-то сами собою подобрались образы о делах, прославляемых в песнях, и о том, что говорится в сказках.

II
Елисеев Ф.И. В стане белых войск*

В тот же день был приказ губернатора, генерала Уварова: «Всем господам офицерам зарегистрироваться завтра же в управлении губернатора».

Нас явилась не одна сотня. Все откликнулись с большим порывом. Зарегистрировавшись, иду в «казачий штаб», к своим. Он помещался в той же гостинице, только на втором этаже. И только что поднялся в длинный коридор, как слышу громкое радостное восклицание: «Федя! — и попадаю в крепкие объятия подъесаула Саши Мельникова, однокурсника по Оренбургскому казачьему военному училищу выпуска 1913 г. и сослуживцу: мы оба служили молодыми хорунжими в 1913—14 гг. в 1-м Кавказском полку в Мерве Закаспийской области. Да не только сослуживцу, но мы с ним и хорунжий Ваня Малиновский, наш сверстник по Николаевскому училищу, вместе снимали квартиру в три комнаты. Душа в душу жили целый год, но с объявлением войны в 1914 г. он был назначен во 2-й Кавказский льготный полк на Западный фронт. И это сейчас с ним у меня «первая встреча с тех пор».

— А мы получили сведения, что ты расстрелян после Кавказского восстания, — радостно кричит он на весь коридор, тут же хватает меня за руку и тянет куда-то, чтобы представить меня «атаману Шкуро».

— По совпадению, войсковой старшина Шкуро в это время с кем-то вышел из своего номера гостиницы. Саша громко и очень похвально аттестует меня ему со всех положительных сторон, Шкуро приятно улыбается, безо всякого начальнического фасона дает мне руку и быстро, весело говорит:

— Вы, конечно, к нам, к нам?!

Я также радостно улыбаюсь, немедленно же даю свое согласие поступить в строевые ряды атамана Шкуро, и он куда-то спешно уходит по делам.

Узнал ли меня Шкуро, не знаю. 4 марта 1910 г. я прибыл в Екатеринодар на собственном коне и зачислен был охотником в 1-й Екатеринодарский кошевого атамана Чепеги полк рядовым казаком на правах по образованию 2-го разряда. Мне было 17 лет от роду. 6 мая того же года на призывной джигитовке учебной команды и лучших наездников от сотен я получил первенство и наказным атаманом генералом Бабычем был награжден серебряными часами с надписью на крышке: «За наездничество и

джигитовку». На репетициях и на самой джигитовке среди офицеров полка я видел и хорунжего «Андрия Шкура», как называли его казаки. Потом видел его несколько раз в городе, отдавая ему честь «как нижний чин». О нем и тогда среди казаков ходили целые легенды о его веселом времяпрепровождении, но не только без критики, но с похвалой за его щедрость к казакам и доброе к ним отношение. Теперь это была первая встреча с ним с тех пор. Он почти не переменился внешне.

Проводив Шкуро, Саша затащил меня в свой номер гостиницы и пылко рассказывал о походе, о Шкуро. Он у него самое доверенное лицо с самого начала восстания. Сам Шкуро много раз упоминает имя есаула Мельникова в выпущенной им книге «Записки белого партизана». Шкуро взял его с собой и в Тихорецкую, для своего доклада Кубанскому Краевому правительству и с ним прислал приказание полковнику Слащову: «Взять Ставрополь».

— Мы Андрея Григорьевича титулуем «атаманом», потому что в отряде, кроме хоперцев и лабинцев, есть две сотни терских казаков.

На мое удивление мой друг с улыбкой отвечает:

— Андрею Григорьевичу это очень нравится — быть как бы «Кубанско-Терским атаманом».

Шкуро предложил ему сформировать партизанский отряд в две сотни казаков.

— Прошу тебя, Федя, к себе на должность командира сотни.

Я дал согласие.

Мельников окончил в Кубани гимназию. В военном училище он был солистом юнкерского хора, музыкант, хорошо учился, отличный строевик и душа-товарищ среди кубанских юнкеров в Оренбургском казачьем училище. Мы очень дружили там. В лагерях 1913 г. мы разбирали офицерские вакансии по полкам, Я оканчивал училище портупей-юнкером, а он юнкером 1-го разряда, по баллам следовавшим за мной. Все юнкера не лукавили и откровенно говорили между собою, в какой полк кто хочет взять вакансию. Многие хотели выходить офицерами в один и тот же полк.

— Ты в какой полк хочешь выйти, Саша, — спросил я его. А он посмотрел на меня, засмеялся и произнес:

— В тот полк, Федя, в который и ты, и ни в какой другой.

И вот теперь, после четырех лет разлуки на войне, мы сидим в его номере гостиницы и говорим, говорим. Он казак Баталпашинской станицы. Его отец был директором гимназии и в этом их восстании был расстрелян красными. Он озлоблен против них и горит местью.

В тот же день в Ставрополь вошел 1-й Черноморский полк под командой полковника Н.И. Малышенко.

Широченная площадь верхнего базара между гимназией и духовной семинарией стала главным центром всех военных радостных событий в городе. Она всегда исключительно оживлена полупраздничным народом. На ней сейчас очень много казачьих подвод из ближайших станиц около Ставрополя и конных казаков. Оказывается, формируется 1-й Кубанский полк по мобилизации, потому и прибыли казаки. Его формирует войсковой старшина Фостиков. В нем я узнаю своего старого знакомого по Турецкому фронту, сотника Михаила Архиповича Фостикова, тогда полкового адъютанта 1-го Лабинского полка. Он дружески жмет мне руку и приглашает в свой полк на должность командира сотни. Я благодарю его, но поясняю, что уже занят, состоя в отряде Шкуро.

— Очень жаль, так мало теперь кадровых офицеров, — печалуется он. Оказывается, что он такжескрывался в Ставрополе, поэтому и не удивлен моему странному костюму..

За три с половиной месяца после нашего неудачного восстания против красных я переменил много мест жительства, а в Ставрополе и квартир.

О том, что красные расстреляли нашего отца, я узнал только через два месяца, как и наша семья узнала, что я жив, также через два месяца. Горе семьи было неописуемое. Я хотел, я должен был повидать могилу отца и поклониться праху его. А также должен был повидать и успокоить 70-летнюю старушку-бабушку, 50-летнюю вдову-мать и трех сестренок-гимназисток, старшей из коих, Надюше, шел 15-й год. Кроме того, я был гол, как сокол. Без денег и в неизвестном наряде с чужого плеча. На мне не было ничего военного. Я запросто представился Шкуро и рассказал все об этом. Он понял и дал мне три дня отпуска в свою Кавказскую станицу. Удостоверение личности и о командировке подписал начальник отряда полковник Яшин, очень любезно принявший меня в своем кабинете, в здании гимназии на верхнем базаре. И только летом 1919 г., встретив его в Екатеринодаре на улице, я узнал, что это был прославленный в Крыму генерал Слащов. Оставив свою супругу в Кисловодске, он взял псевдоним «Яшин» от своего имени Яков, чтобы не подвести свою супругу своим участием в походе Шкуро.

В 1920 г. он отличился упорной защитой Крыма на перешейке против красных. Новый Главнокомандующий в Крыму генерал Врангель в заслугу за это предал его фамилии звание «Слащов-Крымский». В Константинополе Слащов-Крымский выпустил брошюру, направленную против генерала Врангеля, и

вернулся в красную Россию, где его приняли с почетом. Он читал лекции в Москве на каких-то военных курсах, где и был убит одним из курсантов как месть за своего брата, расстрелянного Слащовым в Крыму. Все это я читал и знал из газет, проживая в Финляндии в 1921–1924 гг.

В Финляндии, в г. Фридрихсгаме, было отличное общество старых офицеров Северного фронта генерала Миллера, в котором я был принят очень близко и по-дружески. Городок был небольшой, и встречались чуть ли не ежедневно у кого бы то ни было на квартире. Старший из них, Волынского гвардейского полка Генерального штаба полковник М.Н. Архипов, выпуска из Военной академии 1912 г., вместе со Слащовым отзывался о нем как о выдающемся и очень способном офицере Генерального штаба. Они были дружны даже семьями и жалели о его такой печальной судьбе.

III
Марков Л. Мои встречи с А.Г. Шкуро*

По беспредельным, пахучим полям и плодородным пашням Предкавказья, залитым солнцем и звонким щебетанием невидимых жаворонков, несет свои мутные воды сбегающая с горных отрогов река Кума. Огибая гору Верблюд, она течет уже среди виноградников, садов и огородов селений — Орбелиановка и Темпельгоф, расположенных смежно, по разным ее берегам…

Вокруг ее истоков, по отрогам Кавказского хребта, расположены казачьи станицы — Суворовская, Бекешевская и хоперский центр — Баталпашинск. Это кубанский район, где в 1918 году зародилось антибольшевистское движение, поднятое молодым, предприимчивым полковником А.Г. Шкуро, не пожелавшим подчиниться власти жестоких красногвардейских босяков, презрительно именуемых кубанцами «боски»…

В Орбелиановке и Темпельгофе и вокруг них, захватывая и самую Верблюдку, раскинулось удельное имение Темпельгоф, перешедшее в 1908 г. от Великого Князя Николая Николаевича в Уделы, с крупным производством коньяка и столовых вин, из приреинских лоз, насаженных прежними немецкими колонистами. С 1912 г. мне довелось быть управляющим этого благодатного, живописного имения.

Я горячо увлекался интересной, производительной работой по развитию и упорядочению разнообразного хозяйства, сильно запущенного малокомпетентной администрацией Великого Князя. В то же время я мог пользоваться в свободное время благами культурной и приятной жизни, живя вблизи прославленных курортов Кавказских Минеральных Вод, куда я часто уезжал отдохнуть от повседневной работы, то на коне по полям и садам, то в винных и коньячных подвалах, то в более скучной бумажно-циферной атмосфере конторы…

В один из жарких летних дней 1913 г. в Темпельгофе неожиданно появилась команда квартирьеров 3-го Кавказского корпуса, производившего в районе Минеральных Вод летние маневры с «обозначением» противника… Возглавлявший ее офицер явился прямо ко мне в контору, куда вызвали и старшину селения для содействия удобному размещению на дневку большого числа штабных и строевых офицеров, с их канцеляриями и штабами.

Войскам отвели за селом свободные поля под лагерное расположение, а старшее офицерство и штабы разместили по

квартирам удельных служащих, жителей и в удельной конторе. В моем поместительном доме из 11 комнат разместилось 6–7 генералов и человек 15 офицеров с денщиками. Среди них оказался прикомандированный как наблюдатель к штабу корпуса английский генерал Х. со своим адъютантом капитаном З. и с ординарцем — стройным, проворным хорунжим А.Г. Шкуро Хоперского полка Кубанского казачьего войска.

На другой день на обширном балконе моего дома, выходящем в тенистый сад с цветниками и на широченную улицу селения, по типу всех немецких колоний, я устроил парадный обед в честь почетных гостей, человек на 30–35. Любезные мои соседи пополнили не хватающую у меня посуду, а моя кухарка Феня с честью справилась с кулинарной частью, обильно орошенной прекрасным коньяком и винами имения.

В то же время удельные служащие и жители угощали, как могли, по своим углам неожиданных гостей… Через год, уже на германском фронте, куда я попал по мобилизации в тот же 3-й Кавказский корпус, я слышал от многих чинов его благодарные воспоминания о нашем приеме…

Обед прошел с большим подъемом, весело и дружественно, тосты сменялись тостами, под звуки двух оркестров, расположенных в саду перед балконом. Я имел оказию провозгласить здравицу за наше тройственное соглашение в лице двух официальных представителей русской и английской армий и неофициального представителя французской в лице простого ее солдата, музыканта иксового линейного полка пузатенького коньячного мастера, мосье Совьона, который был очень этим горд… Пели мравальжамиер, танцевали лезгинку, казачка и прочие танцы. Музыканты играли с воодушевлением, подогреваемые сзади них устроенным походным погребом наших вин. Ворота на улицу были широко распахнуты, и разряженные жители наводнили сад й вытоптали мои газоны танцами с писарями и денщиками штабов.

Вышел всепарадный, веселый праздник, молва о котором сохранилась до революционных дней нашего селения и чуть не сыграла трагической роли для моей жизни в связи с именем Шкуро, о чем речь будет дальше…

Обходя любезным хозяином своих гостей, я наткнулся где-то на конце стола на живописную сценку всетемпельгофского конкурса поглощения коньяка на скорость и на количество… Конкурентов было трое: Э. Совьон, уже на сильном градусе, низкорослый, толстенький корнет Осетинского конного дивизиона принц Каджар (перс) и хорунжий Шкуро." Перед каждым стояло по литру коньяка, еще не допитого до конца. Они

поспорили, кто раньше окончит свой литр и кто, в общем, больше выпьет, уже основательно выпив с начала обеда очередных напитков. Настроение молодых было теплое, но бодрое. Однако пожилой Совьон скоро не выдержал и поспешно убежал домой, где жена заботливо его отрезвляла примочками и каплями. Поздно к вечеру он все же вернулся на поле сражения, но не застал уже там своих противников.

Командир корпуса, вероятно, заметив слишком усердные возлияния своих «корнетов», подозвал к себе принца Каджара и приказал ему немедленно со взводом осетин поехать за Верблюдку для выяснения хода операций «обозначенного» противника, наступающего с той стороны.

Я с восхищением видел, как через несколько минут ему подали чуть ли не четырехвершкового рослого коня и низкорослый, сильно подпивший принц с легкостью птищд вскочил в седло и твердо двинулся на рысях во главе своего взвода… Он благополучно вернулся с разведки только на рассвете…

Не прерывая своего «конкурса», хорунжий Шкуро неоднократно выходил на круг и поражал собравшуюся публику своей лихой лезгинкой. Выпитый коньяк не лишцл его бодрого равновесия в темпах, то плавных, то бурных, этого огневого танца всех кавказцев.

Ровно через год я попал на временный, повторителе ный сбор прапорщиков запаса в г. Александрополь, в 3-й Кавказский саперный батальон, а оттуда, не снимая военной формы, очутился на германском фронте, с момента объявления войны, в составе того же 3-го Кавказского корпуса.

Штаб нашего саперного батальона обычно располагался вблизи штаба корпуса, рядом с 3-м хоперским полком кубанцев, в качестве прикрытия штаба корпуса, как «корпусная кавалерия»…

Тут я снова столкнулся с А.Г. Шкуро. Он командовал сотней в хоперском полку и был уже сотником. Мы с удовольствием вспомнили с ним про нашу встречу в Темпельгофе, а узнав, что я регулярно снабжаю свое офицерское собрание напитками из Темпельгофа и лично имею их запас для приятелей у себя, он зачастил ко мне, заезжая проездом, и у нас установился дружественный контакт, как он шутя прозвал нас, — между хоперцами и «саперцами»…

Вскоре он, уже награжденный Георгиевским оружием, в чине есаула и отличившийся в смелых налетах, получил, — вопреки противодействию командовавших армией и корпусом, — разрешение от Походного атамана казачьих войск, Великого Князя Бориса Владимировича — сформировать партизанский

отряд для работы по неприятельским тылам.

Он добился этого, поехав в отпуск в Петербург и лично представив свой план Великому Князю, который его утвердил и устроил ему аудиенцию у Государя Императора.

Вероятно, я первым в корпусе узнал лично от А.Г. Шкуро про эту новость, так как, вернувшись из отпуска, со своими ценными документами, прямо с поезда он остановился у моей палатки, желая подкрепиться с дороги, и за бутылкой красного вина рассказал мне про свои смелые выступления.

Сформировав из добровольцев казаков и гусародрагун соседних полков отряд в 250 человек, он начал самостоятельно действовать в полесских лесных болотах, но очень неудачно и с большими потерями, так как болотистая местность и снежная зима не были благоприятны для действий в конном строю.

Его отряд был переведен в Галицию, а затем оттуда переброшен в Персию, где обстановка для партизанских действий была более благоприятная.

Продолжалась война, с нашими текущими неудачами и нерешительностью, но с большими надеждами на весну 1917 г.

Внезапно, как снег на голову, вихрем налетела «бескровная», возникшая как-то самопроизвольно, оказавшаяся трагически погибельной для России, несмотря на многие благие предположения и планы ее руководителей. Ее дряблое, нерешительное правление логически сменилось большевистским деспотизмом, насильственно введенным уже настоящими профессионалами без жалости и совести…

В России получился трагический и горький винегрет из прекрасных идей и мечтаний о справедливости наивных интеллигентов, перемешанных с бескрайней подлостью, бесчеловечной жестокостью и грубой несправедливостью грубых недоучек, профессионалов революции, ставших самозваными диктаторами великой страны… Россию залили невинной кровью казнимых без суда и следствия патриотов и культурных людей, а затем, как светочи среди тьмы народной, стали вспыхивать повсеместно восстания, закончившиеся Гражданской войной Белых армий против большевиков с разных концов России…

На нашем Предкавказье в 1918 г., кроме Шкуро и других партизан, появились зачатки Белой армии генерала Алексеева, о которой очень мало знали в глубинных районах, например, в районе Минеральных Вод.

Большевистские комиссары там свирепствовали, нала живая, против воли населения, свой варварский режим. Террор запугивал жителей, и все притаились, ожидая чудес по избавлению от дикого хаоса и ужаса.

В апреле 1918 г. я был по всем правилам закона демобилизован из армии и приехал в Темпельгоф, ставший народным имением, где оставалось все мое имущество, чтобы забрать его и переехать в мой родной Тифлис, где не было еще большевизма, а родилась независимая Грузинская республика без особо кровавых эксцессов.

Служащие и рабочие имения встретили меня дружественно и, узнав о моих планах, уговорили меня остаться в имении для совместной работы, на что я согласился, так как всем нам казалось, что большевизм долго не продержится, и надо было как-то протянуть до установления нормальной жизни.

Я согласился поставить свое имя на баллотировку, и профессиональный союз имения, в который входили все служащие в нем, единогласно выбрал меня в свои руководители под названием Председателя Хозяйственного Совета народного имения Темпельгоф.

Я вступил в управление этим близким мне хозяйством, предупредив рабочих, что буду самостоятельно действовать, считаясь с их интересами, но не с руководством, как делал это при уделах. Рабочие признали мое мнение правильным, и у нас установилось с ними полное согласие. Я не имел с ними никаких осложнений… работа пошла деловито и успешно. Даже главный комиссар всех национализированных имений, товарищ Ершов, назначенный в Пятигорск прямо из Москвы, ставший моим непосредственным начальником, одобрял мою деятельность и умение ладить с рабочими и всячески меня поддерживал.

Однако когда меня стали жестоко преследовать чекисты из Ставропольской уездной ЧК, не подчиненные ему, он не рискнул открыто защитить меня от них, только косвенно помогая мне изворачиваться от их самоуправства.

Эта ставропольская ЧК, где воцарились никому не известные бандиты, приехавшие сюда из Нижегородской губернии, не успокоилась, узнав, что я — дворянин, образованный человек, офицер, да еще недавно царский управляющий, и вдруг сижу после революции на прежнем месте…

Тут примешалось и имя Шкуро, которое наши бандиты связали, по рассказам среди населения, со мной и моим приемом в 1913 г. штаба корпуса, после которого сохранилась память о лихом танцоре Шкуро. Перепутав даты, слова и факты, они обвинили меня в том, что будто бы я недавно (через пять лет после факта!) принимал в своем доме штаб восставшего в нашем районе Шкуро и активно поддерживаю восставших…

Это чуть не стоило мне жизни, если бы я не словчился вовремя скрыться от них в горы, под Эльбрус, в карачаевское

селение Хасаут в так называемой долине Холодного Нарзана, уже полное спасающихся туда из Кисловодска «буржуев»…

В это время имя Шкуро гремело по району, где он станицу за станицей поднимал против большевиков.

Переодевшись дегтярем, в отрепьях и весь вымазанный дегтем, он разъезжал на бочке в одну лошадку из станицы в станицу и потихоньку вел горячую пропаганду против бандитского режима, разорявшего население, и открывая свое инкогнито только самым близким людям…

Большевики уже разоружили всех казаков, и нехватка скрытого оружия сильно мешала развитию восстания. Когда около него сформировался с десяток решительных казаков, он с ними устроил в лесу засаду беззаботно проходившему отряду чекистов. Вооруженные только кинжалами и нагайками, казаки перебили весь отряд. Шкуро захватил их оружие, которое и послужило основанием его вооружения.

Тут он начал применять свои «трюки»… Собрав уже полную сотню с винтовками, он подошел к станице Бекешевской. Оставив сотню в лесу, он с 2 «казаками в погонах» въехал в станицу в жаркий летний полдень, когда станичники и их иногородние комиссары спали после обеда. Подъехав к станичному правлению, он велел заспанному сторожу ударить в набат, на который сбежалась вся станица. Явился удивленный и перепуганный неожиданностью комиссар, обалдевший, увидев офицеров в погонах… Шкуро обратился с речью к собравшимся, заявив, что станица окружена его войсками с орудиями и при первой же попытке к сопротивлению он разобьет всю станицу в пух и прах.

Комиссар дал себя разоружить, а Шкуро, узнав от жителей, что он был не очень свиреп в отношении их, пустил его на все 4 стороны, предупредив, что если он ему попадется вторично, то повесит его немедленно. Станичникам он дал 2–3 часа времени, требуя немедленно выделить не менее сотни конных и вооруженных казаков, угрожая за неисполнение репрессиями. Приказ был выполнен, и отряд его даже утроился. С ним он начал свои открытые рейды — то тут, то там…

В другой раз, не имея ни пулеметов, ни артиллерии, он очутился со своими партизанами лицом к лицу с многочисленными, хорошо вооруженными красными и решил их атаковать в шашки… Казаки заколебались. «Что мы можем сделать, не имея пулеметов и орудий», — заворчали они… Решительный и находчивый вождь расхохотался и закричал: «Это не правда! У нас есть и то, и другое!»

Обалдевшие казаки продолжали диалог: «Где же они?» — «А вот, — указал он на неприятеля. — Это наше оружие, только его

надо взять!.. Шашки вон, марш-марш вперед!..» И встрепенувшиеся партизаны бешеной лавой, без всякой оружейной подготовки в момент разметали красноармейцев, побежавших прочь в панике… Шкуро получил свои первые пулеметы и орудия, которыми укрепились его силы.

В разгар восстания, когда уже начала разворачиваться Белая армия генерала Деникина, Шкуро с небольшими силами подошел к Ставрополю, занятому сильным гарнизоном красных. Его имя уже грозно гремело по всей округе, но вооружен он был еще слабо.

С телеграфного поста ближайшей к городу станции он вызвал к телефону коменданта города и решительно заявил:

«Говорит Шкуро, Я окружил город, и если вы немедленно не покинете его со всеми вашими силами, я разнесу город артиллерийским огнем, для отхода вам свободно ещё северное направление», — комендант и все его красноармейцы в панике разбежались.

Шкуро захватил без боя важный центр с огромными запасами военного снаряжения…

Таких легенд-былей про Шкуро немало слышалось в нашем районе, но мы приводим здесь наиболее достоверные, о которых удалось слышать от участников и свидетелей.

„После нашего долгого сидения в Хасауте, в один действительно прекрасный солнечный день сентября приехавший из Кисловодска карачай привез слух, что город занят казаками Шкуро и большевики бежали на Пятигорск… Немедленно был снаряжен надежный карачай из Хасаута, который к утру привез подтверждение этому слуху и в доказательство представил печатную прокламацию полковника Шкуро, где сообщалось, что Белая армия заняла Кубанскую область, а красные бегут к северу и востоку… Наш энтузиазм и радость были велики, и, быстро собравшись, все двинулись пешим порядком в освобожденный Кисловодск.

Не верилось своим глазам, когда мы там увидели порядок и чистоту, расклеенные по стенам афиши Шкуро, казаков в погонах и мирно гуляющую разряженную публику на улицах… Все поверили словам Шкуро, хотя вскоре выяснились в них значительные преувеличения… Борьба шла ожесточенная, но везде еще сохранялась прослойка красных между белыми и область еще далеко не была освобождена.

Шкуро предложил сформировать офицерский батальон, но из нескольких тысяч отпускных и выздоравливающих офицеров записались в него всего 900 человек. На них оказались выданными только 100 винтовок, а остальные вооружились

палками, чтобы симулировать силу, занявшую вырытые в сторону Пятигорска окопы.

Записавшись в этот батальон, я пошел к полковнику Шкуро, приветливо меня встретившему. Расспросив про положение в наших краях и узнав, что в Темпельгофе сохранился в целости коньячный завод и винные подвалы, он назначил меня в формируемый отряд в станице Суворовской, между которой и Темпельгофом проходила линия его фронта. На случай занятия им Темпельгофа я должен был стать его комевдантом для сохранения в целости запасов коньяка и вина как валютного товара.

Я немедленно направился в станицу Суворовскую, где уже сформировали 1-ю сотню, занявшую подступы к станице. Станичный атаман, из полковых фельдшеров, по прозвищу «Лопух» взял меня себе в помощь по дальнейшей мобилизации, и мы с ним занялись сбором людей, коней, винтовок, седел и прочего снаряжения, работая в станичном правлении.

Был полный разгар полевых работ конца сентября. Казаки и казачки усиленно работали в садах и кукурузниках, После ухода красных жизнь в станице потекла мирно и спокойно и о мобилизации заботились слабо, скупо сдавая необходимое военное снаряжение… О возможном возвращении красных как бы не думали… Однако вскоре, как гром среди ясного дня, в одно жаркое время после обеда, когда вся станица после сытной еды отдыхала по хатам, со стороны Темпельгофа раздалась четкая пулеметная стрекотня…

Сторожевая сотня уходила в карьер, к западу, из дворов выскакивали полуодетые казаки и, кто верхом, а кто в повозках, мчались по направлению станции Бекешевской. Мы с «Лопухом» вскочили на ходу в первую попавшуюся повозку и, под треск пулеметов, в облаках пыли, пустились наутек…

Крупные силы красных заняли Суворовскую и на следующее утро появились под Бекешевской, где удачным обг ходом с тыла плохо вооруженные бекешевцы их геройски разбили и погнали обратно к Пятигорску… Но Шкуро, не имея достаточных сил, оставил Кисловодск, на который надвигались сильные отряды красных, и ушел в неизвестном направлении, по-видимому, в ставропольские степи…

Станица Бекешевская заполнилась мирными перепуганными беженцами из Кисловодска. Большинство их вернулось обратно, а некоторые двинулись, на удачу, дальше на запад, через Баталпашинск, на Майкоп и к Новороссийску. Познакомившись с группой молодых офицеров, оставшихся вне своих новых частей, как и я, без оружия и без военной обмундировки, мы двинулись

пешком в Баталпашинск…

Попытавшись в последний раз «мобилизоваться» и экипироваться у окружного атамана, мы убедились в безнадежности подобных надежд и, разочарованные и измученные, решили уйти пешком в Сухум.

С большими трудностями и передрягами нам удалось в совершенно неурочный сезон (начало октября) перевалить уже заснеженный Клухорский перевал и добраться до Сухума. А оттуда я пошел в родной мне Тифлис, где пытался организоваться в нормальной жизни, без большевистского гнета.

Однако в марте 1921 года под Тифлисом загремели большевистские орудия, и я, при необычайно счастливых условиях, успел получить французскую визу на Константинополь и с одним из последних поездов расстался со своей родиной и через Батум попал в Европу.

В 1935 г. в Париже, во дворе русской церкви на рю-Дарю, я в последний раз столкнулся с генералом А.Г. Шкуро. В котелке и заношенном пальто, он имел сильно потрепанный вид. Но обычная бодрость и усмешка не покидали его. Вспомнив наши былые встречи и пошутив о теперешнем нашем захудалом положении, мы расстались — и уже навеки…

Живя в 1945 г. в Персии, я с грустью узнал об его трагическом конце. Будучи в 1913 г. ординарцем при английском генерале, награжденный в 1919 г. высшим британским орденом за бои с большевиками, он в 1945 г. был таким же английским генералом выдан большевикам. Вот вам ирония и справедливость судьбы…

Вечная память крупному русскому патриоту, бравому рубаке-партизану, энергичному кубанскому казаку — Андрею Григорьевичу Шкуро!

IV Райгородецкий Е. Конец белого атамана*

Впервые я услышал об этом в Восточных Альпах 30 апреля 1945 года.

У высоты с отметкой 1638 м шел бой. Два батальона гитлеровцев оборонялись с яростью обреченных. Уже дымилось двухэтажное строение на самой вершине, десятки трупов усеяли перемешанную со снегом землю, а противник сопротивлялся с прежней ожесточенностью.

Штаб 233-го кавполка находился у основания высоты в пастушьей хибарке. Я направился туда, чтобы доложить о прибытии батареи.

В маленькой комнатке за столом-козликом, приставленным к квадратному окошку, в черной косматой бурке сидел полковник Климов, командир полка. Выслушав доклад, он тотчас же поставил мне задачу:

— Эскадроны начнут атаку в одиннадцать тридцать. Сигнал — две красные ракеты. К тому времени подавите батальонные минометы противника. Вашей 120-миллиметровой батарее это под силу. — Климов мял пальцами ссохшуюся сигарету. — Учтите: разведка донесла, что в том же ущелье, где установлены минометы, противник упрятал до тысячи отборных лошадей. Требуется очень меткая стрельба. Понимаете? Лошадки пригодятся. Держите со мной связь, старший лейтенант. Действуйте!

Огневая задача оказалась не из легких. Для корректирования огня пришлось выбрать наблюдательный пункт на другой высоте, за огневой позицией батареи. Да и оттуда были видны лишь явные недолеты и перелеты. Само ущелье нам не просматривалось.

После первой очереди беглого огня старший разведчик батареи ефрейтор Петр Афанасьев (он вел наблюдение в стереотрубу) сокрушенно махнул рукой:

— Эх, и мажут огневики, товарищ комбат! В ущелье угодили одна-две мины. Остальные легли поверху.

Спешенные эскадроны по-прежнему были прижаты к земле.

На дне окопа звякнул телефон.

— Готовы? — узнал я в трубке голос Климова. — Только что по радио передали: наши в Берлине рейхстаг штурмуют. А мы у паршивой высотки копошимся…

— Батарея не подведет, — заверил я командира полка, а у

самого сомнение: верно ли определены координаты цели?

Сомнение рассеялось нежданно-негаданно. Вернувшийся с линии телефонист привел с собой щуплого старичка, одетого в защитную стеганку с капюшоном.

— На дороге повстречался, — объяснял боец. — Австриец, а по-нашему разумеет. Говорит, у русских в плену был впервую мировую… Нынче — пастух. На коне ехал.

Старик согласно кивал головой. Его дубленое, изъеденное морщинами лицо все более оживлялось.

— Куда держим путь? — спросил я у старика.

Тот, на удивление нам, забасил. Разобрать его речь было нетрудно. Мы узнали, что ехал он со стороны Граца, что немцы отняли у него всех овец, взамен дали стеганку с капюшоном, что у входа в ущелье — тьма-тьмущая лошадей, а у выхода стреляют минометы. Едва он успел покинуть ущелье, туда попал тяжелый снаряд, от разрыва пострадало несколько человек.

Не оставалось сомнений, что это была наша мина.

Старый австриец продолжал басить:

— За те горы, офицер, — он протянул тощую руку по направлению к ущелью, — есте русски белогвардия.

— Какая еще белогвардия?

— Щрски генераль Красноф.

С огневой доложили о готовности. Стрелки часов показывали 11 час. 15 мин. Последовали длинные серии белого огня.

Я наблюдал за разрывами, а мысли приходили разные: «Доложить в штаб корпуса. Там, конечно, свяжутся со Ставкой. Москва должна знать! А может, старик путает? Может, вовсе никакой не Краснов?»

Минометы в ущелье умолкли. Под лиловой тучей вспыхнули две красные ракеты. Спешенные эскадроны поднялись в атаку.

В сопровождении ефрейтора Афанасьева я направил старика к Климову.

К полудню бой закончился. Эскадроны ушли вперед. Вместе с командиром кавполка мы приближались к обгоревшему деревянному строению.

О казачьем атамане Климов еще ничего не знал: Афанасьев со стариком не застали командира полка в пастушьей хибарке — он уже ушел в эскадрон. Рассказ старика, которым я поспешил удивить его, он не принял всерьез.

— Начальник штаба разберется, — бросил мне на ходу Климов. — Выдумка старца. Какой еще, скажите на милость, Краснов? Давно, наверное, помер в эмиграции.

Приблизившись к ущелью, мы осмотрелись.

— Атамана Краснова со свитой я, признаться, не рассчитывал

лицезреть, — подмигнул мне Климов. — А вот куда, скажите пожалуйста, девались кони? Тысяча! Их ветром не сдуешь.

Я вернулся на батарею. До конца дня мы простояли на месте, а вечером поступил приказ трогаться к Шрайбесдорфу, маленькому австрийскому селению у отрогов Восточных Альп.

Погода резко переменилась. Моросил противный мелкий дождь.

Ехали мы с командиром огневого взвода, старшим лейтенантом Локтионовым, шпора к шпоре, делились впечатлениями.

— Старик австриец, думается мне, не обманул. До войны я читал… Где? Убей — не помню, — говорил Локтионов, — будто Краснов в двадцатых годах проживал в мюнхенском имении какого-то немецкого майора. Времени порядком ушло. Нынче ему, если жив, за семьдесят пять.

Мне трудно было сказать что-либо определенное. Тем более я знал: старика в штабе полка надолго не задержали^ отпустили домой. Сам он Краснова не видел. Слыхал о нед/г, видимо, от других пастухов. Они же утверждали, якобы в Северной Италии есть какая-то бело-казачья станица. Все отнесли за счет старческого склероза.

…Кончилась война. Отгремели победные салюты. Наш кавалерийский корпус возвращался на родину.

Был жаркий июльский день. У одного населенного пункта мы заметили группу военных.

— Ясное дело, генерал Малеев, — поднимаясь на стременах, уточнил Локтионов. — А с ним, как всегда, подполковник Доценко.

Заместитель командира корпуса генерал-майор Михаил Федорович Малеев, невысокий человек с фигурой борца и подвижным смуглым лицом, страсть как любил проверять полки в движении. Ну а по части лошадей первым советчиком генерала был ветеринарный врач Владимир Митрофанович Доценко. Стройный, сухощавый, он выглядел прирожденным кавалеристом и слыл в корпусе чудо-лекарем.

Подъехали ближе. Колонну осматривал подполковник Доценко. Сам генерал, стоя шагах в десяти от дороги, рассказывал трем офицерам из штаба нашей дивизии какую-то историю.

Я придержал коня, и до меня долетели лишь отдельные фразы:

— Тогда Краснов спросил, предоставят ли ему возможность писать мемуары. Я ответил: «Не знаю. Вы арестованы. Правительство все решит». Краснова заинтересовала наша

форма…

«Значит, донской казачий атаман действительно объявился, — подумал я, — задержан и, судя по всему, с ним уже беседовал генерал Малеев».

Батарея проследовала мимо. Я пришпорил коня и занял свое место в колонне.

Корпус продолжал марш. Весть об аресте Краснова облетела все дивизии, обросла подробностями. Одни утверждали, якобы казачий атаман, будучи матерым немецким шпионом, попался с поличным в Восточных Альпах. Другие — будто он командовал соединением из белогвардейцев Третьи уверяли, что он имел специальное задание оказывать помощь группе немецких армий «Австрия». Слухи ходили разные**. По мере приближения к нашей границе интерес к ним пропадал.

Предвкушая радость скорых встреч с родными и близкими, солдаты спешили домой.

Шли годы. Не раз я брал в руки потрепанный фронтовой блокнот. На последнем листке — полустертые слова и цифры: «30 апреля — высота 1638 м. Более 1000 лош. Пастух-австриец. Ущелье. Атаман Краснов. Шрайбесдорф».

Решил восстановить по памяти и отрывочным записям давнюю историю. Я знал, что Краснов, ярый контрреволюционер, пытался в крови утопить наш Октябрь. Среди многочисленных врагов молодой Республики Советов ему принадлежало довольно видное место. В 1919 г., потерпев крах на полях Гражданской войны, он бежал в Германию, позднее стал агентом гитлеровской разведки. В январе 1947 г. по приговору Верховного Суда СССР был повешен в числе других военных преступников. Но многое оказалось неясным из-за моей неосведомленности. Где был арестован Краснов? При каких обстоятельствах с ним встретился генерал Малеев? О чем, собственно, они говорили?

Осенью прошлого года я занялся поисками генерала Малеева. С этой целью отправился в Ростов-на-Дону. В Военно-научном обществе при Ростовском окружном Доме офицеров знали о судьбах многих ветеранов 5-го гвардейского Будапештского Донского казачьего артиллерийского корпуса. Но оказалось, что Михаил Федорович Малеев год назад умер в Волгограде.

Мне назвали нескольких генералов и офицеров — фронтовых друзей покойного Малеева, сообщили адреса. Одни жили в Ростове, другие — в Москве. Поиски привели меня в пригород Москвы — Бабушкин, где живет полковник в отставке Владимир Митрофанович Доценко, тот самый ветврач корпуса, которого часто встречали с Малеевым на фронтовых дорогах.

— Пожалуйте сюда. — Доценко отдернул легкую портьеру,

пропустил меня в уютную, со вкусом обставленную комнату.

Пока настраивались на длительную беседу, я узнал от него, что он работает на комбинате «Стройдеталь» начальником штаба гражданской обороны.

Когда же я перешел к цели моего визита, Владимир Митрофанович сказал:

— С Михаилом Федоровичем ездил я. Свидание, с Красновым состоялось неожиданно. Было это так…

И я записал его рассказ:

«По пути на Родину штаб корпуса сделал остановку в Надьканиже. Туда поступила шифровка — прибыть за лошадьми, отобранными у разгромленной вражеской группировки. Кстати, это, вероятно, и были те самые лошади, которых Климов не обнаружил в ущелье. Их внезапное исчезновение тогда можно объяснить. Гитлеровцы вывели коней из ущелья, стали перегонять в безопасное место. Наши наступающие стрелковые части перехватили их и в качестве своего трофея передали в распоряжение фронта.

Для приемки лошадей была создана комиссия во главе с генералом Малеевым. В состав ее входили представитель штаба фронта и я.

Нам предстояло немедленно выехать к месту получения лошадей — город Юденбург. Поехали туда.

До Юденбурга добрались к обеду. Город на две части разделяет река. Западную часть занимали американцы, восточную — наши войска.

Въехали на окраину города. Справа, у подножия горы, заметили солидный особняк. У подъезда стояли пограничники.

Подкатили на машинах к дому. Двое бойцов в зеленых фуражках подбежали к нам.

— Где начальник гарнизона? — поинтересовался Малеев.

Старший из пограничников тотчас же вошел в дом. Через несколько минут оттуда вышел коренастый, очень симпатичный генерал-майор. На вид ему было не более сорока.

— Павлов, — представился он.

Малеев показал документы.

— Давно вас ждем, — заметил Павлов. — Предлагаю пообедать, а там — за дело!

В одной из комнат был накрыт стол. За обедом зашел разговор о роли конницы в бою. Генерал Малеев вспомнил Гражданскую войну, 1-ю конную.

— Я тогда конармейцем был. И досталось же от нас корпусу Шкуро.

— Прошу прощения, генерал, — вмешался Павлов. —

Предлагаю продолжить воспоминания в несколько иной обстановке, так сказать, в присутствии потерпевших.

— Не понимаю, — подал широкими плечами Малеев.

— Терпение. И вы поймете. — Павлов улыбнулся краешками губ.

После обеда начальник гарнизона повел нас во двор. Остановились перед решетчатыми воротами у входа в тоннель.

Из караульной будки вышел сержант с красной повязкой на рукаве. Генерал Павлов сделал ему знак — ворота бесшумно отворились. Мы вошли в тоннель.

Яркий электрический свет. Направо и налево от бетонированной дороги металлические двери. Тоннель тянется под горой не одну сотню метров.

— Подземный орудийный завод, — объяснял Павлов. — Гитлеровцы оборудовали его по последнему слову техники.

У одной из металлических дверей стоял часовой. Павлов замедлил шаг и сказал нам, что часа за три до нашего приезда взял под арест группу бывших царских генералов и офицеров. Эта группа составляла верхушку белогвардейской казачьей станицы. Сама станица находится в. Северной Италии.

Помещение, куда мы вошли, напоминало заводской цех. На просторной площадке стояли скамейки, разложены по лосатые матрацы…

Десяток старцев при полной амуниции лениво поднялись со своих мест. Вперед вышел высокий старик с воспаг, ленными глазами. За ним — обрюзгший коротышка с красным испитым лицом. У обоих генеральские погоны с серебряной канителью.

— Господа! — обратился к ним Павлов. — Перед вами заместитель командира Донского казачьего кавалерийского корпуса генерал-майор Малеев. Прошу представиться, господа.

— Генерал Краснов, — сухо произнес высокий старик с воспаленными глазами.

— Генерал Шкуро, — промычал обрюзгший коротышка.

Невнятные голоса раздались за их спинами.

Малеева, видимо, больше, чем нас, поразила эта сцена.

Некоторое время он молчал, пристально разглядывая арестованных.

— Простите, генерал, — нарушил тишину Краснов. — Не знаете ли, от чего умер Борис Михайлович Шапошников?

— Маршал Шапошников был тяжело болен, — ответил Малеев.

— Как здоровье Буденного и Ворошилова? — полюбопытствовал Шкуро.

— Отличное. Если это вас интересует.

— Как же! Как же! Приходилось с ними встречаться. Я имею в виду на поле брани. Вы еще не воевали в те времена.

— Напротив, воевал. И, представьте себе, в кавкорпусе Семена Михайловича. Рядовым бойцом.

Шкуро сделал пренебрежительную гримасу:

— Бойцы мало что знали.

— Мало?! — возмутился Малеев. — Мне не забыть, как ночным штурмом буденновцы овладели Воронежем. Захватили ваш штабной поезд. Если не изменяет память, вы, господин Шкуро, чудом спаслись на автомобиле. А под Касторной? А на переправе через Северный Донец? От вашей конницы, извините, осталось мокрое место. Все помним, — все, по числам…

— И я вас, буденновцев, погонял… — начал было Шкуро и осекся, почувствовав на себе недобрый взгляд Краснова.

— Полно, полно вам, — возбужденно проговорил Краснов. — Молчите.

Он потер носовым платком воспаленные глаза и обратился к Малееву:

— Получу ли я возможность написать мемуары?

— Не знаю. Правительство решит.

— В таком случае, что же нас ожидает?

— Правительство решит, — повторил Малеев. — Оно выполнит волю народа.

— Я всегда стоял за русский народ.

— Лжете, казачий атаман, — перебил Малеев. — Вы его предали. В первые же дни после установления Советской власти пытались задушить революционный народ. Надеюсь, вы не забыли Пулковские высоты?! Получили по заслугам.

Краснов поморщился, отвернулся к Шкуро.

— Слушайте, слушайте, Петр Николаевич, — прошипел тот.

Сзади захихикали.

Глядя на нас, Краснов почти крикнул:

— Смею вас заверить, все годы я спасал Россию!

— Чего стоят ваши заверения?! — парировал Малеев. — Вы Ленина обманули. Клялись, давали честное слово не воевать против нас. И что же? Продались немецким империалистам, дважды наступали на Царицын. И Гитлеру служили верой и правдой. У вас погоны из той же канители, что и у нацистских генералов.

— Другой не нашли, — поспешил оправдаться Шкуро.

Генерал Павлов взглянул на часы. Мы поняли: пора уходить.

Через полчаса наша комиссия уже осматривала лошадей. Их насчитывалось полторы тысячи. Мне не случалось сразу видеть столько различных пород. Здесь были и чистокровная донская, и

венгерская, и арабская, и ахалтекинская, и другие. Ходили с Малеевым, любовались красивыми лошадьми, а из головы не выходило свидание с арестованными на подземном орудийном заводе.

В Юденбурге мы пробыли три дня. Кажется, на второй день прилетел самолет. На нем арестованных отправили в Москву. И все…»

Доценко поднялся со стула. Долго смотрел на люстру, точно хотел еще что-то припомнить. Его и меня отвлек голос диктора.

В соседней комнате включили телевизор. Шла передача в честь 50-летия Октября.

V
Степичев М. Расплата: операция «Конец атамана Шкуро»*

Шел май 1945 года. Гитлер уже покончил с собой, рейх доживал последние дни, а предатели Родины, отпетые авантюристы, главари контрреволюции еще замышляли кровавые операции.

— Я полмира отправлю на тот свет, прежде чем меня поймают! — разъяренно кричал атаман Шкуро. — Мои «дикие дивизии» и «волчьи сотни» пройдут смерчем и проложат нам дорогу.

Не прошло и двух месяцев, как Шкуро и Краснов, их сподвижники были пойманы советскими чекистами. Об их пленении до сих пор ходят разные вымыслы. Сегодня мы рассказываем, как действительно была проведена эта чекистская операция…

Много операций за войну провел чекист Соловьев. Каждый день преподносил нелегкую задачу. Так было под Ленинградом и Сталинградом, в степях Донбасса, на берегу Днепра, у озера Балатон. Операция на венгерской земле особенно памятна. С помощью патриота-венгра чекисты Соловьева разорили здесь «осиное гнездо» — гитлеровскую разведывательно-диверсионную школу.

Уже гремели последние залпы фронтовых орудий, но капитана-чекиста ждали впереди новые трудные испытания. От народного гнева и возмездия, как стало известно, готовились скрыться изменники Родины, ставшие жестокими фашистскими палачами…

Армия, в которой находился капитан-чекист Соловьев, закончила боевые действия в австрийском городе Грац. Победа, весна настраивали на долгожданный отдых, мирные занятия. Но Михаил Соловьев готовился к операции по захвату главарей белогвардейских банд, ставших на службу фашизму, — генерала Краснова, атамана Шкуро, командира «Дикой дивизии» князя Султан-Гирея Клыча, генерала-эсэсовца фон Паннвица…

Генерал Краснов на второй день после победы Октября двинул свои войска на Петроград, против революции. Но его части были разбиты, сам Краснов попал в плен. Крестясь, он дал честное слово, что прекратит борьбу против Советской власти. Его отпустили. Но он нарушил слово и бежал на Дон, где собирал силы контрреволюции и прославился карательными операциями.

Потом преданно служил фашистам.

Шкуро… Авантюрист, грабитель, исключительно жестоко расправлявшийся с мирным населением… Кровавый след истязаний и зверств Шкуро оставил по всему югу страны. Не зря в народе его звали атаманом Шкура.

Недалеко от Граца находились репатриационные лагеря с пересыльным пунктом. Они гудели, как ульи. Здесь собрались сотни тысяч перемещенных лиц, военнопленных, остатки казачьих сотен. По утрам среди базарного многолюдья нередко ходил невысокий, плотный мужчина в коричневой гимнастерке. Это был Соловьев. Он заводил разговоры с бывшими узниками концлагерей, казаками.

— А сами-то вы откуда? — любопытствуя, как-то спросил бывший кубанский казак, поседевший на чужбине.

— Ищу вот побратимов.

— Тут разве найдешь. Вчера говорили, Краснов появлялся, а сегодня его уже видели со Шкуро за сто верст отсюда… Боятся они ЧК, вот и рыщут туда-сюда.

Вечерами собирались чекисты, делились наблюдениями, обобщали факты, а утром капитан обо всем докладывал начальнику отдела «Смерш» армии полковнику Федору Ивановичу Окорочкову.

— Хотим тебе, — хитровато прищурясь, заметил полковник, — дать другую, побольше должность — включить в состав репатриационной миссии…

— Значит, дипломатом?

— Не только. Но и дипломатию в ход надо пускать, когда стихли бои… Мы тебя сделаем заместителем руководителя миссии полковника Шорохова.

Вскоре начались переговоры о передаче советским представителям бывших военнопленных, казаков из охранного корпуса. Части его использовались в свое время в боях против наших войск, партизанских борцов в Белоруссии, на Балканах, в Италии.

Советские представители настойчиво ставили вопрос о разоружении военных отрядов. «О, это опасно, — возражали англичане. — Они напиваются и стреляют». Во время переговоров зашла речь о генерале Краснове, атамане Шкуро и других военных преступниках. Все наши попытки выяснить их местонахождение не дали результатов. Английский представитель заявил: «Если мы их найдем, то, конечно, передадим советским военным властям, как и было условлено».

На очередной встрече возле нашей миссии появился новый английский переводчик. Разговорились. Оказался выходцем из

Полтавы — Антоненко. Но его здесь звали Галушка. Через него попытались советские представители кое-что узнать:

— Хозяева ваши разговоры ведут, а на деле скрывают целые формирования. Вы прячете белых генералов Краснова и Шкуро, а заявляете, что хотите быть нашими союзниками и друзьями. Не ладится что-то…

— Да они на днях были в Глейздорфском лагере…

— И тут же осекся, почувствовал, что сказал лишнее.

— Соловьев на этот раз поехал в конце колонны, задумав побывать в лагере, о котором случайно проговорился Антоненко. Поездка была крайне опасной: везде вооруженные казаки. Вот и перевал. Глянул капитан на водителя старшину Деева. Тот бросил взгляд:

— Пора? Есть исправить двигатель!

Остановился и стал копаться в моторе. Сразу машину окружила полиция на броневиках и мотоциклах: что случилось? Соловьев, не выходя из автомобиля, спокойно сказал:

— Небольшая поломка. Можете ехать вперед.

И англичане уехали, чекисты остались одни. Вскоре они подъехали к большому селу. У колодца стояли женщина и солдат, Соловьев подошел, чтобы напиться воды, глянул, а у солдата из-под английской куртки выглядывает тельняшка. Парень подбежал к машине.

— Вы что, заблудились?

— Нет, специально приехали.

— Братцы, да вас же вмиг расстреляют…

— А вы кто?

— Попал в плен, хочу к своим. Капитан взял моряка за руку:

— Скажи по-братски, где Краснов, Шкуро…

— Были, да, по слухам, уехали.

— Куда? Кто знает?

— Лена — сожительница Шкуро. Она в лагере. Хотите, будет в машине у вас, но, чур, меня возьмите с собой.

Моряк ушел за ворота, а Соловьев со спутниками сидели, как на раскаленных углях. Знали: один неверный шаг — и все погибли. Проверили пистолеты, положили в карманы гранаты. По-прежнему не сводили глаз с проходной. А вдруг вырвутся оттуда головорезы с автоматами?

Наконец появились моряк и девушка. Весело разговаривая, они шли к машине. Увидев незнакомых людей, девушка испуганно остановилась. Парень открыл дверцу и втолкнул ее в машину. Соловьев повернулся к ней с пистолетом в руке. Она спокойно сказала: «Этим меня не испугаете. Подниму крик, и вас всех уничтожат».

— Хотите жить — вам надо молчать, — проговорил Соловьев.

И машина стремительно рванулась вперед. Рассказывает Михаил Соловьев:

«Издали мы увидели, что шлагбаум англичан, который мы утром проезжали, закрыт. Отчего это? И рядом стоят бронемашины. Дальше видим, что наш шлагбаум открыт, солдаты сидят на танках.

Как же быть? Остановиться у КПП англичан — значит провалить всю операцию. Решение созрело мгновенно. Приблизившись к контрольному пункту, шофер дал сигнал. Я поднял руку в приветствии, а старшине сказал:

— Идем на таран!

От удара машины створки раскрылись. В это время из палаток выскочило несколько английских солдат с автоматами. Они приготовились к стрельбе, но увидели наших танкистов и успокоились. Мы миновали наш КПП.

В тот день Лена и моряк о многом нам рассказали. Стало известно, что Краснов, Шкуро и другие главари антисоветских воинских формирований подготовили и направили командующему союзными войсками в Италии послание, в котором просили «взять их под защиту» и предлагали свои услуги по продолжению «борьбы с коммунизмом».

Полученные данные позволили членам нашей миссии на заключительной встрече более остро поставить вопрос о передаче Советской армии остатков вражеских войск вместе с белогвардейскими генералами».

…Во время одного из перерывов заседания Соловьев вышел в сад. Сюда же зашел заместитель руководителя английской миссии.

— Хочется побыстрее на Родину, — сказал Соловьев, — но вот ваши коллеги «тянут резину».

— Мне тоже непонятно, — согласился подполковник. И, помолчав минуту, вдруг приглушенным голосом спросил: — А ценностей у атаманов много?

— Еще бы! Всю жизнь грабят, — сообщил Соловьев и увидел, что его сообщение крайне заинтересовало подполковника. — Мое мнение такое: вместе с репатриированными передайте нам и этих атаманов. Кому они теперь нужны? Отправим их к нам, а драгоценности можете оставить себе…

— Только как мы доставим вам генералов? — и тут же собеседнику Соловьева пришла мысль, которую капитан одобрил. Эти генералы обратились в штаб Александера по поводу своей дальнейшей судьбы… — Ну, конечно, мы предоставим им возможность на наших крытых автомашинах прокатиться в штаб

командующего…

По докладу Соловьева чекисты разработали план завершающего этапа «операции». Через день началась массовая репатриация. Местом передачи был избран Юденбург. Его окружили подразделениями пограничников.

Генералов разыскали англичане у итальянской границы и пригласили следовать на совещание в штаб Александера в связи с их посланием. Под вечер появилась первая машина, крытая черным брезентом. Остановршась на мосту. Борта открыли, и с помощью английских солдат из машины вышел генерал Краснов, а из второй — атаман Шкуро. Следом подошли другие машины. Всех головорезов быстро разоружили и поместили в здание старого завода. Потом под усиленной охраной увезли на восток.

Атаман Шкуро все искал возможность покончить с собой. Даже пытался броситься на штык. Но бойцы были начеку. Шкуро спросил у Соловьева:

— Что со мной будет?

— Это решит суд народа.

Военная коллегия Верховного суда СССР в январе 1947 года приговорила обвиняемых Краснова П.Н., Шкуро А.Г., Султан-Гирея Клыча, Краснова С.Н., ДомановаТ.И. и фон Паннвитца к смертной казни через повешение. Справедливый приговор был приведен в исполнение.

VI
Петрушин А. Предателей легко покупали. И так же просто продавали{21}

До сих пор считалось: руководители сформированных немцами «казачьих» частей генерал Петр Краснов, Андрей Шкуро, Султан-Клыч-Гирей{22} и Тимофей Доманов были переданы англичанами советскому командованию по специальному межгосударственному соглашению.

Воспоминания подполковника в отставке, почетного сотрудника госбезопасности Михаила СОЛОВЬЕВА дают основания усомниться в утверждениях некоторых историков, будто бы сам Сталин пристально следил за этими изменниками.

— Победоносное окончание Великой Отечественной войны застало меня в Граце, втором по величине после Вены городке Австрии, который был освобожден от немецко-фашистских захватчиков войсками 57-й армии. В то время я был заместителем начальника отделения в отделе контрразведки «Смерш» армии.

В начале июня 1945 г. меня включили в состав советской миссии по репатриации. Перед нами стояла задача договориться с английским командованием о передаче и возвращении в Советский Союз содержащихся в гитлеровских лагерях советских военнопленных, а также бывших вояк так называемого казачьего «охранного корпуса» и других созданных немцами формирований подобного рода.

Вместе с руководителем миссии, офицером разведотдела 57-й армии полковником Шороховым мне пришлось неоднократно выезжать в штаб союзных войск для ведения переговоров.

Поездки эти были далеко не безопасными.

На протяжении всей дороги до штаба английской армии и повсеместно видели группы вооруженных до зубов пьяных казаков из «охранного корпуса». Среди них было много «обиженных» Советской властью казаков с Дона и Кубани, которые в любую минуту могли расправиться с нами. Поэтому для обеспечения безопасности наши машины сопровождались английской военной полицией.

Руководством отдела контрразведки «Смерш» армии передо мной была поставлена и дополнительная задача: выяснить, где находятся белогвардейские генералы Краснов, Шкуро, Султан-Гирей, Доманов и другие, с тем, чтобы официально поставить вопрос о передаче их советскому командованию для предания суду за совершенные ими тяжкие преступления перед советским

народом.

Мои попытки выяснить у англичан во время переговоров местонахождение этих деятелей контрреволюции успеха не имели. Союзники отвечали, что сведениями об интересующих нас лицах они не располагают.

Однако на одном из приемов прикрепленный к нашей миссии английский переводчик после нескольких выпитых им стаканов русской водки проболтался, что вся эта «шайка» до недавнего времени находилась в лагере поселка Глейсдорф. Опомнившись, он смутился и замолчал.

На обратном пути, следуя на трофейном «Оппель-адмирале» через английский перевал, я, предварительно изучив карту, решил заехать в названный переводчиком лагерь, находившийся в английской зоне оккупации Австрии.

Имитировав неисправность двигателя автомашины, мы отстали от сопровождавших нас английских военных полицейских, а затем повернули в сторону поселка Глейсдорф. Проехав примерно 30 километров, оказались у цели. И здесь нам помог случай. Увидев сидевших в автомашине советских офицеров, к нам подбежал человек в английской солдатской куртке, из открытого ворота которой выглядывала тельняшка.

— Товарищи, откуда вы появились? Заблудились, наверное? Вас же тут могут растерзать казаки.

Этот бывший моряк почему-то вызвал у меня доверие, и я спросил его, не у них ли в лагере находятся белогвардейские генералы. Моряк ответил, что два или три дня тому назад Краснов, Шкуро и другие белые генералы уехали в Италию, будто бы в штаб английских войск. Радуясь встрече с советскими людьми, он рассказал, что в лагере находится сожительница генерала Шкуро, которая, возможно, хорошо осведомлена об их дальнейших намерениях.

На мое предложение помочь нам встретиться с этой женщиной моряк обещал незаметно вывести ее из лагеря под тем предлогом, что к ней пришел человек от Шкуро.

Прошло несколько минут томительного ожидания. И вот наконец появился наш знакомец с молодой женщиной. Подойдя к машине, она испуганно отпрянула, но моряк втолкнул ее на сиденье, а шофер дал газ.

На допросе в расположении наших войск Елена (так звали любовницу Шкуро) рассказала все, что нас интересовало. По ее словам, убывшие в Италию Краснов, Шкуро и другие главари казачьих частей (всего 15 человек) передали командующему союзными войсками в Италии генералу Александеру послание, в котором просили «взять их под защиту» и предлагали свои услуги

в борьбе с коммунизмом. При себе они имели более 14 килограммов золота в изделиях, монетах царской чеканки и слитках.

Упоминание о наличии у белогвардейских главарей золота навело меня на дерзкую мысль. Проанализировав поведение членов английской делегации, с которой приходилось общаться, я посчитал, что самым подходящим для осуществления моего замысла будет заместитель главы делегации — подполковник. Он, по нашим данным, не имел отношения к разведке и проявлял к нам некоторые симпатии.

Заручившись согласием начальника отдела контрразведки «Смерш» армии полковника Окорочкова, я во время очередного посещения англичан заявил этому подполковнику, что хотел бы поговорить с ним наедине. Он согласился, и мы встретились в перерыве между заседаниями.

Я прямо предложил англичанину подойти к решению вопроса о судьбе белогвардейских генералов с позиции деловых людей.

— Что вы под этим понимаете? — спросил подполковник.

Я объяснил, что мы хотели бы, чтобы этих «старцев» англичане передали нам «под шумок» вместе с репатриируемыми казаками из «охранного корпуса», а имеющееся у генералов золото оставили себе.

— Поймите, — настойчиво убеждал я подполковника, — если «старцы» останутся у вас, то лично вы и ваши коллеги по миссии никакой выгоды не получите. Если же вы примете наш вариант, то будете располагать средствами, которых вам хватит надолго.

— Приятно, — сказал после некоторого раздумья англичанин, — что и среди вас есть джентльмены, с которыми может сотрудничать деловой человек.

Мы договорились, что подполковник посоветуется о деталях «операции» с двумя сослуживцами и на очередном совещании поставит меня в известность.

На следующей встрече он сказал, что «операция» по передаче белогвардейских генералов будет осуществлена по такому плану: под предлогом поездки в Щтаб генерала Александера их посадят без вещей в автомашины и доставят к нам.

Возвратившись в Грац, я доложил о состоявшейся договоренности командованию и получил полное одобрение своих действий.

Через день началась передача англичанами многих тысяч людей, подлежащих репатриации в Советский Союз. Местом передачи был избран австрийский город Юденбург.

Там я встретил моего «коллегу» — английского подполковника. Он сообщил, что Краснов, Шкуро и другие

казачьи генералы через несколько часов будут доставлены сюда и переданы нам.

Все было сделано так, как мы договорились. Англичане же отобрали у «старцев» не только золото, но и другие ценные вещи.

Мы с товарищами доставили белогвардейских генералов в управление контрразведки «Смерш», а затем — в Москву.

Вот так это было…

VII
Филимонов А.П. Кубанцы в 1917–1918 гг. {23}

I. Кубанские казаки и государственный переворот 1917 г. Организация власти на Кубани

Из года в год в день Кубанского войскового праздника{24} на площади Екатеринодара происходило торжество выноса войсковых регалий и парад войскам гарнизона. От всех населенных пунктов: станиц, хуторов и сел в столицу Кубани вызывались почетные представители края для участия в торжестве.

Необыкновенно живописная процессия дефилировала по главной улице города, ведомая старейшим казаком. Представители населения несли старые, заслуженные в боях знамена, куренные значки, перначи, булавы и насеки — знаки атаманского достоинства, — царские грамоты, георгиевские трубы и литавры. Кубанский атаман и все представители правительственной власти с непокрытыми головами следовали за процессией.

Перед зрителями проходила наглядно вся старая, полная превратностей и тяжелых испытаний, казачья жизнь.

В царских грамотах, скрепленных громадной сургучной государственной печатью, всякий мог прочесть торжественное признание казачьих заслуг русскими монархами, начиная от Императрицы Екатерины И. Каждый монарх по вступлении на престол считал долгом заверить казаков в своей неизменной признательности и в незыблемости прав казачьих на земли и ранее дарованные им вольности.

Обласканные, счастливые, разъезжались почетные гости по станицам и возвращались к своей обычной, будничной жизни. Гипноз виденного и слышанного надолго заволакивал в сознании казаков розовым флером реальную действительность.

А действительность была такова.

Старое, императорское правительство поддерживало казачество как специальное, военное сословие, но в то же время зорко и неизменно принимало меры предупреждения и пресечения против подозреваемого у казаков бунтарского духа и наклонности к сепаратизму, или, как теперь говорят: «к самостийности».

Было установлено, почти как правило, что наказными атаманами назначались лица, посторонние казачьему войску, преимущественно строевые генералы, проходившие это назначение как этап своей служебной карьеры.

Центральным органом управления казаками было Главное управление казачьих войск в Петрограде, в многочисленном составе которого казаков не было{25}.

Ни один рубль общевойсковых денег не мог расходоваться казаками без благословения двухэтажной опеки над ними.

Невзирая на это, хозяйство казаков (здесь, разумеется, главным образом Кубанский край) неуклонно, так сказать, контрабандою, развивалось. Народные школы и средние учебные заведения росли как грибы, на деле проводилась идея всеобщего народного обучения; землевладельческие орудия находили себе применение, как нигде в других земских губерниях; область покрывалась сетью телефонов.

Лучшие хозяйственные казаки мечтали о введении на Кубани земского самоуправления, справедливо ожидая от этой реформы самого бурного подъема интеллектуальной и экономической сторон жизни края.

Но наступила война 1914 г. Казаки дали огромную, исправно снаряженную армию.

Культурная жизнь была приостановлена; недостатки и уродливости форм государственного управления чувствовались всеми и давили сознание даже тех, кто до сего времени политикой не занимался.

Февральский переворот застал казачье население врасплох.

Сущность и значение исторических событий усваивались с трудом и вселяли в умы наиболее домовитых казаков большие тревоги. Но молодежь и порочные элементы почувствовали запах «свободы» и бросились в города, с населением не казачьим, где местные социалисты подхватили давно подготавливаемую ими и ожидаемую весть о падении монархии, сразу засуетились, развесили на улицах и надели на себя красные флаги и банты, митинговали и организовывали исполкомы.

Героями были те, кто мог громко с высоты заборов, бочек и столов выкрикивать на разные лады и во всех падежах слова: буржуазия, контрреволюция, завоевания революции, пролетариат и т. п. «Довольно кровушки нашей попили…», «Вся власть народу…», «Да здравствует революция!..»

В городах на Кубани делалось все то же, точно по трафарету, что происходило в других местах России.

Но казаки, внимательно следя за происходящим, участвуя в

революционных демонстрациях, думали свою думу и были себе на уме.

На собранном в апреле месяце временным областным исполнительным комитетом областном съезде представителей Кубанской области казаки сразу почувствовали грозящую их существованию опасность, так как было решено власть по управлению краем передать областному исполнительному комитету.

Казаки заволновались и, собравшись вслед за съездом на свою казачью Раду, постановили образовать свое Войсковое правительство, которое по общекраевым вопросам входило целиком в состав областного исполнительного комитета, а в делах казачьих управлялось самостоятельно{26}.

Предшествовавший Раде областной съезд с заправскими ораторами из учителей, рабочих и крестьян уже достаточно развратил казаков и отравил их ядом наблюдаемого ими успеха ораторов, аплодисментов и криков одобрения. Чтобы сорвать аплодисменты, не останавливались ни перед чем, и всякая речь неизменно заканчивалась крылатыми словами о свободе, революции и власти народа! Казакам уже была привита мысль, что можно обойтись без интеллигенции и, в особенности, без генералов и офицеров.

Помню, в Раде читалось постатейно положение о войсковом штабе. В одном из параграфов положения говорилось, что начальником штаба должен быть офицер Генерального штаба. Казакам это не понравилось. Во время перерыва, в кулуарах, я подошел к группе станичников, о чем-то шумно говоривших:

«Шо воны опять суют нам генералов, — говорил один член Рады, — опять старый режим!»

«Шо-жь, Петро Ахфанасьевич, — обратился оратор к одному почтенному, с нашивками, сверхсрочной службы, уряднику, — вы десять годив були станичным инструктором, хиба ж вы не справитесь с обязанностью начальника штаба?»

Петро Ахфанасьевич скромно потупился и сказал:

«Ни, шо-жь, я можу, тилько трудновато…»

Среди казаков нередко можно было услышать мнение, что теперь свобода и войсковым атаманом должен быть простой казак.

Но это говорилось под сурдинку. Открыто с такими претензиями никто выступать не решался. Наоборот, когда со стороны представителей Армавирского района — не казаков — была сделана попытка подорвать авторитет областного комиссара К.Л. Бардижа — депутата 4-х Государственных Дум по Кубанской области, — то в противовес этой попытке устроили Бардижу

шумную овацию.

Тем не менее решено было обойтись без атамана, власть которого переходила к Войсковому правительству.

Каждый отдел{27} пропорционально населению избирал в правительство одного или двух лиц, а эти, в свою очередь, избирали себе председателя. Я попал в правительство от Лабинского отдела{28} и был избран председателем голосами всех, кроме одного — Манжулы, который во время выборов демонстративно ушел из помещения.

Иван Макаренко был избран товарищем председателя.

Состав Войскового правительства, точно так же, как и областного исполнительного комитета, был случайный, пестрый, преимущественно из лиц, ранее никому не известных и ничем себя не проявивших.

Предполагалось, что старое бюрократическое начальство не давало хода этим деятелям и они, умышленно затертые, были в тени. Большинство было без всякого образовательного ценза, без служебного стажа и без достаточного житейского опыта.

Плодотворной работы от такого аппарата ожидать было нельзя. И действительно, облисполком, приступив к рассмотрению первого дела об учителе Омельченко{29}, которого товарищи по учительской семинарии выгнали из своей среды за большевистскую пропаганду, застрял на этом деле и так до конца своего существования из него не вылез.

Сколько помню, ни одного другого вопроса комитет окончательно не разрешил.

В свободное от заседаний в комитете время работало Войсковое правительство.

Все свое внимание и энергию я употреблял на то, чтобы не допустить развала еще существовавших на местах отдельных и станичных управлений, и с этой целью всячески противодействовал тенденции заменить старых опытных техников дела новыми, молодыми, не имеющими никакого представления о механизме административного управления, но заявившими себя ярыми сторонниками революции. Я ставил себе задачей дотянуть как-нибудь до возвращения Кубанских войсковых частей с фронта, где находился весь цвет и надежда Кубани.

С фронта приходили сведения очень бодрые. Кубанские казаки твердо стояли на позиции и терпеливо ожидали смены. Присылаемые почти от всех строевых дивизий делегации свидетельствовали о непреклонной воле казаков сберечь Кубань от политической бури.

Некоторые делегации прямо говорили нам, что если мы

уступим хоть одну йоту казачьих прав, то возвратившиеся хозяева края привлекут нас к ответственности.

Нам задавали вопросы, справимся ли мы с принятой на себя задачей, а некоторые прямо упрекали, что мы не имели права без фронтовиков организовывать власть и являемся захватчиками.

Войсковое правительство было смущено, особенно скверно себя чувствовал хорунжий Иван Макаренко.

Молодой и здоровый, он постоянно нарывался на вопрос, почему он не на фронте. Сначала он пытался всячески заискивать у делегатов, но кончил тем, что стал уклоняться от объяснений с ними, заболевая в те дни, когда предстоял правительству прием новых делегатов.

В конце концов мы столковались, с делегатами, которым я заявил, что мы вынуждены были взять власть в руки, чтобы она не попала к иногородним, что мы являемся только душеприказчиками, блюстителями власти и как только явятся домой хозяева, мы охотно передадим им власть.

Во всяком случае, было решено в сентябре месяце вновь собрать Раду с участием представителей от фронта.

Фронтовики же настойчиво требовали замены Войскового правительства выборным Войсковым атаманом.

Пока что работа в правительстве настраивалась туго.

Во главе медицинского дела был поставлен член правительства — сотенный фельдшер Гуменный. Разбитной и неглупый казачок, но пьяница и картежник. Проводя ночи в игорных притонах и трактирах, Гуменный вошел в связь с екатеринодарскими большевиками и, когда мы ушли в Ледяной поход, он остался и поступил на службу к Сорокину.

Не много лучше стояло дело в остальных отраслях управления: судебной, финансов, внутренних дел и военной.

Иван Макаренко в правительстве занял исключительное, привилегированное положение. Имел отдельное от правительства помещение; текущими делами не занимался, заявив, что разрабатывает проекты положения об управлении Кубанским краем. Со мной Макаренко держался сдержанно-холодно, немного свысока и снисходительно. Для меня было ясно, что мое нахождение во главе управления он считает временным, что я человек старой школы и ко времени не подхожу, да и не обладаю к этому нужными способностями. Впрочем, таково было отношение его и ко всем окружающим. Все знали, что Макаренко только самого себя считал способным возглавлять Кубанское войско и готовился к этому упорно и настойчиво. У Макаренко были сторонники не только на Кубани, но и на Дону, куда, как ниже будет указано, он часто ездил по делам возникшего тогда

плана учреждения Юго-Восточного союза.

Я теперь не помню, кому первому принадлежит мысль о союзе Дона, Кубани и Терека, но знаю, что мысль эта встретила повсюду очень большое сочувствие и за нее схватились правительства всех трех казачьих областей.

В июле в Новочеркасске, под председательством атамана Каледина, было собрано совещание, посвященное этому вопросу. От Кубани присутствовали я и К.Л. Бардиж; от терцев были атаман Караулов и член правительства Ткачев, прибыли также донские и астраханские калмыки во главе с князем Тундутовым. Донское правительство в совещании участвовало полностью. Докладчиком был Митрофан Петрович Богаевский.

Каледина я немного знал раньше, когда он был начальником войскового штаба при Войсковом атамане Самсонове в 1907 г., а Богаевского видел в первый раз. Каледин значительно постарел, что бросалось в глаза, особенно когда он задумывался, а это случалось с ним очень часто, даже во время совещания. Лицо его делалось утомленным и очень грустным, сам он весь как-то опускался и делался сутуловатым. Это был человек до крайности переутомленный. Но когда Алексей Максимович говорил, он выпрямлялся, лицо делалось приветливым, голос звучал твердо и ощущение его болезненности проходило. Все, что говорил Каледин, было просто, умно и практично. Он был в ореоле боевой славы, и слушали его все внимательно, стараясь не проронить ни одного слова.

Совещание под его председательством протекало солидно и спокойно. Только молодой и жизнерадостный М.А. Караулов вносил в совещание тон оживления и веселья. Выступления его всегда отличались своеобразностью, крайней решительностью и неизменно сопровождались предложением совершенно законченной, хорошо средактированной резолюции. Но когда Каледин и другие члены конференции основательно разбивали доводы М.А., то он также быстро предлагал новую компромиссную резолюцию, не менее первой красиво и ясно изложенную.

В центре общего внимания был также и помощник войскового атамана — Митрофан Петрович Богаевский — донской Златоуст. Роль докладчика не давала М.П. простора развернуть своих красноречия и темперамента. Но все же в его манере говорить чувствовался мастер слова — человек с искрой Божией. Замечательно было его отношение к атаману — почтительно-нежное, без всякого оттенка заискивания, любовное, сыновье.

Я завидовал донцам, что у них есть такой атаман, и завидовал Каледину, что у него такой помощник.

Конференция была закончена при полном единодушии всех ее членов. Решено было составить особую комиссию по разработке положения о Юго-Восточном союзе, для чего каждое казачье войско должно было прислать в Новочеркасск специальных уполномоченных.

Разъезжающиеся по домам делегаты верили, что Юго-Восточный союз, возглавляемый генералом Калединым, создаст надежный оплот против бушующей и бунтующей Великороссии.

От Кубани в числе других уполномоченных в комиссию попал и Иван Макаренко. Это его очень устраивало, так как второстепенное положение на Кубани не удовлетворяло его.

Я же был очень доволен, что дело Юго-Восточного союза потребовало выезда из Екатеринодара Макаренко и работа без него пошла намного спокойнее.

Я не буду останавливаться на работе так называемого областного совета, выделенного областным съездом в качестве контрольного и законодательного аппарата и периодически собиравшегося в Екатеринодаре{30}. Председателем его был избран Н.С. Рябовол.

Это была самая бессовестная говорильня.

Я теперь не могу припомнить ни одного сколько-нибудь значительного Момента в жизни совета, ни одного красивого жеста, ни тем более ни одного плодотворного, разумного распоряжения этого органа власти. Бесконечные споры, пререкания, пересуды и ссоры составляли единственный и постоянный предмет длительных заседаний этого учреждения.

Деятельность исполнительного комитета и областного совета, поглотивших громадные областные средства на свое содержание, не оставила по себе никаких следов, а у лиц, принимавших в них участие, могли сохраниться только жгучий стыд и раскаяние.

Все чувствовали необходимость реорганизации власти и с нетерпением ждали сентябрьской казачьей Рады.

В сентябре начали съезжаться в Екатеринодар представители фронта и представители разных войсковых комитетов.

Первенствующую роль пока всюду играли офицеры, а на частных казачьих собраниях в большинстве случаев они же и председательствовали.

Выяснилась безусловная необходимость избрания Войскового атамана, тем более что донцы и терцы уже имели своих атаманов. Было ясно, что военная партия будет играть значительную роль в Раде.

Группа — Макаренко, Рябовол, Манжула и другие — не надеялась провести своего кандидата в атаманы, а потому

энергично приняла меры к его обезвреживанию и составляла проекты положения о будущей власти, в котором всячески урезывала роль атамана, который должен был «атаманствовать, но не управлять».

В описываемое время еще и помину не было о том течении, которое впоследствии вылилось в самостийничество.

Происходило только соперничество между двумя половинами казаков: черноморцами и линейцами.

Черноморцы, ведя свою генеалогию от запорожцев, несколько свысока смотрели на линейцев, пришедших с Дона, и еще в дореволюционное время всегда старались играть первенствующую роль в делах войска, что им в значительной мере и удалось, со времени назначения наказным атаманом генерала Бабыча — черноморца по происхождению. Все высшие должности по управлению войском были заняты черноморцами. Линейцы волновались, немного роптали по станицам, но рознь эта мало отражалась на жизни казаков, а в строевых частях совсем не чувствовалась.

Но выборы атамана должны были обострить и действительно обострили эти взаимоотношения.

Возможными кандидатами со стороны черноморцев являлись: К.Л. Бардиж и Генерального штаба генерал Кияшко, находившийся в Туркестане. Но Кияшко был очень правых, «черносотенных» политических убеждений и передовыми черноморцами не выдвигался. Популярность Бардижа значительно упала за время его сотрудничества в роли комиссара с областным исполнительным комитетом; но все же он являлся самым приемлемым для вожаков черноморцев кандидатом, Необходимо было устранить формальное обстоятельство, которое могло помешать выставлению этой кандидатуры. Бардиж был правительственным комиссаром, и совместительство этой должности с должностью атамана могло быть поводом кассации выборов и, кроме того, возникало опасение, что многие сторонники Бардижа предпочтут видеть его по-прежнему на высоком посту комиссара.

И вот на одном из первых заседаний собравшейся Рады, председателем которой был избран Рябовол — личный друг Бардижа, — К.Л. выступил с заявлением, в котором, перечислив свои заслуги перед краем, сообщил о своем намерении сложить полномочия комиссара. Представители линейцев, разгадав этот шахматный ход Бардижа, шумно стали просить К.Л. остаться, ссылаясь на опасность появления нового, неизвестного казакам комиссара. К линейцам присоединились не понявшие подоплеки дела черноморцы. Тщетно Рябовол пытался намекнуть Раде, что

Бардиж не совсем оставляет Кубань и что «с почтенным Кондратаем Лукичем мы можем встретиться на другом поприще».

Рада бурно просила Бардижа не оставлять комиссарство. На этот раз овация не доставила никакого удовольствия К.Л. и, обменявшись с Рябоволом кислыми взглядами, он ни с чем сошел с кафедры.

Но недели через три, накануне дня, назначенного для выборов атамана, К.Л. Бардиж повторил свое заявление, на этот раз в самой категорической форме, прибавив, что об уходе он телеграфировал Временному правительству в Петроград.

Теперь Бардиж и Рябовол шли уже в открытую, и все знали, что завтра избирательная урна Бардижа будет стоять на столе.

Линейцы выставили мою кандидатуру, а черноморцы, кроме Бардижа, указали на Кияшко, согласия которого испрошено не было, но предполагалось (вполне, впрочем, основательно), что он не откажется.

Шансов у черноморских кандидатов было мало, но они нужны были, чтобы лишить линейского кандидата торжества единогласного избрания.

Результаты выборов были новым ударом для самолюбия К.Л. Бардижа, он получил избирательных шаров значительно меньше, чем Кияшко.

Политическая карьера бессменного кубанского думского делегата была определенно закончена. Он это понял и уехал к себе на хутор, где занялся сельским хозяйством.

К этому времени начались уже партизанские действия разного рода кубанских добровольческих отрядов. Появились отряды Галаева, Покровского, Лисевицкого и других.

Лавры Покровского не давали покоя К.Л., и он создал план, которым предполагал сразу вернуть себе любовь кубанцев и затмить успехи самонадеянных пришлых партизан. Он решил поднять Черноморье, создать армию гайдамаков и с нею очистить Кубань от наплыва большевиков.

Первые дни затея эта имела некоторый успех, и К.Л. удалось собрать тысячи три гайдамаков. Но воинского духа в них вдохнуть он не сумел. Гайдамаки разбежались при первой же слабой попытке наступления большевиков со стороны Новороссийска и станицы Крымской. КЛ. Бардиж, жестоко разочарованный и потерявший во все веру, вернулся в г. Екатеринодар.

Задень или два до выступления Кубанской армии, правительства и Рады в Ледяной поход, КЛ. имел неосторожность сепаратно выехать с двумя своими сыновьями-офицерами из Екатеринодара. На Черноморском побережье они были захвачены

большевиками и зверски убиты. Останки мученически погибших Бардижей были женой и матерью перевезены в Екатеринодар и торжественно погребены на исторической крепостной площади — в ограде войсковой церкви.

Прежде чем перейти к изложению дальнейших событий, я чувствую необходимость ответить на естественный вопрос со стороны читателя: как казаки отнеслись к известному Корниловскому выступлению и что происходило на Кубани во время, когда «Дикая» дивизия и казаки генерала Краснова подходили к Петрограду?

Дело в том, что, к счастью для лиц, стоявших во главе управления, сведения о Корниловском выступлении сделались достоянием широких масс уже в то время, когда у правительственного комиссара, а через него и у председателя Войскового правительства были сведения о постигшей это выступление неудаче.

Я говорю к счастью, потому что неказачья часть населения Кубанской области и часть казаков, уже распропагандированная социалистами, твердо держались «завоеваний революции» и выступление Корнилова рассматривалось ими как преступление.

Большая же часть кубанского офицерства и идущих за ними казаков склонны были сочувствовать Корниловскому движению.

Депутаты фронтовиков ежедневно являлись ко мне с требованием выявить свое отношение к событиям в Петрограде и прозрачно намекали на необходимость Войсковому правительству поддержать дело Корнилова.

Срочно проверив сведения о положении дел в Петрограде, правительство приняло меры к ликвидации вызванных движением волнений.

Несомненно, назревавший конфликт между двумя слоями населения, рассосался, не достигнув опасных для порядка размеров.

В случае удачи Корнилова казаки, в массе своей, несомненно, отнеслись бы к нему сочувственно{31}.

Я был первым выборным атаманом на Кубани.

Привод к присяге и вручение атаманской булавы сопровождались торжественным молебствием на войсковой соборной площади при громадном стечении народа.

По старому запорожскому обычаю старейший кубанский казак Ф.А. Щербина помазал мне голову землею, для того чтобы я помнил свое демократическое происхождение и не зазнавался{32}.

У запорожцев этот обычай сопровождался фактическим предоставлением атаману почти неограниченной власти, вплоть до распоряжения жизнью сечевика. А первая кубанская

конституция не давала кубанскому атаману никаких прав, отнимая от него даже право приглашения премьера правительства. Все правительство целиком было дано атаману по выбору так называемой Законодательной Рады. Но об этом дальше.

Краевая рада, согласно принятого ею основного закона о. положении управления Кубанским краем, выделила из своего состава Законодательную Раду, которая должна была создать краевое правительство.

На этом сессия закончилась, и Краевая Рада в половине октября прекратила свою работу, чтобы в декабре вновь экстренно собраться.

Избранные члены Законодательной Рады также разъехались на отдых до 1 ноября. Я остался один с подлежащим упразднению аппаратом Войскового правительства, многие члены которого, под разными предлогами, стали уклоняться от работы.

Положение мое, как атамана, в этот период было особенно тяжело. По уходу К.Л. Бардижа, обязанности правительственного комиссара Временного правительства были возложены на меня. Это очень устраивало казаков, так как устраняло опасность появления среди нас лица, могущего ставить нам палки в колеса. Даже впоследствии, когда большевики захватили власть и Кубанская рада постановила всю полноту власти принять на себя, было решено, что мне не следует отказываться официально от обязанностей комиссара, чтобы предотвратить претензии иногороднего, уже болыневиствующего элемента на главенство в делах гражданского управления в крае.

За отсутствием достаточно авторитетных и опытных военачальников (все здоровое и сильное было на фронте) я должен был принять на себя также исполнение обязанностей начальника гарнизона.

Все это, в связи с начавшимся большевистским брожением в населении и неожиданным появлением в Екатеринодаре запасного артиллерийского дивизиона, состоящего из трех тысяч уже расхлябавшихся воинских чинов при 24 орудиях, до крайности осложняло положение.

При первых появившихся слухах о том, что этот дивизион может быть переброшен из Тифлиса к нам, на Кубань, я писал главнокомандующему Кавказской армией генералу Пржевальскому о необходимости отмены такого перемещения и получил от него заверение, что он не допустит расквартирования дивизиона на Кубани. Но, как говорят, екатеринодарский городской голова Адамович поехал в Тифлис и убедил уже народившийся и всем распоряжавшийся в Тифлисе совдеп

поставить в Екатеринодаре в противовес казачьему засилью артиллерийскую часть, обещая ей удобное расквартирование. Как снег на голову явился в Екатеринодар этот дивизион, которому ничего не стоило смести всех нас с лица земли.

В распоряжении правительства находились только караульная команда, запасный пластунский батальон, 233-я пехотная дружина и гвардейский дивизион (юнкерское казачье училище должно было сформироваться только к 1 ноября).

Команда, батальон и дружина несли караульную службу в городе, и их едва хватало для занятия нужных постов. 233-я пехотная дружина, по свидетельству ее командира, были крайне ненадежна.

Вполне надежным оставался гвардейский дивизион, но он состоял из чинов, уже окончивших срок действия службы, тянувшихся к дому. К тому же пропаганда начала проникать и в эту часть и грозила ее разложить. Чтобы спасти доброе имя дивизиона и сохранить его от развала, решено было старых казаков отпустить по домам, а из станиц набрать молодых, которых взять в руки и воспитать в правилах строгой дисциплины. К описываемому времени в дивизионе было всего около 80 человек надежных казаков.

Но репутация дивизиона стояла высоко, близость возвращения строевых казачьих частей с фронта учитывалась всеми, и артиллерийский дивизион первое время вел себя прилично. Однако присутствие бравых вооруженных солдат, наводнивших город, очень ободрило местных большевиков, которые замитинговали на перекрестках улиц, на площадях и появлялись на всех казачьих собраниях.

Нужно было принять какие-либо меры — очевидно, прежде всего нужно было разоружить артиллерийский дивизион, 24 орудия которого, поставленные на самой большой площади города — на сенном базаре, угнетающе действовали на настроение лояльной части населения.

Ходили слухи, что большевики предлагают поставить пушки вокруг города и под угрозой расстрела города заставить казаков передать им власть.

Нужно было действовать наверняка, всякая оплошность могла создать большие осложнения, а может быть, и падение власти.

Иван Макаренко чувствовал это более других и потому на секретные совещания о способе разоружения дивизиона не приходил, хотя правительством был уполномочен вместе с есаулом Бардижем (сыном К.Л. Бардижа) мне в этом помочь.

Бардижу задача казалась совершенно простой, и он находил,

что один гвардейский дивизион может открыто отнять у артиллеристов их пушки.

Я остановился на плане, который обеспечивал успех при полном отсутствии ненужной шумихи, а главное, без всяких кровавых жертв.

Выждав прибытия юнкеров училища, я приказал командиру дивизиона и начальнику училища окружить сенной базар на рассвете 1 ноября, арестовать орудийную прислугу и вынуть замки из орудий, а затем, если обстановка позволит, то вывезти и сдать в казачьи части и орудия.

Я предполагал, что митингующие и пьянствующие всю ночь солдаты дивизиона к утру будут спать мертвым сном и сопротивления не окажут. Необходимо было только соблюдение тайны предполагавшегося разоружения.

Ровно в шесть часов утра, как было условленно, командир дивизиона полковник Рашпиль (впоследствии погибший под городом Екатеринодаром 30 марта) сообщил мне, что замки орудий вынуты и доставлены куда следует, а пушки постепенно перевозятся в места расположения казачьих частей.

Прислуга при орудиях не только не оказывала сопротивления, но, окончательно растерявшись, охотно передала свои револьверы и штыки казакам и помогла упряжке орудий и вывозу их с площади.

Проснувшиеся артиллеристы долго не могли понять, в чем дело, горожане узнали о разоружении дивизиона лишь от торговок на базаре.

Дивизион был обезврежен.

Собравшимся к 11 часам утра 1 ноября членам Законодательной Рады я подробно сообщил об этом обстоятельстве!

К удивлению своему, из вопросов отдельных членов Рады я понял, что они не удовлетворены: почему попутно не отобраны все револьверы, все шашки?!

Законодательная Рада в целях удобства ее охраны и предупреждения возможности каких-либо выпадов со стороны опозоренных артиллеристов была приглашена мною для занятий в помещении дворца, где она и занялась формированием правительства.

Больше всего я опасался, чтобы главой этого правительства не был поставлен Иван Макаренко.

До меня доходили сведения, что им уже принимаются меры в этом направлении. К счастью моему и к счастью Кубанского края (так я тогда думал), на горизонте кубанской жизни появился Лука Лаврентьевич Быч, и Макаренко сразу отошел на второй план. Все

говорили, что Быч, которого я до сего времени совершенно не знал, весьма серьезный общественный работник, с юридическим образованием и значительным служебным стажем. Он был некоторое время городским головой в Баку, а в последнее перед появлением в Екатеринодаре время — уполномоченным по снабжению продовольствием Кавказской армии.

Я искренно приветствовал избрание Законодательной Рады Л.Л. Быча Представителем правительства и откровенно высказал это самому Бычу.

Справедливость требует сказать, что при многочисленных последующих разногласиях мы, кажется, твердо сошлись в одном — это во взгляде на Ивана Макаренко. Л.Л. по достоинству оценил это несчастье Кубанского края.

Выбор остальных членов правительства — «министров» затянулся очень надолго. Людей, подготовленных к этой работе, было мало, а опыт Войскового правительства обязывал замещать ответственные должности с большой осмотрительностью.

Меня, естественно, очень интересовал выбор военного министра. Желательным для меня был полковник Генштаба Успенский, начальник штаба одной из находящихся в Кавказской армии казачьих дивизий, и я принял личное участие в Законодательной Раде при обсуждении кандидатуры на этот пост.

После данной мной аттестации Успенский почти единогласно был избран на роль члена правительства по военным делам.

Партийных группировок в Законодательной Раде еще не намечалось, и было заметно общее, по-видимому, вполне искреннее, желание создать работоспособное правительство.

Н.С. Рябовол — председатель Законодательной Рады, как-то сказал мне, что в его лице я найду благожелательного советника, что фактическое управление краем должно перейти к неофициальному совету из четырех лиц: атаман, Быч, Рябовол, Бардиж-отец.

Несмотря на то что репутация Рябовола значительнее была подорвана какой-то темной историей о незаконном использовании им сумм Черноморско-Кубанской железной дороги, в управлении которой он был одним из директоров, все же имя его было очень популярно среди черноморцев. Он славился как опытный техник по ведению разных собраний и неизменно избирался в них председателем. С момента революции, когда такие качества очень ценились, Рябовол стал играть видную роль на Кубани. Он был председателем областного совета, бессменно председательствовал в Радах, начиная с сентябрьской сессии; по создании Законодательной Рады он стал ее Председателем.

Первое впечатление Рябовол производил очень невыгодное для себя. Но уже получасовая беседа с ним рассеивала это первое впечатление, и незаметно для себя собеседник вовлекался Рябоволом в живую интересную беседу с оттенком, располагающим к искренности.

В деле же управления заседаниями Рады он достиг полного совершенства. Никто лучше его не мог подготовить Раду к вынесению решений, желательных для него и поддерживающей его группы.

Это был талантливый жонглер, передергиватель партийных карт и малодобросовестный общественный деятель.

Оппозиционная группа Рады ценила и пользовалась в Раде талантом Рябовола, но благоразумно уклонялась от выдвижения его на роли, связанные с распоряжением войсковыми капиталами или другими ответственными исполнительными функциями.

Но самого Рябовола уже тяготила почетная роль бессменного председателя Рады, и он охотно переменил бы свое амплуа. Предприимчивая, кипучая натура Рябовола искала приложения своих сил на другом поприще, и он начал искать места для связи с более уравновешенною частью казаков, поддерживающей атамана, а его близкие заметно проводили мысль, что «атаману Филимонову следует сблизиться с Рябоволом и избрать его Председателем правительства».

Такой комбинацией из лиц популярных: одного — в Черноморье, а другого — на Линии, достигается недостающее объединение кубанцев — прекратится разъедающая Кубань разноголосица и подымется авторитет власти в глазах Добровольческой армии (дело было весной 1919 г.).

Я лично могу только свидетельствовать, что ровно за неделю до своей насильственной смерти Рябовол демонстрировал некоторый поворот в своих взглядах на полуофициальном обеде, устроенном мною на другой день после злосчастного ужина, закончившемся инцидентом с речью генерала Деникина*.

На обеде присутствовали атаманы донской, терской и астраханский, а также председатели всех казачьих правительств, а Рябовол был приглашен вместе с Султаном Шахим-Гиреем, как представители Краевой и Законодательной Рад, избранные к тому же членами конференции в г. Ростове по созданию общерусской власти.

Обед прошел очень оживленно в искренней беседе и сопровождался теплыми речами с призывом к единению. Особенно оживлен был Рябовол и много говорил о необходимости покончить распри и договориться до хорошего конца.

Он уверял, что едет в Ростов, с целью воздействовать на

непримиримую часть кубанских делегатов (Макаренко и К°) в духе разумной уступчивости.

Обращаясь к моей жене, Рябовол несколько раз повторил:

«Я знаю, что вы и Александр Петрович (это мое имя) меня не любите, но подождите, скоро мы будем друзьями». И просил оставить у себя на память о нем очень изящно сделанную металлическую зажигалку.

14 июня 1919 г. Рябовол был убит в вестибюле гостиницы «Палас» в г. Ростове-на-Дону, куда он вечером ходил с какой-то дамой.

Казаки приписывают это группе неизвестных офицеров Добровольческой армии.

Если это верно, то нужно сознаться, что убийством Рябовола были достигнуты результаты неблагоприятные. Рябовол появился в ореоле мученика, а его место, как увидим ниже, заняли лица, имеющие все его недостатки и не обладавшие его достоинствами.

Примерно около половины ноября 1917 г. сформировано было новое правительство, во главе которого стал Л.Л.Быч. Роль, значение и деятельность этого политического деятеля будут выясняться попутно с изложением событий.

По кубанской конституции правительство это было поставлено вне всякой зависимости от атамана и было подотчетно Законодательной Раде.

Между традЈІ. Бычиционно-историческим представлением об атамане и атамане, созданном ухищрениями Ивана Макаренко и его присных, ничего общего не было. Соглашаясь на принятие должности атамана, я, конечно, учитывал трудность своего положения, но тогда мне верилось, что любовь к краю и опасность, непосредственно ему угрожающая, устранят всякие интриги на почве несовершенства конституции. Я тогда думал, что если не чувство долга, то чувство самосохранения заставит всех работать на пользу края и родины.

Оппозиционная группа, потерпевшая неудачу на выборах, злорадствовала, ждала неминуемых конфликтов между атаманом и правительством, и считала, что «атаману останется только прием парадов».

Но это было все-таки не совсем так. Атаман был главой всех воинских сил на территории Кубани. Атаману принадлежало право назначения всех должностных лиц в крае. Атаману предоставлялось право помилования. Правда, без скрепы соответствующего «министра» распоряжения атамана силы не имели, но в делах военного управления «штатские» правители плохо разбирались и первое время в них не вмешивались.

Революцию я считал стихийным народным бедствием;

«углубление» ее считал безумием и преступлением, никаких положительных завоеваний революции я не ждал.

Возможности какой-либо творческой, созидательной работы я не допускал.

Роль всякого порядочного человека мне представлялась такою, какая бывает во время приближения пожара, наводнения или эпидемии. Нужно было спасать, что можно, нужно ставить заградительные плотины, принимать меры от заразы.

Я никогда не допускал мысли, что русская революция может протекать по каким-либо заранее намеченным руслам той или иной политической программы, что ею будут руководить идейные люди, что она будет повторением великой французской революции.

Мне представлялось бесспорным, что Россия будет переживать бедствия, однородные с эпохой смутного времени, времени бунтов Стеньки Разина и Емельяна Пугачева.

Я считал, что благо, которое может оказаться в результате столь ужасного стихийного движения, будет куплено ценой такого человеческого горя, крови и страданий, что лишь в безумной, забытой Богом голове маньяка может родиться идея революции в такой стране, как Россия. И действительно, вся Россия, в частности и Кубань, обратились временно в дом таких маньяков.

Когда «демократы» всех рангов и калибров кричали: «Всякий народ имеет право на революцию», «Да здравствует великая русская революция», «Да здравствует пролетариат», «Вся власть народу» — мне хотелось крикнуть: «Караул»!

Но я был призван к руководящей роли, нужно было сохранить спокойствие, нужно было вести себя, как ведут врачи в психиатрической больнице.

Самое главное внимание пришлось все же обратить на организацию военной силы.

Я надеялся, что если хоть десятая доля того, что говорили нам делегаты с фронта, подтвердится и если наши строевые части вернутся не разложенными большевистской пропагандой, то мы будем спасены. Но в этом отношении нас ожидали глубочайшие разочарования.

Как я уже говорил, мы пока что удачно справлялись при наличии очень ограниченных сил екатеринодарского гарнизона с нашествием большевистских воинских банд и держали глухо будирующие слои неказачьего населения в рамках приличия. Но с каждым днем делать это становилось все труднее.

Кубанское правительство, Законодательная, а потом и Краевая Рады стали на определенный путь безусловного

непризнания большевистской власти и ввиду падения Временного правительства резко отмежевались от советской России.

Единодушие и твердость, с которой кубанцы стали на этот путь, во многом обязаны JIJL Бычу. Нужно отдать ему справедливость — наиболее сильные и горячие его речи сказаны им, были в период успеха большевиков и отличались беспощадной критикой их программы. Быч если не убедил, то заставил замолчать не только у себя в правительстве, но и в обеих Радах слабых или уже распропагандированных членов Рады, склонных к примирению с большевиками и совместной с ними работе, что было им ярко выражено в его речи на заседании Краевой Рады 12 декабря 1917 г.

Позиция, занятая казаками, обострила их отношения с кубанскими большевиками, которые надеялись еще на разложение Рады. Они стали, в свою очередь, организовываться в районах, где преобладало иногороднее население.

В поселке Гулькевичи появился некто Никитенко, который успешно объединил рабочих, служащих в окружающих Гулькевичи больших хозяйственных экономиях известных овцеводов Петрикова, Меснянкиных, Николенко, Пеховских и других. К нему примкнули подонки всех иногородних в станицах, а также большевики соседних сел Ново-Михайловского и Кубанского.

Никитенко называли комиссаром всего района, и популярность его росла.

По просьбе управляющего свеклосахарным заводом графа Воронцова-Дашкова и землевладельца Меснянкина на станции Гулькевичи была поставлена полусотня Черкесского полка для охраны от начавшихся грабежей и насилий. Но вскоре мне донесли, что по распоряжению Никитенко горцы обезоружены, а некоторые из них арестованы, ружья и патроны розданы жителям поселка Гулькевичи.

Такую дерзость нельзя было оставить безнаказанной. Я приказал командиру Черкесского полка Султану Келеч-Гирею, блестящему боевому полковнику, пользующемуся любовью и уважением горцев, собрать расположенных по аулам всадников и лично отправиться на Гулькевичи, где прежде всего арестовать Никитенко и препроводить его в екатеринодарскую тюрьму, а затем установить порядок и отобрать все оружие у местных жителей.

На случай, если имеющихся у Султан Шахим-Гирея сил окажется недостаточно и для того, чтобы не дать повода к разговорам о том, что русское население усмиряется мусульманами, я телеграммой предписал атаману Лабинского

отдела полковнику Ткачеву оказать содействие Султану Шахим-Гирею и прибыть ко времени и месту, указанным последним, лично с казаками.

Рекомендовалось действовать быстро, без огласки, а для скорости доставления Никитенко в Екатеринодар Султан Шахим-Гирею был дан вполне исправный автомобиль.

Задача была очень проста и легко выполнима. К удивлению моему, через несколько дней я получил со станции Гулькевичи от полковника Султана Шахим-Гирея телеграмму, в которой он доносил, что оружие возвращено, порядок восстановлен, но Никитенко не арестован по причинам, о которых он и атаман доложат мне особо. Из личного доклада возвратившегося Султана Шахим-Гирея и рапорта полковника Ткачева выяснилось следующее:

Неожиданное появление в Гулькевичах отряда горцев озадачило население поселка и самого Никитенко, жители быстро, не ожидая особых распоряжений, снесли отобранное у горцев оружие и изъявили полную покорность. Никитенко почтительно уверял Султана Шахим-Гирея в своей лояльности.

Когда же к поселку стали приближаться все же вызванные Султаном казаки с атаманом отдела (для чего это сделано Султаном, точно он объяснить не мог), то Никитенко во главе с толпой своих сторонников с хоругвями и хлебом-солью пошел им навстречу и приветствовал с прибытием братьев-казаков.

Среди пластунов 18-го батальона были распропагандированные казаки. Из строя послышались выкрики: «Где же здесь большевики? Каких преступников мы пришли арестовывать?»

Полковники Ткачев и Султан Шахим-Гирей не нашли удобным забрать Никитенко, и он остался на свободе.

Повторилось явление, очень часто мною наблюдаемое, характерное для пережитого нами времени. Оказывается, что многие люди, способные на проявление высокого героизма и храбрости, в то же время способны легко впасть и в слабость, и в нерешительность. Для многих легче совершить самый рискованный подвиг, чем длительно, спокойно, умно и решительно действовать.

Вся история борьбы белых с большевиками переплетена случаями невероятного, сверхчеловеческого героизма, с явлениями малообъяснимой нерешительности, малодушия и даже предательства.

За свою нерешительность оба весьма доблестные полковники Ткачев и Султан Шахим-Гирей расплатились жестокой ценой.

Популярность и силы Никитенко росли не по дням, а по

часам, и он уже имел своих агентов во всем железнодорожном районе Кавказская — Армавир. Через весьма непродолжительное после описанных событий время полковник Ткачев был схвачен большевиками в станице Григорополисской и препровожден на станцию Гулькевичи к Никитенко.

После двух месяцев невероятного издевательства и мучений Ткачев был убит в одном из подвалов армавирской чрезвычайки.

Полковник Султан Шахим-Гирей, окончательно «потерявший сердце», за несколько дней до выхода Кубанской армии в Ледяной поход, вместе с предводителем дворянства Ставропольской губернии и Кубанской области, потомком известнейшей черноморской фамилии — Сергеем Павловичем Бурсаком; георгиевским кавалером, полковником Маркозовым и присяжным поверенным В.В. Канатовым, подобно Бардижам, выехали инкогнито из г. Екатеринодара в горы. На ночлеге в одном из глухих хуторов, возле ст. Ключевой, они были арестованы большевиками Никитенко и по дороге в станицу Бакинскую зверски замучены. Родным погибших не удалось даже отыскать их тела для погребения. Четыре блестящих молодых представителей кубанского края, полных здоровья и сил, редких стрелков, спортсменов, лишили Кубанскую армию столь необходимых ей руководителей и бесславно погибли в поисках личного спасения.

Окрыленный своими успехами, Никитенко продолжал развивать свою деятельность, и говорили, что он выехал в г. Тифлис, чтобы привести оттуда на Кубань 39-ю пехотную дивизию.

Слухи о готовящемся расквартировании 39-й пехотной дивизии на Кубани начали усиленно циркулировать в Екатеринодаре. Главнокомандующему Пржевальскому было написано, а затем через особого командированного офицера, войскового старшину Проскурина, сообщено о тяжелом положении Кубанского края и о нежелательности появления на Кубани не только 39-й пехотной дивизии, но и вообще каких-либо армейских частей.

Генерал Пржевальский меня уведомил, что он отлично усваивает себе трудность нашего положения, но, к сожалению, не может помешать совершенно вышедшей из повиновения 39-й пехотной дивизии двинуться на Северный Кавказ, где по решению общеармейской организации, функционирующей в Тифлисе, ей определено расположиться в районе станицы Торговой Ставропольской губернии.

Генерал Пржевальский в то же время сообщил, что для того, чтобы предотвратить возможность остановки дивизии на Кубани и для того, чтобы в случае надобности мы могли обезоруживать

двигающуюся поэшелонно дивизию, он в первую очередь погрузит эшелоны казачьих частей, которые он рекомендовал расположить на узловых станциях: Невинномысской, Армавир, Кавказской и Тихорецкой и, образовав таким образом коридор из верных частей, пропустить через него мятежную дивизию.

Совет был прост и легко выполним, но остановка была за «верными» частями. Мы с нетерпением стали их ожидать.

Первой прибыла на Кубань из Финляндии 5-я казачья дивизия. Начальник этой дивизии, генерального штаба генерал-майор Константин Константинович Чёрный, находившийся в отпуску в Екатеринодаре, был поставлен во главе командования всеми Кубанскими частями{33}.

Генерал Черный не ручался за верность своей дивизии, и ее решено было немедленно распустить по домам.

По-видимому, мы хорошо сделали, так как скоро стало известно содержание привезенного дивизией постановления казаков, в котором говорилось, что они отпущены советским правительством на Кубань, чтобы разогнать создавшееся там контрреволюционное правительство.

Штаб дивизии, комплектовавшийся казаками Таманского отдела, расположился в станице Крымской, в узле железных дорог — Владикавказской и Черноморско-Кубанской. Вскоре эта станица стала центром большевиствующих таманцев и впоследствии много мешала нашей борьбе с Новороссийском.

Не лучше обстояло дело и с другими частями. Командиры прибывающих полков из Закавказья один за другим сконфуженно и грустно докладывали, что люди выходят из повиновения, открыто заявляют, что драться с братьями-солдатами, которые делили с казаками тяготу службы в окопах, не будут, и требовали роспуска по домам.

Попытки уговаривания не приводили ни к чему. В ответ на указания делегатов от правительства на опасность самому бытию казачества, имуществу и благосостоянию казаков стереотипно говорилось: «Мы в станицы берем свое оружие и сумеем защитить свое добро. Не нужно только натравливать казаков на солдат; это все затеи панов и офицеров».

Решено было для отрезвления фронтовиков отправить их в станицы, где царило здоровое, сочувствующее правительству настроение. Надеялись, что под влиянием почтенных стариков-отцов, под влиянием родной обстановки у казаков проснется благоразумие и любовь к станице, ко всему казачьему.

Расчеты эти оправдывались медленно, и пока что правительство по-прежнему оставалось только с одним гвардейским дивизионом.

Силы же большевиков росли, и почва под ногами правительства заколебалась. Оставалась еще одна надежда на 1-й Черноморский полк войскового старшины Бабиева{34}.

Прибытию этой части на Кубань предшествовали сведения о необыкновенной спайке полка, дисциплине среди воинских чинов и отваге командира и офицеров. Высказывалась уверенность, что этот полк не поддается никакой пропаганде.

Действительно, когда я лично выехал в станицу Кореновскую, штаб-квартиру полка, чтобы приветствовать вернувшихся с фронта казаков, то был восхищен видом и настроением всех чинов полка. Было отслужено всенародно благодарственное молебствие, полк прошел церемониальным маршем, и я долго и о многом говорил с казаками и офицерами. Создавалось впечатление, что это совершенно нетронутый революцией полк старого доброго времени, преданный долгу и своему начальству.

С чувством полного удовлетворения вернулся я в Екатеринодар и поспешил порадовать правительство сведениями о черноморцах. Первый раз за многое время послышался вздох облегчения. Но командир полка настаивал на кратковременном отпуске по домам всех казаков, гарантируя своевременность возвращения отпускных в часть, и высказал надежду, что он один, если казаки других частей ему не помешают, справится с бандами возвращающихся частей 39-й пехотной дивизии.

Для усиления охраны Екатеринодара было постановлено привлечь казаков старых годов присяги, которые по известной разверстке должны были по очереди от разных районов области являться в Екатеринодар в распоряжение коменданта города. Срок очереди был назначен очень краткий, двухнедельный, чтобы не отрывать надолго хозяев от их хозяйств. Мера эта не дала благоприятных результатов, так как прежде всего она не ложилась равномерно на все население края, а падала своей тяжестью главным образом на станицы, соседние с Екатеринодаром. А затем отслужившие, старые казаки неохотно брались за оружие и явно томились и тянулись домой; для поддержания их бодрости нужны были постоянные посещения начальствующих лиц и беседы с ними, что и создало институт уговаривающих и главноуговаривающих.

Тем временем 39-я пехотная дивизия прибыла из Тифлиса на Кубань, главной квартирой своей по приглашению Никитенко избрала поселок Гулькевичи, части ее расположились на крупных станциях района Торговая — Тихорецкая — Кавказская — Гулькевичи — Армавир. Занятие этих пунктов солдатами было стратегическим поражением кубанцев и главным источником неисчислимых бед для населения и огорчений для правительства,

закончившихся, как известно, выходом из Екатеринодара 28-го февраля 1918 г.

Кубанской армии с атаманом, правительством и Законодательной Радой.

За этот тяжкий свой грех опомнившиеся и раскаявшиеся фронтовики заплатили впоследствии своей кровью, потерей имущества, семьями; должны были совершить чудеса храбрости, сверхчеловеческим подвигом преодолеть трудности бесконечных походов, и вместе с Добровольческой армией в конце 1918 г. и начале 1919 года казаки освободили от большевиков не только Кубанский край, но и весь Северный Кавказ и помогли Дону удержать свои земли от напора красных.

Нетрудно понять, что один полковник Бабиев не мог спасти положения. Оставшиеся верными долгу до конца, черноморцы всюду натыкались на противодействие своих же казаков, в особенности пластунов{35}.

Когда черноморцы разоружили на станции Тихорецкой прибывшую туда часть 39-й пехотной дивизии, то к ним явилась сотня 16-го пластунского батальона в полном вооружении, с пулеметами и, угрожая расстрелом, потребовала возвращения отобранного оружия. Черноморцы смутились и отдали оружие. Драться со своими же станичниками они не смогли. Да и никто не решился бы предъявить им такие требования.

Все более и более становилось ясным, что пока нужно оставить воинские части старого комплектования в покое и перейти к формированию частей добровольческих.

Екатеринодар был наводнен офицерами, бежавшими из России и с Дона, а также кубанскими казачьими офицерами, освободившимися от службы после роспуска частей по станицам. Все это могло составить надежный кадр добровольцев.

Находившийся в это время в г. Новочеркасске генерал М.В. Алексеев дважды приезжал в Екатеринодар для ознакомления с положением дела и для исследования районов Северного Кавказа, могущих поставлять бойцов в формирующуюся им Добровольческую армию. Его агенты разъезжали по Кубани и вербовали охотников.

Насколько я тогда мог уловить, настроение М.В. не было радужным. Дело формирования армии шло туго; капиталисты шли навстречу вяло, и тон бесед с генералом Алексеевым (он охотно и откровенно говорил как со мной, так и со всеми кубанскими представителями, которых я собирал специально, чтобы они послушали генерала) был если не безразличным, то, во всяком случае, грустным.

Алексеев говорил, что Россия погибает, надежда только на

казаков и что казаки должны объединиться и составить оплот для борьбы с большевиками; он очень сочувственно относился к идее общеказачьего объединения и живо интересовался работами казачьей конференции. В этом объединении казачества генерал Алексеев не только не видел угрозы для единой великой России, наоборот, он находил, что это естественная историческая миссия казаков быть оплотом государства в годину лихолетья, и не только не предостерегал нас от увлечений идеями сепаратизма, но как будто бы огорчился недостаточной интенсивностью ее проявления.

Мне известно, что кубанскую власть этого времени он характеризовал как «беспомощную», «дряблую». По крайней мере этот эпитет он несколько раз употребил в беседе со мной во время совместного Корниловского похода, а затем при отступлении от Екатеринодара, когда ему казалось, что кубанское правительство мало помогает в вопросе поднятия станиц для присоединения к армии и в вопросе добывания патронов. Я понимал, конечно, что эти обвинения относятся и ко мне лично, но понимал также, что подсказаны не действительным положением вещей, а утомлением нервов.

Из дальнейшего изложения событий можно будет усмотреть, что в планы Корнилова и, особенно, Деникина не входило содействие усилению влияния и авторитета атамана и правительства. Претензии этого рода встречали самое откровенное сопротивление.

На это обстоятельство я обращаю внимание всех, кто до сих пор не избавился от страха казачьей самостийности. Этот «жупел» был принесен к нам Верховным руководителем Добровольческой армии генералом Алексеевым, который, однако, нас, казаков, учил не бояться этого жупела и быть побольше казаками.

Вообще за время пребывания генерала Алексеева во главе Добровольческой армии казаки не слышали от него обвинений в желании обособиться от России и не ввдели мероприятий, от него исходящих, направленных к понижению у казаков чувства собственного достоинства и самоуважения. Я до сих пор не сомневаюсь, что и у Деникина и его штаба не было твердой убежденности в действительной опасности казачьей самостийности. Они не могли не видеть, что казаки во главе своих войск очень настойчиво ставили людей чисто русских, выросших в условиях русской культуры и преданных России.

Для многих из добровольцев увиденное на Дону и на Кубани было неожиданным и малопонятным. Сначала иронически, а потом с раздражением они смотрели на казачьи правительства, круга, Рады и на смелость, с которой добровольцам указывалось,

что они желанные, почетные гости, но не хозяева в казачьих областях.

В дальнейшем я еще вернусь к этому весьма серьезному и больному вопросу в отношениях Добровольческой армии к казакам.

Тревожное настроение генерала Алексеева передавалось и нам, и мы решили, под давлением событий, экстренно собрать Краевую Раду, чтобы еще раз предупредить казаков о надвигающейся грозе и о необходимости срочной, в самых энергичных тонах борьбы с охватывающей край смутой. Я полагал, что сессия Рады будет кратковременна и ограничится выработкой меры воздействия на заболевших фронтовиков и на предоставление правительству всей полноты власти. В речах своих при открытии Рады и я, и председатель правительства Быч исчерпывающе нарисовали картину положения и приглашали Раду к беспощадной борьбе с большевизмом.

К сожалению, Рада, руководимая Рябоволом, отвлеклась в сторону и пустилась в многословные разговоры по разного рода более или менее острым вопросам внутренней жизни и как бы забыла стоящую перед ней главную цель. Трижды в течение сессии я указывал Раде на ненужность при данных обстоятельствах бесконечных прений и убеждал немедленно же, разбившись на группы, разъехаться по станицам, чтобы поднять сполох и поставить все войско «в ружье».

Говорильная зараза была сильней моих убеждений, и я не добился даже, чтобы мое предложение было поставлено Рябоволом на голосование.

Представители фронта, явившиеся в Раду, держали себя вызывающе и срывали несколько раз созданное правительством настроение. Положение становилось невыносимым. Я, а вслед за мною и Быч заявили, что при создавшихся условиях работать нельзя, и сложили свои полномочия. Это произвело отрезвляющее впечатление.

Рада дружно напала на фронтовиков, они покаялись и все вместе бурно и искренно просили нас остаться. Состоялось всеобщее примирение. Фронтовики поднялись на эстраду, к президиуму Рады и после покаянных речей спели кубанский гимн. Последовали объятия, поцелуи, слезы. Нужно было использовать момент и распустить Раду на места, пока не выдохлось приподнятое настроение, но этого сделано не было, и Рада вернулась к разговорам.

Ожидаемых мною результатов Рада не дала, и дело осталось в прежнем положении. Пришлось вернуться к формированию добровольческих отрядов, только в них можно было искать

спасения.

Дело организации добровольцев было поручено мною молодому и популярному герою германской войны, полковнику Улагаю. К сожалению, этот доблестный, впоследствии очень прославившийся кавалерист не оказался хорошим организатором и, провозившись около месяца с этим делом, заявил мне, что он в него не верит, так как в добровольцы записываются только одни офицеры, что рядовые казаки добровольцами служить не хотят, что специальные офицерские организации не будут встречать сочувствия в населении и потому все дело обречено на гибель. К мнению полковника Улагая присоединился и командующий кубанской армией генерал Черный.

Жаль было потерянного времени, и приходилось вновь искать подходящих людей. К нашему счастью, такие люди уже были в Екатеринодаре и сами уже приступили к работе. Офицеры, недовольные нерешительностью полковника Улагая, стали сами организовываться в отряды. Во главе первого из них, численностью около 300 офицеров, стал войсковой старшина Галаев, а во главе другого, сформированного несколько позже, численностью 200 человек, стал капитан Покровский.

Кубанское правительство в лице Быча первое время очень осторожно относилось к этим лицам и их организациям. Галаев и Покровский жаловались мне, что в то время как городское население идет им навстречу и снабжает их щедрыми пожертвованиями, правительство отказало им в ассигновании денег.

Размышлять уже было некогда, я выдал Галаеву и Покровскому из сумм, бывших у меня как у правительственного комиссара, по 100 тысяч рублей, и партизаны ожили. Я установил с ними тесную связь, и они явились основным ядром всей кубанской армии, а в течение января и февраля месяцев 1918 г. были единственной опорой Екатеринодара и кубанского правительства.

К глубокому сожалению, войсковой старшина Галаев был убит в бою 22 января 1918 г. возле полустанка Энем, в пяти верстах от г. Екатеринодара, при защите его от большевиков, двигающихся из Новороссийска. Вместе с ним была убита и его соратница, женщина-пулеметчица, прапорщик Татьяна Бархаш. Яркие события последующих дней заслонили перед обществом личности этих героев. Между тем Галаев являлся достойнейшим представителем русского, офицерства. Я до сего времени не могу о нем вспомнить без чувства самого благоговейного преклонения. На фоне уже тогда обнаружившейся распущенности, разврата, шарлатанства и авантюризма Галаев выгодно выделялся

благородством своего поведения, мужеством и непреклонной волею бескорыстно служить краю и народу. Он первый объединил[3] офицеров екатеринодарского гарнизона и в самую трудную, опасную минуту буквально грудью своей и преданных ему партизан заслонил Екатеринодар от напора вдесятеро превосходящего численностью противника и спас положение.

Галаев, несомненно, подготовил капитану Покровскому его победу у станицы Георгие-Афипской 24 января.

В своей жизни я был свидетелем многих героических *дел,* видел много доблестных воинов и бойцов, но героизм Галаева и его помощницы Бархаш превосходит все ранее виденное своей красотой, честностью порыва и мужеством. В старое время о них слагались бы легенды, пелись бы песни и имена их из рода в род передавались бы в назидание потомству. Краткое мое знакомство с Галаевым останется самым светлым воспоминанием от периода общероссийской смуты. Галаев ц Бархаш первые показали пример, как нужно служить долгу. История воздаст должное этим первым жертвам революции на Кубани.

> Капитан В.Л. Покровский был счастливее Галаева. Как известно, он впоследствии достиг больших чинов и приобрел славу. О Покровском много писалось и, вероятно, еще много будет написано, и едва ли можно беспокоиться, что заслуги Покровского останутся без надлежащей оценки. Но, к сожалению, этому, несомненно, одаренному природой человеку и выдающемуся организатору не удалось сохранить свое имя и репутацию в чистоте.

II. Последние дни на Кубани перед ледяным походом. Генералы Корнилов и Деникин

С января месяца 1918 г. события стали развиваться усиленным темпом. Разложившаяся Кавказская армия ползла по Владикавказской железной дороге, распространяясь как саранча по прилегающим районам. Разнузданные солдаты при поддержке местных большевиков наводили страх и уныние на лояльное население. В Новороссийске скопилось много частей войск, которые не решались двигаться по железной дороге через казачьи области и под руководством местного совдепа организовывались и готовились к вооруженному походу на Кубань. Новороссийские большевики связались с Екатеринодаром, Тихорецкой, Кавказской и Гулькевичи. Стала замечаться некоторая объединенное их действий, и было очевидно, что они сделают попытку захвата Екатеринодара, двигаясь по железнодорожным путям. Постепенно становилась под удары связь Екатеринодара с Ростовом, которая еще поддерживалась по Черноморско-Кубанской дороге Екатеринодар — Тимошевка — Кущевка{36}. Большевистские банды, проникая из Новороссийска через станицу Крымскую, появлялись на станции Тимошевская и время от времени прерывали связь и с Ростовом.

В один из таких моментов на Тимошевку прибыли 60 офицеров Добровольческой армии, которые следовали из Ростова в Екатеринодар на поддержку кубанцев. Новороссийские большевики окружили вагон с офицерами и пытались их разоружить. Офицеры были вооружены винтовками и объявили, что они оружие не сдадут и на попытку их задержать будут отвечать залпами. Большевики в то время действовали нерешительно и трусливо, несомненно, что проявленная офицерами решительность должна была увенчаться успехом и они благополучно бы прибыли в Екатеринодар, оставив в худшем случае, кроме трупов большевиков, несколько убитых из числа зевак, толпившихся на платформе. Но на станции находился случайно полковник кубанского войска Фесько, ехавший также в Екатеринодар; он взял на себя посредничество между большевиками и офицерами и, войдя в вагон к последним, назвал себя и убедил офицеров не доводить до кровопролития. По его мнению, были неизбежны невинные жертвы среди пассажиров-казаков, что может взбудоражить ближайшую станицу и тогда бы гибель офицеров была неминуема. Между тем сдача офицерами оружия удовлетворит большевиков и они благополучно будут продолжать путь в Екатеринодар. В этом он, Фесько, брался быть

порукой. Совет почтенного кубанского полковника, поддержанный его поручительством, показался офицерам приемлемым, и они послушались.

Большевики отобрали оружие, офицеров арестовали и отвезли в Новороссийскую тюрьму. Весть об этом быстро распространилась в Екатеринодаре, да и прибывший туда же полковник Фесько подтвердил это, конечно, затушевывая свою грустную роль в этом деле.

Мне об этом случае сообщил Быч, причем возмущению его поведением Фесько не было границ. Поведение Фесько квалифицировалось Бычем как гнусность и предательство и не могло, по его мнению, остаться безнаказанным. Я, конечно, не мог с этим не согласиться{37}.

Вообще в этот период времени у меня с Бычем было полное единомыслие. Он проявлял кипучую энергию по организации обороны Кубани и Екатеринодара, в частности, ежедневно совещался со мной о мерах противоˆ-действия росту большевизма и о лицах, кои нами привлекались к правительственной, административной и боевой работе. В общем, он высказывал трезвый взгляд на события и людей, и характеристики, даваемые тем и другим, совпадали с моими, отличаясь лишь некоторым уклоном в сторону излишней идеализации лиц, сумевших сразу ему понравиться. Замечалась также боязнь быть обвиненным в «недемократичности и контрреволюционности».

Ближе других держались к Бычу Рябовол, Манжула и Бескровный, они-то и имели на него большое влияние. Особенно считался Быч со взглядами Бескровного.

Кузьма Акимович Бескровный, или просто «Кузьма Шептун», прозванный так за склонность ко всякого рода конспирации и за манеру отводить своего собеседника в сторону и тихо говорить с ним на ухо, был известен как убежденный украинофил, популяризатор украинской мовы и украинской литературы и как лицо, имеющее связь с Петлюрой и другими украинцами. Бескровный, как известно, состоял в оппозиционной группе Кубанской Рады, все более и более уклонялся влево, кончил вступлением в группу кубанских сепаратистов и подписал в октябре 1921 г. в Праге вместе с 16 другими кубанцами резолюцию об отделении Кубани от России. Бескровный по свойствам своего характера и своего темперамента не способен был ни на какое ответственное выступление, а старался прикрыться чьей-нибудь другой, более горячей и решительной головой.

Первая более или менее значительная размолвка с Бычем у меня произошла в связи именно с этой особенностью его

закулисного советчика — Бескровного.

В конце января 1918 г. мною был разослан телеграфный циркуляр всем атаманам станиц, прилегающих к Черноморско-Кубанской железной дороге, чтобы они организовали охрану железнодорожных станций, осмотр всех пребывающих и отъезжающих в целях ареста подозрительных лиц и отбирания оружия и передач его правительственным войскам. Точность исполнения возлагалась на личную ответственность станичных атаманов и сопровождалась угрозой предания военному суду за небрежность.

К.Л. Бардиж, начавший формирование гайдамаков, говорил мне, что циркуляр произвел отличное действие и все станции исправно охраняются казаками. Я приказал отдать такое же распоряжение и по линиям Владикавказской железной дороги. Через несколько дней ко мне пришел Быч, имея очень расстроенный вид, и в официальном тоне обратился ко мне с заявлением: «Конституция всю ответственность за управление краем возлагает на правительство и атаман сепаратных распоряжений отдавать не может. Между тем вы единолично отдаете приказы в тоне старого режима, которые на местах производят отрицательное впечатление и могут вызвать вспышку неудовольствия среди казаков».

Я спросил, о каких приказах идет речь. Быч ответил, что Бескровный только что вернулся из станицы Северской, атаман которой показал ему телеграмму, в которой от него требовалось поддержание порядка и вооруженная охрана железнодорожной станции. Бескровный находит запугивание атаманов теперь несвоевременным и указывает, что эту манеру нужно оставить. Все это очень было похоже на Бескровного. Но Быч волновался и резко сказал мне, что не желает отвечать за мои распоряжения и сложит полномочия. Я прекратил объяснения, заявив, что приказ считаю целесообразным, а ему, Бычу, предоставляю свободу выводов и дальнейшего поведения.

Мы расстались сухо. Уродливое творение Ивана Макаренко и К° — кубанская конституция — давала себя чувствовать.

Центром внимания кубанского правительства по-прежнему оставалась организация военных сил, и мы буквально как рыба об лед продолжали биться с этим вопросом.

Командующий армией генерал Черный оказался человеком вялым, без инициативы и без веры в свое дело. На очереди стоял вопрос о замене его другим лицом. Старейший кубанский генерал И.Е. Гулыга не пользовался доверием в Раде; полковник Генштаба Науменко, исполнявший до сего времени обязанности начальника штаба, казался очень молодым. Выбор остановился на генерале

Букретове — не казаке по происхождению, но долго служившем с нашими пластунами, георгиевском кавалере. Первые шаги и первое впечатление, произведенное новым командующим армией, были очень выгодны для него. Бычу казалось, что мы наконец нашли то, что нам нужно. Действительно, посетив однажды ночью, в момент большой тревоги (оказавшейся преувеличенной) походный штаб армии, мы лично наблюдали Букретова за работой и были очень удовлетворены его спокойствием, находчивостью и самоуверенностью. Но ровно через неделю Букретов явился ко мне во дворец бледный, расстроенный и заявил, что он болен и нести службу далее не может. Не было и тени от бодрости и молодцеватости! Внезапность такой перемены меня очень озадачила. Я сказал Букретову, что не верю в его болезнь, что прикажу его освидетельствовать и предам суду.

«Ничего из этого не выйдет, казаки, с которыми я служил в Закавказье и на которых я главным образом рассчитывал, отказываются мне повиноваться, — безнадежно опустив голову, ответил Букретов. — Близкие мне люди советуют бросить все это явно безнадежное дело. Делайте со мной, что хотите, но я не в состоянии служить».

Указание на то, что для военного человека трудность положения не есть повод к отказу от службы, чем тяжелее положение, тем крепче нужно стоять на своем посту,'нисколько не тронуло Букретова.

По уходу Букретова я приказал генералу Гулыге временно вступить в исполнение обязанностей командующего. Быч, узнав от меня о происшедшем, необыкновенно раздражился. Букретова он назвал предателем, изменником и советовал немедленно же предать его суду. Быч упрекнул меня также за «неудачное» назначение Гулыги и успокоился только ввиду временности этого назначения.

Впоследствии Букретов, так же как и Фесько, очутился в рядах приближенных Быча, получил ответственное назначение в ведомстве продовольствия и был даже проведен этой группой в атаманы Кубанского войска, позорно преданного им большевикам в Сочи, в апреле месяце 1920 г.

Большевики медленно, неуверенно охватывали Екатеринодар кольцом окружения.

К счастью нашему, действия их не были объединены, и для нас создалась возможность бить по их частям. Новороссийская группа большевиков, не ожидая подхода «товарищей» со стороны Тихорецкой — Кавказской, подошла вплотную к Екатеринодару 22 января. Геройством галаевцев и фланговым обходом Покровского удалось отбросить их к станции Георгие-Афипской.

Такое близкое соседство с большевиками, постоянно подкрепляемыми из Новороссийска, нас, конечно, не устраивало, и Покровскому предстояла задача разбить их под станцией Георгие-Афипской.

Я никогда не забуду тревожной ночи на 24 января. От исхода боя под Афипской зависела наша судьба. Большевики накапливались, и численность их определялась Покровским в 6 тысяч, мы же могли противопоставить им всего 600–700 партизан. Покровский начал нервничать. В течение вечера 23 января и до поздней ночи он присылал мне очень тревожные донесения, в которых указывалось на получение подкреплений противником и на крайне неудовлетворительное состояние нашего отряда, который будто бы переутомлен, голоден и, ввиду отсутствия одеял и теплой одежды, мерзнет. Во всем этом Покровский резко обвинял кубанское правительство и, не ручаясь за благоприятный исход боя, возлагал всю ответственность на головы кубанских заправил.

Командированный для установления недочетов в отряде Покровского генерал Гулыга тотчас же донес, что нашел все в порядке и что партизаны ни в чем недостатка не терпят.

Тем не менее я провел очень тревожную ночь и на утро вместе с Бычем отправился к месту сражения. Бой закончился полным поражением противника и пленением некоторых из их вождей. Нам достались большие военные трофеи. Генерал Гулыга в присутствии Покровского еще раз доложил, что партизаны снабжены всем необходимым. Я спросил Покровского, чем были вызваны его тревожные донесения перед боем. Смысл ответа Покровского сводился к тому, что сделано это было им на случай неудачи, с тем, чтобы вина не упала целиком на него, Покровского.

Впоследствии я имел случай убедиться, что у Покровского в отношении меня, человека, по его мнению, «полуштатского» и «профана» в военном деле, усвоена была очень странная манера разговаривать о положении дел на Кубани. Когда я говорил, что меня беспокоит, например, Армавирский узел, где скапливаются солдатские банды, угрожающие в разных направлениях населению большого района, то Покровский с улыбкой возражал, что это пустяки, он со своими партизанами легко всех разгонит. Когда же, например, 11 марта 1918 г., после выигрыша решительного боя полковником Туненбергом под станицей Калужской, я поздравил Покровского с победой, то он озабоченно заявил, что это еще ничего не значит, что противник еще окажет сильное сопротивление в самой станице Калужской и что радоваться рано. Замечание было совершенно неосновательное,

так как у меня были сведения, так же, конечно, как и у Покровского, что противник бежал, минуя станицу Калужскую, в станицу Пензенскую.

Покровский всегда хотел подчеркнуть, что окружающие не разбираются в обстановке. Любил окружать свои действия таинственностью и многозначительностью.

Как бы там ни было, но после смерти Галаева Покровский остался единственным руководителем партизан. Успех под Георгие-Афипской, производство его мною в полковники{38}, чрезвычайно восторженная встреча благородным наследием города своего спасителя вскружила голову молодому, честолюбивому офицеру. Когда я увидел Виктора Леонидовича въезжающим триумфатором во главе войск, в сопровождении трофеев, приветствуемого криками толпы и осыпаемого цветами, я понял, что мы навсегда теряем лихого партизана, что в голове его зародятся мысли иного порядка и что скромная роль начальника партизанского отряда уже более не удовлетворит его.

Ближайшие события полностью подтвердили мои опасения.

Большевики, осуществляя, очевидно, план овладения Екатеринодаром, продвигались по железным дорогам от станиц Тихорецкой и Кавказской к Екатеринодару.

Полковник Генерального штаба Лисевицкий, состоявший до сего при штабе армии, организовал из офицерской молодежи — юнкеров и казаков — отряд и был поставлен в Усть-Лабинской станице с заданием продвигаться к станции Кавказской.

К.Л. Бардиж со своими гайдамаками взял на себя охрану Черноморско-Кубанской железной дороги; полковник Чекалов с небольшим заслоном стоял на станции Абинская, успешно сдерживая попытки начинающих оправляться новороссийских большевиков к наступлению на Екатеринодар.

Полковнику Покровскому нужно было спешно двигаться в направлении станции Тихорецкой, откуда напирали банды большевиков, оттеснив слабые станичные отряды и уже заняв, верстах в 60 от Екатеринодара, станицу Кореновскую.

Покровский с отрядом выступил в указанном направлении, выбил противника из Кореновской и с боем занял станцию Выселки.

Я считал положение Екатеринодара прочным. Нужно было только поддержать бодрость духа у партизан и усилить их количественно. Я выехал к отряду Покровского, захватывая по пути мобилизованных казаков станиц, прилегающих к железной дороге (Донской, Пластунской, Плотнировской и Кореновской). Мне казалось, что дружным объединенным ударом на Тихорецкую и Кавказскую мы могли бы овладеть этими

железнодорожными узлами и надолго обезопасить себя от непрошеных гостей, продолжающих нестройными бандами двигаться из Закавказья по Владикавказской железной дороге.

Покровскому мой оптимизм очень не понравился, он нарисовал мне мрачную картину общего положения и, указав на усиление количественно и качественно стоящих против нас большевиков, обрушился на неумелое общее руководство генерала Гулыги Кубанской армией и настаивал на его немедленном смещении. На мой вопрос, кого бы он хотел видеть заместителем Гулыги, Покровский многозначительно пожал плечами.

При отъезде я обратился к партизанам с речью, в которой указывал, что в их руках судьба Кубани и что спасение зависит от их героизма. Покровский от имени партизан ответил, что они «умрут, но не отдадут Выселок».

Назначение Покровского на пост командующего армией мне не улыбалось совершенно. Я ясно видел, что мы приобретем малоопытного, очень молодого, сомнительных военных знаний стратега и теряем несомненно выдающегося, энергичного партизана; к тому же заменить Покровского на ответственном посту в Выселках было некем.

Но Покровский упорно шел к своей цели. Через несколько дней в Законодательную Раду явилась депутация старших офицеров из отряда Покровского и заявила, что из катастрофического положения Кубань может вывести только Покровский в роли командующего армией.

Генерал Гулыга действительно не удовлетворял никого; проявляя много оптимизма и суетливости, он фактически бездействовал:, и отдельные отряды не чувствовали руководящей руки.

Естественным и желательным для меня кандидатом на пост командующего армией оставался по-прежнему полковник Улагай, но он, как и раньше, не верил в дело и, назначенный в помощь полковнику Лисевицкому в качестве начальника кавалерии, потерпел неудачу и возвратился в Екатеринодар в еще более пессимистическом настроении, чем ранее.

Я созвал совещание из представителей правительства и Рады; на совещание были приглашены Покровский и генерал Эрдели, проживавший в то время *в* Екатеринодаре. Полковник Лисевицкий на совещание не приехал, а прислал письмо, в котором высказался за кандидатуру Покровского. Генерал Эрдели также полагал, что при данных обстоятельствах назначение Покровского может дать благоприятные результаты. Скрепя сердце, Быч и Рябовол согласились на это назначение.

Покровский обещал мне, что по-прежнему лично будет руководить отрядом в Выселках[39].

Я отдал приказ о назначении Покровского командующим армией. Мы, кубанцы, успокаивали себя мыслью, что начальником штаба армии останется наш природный кубанский казак, полковник Генерального штаба Вячеслав Григорьевич Науменко.

Назначение Покровского имело одну, несомненно, положительную сторону. Оно встревожило Законодательную Раду, заставило ее оглянуться кругом и вернуться к действительной жизни.

Бесконечные споры казачьей фракции с иногородними из-за распределения ролей и сфер влияния, а равно о мерах углубления революции, будто недостаточно интенсивно проводимых казачьей властью, увлекали до забвения всех окружающих кубанских парламентариев, и они не хотели слушать моих предупреждений об опасности.

Даже весть о смерти Каледина 29 января 1918 г., разнесшаяся как предостерегающий звон колокола по казачьим землям, не сдвинула радян с их мертвой точки партийных счетов; над ними уже висела черная туча надвигающегося несчастья, а они продолжали стоять друг против друга в позе бодающихся, сцепившихся рогами упрямых козлов.

Но чего не мог добиться я, то сделал Покровский фактом своего появления в роли командующего армией. Он, впрочем, выступал в самой Раде и произвел очень хорошее впечатление на слушателей даром слова и вполне парламентской манерой обращения с представителями края. Покровский присоединился к мысли казачьей фракции собрать Черноморскую Раду в станице Брюховецкой, в целях поднятия всего Черноморья на борьбу с большевиками. Покровский не скрывал, что только в этом он видит спасение Кубани.

На 15 февраля 1918 г. в станице Брюховецкой назначен был созыв членов Краевой Рады черноморцев; линейский район был уже занят большевиками и не мог прислать своих делегатов. Главной целью этой частичной рады была пропаганда правительственной программы по станицам, т. е. то, что усиленно предлагалось еще декабрьской Раде, но к чему она осталась глуха.

К сожалению, попытка осуществить эту благоразумную меру запоздала. Пока в Черноморской Раде произносились зажигательные речи и создавался высокий подъем настроения у представителей Черноморья, которые единодушно решили ехать поднимать все способное носить оружие для защиты Кубани, — я

лично на железнодорожной станции Протока и в станице Славянской 16-го февраля наблюдал полный развал отряда гайдамаков Бардижа и бегство их с фронта.

В ночь на 17 февраля было получено донесение, что большевики внезапно напали на станцию Выселки, застали врасплох партизан Покровского и захватили этот важный пункт. Партизаны спаслись бегством, оставив на месте много убитых и раненых. Откатившись до станицы Кореновской> партизаны, преследуемые противником, продолжали спешно отходить к Екатеринодару.

Покровский, с того момента, как он начал хлопоты о назначении его командующим армией, в Выселки не ездил; партизаны, очень при нем подтянутые, надели халат и прозевали приближение большевиков.

Генерал Корнилов, идущий с Дона на соединение с кубанцами, через две недели после этого занял Выселки и впоследствии, 17 марта, в станице Ново-Дмитриевской говорил мне, что казаки станицы Выселки рассказывали ему о том, как «покровцы пропили Выселки».

Для многих этот случай прошел незамеченным, многие его считают лишь одним из эпизодов нашей борьбы с большевиками. Я же придавал и придаю этому событию значение исключительное.

До нас смутно доходили слухи о движении Добровольческой армии с Дона к нам на Кубань. В начале февраля в Екатеринодар прибыл из Добровольческой армии офицер для связи с «армией Эрдели» (предполагалось, что генералу Эрдели удастся сформировать свой отряд), который говорил, что когда он переходил границу Кубанской области, то слышал, что Корнилов под Лежанкой разбил большевиков и держит направление на Екатеринодар; что за Корниловым тянется огромный обоз беженцев и тыловые учреждения и что поэтому его движение медленно, не более десяти верст в день. По расчету этого офицера выходило, что Корнилов к 20 февраля должен быть уже в районе Кубанской области, недалеко от Екатеринодара и, во всяком случае, не далее станции Тихорецкой. Но подтверждения этого слуха мы не получали, и многие считали это его вымыслом. Я же, генерал Эрдели и штаб армии не сомневались, что Корнилов действительно двинулся на Кавказ, но лишь недоумевали по поводу избранного им направления.

Удержаться в Екатеринодаре до соединения с Корниловым означало не только спасение Кубани, но и полную ликвидацию неорганизованных и необъединенных еще тогда банд большевиков. Прибытие в Екатеринодар Корнилова было бы

сигналом к присоединению к Кубанской армии всех казаков, которые до того заняли выжидательную позицию. А самое главное — это то, что кубанское правительство сохранило бы свой авторитет полностью.

Если бы на Выселках мог быть Галаев или же если бы Покровский не был так чувствителен к поклонению, которым его окружило екатеринодарское общество, и лично бы руководил, как он мне обещал, действиями отряда на Тихорецком направлении, то, — конечно, катастрофы 16 февраля, вероятно, не произошло бы.

При всяких нормальных условиях военных действий Покровский, как командующий армией, за дело под Выселками подлежал. бы ответственности. Но не такое тогда было время и не до критики промахов Покровского было тогда. Нужно было спасать армию от полного разгрома;

22 февраля я собрал в атаманском дворце секретное совещание из представителей военной и гражданской власти, на котором был заслушан доклад начальника штаба армии полковника Науменко о положении дел и заключение полковника Покровского. Единогласно было постановлено эвакуировать Екатеринодар. Время и порядок эвакуации определялись штабом армии. Для нестроевых чинов и чинов гражданского управления эвакуация была необязательной. Решено было, что атаман, правительство и Законодательная Рада следуют с армией, которая должна отходить за Кубань в горы.

На совещании присутствовал и К.Л. Бардиж. Бардиж, как и многие другие, считал назначение Покровского командующим армией гибелью для Кубани. Вероятно, поэтому он не захотел связывать своей судьбы и судьбы своих сыновей с судьбой армии. Есть основание думать, что по таким же мотивам от нас откололись и полковник Маркозов, Бурсак и другие, а затем откололся и целый отрад полковника Кузнецова.

Эвакуация Екатеринодара была назначена на 28 февраля. Сборным пунктом для всех войсковых частей назначен горский аул Шенджий, в 20 верстах от Екатеринодара.

Ровно в 8 часов, по расписанию, я с небольшим конвоем верхом. выехал из города; на линейке, запряженной одной лошадью, везли мои вещи, вещи моего адъютанта и двух служащих моей канцелярии; адъютант и чиновник канцелярии также помещались на линейке.

Рада и правительство уже находились за железнодорожным мостом и стояли в полном сборе, ожидая окончания какой-то заминки в движении обозов.

Ночью я прибыл в Шенджий, куда в течение 1 и 2 марта

стягивались войска, 3 марта весь отряд или, как мы называли, «армия» представилась мне. Численность его достигала во всех родах оружия более 3 тысяч бойцов{40}.

Вид людей был бодрый, все прилично одеты… Присутствующие на смотре горцы говорили мне: «Как можно было сдавать Екатеринодар с такими молодцами?»

Однако так могло казаться только со стороны. В Шенджие обнаружилась печальная картина — отсутствие единодушия среди начальников частей и острые раздоры между ними. Выяснилось, что Покровский популярен лишь среди чинов своего партизанского отряда. Начальники же почти всех остальных частей в него не верили и не признавали его авторитета.

Полковник Улагай и капитан Раевский открыто заявили об этом на совещании. К ним присоединились и два других, более видных кубанских офицера — полковник Генштаба Кузнецов и георгиевский кавалер полковник Деменик.

Полковник Улагай, к которому я всегда относился с большим уважением, после искренней беседы согласился подчиняться Покровскому. Полковник же Деменик оказался непримиримым и держался в оппозиции всему, что исходило от Покровского…

Почти все военачальники высказались за движение отряда параллельно Кавказскому хребту в направлении к Майкопу, а потом в район Баталпашинского отдела; Деменик горячо доказывал бесплодность борьбы с большевиками и находил необходимым переправиться через хребет по так называемому Дефановскому перевалу и по Черноморскому шоссе укрыться в Абхазии. План Деменика был отвергнут, но через несколько дней он его осуществил самовольно. Когда ему и полковнику Кузнецову была дана задача прикрыть движение отряда в аул Локшукай, то он, увлекая за собой полковника Кузнецова и других, отклонился от отряда и двинулся на Дефановский перевал. Деменика и Кузнецова постигла трагическая судьба всех сепаратистов.

На ночлеге в одной из деревень отряд подвергся нападению большевиков, и Деменик был убит. Отряд разбрелся поодиночке, но все были переловлены большевиками, а полковник Кузнецов заключен в Майкопскую тюрьму, а потом расстрелян. Полковнику Бабиеву и другим офицерам отряда удалось каким-то чудом спастись, и они впоследствии поодиночке присоединились к Добровольческой армии.

4 марта отрад наш двинулся по намеченному пути в станицу Пензенскую с тем, чтобы оттуда двигаться далее на станицу Саратовскую, в Майкопский отдел, в южную его часть. В Пензенской станице нам, однако, пришлось задержаться на

несколько дней прежде всего потому, что авангард, высланный вперед для занятия станицы Саратовской, задачи не выполнил, а, натолкнувшись на сопротивление большевиков, отошел назад, не проявив никакой устойчивости. В отряде чувствовались признаки деморализации.

Военно-следственная комиссия, назначенная Покровским для расследования обнаруженной агитации в частях против него, произвела аресты; говорили о предстоящих расстрелах видных офицеров отряда, упоминалось имя полковника Улагая.

Встревоженные поведением Покровского, члены Рады просили меня не допустить расправы Покровского с его личными врагами во избежание полного развала армии.

Кроме того, 6 марта мною было получено два письма из Екатеринодара, доставленных стариком горцем аула Шенджий: от комиссара г. Екатеринодара Полуяна и от Гуменного (бывшего члена Войскового правительства).

Полуян уведомлял «правительство Быча и Филимонова» о том, что Гуменному предоставлены широкие полномочия по ведению переговоров с нами об обмене пленными, а Гуменный писал лично мне и горячо убеждал прислать парламентеров для переговоров о прекращении братоубийственной гражданской войны. Он клялся «честью революции», что парламентеры останутся неприкосновенными, и выражал надежду, что нам удастся приостановить ненужное кровопролитие. Но кроме писем, посланный сообщил нам, что он узнал от горцев аулов, лежащих на левом берегу Кубани выше Екатеринодара (Шабанохабль, Эдепсукай и др.), что весь день 4 марта в направлении к ст. Кореновской слышалась орудийная пальба и что Сорокин (командующий большевистской армией), приезжавший в Шенджий 5 марта, т. е. на другой день после нашего ухода, говорил аульному сбору, что накануне был бой с Корниловым и что хотя большевики понесли большие потери, но движение Корнилова на Екатеринодар приостановлено и что в настоящее время Корнилов окружен и, несомненно, будет разбит. Сведения были чрезвычайной важности. Выводы напрашивались сами собой: миролюбие комиссаров и большие потери под Кореновской плохо вязались с заявлением Сорокина об окружении Корнилова.

Очевидно было, что приближение Корнилова тревожит большевиков и они торопятся обезопасить себя с нашей стороны заключением перемирия.

На собранном экстренном совещании военачальников (кроме Покровского и Науменко, был приглашен и генерал Эрдели) и представителей правительства и Рады было решено немедленно

двигаться обратно к Кубани, и если будет обнаружено движение Корнилова на Екатеринодар, то, переправившись через Кубань на пароме у станицы Пашковской, идти к нему на соединение. Получение писем от комиссаров сохранить в секрете во избежание искушений для слабодушных.

7 марта отряд двинулся обратно в Шенджий, где были получены новые подтверждения о канонаде, слышавшейся в направлении Кореновской.

На рассвете 8 марта мы двинулись к аулу Локшукай, расположенному на левом берегу Кубани несколько выше станции Пашковской, и заняли паромную переправу через Кубань. Весь день 8 марта и день 9 марта мы напряженно слушали, не раздадутся ли где-либо на правом берегу отзвуки боя. Если Корнилов из Кореновской движется на Екатеринодар, то мы не могли не слышать его приближения, так как знали, что Екатеринодар не эвакуируется большевиками и взять его можно было только с боем. Но на правом было тихо, и слышалась только пулеметная стрельба нашего прикрытия (отряды Кузнецова и Деменика), бьющегося с напирающими из Екатеринодара большевистскими отрядами.

К полудню 9 марта уже было ясно, что Корнилова поблизости нет и что далее оставаться в Локшукае нельзя, так как прикрывающий нас отряд Кузнецова отошел в горы и создалась опасность, что нас прижмут к Кубани и отрежут все пути отступления.

Вечером 9 марта собрался военный совет, на котором было предложено два решения: 1) переправиться на правый берег Кубани, попытаться при поддержке казаков Пашковской станицы овладеть Екатеринодаром, где, по слухам, большевики чувствуют себя неуверенно; 2) отходить согласно ранее намеченного, плана к г. Майкопу через аулы Ротлукой, Вогепший, станицу Бакинскую и т. д. Подавляющим большинством голосов было принято второе решение, и ночью на 10 марта мы двинулись к переправе через реку у аула Вогепший.

В это самое время генерал Корнилов после упорного и кровопролитного боя, разбив большевиков под Кореновской, узнал о сдаче нами Екатеринодара и о нашем уходе в горы. Он повернул на юг к станице Усть-Лабинской, чтобы, перейдя на левый берег Кубани, затем разыскать нас.

10 марта он находился в станице Рязанской, в 20–25 верстах от Вогепшия; таким образом, мы, не подозревая того, двигались ему навстречу. К сожалению, переправа через реку Пшишь была не свободна; небольшой отряд большевиков, засев в окопах против моста через реку, обстреливал пулеметом каждого, кто

появлялся возле моста; по мосту нельзя было пролезть даже ползком.

К вечеру Покровский собрал военный совет и, нарисовав обстановку, заявил, что овладение переправой потребует больших жертв, что в случае успеха при дальнейшем движении мы должны будем выдержать бой у Бакинской, за исход которого он не ручается; что настроение войск подавленное и что он полагает более целесообразным, избегая боев, отходить в горы к Дефановскому перевалу и далее к Черноморскому побережью. Покровский возвращался к проекту Деменика, так единодушно нами, и в том числе им самим, отвергнутому несколько дней назад.

С тяжелым чувством расходились мы из сакли, занимаемой генералом Эрдели, служившей местом совета, и хозяин которой, самый сильный военный авторитет, также советовал нам уходить в горы. Но и этот славный отход уже не был безопасен. Нам предстояло в третий раз проходить возле аула Шенджия, теперь занятого большевиками, и мы рисковали подвергнуться фланговому нападению противника. Отряд наш во время движения представлял собою длинную кишку, в 4–5 верст, состоящую из обозов с ранеными, и имуществом, и тыловыми учреждениями, совершенно неохраняемую с флангов.

Решено было двигаться глубокой ночью, обозы сократить до минимума, соблюдать гробовую тишину. Два проводника взялись нас провести стороной, незаметно для Шенджия. С вечера началась суета по сортировке обоза. Кубанское правительство первое показало пример, отказавшись от половины возимого ими груза. Бросались повозки, мебель, лишняя одежда, всякий скарб. Наутро аул Гатлукой, где мы стояли, имел вид населенного пункта, подвергшегося жестокому разграблению, и кавалерийский разъезд, посланный генералом Корниловым из станицы Рязанской на поиски нас, утром 11 марта прибыл в Гатлукой и донес Корнилову, что кубанцы бросили свое имущество и бежали в горы. Но самое неожиданное было то, что в то время, как мы нервно готовились к походу, большевики, сидевшие в окопах у моста, также поспешно и беспорядочно с наступлением темноты бежали в станицу Бакинскую, оставив переправу совершенно свободной.

Ночь на 11 марта была поистине кошмарной. Только к рассвету голова колонны нашего отряда вышла из аула Гатлукой и двинулась мимо Шенджия к станице Калужской. Ко мне поминутно подходили и подъезжали старые почтенные офицеры и генералы и спрашивали: «Что происходит? Куда мы идем?»

Всюду на меня смотрели недоумевающие глаза. Полковник

Орехов, известный на Кубани общественный деятель, страдавший сердцем, внезапно скончался, и компаньон его по экипажу, полковник Успенский (впоследствии кубанский атаман), привязал труп умершего к сиденью фаэтона и остаток ночи и весь следующий день ездил рядом с покойником в рядах походной колонны.

Несомненно, девять десятых всего отряда проклинали меня за несчастную мысль вручить судьбу отряда молодому, неопытному Покровскому. Я сам искренно считал себя преступником и в тот день особенно горячо ненавидел генералов Черного, Букретова и полковника Улагая, которые, собственно, и толкнули меня к Покровскому, отказавшись стать во главе армии.

Но Святитель Николай, Божий угодник, был на нашей стороне, и день 11 марта прошел не только благополучно для нас, но закончился победой над преградившими нам путь в Калужской большевиками и соединением нашего отряда с разъездами Корнилова. Но эти события совершились уже без всякого участия Покровского. Мимо Шенджия мы проходили утром, совсем засветло, но к счастью нашему, противника там не было, и мы прошли этот опасный пункт благополучно. Но верстах в пяти за Шенджием наши передовые части наткнулись на разъезд противника, и завязалась перестрелка, которая потом перешла в бой.

Вследствие того что штаб армии не ожидал встретить серьезного сопротивления или же вследствие естественного переутомления от большого нервного напряжения за все предыдущие ночи и дни Покровский передал руководство боем полковнику Туненбергу, а сам расположился в шалаше и проспал все время, пока шел бой.

Бой затянулся и к 2 часам дня достиг большого напряжения. Генерал Эрдели, очень спокойно вначале наблюдавший за боем, сделался озабоченным, появились откуда-то слухи, что на левом фланге не все благополучно. Мне доложили, что в обозе начинается паника: многие разбегаются в леса, некоторые держали револьверы наготове, чтобы застрелиться. Жуткое чувство надвигающегося несчастья охватывало всех.

Я подошел к генералу Эрдели и спросил его, что он думает обо всем этом и как он объясняет поведение Покровского. Но без смущения Эрдели сказал мне, что Покровский в случае неудачи намерен с небольшой группой, человек в 16, пробиться в горы и что для этого у него уже готов проводник, знающий тайные тропы. Эрдели советовал мне держаться ближе к его конвою, чтобы в нужный момент присоединиться к группе Покровского.

Потрясенный сказанным, я бросился к обозу и, стараясь быть услышанным всеми, крикнул: «Назад отходить нам некуда, мы можем двигаться только вперед; требуется резерв для подкрепления флангов, предлагаю всем способным носить оружие собраться ко мне».

Не более как через четверть часа около меня уже было 150–200 человек, которых я лично повел к месту резервов и, сдав их начальнику резерва, приказал доложить Туненбергу, что если нужно, то из обоза можно добыть еще много бойцов.

Оказалось, что вслед за этим все кубанское правительство и Законодательная Рада также стали в ружье и вышли густой цепью к правому флангу нашего боевого расположения. Ободренная видом приближающихся свежих стрелков, конная полусотня полковника Косинова бросилась в атаку, и противник дрогнул. Правый фланг его побежал, увлекая за собой остальных. Дело было выиграно.

Впоследствии члены правительства и Рады очень гордились этим деломПодробности этого эпизода изложены в книжке члена Рады Сверчкова: «От Екатеринодара до Мечетинской».{41}.

Почти одновременно с криком «ура», преследующим бегущего противника, послышались крики «ура» в тылу, в обозе. Оказалось, что из Шенджия прискакали горцы с известием, что там остановился на отдых разъезд Корнилова и скоро будет здесь.

Сведение было слишком радостное, чтобы ему все поверили сразу. Раздавались голоса: «Это провокация екатеринодарских большевиков», «Горцев-вестников нужно арестовать» и т. п.

Я пошел разыскивать Покровского, который после боя вышел из шалаша и пошел вперед. Я нагнал его на месте, где только что были цепи бежавших большевиков. Поздравление мое с победой он принял холодно, на вопрос, что он думает о приближении Корниловского разъезда, сделал непроницаемое лицо.

Покровский поехал вперед распоряжаться войсками, я остался ждать Корниловского разъезда. Уже с наступлением сумерек вдали показалась группа всадников, медленно приближающихся к нам.

Толпы наших кубанцев бросились им навстречу, их окружили и расспрашивали.

От. нас к ним и обратно перебегали наиболее экспансивные осведомители, и чувствовалось, что сомнение в подлинности корниловцев еще не рассеялось. Когда наконец они были приведены и выстроены для представления мне, то Л.Л. Быч подверг их допросу, направленному к выяснению их личностей. Это был смешанный взвод кавалеристов и донских казаков. Видимо, они уже чувствовали недоверие к себе, и лица их были

серьезны и неприветливы. Чтобы положить конец действительно тяжелому их положению, я подошел к ним и приветствовал каждого пожатием руки. Сомневаться в их подлинности было смешно.

Итак, в момент, когда всякие надежды на встречу с Корниловым были утеряны, накануне дня, когда мы должны были как затравленные звери искать спасения в неприветливых, занесенных снегом ущельях гор с малочисленным и бедным населением, когда мы должны были броситься в тяжелое, полное неизвестности странствование, Корниловский разъезд 11 марта вечером привез нам весть спасения. Все были взволнованы, на глазах многих видны были слезы. Да, мы были спасены!

Впоследствии, когда между добровольцами и кубанцами возникали несогласия и споры, часто можно было слышать даже из уст очень почтенных добровольцев такой упрек: «Мы спасли кубанцев. А они теперь идут против нас».

Однако справедливость требует сказать, что спасение было взаимное. Из всего, что произошло в ближайшее после соединения отрядов время, и из всего, что теперь пишется о состоянии и настроениях Корниловского отряда до встречи с нами, нужно сделать один вывод: *«В спасении кубанцев было спасение добровольцев».*

Отряды по численному составу и вооружению были почти равны. Во главе добровольцев стояли вожди, пользовавшиеся славой, любовью и непререкаемым авторитетом у всего отряда, у них не имели и не могли иметь места случаи, подобные нашим под Саратовской и у Вогепшия, но зато добровольцы вынесли на своих плечах около 20 боев до встречи с кубанцами, были утомлены физически и везли за собой громадный обоз с ранеными, а самое главное, они были лишены пополнения и ежедневно таяли.

Кубанцы сохранили еще вполне свежие силы и могли надеяться на привлечение новых сил из казачьих станиц, в особенности ввиду присутствия в отряде Войскового атамана, правительства и Рады.

Порознь каждый отряд был слаб и осужден на гибель; вместе они составляли силу, способную на борьбу. Необходимо было только, чтобы физическое соединение отрядов сопровождалось бы духовным слиянием их руководителей, чтобы произошла органическая спайка двух групп, преследующих одну задачу — борьбу с большевиками.

К величайшему несчастью для обеих сторон, этого как раз и не произошло. Но вечером 11 марта мы не задавались этими вопросами — это был вечер радости, надежды и счастливых

планов.

Станица Калужская отстояла от нас верстах в 8, и занимать ее на ночь было признано опасным, решено было, что отряд переночует под открытым небом. Но к закату солнца погода стала значительно портиться. Небо нахмурилось, начал моросить дождь, который затем к вечеру 12 марта перешел в снег, не прекращавшийся дней пять.

Я, штаб армии и генерал Эрдели укрылись на одном хуторе и расположились в комнате с одной кроватью и столом. Кровать была уступлена мне, все остальные разместились на полу. В течение ночи к нам подходили мокрые, продрогшие люди и тоже располагались в комнате. К утру на полу оказалось около 30 человек, 6 человек офицеров лежали под моей кроватью. Снятое платье мое и моей жены было использовано нижними квартирантами для изголовья. Пробуждение было шумное, сумбурное, но веселое. Быч с секретарем правительства поместился в закроме маленького амбарца, и оба с раннего утра проявляли намерение устроить совещание. Лицо Быча было оживленно, без обычной, свойственной ему мрачности, он даже улыбался и острил по поводу своего ночного помещения. Мы решили пока поговорить о случившемся в самом тесном кругу кубанцев. Кроме нас троих, на совещание в амбаре Быча был приглашен полковник Науменко. Поговорили о неизбежности перемены жизни нашей армии и о возможных попытках к обезличению кубанского правительства. Решений никаких не выносили, но условились держаться теснее и быть начеку.

В это время Покровский в сопровождении Корниловского разъезда объезжал войска, приветствуя соединение двух отрядов. К полудню 12 марта к нам прибыл другой разъезд, во главе с подполковником Генерального штаба Барцевичем. Выяснилось, что генералы Алексеев и Корнилов со штабом остановились в Шенджие и там будет дневка.

12 марта станица Калужская была нами занята, и к вечеру весь отряд расположился на квартирах. Случилось так, что Быч и Покровский поместились в одной комнате и прожили вместе целую неделю. Я несколько раз навещал их, и каждый раз заставал в самой приятельской беседе. Тогда я много этому удивлялся, но впоследствии я привык к неожиданным эволюциям во взглядах Быча на события и людей.

Под влиянием боевой удачи и под впечатлением радости соединения с Корниловым забыто было все недавнее недовольство Покровским:

Утром полковник Савицкий (назначенный в станице Пензенской 5 марта членом правительства по военным делам

вместо полковника Успенского) принес мне приказ о производстве полковника Покровского в генерал-майоры в воздаяние «за умелую эвакуацию армии из Екатеринодара, приведшую к соединению с Корниловым». Приказ был скреплен не только Савицким, но и Бычем. Производство Покровского Быч признал необходимым для поднятия престижа командующего Кубанской армией перед генералами Добровольческой армии. Я также охотно подписал этот приказ, так как полагал, что на этом будут закончены мои официальные отношения к Покровскому, что роль его как командующего армией с прибытием Корниловой «настоящих боевых генералов» должна пасть, а также потому, что Покровский был единственным, который в решительную для кубанцев минуту предложил свои услуги.

14 марта вновь испеченный генерал Покровский поехал вместе с начальником штаба полковником Науменко в Шенджий на свидание с генералами Алексеевым и Корниловым. По возвращении они сообщили, что были приняты ставкой добровольцев довольно холодно.

Необходимыми условиями соединения двух отрядов там ставили полное подчинение атамана и армии генералу Корнилову, упразднение правительства и Рады. Покровский отметил, что он не уполномочен решать эти вопросы. Но полагает, что такие условия кубанцами приняты не будут. Решено было оставить суждение об этих вопросах до встречи с представителями Кубани, а пока Покровский поступал в распоряжение Корнилова с сохранением функций командующего армией.

Покровский сообщил мне и то, что по дороге в Шенджий они встретили конного нарочного, который вез ко мне открытое отношение генерала Романовского с приглашением меня на совещание в Шенджий. Приглашение было написано карандашом на клочке бумажки и адресовано: полковнику Филимонову. Покровский и Науменко признали такую форму обращения к кубанскому Войсковому атаману оскорбительной для всех кубанцев. Бумагу взяли себе, а нарочного вернули обратно. На вопрос генерала Романовского: «Почему не приехал Филимонов?» — Покровский будто бы дал понять генералу необходимость более корректного отношения к представителю всего войска.

Встреча представителей Кубани в числе пяти человек с руководителями Добровольческой армии состоялась 17 марта в станице Ново-Дмитриевской, в квартире генерала Корнилова. Под Ново-Дмитриевской шел бой. Восточная окраина станицы, со стороны которой пришлось подъезжать кубанцам, обстреливалась артиллерийским огнем из слободы Григорьевской, занятой

сильным отрядом большевиков, кубанцы на рысях проскочили обстреливаемый район. С западной стороны станицы слышалась ружейная и пулеметная стрельба. Квартира генерала Корнилова была на церковной площади в доме священника. Предупрежденные о нашем приезде, нас уже ждали, кроме хозяина квартиры, генералы Алексеев, Деникин, Романовский, Эрдели. Таким образом, совершенно случайно число представителей с обеих сторон оказалось одинаковым.

На совещании с правом совещательного голоса по приглашению генерала Алексеева присутствовал еще кубанский генерал Гулыга, который из Екатеринодара с армией не пошел, а выехал в одиночном порядке в Ейский отдел, где случайно встретил Добровольческую армию и присоединился к ней. Впоследствии генерал Алексеев говорил мне, что Гулыга аттестовал всех правителей Кубани очень нелестно и что это будто бы и обусловило холодность нашей первой встречи. На совещании председательствовал генерал Алексеев. Разрешению подлежал, в сущности, только один вопрос. Как быть с Кубанской армией. Алексеев и Корнилов требовали ее упразднения и влития всех кубанских частей в части Добровольческой армии. Мы же хотели сохранить армию, подчинив ее главному командованию Корнилова. Корнилова наша претензия очень раздражала. «О каком главном командовании можно здесь говорить? — резко возражал он. — В обоих отрядах не наберется людей, чтобы составить два полных полка военного времени. По соединении обоих отрядов у нас будет лишь одна бригада, а вы хотите из нее сделать две армии, а меня назначить главнокомандующим!» Корнилов резко отозвался о поведении Покровского, задачей которого два дня тому назад была поддержка из станицы Калужской Добровольческой армии, наступающей на Ново-Дмитриевскую, но Покровский, ссылаясь на разлитие рек и снежную метель, задачи этой не выполнил.

«Я не хочу, — заявил Корнилов, — чтобы командующие армиями угощали меня такими сюрпризами».

«Если соединение не будет полным, — говорил Корнилов, — то я уведу добровольцев в горы. Михаил Васильевич, — обратился он к генералу Алексееву, — ставьте вопрос о движении в горы».

Покровский пробовал возражать, заявляя, что он не понимает таких требований.

«Вы поймете, молодой генерал, — резко прервал его генерал Алексеев, — если хоть на минуту отрешитесь от своих личных честолюбивых интересов».

После непродолжительных прений было решено, что Кубанский стрелковый полк под командой полковника

Туненберга сохранит свою организацию, а остальные кубанцы вольются в добровольческие части.

Вопрос о подчинении атамана и упразднении правительства и Рады на совещании 17 марта совершенно не поднимался; наоборот, генерал Корнилов сказал, что он «требует», чтобы эти учреждения остались на своих местах и разделили с ним ответственность за последствия.

Редактирование состоявшегося соглашения генерал Алексеев поручил генералу Романовскому, который для этого удалился в соседнюю комнату, а все оставшиеся были приглашены к обеду, который был сервирован в той же, где мы совещались, комнате. За обедом атмосфера разрядилась, и все беседовали, в тоне взаимного доброжелательства.

Корнилов говорил, что он «пойдет на Екатеринодар, возьмет его, освободит Кубань, а там делайте, что хотите».

Вскоре после обеда был принесен для подписи текст соглашения. Привожу его полностью:

«ПРОТОКОЛ СОВЕЩАНИЯ

17 марта 1918 г., в станице Ново-Дмитриевской.

НА СОВЕЩАНИИ ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Командующий Добровольческой армией генерал от инфантерии Корнилов; генерал от инфантерии Алексеев; помощник командующего Добровольческой армией генерал-лейтенант Деникин; генерал от инфантерии Эрдели; начальник штаба Добровольческой армии генерал-майор Романовский; генерал-лейтенант Гулыга; Войсковой атаман Кубанского казачьего войска полковник АЛ. Филимонов; председатель кубанской Законодательной Рады Н.С. Рябовол; товарищ председателя кубанской Законодательной Рады Султан Шахим-Гирей; председатель кубанского Краевого правительства Л.Л. Быч; командующий войсками Кубанского края генерал-майор Покровский.

Постановили:

1. Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены кубанскому правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход кубанского правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым.

2. Законодательная Рада, Войсковое правительство и

Войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям командующего армией.

3. Командующий войсками Кубанского края с его начальником штаба отзывается в состав правительства для дальнейшего формирования постоянной Кубанской армии.

Подлинное подписали: генерал Корнилов, генерал Алексеев, генерал Деникин, Войсковой атаман полковник Филимонов, генерал Эрдели, генерал-майор Романовский, генерал-майор Покровский, председатель Кубанского правительства Быч, председатель кубанской Законодательной Рады Н.С. Рябовол, товарищ председателя Законодательной Рады Султан Шахим-Гирей».

После подписания Алексеев и другие генералы ушли к себе на квартиру, а генерал Корнилов, окончательно повеселевший, начал нам рассказывать «Быховскую историю».

Между тем бой вокруг станицы Ново-Дмитриевской делался напряженнее. Снаряды все чаще и чаще рвались на площади и над самим домом Корнилова. После одного из разрывов Корнилов сказал нам: «Вы уберите своих лошадей (они были привязаны к забору дома священника), а то останетесь без средств передвижения». Несколько раз рассказ Корнилова прерывался донесениями с фронта, и Корнилов при нас отдавал боевые распоряжения; несколько раз шрапнельные пули барабанили в крышу дома, где мы сидели. Корнилов спокойно и интересно продолжал рассказ, мы его с большим вниманием слушали. Но когда он дошел до самого интересного места — момента хитро придуманного им освобождения, — вошел быстро кто-то из офицеров-ординарцев и доложил, что большевики ворвались в станицу и идет бой на улицах станицы. Корнилов встал и пошел в штаб узнать, в чем дело. Покровский вслед за ним вышел из комнаты и, взяв с собой конвой, куда-то поехал через площадь.

Я, Быч, Рябовол и Султан Шахим-Гирей остались одни в квартире Корнилова. Мы вышли во двор к своим лошадям.

По улицам станицы действительно раздавалась беспорядочная ружейная стрельба, несколько пуль с характерным визгом впились в стену дома священника. Мы решили ехать к штабу армии вслед за всеми.

Было уже совсем темно, лошади, шлепая по колено в грязи, неуверенно и пугливо шли вперед. Шрапнельные разрывы время от времени освещали нам путь, и мы подъехали к штабу; там

была уже целая толпа всадников и пеших. Никто ничего не знал, все жались к стенам и деревьям, укрываясь от шальных, свистящих кругом пуль. Кто-то сказал, что Покровский нашел квартиру и приглашает всех нас на ночлег. Мы отправились в указанном направлении и действительно нашли Покровского, который расположился в казачьей хате и пил чай{42}. Выяснилось, что местные большевики, воспользовавшись темнотой ночи, открыли стрельбу на улицах и дворах и создали панику{43}.

Переночевав в Ново-Дмитриевской, мы на рассвете вернулись в Калужскую.

Через два дня после подписания договора кубанцы, по предложению генерала Корнилова, переехали в станицу Ново-Дмитриевскую, чтобы вместе двигаться в станицу Георгие-Афипскую, а потом на Екатеринодар. Но для этого нужно было сначала выгнать большевиков из Григорьевской слободы, находившейся у нас в тылу, а затем взять станицу Георгие-Афипскую, занятую противником, поддерживаемым артиллерией бронепоездов, стоящих на разъезде Энем.

Несколько дней шла подготовка к наступлению. Атаман, правительство и Рада пассивно ожидали развития дальнейших событий. Отношение штаба армии к нам было индифферентное. Только однажды, часов в И утра, я увидел генерала, который в дубленке и сером барашковом треухе пробирался по колено в грязи под заборами казачьих домов. Одной рукой он придерживался за забор, другой опирался на толстую палку. Это был генерал Корнилов, который шел ко мне отдать визит. Я вышел ему навстречу и ввел в свою хату. Корнилов, как всегда, был прост в обращении и легко завязывал беседу. Охотно говорил о походе своем из Ростова, о своих планах на будущее. Говорил, что поход и постоянные опасности его утомили, что он скучает по семье, что по взятии Екатеринодара он передаст его казакам, а сам будет отдыхать, поедет к семье. Но через минуту лицо его озарилось и он уже говорил: «Если бы у меня теперь было 10 тысяч бойцов, я бы пошел на Москву».

Я ему сказал, что после взятия Екатеринодара у него их будет трижды десять тысяч. Он задумчиво смотрел вдаль. Я внимательно всматривался в этого человека с мелкими чертами лица, с маленькими руками и монгольскими глазами. Это был особенный человек — впечатление от него было особенное, незабываемое.

Я радовался, что судьба наша в его руках, и верил ему. Я никак не мог думать, что ровно через десять дней я увижу его мертвым.

Корнилов посетил также Быча и Рябовола. Сведение об этом

последнем обстоятельстве облетело всех кубанцев и было предметом самого оживленного обсуждения. Исполнение элементарной вежливости Корниловым сначала удивило казаков, а потом привело их в восхищение.

«Сразу видно большого человека, он стоит выше мелочных счетов, — толковали казаки. — Корнилов — казак и казаков не даст в обиду».

Вниманием к представителям кубанцев Корнилов купил сердца казаков. Как мало казаки вообще избалованы вниманием со стороны предержащих властей и как они реагируют на всякую к ним ласку, свидетельствует следующий случай.

В мае месяце 1918 г., когда Быч был в Новочеркасске, как-то к нему в номер гостиницы зашел генерал Сергей Леонидович Марков и, застав там несколько членов правительства, вступил с ними в беседу и около часа оживленно толковал на разные темы. Все знали, что генерал Марков очень не жаловал кубанской Рады и на походе по ее адресу отпускал разные крылатые словечки. Но теперь радяне совершенно забыли его прегрешения и говорили: «Вот человек, который, когда нужно, умеет быть солдатом, а когда потребуется, то держится профессором».

Быч, передавая мне свое впечатление о Маркове, говорил: «Вот бы нам такого походного атамана».

Когда казакам во времена Деникинского правления начинало казаться, что Деникин благоволит к казакам, то поднимался сейчас же вопрос, не предложить ли ему пост атамана всех казачьих войск.

В июне 1919 г. перед совещанием с Деникиным все казачьи атаманы (Дона, Кубани, Терека и Астрахани) серьезно говорили о том, что если бы круги и Рада постановили, а Деникин согласился стать во главе всех казачьих войск, то этим подводился бы правовой фундамент власти Добровольческого главного командования и прекратились бы разговоры о «захватническом» ее происхождении.

25 марта армия подошла к паромной переправе около станицы Елизаветинской, лежащей в 17 верстах от Екатеринодара, вниз по течению Кубани. С занятием станицы Елизаветинской атаману и правительству представлялась возможность выполнить пункт 2-го соглашения в Ново-Дмитриевской путем поднятия елизаветинцев и казаков соседних с ними станиц на борьбу с большевиками. Но к большому нашему удивлению, заведывающий переправой генерал Эльснер, ссылаясь на распоряжение генерала Корнилова, отказался перевезти на правый берег не только правительство и Раду, но и меня и штаб Покровского. Двое суток мы провели в вынужденном бездействии,

пока шли кровопролитные бои на подступах к Екатеринодару. На третий день я с трудом один переправился в Елизаветинскую и пошел к Корнилову, чтобы объясниться по поводу его странного распоряжения. Корнилов на этот раз был очень сух. Когда я начал говорить о поведении генерала Эльснера, он меня прервал:

«Генералу Эльснеру оставалось либо задержать Раду на той стороне, либо самому быть повешенным на этой стороне. Я не люблю, когда мои распоряжения выполняются неточно. Паром мал, а успех дела зависит от скорейшей переправы строевых частей».

Вслед за тем Корнилов сообщил, что на случай взятия Екатеринодара, что должно произойти дня через два, он назначает генерал-губернатором города генерала Деникина.

Подтвердив это распоряжение входившему в этот момент генералу Деникину, Корнилов тут же стал отдавать приказания новому генерал-губернатору. Заметив недоумение на моем лице, Корнилов прибавил: «Это я делаю на первые дни, пока все не успокоится».

Большевики под Екатеринодаром отчаянно сопротивлялись, и осада города затянулась. 30 марта утром я поехал один верхом в штаб армии, чтобы узнать о положении дела. По дороге ко мне присоединился член кубанской Рады со стороны иногороднего населения, Николай Николаевич Николаев (депутат 4 Государственной Думы), который ехал к ставке с той же целью. Нам навстречу поминутно попадались телеги с ранеными, а также идущие группами легкораненые. Всех их Николаев расспрашивал о положении дел на фронте, наконец он, не доезжая верст пяти до ставки, сказал мне:

«Знаете, Александр Петрович, я вернусь назад за вещами, не подлежит сомнению, что Екатеринодар сегодня возьмут, это общее мнение раненых». Николаев вернулся обратно в станицу.

Когда я подъезжал к исторической теперь молочной ферме, где расположился Корнилов со штабом, то несколько гранат взорвалось очень близко от леска, окружающего ферму. Какой-то офицер крикнул мне, чтобы я держался правее, так как по дороге, по которой я ехал, только что снарядом разорвало офицера{44}. У входа в домик, где помещался Корнилов, я встретился с Романовским, который сказал мне: «Входите, вас командующий ждет».

Тут же нагнал меня Быч, и от него я узнал, что нам в станицу было прислано приглашение на совещание, но нарочный меня уже не застал.

В маленькой комнате, в которой на следующий день был убит Корнилов, сидели: сам Корнилов, Алексеев, Деникин и

Богаевский. Марков лежал под стеной на полу и, видимо, спал. Когда вслед за мной и Бычем вернулся Романовский, Корнилов открыл заседание. Оказалось, что попытка взять Екатеринодар успеха не имела. Большевики, растерявшиеся в первые дни, теперь оправились и, подкрепляемые по трем железнодорожным линиям с Тихорецкой, Кавказской и Новороссийска, держатся очень упорно. Мы понесли громадные потери, убит полковник Неженцев, все переутомлены. Ставился вопрос, следует ли при данных условиях продолжать осаду города или необходимо отойти, и если отходить, то в каком направлении? Когда пришла очередь давать заключение, я и Быч высказались за необходимость продолжения осады, так как всякое иное решение, по нашему мнению, означало общую неминуемую гибель. Деникин и Романовский высказались за немедленный отход от Екатеринодара, считая взятие города делом безнадежным. Богаевский полагал, что город взять можно, но удержать его нельзя. Разбуженный Марков заявил, что если он, генерал, так переутомился, что заснул на совещании, то каково же состояние рядовых бойцов. Он находил, что нужно отойти от города и двинуться по казачьим станицам, в горы, в Терскую область. «У нас еще будут победы», — заключил он. Алексеев считал, что Екатеринодар нужно взять штурмом. Последним говорил Корнилов: «Отход от Екатеринодара будет медленной агонией армии, лучше с честью умереть, чем влачить жалкое существование затравленных зверей».

Таким образом, голоса совещающихся разделились надвое поровну. Голос председателя дал перевес мнению за штурм Екатеринодара. Корнилов тут же отдал распоряжение: завтра, т. е. 31 марта, дать отдых войскам, а с рассветом 1 апреля начать штурм Екатеринодара. После этого Марков внес предложение: для подъема настроения в войсках все начальство, кубанский атаман, правительство и Рада должны идти впереди штурмующих. Никто против этого не возражал.

Когда я вернулся в станицу Елизаветинскую, то узнал, что здесь циркулируют самые радостные слухи о предстоящем сегодня вечером взятии Екатеринодара. Говорили уже, что половина Екатеринодара в наших руках.

В силу веры в эти слухи у генерала Покровского произошел очень печальный случай. Если не ошибаюсь, 28 марта кто-то доложил Покровскому, что Екатеринодар взят. Дело было уже вечером, но Покровский распорядился послать в Екатеринодар квартирьеров во главе с полковником Пятницким. Пятницкий проехал незамеченным нашими редкими цепями прямо к расположению противника в черте города. «Товарищи» начали

окликать приближающихся всадников и, не получив удовлетворившего их ответа, открыли по ним стрельбу. Тяжело раненный полковник Пятницкий свалился с лошади, остальные бросились врассыпную.

По всей линии противника поднялась тревога, и долго не утихала самая интенсивная стрельба. Полковник Пятницкий, пользуясь темнотой и суматохой, ползком добрался до наших цепей и был подобран санитарами. Об этом случае Корниловым было упомянуто в приказе, причем указывалось, что самочинной выходкой Покровского была сорвана предполагавшаяся ночью внезапная атака города Екатеринодара.

31 марта утром я, чтобы рассеяться от гнетущих предчувствий, в сопровождении нескольких лиц дошел посмотреть место в станичном храме, где засела неразорвавшаяся большевистская граната. Когда после осмотра мы шли по площади, я увидел, что ко мне со стороны окраины станицы быстро идет, почти бежит, священник бывшей Кубанской армии. Издали он делал мне знаки и что-то кричал. Я пошел ему навстречу, священник всхлипывал и что-то твердил, чего я долго не мог понять.

«Александр Петрович, Корнилова убили», — наконец разобрал я.

Первое, что я подумал, не сошел ли священник с ума. Вид его, расстроенного и растрепанного, действительно напоминал сумасшедшего. Но он указывал на одну из казачьих хат и твердил: «Он там, его только что туда привезли». У ворот дома, куда направлял нас священник, стоял текинец.

То, что сказал нам священник, было так неожиданно, так ужасно и казалось такой недопустимой нелепостью, что я почувствовал страшное раздражение против священника и бросился к указанному им дому, чтобы разъяснить дело и наговорить «сумасшедшему попу», как мысленно я его обзывал, резкостей за его неосмотрительное поведение и ложные сведения. Я допускал, что Корнилов мог быть ранен, мог даже находиться некоторое время в забытьи, но Корнилов-мертвец — этого мои мозги усвоить себе не могли.

Мы вошли в хату и на полу под буркой увидели Корнилова. Он лежал в тужурке с погонами, в которой я видел его вчера на совещании. Лицо его было бледное, спокойное, я дотронулся до его руки, головы, мне показалось, что тело его еще теплое. Маленькая его фигурка теперь казалась еще меньше, он похож был на мальчика. В выражении лица и во всей фигуре было что-то беспомощное, жалкое.

Да, но все же это был Корнилов, и он был мертв! Я вышел во

двор и набрал полную грудь воздуха. Горло сдавило, было тяжко. У ворот стояла чья-то оседланная лошадь, я сел на нее и поехал в станицу, чтобы сообщить кубанцам роковую весть. У Быча находилось несколько лиц; припоминаю, был секретарь правительства Н.И. Воробьев, член правительства А.А. Трусковский и другие.

«Господа, я привез вас ужасное известие, Корнилов убит».

«Кто вам сказал?»

«Я сам только что видел его тело».

Никто ни о чем меня не расспрашивал. Воцарилось мертвое молчание. Только когда я уходил, А.А. Трусковский сказал: «Начало конца».

К полудню я и Быч получили приглашение генерала Алексеева прибыть на совещание.

Ставка была перенесена в поле за рощицей, окружающей ферму. Совещание расположилось под открытым небом, на откосе небольшой, заросшей канавы, недалеко от берега Кубани. Участие в совещании принимали Алексеев, Деникин, Романовский и я с Бычем. В сущности, никакого совещания не было. Генерал Алексеев сообщил, что обстановка после вчерашнего дня много изменилась к худшему, кроме смерти Корнилова* выяснилось еще, что потери наши значительно тяжелее, чем было сообщено вчера. О взятии Екатеринодара думать не приходится. Нужно отходить. Во главе армии становится генерал Деникин. Предположено двигаться в направлении к станице Медведовской, затем на Дядьковскую. Но чтобы обмануть возможное преследование, официально сообщается, что двигаться будем на станицу Старовеличковскую. Выступление сегодня ночью.

Когда мы с Бычем подъезжали к ставке и во время всего совещания район расположения ставки был обстреливаем сильным орудийным огнем. Во время совещания мы увидели на левом берегу Кубани горца, который что-то кричал, видимо, желая сообщить сведения о противнике. Генерал Романовский с переводчиком пошел узнать, в чем дело. Горец аула Бжегокой, расположенного на левом берегу Кубани против фермы, сообщил, что только что в аул приезжали красные осматривать место, где они могли бы поставить орудия для обстрела всего нашего расположения с фланга.

Были сведения, что со стороны станицы Славянской к нам в тыл движутся большевики Таманского отдела. С целью противодействия этому движению 29 марта генерал Покровский и полковник Науменко были командированы в станицу Мариинскую и Ново-Мышастовскую организовать из местных казаков заслон. Теперь Покровскому было послано распоряжение

вернуться обратно в станицу Елизаветинскую. Рассуждать и совещаться было не о чем.

Мы вернулись в станицу Елизаветинскую, чтобы подготовиться к отходу. В печати уже достаточно говорилось о кошмарных днях 1 и 2 апреля. Описания немецкой колонии Гначбау и перехода железной дороги в станице Медведовской ночью на 3 апреля, довольно правдиво рисуют картину нашего критического положения. Эти двое суток весь отряд находился буквально между жизнью и смертью. Когда я на одном из привалов 1 апреля подошел, к генералу Деникину и спросил его, как он расценивает положение, он сказал: «Если доберемся до станицы Дядьковской, то за три дня я ручаюсь, дня три еще поживем!»

В колонии глухо бродили слухи о готовящемся предательстве и измене; называли имя матроса Баткина, которому будто бы поручено какое-то посредничество между отрядом и большевиками. Говорили, что будто бы ценой выдачи всех главных руководителей армии отряд может купить себе спасение и т. п. Я узнал об этих слухах значительно позднее, когда положение уже было спасено. Но все же я лично наблюдал потерю духа многими из наших бойцов, многие бросали оружие, патроны и разбегались в разные стороны…

Как бы там ни было, дни эти были пережиты, и 3 апреля к полудню отряд вошел в станицу Дядьковскую. Настроение было приподнятое. Говорили о геройстве Маркова и о добытых им трофеях.

Утром 4 апреля был собран военный совет, на котором присутствовало около 30 военачальников.

Обсуждался вопрос о дальнейшем направлении нашего движения. Выяснилось два течения: одно за движение в Донские степи, а другое — в горы, в Баталпашинский отдел Кубанской области и далее в Терскую область. У нас, кубанцев, были сведения, что казаки станиц Лабинского отдела, в частности станицы Прочноокопской, которая с легкой руки станицы Курганской упорно и успешно боролась с большевиками, ждут нас с нетерпением. Опираясь на эти сведения, а также имея в виду очень выгодное географическое положение станицы Прочноокопской, давшее ей со времен Кавказской войны славу и известность оплота всей старой казачьей линии, я рекомендовал военному совету избрать направление на Прочноокопскую станицу, расположенную на очень высоком правом берегу Кубани, командующему над Армавиром — центральным местом интендантских и артиллерийских складов большевиков.

Засев в этом неприступном гнезде, мы могли угрожать всей

большевистской коммуникации, а в случае удачи могли очистить от большевиков и весь район Лабинского отдела, создав из него опорную базу для дальнейших операций.

Мое мнение, поддержанное генералами Богаевским, Романовским, и, если не ошибаюсь, Марковым, было принято всем советом. Решено было двигаться именно в Лабинский отдел.

Из станицы Дядьковской армия двинулась на хутор Журавку, станицу Бейсугскую, а затем, выйдя из очень опасного железнодорожного треугольника, направилась на станицы Ильинскую и Успенскую. Из Успенской нам предстояло повернуть под прямым углом на станицу Расшиватскую и далее через станицу Григорополисскую{45} в станицу Прочноокопскую.

Но в Успенскую прибыли 17 донских казаков, приведенных известным нам подполковником Барцевичем, бесстрашным разведчиком Добровольческой армии. Барцевич и донцы привезли сведения о восстании всех задонских станиц и просили генералов Алексеева и Деникина идти им на помощь. Под председательством генерала Алексеева состоялось совещание, на котором было постановлено изменить решение, принятое в станице Дядьковской, и двигаться не на юг, а на север, в знакомые добровольцам места: в Лежанку, в станицу Егорлыцкую, а там действовать сообразно выяснившимся обстоятельствам.

Пройдя четвертый раз со времени отхода от Екатеринодара через полотно железной дороги (в то время в отделе ходила острота: «большевики движутся вдоль полотна железных дорог, а добровольцы ходят поперек полотна») между станцией Ново-Покровской и селением Белая Глина, мы через хутор Горькобалковский и станицу Плосскую вошли без боя в Лежанку и расположились здесь, чтобы встретить праздник Святой Пасхи. Но большевики не дали нам осуществить это намерение: с полудня страстной пятницы и всю субботу они обстреливали Лежанку артиллерийским огнем, а направление ружейной и пулеметной стрельбы указывало, что они пытаются окружить Лежанку с трех сторон. Вечером в субботу отряд двинулся в станицу Егорлыцкую, и вошел в нее около 11 часов ночи, многие все же успели попасть в храм и по-христиански встретили Святой праздник.

Но нам недолго пришлось оставаться и в этой станице. Получено было сведение, что немцы очистили от большевиков г. Ростов и большевики бегут с Дона и что в настоящее время вся Владикавказская железная дорога загромождена беженцами и поездами с награбленным имуществом. Сообщалось, что на узловой станции Сосыка скопились большие транспорты с

обмундированием и артиллерийским снаряжением. Для раздетой и лишенной снарядов Добровольческой армии являлся большой соблазн неожиданным ударом на Сосыку захватить ценные трофеи, а может быть, действуя в тыл армии Сорокина, стоявшего против немцев на станциях Кущевка и Батайск, кстати, покончить и с этой самой большой военной организацией на Северном Кавказе. Больных и раненых отправили через станицу Мечетинскую в Новочеркасск и с развязанными руками быстро двинулись к Сосыке. Сделав девяностоверстный переход в один день, отряд пришел в станицу Незамаевскую Кубанской области. Передневав в этой станице, наутро отряд подошел к узловой станции и после упорного боя занял станцию и прилегающую к ней станицу Павловскую. Однако лихой набег этот не дал ожидаемых результатов. Большевики, по-видимому, успели вывезти наиболее ценные грузы по Черноморско-Кубанской железнодорожной ветке, и трофеи были очень незначительны.

Число добытых снарядов едва превосходило расход, произведенный нами в бою. Но вместе с тем у нас были незаменимые потери в личном составе: более двухсот человек екатеринодарской молодежи — студенты, гимназисты и кадеты выбыли из строя убитыми и ранеными.

Попытка продвинуться к Кущевке также успеха не имела. В станице Ново-Михайловской сильный отряд противника преградил нам путь. В той же станице снаряд шрапнели попал в дом, где расположился командующий армией со штабом (как всегда, это было на церковной площади, в доме священника) и смертельно ранил штабного адъютанта, который скончался через несколько часов. Деникин и Романовский, находившиеся в соседней комнате, чудом спаслись. На этом была закончена Сосыкская затея, и мы вернулись снова на Дон в станицу Мечетинскую.

Здесь армии предстоял длительный отдых.

VIII
Филимонов А.П. Разгром кубанской Рады (1919 г.) [Архив русской революции. — Т. V. — Берлин, 1922. — Все даты по старому стилю. Эта работа была написана Филимоновым в г. Новый Сад (Королевство СХС) 10 июля 1921 г.]

Разгром Кубанской Рады, закончившийся повешением члена Рады Кулабухова и высылкой в Константинополь наиболее влиятельных представителей оппозиции, сыграл значительную роль в общем ходе борьбы с большевиками на Юге России и был одним из существенных поводов к катастрофическому отходу Вооруженных Сил Юга России от Орла до Новороссийска.

Между тем до сих пор остается совершенно невыясненной та обстановка, в которой был произведен этот разгром. Непонятной остается и та роль, которую играли многие из видных действующих лиц в этом печальном событии.

Я был в это время Кубанским атаманом, и мне пришлось быть одним из непосредственных участников и свидетелей тяжелого эпизода, после которого я сложил с себя почетное звание войскового атамана, так как этот инцидент был вопиющим нарушением прав Кубани.

Поводом к разгрому послужил факт заключения членами парижской делегации Кубанской Краевой Рады с правительством Горской республики особого договора, который был квалифицирован в Ставке и в Особом совещании как измена России. Причины же антагонизма между Главным командованием и кубанским представительным учреждением заключались в резких политических разногласиях в оценке методов и способов борьбы с большевиками и того положения, которое в этой борьбе занимало казачество вообще и Кубань в частности. Трудно было примирить прямолинейный консервативный централизм Ставки с федералистическими и даже самостийными течениями, игравшими такую видную роль среди демократически настроенных членов Кубанской Рады. Трудно было примирить деятельность местных парламентариев, опьяненных той ролью, которую им приходилось играть, с авантюристическими стремлениями некоторых из военных руководителей, сумевших выдвинуться на Юге России с начала Гражданской войны.

Расправа с Радой еще намечалась в конце 1918 г. Незадолго до того, когда я вторично был избран кубанским атаманом и оппозиция, возглавляемая председателем кубанского правительства Бычом, потерпела поражение, ко мне приходили генералы Покровский и Шкуро и предлагали при их содействии взять всю власть в свои руки.

Я тогда категорически запротестовал против такого проекта и, как атаман, потребовал, чтобы этого не делалось. Покровский и Шкуро тогда отказались от своей затеи.

Такая мысль мне неоднократно подсказывалась и во время разговоров с Деникиным.

Особенно настаивал на этом его помощник.

— Совершенно не понимаю вашего характера, — говорил он. — Как вы терпите все это? Почему вы не разгоните Раду?

— Это слишком упрощенный, грубо-примитивный способ борьбы, — возражал я своим собеседникам, доказывая, что разгон Рады — мера весьма опасная и чреватая серьезными последствиями.

Нарастали оппозиционные настроения в Раде, учащались резкие выступления против политики Ставки и Особого совещания, нарастала неприязнь ко мне со стороны генерала Деникина, все более и более ненормальными становились взаимоотношения между Ставкой и нами, представителями и руководителями казачества.

Все это приняло в конце концов такой серьезный характер, что генерал Деникин вынужден был принять экстренные меры для того, чтобы парализовать назревавший конфликт с казачеством.

6 и 7 июня 1919 г. в Екатеринодаре происходил съезд представителей Главного командования и казачества. В совещании участвовали: Деникин, Романовский, Драгомиров, Лукомский, атаманы казачьих войск: от Дона — Богаевский, от Кубани — я, от Терека — Вдовенко, от Астраханского войска — Ляхов. Присутствовали также председатели Донского, Терского и Кубанского правительств.

На этом совещании Деникин ребром поставил нам вопрос:

— С Русью ли идем мы, представители казачества, или против Руси?

Такая постановка вопроса вызвала с нашей стороны самую резкую отповедь. Мы, казаки, с полной откровенностью заявили о своих пожеланиях, о своем весьма отрицательном отношении к той политической линии, которую проводили в отношении к казакам Ставка и Особое совещание. Мы указали пути для исправления ошибок, для парализования того скверного

настроения, которое создается благодаря нашим ненормальным взаимоотношениям.

Я произнес на этом совещании пространную речь. Вначале я сделал краткий обзор исторического прошлого казачества. Казаки — чисто русские люди, наиболее сильные в физическом и моральном отношении, с наибольшей энергией и предприимчивостью.

Гений русского народа всегда тянулся на юг, а не на север, а потому Петровская реформа — историческая ошибка. Казаки олицетворяли собою тягу на юг, туда, где больше света, больше тепла, больше солнца.

— Когда началась невзгода, когда снова на Руси настало смутное время, — говорил я, обращаясь к Деникину, — вы, витязи Русской земли, пришли сюда, на юг, спасать Россию вместе с нами, казаками. Казаки оправдывают вашунадежду, вашу веру…

— Мы. — говорил я, — недоумеваем теперь, почему казаки, не один раз спасавшие Россию, ныне оказались где-то в стороне? Около вас все, кроме тех, кто должен быть. Около вас должны быть казачьи атаманы и председатели казачьих правительств. Вы неоднократно указывали, что высоко цените, любите казаков и считаете их молодцами. Мы сами давно знаем себе цену. Нам надоело быть молодцами. Мы хотим быть гражданами. Мы, представители казачества, считаем, что имеем полное право быть привлеченными к государственному строительству…

Другие представители казаков высказывались в этом же смысле и резко указали на оскорбительную для нас формулировку вопроса генералом Деникиным. Последний не ответил на наши требования по существу, а лишь заявил:

— Вы, господа атаманы, меня очень сильно «облаяли», но я все же весьма удовлетворен тем, что вижу перед собою действительно русских людей…

Но едва ли Деникин был искренен.

Того же дня вечером у меня во дворце состоялся парадный официальный обед в честь прибывших на совещание атаманов, на котором присутствовало до двухсот человек, в том числе и представители союзных держав. Во время обеда играла музыка, исполнялись войсковым хором казачьи гимны — донской, кубанский.

Деникин во время обеда был мрачен и произнес совершенно неожиданный для нас тост. Он сказал приблизительно следующую речь:

— Вчера здесь, в Екатеринодаре, царили большевики. Над этим домом развевалась красная тряпка, в городе творились безобразия. Проклятое вчера… Сегодня здесь происходит что-то

странное. — слышен звон бокалов, льется вино, поются казачьи гимны, слышатся странные казачьи речи, над этим домом развевается кубанский флаг… Странное сегодня… Но я верю, что завтра над этим домом будет развеваться трехцветное, национальное русское знамя, здесь будут петь русский национальный гимн, будут происходить только русские разговоры. Прекрасное «завтра»… Будем же пить за это счастливое, радостное «завтра»…

Для всех присутствовавших этот тост был ушатом холодной воды, и напрасно пытался поднять настроение взявший на себя, по моей просьбе, роль «тулумбаша» Баратов… В течение всего лета 1920 года наши взаимоотношения с Главным командованием не улучшались, а ухудшались. Поводом к этому служили не только политические разногласия, но также и целый ряд второстепенных причин. Существование, например, нашего кубанского флага было для Деникина бельмом на глазу. Я часто говорил Главнокомандующему:

— Если отдельные войсковые части и даже сотни, ну, например, ваша комендантская, имеют собственные значки, то как же вы хотите лишить целое кубанское казачье войско права иметь свой собственный флаг?

Само собою разумеется, что наши настойчивые пожелания о привлечении казачьих представителей к управлению освобождающимися областями и вообще к государственному строительству встречали у Деникина отрицательное к себе отношение и способствовали образованию почвы для подготовки разгрома кубанской Рады.

После отъезда из Екатеринодара Деникин продолжал очень внимательно следить за работами Рады. Несколько раз он присылал мне письма, в которых указывал на то, что в Раде произносятся несоответствующие речи, подрывается престиж Добровольческой армии. В своих письмах Деникин подчеркивал, что считает меня виновником всего этого, так как я будто бы не принимаю мер против подобного рода агитации.

Когда 16 сентября я, проездом на Дон, был у него в Таганроге, Главнокомандующий прямо заявил:

— Считаю вас виновником происходящего на Кубани брожения и агитации.

Тогда я не придал этому особого значения, тем более что на Дону мне оказали самый теплый и радушный прием. Из обмена мнениями выяснилось, что между нами, кубанцами, и представителями донского казачества наблюдалась полная солидарность во взглядах на наши политические и военные задачи.

Тем не менее мое положение как человека, очутившегося между молотом и наковальней, делалось необычайно тягостным. Нарастали трения с Главным командованием, а параллельно с этим оппозиция в кубанской Раде становилась все более и более энергичной и переходила в наступление, объявив открытый поход против меня, своего атамана, и в то же время умалчивая о своих скрытых целях.

Вместе с той частью членов Рады, которая меня поддерживала, мы выработали план борьбы. Мы решили предоставить представителям оппозиции высказаться до логического конца и тем самым открыть свои карты.

Нам казалось, что это вопрос нескольких дней. Закусившие удила лидеры оппозиции совершали одну бестактность за другой. Когда донская депутация явилась в Раду просить хлеба для северных округов Донской области, то Иван Макаренко крикнул: «А, христарадничать приехали!» На одном из собраний в г. Новочеркасске Иван Макаренко заявил: «На Кубани нет ни одного порядочного генерала». Другой представитель левого крыла Рады на официальном обеде, обращаясь к донским генералам, сказал: «Вот если бы таких генералов да к нашим пластунам». Доморощенный кубанский дипломат не замечал, что своим тяжеловесным комплиментом он нанес оскорбление одновременно и донской пехоте, и кубанским генералам.

В довершение всех несчастий оппозиции удалось провести в председатели Кубанской Краевой Рады Ивана Макаренко — «кубанского бога бестактности». Повторяю, оппозиция лезла, что называется, на рожон и неминуемо должна была сломить себе шею.

Но, к сожалению, в Ставке в это время уже определенно говорили о необходимости принять самые решительные репрессивные меры против будирующей Рады и вожаков оппозиции. Из войсковых начальников сильно поддерживал эту мысль генерал Покровский, который доказывал Деникину и Романовскому, что он знает хорошо кубанских казаков и убежден, что путем репрессивных мероприятий можно легко установить на Кубани полный порядок и спокойствие.

Несмотря на всю остроту положения, приказ Деникина о предании военно-полевому суду членов парижской делегации Краевой Рады, заключивших договор о союзе с Горской республикой, явился для нас полной неожиданностью, тем более что лично я не знал ничего о таком договоре. Прежде чем отдать этот приказ, Деникин запросил меня, действительно ли такой договор был подписан представителями Кубани и были ли они на это уполномочены.

Я ответил, что на это они уполномочены не были, правительству о таком договоре ничего не известно, но что мною наводятся по поводу договора справки и обо всем этом я сообщу дополнительно.

Через несколько дней Деникин вторично запросил меня о том же. В своем ответе на запрос я указал, что такой договор был действительно заключен и что по объяснениям запрошенного мною председателя Зак. Рады, Султан-Шахим-Гирея, договор заключался на тот случай, если Россия не будет освобождена от большевиков и антибольшевистская Кубань предоставлена будет собственным силам.

Вслед за второй телеграммой мною был получен приказ о предании военно-полевому суду за измену России лиц, подписавших договор, то есть Быча, Савицкого, Наметокова и Кулабухова. Этот резкий, противоречивший нашей конституции и всем соглашениям с Главным командованием приказ был адресован не только мне, но и атаманам Дона и Терека.

В ответ на этот приказ мною и правительством была послана Деникину телеграмма с протестом против такого распоряжения. В копии телеграмма сообщена донскому и терскому атаманам.

В телеграмме говорилось о том, что мы относимся к этому акту Деникина с осуждением. По поводу договора мы принимаем свои меры. Что же касается вмешательства в это дело со стороны Главнокомандующего, то такого рода выступление вызовет среди казаков естественное недовольство Главным командованием.

Когда я сообщил о посылке телеграммы Раде, то последняя всецело присоединилась к этому протесту. Вместе с тем я рекомендовал членам Рады немедленно же приступить к обсуждению вопроса о подписавших договор членах Рады, а также послал к Деникину делегацию с целью добиться отмены отданного приказа.

К сожалению, Рада не последовала моему совету и продолжала заниматься очередными делами.

Между тем вслед за моим протестом и как бы в ответ на него последовало новое распоряжение о назначении генерала Покровского командующим тыловым районом Кавказской армии, куда, таким образом, вошла и Кубань. Значение местной власти сводилось к нулю.

В Екатеринодар прибыл Покровский.

— Генерал Деникин, — заявил мне Покровский, — настаивает на немедленном аресте Кулабухова и всех видных представителей оппозиции, всего около тридцати — сорока человек. Кулабухов же должен быть арестован в первую очередь.

Я начал доказывать Покровскому, что эти аресты совершенно

недопустимы, что пользы от этого, разумеется, никакой не будет.

— Может быть, эти господа, — заявил тогда Покровский, — найдут нужным и возможным устроить вместе со мною совещание?

Я согласился на просьбу Покровского помочь ему устроить такое совещание, причем Покровский просил, чтобы все это происходило у меня.

— В другое место, — говорил он, — эти господа вряд ли пойдут.

Согласившись и на это, я потребовал, однако, у Покровского, чтобы он гарантировал личную неприкосновенность всех членов Рады, которые придут на совещание.

Покровский заверил меня своим честным словом, что он гарантирует полную безопасность участникам совещания.

Разговор этот происходил 5 ноября в 4 часа дня. Совещание было назначено в тот же день, в семь часов вечера. В присутствии Покровского я написал председателю Краевой Рады Ивану Макаренко записку о том, что прошу представителей оппозиции ко мне на совещание. Для того чтобы это не бросилось в глаза, я пригласил и лидеров поддерживавшей меня группы. Все они обещали прийти, предупредив, что немного опоздают.

Но не было еще семи часов, когда я, сидя у себя в кабинете, услышал, что по лестнице поднимается большая группа лиц. Меня это заинтересовало, и я послал узнать, в чем дело. Оказывается, это пришел генерал Покровский и с ним человек семь-восемь офицеров. Я тогда пригласил Покровского в кабинет к себе и спросил его:

— Что же все это означает?

В ответ на мой вопрос Покровский довольно развязно заявил, что он решил при выходе, с совещания арестовать «всех этих господ».

— Но ведь вы дали мне обещание не делать этого. Осуществление вашего проекта я считаю совершенно недопустимым…

— Вы здесь ни при чем, — возразил Покровский. — Арестовывать буду я, а не вы. Я отвечаю за свои поступки. Я дал слово, а теперь беру его обратно. Мною уже отдан соответствующий приказ гвардейскому дивизиону окружить этот дом.

Тогда я заявил Покровскому, что не допущу ареста и что совещание у меня не состоится, так как предателем я не был и не буду…

После разговора со мною Покровский согласился отпустить офицеров и дал слово, что отменит все свои распоряжения.

Однако я все же принял меры предосторожности, немедленно вышел в соседнюю комнату и протелефонировал Ивану Макаренко, что сам приду в Раду и что назначенное совещание отменяется.

Предупреждение, как оказалось, было сделано своевременно.

После этого Покровский снова пришел ко мне в кабинет и сообщил список лиц, которых он считает необходимым арестовать. В списке было человек тридцать.

На мое возражение, что это совершенно недопустимо, Покровский ответил, что он готов ограничиться и меньшим числом; при этом он высказался в том смысле, что хорошо было бы, если бы подлежащие аресту разбежались. Последнее указание я пропустил мимо ушей, так как, уж конечно, я не мог делать такого предложения своим политическим противникам.

После долгих переговоров Покровский остановился на шести лицах, подлежащих аресту. Такими лицами были: Петр и Иван Макаренко, Манжула, Воропинов, Роговец и Безкровный. Об этом он сообщил мне официально, как о своем ультимативном требовании, в случае неисполнения которого он прибегнет к силе оружия. Его ультимативное письмо начиналось по общей форме словами: «Милостивый государь».

Об этом ультиматуме я доложил в заседании Рады на словах, потом прочел письмо. Выход из создавшегося положения я видел в немедленной посылке делегации от Рады к Деникину.

В раскаленной атмосфере выступил после моего доклада с речью Иван Макаренко.

Здесь нужно сказать, что Макаренко и его единомышленники пришли, по-видимому, к выводу, что настало время действовать в открытую и действовать решительно. Макаренко приказал своим «гайдамакам» (отряду для охраны Рады, составленному из уклонившихся от фронта казаков Темхинского и Екатеринодарского отделов) окружить здание Рады (Екатеринодарский зимний городской театр), поставил сотню гайдамаков за кулисами и часовых у всех входов и выходов. Решено было не более не менее как захватить власть и арестовать атамана.

Выступив на эстраду, Макаренко заявил:

— Атаман, по-видимому, рекомендует нам подчиниться такому решению; из этого совета видно, что атамана у нас нет. Поэтому я предлагаю передать власть президиуму Краевой Рады…

На мои протесты, что я такого заявления не делал, и на мои требования дать мне слово Макаренко заявил:

— Я не могу предоставить вам слова как атаману, потому что

у нас атамана нет. Это видно и из того, что генерал Покровский обращается к атаману не как к атаману, а как к «милостивому государю».

Члены Рады реагировали на все это неожиданным для Ивана Макаренко образом. В зале послышались возгласы:

— У нас есть атаман… Нужно сменить председателя…

В хаотической, бурной обстановке было предложено поставить вопрос о доверии атаману и председателю Краевой Рады. Был объявлен перерыв, после которого Иван Макаренко вышел и покаянным голосом заявил, что он сознает свою ошибку и что, считая дальнейшее пребывание на посту председателя для себя невозможным, просит отпустить его на свободу.

Рада ответила на эти покаянные речи гробовым молчанием. И когда был поставлен вопрос о доверии атаману, Рада большинством всех против одного вотировала мне свое доверие.

На этом заседание закончилось. Уходя, я обещал членам Рады переговорить о мирной ликвидации инцидента с Деникиным и Романовским.

6 утром ко мне на квартиру явились внесенные в список шесть человек, в том числе и Кулабухов. Список, как выяснилось, был уже увеличен Покровским еще на десять человек. Все эти лица были арестованы.

Я тогда написал и послал Деникину телеграмму, в которой сообщал, что мною посылается ему делегация, которую настойчиво прошу выслушать.

Эта телеграмма не была послана. Ее возвратил мне генерал Покровский и при этом сообщил, что согласно его распоряжению на провода принимаются только телеграммы, посланные с его ведома.

— Послана эта телеграмма или нет? — спросил я у Покровского.

— Кажется, послана, — ответил он.

В действительности же телеграмма была задержана. Кулабухов тем временем был приговорен к смертной казни.

Вечером я отправился на прямой провод, соединился с помощником Главнокомандующего генералом Романовским и обратился к нему «от себя и всех кубанских казаков» с просьбой «во имя заслуг казачества, жертв, понесенных ими, во имя моря пролитой казачьей крови» принять меры к тому, чтобы этот приговор не был приведен в исполнение. Кроме того, я просил принять делегацию, которая сейчас выезжает по этому же вопросу.

Романовский ответил мне, что доложит Деникину о моем ходатайстве по поводу смягчения участи Кулабухова. Однако он

сомневается в успехе этого ходатайства.

— Что же касается делегации, — закончил Романовский, — то я желал бы узнать об этом мнение Покровского.

Покровский был на станции. Я попросил его подтвердить, что он ничего против посылки делегации не имеет, что он и сделал.

— Ответ будет дан по телеграфу, — заявил в заключение Романовский.

Но ответа я не получил. В ночь на 7 ноября мне прислали телеграмму, адресованную на имя Покровского, в которой говорилось о том, что «Главнокомандующий просьбу Войскового атамана отклонил».

Какую просьбу — неизвестно.

Это было в пять часов утра. Утром мне было доложено, что Кулабухов уже повешен. Оказывается, что Покровский приказал привести в исполнение приговор военно-полевого суда, как только получил эту телеграмму.

Должен добавить ко всему этому, что Покровский дал мне слово, что без ведома Деникина и утверждения приговора он Кулабухова не повесит. Ввиду этого я заявил в Раде о том, что не сомневаюсь, что наша делегация, посланная к Деникину, сумеет добиться отмены этого приговора. Оказалось, однако, что когда делегаты обратились со своим ходатайством к Деникину, последний заявил:

— К сожалению, уже поздно: приговор приведен в исполнение.

Понятно, что члены делегации, которым Покровский также дал слово, что он подождет с приведением приговора в исполнение до выяснения результатов их ходатайства, были страшно возмущены всем происшедшим.

Когда был повешен Кулабухов, в Екатеринодар прибыл Врангель.

Я обратился к нему с просьбой умерить воинственный пыл Покровского. Врангель ответил, что он сделает все, чтобы парализовать дальнейшую деятельность Покривского, которую он считает нецелесообразной.

Это было необходимо, потому что Покровский говорил, что и все остальные арестованные будут повешены и что уже готовы виселицы.

Арестованные лидеры оппозиции были высланы за границу.

Так закончился разгром Кубанской Рады.

Считая, что такое поведение Деникина, вопреки моим представлениям о вреде предпринятого шага, нарушает все мои права как атамана, разрушает связь, существующую между казаками и Главным командованием; считая, что все это

отразится очень гибельно на общем деле борьбы с большевиками и не желая отвечать за дальнейшие последствия такого отношения к казакам со стороны Главного командования, я счел своевременным и необходимым уйти со своего поста.

В то время, когда происходила эта дикая расправа с членами Рады, большевики заняли подходы к Царицыну и грозили, прорвав естественные ворота на Северный Кавказ, снова наводнить Кубанскую область. Генералы Врангель и Покровский должны были оставить Екатеринодар и спешно отправиться к месту грозящей опасности. После упорных и кровопролитных боев Кавказской армии, то есть преимущественно кубанским казакам, удалось еще раз отбросить большевиков на север. Но это была только отсрочка. Катастрофа надвигалась не только извне, но зрела и внутри.

Следуя безрассудным советам молодых генералов и потворствуя их тщеславным планам, Деникин подрубил сук, на котором сидел сам.

Документы к воспоминаниям А.П. Филимонова о разгроме Кубанской Рады 1919 г.

Телеграмма Главнокомандующего В СЮР генерала А. И. Деникина Кубанскому войсковому атаману генералу А.П. Филимонову.

Из главтеота № 00622-31-20/15-2355.

В газете «Свободная речь» № 226 приведен договор между кубанским правительством и горским Меджлисом. Благоволите телеграфировать, подписывал ли подобный договор Кулабухов.

Таганрог. 20/10. № 016439.

Деникин.

Телеграмма начальника штаба Главнокомандующего генерала И.П. Романовского Кубанскому войсковому атаману генералу Филимонову.

Екатеринодар. Войсковому атаману.

Екатеринодар. Главтеот № 00685-32-24-1-30.

Главнокомандующий просит немедленно телеграфировать, был ли заключен кубанской делегацией тот договор с горским Меджлисом, который указан в телеграмме № 016439.

Таганрог. № 016620.

23 октября 1919 г.

Романовский.

Телеграмма Кубанского войскового атамана генерала Филимонова начальнику штаба Главнокомандующего генералу Романовскому.

Срочно. Таганрог. Начальнику штаба армии генералу Романовскому.

№№ 016620 и 016439.

О заключении Бычем, Кулабуховым и другими договора с горским Меджлисом мне и правительству ничего не известно. Провожу расследование, о результатах сообщу срочно.

№ 3698.

24 октября 1919 г.

Подлинную подписал генерал-лейтенант Филимонов.

Телеграмма Кубанского войскового атамана Главнокомандующему ВСЮР.

Военная. Таганрог.

Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России генерал-лейтенанту Деникину.

По объяснению Султана Шахим-Гирея, договор с Горской республикой был заключен и подписан Кулабуховым и другими как проект, подлежащий утверждению Законодательной Радой на случай, если бы Антанта признала власть большевиков.

№ 3729.

Подлинную подписал Кубанский войсковой атаман генерал-лейтенант Филимонов.

Телеграмма Войскового атамана Кубанского казачьего войска генерал-лейтенанта Филимонова.

Таганрог.

Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России. Копия атаманам Донскому, Терскому. Командарм Кавказской. Командарм Добр. Командарм Дон. Командующему Войсками Северного Кавказа. Главноначальствующему Киевской области. Главноначальствующему Новороссийской области. Военному губернатору Черноморской губернии.

Срочно на № 016729.

Кубанский войсковой атаман и Кубанское Краевое правительство категорически заявляют, что Краевое правительство никаких договоров с Меджлисом горских народов не заключало и никого на заключение таких договоров не уполномочивало. Лица, перечисленные в телеграмме Главнокомандующего, — Быч, Намитоков, Савицкий и Кулабухов были делегированы Кубанской Краевой Радой, а первые два — и Кубанским Краевым правительством. Правительство послало

своих делегатов как представителей в состав Российской делегации в Париже, а помощь Сазонову, а также для защиты интересов Кубани перед мирной конференцией и для информации. Если названные лица действительно подписали от имени Краевого правительства договор с Меджлисом горских народов, о чем Краевому правительству по сие время официально неизвестно, то вопрос о превышении названными лицами данных им полномочий подлежит суждению Краевого правительства, а существо договора — суждению Кубанской Краевой Рады, на рассмотрение которой в данный момент и выносится. Во всяком случае, упомянутые лица являются дипломатическими представителями Кубани и как таковые пользуются неприкосновенностью, почему в случае совершения ими незакономерных действий могут подлежать суду только Кубанской краевой власти, их делегировавшей.

Приказ о предании названных лиц военно-полевому суду является нарушением прав Кубанской краевой власти, глубоко оскорбляет правосознание кубанского народа и не может не отразиться на настроениях народа и фронта. Сыны Кубани не запятнали себя изменой, а принесли и несут наибольшие жертвы своею кровью и достоянием для воссоздания России. Кубань вправе требовать срочной отмены телеграммы Вашего превосходительства № 016729 ввиду несправедливости обвинения Краевой власти в измене и ввиду несомненного исключительного права только Краевой власти судить своих дипломатических представителей.

№ 3789.

Подлинную подписали: Кубанский войсковой атаман генерал-лейтенант Филимонов и Председатель правительства Курганский.

Надписи на копиях данной телеграммы № 3797. 29 октября 1919 г. Гор. Екатеринодар. В редакцию газеты «Вольная Кубань». Препровождая настоящую копию телеграммы, канцелярия, по приказанию Войскового атамана, просит напечатать в номере газеты «Вольная Кубань» за 30 сего октября.

I. № 3798. В редакцию газеты «Голос кубанца».

II. № 3799. В редакцию газеты «Утро Юга».

III. № 3800. В редакцию газеты «Кубанская земля».

IV. № 3801. В редакцию газеты «Кубанский путь».

V. № 3802. В редакцию газеты «Кубанская воля».

Телеграмма командующего Кавказской армией генерала П.Н. Врангеля.

Генералу Лукомскому. Наштарту Кавказской. Командарму

Добровольческой. Командвойск Одесса. Командвойск Киев. Новороссийск. Военгубу. Донскому атаману. Командарму Дона. Терскому атаману. Кубанскому атаману.

Только Екатеринодар. Кубанскому атаману.

Приказ Кавказской армии 6 ноября 1919 г. № 357. Кисловодск.

Прикрываясь именем кубанцев, горсть предателей, засев в тылу, отреклась от матери-России. Преступными действиями своими они грозили свести на нет все то, что сделано сынами Кубани для воссоздания Великой России, все то, за что десять тысяч кубанцев пролили свою кровь. Некоторые из них дошли до того, что заключили преступный договор с враждебными нам горскими народами, договор, предающий в руки врага младшего брата Кубани — Терек. Пытаясь развалить фронт, сея рознь в тылу и затрудняя работу атамана и правительства в деле снабжения и пополнения армии, преступники оказывали содействие врагам России, той красной нечисти, которая год тому назад залила Кубань кровью. Как командующий Кавказской армией, я обязан спасти армию и не допустить смуты в ее тылу. Во исполнение отданного мною приказания, командующим войсками тыла армии генералам Покровским взяты под стражу и преданы военно-полевому суду в первую голову десять изменников: Кулабухов, Макаренко, Манжула, Омельченко, Балабас, Воропинов, Феськов, Роговец, Жук и Подтапельный. Пусть запомнят эти имена те, кто попытались бы идти по их стопам.

Генерал Врангель.

notes

Примечания

1

Имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 гг. за освобождение Болгарии от османского ига.

2

Речь идет о последней военной русской экспедиции, предпринятой в 1880–1881 гг. отрядом под командованием генерал-адъютанта М.Д. Скобелева для «приведения к покорности» текинцев — одного из наиболее воинственных туркменских племен, живших в оазисе Ахалтеке, постоянно нападавших на аулы подвластных России юмудов и грабивших русские караваны. Благодаря умелым действиям Скобелева с минимальными потерями для русских войск после ряда боев текинцы были разгромлены. Вследствие умело проводимой политики по отношению к местному населению впредь они хранили верность России, и в составе Российской Императорской армии был сформирован Текинский конный полк.

3

Автор, по-видимому, имеет в виду участие в боевых действиях против горцев, в том числе и черкесов, продолжавшихся в течение 65 лет и получивших общее название Кавказской войны. Военные действия, связанные с попытками присоединения Чечни, Горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа, продолжались вплоть до 1864 г. и закончились взятием в плен имама Шамиля, идейного вдохновителя и руководителя горцев, и покорением всего Кавказа. Однако еще несколько лет после этого вооруженные стычки вспыхивали в различных местах, и тогда против горцев высылались экспедиции в составе небольших воинских подразделений.

4

1-й Екатеринодарский кошевого атамана Чепеги полк Кубанского казачьего войска был сформирован в 1788 г. и принял участие почти во всех войнах, которые вела Россия в XIX веке, а также участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг. К 1914 г. полк имел простой полковой штандарт с надписью: «За отличие при взятии крепости Анапы в 12-й день июня 1828 г.», пожалованный в 1831 г., и знаки отличия на головные уборы: «За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 г. и в Манчжурии в 1905 г.» (пожалованы в 1908 г.). С началом Первой мировой войны полк вместе с 1-м Кизляро-Гребенским полком Терского казачьего войска вошел в состав 1-й бригады 3-й Кавказской казачьей дивизии (во 2-й бригаде — Дагестанский и Осетинский конные полки). В составе дивизии, приданной 24-му армейскому корпусу 3-й армии Юго-Западного фронта, полк участвовал весной 1915 г. в Горлицкой операции. Затем в

1916 г. принимал участие в летнем наступлении Юго-Западного фронта, а к декабрю того же года вместе со своей дивизией входил в состав 8-й армии того же фронта. В июле

1917 г. вместе с 3-й Кавказской казачьей дивизией полк вошел в Сводный конный корпус генерал-майора П.Н. Врангеля и принимал активное участие в арьергардных боях летнего отступления.

5

Имеется в виду Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович (Романов) (1858–1915 гг.) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, генерал-инспектор военно-учебных заведений. В детстве получил прекрасное общеобразовательное и музыкальное воспитание. Военную службу начал в 1870 г. во флоте. С 1874 г. — гардемарин, с 1876 г. — мичман. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. С 1878 г. — лейтенант флота и флигель-адъютант Императора Александра П. В 1880 г. командовал ротой Гвардейского экипажа, в 1882 г. произведен в штабс-капитаны гвардии и переведен в Лейб-гвардии Измайловский полк. С 1887 г. — капитан, с 1891 г. — полковник, командующий Лейб-гвардии Преображенским полком. В 1894 г. был произведен в генерал-майоры, зачислен в Свиту Его Императорского Величества и утвержден в должности командира полка. В 1900 г. назначен главным начальником военно-учебных заведений. Проделал большую работу по поднятию уровня обучения в кадетских корпусах и военных училищах, улучшению воспитательского и преподавательского состава и повышению. материального обеспечения корпусов и училищ. Пользовался огромной любовью со стороны кадет и юнкеров, уважением со стороны всех, кто знал его как по службе, так и вне ее. Известный русский поэт и переводчик «Гамлета» У. Шекспира и «Мессианской невесты» И. Шиллера. Состоял почетным членом ряда военных академий и был президентом Императорской академии наук, президентом различных общественных и научных организаций. Являлся шефом ряда частей Российской Императорской армии. С 1884 г. был женат на Великой. Княгине Елисавете Маврикиевне и имел от этого брака сыновей: Иоанна, Гавриила, Константина, Олега, Игоря и Георгия Константиновичей и дочерей: Елену, Татьяну и Веру Константиновну.

6

Николаевское кавалерийское училище было основано в 1823 г. как Школа гвардейских подпрапорщиков в Санкт-Петербурге. В 1826 г. при школе был сформирован эскадрон юнкеров, и она стала именоваться Школой гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (в ней учился в 1832–1834 гг. М.Ю. Лермонтов), с 1843 г. перешедшей в ведение главного начальника военно-учебных заведений. В 1859 г. школа переименована в Николаевское училище гвардейских юнкеров, а в 1864 г. — в Николаевское кавалерийское училище. По штату в единственном эскадроне училища было положено иметь 200 юнкеров. В 1890 г. в составе училища была учреждена казачья сотня (120 юнкеров) для подготовки казачьих офицеров. Поступали в училище молодые люди (не моложе 16 лет) и обучались как за казенный, так и за свой собственный (в 1913 г. — 550 р. в год) счет. После окончания училища юнкера — например, казачьей сотни — производились либо в строевые части своих казачьих войск (юнкера эскадрона — в части армейской кавалерии), либо в строевые части регулярных или других казачьих войск. Училище заканчивали георгиевские кавалеры: генерал-фельдмаршал князь А.И. Барятинский (выпуска 1833 г.), генерал-лейтенант Д.И. Скобелев (вып. 1838 г.; отец прославленного русского генерала М.Д. Скобелева) и др. Во время обучения в училище Шкуро его начальником являлся генерал Г.С. Осипов (1903–1913 гг.). В 1918 г. училище прекратило свое существование.

7

Портупей-юнкер — юнкер, награжденный офицерским темляком на холодное оружие. В военных или специальных (т. е. артиллерийских, инженерном и др.) училищах этот чин был присвоен юнкерам, исполняющим обязанности унтер-офицера» В отличие от рядовых юнкеров имели на погонах своего училища, помимо юнкерского галуна шириной 11 мм по цвету прибора вдоль свободных краев погона, еще и такой же продольный галун посредине погона.

8

Николай Васильевич Скляров родился в 1875 г. в дворянской семье. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1896 г.). Службу проходил в казачьих частях. Участвовал в Первой мировой войне; в 1915 г. — полковник, командир 2-го Волгского Терского казачьего войска полка; награжден мечами и бантом к имевшемуся ордену Св. Станислава 3-й ст. Участник Белого движения на юге России. Летом 1919 г. командовал Отдельной казачьей бригадой (42-й Донской казачий — или «Назаровский» — полк и 2-й Лабинский Кубанского казачьего войска полк), действовавшей против Красной армии на Украине. 2 (15) июня 1919 г. генерал-майор Скляров прибыл в распоряжение временно командующего 3-м конным корпусом генерала от артиллерии В.А. Ирманова и с этого же числа был назначен командиром Кубанской Партизанской казачьей конной бригады 1-й Кавказской казачьей конной дивизии. В конце 1919 г. он был переведен на службу во 2-й армейский корпус генерал-лейтенанта М.Н. Промтова, где командовал конной группой. Во время Бредовского похода (январь — февраль 1920 г.) Скляров возглавлял крайнюю восточную колонну (42-й Донской казачий полк, 1 батальон терских пластунов, 2 легких (34-й артиллерийской бригады и отдельная 42-я Донская) и 1 гаубичная (34-й артбригады) батареи) бредовцев. После соединения их с поляками части Склярова были сведены в группу под его командованием, которая включала 2 сводные конные дивизии и Терскую пластунскую бригаду, — всего 5699 человек; она была расположена в лагере Дабиу. Сведения о дальнейшей судьбе Склярова противоречивы. По одним данным, он умер в мае 1920 г. от тифа в лагере Дабиу, по другим — он находился в числе 35 генералов, которые вместе с 2721 офицером Казачьего стана генерал-майора Т.Н. Доманова 28 мая 1945 г. были перевезены в лагерь в Шпитале, а затем переданы органам НКВД.

9

1-й Уманский бригадира Головатого Кубанского казачьего войска полк всю Первую мировую войну пробыл наКавказском фронте, где зимой 1914–1915 гг. он входил в состав 1-й Кавказской казачьей дивизии Сарыкамышского отряда Кавказской армии и участвовал в Сарыкамышскойоперации. В 1915 г. полк принимал участие в Хамаданской операции и затем во всех боевых действиях 1-й Кавказской казачьей дивизии.

10

Эполеты являлись принадлежностью только лишь офицерской парадной формы. При всех остальных видах форм вместо них носились погоны. В Кубанских конных полках эполеты были кавалерийского образца, серебряные, с алой выпушкой. Офицеры 1-го Уманского полка имели на эполетах серебряную шифровку «Ум.».

11

Орден Святого Станислава был учрежден в 1765 г. польским королем Станиславом-Августом Понятовским в честь покровителя Польши Св. Станислава. После присоединения Польши к России в 1815 г. Император Александр I издал манифест об ордене Св. Станислава, устанавливал 4 степени этой награды. В 1831 г. последовало присоединение ордена Св. Станислава к российским орденам, а в 1839 г. Императором Николаем I был утвержден и его новый статус, согласно которому орденом мог награждаться любой подданный Российской Империи и Царства Польского за заслуги на военной или гражданской службе. Орден 3-й степени представлял собой четырехконечный крест с раздваивающимися концами, покрытый красной финифтью, с золотой каймой по краям. Все 8 концов креста были украшены золотыми шариками и соединены попарно золотыми ребристыми полукругами. В углах креста — 4 российских золотых двуглавых орла. В середине креста красной финифтью на белом круге с золотой каймой, имеющей изображение зеленого лаврового венка, выполнены переплетенные латинские буквы «SS» — вензель Св. Станислава. Размер креста — 3 см. Носился на груди на красной ленте с двойными белыми полосками по краям. Орден занимал самое последнее место в порядке старшинства российских орденов. С 1857 г. к ордену Св. Станислава 3-й ст., жалуемому за военные заслуги, помимо скрещенных мечей, проходивших через середину креста, начали добавлять бант из орденской ленты. В 1917 г. произошло незначительное изменение во внешнем виде ордена: золотые императорские орлы в углах его теперь были заменены так называемыми «орлами Временного правительства» — без корон, с опущенными крыльями, без державы и скипетра. Орден официально прекратил свое существование в 1917 г., но в период Гражданской войны награждение им продолжалось как на севере генералом Е.К. Миллером, так и на востоке адмиралом А.В. Колчаком.

12

Имеются в виду события, непосредственно предшествующие началу Первой мировой войны. Поводом к нападению Австро-Венгрии на Сербию послужило убийство сербским террористом из группы «Молодая Босния» Г. Принципом наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, совершенное 15 июня 1914 г. в г. Сараево при активном участии масонов. Под давлением Германии Австро-Венгрия 10 июля предъявила ультиматум Сербии и, несмотря на согласие правительства последней выполнить почти все его требования, 12 июля разорвала с Сербией дипломатические отношения, а 15 июля объявила ей войну; сербская столица г. Белград подвергся артиллерийскому обстрелу. В России началась мобилизация, и 19 июля Германия объявила ей войну. 21 июля Германия также объявила войну Франции и Бельгии, а 22 июля войну Германии объявила Великобритания. Началась первая в истории человечества мировая война, заключительные события которой в 1917–1918 гг. явились неожиданными и необратимыми для многих стран — ее участников…

13

3-й Хоперский полк Кубанского казачьего войска был третьеочередным полком, сформированным на Кубани после объявления мобилизации в августе 1914 г. Он был прикомандирован в качестве корпусной конницы к 3-му Кавказскому армейскому корпусу и всю Первую мировую войну провел в его составе.

14

3-й Кавказский армейский корпус (командир — генерал-лейтенант В.А. Ирманов), входивший в состав 4-й армии, состоял из 21-й (генерал-лейтенанта С.С. Мехмандарова) и 52-й (генерал-лейтенанта В.В. Артемьева) пехотных дивизий вместе с корпусной конницей, артиллерией и саперами (всего 31 батальон, 61 пулемет, 261 офицер, 24 190 штыков, 6 сотен, 84 орудия, 1 саперный батальон — к 1 октября) и принял участие в Варшавско-Ивангородской операции в сентябре — октябре 1914 г. К 15 октября в корпус входила также 75-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта М.И. Штегельмана. Весной 1915 г. корпус (21-я и 52-я пехотные дивизии) входил в 3-ю армию Юго-Западного фронта и участвовал в Горлицкой операции. В 1916 г. корпус участвовал в Брусиловском наступлении, а в декабре, находясь в составе 7-й армии того же фронта, включал в себя 21-ю, 23-ю, 108-ю и 113-ю пехотные дивизии.

15

Ирманов Владимир Александрович родился в 1852 г. Окончил 3-е военное Александровское училище. Участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг., командовал 4-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригадой. Затем был комендантом крепости Владивосток, командиром 4-го Сибирского корпуса. В Первую мировую войну — генерал-лейтенант (к началу 1915 г. — произведен в генералы от артиллерии), командир 3-го Кавказского армейского корпуса. Ирманов еще в начале войны подавал Императору Николаю II три проекта о формировании 80-тысячной конной массы для броска через Карпаты на Вену… В конце 1918 г. вступил во ВСЮР и просил назначить его в дивизию Шкуро, где, отказавшись от почетной должности начальника дивизии, приказом Главкома ВСЮР 12 (25) февраля 1919 г. был назначен командиром 1-й (Хоперской) бригады Кавказской конной дивизии. Несмотря на свой преклонный возраст, Ирманов лично участвовал во многих боях. В период весенне-летней кампании 1919 г. Ирманов неоднократно заменял Шкуро во время командировок последнего по служебной надобности. В том же году приказом Главкома ВСЮР он был переименован из генерала от артиллерии в генералы от кавалерии с зачислением по Кубанскому казачьему войску. В 1920 г. вместе с кубанцами эвакуировался за границу, затем жил в Югославии в г. Новый Сад, где и умер в 1931 г.

16

Речь идет о 81-м пехотном Апшеронском полку. Сформирован в 1724 г. как Астрабадский пехотный полк, с 1732 г. — Апшеронский пехотный. Под этим названием участвовал в русско-турецких войнах XVIII в., наполеоновских войнах начала XIX в., Кавказской войне, Хивинском походе 1873 г. и др. С 1864 г. — 81-й пехотный Апшеронский Его Императорского Высочества Великого Князя Георгия Михайловича полк. В качестве знаков отличия полк имел Георгиевское знамя с Александровской юбилейной лентой, пожалованное в 1900 г., особый вид барабанного боя — «поход за военное отличие», 7 Георгиевских труб и 4 Георгиевских рожка, а также знаки «за отличие» на головные уборы и красные отвороты на голенища сапог за сражение при Кунерсдорфе 2 августа 1759 г. В годы Первой мировой войны полк входил в состав 21-й пехотной дивизии, в июне 1917 г. им командовал полковник Иванов. В 1918 г. был расформирован, но в период Гражданской войны на юге России в марте 1919 г. был воссоздан и прекратил существование в 1920 г.

17

В состав кавалерии германской армии в годы Первой мировой войны входили 2 гусарских полка — 1-й гвардейский и 2-й Лейб-гусарский.

18

Орден Святой Анны учрежден в 1735 г. (первое пожалование — в 1742 г.). В 1797 г. Императором Павлом I орден Св. Анны был провозглашен четвертым классом единого Российского ордена и разделен на 3 степени, причем знак ордена 3-й ст. (красный финифтевый крест на золотом поле с красной окружностью; сверху — золотая корона; высота вместе с короной 3 см) носился на эфесе холодного оружия (сабле, шпаге и др.) — в зависимости от рода войск награжденного. В 1815 г. Император Александр I учредил еще одну степень ордена, и бывшая 3-я ст. стала 4-й. Статут ордена появился лишь в 1829 г., и по нему к знаку ордена 4-й ст. на эфесе добавлялась еще надпись «За храбрость». Официально эта награда получила название «ордена Святой Анны 4-й степени с надписью "За храбрость"» и награждали ею обер-офицеров за отличие на поле боя. В 1855 г. Анненскому оружию был присвоен темляк из красной орденской ленты с серебряной кистью. Официально орден прекратил свое существование в 1917 г., но в годы Гражданской войны некоторые белые правительства продолжали награждать им офицеров.

19

Гренадерский корпус (командир — генерал от артиллерии И.И. Мрозовский, начальник штаба — генерал-майор В.И. Соколов), входивший в 4-ю армию и имевший в своем составе 1-ю (генерал-лейтенанта А.И. Постовского) и 2-ю (генерал-лейтенанта Н.Г. Ставровича) гренадерские дивизии вместе с корпусной конницей, артиллерией и саперами (всего 31 батальон, 43 пулемета, 277 офицеров, 24 104 штыка, 12 сотен, 88 орудий, 1 саперный батальон — к 1 октября), участвовал в Варшавско-Ивангородской операции осенью 1914 г. Весной 1915 г. корпус в составе 4-й армии Юго-Западного фронта участвовал в Горлицкой операции. К декабрю 1916 г. в состав корпуса, находившегося во 2-й армии Западного фронта, входила также Польская стрелковая бригада и Польский уланский дивизион.

20

21-я пехотная дивизия под командованием генерал-лейтенанта С.С. Мехмандарова (16 батальонов, 32 пулемета, 107 офицеров, 11 133 штыка, 48 орудий — к 1 октября) в составе 3-го Кавказского армейского корпуса 4-й армии участвовала в Варшавско-Ивангородской операции осенью

1914 г. Весной 1915 г. дивизия в составе того же корпуса, входившего в 3-ю армию Юго-Западного фронта, приняла участие в Горлицкой операции. К 1 июня 1917 г. дивизией командовал генерал-майор Тучапский (бригадный командир генерал-майор Руднев), в ее состав входили пехотные полки: 81-й Апшеронский, 82-й Дагестанский (полковник барон Раден), 83-й Самурский (полковник Лебедев) и 84-й Ширванский (полковник Иванов), а также 21-я артиллерийская бригада.

Генерал от артиллерии Мехмандаров Самедбек Садык-? бек-оглы родился в 1856 г. Окончил кадетский корпус и военное училище. Участвовал в русско-японской войне, при обороне г. Порт-Артура командовал 7-м Восточно-Сибирским стрелковым артиллерийским дивизионом; был награжден орденами Св. Георгия 4-й и Св. Станислава 1-й степеней. С 1904 г. — генерал-майор. Чин генерал-лейтенанта получил незадолго до Первой мировой войны, в годы которой командовал различными соединениями, в том числе 21-й пехотной дивизией. После Октябрьского переворота 1917 г. уехал в Закавказье, где в ноябре 1918 г. был назначен военным министром Азербайджанской республики. После захвата власти большевиками в Азербайджане в апреле 1920 г. перешел на их сторону и, будучи военным специалистом, сыграл большую роль в процессе военного обучения азербайджанских национальных кадров. Умер в 1931 г.

21

Автор имеет в виду наградное золотое оружие (в данном случае — шашку) с надписью «За храбрость», украшенное крестом ордена Св. Георгия. Первое пожалование золотым оружием (шпагами, саблями и кортиками) за боевые отличия в России относится к эпохе Петра I — 1720 г. В дальнейшем им награждались генералы и офицеры только за подвиги, совершенные на поле брани. Первоначально производились награждения золотым оружием лишь генералов, и поэтому его эфес, темляк и ножны были украшены бриллиантами, позднее — металлической «бриллиантовой огранкой», созданной тульскими оружейниками. Позднее, когда оружием стали награждать штаб- и обер-офицеров, бриллианты и огранка начали заменяться надписью «За храбрость» на эфесе. После вступления на престол Императора Павла I в 1797 г. на оружии появился прикрепляемый на эфес знак ордена Св. Анны 3-й степени (с 1815 г. — 4-й степени). Это оружие стали называть «анненским». В сентябре 1807 г. Император Александр I утвердил награждение офицеров золотым оружием. Это было первым официальным установлением данной награды. Золотые с надписью шпаги с алмазными украшениями и без них причислены к российским орденам. В 1869 г. в связи со 100-летием ордена Св. Георгия к кавалерам его были причислены лица, награжденные золотым оружием «За храбрость», на котором с 1855 г. появился темляк из черно-оранжевой Георгиевской ленты. Начиная с 1869 г. на оружии, т. е. чашке шпаги или эфесе сабли, появился орден Св. Георгия очень небольшого размера — 1–1,5 см. В 1880 г. было установлено ношение на оружии с бриллиантами или заменяющем его оружии с орденом Св. Георгия ранее пожалованного ордена Св. Анны 4-й ст. под эфесом сабли на металлической пластине, прикрепленной так, чтобы знак ордена Св. Анны 4-й ст. был виден с внешней стороны ножен (на шпаге орден Св. Анны 4-й ст. располагался на внутренней стороне чашки). По утвержденным в 1889 г. «Правилам ношения орденов и медалей» золотое оружие с надписью «За храбрость» носилось с Георгиевским темляком и могло быть заменено лишь оружием, украшенным бриллиантами; на нем не полагалось иметь никаких орденских знаков. Золотое оружие с бриллиантами должно было носиться без темляка, при парадной форме как в строю, так и вне его. Во всех остальных случаях «бриллиантовое оружие» должно заменяться золотым оружием без украшений, но с крестом ордена Св. Георгия и с Георгиевским темляком. В августе 1913 г. в соответствии с новым

статутом ордена Св. Георгия золотое оружие было переименовано в Георгиевское и причислено к ордену; также были утверждены его образцы — Георгиевские шашка, казачья шашка, палаш, кавалерийская сабля и шпага. Все это оружие могло быть украшено бриллиантами, причем надпись «За храбрость» была заменена надписью с указанием подвига, за который было пожаловано оружие, а орден Св. Георгия на шляпке эфеса также был украшен бриллиантами. Знак ордена Св. Анны 4-й ст. на Георгиевском оружии располагался под эфесом на медном позолоченном щитке; вокруг знака — надпись «За храбрость». Интересно отметить, что Георгиевским оружием в 1916 г. было награждено около 2 тыс. человек, а оружием с бриллиантами — всего трое. Остается добавить, что в декабре 1918 г. антибольшевистское Временное правительство Северной области во главе с Н.В. Чайковским присвоило командному составу войск области право на награждение военнослужащих за боевые отличия орденом Св. Георгия, Георгиевским оружием и Георгиевским крестом, а в феврале 1919 г. восстановило действие всех законоположений о награждении военнослужащих, существовавших до 25 октября (7 ноября) 1917 г. В феврале же 1919 г. Верховный Правитель России и Верховный Главнокомандующий адмирал А.В. Колчак восстановил награждение генералов и офицеров за боевые отличия Георгиевским оружием.

22

Кинжал кавказского образца было положено носить генералам, штаб- и обер-офицерам и нижним чинам Собственного Его Императорского Величества конвоя, Кавказских Кубанского и Терского казачьих войск, Дагестанского конного полка и Осетинского конного дивизиона (в годы Первой мировой войны развернутого в полк) при всех формах одежды в мирное время, при черкеске. Однако в войну 1914–1918 гг. и в Гражданскую кинжал носился всеми, кто имел возможность его приобрести, в том числе и рядовыми казаками.

23

В 1915 г. из-за особых условий ведения позиционной войны кавалерия оказалась сосредоточенной в тылу, лишь иногда спешенными подразделениями занимая какой-либо небольшой участок позиций. Чтобы поднять боевой дух русской кавалерии, несколько упавший после весеннего отступления, а также для набегов и разведки в тылу противника, у нескольких казачьих и кавалерийских офицеров, по аналогии с Отечественной войной 1812 г., появилась идея создания небольших маневренных партизанских отрядов. Несмотря на то что эта мысль не получила поддержки большинства старших офицеров и начальников русской кавалерии, из добровольцев-офицеров, казаков и солдат кавалерийских и казачьих частей было сформировано до 50 таких отрядов различного состава, находившихся в ведении штаба Походного атамана всех казачьих войск Великого Князя Бориса Владимировича. Большого развития партизанская война, однако, не получила; многие организованные отряды либо бездействовали, либо нередко «безобразничали», обращая, как отмечал генерал А. П. Богаевский в своих воспоминаниях, «свою энергию и предприимчивость против мирных жителей»; впоследствии многие отряды были расформированы. Хорошо себя зарекомендовали партизанские отряды В.М. Чернецова, Б.В. Анненкова, Л.Ф. Бичерахова, есаулов А.Г. Шкуро и И.Ф. Быкадорова (оба последних в декабре 1916 г. входили в состав корпусной конницы 8-го армейского корпуса Юго-Западного фронта).

24

Его Императорское Высочество Великий Князь Борис Владимирович родился в 1877 г. Получил первоначальное домашнее образование, затем учился в Николаевском кавалерийском училище. В 1896 г. произведен в корнеты Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка, с 1897 г. — флигель-адъютант Императора Николая II, с 1903 г. — в Свите Его Императорского Величества с отчислением от фронта. Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. Награжден золотым оружием с надписью «За храбрость» и чином штабс-ротмистра. В 1908 г. вернулся в строй Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка; произведен в ротмистры. Первую мировую войну начал полковником, командуя Лейб-гвардии Атаманским Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича казачьим полком. В сентябре 1914 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. Вскоре был произведен в генерал-майоры. В 1915 г. назначен Походным атаманом всех казачьих войск. В 1916 г. награжден орденом Св. Владимира 2-й ст. с мечами. После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал и умер за границей.

25

Его Императорское Величество Государь Император Николай II Александрович родился 6 мая 1868 г. в Царском Селе в семье Императора Александра III. На Российский престол вступил 21 октября 1894 г. Получил широкое домашнее и военное образование под руководством лучших как гражданских, так и военных ученых России. Его любимыми предметами были и остались на всю жизнь русская история и литература и, кроме того, все дисциплины, связанные с военным делом. С ранних лет Николай Александрович начал изучать военную службу в различных родах войск и на флоте. Состоял шефом большого числа гвардейских и армейских частей. Проходил службу в Лейб-гвардии Преображенском и Гусарском Его Величества полках, в рядах гвардейской артиллерии. Закончил строевую службу полковником, командуя по день восшествия на престол 1-м батальоном Лейб-гвардии Преображенского полка. Много путешествовал по России, неоднократно выезжал за границу. С 1889 г. приступил к изучению вопросов государственного управления. 14 ноября 1894 г. женился на принцессе Алисе Гессен-Дармштадтской (при крещении получившей имя Александры Федоровны); от этого брака имел 4 дочерей — Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию и сына — Алексея. В годы его царствования Россия достигла значительных успехов во всех отраслях политики, экономики, науки и искусства, пережила русско-японскую войну и революцию 1904–1905 гг. Столыпинские реформы, проводившиеся под непосредственным контролем Николая II, укрепили социальную и экономическую основы крестьянского хозяйства. Несмотря на поражения, понесенные Российской Императорской армией в весенней и летней кампаниях 1915 г., к концу года благодаря целому ряду мер, принятых Николаем II, принявшим на себя Верховное Главнокомандование, армия вновь была готова к боевым действиям и летом 1916 г. в очередной раз явила всему миру картину своих доблестных побед над австро-германо-турецкими войсками. После февральского переворота 1917 г. Император Николай II, не желая вызвать в России, ведущей тяжелую войну, пожар братоубийственной Гражданской войны, отрекся от престола. Арестованный Временным правительством, он вместе со всей своей семьей был отправлен сперва в Си-1 бирь (г. Тобольск), а затем перевезен в Екатеринбург. Здесь в ночь на 17 июля 1918 г. Николай Александрович и вся его семья (в том числе и дети) были преступно убиты по приказу из Москвы.

26

Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич, сын Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны, родился в Новом Петергофе 30 июля 1904 г. В тот же день он был назначен шефом 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, находившегося в составе Маньчжурской армии, и ряда других гвардейских и армейских частей. 11 августа состоялось крещение его, на Алексея был возложен рад орденов Российской Империи, и, он был зачислен в списки Гвардейского Экипажа и 89-го пехотного Беломорского полка. Кроме того, Наследник Цесаревич состоял почетным членом нескольких научно-просветительских обществ, под его покровительством находились школы, имя его носили более сотни учебных и благотворительных заведений, в честь его было учреждено множество стипендий в военных и гражданских заведениях. Алексей Николаевич получил хорошее домашнее образование, с самого своего рождения являлся любимцем Николая II, Александры Федоровны и своих старших сестер — Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии. Однако Наследник Цесаревич был тяжело болен гемофилией (несвертываемостью крови), и малейший ушиб или царапина причиняли ему и всей семье сильные физические и моральные страдания. С раннего возраста проявлял сильный интерес к армии и военному делу, являлся активным участником скаутского движения в России. Он вместе со своим отцом, Императором Николаем II, выезжал на фронт, где воочию мог убедиться в доблести и героизме Российской Императорской армии, ведущей боевые действия от Балтийского до Черного морей. Алексей Николаевич разделил судьбу всей семьи Николая II, испив до дна чашу унижений и страданий. Зверски убит в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

27

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918 гг.) — из семьи солдата сверхсрочной службы, окончил Тверскую классическую гимназию и Московское пехотное юнкерское училище. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. за освобождение Болгарии. В 1890 г. окончил Николаевскую академию Генерального Штаба по I разряду. В 1890–1894 гг. — старший адъютант штаба 1-го армейского корпуса. Потом до 1900 г. служил в военно-ученом комитете Главного штаба, в 1898 г. был произведен в полковники и до 1904 г. являлся профессором Николаевской академии Генерального штаба, одновременно занимая в 1900–1904 гг. должность начальника отделения Главного штаба. Участвовал в русско-японской войне, в 1904 г. произведен в генерал-майоры и назначен генерал-квартирмейстером 3-й армии в Маньчжурии; был награжден золотым оружием и орденами Св. Станислава 1-й ст. с мечами и Св. Анны 1-й ст. В 1906–1912 гг. — обер-квартирмейстер Главного управления Генштаба и начальник штаба Киевского военного округа, в 1908 г. был произведен в генерал-лейтенанты. С июля 1912 г. — командир 13-го армейского корпуса. Участвовал в Первой мировой войне; с августа 1914 г. — начальник штаба Юго-Западного фронта, в сентябре произведен в генералы от инфантерии, с 17 марта 1915 г. — главнокомандующий армиями Северо-Западного (с 4 августа 1915 г. Западного) фронта. 18 августа 1915 г. по личному выбору Николая II был назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего. Во время Февральского переворота был одним из старших военачальников, убедивших Николая II отречься от престола. С 1 апреля (по 3 июня) 1917 г. назначен Временным правительством Верховным главнокомандующим. Выступал против Советов и демократизации армии, сочувствовал корниловскому выступлению. 30 августа с целью спасти Л.Г. Корнилова и его сторонников от революционно настроенных солдат принял должность начальника штаба вновь назначенного главковерха А.Ф. Керенского. Прибыв в Ставку, арестовал Л.Г. Корнилова и других организаторов выступления и отправил их в тюрьму в г. Быхов под охрану надежных войск. 11 сентября подал в отставку и тайно приступил к организации офицерских и юнкерских отрядов для спасения России. После Октябрьского переворота бежал в Новочеркасск, где 2 (15 по новому стилю) ноября приступил к созданию так называемой Алексеевской организации — добровольческих военных формирований из прибывавших на

Дон офицеров и юнкеров. С декабря 1917 г. — член «триумвирата» Донского гражданского совета, ведал финансами, вопросами внешней и внутренней политики. Участвовал в 1-м Кубанском походе. В июне 1918 г. выдвигался Национальным центром кандидатом в военные диктаторы. С ростом численности и организации Добровольческой армии 18 (31) августа 1918 г. стал ее Верховным руководителем, при нем в Екатеринодаре было образовано Особое совещание как «высший орган гражданскогр управления». Умер 25 сентября (8 октября) 1918 г. в Екатеринодаре и первоначально был похоронен в усыпальнице Войскового собора, впоследствии его прах перевезли в Сербию.

28

Богаевский Африкан Петрович (1872–1934 гг.) — из потомственных дворяй, окончил Донской Императора Александра III кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба по I разряду. В 1900–1909 гг. служил в Лейб-гвардии Атаманском полку, в штабе 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, командовал эскадроном Лейб-гвардии Драгунского полка, проходил службу в штабе Санкт-Петербургского военного округа. В декабре 1908 г. был произведен в полковники и в январе 1909 г. назначен начальником штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Участвовал в Первой мировой войне; в 1914–1915 гг. — начальник штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, затем — командир 4-го гусарского Мариупольского полка, командир Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка, в марте 1915 г. произведен в генерал-майоры, с октября того же года — начальник штаба Походного атамана всех казачьих войск Великого Князя Бориса Владимировича, в 1917 г. командовал Забайкальской казачьей дивизией, затем — 1-й гвардейской кавалерийской дивизией. В декабре 1917 г. уехал на Дон, и в январе 1918 г. атаманом Донского казачьего войска генералом А.М. Калединым был назначен командующим войсками Ростовского района. Участвовал в 1-м Кубанском походе; в феврале — марте 1918 г. — командир Партизанского пешего казачьего полка, командир 2-й бригады Добровольческой армии. С мая 1918 г. — управляющий Отделом иностранных дел и председатель Совета управляющих делами на Дону, в августе произведен в генерал-лейтенанты. 6 (19) февраля 1919 г. после ухода со своего поста генерала П.Н. Краснова Войсковым кругом был избран атаманом Всевеликого Войска Донского. В ноябре 1920 г. эмигрировал вместе с остатками Русской армии генерала П.Н. Врангеля. До ноября 1921 г. жил в Константинополе, затем в Софии и Белграде, а с 1923 г. — в Париже.

29

Имеется в виду 206-й пехотный Сальянский полк. Сформирован в 1805 г. как Каспийский морской батальон, затем последовательно назывался: с 1830 по 1858 гг. — Грузинский линейный №№ 8, 7 и 9-го батальон, с 1858 по 1868 гг. — Кавказский линейный № 21-го батальон, с 1868 по 1889 г. — Бакинский губернский (затем местный) батальон с 1889 по 1891 гг. — 12-й Кавказский резервный (кадровый) батальон, с 1891 г. — Сальянский резервный батальон; по следний в 1892 г. был переформирован в Сальянский резервный пехотный (в 1899 г. переименованный в 262-й пехотный резервный Сальянский) полк. В 1907 г. назван 262-м пехотным резервным Сальянским Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полком, с 1910 г. — 206-й пехотный Сальянский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк. Полк имел простое знамя с Александровской лентой, пожалованное в 1905 г. В Первой мировой войне полк в составе 52-й пехотной дивизии участвовал в Варшавско-Ивангородской (осень 1914 г.) и Горлицкой (весна 1915 г.) операциях. К 1 июня 1917 г. полк входил вместе с 205-м Шемахинским, 207-м Новобаязетским и 208-м Дорийским пехотными полками в состав 52-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Иванова (бригадный командир полковник Карась). В 1919 г. кадр полка был восстановлен и в ноябре вошел в состав сформированной Отдельной бригады 52-й пехотной дивизии; окончательно расформирован в 1920 г.

30

Романовский Иван Павлович (1877–1920 гг.) — из семьи армейского офицера, дворянин, окончил 2-й Мос ковский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генштаба по I разряду. В 1904–1905 гг. — обер-офицер для особых поручений при штабе 18-го армейского корпуса, участвовал в русско-японской войне в составе Маньчжурской армии. В 1906–1910 гг. служил в штабе Туркестанского военного округа, в мобилизационном отделении Главного управления Генштаба, с 1910 г. — начальник отделения Главного управления Генштаба. Участвовал в Первой мировой войне; в 1914–1915 гг. — начальник штаба 25-й пехотной дивизии, командир 206-го пехотного Сальянского полка, полковник. В июле 1916 г. был произведен в генерал-майоры, с октября 1916 г. — генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии, в 1917 г. — начальник штаба 8-й армии и генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего. Один из организаторов корниловского выступления; был арестован 13 сентября и заключен в тюрьму г. Быхова. 19 ноября бежал на Дон, вступил в Добровольческую армию и принял участие в ее формировании. Сперва был назначен начальником строевого отдела штаба армии, а с конца января 1918 г. — начальником штаба Добровольческой армии. В 1918 г. произведен в генерал-лейтенанты. С января 1919 г. по март 1920 г. — начальник штаба Главкома ВСЮР; являлся личным другом и ближайшим советником А.И. Деникина по военным и политическим вопросам. 22 марта (4 апреля) 1920 г. выехал вместе с А. И. Деникиным на английском линкоре «Император Индии» из Феодосии в Константинополь, где на следующий день был убит в здании русского посольства поручиком М.А. Харузиным, членом тайной монархической организации, считавшей И.П. Романовского масоном и главным виновником поражения ВСЮР.

31

Добровольческая армия являлась главной ударной силой Белого движения на юге России в 1918 — начале 1920-х гг. Основой ее послужила «Алексеевская организация», формировавшаяся со 2 (15) ноября 1917 г. М.В. Алексеевым в Новочеркасске на добровольческой основе из бежавших на Дон офицеров, юнкеров, студентов, кадетов и гимназистов старших классов. 25 декабря 1917 г. (7 января 1918 г.) она была переименована в Добровольческую армию; большинство сформированных к началу февраля 1918 г. частей вошли в 1-ю Добровольческую дивизию (начальник — генерал-лейтенант А.И. Деникин), некоторые же остались в непосредственном подчинении ее Главнокомандующего генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова. 9 (22) февраля 1918 г. Добрармия выступила из Ростова-на-Дону в 1-й Кубанский («Ледяной») поход.

После реорганизации в станице Ольгинской 12 (25) февраля в ее состав входили: Сводно-Офицерский, Корниловский ударный и Партизанский пеший казачий полки, Особый Юнкерский батальон, 2 конных отряда, 1-й кавалерийский дивизион и 1-й легкий Добровольческий артиллерийский дивизион (около 3 тысяч штыков, 400 сабель, 8 орудий). После соединения 17 (30) марта с «войсками Кубанского края» генерал-майора В.Л. Покровского (в основном — добровольцы-офицеры и казаки; 2,5 тысячи штыков, 800 сабель, 12 орудий, 24 пулемета) Добрармия была реорганизована в 2 отдельных пехотных и отдельную конную бригады (около 6 тысяч штыков и сабель, 16 орудий). За счет пополнения добровольцами и частичной мобилизации казаков к 26 марта (9 апреля) численность армии возросла до 9 тысяч человек. После неудачного штурма Екатеринодара, потеряв около 2 тысяч человек убитыми и ранеными, войска Добрармии отступили на Дон, где с помощью войскового атамана генерала П.Н. Краснова пополнились вооружением и боеприпасами и создали себе прочный тыл. 27 мая (10 июня) в станице Мечетинской к армии присоединилась 1-я Отдельная русская бригада добровольцев полковника М.Г. Дроздовского (около 3 тысяч человек), ставшая 3-й дивизией Добрармии.

Перед началом 2-го Кубанского похода 9 (22) июня в состав армии входили: 1-я (генерал-лейтенанта С.Л. Маркова), 2-я (генерал-майора А.А. Боровского) и 3-я (полковника Дроздовского) смешанные (пехота, конница и артиллерия) дивизии, 1-я Конная дивизия генерала от кавалерии И. Г. Эрдели, 1-я Кубанская казачья бригада и пластунский батальон — всего

до 9 тысяч штыков и сабель, 3 бронеавтомобиля и 24 орудия. В июле — сентябре Добрармия нанесла тяжелое поражение войскам советской Северо-Кавказской республики и захватила западную часть Северного Кавказа.

Летом за счет поступления пополнений из добровольцев, кубанских казаков, мобилизованных и пленных красноармейцев был сформирован ряд новых частей и соединений, и к сентябрю численность армии возросла до 35–40 тысяч штыков и сабель, а ее материально-техническая база — до 86 орудий, 8 бронеавтомобилей, 5 бронепоездов и 7 самолетов.

После прихода в ноябре эскадры Антанты в Новороссийск с начала 1919 г. было постепенно налажено материально-техническое снабжение Добрармии. По завершении боев за Армавир и Ставрополь в середине ноября 1-я и 2-я дивизии были развернуты в 1-й (генерала Б.И. Казановича) и 2-й (Боровского, затем генерал-майора В.З. Май-Маевского) армейские корпуса, сформированы 3-й армейский (генерал-лейтенанта В.П. Ляхова) и 1-й конный (генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля) корпуса, а также несколько отдельных бригад и дивизий; связь с Донской армией поддерживал отряд генерал-майора СВ. Станкевича. В декабре 3-я дивизия была переброшена в район Донбасса. С ноября 1918 г. в состав Добрармии стали входить суда Черноморского флота, находившиеся до этого в руках союзников.

В начале декабря (ст. ст.) армия была развернута в 4 главных группах войск: Кавказской группы Врангеля (25 тысяч человек, 75 орудий), Донецкого отрада Май-Маевского (2,5–3,5 тысячи человек, 13 орудий), Крымского отряда генерал-майора де Боде (затем — Боровского, около 2 тысяч человек, 10 орудий) и Туапсинского отряда генерал-майора АН. Черепова (до 3 тысяч человек, 4 орудия). Всего действующих войск 32–34 тысячи, около 100 орудий; в составе запасных, учебных, формировавшихся частей, гарнизонов города — 13–14 тысяч человек. К началу 1919 г. в составе Добрармии насчитывалось 5 пехотных дивизий (из них 2 — в стадии формирования), 4 пластунские бригады, 6 конных дивизий, 2 отдельные конные бригады, армейская группа артиллерии, ряд запасных и технических частей, гарнизоны в городах и станицах; всего до 40 тысяч штыков и сабель, при 193 орудиях, 621 пулемете, 8 бронеавтомобилях, 7 бронепоездах и 29 самолетах. Эти части входили в состав 5 корпусов: 1-го (Казановича), 2-го (Май-Маевского), 3-го (Ляхова) армейских, Крымско-Азовского Добровольческого (Боровский), 1-го Конного (с февраля 1919 г. — 1-го Кубанского, Врангеля) и 2-го Кубанского (генерала С.Г. Улагая).

В конце 1918 — феврале 1919 гг. войска Добрармии

разгромили советскую 11-ю армию и захватили весь Северный Кавказ. В целях консолидации усилий по борьбе с большевиками, опираясь на финансовую и материально-техническую помощь стран Антанты (в основном Англии), А.И. Деникин и П.Н. Краснов 26 декабря 1918 г. (8 января 1919 г.) заключили соглашение об образовании «Вооруженных сил на Юге России» (ВСЮР) во главе с Деникиным. Составной и главной частью их стала Добрармия, переименованная 10 (23) января 1919 г. В Кавказскую Добровольческую армию, командующим которой стал генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель.

В марте — апреле основные силы армии были развернуты в двух регионах — в Донецком каменноугольном бассейне (группа генерал-майора В.З. Май-Маевского) и на р. Маныч и все время вели тяжелые бои с превосходящими силами красных. 8 (21) мая в связи с общей реорганизацией и развертыванием новых соединений ВСЮР Кавказская Добровольческая армия была вновь переименована в Добровольческую армию (в отличие от Кавказской армии), командующим ее был назначен генерал-лейтенант В.З. Май-Маевский. В мае же ВСЮР, в том числе и Добрармия, начали общее наступление на советские войска Южного фронта.

К 1 (14) июня в состав Добрармии входили: штаб, различные управления, 1-й армейский (штаб, управления, 1-я, 3-я и 7-я пехотные дивизии, 9 бронепоездов, 2 авиаотряда) и 3-й конный (штаб, 1-я Кавказская и 1-я Терская казачьи дивизии) корпуса, 2-я Кубанская пластунская отдельная бригада, отряд генерал-майора Виноградова и гарнизон г. Таганрога; численность ее к 20 июня (3 июля) составляла 20 тысяч штыков, 5,4 тысячи шашек, 97 орудий, 506 пулеметов, 17 бронепоездов, 3 бронеавтомобиля, 6 танков и 8 самолетов. Впоследствии состав Добрармии менялся, численность же неуклонно росла — в основном за счет мобилизации населения занимаемых ею территорий и военнопленных красноармейцев. К 1 (14) июля в ней уже числилось 26,2 тысячи штыков, 5,8 тысячи шашек, 527 пулеметов, 107 орудий, 19 бронепоездов и 9 самолетов (количество бронеавтомобилей и танков осталось прежним).

На 15 (28) июля в состав Добрармии входили: 1-й армейский корпус (генерал-лейтенанта А.П. Кутепова; 1-я и 3-я пехотные дивизии), группы: генерал-лейтенанта Н.Э. Бредова (7-я пехотная дивизия), генерал-лейтенанта М: Н. Промтова (1-я Кавказская казачья и 5-я пехотная дивизии, 2-я Терская пластунская отдельная бригада), армейский резерв (1-я Терская казачья дивизия, 5-й кавалерийский корпус, 2-я Кубанская пластунская отдельная бригада), части Таганрогского гарнизона и штаба

армии — всего 33,4 тысячи штыков, 6,5 тысячи шашек, 156 орудий, 782 пулемета, 14 бронепоездов, 9 бронеавтомобилей и 12 самолетов. К октябрю численность Добрармии из-за больших потерь и в результате переброски части войск на другие участки фронта сократилась до 20,5 тысячи человек.

После окончившихся неудачей тяжелых и ожесточенных боев на московском направлении (в районе Орла и Курска) началось общее отступление. 21 декабря 1919 г. (3 января 1920 г.) Добрармия была сведена в Добровольческий корпус, переименованный 29 декабря 1919 г. (И января 1920 г.) в Отдельный Добровольческий корпус численностью в 10 тысяч человек. В состав его на 22 января (4 февраля) 1920 г. входили: управление и части при нем, Корниловская ударная, Офицерская генерала Маркова, Офицерская генерала Дроздовского и Партизанская генерала Алексеева дивизии, Сводно-кавалерийская бригада, Сводный конный корпус (1-я Конная и 1-я Терская казачьи дивизии) и ряд других мелких частей. После окончательного поражения ВСЮР на Северном Кавказе и эвакуации из Новороссийска в Крым корпус в апреле был назван 1-м армейским и вошел в состав Русской армии генерала П.Н. Врангеля.

32

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918 г.), генерал от инфантерии (1917 г.), один из главных лидеров контрреволюции в России. Из семьи коллежского секретаря, бывшего казачьего офицера. Окончил Сибирский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1892 г.), Николаевскую академию Генштаба (1898 г.). Участник русско-японской войны, полковник (1905 г.). В 1907–1911 гг. — военный агент (атташе) в Китае; генерал-майор (1911 г.). Участник Первой мировой войны, с августа 1914 г, командовал 48-й пехотной дивизией, был произведен в генерал-лейтенанты. В конце апреля 1915 г. в ходе Карпатского сражения 48-я пехотная дивизия была разбита, и Корнилов попал в плен. В июле 1916 г. бежал из плена и был назначен командиром 25-го армейского корпуса. В марте — апреле 1917 г. — главнокомандующий войсками Петроградского военного округа, с мая — командующий 8-й армией Юго-Западного фронта, с июля — главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта, в конце июля назначен Верховным главнокомандующим русской армией. Корнилов активно боролся против революционного движения и демократизации в армии, добился введения смертной казни на фронте; выдвигался общественными кругами и государственно настроенными офицерами на роль военного диктатора. В начале сентября он выступил против Временного правительства и направил войска на Петроград, после чего был смещен А.Ф. Керенским со своего поста и объявлен вне закона. Арестованный Временным правительством, вместе с другими участниками неудавшегося переворота был заключен в тюрьму г. Быхова, откуда в начале декабря бежал на Дон. Прибыв в середине декабря в Новочеркасск, возглавил вместе с генералом от инфантерии М.В. Алексеевым формирование Добровольческой армии. С января 1918 г. — командующий Добровольческой армией. Убит во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода при штурме Екатеринодара 31 марта (13 апреля) 1918 г.

33

Деникин Антон Иванович родился 4 декабря 1872 г. в д. Шпеталь Дольный, пригороде г. Влоцлавска Варшавской губернии. Его отец — Иван Ефимович (1802–1885 гг.) происходил из крепостных крестьян Саратовской губернии; 27 лет он был отдан помещиком в рекруты, дослужился за 22 года «николаевской» службы до чина фельдфебеля и в 1856 г., сдав экзамен на офицерский чин, был произведен в прапорщики. Служил в Александровской бригаде пограничной стражи, стоявшей в г. Влоцлавске, и в 1869 г. вышел в отставку в чине майора. Мать — Елизавета Вржесинская (1843–1916 гг.) — полька, из семьи обедневших мелких землевладельцев, на которой И.Е. Деникин женился вторым браком в 1871 г.

С 1882 г. Деникин учился в Ловичском реальном училище; семья жила бедно и после смерти отца он занялся репетиторством. Выбрав военную карьеру, он по окончании училища в июле 1890 г. вступил в 1-й стрелковый полк, а осенью поступил на военно-училищные курсы при Киевском пехотном юнкерском училище. В августе 1892 г. окончил курсы, был произведен в подпоручики и направлен во 2-ю артиллерийскую бригаду, стоявшую в г. Бела (Седлецкая губ.). Осенью 1895 г. поступил в Николаевскую академию Генштаба, но на выпускных экзаменах за 1-й курс не набрал необходимого количества баллов для перевода на 2-й курс и вернулся в бригаду. В 1896 г. поступил в академию вторично.

Весной 1899 г. Деникин окончил академию по I разряду, был произведен в капитаны и возвратился для дальнейшего прохождения службы во 2-ю артиллерийскую бригаду. В июле 1902 г. он был причислен к Генеральному штабу и назначен старшим адъютантом штаба 2-й пехотной дивизии, стоявшей в Брест-Литовске. С октября 1902 г. по октябрь 1903 г. командовал ротой 183-го пехотного Пултусского полка, стоявшего в Варшаве. С октября 1903 г. служил старшим адъютантом штаба 2-хо кавалерийского корпуса.

После объявления войны с Японией Деникин подал рапорт о переводе в действующую армию, в марте 1904 г. был произведен в подполковники и командирован в штаб 9-го армейского корпуса, где получил назначение на должность начальника штаба 3-й Заамурской бригады пограничной стражи, охранявшей железнодорожный путь между Харбином и Владивостоком. В сентябре того же года он был переведен в штаб Маньчжурской армии, назначен штаб-офицером для особых поручений при

штабе 8-го армейского корпуса и вступил в должность начальника штаба Забайкальской (затем — Урало-Забайкальской) казачьей дивизии, участвовал в Мукденском сражении. В августе 1905 г. был назначен начальником штаба конного корпуса генерала Мищенко; за боевые отличия произведен в полковники.

По окончании русско-японской войны Деникин в январе 1906 г. был назначен штаб-офицером для особых поручений в штаб 2-го кавалерийского корпуса (Варшава), а в мае — сентябре командовал батальоном 228-го пехотного резервного Хвалынского полка, в декабре 1906 г. был переведен на должность начальника штаба 57-й пехотной резервной бригады (г. Саратов). В июне 1910 г. он был назначен командиром 17-го пехотного Архангелогородского полка, стоявшего в Житомире. В марте 1914 г. был назначен исполняющим должность генерала для поручений при командующем войсками Киевского военного округа и в июне произведен в генерал-майоры.

Перед Первой мировой войной Деникин был переведен на должность генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. После объявления войны подал рапорт о прошении направить его в строй, и 6 сентября был назначен командиром 4-й стрелковой («Железной») бригады, входившей в состав 8-й армии Юго-Западного фронта, действовавшей в Галиции против австро-венгерских войск. За участие в Галицийской битве в сентябре 1914 г. был награжден Георгиевским оружием. Участвовал в Карпатском сражении 1915 г. В апреле «Железная» бригада была переформирована в 4-ю стрелковую («Железную») дивизию; в составе 8-й армии дивизия приняла участие в Львовской и Луцкой операциях. 24 сентября «Железная» дивизия взяла Луцк, и Деникин был произведен в генерал-лейтенанты.

В сентябре 1916 г. Деникин назначен командующим 8-м армейским корпусом, в феврале 1917 г. — помощником начальника штаба Верховного главнокомандующего, в мае — главнокомандующим войсками Западного фронта, в июне — помощником начальника штаба Верховного главнокомандующего, в конце июля — главнокомандующим войсками Юго-Западного фронта (штаб в г. Бердичеве). После Февральского переворота Деникин активно боролся против демократизации армии, требовал введения смертной казни на фронте и в тылу, поддерживал планы Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова установить в стране военную диктатуру для подавления революционного движения, явился одним из организаторов корниловского выступления против Временного правительства. 29 августа Деникин по распоряжению Временного правительства был арестован в Бердичеве, содержался на

гарнизонной гауптвахте и 27–28 сентября был переведен в тюрьму г. Быхова (Могилевская губ.), где находились Корнилов и другие участники выступления. 19 ноября по приказу начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Н.Н. Духонина был освобожден и вместе с Корниловым бежал на Дон.

В Новочеркасске Деникин принял участие в организации Добровольческой армии, входил в Донской гражданский совет. В начале января 1918 г. Деникин был назначен командующим войсками Добровольческой армии, а 30 января (13 февраля) — начальником 1-й Добровольческой дивизии. В начале 1-го Кубанского похода Корнилов назначил Деникина своим заместителем. 31 марта (13 апреля) 1918 г., после гибели Корнилова во время штурма Екатеринодара, генерал Деникин вступил в командование Добрармией. С 25 сентября (5 октября) 1918 г. — Главнокомандующий Добровольческой армии, с 26 декабря (8 января 1919 г.) — Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР).

По своим политическим взглядам Деникин был близок к правым октябристам, партии крупной буржуазии и обуржуазившихся помещиков; видя в военной диктатуре единственный путь к восстановлению дофевральской России, он пытался скрыть свой монархизм заявлениями о непредрешении будущего государственного устройства страны, опереться на партию кадетов и отчасти проводить политику социального лавирования с целью расширения социальной базы Белого движения за счет средних слоев города и деревни. Однако основой его внутренней политики являлась реставрация старых бюрократического аппарата и социально-экономических отношений, осуществлявшаяся зачастую насильственными методами в ходе наступления ВСЮР на Москву летом и осенью 1919 г.

После разгрома ВСЮР Красной армией осенью 1919 г. — зимой 1920 г. и эвакуации их остатков из Новороссийска в Крым 12–14 (25–27) марта 1920 г. Деникин, потеряв поддержку офицерского состава Добровольческой армии и главных союзников — англичан, атакуемый правой черносотенно-монархической оппозицией, обвинявшей его в либерализме, морально разбитый, 22 марта (4 апреля) сдал главное командование ВСЮР генералу П.Н. Врангелю и уехал в Англию.

С апреля 1920 г. Деникин с семьей жил в Англии: сначала в Лондоне, затем в Певенси и Истборне (Восточный Суссекс). В августе 1920 г. в знак протеста против намерений правительства Великобритании заключить торговый договор с Советской Россией уехал в Бельгию, где прожил в Брюсселе до мая 1922 г. В

июне того же года переехал с семьей в Венгрию, где жил сначала близ г. Шпрон, затем в Будапеште и г. Балатонлелле. В Бельгии и Венгрии Деникин написал самый значительный из своих трудов — «Очерки русской смуты», представляющий собой воспоминание-исследование по истории революции и Гражданской войны в России.

Весной 1926 г. Деникин переехал с семьей во Францию, где поселился в Париже — центре русской эмиграции. Занимался литературной и общественной деятельностью, пропагандируя свою «оборонческую» позицию, отрицавшую в противовес остальной части эмиграции союз эмигрантов с иностранным государством, которое совершило бы агрессию против России с целью ее завоевания или расчленения. В связи с нараставшей угрозой нападения нацистской Германии на СССР и распространившимися в этой связи среди значительной части эмиграции надеждами на скорое освобождение России от большевизма в своих статьях и выступлениях он называл А. Гитлера «злейшим врагом России и русского народа», доказывал необходимость в случае войны поддержки Красной армии, предполагая, что после разгрома Германии Красная армия «свергнет коммунистическую власть» в России.

В мае 1940 г. в связи с оккупацией Франции германскими войсками Деникин переехал с семьей на Атлантическое побережье Франции и поселился в д. Мимизан в окрестностях Бордо. На приглашение немецкого комавдования переехать в Германию и в хороших материальных условиях продолжить историко-литературную работу ответил отказом.

После разгрома Германии Деникин в июне 1945 г. возвратился в Париж, а затем переехал с семьей в США, где жил некоторое время в Нью-Йорке. 7 августа 1947 г. Деникин скончался от сердечного приступа в госпитале Мичиганского университета (г. Энн-Эрбор, штат Мичиган). Похоронен сначала на одном из кладбищ Детройта, затем его останки были перенесены на русское кладбище Св. Владимира в Джексоне (штат Нью-Джерси).

34

Речь идет об ордене Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Он был учрежден в 1769 г. Императрицей Екатериной И. По статуту им награждались только за особые конкретные подвиги на войне. Орден Св. Георгия в течение всего периода своего существования являлся самой почетной наградой в России. Знак ордена Св. Георгия представлял собой равносторонний золотой крест, покрытый с обеих сторон белой эмалью. На лицевой стороне в центре креста в красном круге с золотым ободком был изображен покровитель русской армии — Святой Великомученик и Победоносец Георгий, поражающий копьем змия. На обратной стороне в таком же круге — переплетенный вензель «СГ». Крест ордена Св. Георгия 4-й ст. имел черно-оранжевую ленту и носился на левой стороне груди правее всех других наград. Первоначально орден Св. Георгия 4-й ст. выдавался и как знак за выслугу лет, но это правило было отменено в 1855 г. Всего за выслугу лет было пожаловано 10 300 знаков ордена, а за боевые отличия в течение 100 лет (с 1769 по 1869 гг.) — 2232 знака. Главными привилегиями кавалеров ордена Св. Георгия являлось приобретение потомственного дворянства и автоматическое производство в следующий офицерский чин. Следует отметить, что кавалерами ордена Св. Георгия 4-й ст. в годы Первой мировой войны стали несколько женщин, заслуживших эту награду в боях. Всего в 1914–1917 гг. им было награждено 3504 человека (в том числе осенью 1915 г. Император Николай II, и почти все генералы, и многие старшие офицеры, принявшие впоследствии активное участие в Белом движении на различных фронтах Гражданской войны в России). В декабре 1918 г. Верховное правительство Северной области присвоило право командному составу войск области награждать военнослужащих за боевые отличия орденом Св. Георгия и Георгиевским крестом. В феврале 1919 г. адмирал Колчак тоже восстановил награждение орденом Св. Георгия, Георгиевским крестом и медалью. Во ВСЮР, находившихся под командованием генерала Деникина А.И. (в Добровольческой и Кавказской армиях, войсках Киевской и Новороссийской областей, войсках Северного Кавказа и т. д.), продолжалось награждение рядовых и унтер-офицеров Георгиевскими крестами и медалями; офицеров же ни орденом Св. Георгия, ни Георгиевскими крестами не награждали. В Русской армии генерала Врангеля П.Н. в сентябре (октябре) 1920 г. было постановлено не носить знаков ордена Св. Георгия, пожалованных адмиралом Колчаком А.В. «за отличия в

Гражданской войне».

35

Наступление русского Юго-Западного фронта с 22 мая по начало сентября 1916 г., впоследствии получившее название «Брусиловского прорыва».

36

В период подготовки Брусиловского наступления, на 3 апреля 1916 г., в 9-й армии насчитывалось 160 батальонов, 128 эскадронов, 3022 офицера, 131 310 штыков, 17 186 шашек, 459 пулеметов, 529 орудий (из них 313 легких, 90 горных, 24 конных, 32 конно-горных, 24 мортирных и 46 тяжелых). К 22 мая в состав 9-й армии Юго-Западного фронта входили: 11-й (11-я и 32-я пехотные дивизии), 12-й (12-я и 19-я пехотные дивизии), 33-й (1-я и 2-я пограничные Заамурские пехотные и Кавказская туземная конная дивизии) и 41-й (74-я и 3-я пограничные Заамурские пехотные дивизии) армейские, Сводный (82-я и 103-я пехотные дивизии) и 3-й кавалерийский (10-я кавалерийская, 1-я Донская и 1-я Терская казачьи дивизии) корпуса.

В декабре 1916 г. в состав армии входили 2-й (26-я и 103-я пехотные и 3-я Туркестанские стрелковые дивизии), 24-й (48-я и 49-я пехотные дивизии), 26-й (65-я и 78-я пехотные дивизии), 36-й (25-я и 68-я пехотные дивизии) и 50-й (2-я и 4-я стрелковые и 14-я пехотная дивизии) армейские и 5-й кавалерийский (11-я кавалерийская и Оренбургская казачья дивизии) корпуса, а также Уссурийская и Заамурская конные дивизии.

В 1917 г. армия действовала на Румынском фронте. Численность ее на 1 марта — около 458 тысяч человек, на 1 сентября — около 352 тысяч человек. Командующими в 1917 г. являлись генералы: ПА Лечицкий (до 18 апреля), Г.В. Ступин (18 апреля — 11 августа), ВА Черемисов (11 августа — 9 сентября), А К. Келчевский (9 сентября — ноябрь), гражданское лицо Г.П. Сафронов (с 9 декабря 1917 г.). Затем армия была демобилизована.

37

Келчевский Анатолий Киприанович родился в 1869 г. Окончил Псковский кадетский корпус, в 1891 г. — 2-е военное Константиновское училище, в 1900 г. — Николаевскую академию Генерального штаба. С июля 1904 г. по январь 1909 г. — старший адъютант Виленского военного округа; в 1908 г. произведен в полковники. Профессор Академии Генштаба. Участник Первой мировой войны, командовал полком; в июле 1915 г. был произведен в генерал-майоры, с ноября того же года — генерал-квартирмейстер 9-й армии Румынского фронта. Принимал активное участие в разработке и выполнении Черновицкой и Станиславовской операций 1916 г., окончившихся блестящей победой русского оружия. В сентябре — ноябре 1917 г. — командующий той же армией, генерал-лейтенант. С мая 1918 г. по февраль 1919 г. — начальник штаба донского казачьего Северного (Царицынского) фронта, со 2 (15) февраля 1919 г. по 14 (27) марта 1920 г. — начальник штаба Донской армии, затем — Донского корпуса. 5 (18) апреля был снят с должности одновременно с генерал-лейтенантом В.И. Сидориным под предлогом того, что в издаваемой штабом корпуса газете «Донской вестник» «сеялась вражда между добровольцами и казаками, поносились вожди Добровольческой армии и проводилась мысль о соглашательстве с большевиками». В мае того же года выехал за границу. В 1920–1923 гг. жил в Берлине, где редактировал военно-научный журнал «Война и мир». Умер в ночь на 1 апреля 1923 г.

38

Донская армия начала создаваться в апреле 1918 г., в период резкого обострения классовой борьбы и расширения германской интервенции до границ Донской области, из антибольшевистски настроенных донских казаков. 1 (14) апреля донские казаки станиц Кривянской, Заплавской, Бессергеневской и Раздорской захватили Новочеркасск, и 4 (17) апреля под руководством Совета обороны (с 7 (21) апреля — Временного Донского правительства) началось формирование Донской армии (командующий — генерал-майор К.С. Поляков, начальник штаба полковник СВ. Денисов). Вскоре казаки были выбиты большевистскими войсками из Новочеркасска и отступили в район станиц Заплавской, Кривянской и Бессергеневской, где создание Донармии продолжилось. К 10 (23) апреля были сформированы 7 пеших и 2 конных полка, пластунский батальон (до 6 тысяч человек, 30 пулеметов, 6 орудий); полки имели станичную организацию, принцип комплектования — на добровольческой основе из казаков.

10 (23) апреля в станицу Константиновскую из Сальских степей прибыл отряд Походного атамана генерал-майора П.Х. Попова (1100 пехотинцев, 600 кавалеристов, 39 пулеметов, 5 орудий). Донармия была реорганизована: части в районе Заплавской вошли в Южную группу полковника СВ. Денисова, отряд Попова составил Северную группу войскового старшины Э.Ф. Семилетова (затем полковника А.П. Фицхелаурова), части казаков Задонья — Задонскую группу полковника И.Ф. Быкадорова под общим командованием Попова (всего до 10 тысяч человек).

23 апреля (6 мая) части Донской армии заняли Новочеркасск, и собравшийся 29 апреля (12 мая) Круг спасения Дона постановил создать на Дону постоянную армию по дофевральскому (1917 г.) образцу и объявил мобилизацию 5 призывных возрастов. 3 (16) мая войсковым атаманом был избран генерал-лейтенант П.Н. Краснов и Войско Донское переименовано во Всевеликое Войско Донское; 5 (18) мая командующим Донской армией стал генерал-майор С.В. Денисов.

Круг и Краснов в борьбе с Советами ориентировались на поддержку немцев, и Краснов при встрече 15 (28) мая в станице Манычской с Деникиным, настроенным проантантовски, отказался признать его верховное командование над Донармией; не было достигнуто соглашения о вхождении частей Донармии в Добрармию и совместных боевых действиях на одном из

операционных направлений. В мае-июне немцы передали Донармии, Добрармии (через донцов) и кубанским казакам 46 орудий, 88 пулеметов, свыше 11,5 тысячи винтовок, ПО тысяч снарядов и 11,5 миллиона патронов, принадлежавших ранее старой русской армии.

На 12 (25) мая войсковому штабу было подчинено 14 самостоятельных отрядов, и к 1 (14) июня их объединили в 6 групп (полковника ЗА Алферова, генерал-майора К.К. Мамонтова, полковника Быкадорова, полковника Киреева, генерал-майоров Фицхелаурова и Семенова). Было мобилизовано 25 возрастов, и состав Донармии увеличился до 27 тысяч человек пехоты, 30 тысяч кавалерии, 175 орудий, 610 пулеметов, 4 бронепоездов и 20 самолетов.

Организация частей: пешие полки — номерные из 2–3 батальонов по 1000 человек в каждом, конные — по 6 сотен; артиллерия — 4 орудийные пешие и конные батареи (в действующей армии — 44 батареи и 1 конная, 2 гаубичные, 2 тяжелые, 1 легкая батареи; в постоянной («Молодой») армии — 6 конных, 2 тяжелые, 2 пластунские, 2 стрелковые, 2 пограничные батареи и 2 артиллерийских взвода). Пешие и конные полки сведены в бригады и дивизии с приданными им артиллерийскими 4-батарейными бригадами и 2-батарейными дивизионами; дивизии объединены в корпуса, распределенные по 4 фронтам (Северному, Северо-Восточному, Восточному и Юго-Восточному). Кроме того, в состав постоянной («Молодой») армии, сформированной по штатам старой армии из молодых казаков 19–20 лет, к 26 августа (8 сентября) входили: 2 пешие бригады (пластунская и стрелковая — 7 батальонов), 3 конные дивизии (33 спешенных и 16 конных сотен), легкая, конная и тяжелая артиллерия (7 батарей), саперный батальон и технические части (в том числе 7 самолетов).

Летом начали интенсивно строиться бронепоезда, и к концу 1918 г. была создана Донская бронепоездная железнодорожная бригада (командир — генерал-майор Н.И. Кондырин) из 4 дивизионов по 3 бронепоезда в каждом; имелось также 3 отдельных бронепоезда и 10 батарей Морской тяжелой артиллерии. Тогда же была организована и Донская речная флотилия (9 судов, вооруженных орудиями и пулеметами: 2 яхты, 5 речных и 2 морских парохода).

К зиме 1918 г. в Донармии состояло: на фронте свыше 1200 офицеров и 31,3 тысячи человек (в «Молодой» армии — 20 тысяч человек), 79 орудий, 267 пулеметов, 68 самолетов, 15 бронепоездов, 3 бронеавтомобиля; начали функционировать кадетский корпус, казачье военное училище, для подготовки

личного состава Донской речной флотилии — флотский береговой батальон, различные школы, курсы и т. д.

Создание Донармии позволило летом занять всю Донскую область и осенью начать наступление на Царицын и Воронеж. В это же время началась организация Южной армии из Воронежского (до 2 тысяч человек), Саратовского (не более бригады) и Астраханского (около 3 тысяч пехоты и 1 тысячи конницы) корпусов, однако вследствие поражения и эвакуации немцев и отрицательного отношения к этим формированиям Деникина в конце 1918 — начале 1919 гг. остатки Южной армии были влиты в состав различных частей Добрармии.

Поражения Донармии под Царицыном и крах германской интервенции заставили Краснова под нажимом представителей Антанты подписать 26 декабря 1918 г. (8 января 1918 г.) на станции Торговая соглашение с Деникиным, по которому Донармия в оперативном отношении была подчинена Деникину как Главкому ВСЮР, командующим Донармией стал генерал-майор В.И. Сидорин. Списочный состав Донармии к 27 января (10 февраля) 1919 г. равнялся 76,5 тысячи человек (на фронте и в тылу) при 79 орудиях; ее ряды непрерывно уменьшались из-за эпидемии сыпного тифа и дезертирства. В январе-феврале 1919 г. армия была разбита советскими войсками, основная масса казаков разошлась по домам, сдалась в плен или перешла на сторону красных. Начавшаяся переброска частей Добрармии с Северного Кавказа не могла остановить развала Донармии, и к 15 (28) февраля в ее рядах осталось лишь около 15 тысяч человек.

В марте началось Вешенское восстание, и 26 мая (8 июня) казаки-белоповстанцы (около 25 тысяч человек) соединились с конной группой генерала А.И. Секретова (8-я, 11-я и 12-я Донские дивизии) и к 16 (29) июня состав армии увеличился до 40 тысяч человек. Летом-осенью 1919 г. проходила дальнейшая реорганизация и усиление Донармии: было сформировано 4 Донских отдельных корпуса; артиллерия увеличилась до 56 легких и конных батарей (не считая прежних специальных артиллерийских формирований и 2 батарей Партизанского дивизиона); Донская бронепоездная железнодорожная бригада разделена на 3 броневых железнодорожных полка (по 7 бронепоездов и 2 специальных бронепоезда тяжелой артиллерии) и количество бронепоездов продолжало увеличиваться; росло число бронеавтомобилей (в августе — 9, в октябре — 12) и т. д.

К 1 (14) октября Донармия насчитывала 46,5 тысячи человек, 192 орудия и 939 пулеметов, а к 15 (28) октября — 52,5 тысячи человек, 196 орудий и 765 пулеметов. В ходе боев осенью — зимой 1919 г. она понесла большие потери, и к 1 (14) декабря в

ней оставалось лишь 22 тысячи человек, 143 орудия и 535 пулеметов. С выходом ее на Дон численность к 22 января (4 февраля) 1920 г. вновь возросла до 39 тысяч человек, 243 орудий и 856 пулеметов. В ожесточенных боях с советскими войсками Донармия потерпела поражение, ее остатки в марте частично эвакуировались в Крым (1-я Донская дивизия, Гвардейская казачья бригада, Донская Сводная Партизанская дивизия, Донская запасная бригада и др., всего около 10 тысяч человек; туда же в апреле из Адлера перевезена большая часть 4-го Донского отдельного корпуса) и вошли в состав Донского корпуса (командир — генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов) войск генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля. Основная часть Донской армии попала в плен к красным, а частью перешла в их ряды. Донской же корпус участвовал во всех боях и операциях в Северной Таврии и Крыму и в начале ноября был эвакуирован на остров Лемнос, после чего в 1921 г. перевезен на Балканы, где впоследствии и прекратил свое существование как воинское соединение.

39

Свдорин Владимир Ильич — из потомственных дворян, казак ст. Есауловской Области Войска Донского, родился в 1882 г. Окончил Донской Императора Александра III кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и выпущен подпоручиком во 2-й Восточно-Сибирский саперный батальон. Позднее он переведен во Владивостокскую крепостную роту, в 1904 г. — в 4-й Заамурский железнодорожный батальон. Участвовал в русско-японской войне; был награжден орденами Св. Анны 4-й ст. и Св. Станислава 2-й и 3-й ст.; в 1905 г. произведен в поручики. В 1910 г. окончил Императорскую Николаевскую военную академию, был произведен в капитаны, причислен к Генеральному штабу и откомандирован в штаб Одесского военного округа. С 1912 г. — старший адъютант штаба 3-го Кавказского армейского корпуса, в 1913 г. был прикомандирован в качестве летчика-наблюдателя к Офицерской воздухоплавательной школе, получил летную подготовку. Участвовал в Первой мировой войне; в декабре 1914 г. был произведен в подполковники, с июля 1915 г. — начальник штаба 102-й пехотной дивизии, в 1917 г. — полковник. В декабре 1917 г. — январе 1918 г. — начальник штаба командующего войсками Северного фронта (воронежское направление) походного атамана Донского казачьего войска генерала А.М. Назарова. С 12 (25) февраля 1918 г. — начальник штаба отряда походного атамана генерала П.Х. Попова. С 12 (25) апреля по 5 (18) мая — начальник штаба Донской армии. Со 2 (15) февраля 1919 г. по 14 (27) марта 1920 г. — командующий Донской армией. В 1918 г. и 1919 г. присвоены чины генерал-майора и генерал-лейтенанта. Под его командованием после эвакуации из Новороссийска в Крым остатки Донской армии были переформированы в Донской корпус. 5 (18) апреля был снят П.Н. Врангелем с должности под предлогом пропаганды среди казаков «соглашательства с большевиками» и вместе с начальником штаба Донского корпуса генерал-лейтенантом А.К. Келчевским отдан под суд. В середине мая (старого стиля) 1920 г. приговоренный судом к каторжным работам, но помилованный П.Н. Врангелем выехал из Крыма за границу. Умер в Берлине 20 мая 1943 г.

40

Генерал от инфантерии Платон Алексеевич Лечицкий родился в 1856 г., окончил Варшавское пехотное юнкерское училище и Офицерскую стрелковую школу; до Первой мировой войны занимал ряд командных должностей, в том числе был командующим Цриамурского военного округа. В годы Первой мировой войны (на май — июнь 1916 г.) он — командующий 9-й армией. После февральского переворота 18 апреля 1917 г. из-за невозможности примириться с новыми порядками в армии подал рапорт об отставке, который был удовлетворен. После октября 1917 г. вступил в РККА, позднее был арестован и скончался в тюрьме.

41

Уссурийское казачье войско располагалось в Приморской области вдоль границы с Китаем; центр — г. Владивосток. В 1912 г. оно состояло из Уссурийского взвода в составе 4-й Приамурской сотни Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка и Уссурийского казачьего дивизиона; в военное время войско выставляло Уссурийский казачий полк. В октябре 1917 г. в строю находились: взвод в 4-й Приамурской сотне Гвардейского Сводно-Казачьего полка, Уссурийские казачьи полк и дивизион, 5 особых и 2 запасные казачьи сотни — всего 2,5 тысячи человек. Уссурийская конная бригада была сформирована еще до начала Первой мировой войны (в 1906 г.) в составе Приморского драгунского, 1-го Нерчинского и Уссурийского казачьих полков, Уссурийского казачьего дивизиона и конно-горного артиллерийского дивизиона и к 30 октября 1914 г. насчитывала 18 сотен, 12 конно-горных орудий — всего 120 офицеров и 2,3 тысячи сабель. Она входила в состав 1-й армии Северо-Западного фронта и участвовала в Лодзинской операции (октябрь 1914 — январь 1915 гг.); впоследствии вошла в 9-ю армию. Весной 1916 г. была развернута в Уссурийскую конную дивизию (Приморский драгунский, 1-й Нерчинский, Уссурийский и 1-й Амурский казачьи полки и Уссурийский казачий дивизион) под командованием генерал-майора А.М. Крымова. Зимой 1916 г. дивизию отвели на отдых в армейский резерв на Буковину. В 20-х числах января 1917 г. дивизия, находящаяся тогда из-за болезни Крымова под временным командованием полковника Железнова, перешла в район г. Кишинева. В марте во временное командование дивизией вступил генерал-майор П.Н. Врангель. В апреле дивизия была включена в состав 3-го конного корпуса генерала Крымова и вместе с ним под командованием генерал-майора Губина участвовала в августовском выступлении генерала Л.Г. Корнилова. Зимой 1917–1918 гг. полки ее возвратились на Дальний Восток, где уссурийские казаки в большинстве своем приняли активное участие на стороне белых в годы Гражданской войны в России.

42

Крымов Александр Михайлович родился в 1871 г. В 1902 г. окончил Академию Генерального штаба. До Первой мировой войны командовал одним из казачьих полков, а также являлся исполняющим обязанности генерала для поручений при командующем войсками Туркестанского военного округа. В начале войны (август — сентябрь 1914 г.) — полковник, исполняющий должность генерала для поручений при командующем 2-й армией. К зиме 1916 г. произведен в генерал-майоры и назначен начальником Уссурийской конной дивизии. В 1917 г. после Февральского переворота был произведен в генерал-лейтенанты и в марте назначен командиром 3-го конного корпуса, во главе которого во время корниловского выступления был направлен Ставкой в Петроград. После развала «мятежа», 31 августа 1917 г., застрелился.

43

Речь идет о так называемом «корниловском заговоре», центром подготовки которого являлась Ставка Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова в г. Могилеве. Основной боевой силой корниловцев являлся 3-й конный корпус генерал-лейтенанта А.М. Крымова, который был двинут Корниловым на Петроград 27 августа 1917 г. Благодаря энергичным мерам, принятым совместно А.Ф. Керенским и ЦК РСДРП(б), к 30 августа движение корниловских войск было остановлено. В Ставке и штабах фронтов были арестованы генералы-корниловцы Л.Г. Корнилов, А.С. Лукомский, А.И. Деникин, С.Л. Марков, И.П. Романовский, И.Г. Эрдели и др. 31 августа было официально объявлено о ликвидации корниловского «мятежа».

44

3-й кавалерийский (конный в 1917 г.) корпус был сформирован после начала Первой мировой войны и с первых же дней своего создания принял активное участие в боях с германо-австрийскими войсками. К 22 мая 1916 г. 3-й кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта графа Ф.А. Келлера входил в состав 9-й армии Юго-Западного фронта и насчитывал 73 эскадрона и сотни, 338 офицеров, 10 722 шашки, 24 пулемета, 12 легких конных и 8 конно-горных орудий. Корпус участвовал в летнем наступлении Юго-Западного фронта. В декабре того же года в состав корпуса, находившегося уже в 6-й армии Румынского фронта, входили 10-я кавалерийская, Терская и 1-я Донская казачьи дивизии. В марте 1917 г. командиром корпуса стал генерал-майор А.М. Крымов. Он добился включения в состав корпуса Уссурийской конной дивизии (вместо 12-й кавалерийской дивизии, вошедшей в корпус в начале 1917 г.). В августе, во время выступления генерала Л.Г. Корнилова, 3-й конный (к тому времени переименованный из кавалерийского) корпус составлял ядро продвигающихся к Петрограду корниловских частей и соединений. 9 сентября командиром корпуса был назначен генерал-майор П.Н. Врангель. Но одновременно к командованию корпусом был допущен и генерал-лейтенант П.Н. Краснов, уже вступивший в командование им, и Врангель отказался от этой должности. В начале сентября дивизии корпуса по приказу Керенского были дислоцированы: 1-я Донская — в районе Павловск — Царское Село, Уссурийская — Гатчина — Петергоф. К концу сентября решено было перебросить корпус в 5-ю армию Северного фронта; части корпуса начали раздергиваться на мелкие командировки. К 22 октября оставалось лишь 6 сотен 9-го и 4 сотни 10-го Донских казачьих полков, 6 сотен 1-го Нерчинского и 2 сотни 1-го Амурского полков Уссурийской дивизии, а также 12 орудий донской артиллерии и 4 орудия Амурской казачьей батареи. С этими силами Краснов выступил на Петроград. 27 октября была занята Гатчина, 28-го — Царское Село, а 30 октября в боях под Пулковом отряд Краснова (6 сотен, 18 орудий, 1 бронеавтомобиль, 1 блиндированный поезд — всего около тысячи человек) был остановлен во много раз превосходившими его силами большевиков. Приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего за № 930 от 19 ноября 1917 г. 3-й конный корпус был переименован в 3-й кавалерийский с включением в его состав 1-й Донской, Уссурийской (этим же приказом она из конной была

переименована в казачью, с исключением из нее Приморского драгунского полка, но с вхождением в ее состав 2-го Амурского казачьего полка и Амурской казачьей батареи) и 5-й Кавказской казачьих дивизий. Тогда же началась отправка 1-й Донской дивизии на Дон; в начале декабря ее судьбу разделили Уссурийская и 5-я Кавказская казачьи дивизии. На этом 3-й кавкорпус прекратил свое существование.

45

Граф Федор Артурович Келлер родился в военной дворянской семье. Детство провел в родном имении, затем учился в пансионе в г. Риге, после — в Москве. Поступил в приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища. С 1877 г. — вольноопределяющийся 1-го Лейб-драгунского Московского полка, участвовал в составе полка в боях, сражаясь в отряде генерала М.Д. Скобелева; состоял ординарцем у начальника 1-й кавалерийской дивизии генерала Дохтурова; в декабре 1877 г. неоднократно отличался в боях, за что и был награжден знаками отличия Военного ордена 4-й и 3-й степеней и за отличие был произведен в офицеры. После войны сдал экзамен на офицерский чин в Тверском кавалерийском училище и 31 марта 1880 г. в чине корнета переведен в 6-й гусарский Клястицкий полк, где и проходил службу в обер-офицерских чинах, командуя эскадроном. Затем его перевели в 24-й драгунский Лубенский полк, откуда 6 апреля 1901 г. в чине подполковника он был переведен в 23-й драгунский Вознесенский полк. 2 мая того же года произведен за отличие по службе в полковники и назначен командиром Крымского конного дивизиона. 27 ноября 1903 г. переведен в 11-й драгунский Харьковский полк, а 16 февраля 1904 г. был назначен командиром 15-го драгунского Александрийского полка. Принимал участие в подавлении революции 1905 г. на территории Польши, в г. Калише, несколько раз подвергался покушениям. 6 ноября 1906 г. назначен командующим (впоследствии — командиром) Лейб-гвардии Драгунским полком. С марта 1907 г. — флигель-адъютант Императора Николая II, с июля — генерал-майор, зачислен в Свиту Его Императорского Величества. 14 июня 1910 г. назначен командиром 1-й бригады Кавказской кавалерийской дивизии, затем — начальником 10-й кавалерийской дивизии, во главе которой выступил на фронт Первой мировой войны. Летом 1916 г. он уже генерал-лейтенант, командир 3-го кавалерийского корпуса. После Февральского переворота Келлер, оставшийся верным присяге Императору Николаю II, подал рапорт с прошением об отставке; она была получена, и Келлер уехал в Харьков. Здесь в ноябре 1918 г. к нему прибыли представители формировавшегося в Пскове Отдельного Псковского добровольческого корпуса с просьбой о принятии командования над ним. Келлер согласился, но, следуя в Псков через Киев, неожиданно был назначен правительством Гетмана Украинской Державы П.П. Скоропадского главнокомандующим ее

вооруженными силами. Он попытался организовать сопротивление наступающим петлюровцам, но под напором превосходящих сил офицерские добровольческие дружины вынуждены были «рассыпаться». Киев был захвачен петлюровцами, и в ночь с 20 на 21 декабря 1918 г. (со 2 на 3 января 1919 г.) Келлер вместе с двумя своими адъютантами был убит на Софийской площади одиннадцатью выстрелами в спину. Граф Ф.А. Келлер внес большой вклад в развитие обучения русской кавалерии — так, например, в 1910 г. в Санкт-Петербурге вышла его работа «Несколько кавалерийских вопросов».

46

Здесь опечатка в тексте «Записок…», т. к. Киев был захвачен войсками петлюровской Директории 1 (14) декабря 1918 г.

47

Имеется в виду 1-я Донская казачья дивизия в составе (на декабрь 1916 г.) 9-го, 10-го, 13-го и 15-го Донских казачьих полков и временно входившего в нее 1-го конно-горного артиллерийского дивизиона. Дивизия под командованием генерал-майора Г.И. Чоглокова (к 1 октября — 20 сотен, 7 пулеметов, 12 орудий), находясь в составе 9-й армии, осенью 1914 г. участвовала в Варшавско-Ивангородской операции. К 22 мая 1916 г. дивизия входила в 3-й кавалерийской корпус 9-й армии Юго-Западного фронта, вместе с которым и участвовала в летнем наступлении. В декабре она входила в состав 6-й армии Румынского фронта. В 1917 г. вошла в состав 3-го конного корпуса и принимала участие в августовском выступлении генерала Л.Г. Корнилова. В конце 1917 г. возвратилась на Дон, где и была расформирована.

48

В состав 10-й кавалерийской дивизии в 1914 г. входили: 10-й драгунский Новгородский, 10-й уланский Одесский, 10-й гусарский Ингерманландский и 1-й Оренбургский казачий полки (в декабре 1916 г. и 3-й Донской артиллерийский дивизион). Командовал ею генерал-майор граф Ф.А. Келлер. Под его командованием летом 1914 г. она произвела блестящую конную атаку на австрийскую кавалерию при Ярославицах. К 22 мая 1916 г. дивизия входила в состав 3-го кавалерийского корпуса 9-й армии Юго-Западного фронта и участвовала в Брусиловском наступлении летом того же года. К декабрю она находилась в составе 3-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Келлера, входившего в 6-ю армию Румынского фронта.

49

Точнее — Терская казачья дивизия. Состояла (в декабре 1916 г.) из 2-го Сунженско-Владикавказского, 2-го Кизляро-Гребенского, 2-го Горско-Моздокского и 2-го Волгского полков Терского казачьего войска и временно входившего в нее Заамурского конно-горного артиллерийского дивизиона. После начала Первой мировой войны в 1914 г. дивизия входила в 8-ю армию (генерал-адъютанта Н.И. Иванова) Юго-Западного фронта, к 22 мая 1916 г. — в состав 3-го кавалерийского корпуса и участвовала в летнем наступлении. В декабре она уже входила в 6-ю армию Румынского фронта.

50

Генерал от кавалерии Петр Николаевич Краснов родился в 1869 г. в семье казачьего генерала. Окончил Александровский кадетский корпус, 1-е военное Павловское училище (1889 г.). Службу начал в Лейб-гвардии Атаманском Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полку. Рано стал заниматься литературной деятельностью, сотрудничал в военной газете «Русский инвалид». Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1909 г. окончил курс Офицерской кавалерийской школы, после чего был зачислен в ее постоянный состав. В 1910 г. произведен в полковники; был командиром 10-го Донского казачьего полка. Участвовал в Первой мировой войне, в ноябре 1914 г. произведен в генерал-майоры. В 1915 г. командовал 3-й бригадой Кавказской туземной конной дивизии, к сентябрю — командующий (затем начальник) 2-й Казачьей сводной дивизии, в 1916 г. — начальник 1-й Донской казачьей дивизии. В 1917 г. произведен в генерал-лейтенанты; с начала июня — начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии. В конце августа Верховным главнокомандующим генералом Л.Г. Корниловым он был назначен командующим 3-м конным корпусом и вступил в командование им. После 25 октября (7 ноября) А.Ф. Керенским назначен командующим группой войск, направленной с фронта на Петроград. Был арестован, но под честное слово не воевать против советской власти отпущен и затем уехал на Дон, где в мае 1918 г. Кругом спасения Дона был избран Войсковым атаманом Всевеликого Войска Донского. В феврале 1919 г. из-за противоречий с главным командованием ВСЮР подал в отставку и уехал в Германию, откуда осенью прибыл на северо-запад России. 18 (31) октября был зачислен в списки Северо-Западной армии с назначением в распоряжение ее Главкома генерала от инфантерии Н.Н. Юденича с 9 (22) октября. В январе 1920 г. являлся членом ликвидационной комиссии армии и одновременно русским представителем в Эстонии. Затем некоторое время жил в эмиграции во Франции, но вскоре переехал в Германию. В 1920—1930-е гг. активно занимался литературной и политической деятельностью. В годы Второй мировой войны сотрудничал с нацистским режимом, в марте 1944 г. был назначен начальником Главного управления казачьих войск при министерстве восточных территорий Третьего рейха, участвовал в создании различных казачьих формирований. После окончания войны был передан английскими органами НКВД, и 16 января 1947 г. по приговору Военной коллегии Верховного Суда

СССР повешен в Москве.

51

Быкадоров Исаак Федорович — донской казак, родился в 1882 г. в станице Нижне-Кундрючевской в семье полковника Донского казачьего войска. Окончил классическую гимназию в Ростове-на-Дону и поступил в Новочеркасское казачье юнкерское училище. После его окончания в 1902 г. был произведен в хорунжий и оставлен в училище на должности сменного офицера. В 1907 г. поступил в Академию Генштаба, прошел ее полный курс, но в 1910 г. вследствие серьезной семейной трагедии возвратился в строй. Участник Первой мировой войны; несколько раз ранен, потерял правый глаз; награжден Георгиевским оружием и рядом орденов. В мае — июне 1917 г. был избран делегатом от своего полка на 1-ю сессию Донского войскового круга, После окончательного развала бывшей Российской Императорской армии в конце 1917 г. в чине полковника возвратился на Дон. Весной 1918 г. восставшие против советской власти донские казаки Нижне-Кундрючевской, Усть-Белокалитвенной, Усть-Быстрянской, Екатерининской, Владимирской и Ермаковской станиц избрали его своим командующим, и он возглавил Северную группу, К 25 апреля (8 мая) 1918 г. он командовал Ермаковско-Екатерининским отрядом (1 тысяча человек), а затем — в 1918–1919 гг. — последовательно несколькими донскими казачьими отрядами и дивизиями. В 1918 г. был произведен в генерал-майоры. Представлял свою станицу на Войсковых кругах, был избран товарищем председателя Донского круга, членом Верховного круга Дона, Кубани и Терека. С 1920 г. — эмигрант. В эмиграции был известен как писатель-историк, а также вдохновитель идеологии казачьего национализма. Впоследствии отошел от своих взглядов. Умер во Франции в 1957 г.

52

Уральское казачье войско было расположено в Уральской области и разделялось на три отдела: Уральский, Лбищенский и Гурьевский; центр — г. Уральск. В 1912 г. в состав Уральского казачьего войска входили: 1-я Уральская Его Величества сотня Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка, 1-й, 2-й и 3-й Уральские казачьи полки и команды Уильского и Темирского степных укреплений. В случае войны и мобилизации формировались второочередные 4—9-й Уральские казачьи полки. Накануне Октябрьского переворота в строю находились: 1-я Уральская сотня Гвардейского Сводно-Казачьего полка; 9 казачьих полков, 6 особых казачьих сотен, 2 конвойные казачьие полусотни, 1 казачий артиллерийский дивизион (2 батареи), 2 отдельные казачьие батареи, 1 запасной казачий полк и 1 гвардейский запасной взвод — всего около 13 тысяч человек. Некоторые части по возвращении в Уральскую область были расформированы, другие же активно включились в борьбу с большевистской властью и с апреля 1918 г. вошли в состав белоказачьей Уральской армии, воевавшей с красными и прекратившей свое существование в 1920 г.

53

В состав 13-й кавалерийской дивизии в начале Первой мировой войны входили: 13-й драгунский Военного Ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха, 13-й уланский Владимирский, 13-й гусарский Нарвский и 2-й Оренбургский казачий полки. Дивизия выступила на войну в августе 1914 г., прикрывая фланг 14-го армейского корпуса 4-й армии. Затем под командованием генерал-лейтенанта князя Г.Л. Туманова (к 14 октября — 18 эскадронов, 8 пулеметов, 6 орудий) в составе 9-й армии участвовала осенью 1914 г. в Варшавско-Ивангородской операции. Весной 1915 г. дивизия в составе 4-й армии Юго-Западного фронта участвовала в Горлицкой операции. К декабрю 1916 г. она входила всостав 7-го кавалерийского корпуса 4-й армии Румынского фронта.

54

Керенский Александр Федорович (настоящее имя и фамилия — Арон Кирбис) родился в 1881 г., отчим его — директор гимназии. Среднее образование получил в г. Ташкенте, высшее — в Санкт-Петербурге, окончив юридический факультет Петербургского университета. Затем прошел положенный стаж помощника присяжного поверенного, ведя преимущественно дела, касавшиеся политических процессов. В 1912 г. Керенский был командирован группой адвокатов на Ленские золотые рудники с целью оказания юридической помощи рабочим и расследования расстрела. Вторым городским съездом Саратовской губернии был из бран в IV Государственную Думу и стал лидером трудовой группы. После Февральского переворота вошел в Исполнительный комитет Государственной Думы; во Временное правительство 1-го состава — министром юстиции (со 2 марта), вступив в марте в партию эсеров; исполнял также должность товарища председателя Совета рабочих и солдатских депутатов. Во Временном правительстве 2-го состава с 7 июля — военный и морской министр, и одновременно — министр-председатель. С 30 августа — Верховный главнокомандующий вооруженными силами провозглашенной 1 сентября Российской республики. 25 октября (7 ноября) выехал на фронт в штаб Северного фронта, где ему удалось уговорить казаков генерала П.Н. Краснова начать заведомо обреченное на неудачу наступление на Петроград. В 1918 г. выехал за границу, сперва жил во Франции, затем в США, где и умер в 1970 г.

55

Речь идет о 1-м Нерчинском Забайкальского казачьего войска полке. Забайкальское казачье войско было расположено в юго-западной, южной и юго-восточной частях Забайкальской области, на разрозненных территориях вдоль границы с Монголией и Маньчжурией. Территория его делилась на 4 отдела с центром в г. Чите. В 1912 г. в состав войска входили: 4-я Приамурская сотня Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка, 1-й Верхнеудинский, 1-й Читинский, 1-й Нерчинский и 1-й Аргунский полки, 1-я Забайкальская казачья Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и 2-я Забайкальская казачья батареи. В случае войны формировались второочередные № 2-го и 3-го Верхнеудинские и № 2-го Читинский, Нерчинский и Аргунский казачьи полки и второочередные 3-я и 4-я батареи. Ко времени событий октября 1917 г. в строю находились: 4-я Приамурская сотня Гвардейского Сводно-Казачьего полка, 9 казачьих полков, 1 казачий артиллерийский дивизион (2 батареи), 2 отдельные казачьие батареи, 1 запасной казачий дивизион, 3 запасные казачьи пешие сотни и 1 запасной казачий артиллерийский взвод — всего около 13 тыс. человек. Некоторые из этих частей в 1918–1922 гг. участвовали в боевых действиях на стороне белых.

1-й Нерчинский казачий полк был сформирован 1 января 1898 г. как 3-й Забайкальский казачий полк, 15 января переименованный в 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. Полк имел простой полковой штандарт, пожалованный русскому 3-му полку Забайкальского казачьего войска в 1852 г., знаки отличия на головные уборы за войну 1904–1905 гг. Полк участвовал в подавлении «боксерского» восстания в Китае в 1900 г., русско-японской войне, пресечении беспорядков на Дальнем Востоке в 1905–1906 гг. В августе 1906 г. он был включен в состав Уссурийской конной бригады, развернутой в 1916 г. в Уссурийскую конную дивизию. Осенью того же года полк за блестящую атаку в августе получил шефство Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и стал именоваться 1-м Нерчинским казачьим Наследника Цесаревича полком. В 1915 г. командиром полка был назначен полковник барон П.Н. Врангель. Небезынтересно отметить, что в апреле 1916 г. в полку служили на должностях командиров сотен подъесаулы Р.Ф. Унгерн фон Штернберг и Г.М. Семенов, ставшие в годы Гражданской войны видными лидерами Белого движения на Дальнем Востоке.

56

Генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель— один из главных лидеров Белого движения в России. Родился 15 августа 1878 г. в дворянской семье. В 1901 г. окончил Горный институт, но избрал военную карьеру и поступил вольноопределяющимся в Лейб-гвардии конный полк. В 1902 г. он был произведен в офицеры. Участвовал в русско-японской войне, командуя сотней во 2-м Аргунском казачьем полку Забайкальской казачьей дивизии. В 1910 г. окончил Академию Генерального штаба. В августе 1914 г., будучи уже в чине ротмистра и занимая должность командира 3-го эскадрона Лейб-гвардии конного полка, выступил на фронт. За блестящую атаку 6 августа 1914 г. под Каушеном был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и званием флигель-адъютанта Императора. В 1915 г. — полковник, командир 1-го Нерчинского казачьего полка Забайкальского казачьего войска. В январе 1917 г. за боевые отличия Врангель был произведен в генерал-майоры, а через несколько дней получил назначение на должность командира Уссурийской конной дивизии. В июле он получил новое назначение — командующим 7-й кавалерийской дивизией; но буквально на следующий же день его назначили командующим Сводным конным корпусом (7-я кавалерийская и 3-я Кавказская казачья дивизии). 9 сентября приказом Верховного главнокомандующего Врангель был назначен командиром 3-го конного корпуса, но т. к. корпусом уже командовал генерал П.Н. Краснов, Петр Николаевич решил выйти в отставку и после 25 октября (7 ноября) уехал в Крым, затем в 1918 г. переехал в Киев, а к осени отправился на юг, в Добрармию. 31 октября (13 ноября) 1918 г. он был назначен начальником 1-й конной дивизии, а 15 (28) ноября — командиром 1-го конного корпуса. 22 ноября (5 декабря) за боевые отличия Врангель был произведен в генерал-лейтенанты. 27 декабря 1918 г. (9 января 1919 г.) он стал командующим Добровольческой армией, а 10 (23) января 1919 г., после завершения боев на Северном Кавказе, он вступил в командование Кавказской Добровольческой (с мая — Кавказской) армией. Во главе ее он провел ряд успешных операций против советских войск, захватив в конце июня Царицын. 26 ноября (9 декабря) получил новое назначение — стал командующим Добровольческой армией и Главноначальствующим Харьковской губернии. Врангель, давая себе ясный отчет в поражении ВСЮР, сделал ряд заявлений, направленных лично против Главкома А: И. Деникина, и, кроме того, используя общее недовольство

положением на фронте и разрухой в тылу, начал кампанию за смещение Деникина со своего поста. Последний выслал его за границу, но 22 марта (4 апреля) 1920 г. был вынужден назначить Главкомом ВСЮР (переименованных в августе в Русскую армию). В Крыму и в Северной Таврии Врангель пытался на практике применить гибкую политику по отношению к крестьянам и рабочим, но под давлением превосходящих сил Красной армии вместе с войсками Русской армии эвакуировался в ноябре 1920 г. за рубеж. Для того чтобы сохранить кадры армии для будущей борьбы с большевиками и удержать их от «распыления» по всему миру, Врангель 1 сентября 1924 г. создал Русский Общевоинский Союз (РОВС), в который вошли ячейки почти всех полков и соединений бывшей Российской Императорской армии, а также военно-морские организации. Поселившись в Бельгии (Брюсселе), Врангель всеми средствами продолжал работу по свержению большевистской власти в России, однако тяжело заболел и 25 апреля 1928 г. скончался. Впоследствии прах его был перевезен в Югославию и перезахоронен в Русской православной церкви в Белграде.

57

Оренбургское казачье войско было расположено в юго-западной, южной и юго-восточной части Оренбургской губернии и разделялось на 3 отдела: Оренбургский, Верхнеудинский и Троицкий; центр — г. Оренбург. В 1912 г. в состав войска входили: 2-я Оренбургская сотня Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка, 1-й—6-й Оренбургский казачьи полки, Оренбургский казачий дивизион, 1 и 2-я Оренбургские казачьи отдельные сотни, 1-я, 2-я и 3-я Оренбургские казачьи батареи. В случае войны при мобилизации формировались второочередные Оренбургские казачьи полки с №№ 7-го по 18-й и Оренбургские казачьи батареи с №№ 4-го по 6-й. Перед Октябрьским переворотом 1917 г. в строю находились: 2-я Оренбургская сотня Гвардейского Сводно-Казачьего полка, 18 казачьих полков, 1 казачий дивизион, 4 отдельные и 35 особых казачьих сотен, 3 казачьих артиллерийских дивизиона (6 батарей), 2 отдельные казачьи артиллерийские батареи, 9 конвойных казачьих полусцтен, 3 запасных казачьих полка, 1 запасная пешая казачья сотня, 1 гвардейская запасная полусотня, 1 запасная казачья батарея — всего около 30 тыс. человек. После возвращения с фронта некоторые части примкнули к отряду войскового атамана полковника А.И. Дутова, впоследствии развернувшемуся в Отдельную Оренбургскую (с 1919 г. — Южную) армию в составе войск Верховного Правителя России адмирала А.В. Колчака, прекратившую существование в начале 1920 г.

58

Временное правительство — центральный орган государственной власти, образовавшийся после февральского переворота и существовавший со 2 марта по 25 октября (7 ноября) 1917 г. Являлось высшим исполнительно-распорядительным органом, выполняя и законодательные функции. Министрами-председателями являлись: князь Г.Е. Львов (2 марта — 2 июля), А.Ф. Керенский (2 июля — 25 октября (7 ноября)). Правительство прекратило свое существование в результате Октябрьского переворота в ночь на 26 октября (8 ноября) 1917 г.

59

Генерал от инфантерии Дмитрий Григорьевич Щербачев родился в 1857 г. в дворянской семье. В 1884 г. окончил Академию Генерального штаба. В 1914 г. произведен в генералы от инфантерии. С октября 1915 г. — командующий 7-й армией. В апреле 1917 г. был назначен помощником главнокомандующего армиями Румынского фронта, а с 11 апреля по 25 марта 1918 г. являлся главнокомандующим армиями Румынского фронта (в декабре 1917 г. Румынский и Юго-Западный фронты были объединены в Украинский фронт). Щербачев начал организацию русских добровольческих частей для отправки на Дон к генералам М.В. Алексееву и Л.Г. Корнилову. До января 1918 г. он подчинялся украинской Центральной Раде. В феврале заключил в Фокшанах перемирие с Германией, в марте согласился на введение в Бессарабию румынских войск. Затем он уехал во Францию, где в Париже организовал представительство Добровольческой армии, которое оказало значительную помощь Добрармии, а затем и ВСЮР в снабжении вооружением, боеприпасами и обмундированием, полученным от Антанты (главным образом Великобритании). Щербачев предпринял также окончившуюся в целом неудачей попытку создать в Чехословакии и Королевстве сербов, хорватов и словенцев добровольческие белогвардейские части из бывших русских военнопленных. В октябре 1918 г. входил в специальный комитет по подготовке Ясского совещания, проходившего с ноября 1918 г. по январь 1919 г. сперва в Яссах (Румыния), а затем в Одессе и оказавшего большое влияние на поддержку Белого движения странами Антанты. Умер в 1932 г.

60

Генерал от кавалерии Николай Николаевич Баратов родился 1 февраля 1865 г. в станице Владикавказской Терского казачьего войска. Окончил Владикавказское реальное, 2-е Константиновское военное и Николаевское инженерное училища, Академию Генштаба. Участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг., командуя в чине полковника 1-м Сунженско-Владикавказским генерала Слепцова полком, награжден золотым оружием. 18 мая 1905 г. произведен в генерал-майоры. К началу Первой мировой войны — генерал-лейтенант, начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии, во главе которой участвовал в Сарыкамышской операции 1914–1915 гг. За бой под Даяром был награжден в 1916 г. орденом Св. Георгия 4-й ст. В конце 1915 г. в Западной Персии назревала опасность выступления афганцев, подогреваемых германской агитацией и оружием, против России и Великобритании. С целью предотвращения этого был сформирован Кавказский кавалерийский корпус под командованием генерала Н.Н. Баратова (2 батальона, 2 дружины, 39 сотен и 20 орудий). 30 октября 1915 г. корпус высадился в Энзели, а 3 декабря после боя занял Хамадан и разгромил навербованные германцами и турками отряды. Весной 1916 г. численность корпуса возросла, и к маю он уже насчитывал 8 батальонов, 2 дружины, 65 эскадронов и сотен, 36 орудий (всего 9104 штыка, 9919 сабель и 504 офицера). В апреле корпус успешно наступал на Ханекин. В июне корпус (уже переименованный в 1-й Кавказский отдельный кавалерийский корпус), состоявший из 11 батальонов, 2 дружин, 64 эскадронов и сотен, 24 орудий, 1,5 инженерных рот и 3 бронеавтомобилей (всего 9851 штыков и 7857 сабель), своей конницей вторгся в Месопотамию. Баратов просил британское командование о содействии корпусу, но получил отказ и через некоторое время отступил в Керманшах. Турки начали наступление, и в августе корпус (13 батальонов и дружин, 65 эскадронов и сотен, 35 орудий — 10 016 штыков и 7392 сабли) отступил от Хамадана. К концу 1916 г. в корпус входили: Кавказская пограничная и 9-я Туркестанская стрелковая бригады, 1-я Кавказская казачья и Кавказская кавалерийская дивизии, 2-я бригада Сводной Кубанской казачьей дивизии, а также части корпусного подчинения. В феврале — марте 1917 г. корпус Баратова перешел в наступление против турок и вновь занял Хамадан. 24 марта Баратов был назначен главным начальником снабжений фронта и одновременно главным начальником Кавказского военного

округа. Вместо него в командование корпусом вступил генерал А.А. Павлов. Через три месяца Временное правительства вновь назначило Баратова командиром Отдельного Кавказского кавалерийского корпуса на правах командующего армией с непосредственным подчинением командующему Кавказским фронтом, а с 8 сентября он был произведен в генералы от кавалерии. Корпус принимал участие в боевых действиях в Персии в 1917–1918 гг., однако он постепенно стал разлагаться, как и вся русская армия, и в начале июня 1918 г. эвакуация корпуса Баратова из Персии была практически завершена. На юге России в это время полыхала Гражданская война, и Баратов стал бескомпромиссным сторонником сотрудничества с генералом А.И. Деникиным. Сперва он был назначен послом правительства Деникина в Грузии, затем — министром иностранных дел Южно-Русского правительства. 28 апреля (11 мая) 1920 г. он был зачислен в резерв чинов при Военном управлении ВСЮР с 27 апреля (10 мая). В том же году он эмигрировал за границу и, являясь инвалидом, до самой своей смерти (22 марта 1932 г. в Париже) оставался председателем Главного правления Зарубежного союза русских военных инвалидов и почетным председателем Союза офицеров Кавказской армии.

61

62

Черный флаг — эмблема анархистов. Основными же цветами еврейского флага являлись голубой (светло-синий, синий) и белый, украинского — желтый и синий («жовто-блакитный»).

63

Россия в течение долгого времени не имела своего гимна. При Екатерине II в качестве такового использовался полонез И.А. Козловского «Гром победы, раздавайся». С 1816 г. официальным гимном России стал британский «Боже, храни короля!», но лишь музыка его, а не слова. Лишь в 1833 г. по приказу Императора Николая I композитор А.Ф. Львов написал русский национальный (или, как его еще называли, народный) гимн. Первая его строчка является переводом с английского, две следующие принадлежат А. С. Пушкину, сделавшему в 1816 г. перевод британского гимна. В.А. Жуковский в 1833 г. дополнил и завершил текст гимна, получившего название «Молитва русского народа». 11 декабря того же года в Большом театре в Москве состоялось первое публичное слушание российского государственного гимна, прошедшее, по свидетельствам очевидцев, с огромным успехом. 31 декабря 1833 г. указом Николая I гимн «Молитва русского народа», переименованный в «Боже, Царя храни» был объявлен официальным и оставался им до отмены после Февральского переворота 1917 г. Небезынтересно отметить, что на территориях, занятых белыми армиями генерала А.И. Деникина и адмирала А.В. Колчака, пение гимна было официально запрещено как не отвечающее историческому моменту, и поющие его неоднократно повергались арестам и отправлению на гауптвахту (правда, как правило, на два-три дня). Однако, несмотря на запрет и наказания, по всей России русские добровольцы — кадеты, гимназисты, юнкера, студенты и офицеры продолжали его петь.

Боже, Царя храни! Сильный, державный, Царствуй во славу, во славу нам! Царствуй на страх врагам, Царь православный, Боже, Царя, Царя, храни!

Боже, Царя храни! Славному долги дни Дай на земли, дай на земли. Гордых смирителю, Слабых хранителю, Всех утешителю Все ниспошли.

Перводержавную Русь Православную Боже, Царя, Царя храни! Царство ей стройное, В силе спокойное, Все ж недостойное Прочь отжени!

О, Провидение, Благословение Нам ниспошли!. К благу стремление, Счастье, смирение, В скорби терпение Дай на земли!

64

Генерал-лейтенант Александр Александрович Павлов родился в 1867 г. Окончил Николаевское кавалерийское училище в 1887 г., вышел корнетом в Лейб-гвардии гусарский полк. Участвовал в военной экспедиции в Китай (1900–1901 гг.), русско-японской войне, с мая 1903 г. — командир 1-го Нерчинского Забайкальского казачьего войска полка. С сентября 1907 г. — генерал-майор. Участник Первой мировой войны. В начале августа 1914 г. — командир 2-й Сводной казачьей дивизии, в сентябре произведен в генерал-лейтенанты. С марта по июнь 1917 г. — командир 1-го Кавказского кавалерийского корпуса в Персии.

В годы Гражданской войны на юге России служил в донских казачьих частях. С декабря 1919 г, по февраль 1920 г. командовал 4-м Донским отдельным корпусом (к 1 (14) февраля в его составе числилось 9179 шашек, 21 орудие и 123 пулемета), во главе которого в середине января (по новому стилю) 1920 г., следуя вверх по р. Маныч, должен был атаковать тыл и фланги 1-й Конной армии СМ. Буденного. В боях 5(18) — 6(19) февраля под Торговой корпус генерала Павлова, уже до этого потерявший большое количество людей и лошадей замерзшими, был разбит. Остатки корпуса присоединились к войскам ВСЮР, а Павлов был сменен генералом А.С. Секретовым. В дальнейшем он уже не занимал командных постов. 19 сентября (2 октября) 1920 г. был назначен членом Кавалерской думы ордена Святителя Николая Чудотворца, учрежденного генералом П.Н. Врангелем 30 апреля (13 мая) того же года. После эвакуации из Крыма жил в Константинополе. Скончался в 1935 г.

65

Генерал-лейтенант Константин Константинович Мамонтов (Мамантов) родился в 1869 г. в семье казачьего офицера. Окончил Николаевский кадетский корпус (1888 г.) в Санкт-Петербурге, Николаевское кавалерийское училище (1890 г.). Вышел корнетом в Лейб-гвардии Конно-Гренадерский полк, в 1898 г. зачислен в запас. В 1904 г. в чине есаула был переведен из комплекта Донских казачьих полков в 1-й Читинский Забайкальского казачьего войска, в составе которого участвовал в войне 1904–1905 гг. После войны служил в 3-м Донском казачьем Ермака Тимофеевича и 1-м Донском казачьем генералиссимуса князя Суворова полках. В 1914 г. — командир 19-го Донского казачьего полка, в 1915 г. — полковник, командир 6-го Донского казачьего генерала Краснощекова полка. В 1917 г. он уже командовал бригадой 6-й Донской казачьей дивизии, с которой вернулся на Дон. Сформировал в январе 1918 г. партизанский отряд. 11 (24) февраля назначен командующим войсками Северного фронта; участник Степного похода. 4 (17) апреля полковник Мамонтов со своим отрядом, конным отрядом полковника Каргальского и офицерским отрядом войскового старшины Гнилорыбова выступил на помощь восставшим против большевиков казакам 2-го Донского округа; вскоре он уже командовал войсками Чирского района. В 1918 г. произведен в генерал-майоры и назначен командующим войсками на царицынском направлении (Восточный фронт). В 1919 г. — генерал-лейтенант; с июля — командир 4-го Донского отдельного корпуса, с которым совершил свой исторический рейд для расстройства управления и тыла советских войск. 1 (14) февраля 1920 г. умер от тифа в Екатеринодаре и был похоронен на местном кладбище.

66

Здесь явная ошибка. Речь идет о 4-м Донском отдельном корпусе, совершившем в конце лета — начале осени 1919 г. под командованием генерал-лейтенанта К. К. Мамонтова рейд по тылам Южного фронта. В состав корпуса в это время входили: 12-я (начальник — генерал-майор А.И. Постовский; 41-й, 43-й, 49-й и 78-й Донские казачьи полки), 13-я (начальник — генерал-майор Толкушкин; 45-й, 46-й, 47-й и 48-й полки) и Сводная (начальник — генерал-майор Кучеров; 61-й, 63-й, 64-й и 73-й полки) Донские дивизии (при каждой дивизии — по 1 батарее из 2 орудий и 1 бронеавтомобиль) и пеший казачий отряд Генерального штаба генерал-майора Д.А. Мельникова (3 пластунских полка, 4 дальнобойных британских и два 4,5-дюймовых орудия); при корпусе имелся 1 самолет. Всего корпус насчитывал 6 тысяч сабель, 3 тысячи штыков, 12 орудий, 3 бронеавтомобиля и 1 самолет. К январю 1920 г. в составе корпуса числились лишь 9-я и 10-я Донские (конные) дивизии.

67

После начала Первой мировой войны из войск Кавказского военного округа осенью 1914 г. была образована Кавказская армия (главнокомавдующий — наместник на Кавказе генерал от кавалерии И.И. Воронцов-Дашков). Ее основное ядро составлял 1-й Кавказский армейский корпус, усиливавшийся перебрасываемым из Закаспийской области 2-м Туркестанским армейским корпусом. К началу боевых действий (октябрь 1914 г.) в армию входили 153 батальона, 175 сотен, 12 инженерных рот, 350 полевых орудий и 5 батальонов крепостной артиллерии. К концу 1915 г. в армии насчитывалось уже около 154 тысячи штыков, 27,5 тысячи сабель и 450 орудий, а к маю 1916 г. — 217,2 тысячи штыков и 23,2 тысячи сабель. В марте 1917 г. в ее состав входили 1-й, 4-й, 5-й и 6-й Кавказские и 2-й Туркестанский армейские корпуса, Эрзерумская и Трапезундская укрепленные позиции; численность ее равнялась 426,4 тысячи человек. Командующими армией являлись: генерал от инфантерии Н.Н. Юденич (24 января 1915 г. — 4 апреля 1917 г.), генерал от инфантерии М.А. Пржевальский,(начало апреля — июнь), генерал-лейтенант В.В. де Витт (временно, с июня по сентябрь) и генерал-лейтенант И.З. Одишелидзе (2 октября 1917 — 28 февраля 1918 гг.). В апреле 1917 г. армия вместе с 7-м Отдельным Кавказским армейским и 1-м и 2-м отдельными Кавказскими кавалерийскими корпусами вошла в состав только что сформированного Кавказского фронта. На 25 октября (7 ноября) в войсках фронта насчитывалось 507,7 тысячи человек. Фронтом командовали генералы от инфантерии: Юденич (апрель — июнь) и Пржевальский (июнь — 28 декабря 1917 г.) и генерал-майор Е.В. Лебединский (28 декабря 1917 г. — 14 (нов. ст.) мая 1918 г.). В годы Первой мировой войны на Кавказском, Персидском и Месопотамском театрах военных действий войска Кавказских армий и фронта провели ряд успешных операций: в 1914 г. — Кеприкейскую и Сарыкамышскую, в 1915 г. — Алашкертскую и Хамаданскую, в 1916 г. — Эрзерумскую, Трапезундскую, Эрзинджанскую и Огнотскую, в 1917 г. — Мосульскую. Русские войска, несмотря на все тяготы и лишения, одерживали победу за победой над турками. Но к концу 1917 г. фронт разделил участь всей русской армии, и в январе — феврале 1918 г. начался его развал. После ухода с фронта подавляющего количества частей и соединений вплоть до мая его управление продолжало работу по ликвидации фронта. Из войск Кавказского фронта продолжали вести боевые действия лишь национальные корпуса —

Грузинский и Армянский армейские и Мусульманский; формирование Русского добровольческого корпуса из-за отсутствия людей и начавшегося наступления турок завершить не удалось.

68

Зурначи — музыканты в полках Кавказской Туземной конной дивизии. Зурна (от персидского «сурна») — духовой музыкальный инструмент, распространенный среди народов Кавказа (армяне, азербайджанцы, грузины, аварцы, кабардинцы и др.), а также Средней Азии (таджики, узбеки — «сурнай»). Обладает формой и звукообразованием, близким к гобою, и является его предшественником. По внешнему виду представляет собой трость, состоящую их двух тонких камышовых пластинок, соединяющихся при помощи металлических колец и наконечника для губ, имеет боковые отверстия для изменения высоты звука. Длина ее 30–40 см; звукоряд — в пределах 1,5 октавы.

69

Речь идет о туркестанских стрелках. В состав русской Кавказской армии, действовавшей в Закавказье против турок, входили Туркестанские стрелковые бригады. Так, зимой 1914–1915 гг. в Сарыкамышской операции участвовал 2-й Туркестанский армейский корпус, в который входили 4-я (13-й, 14-й, 15-й и 16-й Туркестанские стрелковые полки, 4-й Туркестанский стрелковый артиллерийский дивизион) и 5-я (17-й и 18-й Туркестанский стрелковые полки, 5-й Туркестанский стрелковый артиллерийский дивизион и 2-й Туркестанский саперный батальон) Туркестанекие стрелковые бригады. В 1915 г. бригады были переформированы в дивизии и в составе того же корпуса участвовали в Алашкертской операции 1915 г. Кроме того, на Кавказском фронте находилась также 9-я Туркестанская стрелковая бригада (33-й, 34-й, 35-й и 36-й Туркестанские стрелковые полки — по 2 батальона в каждом), пока еще не переформированная в дивизию. К концу 1916 г. и в 1917 г. она входила в Отдельный Кавказский кавалерийский корпус. К 1 июня 1917 г. в составе Российской армии действовали: 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 7-я и 8-я Туркестанские стрелковые дивизии, 9-я и 10-я Туркестанские стрелковые бригады (6-я бригада была расформирована).

70

Пограничная стража была учреждена в России в 1819 г. Императором Александром I для препятствования провоза через государственную границу контрабанды. В 1827 г. она получила военную организацию, а в 1893 г. была выделена в Отдельный корпус пограничной стражи (ОКПС), подчиненный министру финансов. В начале XX века корпус состоял из 31 бригады, 2 особых отделов, флотилии (Балтийской) и особого Заамурского округа, охранявшего Китайско-Восточную железную дорогу. В годы Первой мировой войны из частей ОКПС был сформирован ряд частей и соединений, принимавших участие в боях как на западе против германо-австрийцев, так и на юге против турок. Так, зимой 1914–1915 гг. в Сарыкамышской операции участвовали 25-я и 26-я бригады пограничной стражи. В 1915 г. на Кавказском фронте в составе 7-го Кавказского армейского корпуса в боях принимали участие Сводная Кавказская пограничная дивизия, а также ряд отдельных пограничных частей. К концу 1916 г. в Отдельный Кавказский кавалерийский корпус генерала Н.Н. Баратова входила Кавказская пограничная пешая бригада в составе 2-го и 4-го Кавказских пограничных пеших полков (по 4 батальона в каждом).

71

1-я Кавказская казачья дивизия (начальник — генерал Н.Н. Баратов) входила в 1-й Кавказский армейский корпус, действовавший на Сарыкамышском направлении. В дивизию входили: 1-й Запорожский, 1-й Уманский, 1-й Кубанский Кубанского казачьего войска полки (в полках по 6 сотен) и 1-й Кавказский казачий конно-артиллерийский дивизион (2-я Кубанская и 1-я Терская казачьи батареи — всего 12 орудий). Зимой 1914–1915 гг. дивизия участвовала в Сарыкамышской операции. В 1915 г. она находилась в составе 1-го Кавказского отдельного кавалерийского корпуса и участвовала в Хамаданской операции и кампании 1916 г. в Месопотамии. В 1917–1918 гг. она продолжала вести боевые действия против турок в Персии.

72

Скорее всего, у Шкуро имеется в вцду 2-я бригада Сводной Кубанской казачьей дивизии, в состав которой к концу 1916 г. входили: 2-й (2 сотни), 3-й (6 сотен) и 4-й (5 сотен) Сводные Кубанские казачьи полки.

73

Генерал-лейтенант Лазарь Федорович Бичерахов родился 15 ноября 1882 г., по национальности — осетин. Принимал участие в Персидском походе 1909–1912 гг. в чине сотника 1-го Горско-Моздокского генерала Круковского полка Терского казачьего войска. Участвовал в Первой мировой войне, которую начал на Кавказском фронте подъесаулом 1-го Горско-Моздокского полка 1-й Кавказской казачьей дивизии, вошедшей в состав Кавказского кавалерийского корпуса. В 1915 г. был назначен командиром отряда особого назначения (партизанского), сформированного из казаков-добровольцев, с задачей постоянного наблюдения за турками на левом фланге русских войск и одновременно угрожая турецким тылам постоянными партизанскими налетами с персидской территории. Бичерахов успешно справлялся со своими задачами и был награжден за боевые заслуги производством в следующие чины и всеми боевыми орденами вплоть до Св. Георгия 4-й степени (в 1918 г. — двумя британскими орденами). Осенью 1917 г. отряд войскового старшины Бичерахова участвовал в операции британских войск против Кара-Тенэ. Во время эвакуации Отдельного Кавказского кавалерийского корпуса из Персии в 1918 г., продолжавшейся 4 месяца, Бичерахов командовал арьергардом корпуса и авангардом британских войск, сменявших его части. В июне отряд прибыл в Энзели, где Бичерахов заключил с британским генералом Л. Данстервиллем договор о совместных действиях против турок. Через некоторое время бичераховцы высадились под Баку; Бичерахов вступил в соглашение с Бакинским Советом народных комиссаров, заявив о желании сотрудничать с ним и вести борьбу против турок. Отряд Бичерахова вошел в состав войск Бакинской коммуны. Узнав о восстании терских казаков против большевиков, Бичерахов открыл фронт и вместе с отрядом отправился в Дагестан на помощь терцам, предварительно послав им помощь продовольствием, финансовыми средствами и боеприпасами. После занятия Баку британцами с августа Бичерахов командовал войсками «Диктатуры Центрокаспия», захватил Дербент и Петровск, установил связь с Деникиным и Сибирью, однако власть Деникина Бичерахов не признавал. Приказом Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России генерал-лейтенанта ВТ. Болдырева от 16 ноября 1918 г. «За боевые заслуги по очищению Прикаспийского края от большевиков» был произведен в генерал-майоры и назначен «командующим русскими силами» в

Прикаспии и «освобожденном им от большевиков районе»*, В ноябре же он со своими частями передислоцировался в Баку, где в начале 1919 г. британцы их расформировали. Основная масса бичераховцев влилась в состав терских и кубанских казачьих частей и соединений ВСЮР, а сам он уехал в Великобританию. В эмиграции Бичерахов вплоть до своей смерти 22 июня 1952 г. в г. Ульм (Германия) возглавлял «Осетинское национальное движение».

74

Речь идет о бегстве 19 ноября 1917 г. генерала Л.Г, Корнилова вместе с Текинским конным полком из Быхова в Новочеркасск, совершенном при содействии генерала Н.Н. Духонина. По дороге вследствие боев с красногвардейскими отрядами и матросами Текинский полк был частично рассеян, большинство чинов его попало в плен, а Корнилов сумел благополучно добраться до Новочеркасска, где вместе с генералом от инфантерии М.В. Алексеевым приступил к организации Добровольческой армии.

— й Линейный полк Кубанского казачьего войска являлся второочередным полком и был сформирован уже после начала Первой мировой войны. Полк (без 5-й сотни, откомандированной в 29-й армейский корпус), приданный 12-му армейскому корпусу 3-й армии Юго-Западного фронта, участвовал весной 1915 г. в Горлицкой операции. К декабрю 1916 г. полк в полном составе остался прикомандированным к тому же корпусу, но уже входившему в 7-ю армию Юго-Западного фронта.

Приказом армии и флоту 3 июля 1917 г. за № 26 в связи с необходимостью укрепить все более разверзающуюся — в русле проводившегося Временным правительством и различного рода социал-демократами и социалистами-революционерами общего процесса «демократизации армии и флота» — пропасть между офицерами и солдатами в статут ордена Св. Георгия был внесен ряд изменений и добавлений. Так, было разрешено награждать рядовых и унтер-офицеров орденом Св. Георгия 4-й степени за командование подразделением в бою, а офицеров — Георгиевскими крестами 1-й или 2-й степени — за личную храбрость на поле боя (по решению общего собрания рядовых и унтер-офицеров подразделения). К ленте крестов 1-й или 2-й степени должна была прикрепляться лавровая ветвь белого металла (рисунок ее был утвержден лишь в конце августа). Во время Гражданской войны в феврале 1919 г. адмирал А.В. Колчак отменил награждение офицеров Георгиевскими крестами с лавровой ветвью; В сентябре (октябре) 1920 г. Главнокомандующий Русской армией генерал П.Н. Врангель также отменил действие вышеупомянутого приказа, но сохранил за офицерами, награжденными Георгиевскими крестами с ветвью, и нижними чинами, награжденными орденом Св. Георгия 4-й степени, право на ношение этих наград.

77

В 1917 г. А.Г. Емельянов являлся военным комиссаром Временного правительства при Отдельном Кавказском кавалерийском корпусе генерала от кавалерии Н.Н. Баратова. В эмиграции он опубликовал книгу своих воспоминаний под названием «Персидский фронт», где подробно описал жизнь и боевые действия корпуса Баратова; некоторые страницы книги отведены и А.Г. Шкуро.

78

1 (14) декабря 1917 г. во Владикавказе было образовано «Терско-Дагестанское правительство» из представителей Союза объединенных горцев Кавказа, Терского войскового правительства и Союза городов Терско-Дагестанского края. Во главе правительства стоял МЛ. Караулов, главноуправляющим Военного ведомства являлся генерал Талышханов и т. д. С образованием в марте 1918 г. Терской советской республики правительство практически прекратило свое существование, а его члены бежали в Грузию, где в мае создали Горское правительство, провозгласившее создание в Дагестане Республики горцев Кавказа.

79

Терской областью называлась территория Терского, казачьего войска, разделявшаяся на 4 казачьих отдела: Пятигорский, Моздокский, Сунженский и Кизлярский и 6 округов (национальных): Владикавказский (осетинский), Назраньовский (ингуши), Нальчикский (кабардинцы и балкары), Хасавъюртовский (кумыки), Грозненский и Веденский (чеченцы). Центром являлся г. Владикавказ. В 1912 г. в состав Терского казачьего войска входили: 1-й Кизляро-, Гребенский генерала Ермолова, 1-й Горско-Моздокский генерала Круковского, 1-й Волгский и 1-й Сунженско-Владикавказский генерала Слепцова полки, 1-я и 2-я Терские казачьи батареи; на случай войны формировались второочередные (с теми же названиями, но с № 2) и третьеочередные (то же, но с № 3) полки, Перед октябрем 1917 г. в строю находились следующие терские части: 12 казачьих полков, Терский гвардейский дивизион, 2 пластунских батальона, 3 батареи, 3 конвойных полусотни, 2 запасных полка иг 1 запасная пластунская сотня — всего около 18 тысяч человек. В феврале — марте 1918 г. постановлением 2-го съезда народов Терека все части Терского казачьего войска были распущены. Однако в конце 1918 — начале 1919 гг. войско было восстановлено и терские казачьи части входили в состав армий ВСЮР.

80

Брест-Литовский мир — заключенный 3 марта 1918 г. в г. Брест-Литовске мирный договор между Советской Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Договор был подписан в развитие основных положений «Декрета о мире», принятого 2-м Всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. Отказ стран Анг танты от перемирия и мирных переговоров, предложенных этим декретом, послужил формальным поводом к сепаратным переговорам большевистского правительства во главе с В.И. Ульяновым (Лениным) с Германией. После многочисленных препятствий договор был подписан. Согласно ему состояние войны между Советской Россией и странамˆ Четверного блока прекращалось, от России отторгалась Польша, Литва, часть Латвии и Белоруссии, советские войска должны были оставить Латвию, Эстонию, Украину, Финляндию, Аландские острова, округа Ардагана, Карса и Батума (они передавались Турции); всего же утрачивалось около 1 млн. кв. км (включая Украину). Россия обязывалась демобилизовать армию и флот, в т. ч. части РККА; признать договор украинской Центральной Рады с Германией и ее союзниками; принять крайне невыгодные с финансовой и экономической точек зрения таможенные тарифы. Этот договор сыграл огромную роль в становлении Белого движения, т. к. предоставлял возможность белым успешно воздействовать агитацией за единую, неделимую Россию на патриотически настроенные русские офицерство, интеллигенцию, молодежь и т. д. После ноябрьской революции в Германии Совнарком 13 ноября 1918 г. аннулировал Брестский договор.

81

Караулов Михаил Александрович родился в 1878 г., терский казак. Окончил кадетский корпус и военное училище. Участник Первой мировой войны, полковник. Член IV Государственной Думы, по своим политическим взглядам примыкал к «прогрессистам». После Февральского переворота 1917 г. — член Временного комитета Государственной Думы. В марте терским казачеством был избран Войсковым атаманом Терского казачьего войска, до августа являлся комиссаром Временного правительства в Терской области. Идейно Караулов был близок к генералу А.М. Каледину. После Октябрьского переворота стал председателем Терско-Дагестанского правительства. 13 (26) декабря 1917 г. на ст. Прохладной вагон с Карауловым, его штабом и сопровождающими лицами был отцеплен от атаманского поезда толпой беженцев и дезертиров с фронта и загнан в тупик. Прекрасно сознавая свою участь, Караулов отпустил бывших с ним ординарцев и сопровождавших его членов Терского войскового круга. После первого залпа солдат контрольной роты, не желая быть убитым ими, Караулов застрелился. Последующими залпами по вагону, превратившемуся в решето, были убиты оставшиеся у тела Караулова его брат полковник В.А. Караулов и хорунжий А. Белоусов. Вволю понадругавшись над телом Караулова (труп пинали ногами, затем проткнули его собственной золотой шашкой, тут же похищенной, отрубили палец с перстнем), останки его «революционные солдаты» сбросили с железнодорожной насыпи… Впоследствии тела всех троих убитых были захоронены на православном кладбище.

82

Мельников Александр Павлович — хоперский казак, сын директора гимназии, в 1918 г. расстрелянного красными. Родился в станице Баталпашинской Кубанского казачьего войска. Окончил Оренбургское казачье училище (1913 г.) и вышел в 1-й Кавказский полк Кубанского казачьего войска. Участник Первой мировой войны, подъесаул 1-го Линейного полка Кубанского казачьего войска. После занятия Ставрополя Шкуро предложил ему сформировать партизанский казачий отряд в составе 2 сотен. Однако пополнение отряда продвигалось очень медленно. После того как губернатором Ставрополя стал полковник П.В. Глазенапэ отряд был переименован в Партизанский отряд Ставропольского генерал-губернатора. Мельников был произведен в есаулы. В 1920 г. заболел тифом в плену у красных и скорее всего умер.

83

Слащов Яков Александрович родился 29 декабря 1885 г. в Санкт-Петербурге в военной дворянской семье. В 1903 г. окончил Санкт-Петербургское реальное училище, в 1905 г. — Павловское пехотное юнкерское училище. В 1911 г. он окончил Николаевскую академию Генерального штаба и до начала 1915 г. являлся курсовым офицером и преподавателем тактики в Пажеском Его Императорского Величества корпусе. В 1915 г. в чине штабс-капитана прибыл в Лейб-гвардии Финляндский полк, в рядах которого воевал да 1916 г., получив 2 контузии и ранение (всего в годы I Мировой войны Слащов был ранен 5 раз). Затем в 1916–1917 гг. он — командующий Лейб-гвардии Московским полком, полковник. Был награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й ст. Слащов сразу же принял активное участие в Белом движении, прибыв 5 (18) января 1918 г. в Нот вочеркасск и вступив в ряды Добровольческой армии. Однако он не участвовал в 1-м Кубанском («Ледяном») походе, т. к. был послан генералом М.В. Алексеевым в качестве эмиссара в район Минеральных Вод с целью помощи кубанским казакам в борьбе с большевиками. Когда же это восстание началось, Слащов стал начальником штаба отряда полковника А.Г. Шкуро. После занятия Ставрополя и соединения с Добрармией отряд Шкуро стал 2-й Кубанской казачьей дивизией, а Слащов остался ее начальником штаба. 6 (19) сентября он был назначен командиром бригады 2-й дивизии, а 15 (28) ноября — начальником 1-й Кубанской отдельной пластунской бригады. 18 февраля (3 марта) 1919 г. он получил назначение на должность командира бригады 5-й дивизии, входившей в состав Крымско-Азовской Добровольческой армии генерала А.А. Боровского. 14 (27) мая за боевые отличия Слащов был произведен в генерал-майоры. Вскоре он был назначен командиром бригады 4-й пехотной дивизии, ведущей в то время бои на Ак-Ма-найских позициях (Керченский полуостров), а 2 (15) августа — начальником этой же дивизии. Во главе 4-й пехотной дивизии Слащов участвовал в схватках против петлюровских войск и повстанческих отрядов Н.И. Махно, особенно отличившись в боях за г. Екатеринослав. 10 (23) ноября дивизия была развернута в 13-ю, 34-ю и 1-ю Сводную пехотˆ ные дивизии, а 6 (18) декабря 13-ю и 34-ю пехотные дивизии свели в 3-й армейский корпус, командиром которого и начальником Екатеринославского гарнизона был назначен генерал-лейтенант Слащов. В начале 1920 г. корпус Слащова отступил с боями в Крым и во время успешной его обороны был переименован в

Крымский (к концу апреля — во 2-й армейский) корпус. 20 февраля (5 марта) Слащов вступил во временное командование войсками Крыма и стал Главноначальствующим Новороссийской областью (однако его предшественнику на этом посту генералу Н.Н. Шиллингу все-таки удалось сохранить за собой еще на некоторое время последнюю должность). Слащов жестоко подавил все попытки воспрепятствовать ему в деятельности по защите полуострова, железной рукой стараясь навести порядок в тылу войск (в т. ч. разгром так называемой «Орловщины»). Его корпус отличился во время прорыва из «Крымской бутылки» в Северную Таврию (десант у деревни Кирилловки в мае (июне) 1920 г.). В дальнейшем из-за разногласий с Врангелем Слащов 15 (29) августа подал ему рапорт об отставке, через два дня убыл в Севастополь, а затем поселился в Ливадии. Приказами Врангеля от 6 (19) августа он отныне должен был именоваться Слащовым-Крымским и зачислялся в распоряжение Врангеля с сохранением содержания по должности командира корпуса — «в изъятие из общих правил». Во время катастрофического положения Русской армии Слащов по приказу Врангеля 29 октября (11 ноября) выехал на фронт, но спасти что-либо уже не представлялось возможным, и он вместе со своей женой Л. Нечволодовой и остатками частей армии на ледоколе «Илья Муромец» эвакуировался за границу. В Константинополе он переехал на временное жительство на вспомогательный крейсер «Алмаз». По настоянию генерала А.П. Кутепова он подал Врангелю рапорт об уходе из армии по ранениям. За открытую резкую критику Врангель предал Слащова суду чести, и 21 декабря 1920 г. последний был уволен в отставку без права ношения мундира. В Константинополе Слащов подвергался преследованиям как белой, так и французской контрразведок. В середине января 1921 г. там же была издана его книга «Требую суда общества и гласности». В октябре того же года в результате умело проведенной чекистами операции Слащов со своей женой и несколькими генералами и офицерами, получив предварительную гарантию амнистии, возвратился в РСФСР. В июне 1922 г. добровольно вступил в РККА, преподавал тактику на Курсах усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» в Москве и Топографию в Высшей пограничной школе ОГПУ. 11 января 1929 г. он был застрелен на своей квартире неким Коллёнбергом, мотивировавшим убийство местью за брата, казненного во время Гражданской войны по приказу Слащова. Однако представляется почти несомненным, что это убийство было спланировано ОГПУ как очередной — и решительный — шаг по пути уничтожения кадров военных специалистов — бывших императорских и белогвардейских

офицеров.

84

Речь идет о Донском Императора Александра III кадетском корпусе, открытом в 1883 г. в г. Новочеркасске. 1-й выпуск кадетов в военные училища произведен в 1890 г. В годы Гражданской войны большая часть окончивших его воевала в составе Донской армии, а сам корпус, несмотря на небольшой перерыв в 1918 г., продолжал функционировать на территории Всевеликого Войска Донского с 1918 по 1920 гг., после чего был эвакуирован сперва в Египет (г. Александрия), а затем в Европу, где прекратил существование.

85

Рузский Николай Васильевич родился в 1854 г. Окончил 2-е военное Константиновское училище (1872 г.). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1881 г. окончил Академию Генерального штаба, после чего служил на различных штабных должностях. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. — начальник штаба 2-й Маньчжурской армии. В 1906–1909 гг. командовал одним из армейских корпусов. С 1909 г. — генерал от инфантерии, член Военного совета при военном министре, занимался разработкой уставов и наставлений для войск и являлся одним из авторов Полевого устава 1912 г. В 1912 г. был назначен помощником командующего войсками Киевского военного округа. В начале Первой мировой войны — командующий 3-й армией Юго-Западного фронта, с 16 сентября 1914 г. — главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта. С августа и до конца 1915 г. — главнокомандующий армиями Северного фронта. Затем он тяжело заболел и после выздоровления, с 1 августа 1916 г. до 26 апреля 1917 г., продолжал занимать прежнюю должность. Вследствие невозможности продолжать службу в армии при создавшейся после февраля 1917 г. обстановке подал в отставку по болезни и уехал в Пятигорск, где вместе с Радко Дмитриевым и несколькими другими генералами был зверски убит красными 19 октября 1918 г.

Точнее, Дмитриев Радко — генерал от инфантерии, болгарин по национальности. Военную службу начал в Болгарии, затем перешел на русскую службу и окончил Академию Генерального штаба. Во время 1-й Балканской войны, командуя болгарской 3-й армией, разбил турок у Киркклиллиса. Перед Первой мировой войной, будучи посланником Болгарии в Российской Империи и зная, что в будущей войне Болгария будет выступать на стороне Германии и Австро-Венгрии, принял русское подданство и был назначен командиром 8-го армейского корпуса, с которым участвовал в Галицийской битве (1914 г.). В начале 1915 г. Дмитриев был назначен командующим 3-й армией. После отхода его армии из Галиции в мае 1915 г. был снят и назначен командиром 2-го Сибирского армейского корпуса. G марта 1916 г. командовал 12-й армией, расположенной в районе Риги. После февральского переворота 1917 г. вышел в отставку. В октябре 1918 г. вместе с рядом других бывших генералов зверски замучен красными в г. Пятигорске.

87

Имеется в виду 1-й Кубанский (или «Ледяной») поход Добровольческой армии, начавшийся 9 (22) февраля 1918 г. выходом из г. Ростова-на-Дону. После неудачных боев под Екатеринодаром Добровольческая армия отступила в. район донских станиц Мечетинская — Егорлыкская — Гуляй-Борисовка, где и остановилась на отдых и переформирование 30 апреля (13 мая) 1918 г.

88

Генерал-лейтенант Александр Александрович Боровский — из дворян, родился 6 июня 1875 г., окончил Псковский кадетский корпус (1894 г.), Павловское военное училище (1896 г.) и Императорскую Николаевскую военную академию (1903 г.). Офицер Лейб-гвардии Литовского полка, с 1907 г. — преподаватель Павловского военного училища, Участвовал в Первой мировой войне; в 1914 г. — командир 6-го Сибирского стрелкового полка, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевским оружием, 31 мая 1917 г. произведен в генерал-майоры и 16 сентября назначен командиром бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии. В ноябре 1917 г. одним из первых вступил в Добровольческую армию, организатор и командир Студенческого батальона, с 12 (25) февраля 1918 г. — командир Особого юнкерского батальона, с 17 (30) марта — командир Офицерского пехотного полка, в июне — начальник 2-й дивизии (в ноябре дивизия была развернута во 2-й армейский корпус) и с 15 (28) ноября Боровский командовал им, будучи 12 (25) ноября произведен в генерал-лейтенанты. В декабре 1918 г. группы войск Добровольческой армии, действовавшие в Каменноугольном районе и в Крыму, были объединены в Крымско-Азовский Добровольческий корпус (с января 1919 г. — Крымско-Азовская Добровольческая армия) под командованием А.А. Боровского. В феврале армия была оттеснена войсками большевистского Украинского фронта в Крым, в апреле штаб А.А. Боровского был расформирован и сам он 22 июля (8 августа) назначен командующим войсками Закаспийской области. В Крыму после назначения П.Н. Врангеля Главкомом ВСЮР командной должности не получил и эмигрировал. Скончался 27 декабря 1939 г. в г. Скопле (Югославия).

89

Мадритов А.С. в начале русско-японской войны (март — апрель 1904 г.) в чине подполковника командовал конным отрядом в составе 2 сотен и 2 конно-охотничьих команд, прикрывавшим русские войска в районе р. Ялу.

90

Упоминаемый у Шкуро то гвардии капитан, то войсковой старшина, то подполковник Сейделер в соответствии с действовавшими тогда законоположениями несколько раз был вынужден изменять свой чин. Он родился 12 июня 1886 г. в семье полковника. В конце Первой мировой войны он имел чин капитана гвардейской артиллерии и в этом чине при соединился к Шкуро. Из-за того что Сейделер оказался в казачьей артиллерии, приказом по Добровольческой армии от 13 (26) сентября 1918 г. он был переименован в равный чин, но по казачьим войскам — войскового старшины, но уже 11 (24) октября этот приказ был изменен, и Сейделер стал подполковником. Еще 13 (26) сентября он был назначен командиром 2-го Кубанского казачьего конно-артиллерийского дивизиона (3-я Кубанская казачья конная и 1-я Кубанская казачья конно-горная батареи), сформированного 19 августа (1 сентября), и к 26 октября (8 ноября) он уже был произведен в следующий чин — полковника. Со 2 (15) августа, в сентябре — октябре 1919 г. — командир Кавказского казачьего конно-артиллерийского дивизиона. До осени 1920 г. эвакуирован из Баку. После окончания Гражданской войны на юге России полковник Сейделер оказался к концу 1931 г. в Париже, где и умер 22 ноября 1939 г.

91

Значок партизанского отряда А. Г. Шкуро придуман им самим, и с 1915 г. всегда находился вместе со Шкуро вплоть до 1945 г.; дальнейшая судьба значка неизвестна. Он представлял собой черное поле с изображением на нем оскаленной волчьей головы с налитыми кровью глазами и оскаленными белыми клыками. Носился значок на древке, украшенном несколькими волчьими хвостами, и был похож на староказачий бунчук. Чины Волчьей сотни в качестве отличительных предметов обмундирования, помимо положенных им таковых по форме, носили также папахи из волчьих шкур, и на капюшонах башлыков вместо кистей они носили волчьи хвосты. По-видимому, со второй половины 1919 г. все части 3-го конного корпуса А.Г. Шкуро стали носить на левых рукавах своих черкесок нашитую эмблему в виде волчьей оскаленной пасти на черном фоне (возможно, в развернутом углу шеврона русского национального флага).

92

Здесь у Шкуро ошибка — перепутаны имя и отчество генерала Агоева: не Константин Владимирович, а Владимир Константинович. Он родился в 1885 г. в семье казачьего урядника. Окончил реальное училище приюта принца Ольденбургского, Алексеевское военное училище (1906 г.). Участник Первой мировой войны, в 1917-м — полковник, командир полка; состоял по Терскому казачьему войску. С 1918 г. — участник Белого движения на юге России. 29 июня (12 июля) 1919 г. за боевые отличия произведен из полковников в генерал-майоры. 22 июля (4 августа) был назначен начальником 1-й Терской казачьей дивизии. В войсках генерала Врангеля командовал одной из конных бригад, затем — дивизией. Убит в бою 12 (25) августа 1920 г. и был похоронен на городском кладбище в г. Севастополе.

93

Веденяпин Петр Александрович, родился в 1885 г. Окончил в 1903 г. Пажеский корпус. В конце Первой мировой войны — полковник Лейб-гвардии Преображенского полка, командующий Лейб-гвардии Измайловским полком. Член Алексеевской организации; с августа 1917 г. в офицерской организации в Петрограде. После переворота 25октября (7 ноября) по поручению Алексеева вошел в состав общества борьбы с туберкулезом «Капля молока» и занимался поддержкой офицеров, случайно оказавшихся в Петрограде и нуждавшихся в помещении и питании. Веденяпину удалось превратить общество одновременно и в питательный пункт, и в подпольное управление этапного коменданта для переправы офицеров на Дон. В ноябре 1917 г. он приехал на Дон и стал начальником штаба у Алексеева.

В том же месяце был направлен последним для подпольной работы по созданию добровольческих частей в Минеральные Воды. Участник 1-го Кубанского похода в штабе армии, в мае 1918 г. — представитель армии на Тереке. После успешного прорыва на соединение с Добровольческой армией терских казаков он в ноябре — декабре 1918 г. являлся членом Главного комитета Общества Белого Креста (одной из многочисленных благотворительных организаций Добрармии). В эмиграции в Китае, на 1920 г. в Тяньцзине, с сентября 1926 г. — член правления отделения Союза бывших военнослужащих Российской армии и флота в Тяньцзине, к 1941 г. член Офицерского собрания в Шанхае, затем в Парагвае. Убит после 1960 г. в Аргентине.

94

Князь Лоов Дольт-Мурза 7 (20) декабря 1918 г. был произведен за боевые отличия в прапорщики милиции.

95

Имеется в виду Черкесский конный полк, сформированный в августе — сентябре 1914 г. и входивший в состав Кавказской Туземной конной дивизии, с которой участвовал в боях в 1914–1917 гг. и разделил ее судьбу в 1918 г. В полку — 4 сотни, при нем существовала также и запасная сотня, с 21 августа 1917 г. входившая в Запасный дивизион 1-й Кавказской Туземной конной дивизии. После переформирования дивизии в одноименный корпус полк вместе с Кабардинским конным полком в сентябре 1917 г. вошел в 1-ю бригаду 1-й Кавказской туземной конной дивизии, а в конце декабря — в ту же бригаду, но 2-й одноименной дивизии. Командирами пблка в 1916–1917 гг. были полковник князь Чавчавадзе, с 9 августа 1917 г. — полковник Султан Крым-Гирей. Формой одежды полка являлись серая черкеска, черный бешмет, серый башлык, серая или коричневая папаха; погоны — красные с желтой шифровкой «Чрк.» 21 января 1916 г. Император Николай II пожаловал полку новый простой штандарт. Многие из бывших чинов полка служили в 1918–1920 гг. в черкесских частях ВСЮР.

Основой Собственного Его Императорского Величества Конвоя послужила Лейб-гвардии Черноморская казачья сотня, начавшая формирование 18 мая 1811 г. и прикомандированная к Лейб-гвардии Казачьему полку; 25 апреля 1813 г. она была переименована в Лейб-гвардии Черноморский эскадрон (с 1 июля 1842 г. — дивизион). 1 мая 1828 г. было повелено для Собственного Его Величества Конвоя сформировать Лейб-гвардии Кавказско-Горский взвод (с 30 апреля 1830 г. — полуэскадрон). 12 октября 1832 г. для Конвоя из чинов всех полков Кавказского линейного казачьего войска была сформирована Команда Кавказского казачьего линейного войска. После этого Конвой состоял из данной Команды и Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона. 30 апреля 1838 г. для Конвоя сформирована команда лезгин, all марта следующего года — Команда Закавказского конно-мусульманского полка. 14 июня 1855 г. вместо Команды Кавказского войска был организован Лейб-гвардии Кавказский казачий эскадрон и 18 ноября 1856 г. приказано сформировать в составе Конвоя Команду грузин, все четыре команды объединить в Лейб-гвардии Кавказский эскадрон Собственного Его Величества Конвоя и переименовать их во взводы с 1-го по 4-й. 2 февраля 1861 г. последовало повеление об объединении Кавказского эскадрона с Черноморским дивизионом в Лейб-гвардии 1-й, 2-й и 3-й Кавказские казачьи эскадроны Собственного Его Императорского Величества Конвоя. С 7 октября 1867 г. казачьи эскадроны формировались отдельно от своих войск и были названы Лейб-гвардии 1-ми 2-м Кавказскими Кубанскими и Лейб-гвардии Кавказскими Терскими казачьими эскадронами. 2 декабря 1881 г. последовало повеление о создании еще одного Терского эскадрона. 14 марта 1891 г. эскадроны были переименованы в сотни, которые стали называться Лейб-гвардии 1-й и 2-й Кубанскими и 3-й и 4-й Терскими казачьими сотнями Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Шефом его со'2 ноября 1894 г. по 4 марта 1917 г. был Император Николай II. Перед войной Конвой дислоцировался в Санкт-Петербурге. Кубанские и Терские сотни имели по 1 Георгиевскому штандарту, по 3 серебряных трубы и знаки отличия на головные уборы. Конвойцы участвовали практически во всех войнах XIX века, которые вела Россия (кроме подавления восстания в Венгрии 1848–1849 гг., Крымской и Кавказской войн), причем не только выполняя свои функции по охране Ставки или императоров, но и непосредственно сражаясь с

неприятелем. В годы Первой мировой войны Конвой также дрался на фронтах, одновременно с 1915 г. неся службу при Ставке Верховного главнокомандующего Императора Николая II. После Февральского переворота 1917 г. Конвой был разделен на Кубанский (Лейб-гвардии 1-я и 2-я казачья сотни) и Терский (Лейб-гвардии 1-я и 2-я казачьи сотни) гвардейские дивизионы, отправленные на территорию своих войск. Там они участвовали в боях с большевиками в составе Добровольческой армии. Кубанский гвардейский казачий дивизион в 1920 г. был включен в Кубанскую сотню конвоя Главкома ВСЮР. Терский гвардейский дивизион при общем отступлении войск ВСЮР в 1920 г. отступил на территорию Грузии, затем летом был переведен в Крым и переформирован в Терскую гвардейскую сотню. Кубанцы и терцы участвовали в боях Русской армии генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля, затем эвакуировались вместе с другими ее казачьими частями в Чаталджу и на Лемнос.

97

Вольноопределяющийся — лицо, имеющее образовательный ценз и добровольно поступившее на действительную военную службу. В России вольноопределяющиеся были разделены на 2 разряда: к 1-му относились получившие образование не ниже среднего (полный курс высших или средних учебных заведений или 6 классов гимназии), ко 2-му — выдержавшие особый экзамен по программе курса 4-классных училищ. Срок службы для вольноопределяющихся 1-го разряда — 1 год (во флоте — 2), 2-го — 2 года. Отличался от других чинов своей части погонами, вокруг которых с 3 сторон был вшит крученый шнур «романовских» (т. е. черно-оранжево-белый) цветов.

98

Агоев Константин Константинович — терский казак, родился в 1889 г. Окончил Николаевское кавалерийское училище; после его окончания был произведен в портупей-юнкера, из них — в хорунжий и вышел в 1-й Волгский полк Терского казачьего войска. Затем некоторое время был инструктором Офицерской школы гимнастики и фехтования. В 1914 г. вместе со своим полком выступил на фронт. Имел несколько тяжелых ранений, но как только становился на ноги, сразу же возвращался на фронт. За боевые отличия был награжден всеми орденами, положенными ему по чину, а также орденом Св. Георгия 4-й ст. и золотым оружием; полковник. После возвращения с фронта принимал активное участие в борьбе с советской властью на Тереке, командуя отрядами терских казаков. После удавшегося выхода остатков восставших терцев на соединение с Добровольческой армией в рядах ВСЮР занимал рад командных постов. Закончил свою военную карьеру в Крыму в 1920 г. командиром Отдельной Терско-Астраханской казачьей бригады в чине генерал-майора. В 1921 г. в районе Чаталджи являлся командиром Терско-Астраханского казачьего полка. После исчезновения и смерти в 1945 г. Войскового атамана Терского казачьего войска генерал-лейтенанта Г.А. Вдовенко терцами-эмигрантами был избран на его пост. Скончался 21 апреля 1971 г. в США.

99

Полковник Удовенко — с 15 (28) мая 1919 г. в списках чинов управления 3-го конного корпуса генерал-лейтенанта А.Г. Шкуро, занимает должность старшего адъютанта по хозяйственной части. 6(19) июля назначен старшим адъютантом по инспекторской части управления того же корпуса. В марте 1920 г. — старший адъютант по инспекторской части штаба Сводно-конного корпуса.

100

Точное наименование дивизии, сформированной полковником А.Г. Шкуро, неизвестно. Возможно, она называлась Казачьей конной дивизией.

То же самое касается и пластунской бригады — вероятно, Казачьей пластунской.

102

Имеется в виду 1-й Хоперский Кубанского казачьего войска полк I формирования, вошедший после реорганизации отряда А.Г. Шкуро в состав 2-й Кубанской казачьей дивизии полковника С.Г. Улагая.

103

Речь идет о 2-м Хоперском Кубанском казачьего войска полке I формирования, летом 1918 г. вошедшим вместе с 1-м Хоперским полком во 2-ю Кубанскую казачью дивизию. По-видимому, 1-й и 2-й Хоперские полки I формирования были в начале 1919 г. объединены с одноименными полками в составе Кубанской Партизанской отдельной бригады, переименованной позднее в Кавказскую конную (1-ю Кавказскую казачью) дивизию.

104

1-й Волгский Терского казачьего войска полк I формирования, созданный в отряде полковника А.Г. Шкуро, в июле 1918 г. вошел 2-сотенным дивизионом в состав 1-го Лабинского Кубанского казачьего войска полка 2-й Кубанской казачьей дивизии.

105

6-й Кубанский пластунский батальон участвовал в беспрерывных боях с 12 (25) июня по 27 июля (9 августа) 1918 г. и далее во всех боевых действиях ВСЮР, входя официально с 11 (24) ноября 1918 г. в состав 1-й Кубанской пластунской отдельной бригады (вместе с Особым, 7-м и 12-м Кубанским пластунским батальонами). 6 (19) мая 1920 г. батальон было приказано считать расформированным.

106

12-й Кубанский пластунский батальон с 11 (24) ноября 1918 г. официально вошел в 1-ю Кубанскую пластунскую отдельную бригаду. 6 (19) мая 1920 г. последовал приказ о том, чтобы считать всю бригаду, в том числе и батальон, расформированными.

107

1-й Терский пластунский батальон был включен в состав Добровольческой армии и Терской пластунской отдельной бригады (I формирования) 9 (22) декабря 1918 г.

108

На 22 января (4 февраля) 1920 г. в состав Корниловской ударной дивизии Отдельного Добровольческого корпуса входил временно приданный ей Горско-Мусульманский дивизион. 30 января (12 февраля) последовал приказ о расформировании его, он должен был быть влит на пополнение Корниловского конного отдельного дивизиона.

109

Вот пример воззвания к населению Ставропольской губернии (комиссару села Крым-Гиреевского), датированного 17 (30) июня 1918 г. (приводится с сохранением орфографии и пунктуации подлинника): «Граждане, будьте покойны и уверены, что я и мой отряд не обидет Вас, против народа не идем, напротив защищаем его, мы идем грозной войной против босяков составляющих Красную Гвардию. У нас нет ни буржуев ни пролетариев, а есть только трудовой народ честно добывающий себе кусок хлеба. Земля равно будет распределена между всеми, мы стремимся к хозяину земли Русской Учредительному Собранию. Бросьте и вы босяцкое правительство и стремитесь всей душой к тому же Учредительному Собранию. Мы казаки хлеборобы вынуждены идти против босяков их насилия и грабежей наших родных станиц, думаем что и Вам с открытой казацкой душой за самой широкой помощью нам. Мы казаки шли против босяков с вилами и косами в руках, разбили их под Суворовской в Кисловодске и под Бекешевской; добыли себе огнестрельное оружие всяких родов и имеем в отряде тысячи благородных защитников человеческого права. Все станицы Великой Кубани как один человек поднялись на защиту своего вольного казачества; Вы Ставропольцы как бывшие казаки, знающие вольности, идите рука об руку с нами, добывайте себе визволение и свободу и учите понимать ее босяков.

Атаман Отряда
Полковник Шкуро
Начальник штаба
Генерального штаба
{46}» (РГВА. Ф. 39733. Оп. 1 Д. 3. Лл. 1–1 об.)

110

Подъесаул Солоцкий 1-й окончил университет за границей. В Первую мировую войну — подъесаул 2-го Лабинского полка Кубанского Казачьего войска. После большевистского переворота — член Общества спасения Кубани, начавшего вооруженную борьбу с красными. Сначала Солоцкий командовал Лабинской бригадой 2-й Кубанской казачьей дивизии. Полковник Ф.И. Елисеев в своих воспоминаниях «На берегах Кубани и партизан Шкуро» (Нью-Йорк, 1965) писал о нем: «К большевикам питает психологическую ненависть и такую, какую питает земледелец к разным сорным травам, поросшим в его пшенице.

— Этот бурьян надо вырвать с корнем, чтобы пшеница была бы чистою и полезною, — говорит он…»

Через некоторое время Солоцкий, уже в чине войскового старшины, разрывом шрапнели в бою у горы Недреманной был убит. Погиб также и его брат.

111

1-й Лабинский Кубанский казачьего войска полк после реорганизации отряда Шкуро вошел в состав 2-й Кубанской казачьей дивизии полковника С.Г. Улагая и в ее составе действовал вплоть до весны 1920 г. 31 октября (13 ноября) 1918 г. его командиром был назначен полковник (в 1919 г. — генерал-майор) Шапринский, а 4 (17) апреля 1919 г. — полковник С. Жуков. 6 (19) мая 1920 г. последовал приказ о том, чтобы считать полк расформированным. 4(17) сентября Волгский казачий полк был переименован в 1-й Лабинский казачий полк, вошедший в состав 1-й Кубанской казачьей дивизии. 30 сентября (13 октября) 1920 г. в бою под деревней Шолохово во время Заднепровской операции Русской армии генерала П.Н. Врангеля был убит командующий конной группой генерал-лейтенант Н.Г. Бабиев и в тот же день полку, в рядах которого он начинал свою службу, было приказано именоваться 1-м Лабинским генерала Бабиева полком.

То есть, по-видимому, 1-й Лабинский и 1-й Хоперский.

113

По-видимому, 1-я Казачья конная дивизия.

114

Во 2-м Кубанском походе генерал-майор А.А. Боровский командовал 2-й дивизией в составе: Корниловского ударного и Партизанского пешего казачьего полков, Кубанского пластунского батальона (или, как его еще называли, «Улагаевского»), 4-го Сводного Кубанского казачьего полка, 2-й отдельной легкой батареи (3 орудия) и 2-й инженерной роты.

115

Шкуро неверно именует 1-ю Кубанскую казачью бригаду генерал-майора В.Л. Покровского, в состав которой с июня 1918 г. входили 2-й и 3-й Сводные Кубанские казачьи полки и взвод артиллерии (2 орудия). К сентябрю она была переименована в 1-ю Отдельную Кубанскую казачью бригаду (1600 шашек и штыков, 4 орудия и 8 пулеметов); начальником ее стал полковник П.В. Глазенап. 4 (17) октября в нее были включены сформированные в Ставропольской губернии 1-й и 2-й стрелковые полки и она была переименована в 4-ю дивизию. 9 (22) октября Глазенап стал ее начальником.

116

Глазенап Петр Владимирович (1882–1951 гг.) — из дворян, участвовал в Первой мировой войне, в 1917 г. — полковник. В 1-м Кубанском походе командовал конным отрядом (при кавалерийском дивизионе), сформированным из мелких донских партизанских отрядов; с 25 марта (7 апреля) 1918 г. — командир 1-го конного (или конно-партизанского) полка. Слета 1918 г. до лета 1919 г. — военный губернатор Ставропольской губернии; в ноябре 1918 г. был произведен в генерал-майоры, затем, в 1919 г., в генерал-лейтенанты. В 1919 г. был отправлен генералом А.И. Деникиным с миссией на северо-запад России к генералу Н.Н. Юденичу, где занял пост генерал-губернатора Северо-Западной области. После поражения наступавшей на Петроград Северо-Западной армии и ее отхода на территорию Эстонии был назначен ее командующим (ноябрь 1919 г. — январь 1920 г.). Затем переехал в Польшу и в 1920 г. некоторое время командовал 3-й Русской армией, формировавшейся Б.В. Савинковым, после чего уехал в Крым к генералу П.Н. Врангелю. В эмиграции жил в Будапеште, Берлине, Кенигсберге, Данциге. В 1946 г. создал в американской зоне оккупации Германии «Союз Андреевского Флага» — организацию бывших участников Русского освободительного движения генерала А.А. Власова. Скончался 27 мая 1951 г. в г. Мюнхене.

117

7 (20) октября 1918 г. приказом Главнокомандующего Добровольческой армии генерал-лейтенанта А.И. Деникина состоявший в резерве чинов при штабе Добрармии генерал-майор Уваров был уволен со службы. Подробнее о деятельности Ставропольского губернатора генерал-майора Уварова см. воспоминания Краснова В.М. «Добровольцы на Северном Кавказе» («Архив русской революции». — Т. XI; опубликованы также в «Начало гражданской войны» — М.—Л.; Госиздат. — 1926 г.).

118

Генерал-лейтенант Филимонов Александр Петрович — казак ст. Григорополисской Кубанской области. Родился 14 сентября 1866 г. Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище (1885 г.), Александровскую военно-юридическую академию (1907 г.), Московский историко-археологический институт. С 1911 г. — атаман Лабинского отдела Кубанской области, 1 декабря 1917 г. произведен в полковники. В мае 1917 г. был избран председателем Временного Кубанского войскового правительства, 12 (25) октября 1917 г. — первым Войсковым атаманом Кубанского казачьего войска. С 15 (28) марта 1919 г. — генерал-лейтенант. Сторонник «черноморцев» — политической группы в Кубанской Краевой Раде, стоявшей на платформе сотрудничества с Добровольческой армией в борьбе против большевиков при сохранении автономии Кубани и ее вхождении в освобожденную от большевиков Россию на федеративных началах. Из-за политических разногласий на этот счет с А.И. Деникиным 10 (23) ноября 1919 г. сложил с себя полномочия атамана. В 1920 г. эмигрировал, жил в Югославии, председатель Союза участников 1-го Кубанского похода. Умер в г. Осек 4 августа 1948 г.

119

У Шкуро — явная ошибка. В тот период в Добровольческой армии имелась не кавалерийская, а 1-я конная дивизия.

120

Генерал от кавалерии Эрдели Иван Георгиевич — из потомственных дворян, родился 15 октября 1870 г. в Одессе, где окончил гимназию, Николаевский кадетский корпус (1887 г.), Николаевское кавалерийское училище (1890 г.) и Академию Генштаба (1897 г.). Офицер Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка. В 1899–1905 гг. — штаб-офицер для поручений при штабе Киевского военного округа, старший адъютант штаба генерал-инспектора кавалерии, в 1905 г. произведен в полковники; в 1907–1914 гг. — командир 8-го драгунского Астраханского полка, командир Лейб-гвардии Драгунского полка, генерал-квартирмейстер штаба войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, генерал-квартирмейстер штаба 9-й армии. В 1910 г. произведен в генерал-майоры. Участвовал в Первой мировой войне, в 1916 г. произведен в генерал-лейтенанты. В 1915–1917 гг. — начальник 14-й кавалерийской (с 18 октября 1914 г.) и 64-й пехотной дивизий, командир 18-го армейского корпуса (с 6 апреля 1917 г.), командующий 11-й и Особой армиями. 18 мая 1917 г. произведен в генералы от кавалерии. Участвовал в корниловском выступлении, был арестован и заключен в тюрьму г. Быхова. В ноябре прибыл на Дон и принял участие в формировании Добровольческой армии при Кубанском Краевом правительстве. В 1-м Кубанском походе командовал Отдельной конной бригадой, с июня 1918 г. — начальник 1-й конной дивизии. С апреля 1919 г. — Главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края (с мая еще и Астраханского края), Главноначальствующий и командующий войсками Северного Кавказа. В 1920 г. эмигрировал, жил во Франции. С 29 июня 1934 г. — начальник 1-го отдела РОВС. Умер в Париже 7 июля 1939 г.

121

Студенческий батальон был сформирован в Ростове 19 января (1 февраля) 1918 г. генерал-майором А.А. Боровским из учащихся средних учебных заведений Ростова (главным образом — учащихся трех старших классов Ростовского среднего коммерческого училища). Он состоял из двух рот и насчитывал около 200 человек, занимал позиции у кирпичных заводов за северной окраиной города, занимался усиленной военной подготовкой и нес гарнизонную службу в Ростове. 28 января (10 февраля) батальон был переименован в Ростовский добровольческий полк. 12 (25) февраля при реорганизации Добровольческой армии в станице Ольгинской он вошел студенческой ротой в Особый юнкерский батальон генерала Боровского, командиром роты был назначен подполковник П.Т. Зотов. Впервые Л.Г. Корнилов ввел студенческую роту (70 человек) в бой 4(17) марта под станицей Кореновской.

122

«Марковцами» именовались в обиходе чины воинских частей, получивших почетное именное шефство генерала С.Л. Маркова. Первой такой частью Добровольческой армии стал Сводно-Офицерский пехотный полк, сформированный 12 (25) февраля 1918 г. При реорганизации Добровольческой армии 27 мая (9 июня) полк был назван 1-м Офицерским и вошел в состав 1-й дивизии генерала СЛ. Маркова. После его смерти от ран полк 13 (26) июня был переименован в 1-й Офицерский генерала Маркова полк. В августе 1919 г. он был развернут в два полка — 1-й и 2-й Офицерские генерала Маркова полки. В октябре был сформирован 3-й одноименный полк, и 14 (27) октября полки были сведены в Офицерскую генерала Маркова дивизию. В ноябре 1919 г. 1-я Артиллерийская бригада была переформирована в Артиллерийскую генерала Маркова бригаду. В Крыму дивизия, вошедшая в состав Русской армии, 28 апреля (11 мая) 1920 г. была переименована в Марковскую и ее полки стали официально именоваться Марковскими, точно также — артиллерийская бригада. После эвакуации Крыма в ноябре 1920 г. остатки дивизии в Галлиполи были сведены в Марковский полк, остатки Марковской артиллерийской бригады — в Марковский артиллерийский дивизион. После переезда в Болгарию они прекратили свое существование как отдельные части в 1922 г. Марковцы-пехотинцы носили фуражки с белой тульей и черным околышем и черные погоны (все — с белой выпушкой). Марковцы-артиллеристы носили фуражки с белой тульей и черным околышем и черные погоны (все с красной выпушкой).

123

В мае 1917 г. приказом Л.Г. Корнилова, тогда командующего 8-й армией Юго-Западного фронта, капитану М.О. Неженцеву было разрешено сформировать 1-й ударный отряд (позднее — Корниловский ударный отряд) из добровольцев — государственно настроенных офицеров, унтер-офицеров и рядовых. Отряд участвовал в провалившемся июньском наступлении фронта. В августе отряд был переформирован в Корниловский ударный полк, выполнявший карательные функции в борьбе с дезертирством и разложением, пустившими корни в бывшей Российской Императорской армии. После ликвидации корниловского выступления по настоянию Керенского полк был переименован в 1-й Российский ударный, а затем — Славянский ударный. После Октябрьского переворота часть чинов полка по приказу Неженцева перебралась в Новочеркасск, где в конце декабря (ст. ст.) полк был восстановлен как Славянский Корниловский ударный и 30 января (12 февраля) 1918 г. был включен в состав 1-й Добровольческой дивизии. В феврале в Славянский Корниловский ударный полк Особым Георгиевским батальоном были влиты остатки Георгиевского полка (120 штыков).

28 марта (10 апреля) Славянский Корниловский ударный полк был реорганизован — свернут в 1 батальон; 2-й батальон образован из только что записавшихся в него кубанцев. После боя на следующий день в полку осталось всего 67 штыков. 30 марта (12 апреля) командиром полка после смерти М.О. Неженцева был назначен полковник А.П. Кутепов, а в качестве пополнения в полк был влит батальон кубанцев (350 штыков) из станицы Новомышастовской под командованием полковника Шкуратова. К июню полк вновь стал называться Корниловским ударным; 21 июля (3 августа) 1919 г. он развернулся в два полка (2-й Корниловский был сформирован из батальона Запасного Корниловского ударного полка); в сентябре под Курском оба полка, а также сформированный 27 августа (9 сентября) 3-й Корниловский ударный полк были сведены в Корниловскую ударную бригаду. 14 (27) октября, после взятия Орла, бригада была выделена из 1-й пехотной дивизии и переформирована в Корниловскую ударную дивизию. 10 (23) ноября из частей 1-й и 2-й артиллерийских бригад было приказано сформировать Корниловскую артиллерийскую бригаду, вошедшую в состав Корниловской дивизии, состоявшей все время в 1-м армейском корпусе Добрармии (в 1920 г. — Русской армии генерала П.Н.

Врангеля). На 22 января (4 февраля) 1920 г. в Корниловскую ударную дивизию входили: управление, 1-й, 2-й и 3-й Корниловские ударные полки, Запасный полк дивизии, запасные батальоны всех трех полков, Корниловский отдельный конный и Горско-Мусульманский дивизионы, Корниловская артиллерийская бригада (управление, 1-я генерала Корнилова легкая, 2-я и 5-я батареи и формировавшиеся 6-я, 7-я и 8-я батареи), Отдельная инженерная рота дивизии, дивизионный транспорт и формировавшийся склад огнестрельных припасов, организовывавшийся в Тимашевской дивизионный лазарет. 8 (21) августа 1920 г. конный дивизион, бывший при Корниловской ударной дивизии, был переименован в Отдельный конный генерала Корнилова дивизион.

После эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г. в Галлиполи остатки корниловских пехотных частей были сведены в Корниловский ударный полк, артиллерийских — в Корниловский артиллерийский дивизион. В Болгарии корниловские части прекратили существование как отдельные воинские формирования в 1922 г.

124

Кубанский (позднее 1-й Кубанский) стрелковый полк был сформирован из пеших кубанских частей, выступивших из Екатеринодара (так, например, офицеры и юнкера Константиновского военного училища вошли в состав полка полусотней 3-й сотни). Командиром его был назначен подполковник Р.М. Туненберг. На 24 марта (6 апреля) 1918 г. в полку было до 1 тысячи штыков (из них половина — офицеры) и 4 пулемета. Полк участвовал во всех боях 1-го («Ледяного») Кубанского похода. Перед началом 2-го Кубанского похода (июнь 1918 г.) в полку имелось 2 батальона и он входил в состав 1-й дивизии генерал-лейтенанта С.Л. Маркова. В августе — сентябре полк вел бои на Черноморском побережье, а затем был переброшен под Армавир и Ставрополь. К середине ноября полк входил в пехотную бригаду генерал-майора Н.С. Тимановского (находилась в 1-м армейском корпусе) и совершил вместе с марковцами в ноябре — декабре зимний поход в горах Ставропольской губернии, постоянно участвуя в боях с красными. 16 (29) января 1919 г. полк исключен из состава 1-й дивизии и включен во 2-ю. Полк участвовал во всех боях кампании 1919 — начала 1920 гг. После эвакуации из Новороссийска Кубанский стрелковый полк уже в Крыму был включен в состав Кубанской казачьей дивизии. 7 (20) июля полк был выделен из нее и участвовал в августовском десанте на Кубань в рядах Сводной дивизии. По возвращении полк 4 (17) сентября был переименован в 1-й Кубанский стрелковый и вошел в состав 2-й бригады 7-й пехотной дивизии (3-го армейского корпуса 2-й армии). В сентябре 1920 г. полк (2 батальона) участвовал в бою под Скелькой в ходе Заднепровской операции. После эвакуации из Крыма полк был расформирован и остатки его, по-видимому, были включены в 4-й, 5-й или 6-й Кубанские стрелковые полки 2-й Кубанской стрелковой дивизии (Кубанского корпуса), находившейся в лагере Калоераки.

125

По-видимому, имеется в виду легкий бронепоезд № 2 (впоследствии легкий бронепоезд «Генерал Корнилов») под командованием полковника Громыко. Он состоял из 2 орудийных бронеплощадок с 3-дюймовым орудием обр. 1900 г. и 47-мм орудием системы Гочкис и 1 пулеметной бронеплощадки.

126

Возможно, речь идет о сформированном 19 августа (1 сентября) 1918 г. 2-м Кубанском казачьем конно-артиллерийском дивизионе в составе 3-й Кубанской казачьей конной и 1-й конно-горной батарей. Командиром дивизиона 13 (26) сентября был назначен подполковник Сейделер.

127

Ставропольский офицерский полк в конце июля (начале августа) 1918 г. участвовал в боях в районе Ставрополя: под Старомарьевской, Бешпагиром, Золотой горой, около станции Пелагиада, а также за гору Недреманную, у станицы Невинномысской. В ходе боев за последнюю в конце июля (ст. ст.) полк понес большие потери, в ротах осталось по 10–20 человек. Отступив в станицу Елизаветинскую, полк был переформирован и, пополнившись добровольцами, вновь принял участие в боях. Здесь, по-видимому, он стал 3-м Офицерским полком, который, в свою очередь, 27 сентября (10 октября) был переформирован в Кавказский офицерский полк, который в составе ряда соединений ВСЮР с честью прошел всю боевую страду 1918 — начала 1920 гг. К началу ноября (ст. ст.) 1919 г. полк входил в Группу войск особого назначения Генерального штаба генерал-майора А.П. Ревишина, действовавшую на Украине против повстанческих отрядов Махно. Затем вместе с войсками 3-го армейского корпуса генерала Я.А. Слащова в начале 1920 г. полк отошел в Крым. 21 июня (4 июля) 1920 г. последовал приказ о сформировании распоряжением командира 1-го армейского корпуса 6-й пехотной дивизии в составе: Кавказского стрелкового, Самурского и Смоленского пехотных полков, отдельной инженерной роты, запасного батальона и 6-й артиллерийской бригады; Кавказский стрелковый полк должен был быть сформирован из кадров бывшего Кавказского офицерского полка. Уже к 7 (20) июля дивизия была сформирована и вошла в состав 1-го армейского корпуса ВСЮР. К 4 (17) сентября она входила в 3-й армейский корпус 2-й армии Русской армии генерала П.Н. Врангеля. Дивизия участвовала во всех боях лета и осени 1920 г.

128

2-я Кубанская казачья дивизия была сформирована по приказу А.И. Деникина в июле 1918 г. из частей бывшего отряда А.Г. Шкуро. В конце 1918 — начале 1919 гг. дивизия вошла в 1-й конный корпус генерала П.Н. Врангеля, действовавший на Северном Кавказе. В мае она вошла во 2-й Кубанский корпус генерала С.Г. Улагая и вела активные боевые действия на царицынском направлении. 6 (19) мая 1920 г. приказано считать дивизию в составе управления, 1-го Кубанского, 1-го Лабинского, 2-го Кубанского и 1-го Полтавского Кубанского казачьего войска полков расформированной. 7 (20) июля дивизия была вновь сформирована в составе: управления, Волчьих казачьего и стрелкового, Черкесского конного полков, Кубанского Гвардейского дивизиона и Отдельного Кубанского казачьего конно-артиллерийского дивизиона. 4 (17) сентября ее было приказано расформировать; некоторые части дивизии были переформированы и включены в 1-ю Кубанскую казачью дивизию.

129

2-й Кубанский Кубанского казачьего войска полк вошел в состав 2-й Кубанской казачьей дивизии летом 1918 г. 11 (24) ноября командиром его был назначен полковник Лопата. 14 (27) декабря полк приказом Главнокомандующего Добрармии исключен из состава 2-й Кубанской дивизии и включен в 3-ю Кубанскую казачью дивизию, но в 1919 г. он был возвращен обратно. 6 (19) мая 1920 г. его было приказано считать расформированным.

130

Пластунская бригада была переименована в Кубанскую пластунскую бригаду, и ее командиром был назначен полковник Я.А. Слащов (15 (28) ноября он стал начальником 1-й Кубанской пластунской отдельной бригады).

131

В боях за Ставрополь в середине июля (начале августа) 1918 г. принимали участие Корниловский ударный (сперва лишь 1 батальон, чуть позже к нему присоединились и другие) и Партизанский пеший казачий полки. Они вступили в бой сразу же по выгрузке из вагонов. Потери их были значительными — так, например, корниловцы под Ставрополем потеряли 137 человек.

132

Улагай Сергей Георгиевич родился 19 октября 1875 г. в семье казачьего офицера, окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус и сотню Николаевского кавалерийского училища (1897 г.). Офицер Кубанского казачьего дивизиона (в Варшаве). С 17 июля 1916 г. служил в 1-м линейном генерала Велвяминова полку Кубанского казачьего войска. В 1916 г. награжден Георгиевским оружием. 4 марта 1917 г. был произведен в полковники, 7 июня — назначен командиром 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. Участвовал в корниловском выступлении, был арестован, но бежал на Кубань. В конце 1917 г. Кубанская Рада поручила ему формирование добровольческих частей в Екатеринодаре, однако с этой задачей он не справился. С февраля 1918 г. — начальник кавалерии в кубанском добровольческом отряде полковника Г.М. Лисевицкого, затем — командир Особого пластунского батальона. С 22 июля (4 августа) — начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, 12 (25) ноября произведен в генерал-майоры. С 27 февраля (12 марта) 1919 г. — командир 2-го Кубанского конного корпуса, командовал конной группой Кавказской армии под Царицыном; в том же году произведен в генерал-лейтенанты, командовал объединенной конной группой (из донских и кубанских конных частей), входившей в состав Добровольческой армии. Затем заболел тифом и после выздоровления с октября состоял в резерве чинов штаба Главкома ВСЮР, с 28 ноября (11 декабря) в распоряжении командующего Добрармией. С 14 (27) февраля 1920 г. — командующий Кубанской армией ВСЮР, с 5 (18) июля назначен командующим группой войск особого назначения и командовал морским десантом частей Русской армии из Крыма на Кубань, после поражения десанта был уволен Врангелем из армии. В 1920 г. эмигрировал. Во время Второй мировой войны участвовал в формировании антисоветских казачьих частей. После 1945 г. жил во Франции. Умер 20 марта 1947 г.{47} в Марселе.

133

Генерал-лейтенант Покровский Виктор Леонидович (1889–1922 гг.) окончил Одесский кадетский корпус (1906 г.), Павловское военное училище (12 908 г.). Участвовал в Первой мировой войне, летчик, штабс-капитан, командир 12-го армейского авиаотряда в 1917 г. В январе 1918 г. в чине капитана сформировал на Кубани добровольческий отряд, действовавший против революционных войск в районе Екатеринодара. 24 января (6 февраля) был произведен Войсковым атаманом Кубанского казачьего войска полковником А. П. Филимоновым в полковники и генерал-майоры и назначен командующим войсками Кубанского края. С 13 (26) февраля — командующий Кубанской армией, 13 (26) марта произведен в генерал-майоры. С июня — командир Кубанской конной бригады, в январе — начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии, затем (по август) — командир 1-го конного корпуса, позднее — командующий Кавказской армией ВСЮР. Его войска отличались массовым мародерством и беспощадными расправами с большевиками, сочувствующими их власти и кубанскими «самостийниками». В мае 1920 г., не получив командной должности в Крыму у генерала Врангеля, эмигрировал. Убит 9 ноября 1922 г. в Болгарии в стычке с полицией.

134

У Шкуро имеются в виду полки 1-й Кубанской казачьей дивизии генерал-майора В.Л. Покровского, развернутой из 1-й Кубанской казачьей бригады уже в ходе 2-го Кубанского похода летом 1918 г. (В состав бригады в начале июня (ст. ст.) входили 2-й и 3-й Сводные Кубанские казачьи полки и взвод артиллерии (2 орудия)). К сентябрю в дивизии насчитывалось 2986 шашек, 8 орудий и 12 пулеметов. В конце 1918 г. — начале 1919 г. дивизия вошла в 1-й армейский корпус генерала Б.И. Казановича. С созданием конных (впоследствии Кубанских) корпусов дивизия была включена в состав 1-го Кубанского корпуса генерала В Л. Покровского и в его составе участвовала в боях за Царицын летом и в конце 1919 г. — начале 1920 гг. Состав дивизии незначительно изменился, и 6 (19) мая 1920 г. ее (управление, Сводный Кубанский, 2-й Линейный и 2-й Черноморский Кубанского казачьего войска полки, Кубанский Гвардейский казачий дивизион) было приказано расформировать. Для действия в составе Группы войск особого назначения, предназначенной для десанта на Кубань, из Кубанской казачьей дивизии 7 (20) июня было приказано вновь сформировать 1-ю Кубанскую казачью дивизию в составе: управления, Партизанского, Уманского, Запорожского казачьих и Корниловского конного полков, 2-го конно-артиллерийского дивизиона и Запасного полка дивизии. После неудачной операции на Кубани она 4 (17) сентября была реорганизована следующим образом: управление дивизии, Корниловский конный, 1-й Лабинский, 1-й Линейный и 1-й Уманский казачьи полки, Кубанский сводный дивизион, 2-й конно-артиллерийский дивизион, 1-я Кубанская казачья конная батарея и Запасный полк дивизии, и вошла в 1-й армейский корпус 1-й Русской армии генерала П.Н. Врангеля. После эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г. она была переименована в 1-ю Кубанскую конную дивизию, в состав которой вошли 1-й, 2-й и 3-й Кубанские конные полки, Горский конный и 1-й конно-артиллерийский дивизионы.

135

В июле 1918 г. было приказано сформировать Кубанскую Партизанскую отдельную бригаду. 8 (21) августа начальником ее был назначен полковник Шкуро, а начальником штаба 6 (19) сентября — Генерального штаба полковник А.М. Шифнер-Маркевич. 9 (22) ноября бригада из-за включения в нее не только кубанских, но и терских полков была переименована в Кавказскую конную дивизию.

136

Генерального штаба генерал-лейтенант Антон Мейнгардович Шифнер-Маркевич родился в 1887 г. в дворянской семье. Окончил 3-й Московский Императора Александра II кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1907 г.), Императорскую Николаевскую военную академию (1913 г.). Участвовал в Первой мировой войне; в 1917 г. — подполковник, исполняющий должность начальника штаба 7-го армейского корпуса. 6 (19) сентября 1918 г. был назначен начальником штаба Кубанской Партизанской отдельной бригады, оставаясь в то же время начальником штаба командующего войсками Добровольческой армии, действующими в Баталпашинском и Пятигорском районах, полковника А.Г. Шкуро (штаб был расположен в г. Кисловодске). Со сформированием 15 (28) мая 1919 г. 3-го конного корпуса был допущен к временному исполнению должности начальника штаба корпуса, а 17 (30 мая) вступил во временное командование 1-й Кавказской казачьей дивизией. 8 (21) июня назначен начальником штаба 3-го конного корпуса; 24 июня (7 июля) за боевые отличия он был произведен в генерал-майоры. К марту 1920 г. он уже стал генерал-лейтенантом и начальником отряда в Группе войск сочинского направления (позднее — Кавказского побережья), в который входили части бывшего 1-го Кубанского корпуса (1-я Кубанская казачья дивизия, 1-я Партизанская и Терская казачьи бригады). 28 апреля (11 мая) 1920 г. был уволен со службы, но затем опять был принят и участвовал в десанте генерала С.Г. Улагая, командуя 2-й Кубанской казачьей дивизией. После неудачи десанта никаких командных должностей в Русской армии генерала П.Н. Врангеля не получил. По другим сведениям, был ранен в последних боях на Перекопе в октябре. Умер 8 (21) января 1921 г. в Галлиполи.

137

Трепетун Иона — есаул, кубанский казачий артиллерийский офицер. 9 (22) сентября 1918 г. был назначен командиром 2-й Кубанской казачьей конной батареи, сформированной 29 августа (11 сентября). 4 (17) апреля 1919 г. он получил новое назначение — на должность командира Кавказского казачьего конно-артиллерийского дивизиона.

138

1-й Кубанский Партизанский казачий конный полк был включен в состав Добрармии с 1 (14) сентября, а 2-й — с 8 (21) сентября 1918 г. (последний участвовал в боях у Ставрополя с 27 октября (9 ноября) по 2 (15) ноября и у селения Бешпагир с 10 (23) по 20 ноября (3 декабря)). В январе 1919 г. в сильно поредевший в боях малочисленный Партизанский полк Кавказской конной дивизии генерала Шкуро был влит Особый конный дивизион 1-й дивизии и составил вместе с ним 1-й Кубанский Партизанский казачий конный полк под командованием полковника Растягаева (командира бывшего «Марковского» дивизиона). История этого так называемого «Марковского» дивизиона весьма интересна. Еще во время 1-го Кубанского похода генерал И.Г. Эрдели из своей Отдельной конной бригады по просьбе генерала С.Л. Маркова выделил сотню кубанских казаков под командой есаула Растягаева. Она стала именоваться Отдельной конной сотней при 1-й Отдельной пехотной бригаде и по приказу Маркова нашила черные — «марковские» — погоны. К началу 2-го Кубанского похода (июнь 1918 г.) ее переименовали в Отдельную конную сотню 1-й дивизии. После занятия войсками Добрармии 3 (16) августа Екатеринодара она вместе с 1-м Офицерским генерала Маркова полком составляла гарнизон города и в начале того же месяца развернулась в дивизион (есаул Растягаев тогда был произведен в войсковые старшины). К 20 сентября (3 октября) дивизион, имевший уже 4 сотни, прикрывал завесой своих разъездов и постов линию фронта между станцией Старо-Михайловской и г. Армавиром. К 16 (29) ноября «Марковский» дивизион входил в конный отряд генерал-майора Колосовского из состава 1-го армейского корпуса. В начале января 1919 г. дивизион вышел из 1-й дивизии и влился в дивизию А. Г. Шкуро, но сохранил, для себя и всего 1-го Кубанского Партизанского полка в память о генерале Маркове черные погоны. В 1919 г. Главком ВСЮР приказал расформировать оба полка, но 18 сентября (1 октября) 1919 г. это распоряжение было приказано считать отмененным. В середине ноября (ст. ст.) «ввиду малочисленности полкового состава» 1-й и 2-й Кубанские Партизанские полки были сведены в Сводно-Партизанский конный полк под командованием полковника М. Соломахина, причем «отдельные функции по полкам отправляются только в хозяйственном отношении». В дивизии оказалось до 600 шашек. В начале 1920 г. при отступлении через Кубань на юг Сводно-Партизанский полк вновь

удалось развернуть в 1-й и 2-й Кубанские Партизанские полки. Во второй половине марта 1920 г. в состав Группы войск Сочинского направления (позднее — Кавказского побережья) входила 1-я Партизанская бригада под командованием генерал-майора Растягаева. 6(19) мая 1-й и 2-й Кубанские Партизанские казачьи конные полки 1-й Кавказской казачьей дивизии было приказано считать расформированными, однако из части личного состава обоих полков в Крыму был восстановлен Партизанский казачий полк, вошедший в Кубанскую казачью дивизию. 7 (20) июля полк был перечислен из этой дивизии в 1-ю Кубанскую казачью дивизию и вместе с ней участвовал в десанте генерала С.Г. Улагая на Кубань. 27 июля (9 августа) полк был награжден серебряными трубами и лентами ордена Святителя Николая Чудотворца. По возвращении из десанта обратно в Крым Партизанский казачий полк был переименован в 1-й Линейный, вошедший в переформированную 1-ю Кубанскую казачью дивизию.

139

Имеется в виду 1-й Хоперский Кубанского казачьего войска полк II формирования, вошедший впоследствии в Кубанскую Партизанскую отдельную бригаду, а затем в Кавказскую конную (1-ю Кавказскую казачью) дивизию.

140

Здесь речь идет о 2-м Хоперском Кубанского казачьего войска полке II формирования, входившем затем в Кубанскую Партизанскую отдельную бригаду (позднее — Кавказскую конную (1-ю Кавказскую казачью) дивизию). В середине ноября (ст. ст.) 1919 г. 1-й и 2-й Хоперские полки были сведены в Сводно-Хоперский полк под командованием полковника Ф.И. Елисеева (6-сотенного состава, в нем — до 16 пулеметов). 1-й дивизион составили казаки 1-го Хоперского (1-я, 2-я и 3-я сотни), 2-й — из казаков 2-го Хоперского (4-я, 5-я и 6-я сотни) полков. 6 (19) мая 1920 г. 1-й и 2-й Хоперские полки было приказано считать расформированными.

141

Здесь Шкуро пишет о 1-м и 2-м Черкесских конных полках II формирования, которые он начал организовывать около 8 (21) сентября 1918 г. из черкесов, проживавших в Области Кубанского казачьего войска. К 12 (25) сентября оба полка были сформированы. Необходимо отметить, что, кроме этих 2 полков, в состав Добрармии в то время входили 1-й и 2-й Черкесские конные полки I формирования; 1-й был создан во время 1-го Кубанского похода весной 1918 г

142

6 (19) июня 1918 г. Отдельная конная бригада генерала И.Г. Эрдели и конный отряд генерала В.Л. Покровского были переименованы в 1-ю конную дивизию под командованием Эрдели, причем отряд Покровского стал ее 2-й бригадой. В дивизию первоначально вошли 1-й Кубанский, 1-й Кавказский и 1-й Черноморский Кубанского казачьего войска полки и 1-й Черкесский конный полк; ей была придана часть конно-горной батареи 3-й дивизии полковника М.Г. Дроздовского. К 30 августа (12 сентября) в состав дивизии входили: Корниловский конный (укомплектованный казаками различных отделов Кубанского казачьего войска), 1-й Уманский и 1-й Запорожский (из казаков Ейского отдела), 1-й Екатеринодарский (из казаков Екатеринодарского отдела) и 1-й Линейный (казаки-лабинцы) Кубанского казачьего войска полки, 2-й Черкесский конный полк (пополняемый черкесами заречных аулов Лабинского отдела), 1-я и 2-я конно-горные и 3-я конная батареи и пластунский батальон. Затем в разное время состав дивизии изменялся, например, в нее входил Стрелковый (сформирован 22 сентября (5 октября) 1918 г.) полк и т. д. В конце 1918 — начале 1919 гг. она вошла в 1-й конный (позднее Кубанский) корпус, а после создания Кавказской армии и во время наступления ее на Царицын летом 1919 г. — в 4-й конный корпус генерала П.Н. Шатилова. На 22 января (4 февраля) 1920 г. дивизия находилась в составе Отдельного Добровольческого корпуса и включала: управление, 1-й Екатеринодарский, 1-й Линейный, 1-й Уманский и 1-й Запорожский Кубанского казачьего войска полки, Добровольческий конный полк, 1-й конно-артиллерийский дивизион (управление, 1-я конно-гаубичная, 3-я и 4-я конные батареи), артиллерийский транспорт; передовой перевязочный отряд и дивизионный ветеринарный лазарет. 6 (19) мая дивизию в составе управления, 1-го Линейного, 1-го Екатеринодарского, 1-го Уманского и 1-го Запорожского полков приказано было считать расформированной.

143

Шкуро ошибается — имеется в виду штабс-ротмистр Заурбек Асланбекович Даутоков-Серебряков, состоявший в распоряжении правителя Кабарды. Родом кабардинец, православный, уроженец станицы Луковской Терского казачьего войска. В 1911 г. окончил Оренбургское казачье училище. В Первой мировой войне служил в 1-м Сунженско-Владикавказском полку Терского казачьего войска, затем — ротмистр в Кавказской Туземной конной дивизии. Произведен за боевые отличия с 6 (19) ноября 1918 г. в ротмистры, а 27 января (9 февраля) 1919 г. — в полковники. Затем он был назначен командиром 2-й бригады Кабардинской конной дивизии и произведен в генерал-майоры. Убит в бою 27 августа (9 сентября) 1919 г.

144

Карачаевский конный полк был сформирован к 12 (25) сентября 1918 г., и 7 (20) декабря последовал приказ о включении его с 19 ноября (2 декабря) в состав Добрармии; он вошел во 2-ю бригаду Черкесской конной дивизии. 11 (24) декабря командиром его был назначен полковник Мурза-Кула Крым-Шамхалов (затем он получил другую должность, но 18 июня (1 июля) 1919 г. вновь стал командиром того же полка). 3 (16) сентября 1919 г. Карачаевский конный полк, будучи уже в составе Ингушской конной бригады, вошел вместе с ней 1-й бригадой в Сводно-Горскую конную дивизию. 6 (19) мая 1920 г. ее в составе управления, Карачаевского, 3-го Осетинского, 1-го и 2-го Ингушских, 1-го и 2-го Дагестанских конных полков было приказано считать. расформированной.

145

Точнее, 1-й Волгский Терского казачьего войска полк (II формирования). Он был создан из восставших терских казаков и вместе со 2-м Волгским полком вошел в сентябре 1918 г. в Волжскую бригаду под командованием полковника Скобельцына, которая была включена в Кавказскую конную дивизию А.Г. Шкуро.

146

Правильнее — 2-й Волгский Терского казачьего войска полк (II формирования); он был организован и действовал вместе с 1-м Волгским полком.

147

Возможно, Шкуро непреднамеренно исказил фамилию, так как еще с конца 1915 г. войсковой старшина Беломестнов упоминался как командир Ставропольского казачьего полка в Персии.

148

Как только белые войска в 1918 г. занимали какой-либо населенный пункт, они сразу же объявляли набор добровольцев. Как правило, в местностях, освобожденных от большевиков, русское офицерство с готовностью вступало в те части или соединения, которые занимали данную территорию. Офицеры либо вливались в них, либо выделялись во вновь созданные подразделения (роты, батальоны) или части (полки). Примером последнего служит организация А.Г. Шкуро в г. Кисловодске «местного» офицерского батальона, к середине сентября 1918 г. развернутого в 1-й Офицерский Кисловодский полк.

149

Речь идет о генерал-майоре Мистулове Эльмурзе Асланбековиче. В чине есаула 1-го Волгского полка Терского казачьего войска участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг. и награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (25 февраля 1907 г.). Он также принимал участие и в Первой мировой войне. Он родился 16 сентября 1869 г. в станице Черноярской Терского казачьего войска, по национальности — осетин. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1890 г.). Участник военной экспедиции в Китай (1900–1901 гг.). Полковник, в 1914 г. — командир 2-го Сунженско-Владикавказского полка Терского казачьего войска, в 1916 г. — 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка Терского казачьего войска. 5 мая 1917 г. произведен в генерал-майоры, командир бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии на Западном фронте, затем в Персии — Отдельной Кубанской казачьей бригады. В 1918 г. он был избран восставшими против советской власти терскими казаками командующим войсками. Застрелился 30 октября (13 ноября) 1918 г.

150

Генерал-лейтенант Казанович Борис Ильич (1871–1943 гг.) из дворян, окончил Могилевскую классическую гимназию, военно-училищные курсы при Московском пехотном юнкерском училище и Николаевскую академию Генштаба. Участвовал в русско-японской войне, в 1905 г. состоял в распоряжении командующего войсками Приамурского военного округа. В 1909 г. произведен в полковники.

В 1912–1916 гг. — начальник штаба 11-й и 31-й пехотных, 6-й Сибирской стрелковой дивизий, генерал-майор. Участвовав в Первой мировой войне. В конце 1917 г. вступил в Добровольческую армию; со второй половины марта 1918 г. — командир Партизанского пешего казачьего полка. В мае 1918 г. был командирован в Москву в Национальный центр за финансовой помощью армии. С июня 1918 г. — начальник 1-й дивизии, затем — командир 1-го армейского корпуса, командующий войсками Закаспийской области, генерал-лейтенант. 13 (26) мая 1920 г. приказом главкома Русской армии генерала П.Н. Врангеля был зачислен в резерв чинов при Военном управлении. В августе 1920 г. командовал Сводной дивизией, входившей в состав десанта из Крыма на Кубань. В ноябре 1920 г. эмигрировал. В годы Второй мировой вступил в ряды Русского корпуса в Югославии. Скончался 2 июня 1943 г.

151

4 (17) августа 1918 г. в терской станице Архонской был сформирован Добровольческий отряд Терского края, подчинявшийся командованию Терского казачьего войска. В его состав вошли участники Владикавказского восстания — более 200 офицеров всех родов войск и добровольцы из учащейся молодежи — студенты, кадеты, гимназисты. Командовал отрядом, первоначально состоявшим из 3 пеших сотен (вскоре были сформированы 4-я сотня, пулеметная и подрывная команды), полковник Б,Н. Литвинов (1872 — после 1945 гг.). Затем в станице Прохладной был создан сперва артиллерийский взвод, а потом — Добровольческая батарея Терского края (вооружение — орудия бывшей 4-й Терской пластунской батареи). После неудачных боев в конце ноября командование отряда решило пробиваться в Область Кубанского казачьего войска на соединение с Добровольческой армией. Кроме Добровольческого отряда, из г. Нальчика на Кубань 31 октября (13 ноября) выступили: 2 Кабардинских полка с 2 орудиями, отряд полковника Агоева (6 конных казачьих сотен при 3 орудиях), партизаны полковника Кибирова (до 200 человек с 2 орудиями) и артиллерийский взвод Черноярской станицы — всего более 1,5 тысячи человек (из них 3/4 — конные), 11 орудий и до 15 пулеметов. Общее командование над объединенным отрядом принял представитель Добрармии на Тереке генерал-майор Левшин. 12 (25) ноября после очень тяжелого перехода через горы отряд прибыл в станицу Баталпашинскую. Приказом по Добрармии за № 286 от 15 (28) ноября 1918 г. 1-й Офицерский отряд Терского края полковника Литвинова, прибывший в Добрармию, был переименован в Терский офицерский полк, а батарея, бывшая в отряде Литвинова, стала Кавказской отдельной батареей; обе части были включены в состав Добрармии с 1 (14) ноября того же года.

152

9 (22) ноября 1918 г. Кубанская Партизанская отдельная бригада полковника Шкуро была переименована в Кавказскую конную дивизию. 15 (28) ноября в состав дивизии были включены сформированные 1-й и 2-й Кубанские Партизанские казачьи конные, 1-й и 2-й Волгские и 1-й Терский Терского казачьего войска полки. 8 (21) декабря в дивизию также вошел Кавказский казачий конно-артиллерийский дивизион (2-я Кубанская казачья конная и Терская казачья конно-горная батареи). 9 (22) ноября дивизия стала именоваться 1-й Кавказской казачьей. В конце 1918 г. дивизия вошла в 3-й армейский корпус генерала В.П. Ляхова. В начале 1919 г. дивизию перебросили в Донбасс, и 15 (28) мая она была включена в состав 3-го конного корпуса Добрармии. К1 (14) июня в состав дивизии входили: штаб, дивизионный лазарет, санитарные летучки Хоперской и Партизанской бригад, артиллерийский дивизионный парк, 1-й и 2-й Хоперские Кубанского казачьего войска и 1-й и 2-й Кубанские Партизанские казачьи конные полки, Волчья сотня, Кавказский казачий конно-артиллерийский дивизион (2-я и 8-я Кубанские казачьи конные батареи) и Стрелковый полк дивизии. В дальнейшем состав дивизии менялся. 6 (19) мая 1920 г. последовал приказ о том, чтобы считать расформированной дивизию в составе 1-го и 2-го Кубанских Партизанских и 1-го и 2 гГО Хоперских полков.

153

По-видимому, Шкуро имеет в виду Кавказскую Туземную (конную) дивизию, сформированную им в Баталпашинском и Пятигорском районах к 25 сентября (8 октября) 1918 г. В нее вошли 2-й и 3-й Черкесские, 1-й и 2-й Кабардинские, Карачаевский конные полки и Осетинский конный дивизион.

К сожалению, точное название этой пластунской бригады установить не удалось.

155

Генерального штаба генерал-майор Юрий Николаевич Плющевский-Плющик родился в 1877 г. Окончил Александровский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генштаба. Участвовал в Первой мировой войне. В марте-июне 1917 г. в чине полковника исполнял должность 2-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего, затем был утвержден в ней. 27 ноября (10 декабря) 1918 г. был назначен генерал-квартирмейстером штаба Добровольческой армии. На этой должности оставался до поздней осени 1919 г. 28 октября (10 ноября) 1919 г. приказом Главкома ВСЮР ему было разрешено принять и носить пожалованный ему королем Англии орден «кавалера наиболее выдающегося ордена Св. Михаила и Св. Георгия». После поражения ВСЮР эмигрировал за границу. Умер в Париже в 1926 г.

156

Сальников — Генерального штаба полковник, к концу 1918 г. являлся исполняющим должность генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего Добровольческой армии. 27 ноября (10 декабря) его назначили командиром 1-го Офицерского генерала Макарова полка.

157

Шкуро имеет в виду 1-ю Кубанскую казачью дивизию и Кубанскую отдельную пластунскую бригаду генерала А.А. Геймана (11 (24) ноября она стала 2-й Кубанской пластунской отдельной бригадой и в ее состав вошли 2-й 4-й, 8-й и 9-й Кубанские пластунские батальоны и 2-я Кубанская казачья пластунская батарея (4 орудия)), входившие в отряд генерала В.Л. Покровского.

158

Гейман Александр Александрович — кубанский казак, родился 26 августа 1866 г. в станице Геймановской. Окончил Тифлисский кадетский корпус и 3-е Александровское военное училище (1885 г.), Офицерскую стрелковую школу (1912 г.). После производства в чин хорунжего всю свою дальнейшую службу провел в рядах кубанских пластунов. В годы Первой мировой войны — полковник, командовал 14-м, 8-м и 2-м Ее Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны Кубанскими пластунскими батальонами; в 1916 г. — генерал-майор, в 1917 г. — начальник 3-й Кубанской пластунской бригады. В 1918 г. на одном из хуторов под Майкопом образовал антисоветскую повстанческую организацию и затем во главе кубанских казаков занял г. Майкоп. 15 (28) ноября был назначен начальником 2-й Кубанской пластунской отдельной бригады (в 1919 г. в ее состав входили: управление бригады, 2-й, 4-й, 8-й и 9-й Кубанские пластунские батальоны и 2-й Кубанский казачий пластунский артиллерийский дивизион; бригада считалась расформированной с 6 (19) мая 1920 г., а 30 ноября (13 декабря) 1918 г. «за боевые заслуги по освобождению края от большевизма» произведен в генерал-лейтенанты. Был одним из немногих на Кубани старших казачьих генералов, поддерживавших борьбу Кубанской Рады с генералом Деникиным за создание отдельной Кубанской армии. С 1920 г. — в эмиграции, много и долго печатался в различных эмигрантских казачьих журналах. В 1939 г., находясь в крайней нужде, умер от астмы в сербском доме престарелых в г. Великая Кикинда (Югославия).

159

Здесь идет речь о сформированной А.Г. Шкуро к 25 сентября (8 октября) 1918 г. Кавказской Туземной (конной) дивизии.

160

Генерал-майор Борис Георгиевич (Егорович) Гартман (1878–1950 гг.) с 7 (20) декабря 1918 г. был зачислен в резерв чинов штаба Добровольческой армии. В 1919 г. назначен представителем ВСЮР в Великобритании.

161

«Дроздовцы» — наименование рядовых и офицеров различных воинских частей, получивших именное шефство генерал-майора М.Г. Дроздовского. В конце 1917 г. на Румынском фронте началось формирование трех Отдельных бригад русских добровольцев для борьбы с большевиками; 1-й бригадой командовал Генерального штаба полковник М.Г. Дроздовский. В феврале 1918 г. последовал приказ о расформировании этих частей, но Дроздовский не подчинился ему и 26 февраля (11 марта) во главе своей бригады с присоединившимися к нему некоторыми другими мелкими частями выступил из Ясс на Дон на соединение с Добровольческой армией. Отряд полковника Дроздовского состоял из частей всех родов войск (кроме авиации) и насчитывал 667 офицеров, 370 солдат, 14 врачей, священников и чиновников и 12 сестер милосердия. После 61-дневного похода, пройдя 1200 верст, отряд Дроздовского прибыл на Дон и в 20-х числах апреля (начале мая) активно участвовал в боях за Ростов-на-Дону и Новочеркасск. 27 мая (9 июня) в станице Мечетинской дроздовцы соединились с Добровольческой армией и стали ее 3-й дивизией под командованием полковника Дроздовского. Дивизия приняла участие во 2-м Кубанском походе и в боях за Ставрополь и Армавир осенью 1918 г., где был смертельно ранен генерал-майор М.Г. Дроздовский. 2-й Офицерский стрелковый полк, бывший с самого начала ядром отряда Дроздовского и 3-й дивизии, переброшенной в декабре 1918 г. в Донбасс, 4 (17) января 1919 г. приказом Главнокомандующего ВСЮР был переименован во 2-й Офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк. 10 (23) октября 2-й конный полк, развернутый в 1918 г. из Конного дивизиона ротмистра Гаевского, входившего в отряд Дроздовского, также был переименован во 2-й конный генерала Дроздовского полк (в Галлиполи — Дроздовский конный дивизион). После завершения операции на Донбассе, выхода на Украину и занятия Харькова в июле 2-й Офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк развернулся на походе в Офицерскую стрелковую генерала Дроздовского бригаду из 2-го и 4-го полков. 25 августа (7 сентября) последовало переименование 2-го полка в 1-й, а 4-го во 2-й Офицерские стрелковые генерала Дроздовского полки; в конце сентября в Харькове был сформирован 3-й Офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк и 14 (27) октября 3-я пехотная дивизия была переименована в Офицерскую стрелковую генерала Дроздовского дивизию, участвовавшую во всех

операциях Добровольческой армии осенью 1919 — зимой 1920 гг. вплоть до эвакуации из Новороссийска в Крым в марте 1920 г. Кроме того, осенью 1919 г. части 3-й артиллерийской бригады были преобразованы в Офицерскую стрелковую генерала Дроздовского артиллерийскую бригаду, сведенную в Галлиполи в одноименный дивизион. Приказом Врангеля 28 апреля (11 мая) 1920 г. дивизия была преобразована в Стрелковую генерала Дроздовского дивизию (или просто Дроздовскую), а ее 3 полка официально стали называться 1-м, 2-м и 3-м стрелковыми генерала Дроздовского (Дроздовскими); в октябре Запасный батальон Дроздовской дивизии был переформирован в 4-й стрелковый генерала Дроздовского полк. Дивизия участвовала в боях в Северной Таврии и на Перекопе. После эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г. в лагере Галлиполи вся дроздовская пехота была сведена в Сводно-стрелковый генерала Дроздовского полк, переименованный затем во 2-й Офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк. В августе 1921 г. дроздовцы были переведены в Болгарию, а в 1922 г. прекратили свое существование в качестве отдельных воинских частей.

162

Генерального штаба полковник Сербии Юрий Владимирович — из дворян Волынской губернии, родился в 1888 г. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, в 1908 г. — Константиновское артиллерийское училище. Выпущен в 23-ю конную батарею, откуда был переведен в конно-горный артиллерийский дивизион Кавказской кавалерийской дивизии, с которым и начал Первую мировую войну, В 1916 г. окончил ускоренный курс Академии Генштаба, капитан, получил назначение исполняющим должность начальника штаба в 5-ю Кубанскую казачью дивизию. Награжден все ми боевыми орденами до ордена Св. Владимира 4-й ст. и Георгиевским оружием. Участник 1-го Кубанского похода Добрармии. 6 (19) сентября 1918 г. был назначен начальником штаба 1-й Кубанской казачьей дивизии. В ноябре 1919 г. — генерал для поручений при командующем Кавказской армией. В войсках генерала Врангеля был начальником штаба кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Н.Г. Бабиева. В эмиграции являлся сотрудником журнала Русского Общевоинского Союза (РОВС) «Часовой».

В годы Второй мировой войны служил в Русском корпусе, после 1945 г. — в Аргентине. Умер 10 марта 1964 г. в г. Буэнос-Айрес (Аргентина).

163

15 (28) ноября 1918 г. Главком Добрармии генерал А.И. Деникин приказал сформировать управление 3-го армейского корпуса и назначил его командиром генерал-лейтенанта В.П. Ляхова. В состав корпуса вошли: 1-я (полковника Я.А. Слащова) и 2-я (генерал-майора А.А. Геймана) Кубанские пластунские отдельные бригады, Черкесская конная дивизия генерал-майора Султана Шахим-Гирея, Добровольческий отрад Терского края и Баталпашинское ополчение (из кубанских казаков). Чуть позже корпусу была придана 1-я Кавказская казачья дивизия полковника (затем генерал-майора) А.Г. Шкуро, и общая численность корпуса стала равняться приблизительно 10 тысячам штыков и сабель; в нем насчитывалось 30 орудий, и его действия поддерживались 4 бронепоездами. Во время операции по овладению Северным Кавказом он составлял крайний правый фланг Добрармии и действовал в направлении на Минеральные Воды. 10 (23) января 1919 г. было приказано расформировать управление 3-го армейского корпуса (т. е. фактически сам корпус), а вместо него сформировать управление Главноначальствующего и командующего войсками Терско-Дагестанского края.

Генерального штаба генерал-лейтенант Владимир Платонович Ляхов родился 20 сентября 1869 г., окончил 1-й Московский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище, Академию Генштаба. Служил в Лейб-гвардии Измайловском полку, полковник. С 10 сентября 1906 г. по 12 июля 1907 г. — командир персидской Казачьей Его Величества Шаха бригады. С 13 мая 1912 г. по 12 января 1915 г. — начальник Войскового штаба Кубанского казачьего войска. Он участвовал в Первой мировой войне. В 1916 г. — генерал-лейтенант, кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст., награжден Георгиевским оружием. С 12 марта 1917 г. — командир 1-го Кавказского армейского корпуса. С 1918 г. участвовал в Белом движении на юге России. 15 (28) ноября 1918 г. Ляхов, как состоящий в резерве чинов при штабе Главнокомандующего Добровольческой армии, получил назначение командиром 3-го армейского корпуса, а 10 (23) января 1919 г. он был назначен Главноначальствующим и командующим войсками Терско-Дагестанского края. 16 (29) апреля он был зачислен в резерв чинов при штабе Главкома ВСЮР. 30 апреля (13 мая) 1920 г. был убит в Батуме{48}.

165

Генерального штаба генерал-майор Вячеслав Григорьевич Науменко родился 25 февраля 1883 г. в станице Петровской Кубанского казачьего войска. В 1901 г. окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища в 1903 г. Вышел хорунжим в 1-й Полтавский кошевого атамана Сидора Белого Кубанского казачьего войска полк. В апреле 1914 г. окончил Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду с причислением к Генштабу. В годы Первой мировой войны занимал должности по Генштабу вплоть до начальника штаба дивизии. Награжден Георгиевским оружием, 2 апреля 1917 г. произведен в подполковники. 28 ноября (11 декабря) 1917 г. был назначен начальником полевого штаба командующего войсками Кубанской области (до 18 (31) марта 1918 г.). 14 (27) марта 1918 г. произведен в полковники. После соединения с Добровольческой армией Науменко был начальником штаба конного отряда генерала В.Л. Покровского, к концу 1-го Кубанского похода развернувшегося в двухполковую Кубанскую конную бригаду. 27 июня (10 июля) назначен командиром 1-го Кубанского (конного) полка, впоследствии переименованного в Корниловский конный Кубанского казачьего войска полк. 12 (25) августа Науменко — командир 1-й бригады 1-й Конной дивизии, а с 19 ноября (2 декабря) — ее начальник. 8 (21) декабря за боевые отличия он был произведен в генерал-майоры 18 (31) декабря назначен членом Кубанского Краевого правительства. 25 января (7 февраля) 1919 г. он был зачислен по Генеральному штабу, а 1 (14) февраля стал еще и Кубанским Походным атаманом. 30 сентября (13 октября) он был зачислен в резерв чинов при штабе Главкома ВСЮР с назначением в распоряжение Кубанского Войскового атамана. 11 (24) октября 1919 г. Науменко назначен командиром 2-го Кубанского (конного) корпуса, а 25 апреля (8 мая) 1920 г. его зачислили в резерв чинов при Военном управлении ВСЮР. Затем он был назначен в распоряжение командующего Группой войск особого назначения генерал-лейтенанта С.Г. Улагая, предназначенной для десанта на Кубань, и он с 27 июля (9 августа) по 24 августа (6 сентября) участвовал в этой операции. 9 (22) сентября Врангель назначил Науменко начальником 1-й кавалерийской дивизии. 1 (14) октября после смертельного ранения в Заднепровской операции командующего конной группой генерала Бабиева Науменко вступил в командование ею. 3(16) октября из-за ранения сдал командование

дивизией и группой и был эвакуирован в Крым, откуда в первых числах ноября 1920 г. в составе Кубанского казачьего войска покинул Россию. На острове Лемнос, куда были перевезены кубанцы, был единогласно избран Кубанским Войсковым атаманом и пробыл в этой должности до 1958 г. Во время Второй мировой войны — временно исполняющий должность начальника Главного управления казачьих войск. После войны Науменко оказался в Нью-Йорке, где принял активное участие в создании богатого экспонатами музея Кубанского казачьего войска. Кубанские казаки за рубежом избрали Науменко почетным стариком и пожизненным хранителем музея. Он умер в Нью-Йорке 30 октября 1979 г.

166

См. воспоминания Войскового атамана Кубанского казачьего войска генерал-лейтенанта А.П. Филимонова.

167

В 1-ю Кубанскую казачью дивизию, развернутую к сентябрю 1918 г. из 1-й Кубанской казачьей бригады, входили 2-й и 3-й Сводные Кубанские Кубанского казачьего войска полки. Неясно, который из них имеет в виду А.Г. Шкуро. 15 (28) ноября 1919 г. оба этих полка были сведены в один — Сводный Кубанский Кубанского казачьего войска полк, включенный в состав 1-й Кубанской казачьей дивизии.

Приказом по войскам Добровольческой армии, действующим в Баталпашинском и Пятигорском районах, за № 33 от 15 (28) октября 1918 г. полковник Шкуро в станице Баталпашинской приказал сформировать партизанскую сотню из казаков-добровольцев всех частей его войск и причислить ее к 1-му Кубанскому Партизанскому конному полку «со специальным назначением для исполнения боевых задач» по его приказанию. Сотне приказано именоваться Волчьей. Ее формирование было возложено на старшего адъютанта Шкуро сотника Г. И. Колкова. При сформировании сотни большинство казаков были из Зеленчукской и Сторожевой станиц; казаки этих станиц служили также во 2-м Кубанском Партизанском конном полку. 3 (16) марта 1919 г. есаул Колков подал генералу Шкуро рапорт о целесообразности перевода казаков этих станиц в Волчью сотню по их собственному желанию (для того, чтобы служить вместе со своими станичниками и родственниками) «в целях создания боевой мощности сотни». Однако Шкуро отказал в этом до окончания операции в Донбассе. Волчья сотня всегда сопровождала Шкуро и являлась как бы его личной охраной. 15 (28) мая было приказано Волчью сотню 1-го Кубанского Партизанского полка выделить из состава полка и развернуть в самостоятельный дивизион (при штабе 3-го конного корпуса) 3-сотенного состава с 2 орудиями и 10 пулеметами и наименовать его Волчьим генерала Шкуро дивизионом. Командир Волчьей сотни есаул Колков был назначен командиром дивизиона. 1-я и 2-я сотни считались сформированными с 15 (28) мая. В июне дивизион уже был создан, к 1 (14) июля насчитывал 360 шашек и участвовал в боях. 25 июля (7 августа) командующий Западным фронтом генерал Шкуро приказал дивизиону отбыть на станцию Невинномысскую для дальнейшего формирования, и на следующий день дивизион уехал. Затем дивизион снова принял участие в боях в составе войск 3-го конного корпуса. К началу октября (ст. ст.) в дивизионе имелась пулеметная команда (начальник ее — есаул Михайлов). После отступления в 1920 г. за р. Кубань и отхода вдоль Черноморского побережья к Сочи Волчий полк, к тому времени переформированный из дивизиона, входил в состав 1-й Партизанской бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии и насчитывал в своих рядах на 31 марта (13 апреля) 34 офицера, 320 шашек и 11 пулеметов. Его сумели эвакуировать в Крым вместе с остатками бывшей Кубанской армии, и здесь он вошел в состав Кубанской казачьей дивизии. 27

июля (9 августа) «в воздаяние воинской доблести, отменного мужества и беззаветного самоотвержения, проявленных в боях за освобождение Родины от врагов ее», Волчий казачий полк был награжден серебряными трубами с лентами ордена Святителя Николая Чудотворца. К 7 (20) июля Волчий казачий полк вошел в состав 2-й Кубанской казачьей дивизии Группы войск особого назначения, предназначенной для десанта на Кубань. В боях на Кубани полк понес большие потери, но тем не менее сумел сохранить свои основные кадры и по возвращении в Крым к 4 (17) сентября был переименован в 1-й Лабинский казачий полк и вошел в 1-ю Кубанскую казачью дивизию Конного корпуса 1-й армии. После эвакуации остатки полка были влиты в кубанские конные части 1-й Кубанской конной дивизии Кубанского корпуса, в 1920–1921 гг. расположенного в лагере Калоераки.

169

Шкуро имеет в виду гибель в бою под Белой Глиной 9 (22) февраля 1920 г. штаба 1-го Кубанского корпуса Кубанской армии во главе с командиром корпуса генерал-лейтенантом Крыжановским. В январе 1919 г. Крыжановский, тогда еще в чине генерал-майора, временно командовал 1-й Конной дивизией, бригадой 1-й Кубанской казачьей дивизии, а затем стал начальником последней.

170

Генерального штаба генерал от кавалерии Драгомиров Абрам Михайлович родился в 1868 г. В 1893 г. окончил Академию Генерального штаба. С 1912 г. — начальник 2-й отдельной кавалерийской бригады, с декабря 1914 г. — начальник 16-й кавалерийской дивизии. К началу 1915 г. произведен в генерал-лейтенанты, с 6 апреля — командир 9-го армейского корпуса (к этому времени он уже был награжден орденом Св. Георгия 4-й и 3-й степеней). С 29 апреля по 1 июня 1917 г. — Главнокомандующий армиями Северного фронта. В 1918 г. находясь на территории, занятой белыми войсками, сперва занимал должность помощника Главнокомандующего Добровольческой армией, а с 3 (16) октября стал совмещать ее с должностью председателя Особого Совещания (т. е. правительства) при Главкоме. 11 (24) сентября 1919 г. был назначен Главноначальствующим и командующим войсками Киевской области и вступил в должность 17 (30) сентября. Затем 8 (21) марта 1920 г. от Главкома ВСЮР генерала А.И. Деникина получил назначение полноправным заместителем председателя комиссии по эвакуации Новороссийска временно исполняющего должность Военного министра генерал-лейтенанта В.Е. Вязьмитинова (на случай его болезни или отсутствия). В Крыму 28 апреля (11 мая) П.Н. Врангелем был назначен членом суда над генерал-лейтенантами В.И. Сидориным и А.К. Келчевским. С 19 сентября (2 октября) — председатель Кавалерской думы ордена Святителя Николая Чудотворца. Скончался 9 декабря 1955 г. в Ганьи под Парижем.

171

В Российской Империи периода до 1917 г. генералы, офицеры, унтер-офицеры и рядовые различных видов полиции — городской (в том числе и конной), дворцовой и Санкт-Петербургской (Петроградской), речной — имели красные канты, выпушки и просветы на фуражках, мундирах и погонах, но, кроме этого, на правом плече они носили аксельбанты: офицеры — серебряные, унтер-офицеры и рядовые — красные; последние, кроме того, при повседневной форме на гимнастерках имели красные погоны. На форме одежды ординарческих эскадронов, сформированных в годы Гражданской войны в различных объединениях ВСЮР и выполнявших те же функции, что и полевые жандармские эскадроны в войсках в годы Первой мировой войны, в качестве отличия от обмундирования других частей в основном носились серебряные погоны с голубыми выпушками и просветами (у офицеров) и белые погоны с голубой выпушкой (у остальных чинов); фуражка для всех — с голубой тульей и белым околышем с белой по тулье и голубыми по околышу выпушками. Кроме того, для поддержания внутреннего порядка генералом А.И. Деникиным была создана Государственная стража — городская, сельская и железнодорожная, которая носила армейскую форму одежды, но с национальным бело-сине-красным «треугольником» на тулье фуражки и нарукавной повязкой таких же цветов. Собственно же жандармерия никакими министерствами и отделами внутренних дел различных правительств на юге Росси, по-видимому, не восстанавливалась. Однако на Дону приказом управляющего Отделом внутренних дел Янова за № 9 от 21 мая (3 июня) 1918 г. была установлена форма одежды чинов Донской милиции — общеказачья, с углом донских цветов (сверху вниз: сине-желто-красного) острием вниз на правом рукаве, имеющим в развороте угла номер участка (с 1 по 250), у старшего милиционера вместо номера буквы «Ст. М.»; погоны — синие, без канта, с красным трафаретом по первым буквам названия города или округа и буквы «М.», например: «Ч.М.» — Черкасская окружная милиция.

172

Речь идет о Новочеркасском казачьем военном училище. Оно было создано в г. Новочеркасске в 1869 г. под названием Новочеркасского урядничьего училища. С 1871 г. — Новочеркасское казачье юнкерское, а с 1910 г. — Новочеркасское казачье военное училище. В конце 1917 г. одна сотня юнкеров училища вместе с небольшим отрядом добровольцев разоружила на Хотунке (под Новочеркасском) несколько тысяч вооруженных солдат запасных полков. Его чины охраняли в Новочеркасске Войскового атамана генерала от кавалерии А.М. Каледина. Оно в полном составе (вместе с представителями его учебной части) в конце 1917 — начале 1918 гг. участвовало в боях под Ростовом на участке Зверево — Гуково. В училище первые добровольцы подразделений Алексеевской военной организации (позднее — Добровольческой армии) получали обмундирование, снаряжение и вооружение. В феврале 1918 г. училище особым отрядом выступило в Степной поход. По возвращении в Новочеркасск оно возобновило свою деятельность — 4 (17) мая Войсковой атаман генерал П.Н. Краснов приказал открыть его в срочном порядке, т. к. зарождавшаяся Донская армия нуждалась в своих донских офицерах. Его начальником был назначен полковник (затем — генерал-майор) А.И. Семенченков, и оно стало иметь конный, пластунский, инженерный и артиллерийский отделы; штат училища — 270 юнкеров. Впоследствии училище было переименовано в Атаманское военное училище и приняло активное участие в боях в Северной Таврии и Крыму в 1920 г.

173

У Шкуро имеется в виду Лейб-гвардии Казачий и Атаманский полки и 6-я Донская батарея, переименованные 4(17) сентября 1918 г. из 1-го и 2-го Донских казачьих полков и 6-й Донской казачьей батареи.

174

После Брестского мира к лету 1918 г. старшие офицеры Лейб-гвардии Финляндского полка во главе с его командиром полковником А.Н. Моллером 1-м собрались на Дону и с разрешения Войскового атамана П.Н. Краснова под Новочеркасском начали вновь создавать свой полк. Ядро (кадр) полка составляли кадровые и военного времени офицеры полка, а также подпрапорщики, унтер-офицеры и рядовые, сумевшие пробраться на Дон. Основной состав чинов полка — мобилизованные. 13 (26) июня полк под названием 4-го Донского стрелкового полка был возрожден. Сперва полком командовал полковник Моллер 1-й, а с 26 августа (8 сентября) — полковник Д.П. Енько 1-й. Ко дню полкового праздника — 12 (25) декабря того же года — в полк вернулось Георгиевское знамя. Осенью 1918 г. полк участвовал в боях под Воронежем, в марте — мае 1919 г. — под станицей Великокняжеской, понеся при этом большие потери. Летом 1919 г. полк стоял под Новочеркасском, заново формируясь и пополняясь добровольцами и мобилизованными. С осени 1919 г. до февраля 1920 г. полк вновь участвовал в боях. Затем полк был перевезен в Крым. Принимал участие в боевых действиях Русской армии генерала П.Н. Врангеля в составе Сводно-Гвардейского полка (отряда). Оставшиеся в живых финляндцы эвакуировались в Галлиполи.

175

Савицкий Вячеслав Дмитриевич родился 7 марта 1880 г. в Екатеринодаре. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус и поступил в Санкт-Петербургский технологический институт, но через год ушел оттуда и поступил в Николаевское кавалерийское училище (1903 г.). После окончания был выпущен в Кубанский дивизион, расквартированный в г. Варшаве, затем принят в Собственный Его Императорского Величества Конвой, в котором служил до отречения Императора Николая II на должности командира сотни в чине есаула. После переформирования Конвоя выступил на фронт вместе с Кубанским гвардейским дивизионом. Савицкий вскоре был избран казаками в члены Кубанской Рады, заседавшей в г. Екатеринодаре. После занятия города красными в 1918 г. он, как член Кубанского Краевого правительства по военным делам, вместе с отрядом В.Л. Покровского выступил на соединение с частями Добровольческой армии генерала Корнилова. 12 (25) марта его произвели в полковники, а 30 ноября (13 декабря) — в генерал-майоры. В начале 1919 г. он был отправлен в командировку во Францию — членом делегации на Парижскую мирную конференцию, где и оставался в первые годы эмиграции. 2 декабря 1919 г. был исключен из рядов Кубанского казачьего войска. В 1923 г. он вместе с кубанскими казаками-джигитами уехал в США, где обосновался в Голливуде и много лет работал в различных кинематографических студиях, играя небольшие характерные роли — в основном в фильмах из русской жизни. Умер там же 12 февраля в 1963 г.

176

Генерал-майор Султан Келеч-Гирей — князь, крупный землевладелец и собственник. Родился в ауле Уяла, Окончил кадетский корпус и Елисаветградское кавалерийское училище. Участник подавления революции 1905 г. В годы Первой мировой войны служил в Кавказской Туземной конной дивизии. Летом 1917 г. — полковник, участник корниловского выступления. В начале 1918 г. на Кубани — командир сформированного Черкесского конного полка. 12 (25) марта по представлению командующего войсками Кубанского края за боевые отличия был произведен в генерал-майоры. К осени его назначили командиром 2-й бригады 1-й Конной дивизии, а 8 (21) декабря — начальником Черкесской конной дивизии. В 1920 г. после поражения и эвакуации ВСЮР в Крым Келеч-Гирей вместе с остатками своей дивизии перешел с разрешения грузинского правительства границу Грузинской Демократической республики, где и был интернирован. Затем он уехал в Крым, откуда по приказу генерала Врангеля отправился в Карачаевскую область Северного Кавказа, организовал несколько бело-зеленых отрядов, но в боях с частями Красной армии потерпел поражение и вновь бежал в Грузию. Весной 1921 г., после начала наступления красных на Грузию, уехал за границу. В эмиграции он возглавил националистическую Народную партию горцев Северного Кавказа (создана внуком Шамиля, боровшегося с Россией в период Кавказской войны XIX в., — Шамилем Саидом), ставившую целью отторжение Северного Кавказа от СССР и создание там Северо-Кавказской республики. Келеч-Гирей являлся членом ЦК этой партии, входил в состав Комитета независимости Кавказа, состоявшего из руководителей грузинских, армянских, азербайджанских и горских националистов и засылавшего в СССР свою агентуру, пытавшуюся подготовить антисоветские восстания. Этот Комитет также организовывал митинги против СССР, направлял различные меморандумы и особые делегации в Лигу Наций, занимался активной антисоветский деятельностью. В 1941 г. Келеч-Гирей установил связь со спецслужбами национал-социалистской Германии и приехал в Берлин по вызову СД (служба безопасности). Он вместе с другими кавказскими и закавказскими националистами организовал ряд «Национальных комитетов», главной задачей которых являлась всесторонняя помощь германской армии при захвате Кавказа и Закавказья. В 1942 г СД направила на Северный Кавказ специальную комиссию под председательством Келеч-Гирея для содействия германским

оккупационным частям в создании местной администрации и организации борьбы с партизанским движением. Келеч-Гирей ездил по горным аулам, подбирал бургомистров, выявлял коммунистов и партизан, призывал горцев к содействию немцам. Одновременно он предпринимал попытки создания горских частей, и это в некоторой степени ему в конце концов удалось. Однако большинство населения не поддерживало гитлеровцев, и после наступления Красной армии в начале 1943 г. Келеч-Гирей с остатками своих горских частей бежал за границу, а затем перебрался в Италию. В конце 1944 — начале 1945 гг. в Северной Италии в районе г. Толмеццо он командовал Кавказской дивизией (более 4 тысяч человек) Казачьего стана генерал-майора Т.И. Доманова. В мае 1945 г. дивизия была интернирована британцами в Обердрауберге. 29 мая 125 кавказских офицеров вместе с Келеч-Гиреем были доставлены в Юденбург и переданы органам НКВД. Повешен в Москве 16 января 1947 г. по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.

177

Имеется в виду 1-я Кубанская пластунская отдельная бригада полковника Я.А. Слащова.

178

4 (17) ноября 1918 г. Черкесский конный полк был переименован в 1-й Черкесский конный полк, а сформированный 2-й полк с 10 (23) сентября был включен в состав Добрармии и 1-й Конной дивизии, куда уже входил 1-й полк.

7 (20) декабря 1-й и 2-й Черкесские конные полки были исключены из состава 1-й Конной дивизии и включены в состав 1-й бригады формируемой Черкесской конной дивизии. В нее вошли: управление, 1-й, 2-й, 3-й (сформирован из черкесов Баталпашинского отдела и Абазинской конной сотни и с 19 ноября (2 декабря) включен в Добрармию) и 4-й (переименован 7 (20) декабря из Кабардинского конного полка) Черкесские конные полки. 8 (21) декабря ее начальником стал генерал-майор Султан Келеч-Гирей. В начале 1920 г. немногие уцелевшие всадники-черкесы были собраны в Черкесский конный полк, который 6 (19) мая 1920 г. было приказано расформировать.

179

15 (28) октября 1918 г. было положено начало формированию Волчьей сотни, и организация ее возлагалась на сотника Георгия Ивановича Колкова, бывшего тогда старшим адъютантом полковника А.Г. Шкуро. В конце 1918 — начале 1919 гг. Колков был произведен в есаулы.

8 июньских боях 1919 г. он был ранен, но после выздоровления прибыл в 3-й конный корпус и 14 (27) июля 1919 г. вступил в командование дивизионом, с которым в конце июля (ст. ст.) убыл на станцию Невинномысская. Затем до самой своей смерти он последовательно командовал дивизионом, развернутым позднее в Волчий казачий полк.

180

Имеется в виду так называемый Улагаевский десант — десантная операция, проведенная Группой войск особого назначения под командованием генерал-лейтенанта С.Г. Улагая на Кубань 1 (14) августа — 25 августа (7 сентября) 1920 г.

181

Волгская бригада (1-й и 2-й Волгские Терского казачьего войска полки), в январе 1919 г. она была выделена из Кавказской конной, переименованной в 1-ю Кавказскую казачью, дивизии и действовала уже в составе другого соединения войск генерала В.П. Ляхова. Позднее вошла в 1-ю Терскую казачью дивизию (I формирования).

182

15 (28) декабря 1918 г. сформированные 1-й и 2-й Кабардинские конные полки (включены в состав Добрармии с 1 (14) ноября) были сведены в Отдельную Кабардинскую конную бригаду; было также приказано сформировать ее управление. Затем в апреле 1919 г. из 1-го, 2-го, 3-го и 4-го (2 последних полка были включены в состав ВСЮР с 1 (14) апреля) Кабардинских конных полков была сформирована Кабардинская конная дивизия, в состав которой с 5 (18) апреля вошел и 5-й Кабардинский конный полк. 15 (28) сентября она была включена в состав 4-го конного корпуса, действовавшего на Царицынском направлении. 6(19) мая 1920 г. Главком приказал считать дивизию в составе управления, 1-го, 2-го, 3-го, 4-го и 5-го Кабардинских конных полков расформированной.

183

Речь идет о казаках-пластунах не «бригады Ляхова» — что, по-видимому, является типографской опечаткой, а 1-й и 2-й Кубанских пластунских отдельных бригад корпуса генерала В.П. Ляхова.

184

Кабардинский конный полк был сформирован в начале Первой мировой войны и входил в состав Кавказской Туземной конной дивизии вплоть до начала 1918 г. В полку имелось 4 сотни; существовавшая запасная сотня полка с 21 августа 1917 г. вошла в Запасный дивизион 1-й Кавказской Туземной конной дивизии. При реорганизации дивизии в корпус осенью 1917 г. полк вошел в 1-ю бригаду 1-й Кавказской Туземной конной дивизии и в декабре — в ту же бригаду, но 2-й дивизии. Командирами полка являлись: с 30 июня 1917 г. полковник Ингушского конного полка Абелов, в июле же месяце — полковник В. Старосельский. В качестве формы одежды служили черные длинные черкеска, бешмет, невысокая каракулевая папаха (с белым верхом), белый башлык, черная бурка (у офицеров с 1915 г. — серые бурки). Погоны — синие с желтой шифровкой «Кб». Многие бывшие чины полка продолжили свою службу в рядах кабардинских частей ВСЮР.

185

Автор имеет в виду Кавказскую Туземную конную дивизию, сформированную из горцев Кавказа в соответствии с «Положением о частях, формируемых из туземцев Кавказа на время настоящих военных действий» от 16 августа 1914 г. (замененным 17 февраля 1916 г. «Положением о Кавказских Туземных конных полках») в составе Кавказской армии и затем переброшенную на Западный фронт. В дивизию вошли: управление и полки — 2-й Дагестанский, Кабардинский, Чеченский, Татарский, Черкесский и Ингушский конные. С конца 1914 г. дивизия под командованием Великого Князя Михаила Александровича активно участвовала в боях, своими лихими атаками в конном строю неоднократно наводя ужас на германо-австрийские войска. В мае — июне 1916 г. дивизия, числясь на 22 мая в составе 2-го кавалерийского корпуса 7-й армии, но, временно находясь при 33-м армейском корпусе 9-й армии Юго-Западного фронта, принимала участие в Брусиловском прорыве. К декабрю ее перебросили на Румынский фронт, где она вошла в 7-й кавалерийский корпус 4-й армии. В конце января 1917 г. дивизия из-за трудностей по доставке фуража была отведена в тыл и расположена по р. Прут в районе Коломия— Кургурлуй — Томай — Конкуй — Градище, где и оставалась до июня. В июне полки дивизии участвовали в боях под Калушем. Затем после отхода от Калуша дивизия перешла в Подольскую губернию. Здесь она получила приказ Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова от 21 августа 1917 г. о переформировании в Кавказский Туземный конный корпус (с 23 августа временно командующим корпусом являлся генерал-лейтенант князь Д.П. Багратион). Однако в период переформирования в конце августа корпус принял участие в корниловском «выступлении», и поэтому его развертывание затянулось до осени, когда под командованием генерал-лейтенанта П.А. Половцева корпус был переброшен на Кавказ. Здесь полки были направлены в места своего формирования, оставаясь в составе корпуса, в командование которым в январе 1918 г. вступил генерал-майор принц Ф.-М. Каджар; штаб находился во Владикавказе. По постановлению правительства Союза Горцев штаб был переведен в Темир-Хан-Шуру для создания из Дагестанских и Чеченских конных полков надежного оплота Горскому правительству для борьбы с большевиками. Части корпуса, таким образом, оказались втянутыми в Гражданскую войну; многие чины частей Кавказских Туземных

конных дивизий и корпуса закончили ее в эмиграции, а некоторые лишь в 1945 году.

186

Князь Бекович-Черкасский Федор Николаевич родился 14 мая 1870 г. в селе Бековичево в Малой Кабарде. Окончил гимназию в Ставрополе (1891 г.), Елисаветградское кавалерийское училище (1894 г.) и Офицерскую кавалерийскую школу (1903 г.). На 31 мая 1916 г. он командовал Татарским конным полком Кавказской Туземной конной дивизии. 29 октября его допустили к командованию 2-й бригады (Татарский и Чеченский конные полки) 1-й Кавказской Туземной конной дивизии. Командовал Лейб-гвардии 1-м Кирасирским (бывшим Кирасирским Его Величества, с 8 июня — Гвардейским Подольским кирасирским) полком с 14 мая по 21 октября 1917 г. На 30 декабря 1917 г. Бекович-Черкасский был командиром 2-й бригады (но уже состоявшей из Чеченского и Ингушского конных полков) 1-й Кавказской Туземной конной дивизии Кавказского Туземного конного корпуса.

В конце 1917 г. формировал горские части на Кавказе, с начала 1919 г. — Правитель Кабарды. 8 (21) декабря 1918 г. был назначен командиром 2-й бригады Черкесской конной дивизии, с 17 (30) марта 1919 г. и на 5 (18) октября — начальник Кабардинской конной дивизии. После освобождения Северного Кавказа от большевиков в начале 1919 г. стал правителем Кабарды и приложил немало усилий для поддержания спокойствия на вверенной ему территории и для пополнения добровольцами и мобилизованными инородческих частей ВСЮР. 31 марта (13 апреля) 1919 г. был прог изведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником Кабардинской конной дивизии. В 1920 г. продолжал службу в рядах ВСЮР и Русской армии вплоть до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции в 1921 г. — член Национального комитета освобождения горских народов Северного Кавказа в Константинополе, затем во Франции, почетный председатель, на ноябрь 1951 г. — председатель Объединения Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества" полка, в 1939 г. выступал как монархист-легитимист, в 1941–1945 гг. — руководитель Русского национального движения в Париже. Скончался 16 ноября 1953 г. там же.

187

9 (22) декабря 1918 г. из 1-го и.2-го Терских пластунских батальонов было приказано сформировать Терскую пластунскую отдельную бригаду и включить в нее также 2-й Терский казачий артиллерийский дивизион. В начале 1919 г. бригада была увеличена до 4-батальонного состава (1-й, 2-й, 3-й и 4-й Терские пластунские батальоны) и переименована в 1-ю Терскую пластунскую отдельную бригаду (I формирования).

188

Имеется в виду генерал-майор Расторгуев, командовавший 1-й Терской пластунской отдельной бригадой (I формирования) с начала 1919 г.

189

Помимо 1-го, 2-го и 3-го Сунженских Терского казачьего войска полков, сформированных Шкуро в начале 1919 г. в Сунженском отделе в конце того же года в связи с общей реорганизацией частей Терского казачьего войска из слияния терских казачьих полков, по приказу командующего войсками Северного Кавказа от 13 (26) ноября были образованы 1-й (9 (22) декабря) — переименованием из 1-го и 3-го Сунженско-Владикавказских казачьих полков) и 2-й (27 ноября (10 декабря) — переименованием из 2-го Сунженско-Владикавказского и 3-го Терского казачьих полков) Сунженско-Владикавказские казачьи полки. Оба они вошли в 1-ю бригаду 2-й Терской казачьей дивизии (II формирования) и в декабре были отправ-1ены в распоряжение Главкома ВСЮР. 6(19) мая 1920 г. 1-й и 2-й Сунженско-Владикавказские казачьи полки вместе со своей дивизией было приказано считать расформированными.

190

В состав Российской Императорской армии к началу Первой мировой войны входил Осетинский конный дивизион, переименованный 30 ноября 1915 г. в Осетинский конный полк. Летом 1918 г. из осетин, примкнувших к казакам, восставшим против советской власти, был организован Осетинский конный дивизион, участвовавший в боях с 17 (30) сентября по 1 (14) ноября. Затем, после освобождения Северного Кавказа войсками Добрармии, начали формироваться Осетинские конные полки. 1 и 2-й полки были сформированы 20 февраля (5 марта) 1919 г. и сразу же из них создали Осетинскую конную бригаду. 3-й Осетинский конный полк, сформированный 15 (28) февраля 1919 г., с 9 (22) августа 1919 г. вошел в состав 2-го армейского корпуса. 24 августа (6 сентября) его командир полковник Репин был отчислен от занимаемой должности и вместо него командиром полка был назначен полковник К.Ш. Гуцунаев. Позднее полк вошел в состав Сводно-Горской конной дивизии; 6 (19) мая 1920 г. его было приказано считать расформированным. 4-й Осетинский конный полк был сформирован 15 (28) февраля 1919 г.

191

В начале 1919 г. после освобождения Северного Кавказа от большевиков была сформирована Осетинская конная бригада, развернутая к 1 (14) апреля в Осетинскую конную дивизию в составе управления дивизии и 1-го, 2-го и 4-го Осетинских конных полков. Кроме того, в нее входили также 2-й (с 25 февраля (10 марта)) и 3-й (с 1 (14) мая) Осетинские стрелковые батальоны. 3 (16) февраля 1920 г. было приказано расформировать Осетинский конный дивизион, в который были собраны уцелевшие чины Осетинской конной дивизии; его личный состав и лошадей, а также имущество направить на пополнение частей по указанию командующего войск Северного Кавказа. 6 (19) мая последовал официальный приказ о том, что дивизию (управление, 1-й, 2-й и 4-й Осетинские конные полки) считать расформированной.

192

1-й Бронированный поезд был сформирован после взятия 1 (14) июля 1918 г. войсками Добровольческой армии станции Тихорецкая из захваченных у красных бронеплощадок. Он вместе с 2 другими бронепоездами вошел в состав образованной Группы армейской артиллерии. 16 (29) ноября 1918 г. был переименован в «1-й Бронированный генерала Алексеева поезд». Участвовал в боях с 3 (16) августа по 25 декабря 1918 г. (7 января 1919 г.). С 7 (20) апреля 1919 г. — легкий бронепоезд «Генерал Алексеев». 14 (27) февраля вошел в состав 1-го бронепоездного дивизиона ВСЮР. Принимал участие во всех крупных операциях ВСЮР 1919 — начала 1920 гг. 12 (25) марта 1920 г. был воссоздан путем переименования легкого бронепоезда «Севастополец № 3» в «Генерал Алексеев», который уже под новым названием 16 (29) апреля был включен в состав вновь сформированного 1-го бронепоездного дивизиона. Участвовал во всех боях Русской армии генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля и был 19 октября (1 ноября) 1920 г. подбит на станции Сокологорное при отступлении армии из Северной Таврии в Крым. Командирами его были полковники Стремоухое, А.А. Зеленецкий, Б.Н. Гонорский, М.Ф. Кельберер, Б.Я. Шамов.

193

Семилетов Эммануил Федорович — один из наиболее известных донских казачьих генералов. Родился в 1872 г. Участник Первой мировой войны; в 1916 г. — войсковой старшина. В составе отряда Походного атамана Донского казачьего войска генерал-майора П.Х. Попова вместе со своим донским казачьим партизанским отрядом принял участие в Степном походе, продолжавшемся с 12 (25) февраля до 5 (18) мая 1918 г. К 9 (22) апреля — полковник, командовал Северной группой, ядро которой составляли «степняки»-партизаны. 27 апреля (10 мая) Семилетов был произведен в генерал-майоры. С 10 (23) октября был зачислен в резерв чинов при штабе Главкома Добрармии, а б (19) декабря назначен командиром Донского пешего батальона. В начале 1919 г. получил назначение на должность командира Сводного Партизанского корпуса, на 10 (23) июня состоявшего из отдельных партизанских отрядов и частей: Дудаковского (командир войсковой старшина П.Р. Дудаков), Чернецовского (войсковой старшина А. С. Герасимов) и Семилетовского (есаул П.С. Тацин) отрядов, Студенческой боевой дружины (сотник М.Т. Гребенников), Отдельной конной Партизанской сотни (штабс-ротмистр П.П. Уваров) и 4-го Донского казачьего полка (полковник Г.И. Алексеев). Корпус отличался хорошими боевыми качествами и активно вел бои против красных весной и летом 1919 г. Затем он был реорганизован в Сводную Партизанскую дивизию. Скончался от тифа в конце ноября 1919 г.

Генерального штаба генерал-лейтенант Святослав Варлаамович Денисов родился в 1878 г. Окончил Донской кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, после чего был выпущен в донскую казачью артиллерию. После 7 лет Службы в ней поступил в Академию Генштаба, затем отбывал цензовое командование сотней в 17-м Донском генерала Бакланова и 7-м Донском войскового атамана Денисова казачьих полках. Первую мировую войну начал в чине капитана, в должности старшего адъютанта штаба Уральской казачьей дивизии. После производства в подполковники в течение 6 месяцев служил в штабе 4-й армии, затем был назначен начальником штаба 2-й Казачьей Сводной дивизии (начальником ее в то время являлся генерал-майор П.Н. Краснов) и оставался на этой должности 2 года. Затем он получил в командование 11-й Донской казачий генерала от кавалерии графа Денисова полк; был произведен в полковники. После 25 октября 1917 г. увел свой полк на Дон. В середине февраля 1918 г. он прибыл в Новочеркасск, уже занятый большевиками. Денисов ускользнул от них и добрался до станицы Богаевской. Здесь он с первых дней восстания донских казаков был выдвинут станичниками на пост начальника обороны. 2 (15) апреля он прибыл по служебным делам в Новочеркасск и с этого дня стал руководить действиями восставших станиц. После сдачи красным Новочеркасска 4 (17) апреля он сумел реорганизовать отрады донских казаков. Вместе с бывшим командиром бригады 5-й Донской казачьей дивизии генерал-майором К.С. Поляковым Денисов создал первые кадры Донской армии, являлся ее начальником штаба. После возвращения из Степного похода частей походного атамана генерала Попова Денисов был назначен командующим Южной группой (6 тыс. человек), и 23 апреля (6 мая) ее части вновь заняли Новочеркасск. 27 апреля (10 мая) Попов произвел его в генерал-майоры с оставлением в списках Генштаба, а в мае Войсковой атаман генерал Краснов назначил его командующим Донской армией и управляющим Военным и морским отделом (т. е. военным министром). Вскоре Денисов был произведен в генерал-лейтенанты с оставлением в списках Генерального штаба. В начале 1919 г. под влиянием неудач Донской армии на фронте собравшийся Войсковой Круг выразил Денисову свое недоверие, и 2 (15) февраля он вышел в отставку. Денисов эмигрировал за границу и через Батум, Константинополь и Германию в начале 1920-х гг. приехал в Нью-Йорк. Здесь по его инициативе была

организована Донская станица, объединившая первых попавших в США эмигрантов — донских казаков, и Денисов в ноябре 1923 г. стал ее атаманом. После своего переезда в г. Стратфорд (штат Коннектикут) Денисов был избран председателем Казачьего союза в Америке и оставался на этом посту в течение многих лет. Умер он 19 апреля 1957 г. в Стратфорде, где и похоронен.

Точнее, Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР), являвшимися объединением вооруженных сил белых правительств на юге России для борьбы с совета ской властью в 1918–1920 гг. Они были созданы 26 декабря 1918 г. (8 января 1919 г.) в результате соглашения между генералами А.И. Деникиным и П.Н. Красновым об объединении Добровольческой и Донской армий под главным командованием Деникина. В разное время в состав ВСЮР входили: Добровольческая, Донская, с 9.(22) января 1919 г. — войска Закаспийской области, с 10 (23) января — Крымско-Азовская Добровольческая (с 22 мая (3 июня) — 3-й армейский корпус, с 20 августа (12 сентября) — войска Новороссийской области), с 8 (21) мая — Кавказская (с 31 декабря 1919 г. (13 января 1920 г.) — Кубанская) армии, с 10 (23) января 1919 г. — войска Терско-Дагестанского края (с 22 июля (4 августа) 1919 г, — войска Северного Кавказа), с августа — войска Киевской области; Черноморский флот, Каспийская военная и несколько речных флотилий. С февраля 1919 г. Великобритания начала оказывать ВСЮР регулярную помощь оружием, боеприпасами, обмундированием и снаряжением; так, с марта по сентябрь было получено 558 орудий, 12 танков, свыше 1,5 млн. снарядов и т. д. Это позволило довести численность боевого состава ВСЮР к концу июля до 85 тысяч штыков и сабель при — по советским данным — 600 орудиях, свыше 1500 пулеметах, 34 бронепоездах, 19 самолетах, 1 крейсере, 5 эсминцах, 4 подводных лодках, 20 вооруженных пароходах. По мере продвижения к Москве, ведя ожесточенные бои с Красной армией и неся большие потери, постепенно начал изменяться социально-классовый состав ВСЮР, на смену добровольцам в войска стало поступать все большее число насильно мобилизованных и военнопленных красноармейцев. В октябре численность ВСЮР достигла около 150 тысяч штыков и сабель (на фронте и в тылу). В ходе контрнаступления войск советского Южного фронта и в результате общего наступления Южного и Юго-Восточного фронтов 1919–1920 гг. ВСЮР потерпели несколько крупных поражений и, расчлененные на две части, отступили на Северный Кавказ, в Крым и в район Одессы. После разгрома основной группировки ВСЮР на Северном Кавказе остатки ее (35–40 тысяч человек, 100 орудий и до 500 пулеметов) были эвакуированы в Крым, который успешно оборонял 3-й армейский корпус генерала Я.А. Слащова. 22 марта (4 апреля) 1920 г. Деникин передал командование остатками ВСЮР генералу П.Н. Врангелю, который

6 (19) августа переименовал их в Русскую армию.

196

Здесь Шкуро пишет о Добровольческой армии, которая была переименована 10 (23) января 1919 г. в Кавказскую Добровольческую армию, и ее командующим был назначен генерал-лейтенант П.Н. Врангель. В нее вошли: 1-й армейский и 1-й конный корпуса, 1-я конная и 3-я Кубанская казачья дивизии, 3-я Кубанская пластунская отдельная бригада и другие части. 8 (21) мая Кавказская Добровольческая армия была вновь переименована в Добровольческую.

197

Генерального штаба генерал-лейтенант Яков Давыдович Юзефович — из древнего рода литовских татар. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище. Службу начал в 7-й конной батарее. Окончил Николаевскую Академию Генштаба (1899 г.); участник русско-японской войны 1904–1905 гг., затем служил в Варшавском военном округе, откуда в августе 1914 г. был назначен начальником штаба Кавказской Туземной конной дивизии; затем начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса. Награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й ст. После Февральского переворота некоторое время командовал 26-м армейским корпусом, затем был генерал-квартирмейстером Ставки Верховного главнокомандующего. До 13 ноября 1917 г. являлся командующим 12-й армии Северного фронта, с этого числа — командующим Северным фронтом. Участник Гражданской войны на юге России. 1 (14) января 1919 г. генерал-лейтенант Юзефович был назначен начальником штаба Добровольческой армией, затем начальником штаба Кавказской армии. С 27 июня (10 июля) — командир 5-го кавалерийского корпуса. 27 ноября (10 декабря) сдал командование корпусом начальнику 1-й кавалерийской дивизии генерал-майору Чекотовскому. 17 (30) апреля 1920 г. на него было возложено общее руководство укреплением северной части Крыма, затем он состоял в резерве чинов штаба Главкома. 30 мая (12 июня) был назначен генерал-инспектором конницы ВСЮР с непосредственным подчинением Главкому. В конце сентября (начале октября) был освобожден от должности с назначением в распоряжение генерала П.Н. Врангеля. После катастрофы Русской армии эмигрировал за границу. Умер в Польше после тяжелой болезни в 1929 г.

198

Шатилов Павел Николаевич родился в г. Тифлисе в 1881 г. в военной семье. Окончил 1-й Московский кадетский корпус и Пажеский Его Императорского Величества корпус, вышел в 1900 г. в Лейб-гвардии Казачий Его Императорского Величества полк. В 1903 г. поступил в Академию Генерального штаба и в 1908 г. первым закончил ее. Участник русско-японской войны. После цензового командования сотней в 1-м Хоперском Кубанского казачьего войска полку занимал ряд должностей по Генеральному штабу. В 1914–1915 гг. служил в штабах 7-й и 8-й кавалерийских дивизий Западного фронта, затем 2-й Кавказской казачьей дивизии Кавказской армии. Награжден орденами Св. Георгия 4-й (1914 г.) и 3-й (1916 г.) степеней. В феврале 1917 г. он стал командиром 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска, всячески сохраняя его от разложения. Позднее — генерал-квартирмейстер Кавказского фронта, генерал-майор. Поддержал выступление генерала Корнилова, за что был арестован и посажен в тюрьму. Летом 1918 г. вступил в ряды Добровольческой армии и начал свою боевую службу в должности начальника 1-й конной дивизии, сменив на этом посту генерала Врангеля. 4 (17) мая 1919 г. за боевые отличия был произведен в генерал-лейтенанты, 13 (26) мая — назначен командиром 4-го конного корпуса. 27 июня (10 июля) Шатилов стал начальником штаба Кавказской армии генерала Врангеля. 27 ноября (10 декабря) вступил в должность начальника штаба Добровольческой армии, приняв ее от Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.П. Ефимова (1872–1943 гг.), а 29 ноября (12 декабря) был назначен на эту должность. В результате конфликта между генералами Врангелем и Деникиным вместе с первым покинул Россию, но в конце марта с ним же возвратился в Крым, где 24 марта (6 апреля) 1920 г. был назначен помощником Главнокомандующего ВСЮР. 16 (29) июня Шатилов стал начальником штаба Главкома и приступил к тайной подготовке эвакуации на случай поражения ВСЮР. За успешную эвакуацию и спасение тысяч солдат и офицеров Русской армии, их семей и беженцев Врангель произвел Шатилова в генералы от кавалерии. Затем по поручению Главкома он вел переговоры (в конечном итоге увенчавшиеся успехом) с правительствами Болгарии и Югославии о принятии ими частей из Галлиполи, Чаталджи и Лемноса. Шатилов принимал активное участие в процессе расселения чинов Русской армии в Европе, став в 1923 г. начальником воинских частей и групп во Франции. В 1930 г. он

был назначен начальником 1-го отдела Русского общевоинского союза (РОВС), располагавшегося во Франции. Впоследствии он отошел от деятельности РОВС и стал уделять много внимания музею Лейбтгвардии Казачьего полка в Курбевуа. Умер 5 мая 1962 г., похоронен на Русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем.

199

Имеются в виду 1-й и 2-й Волгские Терского казачьего войска полки, составлявшие Волжскую бригаду.

200

1-я Терская казачья дивизия I формирования была создана в начале 1919 г. из 1-го и 2-го Волгских и еще двух полков Терского казачьего войска. 15 (28) мая 1919 г. дивизия был включена в состав 3-го конного корпуса Добрармии. В ее состав к 1 (14) июня входили: штаб, дивизионный лазарет, передовой перевязочный отряд Красного Креста, артиллерийский дивизионный парк, 1-й, 2-й и 3-й Волгские и 1-й Терский Терского казачьего войска полки, конно-горная батарея и Стрелковый полк дивизии. 5 (18) июля все 4 Терские казачьи дивизии, отпустив из них по домам казаков присяги 1898 г. и старше, было приказано переформировать в бригады 2-полкового состава по 6 сотен в полку, имея казаков младших присяг в первых, а старших — во вторых полках бригад. Из бывших 1-й и 2-й Терских казачьих дивизий была сформирована новая 1-я Терская казачья дивизия (II формирования) в составе: управления, 1-й (1-й и 2-й Волгские казачьи полки) и 2-й (1-й и 2-й Горско-Моздокские казачьи полки) бригад; позднее в нее был включен 1-й Терский казачий конно-артиллерийский дивизион. На 22 января (4 февраля) 1920 г. дивизия, входившая в Сводный конный корпус генерала Агоева, включала: управление, 1-й и 2-й Волгские, 1-й и 2-й Горско-Моздокские, 1-й Кизляро-Гребенский и 2-й Сунженско-Владикавказский Терского казачьего войска полки, 1-й Терский казачий конно. — артиллерийский дивизион (управление, 1-я, 2-я, 3-я и 7-я Терские казачьи конно-горные батареи), артиллерийский парк, дивизионный лазарет, передовую летучку Красного Креста, поездную санитарную летучку и ветеринарный лазарет. 6 (19) мая 1920 г. дивизию было приказано считать расформированной.

201

Генерал-лейтенант Сергей Михайлович Топорков родился 25 сентября 1881 г. в станице Акинтиевской Забайкальского казачьего войска. В составе войска участвовал в русско-японской войне, награжден за боевые отличия знаком отличия Военного ордена всех 4-х степеней, произведен в офицеры. В годы Первой мировой войны служил в Татарском конном полку Кавказской Туземной конной дивизии, затем, после своего производства в полковники (20 сентября 1917 г.), командовал им и Чеченским конным полком той же дивизии. Вместе, с ней прибыл на Северный Кавказ и оказался на Кубани. Во время 2-го Кубанского похода в июне 1918 г. полковник Топорков был зачислен штаб-офицером в 1-й Кубанский (впоследствии Корниловский) конный Кубанского казачьего войска полк и с тех пор служил в Кубанском войске. Осенью

1918 г. — командир 1-го Запорожского (казачьего) полка, 2(15) ноября был назначен командиром 2-й бригады 1-й конной дивизии (командовал до 19 января (1 февраля)

1919 г.). 8 (21) декабря он за боевые отличия был произведен в генерал-майоры. В начале 1919 г. стал начальником 1-й конной дивизии, но вскоре —1-й Терской казачьей дивизии. 14 (27) мая произведен — опять же за боевые отличия — в генерал-лейтенанты, а 22 июля (4 августа) был назначен командиром 4-го (Кубанского) конного корпуса. В Крыму в 1920 г. командовал Сводным корпусом. В эмиграции сперва являлся просто рядовым беженцем, но с первых же дней выразил желание служить Кубанскому казачьему войску, и в 1923 г. был приглашен в состав Кубанского правительства — сперва как член его, затем, проживая в Югославии, назначен помощником Кубанского войскового атамана генерала В.Г. Науменко (т. е. являлся председателем правительства). Занимая этот пост, активно изыскивал средства для поддержки кубанских казаков, много сделал для инвалидов, учащихся, немощных, вдов и сирот. Весной 1930 г. у него был обнаружен рак желудка и 13 февраля 1931 г. он скончался в Белграде после тяжелой, продолжительной болезни.

202

2-я Терская казачья дивизрш I формирования к лету 1919 г. вошла в состав 1-го Кубанского корпуса Кавказской армии и участвовала в его составе в боях на Царицынском направлении. 5 (18) июля из бывших 3-й и 4-й Терских казачьих дивизий было приказано сформировать новую 2-ю Терскую казачью дивизию II формирования в составе: управления, 1-й (1 и 2-й Сунженско-Владикавказские казачьи полки) и 2-й (1 и 2-й Кизляро-Гребенские казачьи полки) бригад; позднее в нее был включен 2-й Терский казачий конно-артиллерийский дивизион. 24 августа (6 сентября) последовал приказ о включении дивизии в составе 1-го, 2-го и 3-го Горско-Моздокских и 2-го Терского казачьих полков и 2-го Терского артиллерийского дивизиона в 3-й конный корпус Добрармии с 10 (23) августа. Она прибыла в армию на пополнение 1-й Терской казачьей дивизии, и штаб ее наблюдал лишь за переброской частей и распределением их по полкам 1-й Терской дивизии, не входя в состав 3-го конного корпуса, а подчиняясь непосредственно командующему Добрармией. Затем дивизия была пополнена и вновь развернута в 4-полковую с приданной артиллерией. С 6 (19) мая 1920 г. дивизия в составе управления, 1-го и 2-го Сунженско-Владикавказских, 1-го и 2-го Кизляро-Гребенских казачьих полков считалась расформированной.

203

11 (24) ноября 1918 г. последовал приказ о сформировании 3-й Кубанской казачьей дивизии в составе управления, 1-го Кавказского, 1-го Черноморского, 1-го Таманского и 2-го Полтавского Кубанского казачьего войска полков, а также Кубанской конной батареи. 12 (25) апреля 1919 г. было приказано сформировать и включить в дивизию управление 3-го Кубанского казачьего конно-артиллерийского дивизиона (в него входили 2 конные батареи, в том числе и 6-я Кубанская казачья конная). Дивизия действовала на Астраханском направлении, а в мае вошла в состав 2-го Кубанского корпуса и участвовала в боях на Царицынском направлении. 6 (19) мая 1920 г. было приказано расформировать дивизию, имевшую к тому времени в своем составе 1-й Черноморский, 1-й Таманский, 1-й Кавказский, 2-й Полтавский и Корниловский конный Кубанского казачьего войска полки.

Что же касается генерала Ренникова, упоминаемого Шкуро, то здесь ошибка — такого генерала в войсках ВСЮР не было. Имеется в виду генерал-майор Дмитрий Васильевич Репников. Он родился в станице Расшеватской Кубанского казачьего войска, окончил Ставропольские гимназию и казачье юнкерское училище, Офицерскую кавалерийскую школу. В Первую мировую войну — войсковой старшина 1-го Кубанского генерала-фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича полка Кубанского казачьего войска, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. С 31 июля

1917 г. — командующий Ейским полком Кубанского казачьего войска. Будучи в чине войскового старшины Кубанского запасного конного полка, 23 сентября (6 октября)

1918 г, был произведен в полковники, 4 (17) ноября был назначен командиром 1-го Таманского Кубанского казачьего войска полка, затем командиром 2-й бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии с производством в генерал-майоры (24 декабря (6 января) 1919 г.), а 4 (17) апреля 1919 г. — начальником той же дивизии. Сражался в 1920 г. в Северной Таврии и Крыму. Затем — на острове Лемнос, в эмиграции в Югославии. В конце Второй мировой войны застрелился в г. Нише.

204

В 1912 г. Астраханское казачье войско включало 1-й Астраханский казачий полк, Астраханскую казачью конную полубатарею и Гвардейский взвод в 3-й (сводной) сотне Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка. К 25 октября (7 ноября) 1917 г. войско уже насчитывало 3 казачьих полка, 1 особую и 1 запасную сотни и 1 казачью конную батарею. После неудачного восстания астраханских казаков против большевиков (12 (25) января — 25 января (7 февраля) 1917 г.). Астраханский губисполком 20 февраля (н. ст.) 1918 г. упразднил войско и его части. Летом и осенью 1918 г. вновь началось формирование астраханских казачьих частей. В конце 1918 г. полковником князем Д.Д. Тундутовым (1889–1923 гг.) был организован корпус Астраханского казачьего войска (Астраханский корпус), части которого 1 (14) марта 1919 г. вошли в состав Добровольческой армии и были включены в группу генерал-майора А.П. Кутепова. 12 (25) апреля их свели в Астраханскую отдельную конную бригаду в составе: управления, Астраханского казачьего и Сводного Астраханского конного полков и 1-й Астраханской казачьей конной батареи. 27 июня (9 июля) бригада была переформирована в Астраханскую конную дивизию, а последняя 8 (21) августа — в Астраханскую казачью дивизию (на 6 (19) июля начальник ее — генерал-лейтенант Зыков). С 6 (19) мая 1920 г. дивизия, включавшая к тому времени управление, 3-й и 4-й Астраханские казачьи полки, считалась расформированной. Остатки астраханцев (1-ми 2-м Астраханскими казачьими полками) вошли вместе с терцами в 1-ю отдельную Терско-Астраханскую конную бригаду.

205

2-й армейский (или, как его еще называли, Добровольческий) корпус был сформирован приказом Главкома Добрармии 15 (28) ноября 1918 г. из частей 2-й дивизии; командиром его был назначен генерал-лейтенант А.А. Боровский. 12 (25) февраля 1919 г. командиром его стал генерал-майор В.З. Май-Маевский. К 30 марта (12 апреля) в боевой состав корпуса входили: 1-й Офицерский генерала Маркова, Корниловский ударный, 2-й Офицерский стрелковый генерала Дроздовского, (13-й) пехотный Белозерский, (83-й) пехотный Самурский, 1-й Сводный пехотный полки, Сибирская, Кабардинская и Сводно-стрелковая роты, 1-й конный генерала Алексеева и 2-й Лабинский Кубанского казачьего войска полки, Ингерманландский и Изюмский гусарские дивизионы, 1-й и 3-й легкие артиллерийские дивизионы, 1-я и 3-я гаубичные и 3-я конно-горная батареи, бронепоезда: «Иоанн Калита», «Офицер», «Генерал Алексеев», «Генерал Кор-. нилов», «Единая Россия» и «Дмитрий Донской», бронеавтомобили: «Кубанец», «Генерал Алексеев», «Россия» и «Доброволец», 1-я и 3-я инженерные роты, саперный полубатальон, 3-й запасный батальон, передовой корпусный огнесклад, 1-й и 3-й авиаотряды, 2-й Донской пластунский батальон, Стрелковые полки 1 и 2-й Кубанских казачьих дивизий. Корпус действовал на западном участке Добровольческой армии — в Донецком каменноугольном бассейне. В мае корпус был расформирован, части его были распределены по другим соединениям ВСЮР.

206

Май-Маевский Владимир Зенонорич родился в 1867 г. в дворянской семье. Окончил 1-й кадетский корпус и Николаевское инженерное училище. В 1896 г. окончил Николаевскую Академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, в начале ее — полковник, командир 44-го пехотного Камчатского полка. К 1 июня 1917 г. он уже генерал-майор, начальник 4-й пехотной дивизии, а на начало июля — командир 1-го гвардейского корпуса. В 1918 г. пробрался в Добровольческую армию и был зачислен в резерв чинов при штабе Главнокомандующего. 19 ноября (2 декабря) он стал.(после ранения полковника Дроздовского М.Г.) временно командующим 3-й дивизией. 5 (18) января 1919 г. Май-Маевский стал ее начальником, а 12 (25) февраля он получил назначение на должность командира 2-го армейского (или Добровольческого) корпуса. 8 (21) мая он был назначен командующим Добровольческой армией. 18 (31) мая Май-Маевский, оставаясь в этой должности, был назначен Главноначальствующим Екатеринославской губернии, затем дополнительно: 5 (18) июня — Харьковской, а 18 июня (1 июля) и Курской губерний. 28 октября (10 ноября) Главком разрешил носить ему пожалованный королем Англии орден «Кавалера наиболее выдающегося ордена Св. Михаила и Св. Георгия». 27 ноября (10 декабря) он был отозван в распоряжение Главкома ВСЮР и более уже не получал никаких командных должностей ни во ВСЮР, ни в Русской армии генерала Врангеля. Умер 30 октября (12 ноября) 1920 г. в Севастополе.

207

В состав 1-й Донской дивизии (командир — Генерального штаба генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов) входили: в Гвардейскую бригаду генерал-майора Т.В. Михайлова — Лейб-гвардии Казачий (полковник В.А. Дьяков) и Атаманский (полковник Хрипунов) полки, во 2-ю — 3-й Донской Калмыцкий и 4-й Донской казачий полки. Что же касается Донской пластунской бригады, то Шкуро подразумевает одну из 8 Донских пластунских бригад.

208

Имеется в виду артиллерия 1-й Кавказской казачьей дивизии. 8 (21) декабря 1918 г. еще в состав Кавказской конной дивизии был включен Кавказский казачий конно-артиллерийский дивизион (2-я Кубанская казачья конная и Терская казачья конно-горная батареи). После ряда организационных изменений, которым подверглась артиллерия дивизии, 12 (25) апреля 1919 г. в состав уже 1-й Кавказской казачьей дивизии была включена сформированная 18 февраля (3 марта) 8-я Кубанская казачья конная батарея.

209

Стрелковые полки, сформированные при 1-й Кавг казской и 1-й Терской казачьих дивизиях, были включены с 1 (14) мая 1919 г. во ВСЮР и в состав своих дивизий с наименованием их Стрелковыми полками 1-й Кавказской и 1-й Терской казачьих дивизий. 24 апреля (7 мая) командиром Стрелкового полка 1-й Кавказской казачьей дивизии был назначен полковник Салло, прибывший в распоряжение командира 3-го конного корпуса. 5(18) июня втот же полк убыл назначенный в него штабс-капитан Беляев вместе с 500 пленными красноармейцами.

210

Речь идет о рейде конницы Шкуро с 19 апреля (2 мая) по начало (середину) мая 1919 г.

211

Адмирал Александр Васильевич Колчак родился в 1873 г. в семье морского артиллериста генерал-майора В.И. Колчака. Окончил Морской кадетский корпус (1894 г.). Участвовал в заграничных плаваниях, в том числе на «Крейсере» (1896–1899 гг.) в водах Тихого океана. В 1900–1902 гг. участвовал в Русской полярной экспедиции Э.В. Толля на шхуне «Заря», исполняя должности гидролога и второго магнитолога. После завершения экспедиции работал над ее материалами. Участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг., служил в Порт-Артуре на береговой батарее, был ранен и попал в плен. После возвращения из плена (через Америку в Петербург) продолжил работу над материалами экспедиции, издававшимися позднее в виде отдельных выпусков. В 1906 г. Императорское Русское Географическое общество присудило Колчаку свою высшую награду — большую золотую Константиновскую медаль. Он активно участвовал в подготовке и проведении Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана (1910–1915 гг.). Одновременно участвовал в воссоздании и реорганизации Российского Императорского флота. В 1906 г. вошел в состав только что созданного Морского Генерального штаба, С 1912 г. Колчак в действующем флоте, сперва — в минной дивизии, затем — флаг-капитан по оперативной части в штабе командующего Балтийским флотом адмирала И.О. фон Эссена. В 1914 г. участвовал в разработке и осуществлении операции Балтфлота по установлению минных полей в Финском заливе. С сентября 1915 г. — командир минной дивизии, затем — командующий всеми морскими силами в Рижском заливе. В том же году принял участие в срыве германского наступления на Ригу — произвел высадку десанта в тылу немцев на Рижском побережье. 28 июня 1916 г. был назначен командующим Черноморским флотом. Корабли флота под его руководством закрыли Черное море для противника, установив минные заграждения у Босфора, вели боевые действия против прорывавшихся неприятельских судов, осуществляли перевозки грузов и войск, необходимых Кавказскому фронту. После февраля 1917 г. предпринял ряд экстренных мер по поднятию дисциплины на флоте, своей умело проводимой дипломатией по отношению к комитетам до июня поддерживал относительно высокую боеспособность Черноморского флота. В июне вышел в отставку и уехал в Петроград. Затем убыл в командировку в США для участия в намечавшейся Дарданеллской операции союзников, но, узнав об

отмене ее, решил через Японию вернуться в Россию. По дороге на Родину был направлен по просьбе русского посланника в Китае князя Н.А. Кудашева в Пекин, где получил назначение в Харбин для организации русских вооруженных сил в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. 4 ноября 1918 г. прибыл в Омск, где сразу же стал военным и морским министром правительства Директории. 18 ноября в результате переворота Колчак занял пост Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего, будучи произведен правительством в чин полного адмирала. В марте — апреле 1919 г. войска Колчака добились максимального успеха в борьбе с Красной армией, и к Пасхе Колчаку был поднесен — «за освобождение Урала» — орден Св. Георгия 3-й степени. 30 мая генерал А.И. Деникин признал верховную власть Колчака, ему подчинялись генералы Н.Н. Юденич и Е.К. Миллер. Однако в силу ряда объективных и субъективных причин войска Колчака летом и осенью потерпели поражения, и 12 ноября он покинул Омск. В результате предательства союзников и чехословаков 15 января 1920 г. Колчак был арестован в Иркутске и по приказу из Москвы 7 февраля 1920 г. расстрелян.

Уральские казаки приняли весьма активное участие в Гражданской войне на стороне белых. Уже 25 декабря 1917 г. (7 января 1918 г.) в Уральске произошло вооруженное столкновение 7-го Уральского казачьего полка, прибывшего с фронта уже разложившимся, с отрядом Войскового атамана В.П. Мартынова, который пытался его разоружить. Весной 1918 г. в ряде населенных пунктов Уральской области начались восстания против советской власти, и в марте в г. Уральске власть перешла в руки Уральского войскового правительства. Оно сразу же стало энергично создавать свои части, и в апреле была сформирована Уральская армия численностью около 15 тысяч человек. Она действовала на фронте от северного побережья Каспийского моря (восточнее Астрахани) до Илецкого городка. Осенью в ее рядах насчитывалось уже более 21 тысячи штыков и шашек. Однако среди части казаков продолжались колебания, и в результате неудачного для уральцев хода боевых действий после упорной обороны в январе 1919 г. красные войска 4-й армии Восточного фронта захватили Уральск. Несмотря на поражение, начавшийся в связи с ним моральный надлом в войсках, резкое усиление дезертирства и т. д., Уральская армия продолжала драться с большевиками. Войсковым атаманом стал генерал-майор В.С. Толстов, которому удалось реорганизовать армию. С весны 1919 г. через Каспийское море началась доставка уральцам вооружения, боеприпасов и снаряжения; от генерала А.И. Деникина начали поступать пополнения офицерами. С июля Уральская (еще в январе переименована в Уральскую отдельную) армия перешла в оперативное подчинение Деникину (до этого с ноября 1918 г. находилась в оперативном подчинении адмирала А.В. Колчака); в составе ее насчитывалось около 25 тысяч штыков и шашек, 52 орудия, 174 пулемета, несколько бронеавтомобилей и самолетов. Бои за Уральск весной и летом 1919 г. не принесли уральцам победы, и в июле части армии были вынуждены отступить к Лбищенску, затем отойти к Гурьеву. В январе 1920 г. части Уральской отдельной армии были разгромлены красными в ходе Уральско-Гурьев-ской операции Туркестанского фронта. Основная часть уральцев была захвачена красными в плен в Форт-Александровском (многие офицеры и казаки были расстреляны, оставшихся мобилизовали в Красную армию и использовали в боях против поляков, во время которых уральцы часто переходили на сторону последних). Очень незначительная их часть во главе с Войсковым атаманом генерал-лейтенантом В.С. Толстовым ушла

в Среднюю Азию.

213

Кавказская армия была образована 8 (21) мая 1919 г. после успешного завершения Великокняжеской операции ВСЮР (апрель — май) из войск Манычского (или Царицынского) фронта. Командующим ее стал генерал-лейтенант П.Н. Врангель. Летом она вела наступление на Царицынском направлении, в июне после ожесточенных боев взяла его и продвинулась на север. Однако в середине августа —. начале сентября советская 10-я армия отбросила ее к Царицыну. В октябре армия вновь перешла в наступление и опять продвинулась севернее Царицына, ставшего еще летом ее основной базой. В январе 1920 г. армия с большими потерями была отброшена красными за р. Сал, а затем — за р. Маныч. В декабре Деникин принял решение о переформировании Кавказской армии в Кубанскую, и 31 декабря 1919 г. (13 января 1920 г.) началось ее формирование. Командующим последней был назначен генерал-лейтенант А.Г. Шкуро.

Первоначально в Кавказскую армию вошли: 1-й Кубанский генерала В.Л. Прокровского (1-я Кубанская и 2-я Терская казачьи, 6-я пехотная дивизии, несколько бронепоездов) и 2-й Кубанский генерала С.Г. Улагая (2-я и 3-я Кубанские казачьи дивизии, 3-я Кубанская пластунская бригада), Сводный полковника А.П. Гревса (Сводно-Горская конная и донская Атаманская бригады) и 4-й конный генерала П.Н. Шатилова (1-я конная дивизия, одна из кубанских пластунских бригад; временно придана Астраханская конная дивизия) корпуса. У генерала Врангеля также находился во временном подчинении Сводно-Донской корпус 2-й Донской армии генерал-майора В.З. Савельева (4-я и 13-я Донские казачьи дивизии). Перед решительным штурмом Царицына 16 (29) июня армия была усилена также 7-й пехотной дивизией, 6 бронепоездами и 6 танками. В октябре 2-й Кубанский корпус был переброшен сперва в Донскую, а затем в Добровольческую армию (был возвращен в январе 1920 г. уже в Кубанскую армию). В начале октября (по ст. ст.) численность армии была равна приблизительно 14,5 тысячи человек. На 27 октября (9 ноября) в состав Кавказской армии входили: 1-й Кубанский (Сводно-Гренадерская дивизия с прикомандированным к ней Лейб-гусарским Павлоградским полком, 2-я Кубанская пластунская бригада, 1-я Кубанская дивизия и 1-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион) и 4-й конный (3-я Кубанская пластунская бригада, 1-я конная (с прикомандированным к ней 1-м Кубанским казачьим отдельным конным дивизионом), Сводно-Горская и Кабардинская конные дивизии) корпуса, а также Нижневолжский (3-я Кубанская (с прикомандированным к ней 5-м Кавказским стрелковым полком) и Астраханская казачьи дивизии) и Заволжский (Кавказская стрелковая дивизия (без 5-го Кавказского стрелкового полка, но с прикомандированным к ней 3-м Астраханским казачьим полком и Отрядом Степных партизан)) отряды.

215

31 октября (13 ноября) 1918 г. генерал от кавалерии И.Г. Эрдели был назначен в распоряжение Главнокомандующего Добровольческой армией «для выполнения особых поручений». 16 (29) апреля 1919 г. Эрдели, как состоящий при Главкоме ВСЮР, получил назначение на должность Главноначальствующего и командующего войсками Терско-Дагестанского края (с 24 мая (6 июня) — еще и Астраханского края). 22 июля (4 августа) эта должность стала называться «Главноначальствующего и командующего войсками Северного Кавказа».

216

Генерального штаба генерал-лейтенант Владимир Петрович Агапеев — родился в 1876 г. в семье генерала, потомственный дворянин. В 1893 г. окончил 1-й кадетский корпус. После окончания Николаевского кавалерийского училища в 1895 г. был произведен в корнеты Лейб-гвардии Уланского Его Императорского Величества полка. В 1898 г. поступил в Николаевскую академию Генштаба и после ее окончания в 1901 г., уже в чине штабс-ротмистра, был направлен на службу в Варшавский военный округ. Первую мировую войну начал командиром 2-го Лейб-гусарского Павлоградского полка, в 1917 г. — начальник штаба 35-го армейского корпуса. После февраля 1917 г. был назначен начальником штаба 1-го Польского корпуса генерал-лейтенанта И.Р. Довбор-Мусницкого. Участник Гражданской войны на юге России; с января 1919 г. по апрель — начальник штаба 2-го армейского корпуса генерала В.З. Май-Маевского, затем начальник штаба 1-го армейского корпуса генерала А.П. Кутепова. 3 (16) июня произведен в генерал-лейтенанты. С конца августа до 1 (14) мая 1920 г. являлся военным представителем Главкома ВСЮР при союзном командовании в Константинополе. Умер в Буэнос-Айресе 6 мая 1956 г.

217

Генерал-майор Губин в 1917 г. являлся начальником Уссурийской конной дивизии. Участвовал в Белом движении на юге России. В начале 1919 г. — командир 2-й бригады 1-й Кавказской казачьей дивизии. 29 марта (11 апреля) был назначен начальником Сводно-Горской конной, а 14 (27) мая начальником 1-й Кавказской казачьей дивизии, которой и командовал до конца сентября, когда из-за отъезда Шкуро на Кубань некоторое время являлся временно командующим 3-м конным корпусом. Затем он вновь возглавил 1-ю Кавказскую казачью дивизию. В Крыму в войсках генерала Врангеля командных постов не занимал. В 1947 г. он жил в Париже, где давал уроки верховой езды. Скончался там же приблизительно около 1959 г.

218

В Корниловском ударном цолку с самого начала его существования служил прапорщик А.П. Кривошеев, который быстро завоевал славу полкового поэта. Именно он написал 20 января (2 февраля) 1918 г. в Ростове-на-Дону ставший сразу же знаменитым и очень популярным у корниловцев «Марш Корниловского ударного полка» (пелся на мотив сербской песни «Кто свою Отчизну любит»):

Пусть вокруг одно глумленье,
Клевета и гнет, —
Нас, корниловцев, презренье
Черни не убьет.

Припев:
Вперед, на бой!
Вперед, на бой!
На бой, открытый бой![49]

Мы былого не жалеем,
Царь нам не кумир.
Нет, надежду мы лелеем
Дать стране лишь мир[50]
Припев.

Верим мы: близка развязка
С чарами врага,
Упадет с очей повязка
У России, да.

Припев.

Русь поймет, кто ей изменник,
В чем ее недуг
И что в Быхове не пленник
Был, а верный друг.

Припев.

За Россию и свободу
Если в бой зовут,
То корниловцы и в воду

И в огонь идут.

Припев.

Загремит колоколами
Древняя Москва,
И войдут в нее орлами
Русские войска!*

Припев.

Общей отличительной особенностью формы одежды чинов Добровольческой армии, в том числе и именных частей, являлся нашитый углом вниз на левом рукаве гимнастерок, кителей, френчей и шинелей шеврон цветов российского флага (бело-сине-красный). Корниловцы-пехотинцы носили фуражки с красной тульей и черным околышем (все — с белой выпушкой), двухцветные погоны (верхняя половина черная, нижняя — красная) с белой литерой «К». На левом рукаве выше шеврона носилась голубая нашивка в форме овального щита с белой надписью «Корниловцы» и белыми черепом над скрещенными костями и мечами (остриями вниз); под ними — красная пылающая граната. Корниловцы-артиллеристы носили фуражки с темно-зеленой тульей и черным околышем (все с красными выпушками) и черные погоны с красной выпушкой и желтыми перекрещенными пушками и литерой «К».

220

Генерального штаба генерал-майор Михаил Карпович Соломахин родился 9 июля 1888 г. в станице Некрасовской Майкопского отдела Кубанского казачьего войска. Старшим портупей-юнкером в 1911 г. окончил Елисаветградское кавалерийское училище, в 1917 г. — ускоренные курсы Академии Генерального штаба. Являлся кадровым офицером 1-го Хоперского Кубанского казачьего войска полка и служил в нем с 1911 г. по 1918 г. На Кавказском фронте командовал казачьей сотней, за конную атаку на турецкую пехоту в Месопотамии 6 января 1917 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1918 г. вернулся на Кубань и вступил в кубанские казачьи части. 23 сентября (6 октября) 1918 г. был из подъесаулов произведен в есаулы (со старшинством с 4 января 1917 г.). 22 ноября (5 декабря), будучи есаулом 2-го Кубанского Партизанского конного полка, был назначен командующим тем же полком. В 1919 г. был произведен в полковники и назначен командиром того же полка. После поражения ВСЮР л Русской армии генерала Врангеля эмигрировал. К концу 1931 г. являлся начальником Походного штаба Кубанского Войскового атамана генерала В.Г. Науменко. В конце 1944 — мае 1945 гг. он в чине генерал-майора являлся начальником 1-го Казачьего юнкерского училища Казачьего стана генерал-майора Т. И. Доманова, располагавшегося в Северной Италии. В 1945 г. был выдан большевикам, и дальнейшая его судьба неизвестна.

221

11 (24) апреля 1919 г. из танков, полученных из Великобритании, был сформирован Дивизион танков, 29 апреля (12 мая) названный 1-м Дивизионом танков; он был включен в состав ВСЮР с 11 (24) апреля. К 30 апреля (13 мая) командиром его являлся полковник Гилевич; в состав дивизиона входили 1-й (командир — капитан Веремеев), 2-й (капитан Борщев), 3-й (капитан Блим-Колосовский) и 4-й (капитан Миронович) отряды танков. В каждом отряде было 3–4 танка (легких и тяжелых).

Здесь имеется в виду 3-й конный корпус.

223

Речь идет о Генерального штаба генерал-лейтенанте Николае Петровиче Калинине. Родился в 1884 г. Окончил Николаевское кавучилище и два курса Николаевской академии Генштаба. Участник русско-японской войны. В 1917 г. — подполковник, старший адъютант штаба 40-го армейского корпуса. В 1918 г. — на Дону. Полковник, командир полка, затем — бригады в 1-м Донском корпусе. В начале 1919 г. — генерал-майор, командир 11-й Донской конной бригады 6-го Донского армейского корпуса. К 31 марта (13 апреля) 1919 г. он командовал 1-м Донским конным корпусом, в состав которого входили 8-я и 11-я Донские конные дивизии. 21 апреля (4 мая) корпус начал рейд по тылам советской 8-й армии, прервав железнодорожную линию Дебальцево — Кодамов и взяв ряд станций. К сентябрю 1919 г. Калинин — начальник 9-й Донской конной дивизии 2-го Донского отдельного корпуса. 20 июня (3 июля) 1920 г. начальник 2-й Донской казачьей дивизии генерал-майор Калинин за боевые отличия был произведен в генерал-лейтенанты. В 1921 г., находясь в эмиграции, в лагере в районе Чаталджи, он являлся начальником 1-й Донской казачьей дивизии. Умер 23 октября 1949 г. в Париже.

224

6 (19) марта 919 г. для защиты левого фланга Добровольческой армии в Бердянске был сформирован Отряд генерал-майора М.Н. Виноградова (1870–1960 гг.). Первоначально в него входили: штаб, 1-й Сводный пехотный, Сводно-Гвардейский, 2-й Лабинский Кубанского казачьего войска, 42-й Донской пеший и 3-й конный полки, Сводный дивизион 9-й кавдивизии, батареи: Лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады, 6-я конная, 3-я пластунская, 4-я 2-й артбригады и батарея Лейб-гвардии 3-й артбригады. К 5 (18) апреля в Отряде состояли: 1-й Сводный пехотный, 2-й Лабинский и 42-й Донской пеший полки, Сводно-Гвардей-ский отряд, 2-й Кубанский пластунский батальон, Сводный дивизион 9-й кавдивизии, 5-й Польский эскадрон 2-го конного полка, 2-я конная и 3-я Кубанская пластунская батареи, саперный полубатальон и подрывная команда Донского саперного батальона. На 7 (20) июня в Отряд входили: 1-й Сводный пехотный, 2-й Лабинский и 42-й Донской пеший полки, Сводно-Гвардейский отряд, 2-й Кубанский пластунский батальон, Сводный дивизион 9-й кавдивизии и батарея Лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады. Расформирован в июле.

225

Генерал от инфантерии Кутепов Александр Павлович (1882–1930 гг.) — из дворян, окончил гимназию в Архангельске, С.-Петербургское пехотное юнкерское училище. Участвовал в русско-японской войне. В 1907 г. за боевые отличия был переведен в Лейб-гвардии Преображенский полк, в котором и начал Первую мировую войну в чине штабс-капитана, был трижды ранен, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. В 1917 г. — полковник, командир Лейб-гвардии Преображенского полка. В Добровольческую армию вступил в первые дни ее формирования; сначала занимал должность командира роты, затем командира 1-го, 3-го офицерских батальонов. 30 марта (12 апреля) 1918 г. был назначен командиром Корниловского ударного полка. С 12 (25) июня 1918 г. — командующий 1-й дивизией, с 15 (28) июля — командир 1-й бригады 1-й дивизии, с августа — Черноморский военный губернатор (штаб в г. Новороссийске), 12 (25) ноября был произведен в генерал-майоры. С мая 1919 г. командир 1-го армейского корпуса Кавказской Добровольческой армии, который вел бои в районе ст. Великокняжеской на р. Маныч; 23 июня (5 июля) произведен в генерал-лейтенанты. После эвакуации ВСЮР из Новороссийска в Крым командовал с апреля 1920 г. 1-м армейским корпусом (переформированным из Отдельного Добровольческого), затем — с 4 (17) сентября — 1-й армией. В ноябре 1920 г. с остатками Русской армии эвакуировался в Турцию (откуда в 1921 г. переехал в Болгарию), где командовал 1-м армейским корпусом (в который была сведена армия) до мая 1922 г., когда был выслан из Болгарии за антиправительственную деятельность. В созданном в 1924 г. генералом П.Н. Врангелем Русском Общевоинском Союзе (РОВС) руководил разведывательно-диверсионной деятельностью против СССР. После смерти генерала П.Н. Врангеля 29 апреля 1928 г. стал председателем РОВС. 26 января 1930 г. был похищен в Париже сотрудниками ОГПУ и умер от сердечного приступа на советском судне по пути в Новороссийск.

226

10 (23) апреля 1919 г. в состав 1-й Терской пластунской отдельной бригады была включена 1-я Терская легкая гаубичная батарея, сформированная 10 (23) февраля того же года. 5 (18) июля при общем переформировании частей Терского казачьего войска было приказано каждую из 4 Терских пластунских бригад, отпустив по домам казаков присяги 1898 г. и старше, переформировать в 2 батальона и иметь в одном батальоне казаков младших присяг, а в другом старших. Батальоны бывших 1-й и 3-й Терских пластунских отдельных бригад (1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 9-й, 10-й, 11-й и 12-й) приказано свести в 1-ю Терскую пластунскую отдельную бригаду в составе 1-го и 2-го Волгских, 1-го и 2-го Сунженско-Владикавказских пластунских батальонов. В середине декабря (ст. ст.) 1919 г. бригада (с включенной в нее 6-й Терской казачьей батареей), входившая до этого в состав войск Северного Кавказа, была отправлена в распоряжение Главкома ВСЮР. 6 (19) мая 1920 г. было приказано считать ее расформированной.

227

Генерального штаба полковник Василий Иоанникиевич Соколовский был командирован в распоряжение начальника 1-й конной дивизии и 23 октября (5 ноября) 1918 г< назначен начальником штаба той же дивизии. 19 ноября (2 де~, кабря) он стал начальником штаба 1-го конного корпуса, в мае одно время исполнял должность начальника штаба 3-го конного корпуса, а 8 (21) июня 1919 г. назначен начальником штаба 1-й Кавказской казачьей дивизии. После окончания Гражданской войны на юге России эмигрировал. К 1931 г. занимал должность начальника Константиновского военного училища в Париже, работая одновременно шофером такси. Умер там же после 1933 г.

228

Генерал-лейтенант Николай Эмильевич (Николай Павел-Константин Эмильевич) Бредов (1-й, т. к. у него имелся младший брат Федор Эмильевич Бредов 2-й, тоже участник Белого движения, Генерального штаба полковник) родился 30 октября 1873 г. в дворянской семье, уроженец Санкт-Петербургской губернии. В 1891 г. окончил 1-й Московский кадетский корпус, в 1893 г. — 2-е военное Константиновское училище. Службу начал подпоручиком в 13-м стрелковом полку. В 1895–1896 гг. исполнял должность батальонного адъютанта. В 1896 г. был зачислен в Николаевскую академию Генштаба, но в следующем году был отчислен «по невыдержании экзамена». В 1898 г. вновь был зачислен в Академию Генштаба, по окончании 2 классов ее переведен в дополнительный курс, который и окончил в 1901 г. Тогда же был произведен в штабс-капитаны, причислен к Генштабу и направлен на службу в Киевский военный округ, где был командирован в штаб 19-й пехотной дивизии. В 1902 г. назначен старшим адъютантом штаба 9-й кавалерийской дивизии с переводом в Генштаб, а также был произведен в капитаны и награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. Участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг., награжден орденами: Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость»., Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст., Св. Анны 2-й ст. с мечами и бантом, Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, золотым оружием с надписью «За храбрость». После окончания войны, будучи уже полковником, был переведен в Виленский военный округ для цензового командования ротой в 41-й пехотный Селенгинский полк. В последующие годы занимал ряд штабных и командных должностей. Участвовал в Первой мировой войне; в августе 1915 г. был произведен в генерал-майоры, занимал должность генерал-квартирмейстера штаба армий Северного фронта. В 19i7 г. — генерал-лейтенант, командир 21-го армейского корпуса. В Добрармии — с начала 1918 г. 24 января (6 февраля) 1919 г. назначен в резерв чинов при штабе Главкома. 13 (26) июня был назначен начальником 7-й пехотной дивизии, а затем отряда в составе этой дивизии и Сводно-Гвардейской бригады, который 18 (31) августа взял г. Киев. 23 августа (5 сентября) Бредов был назначен начальником киевского гарнизона. 8 (21) октября ему, как начальнику отряда, были предоставлены права командира неотдельного корпуса. В середине января 1920 г. группа войск Бредова под давлением превосходящих сил РККА начала отступление на юг, по

направлению к Одессе. Здесь в районе Тирасполя она соединилась с войсками Новороссийской области и, т. к. Румыния отказалась пропустить белые войска через Днестр в Бессарабию и интернировать их, все части были объединены под общим командованием Бредова и 30 января (12 февраля) начали свой героический марш на север, на соединение с поляками. 12 (25) февраля в районе Новой Ушицы бредовцы встретились с поляками. Через некоторое время они были — по соглашению с польским командованием — сняты с участка фронта, который сразу же заняли, и интернированы в лагеря (всего 20 тысяч человек), К лету в результате договоренности Врангеля с поляками основную массу их удалось переправить в Крым — в августе было перевезено свыше 12 тысяч человек, которые были влиты как пополнение в различные части Русской армии генерала Врангеля. 25 февраля 1922 г. по приказу последнего «в воздаяние верности долгу и понесенных тяжелых трудов и лишений» для чинов отряда Бредова был установлен особый знак — серебряный, покрытый белой эмалью крест, с изображением на лицевой стороне меча острием вниз и даты «1920»; на оборотной — девиз «Верные долгу»; крест этот носился на бело-сине-красной ленте. В Русской армии П.Н. Врангеля Бредов командных постов не занимал, оставаясь в распоряжении Главкома. В 1931 г. он являлся председателем Союза «Долг Родине» в Софии, входившего в 3-й отдел РОВС, и состоял в распоряжении председателя РОВС. В сентябре 1933 г. Бредов заменил генерала Ф.Ф. Абрамова на должности начальника 3-го отдела РОВС в Болгарии. Во время Второй мировой войны заведовал Русским инвалидным домом на Шипке. Остался в Болгарии после вступления Советской армии. Арестован СМЕРШем, по данным Н.Н. Рутыча, вывезен в СССР и скорее всего погиб в лагерях.

229

Щетинин С.С. в конце 1918 г. являлся помощником начальника Управления торговли и промышленности в ведомстве Управления внутренних дел, будучи одновременно членом Главного комитета Общества Белого Креста. 31 мая (13 июня) 1919 г. он был назначен Екатеринославским губернатором.

Вообще вопрос о еврейских погромах в России в годы Гражданской войны сложен и запутан. А.И. Деникин в 5-м томе своих «Очерков русской смуты» весьма подробно рассматривает положение евреев в период Гражданской войны на юге России. В период с 1917 по 1922 гг. по всей России шел всеобщий погром — громили, грабили, насиловали и убивали всех — русских, украинцев, белорусов, закавказские народы, калмыков, башкир, евреев и многих-многих других. Что же касается собственно погромов евреев, то этот аспект еще требует своего всестороннего, глубокого изучения, ибо то, что издавалось после Гражданской войны — например, книга Н.И. Штифа «Погромы на Украине (период Добровольческой армии)» (Берлин, 1922 г.), — не может претендовать на объективность как в силу личностных, национальных причин, так и из-за невозможности изучения этого вопроса в силу закрытости информации. Отметим лишь, что ни один погром какой-либо национальности не может содействовать становлению никакой государственности. Отношение же командования Добровольческой армии и Вооруженных Сил на Юге России к погромам видно из нижеследующих документов.

Приказ Добровольческой армии за № 305 от 31 июля (13 августа) 1919 г., подписанный ее командующим генерал-лейтенантом В.З. Май-Маевским, гласил:

«Добровольческая армия, ведущая тяжелую борьбу за воссоздание нашей Великой Родины, за установление в ней правового порядка, должна прежде всего вносить в освобожденные от большевиков местности спокойствие и законность.

Под мощной защитой армии всем гражданам, без различия состояний, национальностей и вероисповеданий, должно быть обеспечено спокойное существование, должна быть обеспечена личная и имущественная неприкосновенность. Даже и единичные случаи притеснения какого-либо класса населения, какой-либо национальности, например, евреев, не должна иметь места.

Всем чинам армии надлежит всегда и везде служить примером уважения к закону и праву.

Начальникам всех степеней принять настоящий приказ к строжайшему исполнению и руководству, привлекая к законной ответственности виновных в нарушении его.

Подлинный за надлежащими подписями».

В приказе Главкома ВСЮР генерала А.И. Деникина за № 1759 от 8 (21) августа 1919 г. говорилось:

«Доблестная армия, движимая героизмом и чувством долга перед Родиной, быстро продвигается к сердцу России — к Москве.

С чувством глубокой любви и доверия встречает ее население, видя в ней носительницу права и правды.

Между тем, по имеющимся у меня сведениям, отдельными членами армии при занятии некоторых пунктов и особенно г. Екатеринослава были допущены тягчайшие преступления, выразившиеся в грабежах и насиловании женщин и девушек.

Неужели эти насильники не понимают, что в таком же положении могут оказаться и их матери, жены, сестры и дети.

Нет имени этому преступлению.

Совершающие подобные насилия не воины, а негодяи, которых надлежит истреблять без всякой пощады.

Требую, чтобы подобных безобразий более не повторялось.

Полевой суд и смертная казнь всем тем офицерам, казакам, солдатам, которые, теряя человеческий облик, позволяют себе совершать подобные насилия».

В приказе Добровольческой армии за № 497 от 30 сентября (13 октября) 1919 г. генерал-лейтенант В.З. Май-Маевский отмечал:

«Объявляю телеграмму Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России от 26 сентября сего года за № 271:

«Ко мне поступают сведения о насилиях, чинимых чинами армии над евреями. Требую принятия решительных мер прекращению этого явления применяя суровые наказания к виновным. Деникин».

Подтверждая приказ мой от 31 июля с.г. за № 305 о недопустимости насилия над евреями, приказываю начальникам всех степеней под их личной ответственностью принять самые решительные меры к прекращению подобных случаев насилия».

231

Скоропадский Павел Петрович родился в 1873 г. в дворянской военной семье. В 1893 г. окончил Пажеский корпус и вышел в Кавалергардский полк. С 1896 по 1904 гг. он был полковым адъютантом. С началом русско-японской войны отправился на театр военных действий — в марте 1904 г. он был переведен есаулом в 3-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска, состоявший во 2-й Забайкальской казачьей дивизии, и назначен в Восточный отряд графа Келлера. Затем его откомандировали во 2-й Читинский полк, где он вступил в командование сотней. Позднее он в чине полковника командовал 20-м драгунским Финляндским полком. В 1911 г. он стал командиром Лейб-гвардии Конного, полка, был произведен в генерал-майоры и зачислен в Свиту Его Императорского Величества. На Первую мировую войну он выступил вместе с полком, но 3 октября 1914 г. вступил во временное командование 1-й бригадой 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (Кавалергардский и Лейб-гвардии конный полки), с которой и участвовал 6 августа 1914 г. в знаменитом Каушенском бою. Награжден орденом Св. Георгия 4-й ст., затем осенью того же года он стал временно командующим 1-й гвардейской кавалерийской дивизией, во главе которой участвовал в Лодзинской операции. Некоторое время Скоропадский также временно командовал 3-й кавалерийской дивизией, а затем был начальником 5-й кавалерийской дивизии. 8 мая

1916 г. он стал начальником 1-й гвардейской кавдивизии. В конце года был назначен командиром 34-го армейского корпуса, уже будучи произведен в генерал-лейтенанты. Летом

1917 г. по приказу Верховного главнокомандующего генерала Корнилова корпус «украинизировался» в 1-й Украинский корпус, несмотря на то что Скоропадский выступал против этого. После октября 1917 г. 1-й Украинский корпус вышел из подчинения русского командования, но не подчинился Центральной Раде, не признававшей Скоропадского и опасавшейся установления его диктатуры на Украине. Вследствие прекращения финансовых дотаций со стороны русского Юго-Западного фронта корпус начал расформировываться… После прихода в Киев германских частей в апреле 1918 г. на съезде «украинских хлеборобов» Скоропадский был «с согласия германского командования» избран Гетманом всея Украины. Он никогда не был украинским самостийником и не препятствовал вербовке и отправке русских офицеров с Украины в Добровольческую и другие антибольшевистские

армии. Скоропадскому удалось сформировать также кадры 8 корпусов 3-дивизийного состава, часть которых затем перешла в состав Вооруженных сил на Юге России. В декабре 1918 г. в результате восстания на Украине, подготовленного Директорией во главе с СВ. Петлюрой, Скоропадский был вынужден с помощью немцев эмигрировать в Германию, где и оставался до конца дней своих, веря в победу Германии в войне против СССР. Перед самым падением Берлина в 1945 г. он был смертельно ранен при бомбежке.

232

В июле 1919 г. Шкуро, находясь в Кисловодске, написал войсковому атаману Всевеликого Войска Донского генералу А.П. Богаевскому письмо, текст которого публикуется впервые (с сохранением орфографии и пунктуации подлинника):

«Совершено секретно. Весьма срочно.

Ваше Превосходительства Милостивый Государь Африкан Петрович.

Роль казачества, как в прошлом, так и в настоящем России свидетельствует, что казачество является творческим созидательным элементом страны. Своими размерами, величием и могуществом Российское Государство главным образом обязано казакам. Положительно можно утверждать, что казаки создали Россию, на протяжении веков охраняли ее, в страдные лихолетья спасали ее. Казаки спасают Россию и теперь. Возможно ли было бы без казачества создать те оазисы, те плацдармы, где бы могли формироваться и разворачиваться части Добровольческих армий. Дон, Кубань, Терек… Вот где нашли приют русские герои, не продавшиеся русские люди.

События и самая жизнь свидетельствуют, что казачество по самой природе своей является элементом наиболее устойчивым, наиболее крепким, не поддающимся растлевающим учениям большевизма и прочих антигосударственных элементов.

Вышесказанное соображение подтверждается еще и тем соображением, что «советским правительством» казачество объявлено элементом контрреволюционным и по самой природе своей вредным для проведения идей революции и потому подлежащим поголовному уничтожению. Более яркого доказательства необходимости существования и усиления казачества, как элемента неугодного разрушителям Родины — не требуется.

Невольно возникает вопрос: как же усилить и умножить семью казаков. Где искать тот элемент, откуда казаки могут черпать пополнение своих сил в борьбе с врагами Государства.

Ответ сам собою напрашивается, он совершенно ясен. Таким элементом является благомысляще настроенная часть населения Малороссии — этой старой колыбели казачества, преимущественно Полтавской и Черниговской губерний, где и до сего времени сохранилось сословие казаков. Там еще живы предания седой казачьей старины и витает дух их доблестных предков Запорожских казаков — славных борцов за веру Православную и за свое имя Русское.

Малороссийское (Днепровское) казачество, возрожденное на твердых основаниях заветов их предков — запорожцев, явится прекрасным боевым элементом для борьбы с большевиками и, что быть может еще важнее — положительным противоядием сепаратистскому самостийному движению «щирых украинцев», построенному на обмане народа путем искажения исторических имен, названий, терминов и фактов. Говоря об этом, необходимо особенно подчеркнуть то обстоятельство, что руководители самостийного щиро-украинского движения избрали довольно верный путь к достижению своей цели: они пользуются живущими в районе воспоминаниями о славном казачьем прошлом и играя на этом, стараются толкнуть массы по ложному пути.

Должно вырвать из рук врага его оружие и им же его поразить.

Идея казачества в Малороссии прекрасна, а главное жизненна и логична, ибо она восходит от заветов седой старины, полной славных преданий о былых подвигах Запорожских и Малороссийских казаков, боровшихся и слагавших жизнь свою за ту самую Православную Веру и Русскую народность, которые ныне неистово попираются «щирыми украинцами».

Взять в свои руки идею возрождения Малороссийского казачества и, руководя ею, направить по верному исторически и здравогосударственному пути — считаю в данный момент весьма полезным и даже необходимым… Этим путем у «щирых украинцев» будет вырвано оружие, которым они играют и «украинство», как лживый вражеский обман, само собою исчезнет из горизонта Малороссии.

На основании вышеизложенного мне совершенно определенно обрисовалась необходимость, по примеру производившихся формирований в г. Полтаве в 1831–1832 гг. Малороссийских казачьих полков, в виде опыта сформировать из лучшей части коренного населения Малороссии, как потомков Запорожцев и старого Малороссийского казачества, сословия и по настоящее время существующего, особый Малороссийский казачий отряд с наименованием в память бессмертных заслуг перед Родиной Запорожцев — «Запорожский Кош Малороссийского казачьего войска».

Этим путем будут увеличены ряды казаков, на костях и крови которых в значительной степени возрождается Россия.

Предполагая на днях по сему вопросу сделать доклад Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России, убедительно прошу Ваше Превосходительство не отказать срочно в своем ответном письме высказаться по поводу

вышеприведенных мною соображений.

Мнение Вашего Превосходительства явится для меня весьма важным, а также будет иметь известный авторитет в глазах Главнокомандующего.

Уважающий Вас и всегда готов к услугам

Андрей Шкуро».

233

Речь идет о сформированной Стрелковой бригаде 3-го конного корпуса, начальником которой 29 июня (12 июля) 1919 г. был назначен полковник Елагин.

Точнее, 5-й кавалерийский корпус было приказано сформировать 27 июня (10 июля) 1919 г. в составе управления, 1-й и 2-й кавалерийских дивизий (обе формировались из кадров полков бывшей российской регулярной кавалерии). К концу лета — началу осени корпус был практически сформирован и вошел в состав ВСЮР. Его командиром был назначен генерал-лейтенант Я.Д. Юзефович. Корпус участвовал в боевых действиях с 1 (14) июля по 1 (14) октября. 14 (27) октября в состав корпуса была временно включена Пехотная генерала Алексеева дивизия. Корпус действовал вместе с 1-м армейским корпусом генерал-лейтенанта А.П. Кутепова и участвовал в общем осеннем наступлении войск ВСЮР на Орел и Курск, а также служил связующим звеном между Добровольческой армией и войсками Киевской области генерала А.М. Драгомирова. В конце 1919 г. началось общее отступление ВСЮР; часть 5-го кавкорпуса отступила вместе с войсками Киевской области на юг, в направлении на Одессу, а затем в составе отряда генерала Н.Э. Бредова в Польшу. Основные же части корпуса из-за большой убыли людей в декабре 1919 г. были реорганизованы в Сводную кавалерийскую бригаду (2 полка) под командованием генерал-майора И.Г. Барбовича, в начале 1920 г. вновь развернутую в Сводную кавалерийскую дивизию. 6 (19) января 1920 г. последовал приказ о расформировании управления корпуса, что означало фактически и расформирование самого корпуса.

235

Знаменитый исторический рейд 4-го Донского отдельного корпуса генерал-лейтенанта К.К. Мамонтова (с 28 июля (10 августа) по 5 (18) сентября 1919 г.) по тылам советских войск Южного фронта сыграл значительную роль в боевых действиях на юге России, но основной цели — сорвать подготовку августовского наступления Южного фронта — не достиг. По окончании рейда Мамонтов был награжден шашкой с надписями на клинке: на одной стороне: «Герою Родины Генералу Мамонтову от Донского Атамана и Правительства за беспримерные в мировой истории рейды казачьей конницы в войне с большевиками», на другой: «18 мая 1919 г. — 12 июня 1919 г. Константиновская — Морозовская — Чир — Н. Чирская — Усть-Медведицкая — Арчада — Раздорская — Березовская — Дубовка. 28 июля 1919 г. — 5 сентября 1919 г. Еланское Кольцо — Тамбов — Козлов — Лебедянь — Елец — Касторная — Грязи — Воронеж — Средний Икорец — Репьевка — Коротоянь».

Генерального штаба генерал-лейтенант Петр Ильич Коновалов родился в 1881 г. в казачьей семье в донской станице Мигулинской. Сперва окончил учительскую семинарию, но избрал карьеру военного, и в 1906 г. он закончил по I разряду Новочеркасское казачье юнкерское училище и вышел в донские казачьи части. В 1912 г. он окончил Императорскую Николаевскую военную академию по I разряду и служил затем до начала Первой мировой войны в 7-м Донском казачьем полку, командуя одной из его сотен. Со дня мобилизации 1914 г. он был назначен старшим адъютантом 7-го армейского корпуса. Позднее Коновалов занимал должности штаб-офицера для поруг чений в штабе того же корпуса, был начальником штаба 163-й и 65-й пехотных дивизий. Произведен в полковники со старшинством со 2 апреля 1916 г. За боевые отличия награжден всеми орденами до Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, а также Георгиевским оружием. В 1917 г. солдаты 65-й пехотной дивизии наградили его солдатским Георгиевским крестом 4-й ст. с лавровой ветвью. После заключения перемирия с Германией и Австрией Коновалов в конце января (ст. ст.) 1918 г. прибыл на Дон. В феврале он вместе с Генерального штаба полковником К.Т. Калиновским сумел пробраться в г. Николаев. По возвращении на Дон весной он 18 июня (1 июля) был назначен начальником штаба Батайского отряда полковника М.А. Фетисова, который освободил от большевиков в июле — августе весь Ростовский округ. В конце августа — сентябре Коновалов являлся начальником штаба войск Усть-Медведицкого округа. В октябре, собрав все имевшиеся у него в распоряжении части в две группы, нанес удар по красным и отбросил их в Саратовскую губернию, заняв Черный Яр. Позднее, после тяжелых боев, ударная группа Усть-Медведицкого округа начала наступление на Камышин и, дойдя до окрестностей города, повернула назад и отбросила в Саратовскую губернию перешедшие было в наступление советские войска. За эти операции Коновалов в конце года был произведен в генерал-майоры. В январе 1919 г. самым опасным для Донской армии явилось Луганское направление. 10 (23) января Коновалов получил приказ принять 2-ю Донскую казачью дивизию и уже через 2 дня прибыл в сталинцу Луганскую. Войска под его командованием концентрируются, сводятся в конную ударную группу (3–4 тысячи человек), составляя левый фланг Донской армии, и переходят к активным боевым действиям (с 19 (1) апреля по 23 марта (5 апреля) в конную группу Коновалова

входили 1-я, 2-я и 8-я Донские казачьи дивизии). На этом участке фронта бои продолжались до 21 апреля (4 мая) и закончились взятием донцами Луганска. Позднее, во второй половине 1919 г., Коновалов командовал 4-й Донской дивизией, а осенью — 2-м Донским отдельным корпусом. После эвакуации остатков Донской армии в Крым и сведение их в Донской корпус Коновалов, произведенный в 1919 г. в генерал-лейтенанты, уже не занимал командных должностей. В 1922 г. проживал в Митровице (Сербия). Погиб под колесами грузовика в Нью-Йорке 27 апреля 1960 г.

237

Гусельщиков Адриан Константинович, генерал-лейтенант, донской казак, родился в 1871 г. в станице Гундоровской. Окончил Новочеркасское военное казачье училище. Участник Первой мировой войны: в, 1917 г. — войсковой старшина. Весной 1918 г. принял активное участие в борьбе донских казаков с советской властью, в мае возглавил казачий полк, выставленный станицей Гундоровской. Затем летом того же года был назначен начальником Северного отряда, в который входили Гундоровский, Луганский, Верхне-Донской, Мешковский, Мигулинский, Казанский и Богучарский казачьи полки. 10 (23) октября был произведен в генерал-майоры. Впоследствии был начальником ряда донских казачьих дивизий, произведен в генерал-лейтенанты. В начале августа 1919 г. он — командир пешей ударной группы 3-го Донского отдельного корпуса, в сентябре — начальник 8-й Донской дивизии (6-я и 7-я Донские пластунские и 7-я Донская конная бригады) того же корпуса. В декабре он уже командовал 4-м Донским корпусом. В Крыму в 1920 г. командовал 3-й Донской пешей дивизией в Донском корпусе генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова. После поражения Русской армии и эвакуации ее частей в 1921 г. был начальником 2-й Донской казачьей дивизии в лагере в районе Чаталджи. В начале 1920-х гг. переехал во Францию, жил в г. Виши, где и умер 21 февраля 1936 г.

238

По данным разведывательного отделения Полевого штаба РВСР, 7 (20) сентября генерал А.С. Секретев командовал одним из Донских отдельных корпусов в составе: 8-й (генерал-майора Кучерова), 9-й и 12-й (генерал-майора' А.И. Постовского) Донских дивизий; в корпусе насчитывалось 5500 шашек, 16 орудий и 106 пулеметов.

239

Во время рейда 4-го Донского отдельного корпуса генерал-лейтенанта К.К. Мамонтова по тылам войск советского Южного фронта в августе — сентябре 1919 г. в г. Тамбове была взята в плен формировавшаяся красная 4-я особая бригада. В ней часть людей была вооружена (4 батальона), а часть — 10 тысяч человек — вооружения пока не имела; таким образом, на 14 тысяч человек, состоявших в бригаде, имелось всего около 2,5 тысячи винтовок. Ее командный состав был назначен из военспецов 36-й стрелковой дивизии; командир 4-й особой бригады и его начальник штаба остались в городе и вступили в Белую армию. Основной же состав дивизии — бывшие дезертиры Красной армии. 5 (18) августа 1919 г. части генерала Мамонтова заняли Тамбов, а на следующий день Мамонтов приказал из бывших красноармейцев, добровольцев и мобилизованных крестьян создать дивизию. Дивизия под названием 1-й Тульской добровольческой начала формироваться 6 (19) августа в Тамбове, а завершила свою организацию уже в г. Ельце; в командование ею вступил полковник Дьяконов. 15 (28) августа он приказал сформировать в составе дивизии: управление (штаб дивизии, управление инспектора артиллерии, саперная рота, управления дивизионного интенданта и санитарной частью), 1-й, 2-й и 3-й Тульские Добровольческие пешие полки (по 3 батальона и пулеметная, связи, комендантская и нестроевая команды в каждом), а также артиллерийскую батарею. С 21 августа (3 сентября) начальником штаба дивизии стал Генерального штаба генерал-майор ДА Мельников. На 24 августа (6 сентября) в составе дивизии находились: штаб, конная сотня, 1-й, 2-й и 3-й Тульские добровольческие полки. Тульский добровольческий артиллерийский дивизион (3 батареи), саперная рота, ординарческая команда штадива, ударный пеший батальон, дивизионные — пулеметная команда, лазарет, интендантство и команда связи, а также обоз штадива. 27 августа (9 сентября) было приказано из Козловского и Елецкого добровольческих отрядов сформировать 4-й Козловский добровольческий полк под командованием капитана Власова. К 30 августа (12 сентября) в дивизии насчитывалось 3 тысячи человек. После возвращения из рейда корпуса Мамонтова дивизия некоторое время отдыхала в тылу и продолжала свое формирование. С 15 (28) сентября она участвовала в боях с большевиками; состав ее незначительно менялся. В начале октября (ст. ст.) дивизия получила приказ отправиться на станцию Лихая и поступить в распоряжение

Главкома. 18 (31) октября она стала Отдельной Тульской бригадой (состав: штаб, 1-й, 2-й и 3-й Тульские полки, Тульский артиллерийский и конный дивизионы). После отступления на Дон в конце 1919 — начале 1920 гг. тульцы, понесшие большие потери в боях, были влиты в пеший казачий Гундоровский Георгиевский полк Донской армии, вместе с которым были эвакуированы в Крым. Здесь Гундоровский Георгиевский полк вошел в состав 1-й бригады 3-й Донской дивизии Донского корпуса генерала Абрамова, и 18 сентября (1 октября) 1920 г. полку, как «особо отличившемуся и старейшему в борьбе с врагами Родины», приказом генерала П.Н. Врангеля было пожаловано знамя ордена Святителя Николая Чудотворца. После эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г., уже в лагере в районе Чаталджи, полк как 9-й Донской казачий под командованием полковника Усачева входил во 2-ю бригаду 2-й Донской казачьей дивизии генерал-лейтенанта Гуселыцикова.

240

В РККА существовали не пехотные, а стрелковые дивизии. Какая армия и какие дивизии были разбиты дивизиями Шкуро в бою 11 (24) сентября — не понятно, т. к. 13-я стрелковая дивизия в сентябре 1919 г. входила в состав 8-й армии, а 14-я — 9-й армии Южного фронта, 51-я — 3-й армии Восточного фронта, 54-я — 6-й армии, воевавшей с белогвардейцами на севере России, а 60-я — 12-й армии Западного фронта.

241

Татонов Георгий Петрович — Генерального штаба полковник, участник Первой мировой войны. 20 сентября 1917 г. был назначен начальником штаба 2-й Кавказской Туземной конной дивизии, входившей в состав Кавказского Туземного конного корпуса. Участвовал в Гражданской войне на юге России; к сентябрю 1919 г. — начальник штаба 3-го конного корпуса.

Это произошло 17 (30) сентября 1919 г.

243

Развертывание Стрелковой бригады 3-го конного корпуса не удалось завершить; 25 октября (7 ноября) 1919 г. было официально приказано сформировать и включить в состав 3-го конного корпуса Отдельную стрелковую бригаду в составе управления, 1-го (переименованного из Стрелкового полка 1-й Кавказской казачьей дивизии и перечисленного из нее) и 2-го (все то же, но 1-й Терской казачьей дивизии) Стрелковых полков, Отдельного стрелкового артиллерийского дивизиона (управление, 1-я и 2-я батареи) и запасного батальона (вновь сформированного). 6 (19) апреля 1920 г. ее было приказано считать расформированной.

244

По данным разведки и штабов Красной армии, в конце сентября 1919 г. (ст. ст.) численность 3-го конного корпуса равнялась 5 тысячам сабель и 800 штыкам. Данные, приводимые Шкуро, на мой взгляд, заслуживают большего доверия. На 5 (18) октября в корпусе состояло 1195 штыков и 2645 сабель.

245

В сентябре 1919 г. Область Кубанского казачьего войска была включена в тыловой район Кавказской армии генерала Врангеля для облегчения принятия Главным командованием ВСЮР необходимых мер в случае возникновения каких-либо серьезных конфликтов с Кубанской Радой, что в конце концов и произошло.

246

По-видимому, имеется в виду бригада, состоявшая из 1-го и 2-го Волгских Терского казачьего войска полков 1-й Терской казачьей дивизии.

247

У Шкуро ошибка — не Рутсон, а Рудсон. 14 (27) ноября 1919 г. 1-го стрелкового полка полковник Рудсон назначен командиром того же полка. На 19 марта (1 апреля) 1920 г. он — командир Волчьего ударного имени генерала Шкуро батальона, входившего в Группу войск Сочинского направления (затем — Кавказского побережья).

248

В бою 30 марта (12 апреля) 1919 г. у станции Хацепетовка легким бронепоездом «Офицер» (вооружен 1 орудием, командир — штабс-капитан В. Разумов-Петропавловский) был захвачен бронепоезд красных «2-й Сибирский» переименованный 12 (25) апреля в легкий бронепоезд «Слава Офицеру». Он был окончательно сформирован 30 июня (13 июля) и с этого же дня включен в состав ВСЮР. Командиром его был назначен капитан Б.В. Харьковцев. 1 (14) августа он вошел в 4-й бронепоездной дивизион. С июля 1919 г. участвовал во всех крупных операциях ВСЮР при наступлении по железнодорожной линии Харьков — Полтава, в боях при отступлении к Черноморскому побережью в начале 1920 г. 12 (25) марта 1920 г. он был расформирован и оставлен при эвакуации Новороссийска, а его имущество и личный состав были обращены на пополнение находившихся в Крыму бронепоездов.

249

14 (27) февраля 1919 г. Главком ВСЮР приказал в районе действий Крымско-Азовской Добровольческой армии в Донбассе сформировать легкий бронепоезд № 9 «Генерал Дроздовский». 7 (20) апреля 1919 г. он был назван легким бронепоездом «Генерал Дроздовский» и его командиром был назначен полковник Васильев. 9 (22) августа формирующийся бронепоезд был включен в состав 6-го бронепоездного дивизиона. С осени 1919 г. участвовал в боевых действиях ВСЮР при наступлении на запад от Донбасса на центральном направлении (Орел, Курск), в арьергардных боях конца 1919 — начала 1920 гг. 22–23 марта (4–5 апреля) 1920 г. по приказу начальника группы войск Туапсинского района генерала П.К, Писарева был разоружен и оставлен в районе г. Туапсе. 16 (29) апреля 1920 г., уже в Крыму, бронепоезд было приказано считать расформированным.

250

В группу генерал-лейтенанта А.И. Постовского, находившуюся в подчинении генерала А.Г. Шкуро и оборонявшую село Касторное, в конце октября — начале ноября (ст. ст.) 1919 г. входили: 2-й Офицерский генерала Маркова, Кавказский стрелковый (400 штыков) и 25-й пехотный Смоленский (400 штыков, сформирован в Воронеже из добровольцев, главным образом рабочих) полки, Волчий ударный имени генерала Шкуро батальон (150 штыков) и Землянский отряд (150 штыков, 400 сабель); всего до 2500 штыков и 400 сабель. Впоследствии численность группы уменьшилась из-за переброски части ее на другой участок фронта.

251

Генерального штаба генерал-майор А.И. Постовский участвовал в рейде конницы генерала Мамонтова, занимая должность начальника 12-й Донской дивизии. После рейда был произведен в генерал-лейтенанты. Командовал группой войск (пехота), находившейся в подчинении генерала Шкуро и оборонявшей в конце октября — начале ноября (ст. ст.) 1919 г. Касторное. Командной должности в войсках генерала Врангеля не получил и эмигрировал за границу. К 1931 г. являлся председателем Общества офицеров Генерального штаба и жил во Франции в г. Нёйи (департамент Сена). В годы Второй мировой войны занимал позицию поддержки СССР, а после ее окончания вступил в Союз советских патриотов и в 1947 г. вернулся на родину, где и скончался.

252

В боях под Касторном в конце октября — начале ноября (ст. ст.) 1919 г. принимал участие 2-й Офицерский генерала Маркова полк (3 батальона, до 1400 штыков), временно командующий полком капитан Д.В. Образцов (убит в бою в Касторном 2 (15) ноября.).

По другим источникам, у Шкуро имелось 4 танка, но в ходе решающего боя 3 (16) ноября части Шкуро перешли в наступление при поддержке 3 легких танков.

2-й конный корпус был сформирован в ноябре 1918 г., 26 февраля (11 марта) 1919 г. был переименован во 2-й Кубанский, и командование им 29 марта (11 апреля) принял генерал-майор С. Г. Улагай. При создании 8 (21) мая Кавказской армии в нее был включен и 2-й Кубанский корпус, имевший в составе 2-ю и 3-ю Кубанские казачьи дивизии, 3-ю Кубанскую пластунскую отдельную бригаду, артиллерийские и вспомогательные части. Он принимал участие в Царицынской операции летом 1919 г., а затем в боях Кавказской армии на правом берегу Волги. В октябре корпус был переброшен сперва в Донскую, а затем Добровольческую армии. К 5 (18) ноября он вошел в конную группу генерала Шкуро. В январе 1920 г. корпус был включен в Кубанскую армию, переформированную из Кавказской, и остатки его в мае сдались большевикам в районе Сочи. Незначительная часть чинов его была эвакуирована в Крым, где вошла в состав кубанских казачьих частей.

255

Точнее, Звегинцев. Штаб-офицер при начальнике Отдела сношений с союзными армиями полковник Дмитрий Звегинцев королем Англии был пожалован кавалером «наиболее выдающегося ордена Св. Михаила и Св. Георгия». Главком ВСЮР 28 октября (10 ноября) 1919 г. разрешил ему принять и носить эту награду.

comments

Комментарии

1

В ноябре 1917 г. в Кубанское Краевое правительство поступило прошение от войскового старшины А.Г. Шкуры с просьбой изменить его фамилию на «Шкуранский». Прошение было удовлетворено, но, по-видимому, ответ не дошел до адресата из-за революционных событий и общего хаоса. Поэтому он сам себя к лету 1918 г. стал называть другой фамилией — Шкуро, которая и утвердилась за ним.

2

На территории, занятой вооруженными силами южнорусской контрреволюции, официально действовал старый юлианский календарь, по которому Шкуро датирует описываемые события. Во избежание путаницы в предисловии и комментариях все события, происходившие на территории, занятой белыми, датируются двойным стилем (в скобках — по новому григорианскому календарю).

3

Жена его, «милая, стройная брюнетка», умерла в Париже уже после отъезда Шкуро в Югославию; детей они не имели.

4

О политических симпатиях Шкуро Емельянов вспоминал: «Шкуро говорил без умолку».

5

Шкуро имел в виду Георгиевские кресты и медали.

6

Его освободили по ошибке, приняв за матроса по фамилии Шкуро, который командовал красным отрядом под Батайском в начале 1918 г.

7

Основной причиной казачьих восстаний послужила репрессивная политика Советской власти. Имея сильную поддержку у возвращавшихся через Северный Кавказ солдат частей бывшего Кавказского фронта, большевики приступили к социальному, экономическому, а зачастую и физическому уничтожению казачества как «изначально контрреволюционного» военного сословия.

8

17 (30) марта 1919 г.

9

В состав войск фронта вошли 3-й конный корпус (без 1-й Терской казачьей дивизии), 2-я пластунская бригада и отряд генерал-майора Виноградова, дислоцировавшиеся на Украине и сражавшиеся против Красной Армии, петлюровцев и махновцев.

10

н. ст.

11

3. Арбатов путает лацканы (слово, означающее суконный нагрудник на мундир) и лампасы — широкие суконные или матерчатые полосы, продольно нашивавшиеся на шаровары. По-видимому, имеются в виду лампасы.

12

Шкуро ошибочно называет причиной отъезда Мамонтова болезнь последнего.

13

У Шкуро приведена неточная транскрипция — Хольмен. Следует — Хоулмэн.

14

Все пленные сперва были отправлены в концентрационные лагеря под Екатеринодаром, затем из них выделили командный состав и, распустив остальных по домам, отправили офицеров, генералов и военных чиновников через Москву на север. В августе на Кубани высадился десант генерала С. Г. Улагая, и последовали превентивные репрессии красных в отношении казаков, служивших ранее у белых. Те, кого не расстреляли сразу, были при-' соединены к отправленным ранее на север, где и тех и других расстреляли — всего до 6 тысяч человек.

15

В середине октября (ст. ст.) из района Гагр было эвакуировано более 6 тысяч кубанских казаков под командованием генерала М.А. Фостикова, которые, не пожелав сдаться красным в мае, все это время вели против них партизанскую войну в горах Кавказа и на Кубани.

16

Шкуро

современной

18

Розенберг А. — гитлеровский министр Восточных территорий.

19

отеле

20

На широкую ногу. — Примеч. сост.

21

Наше время (Тюмень): — 1993. — 27 ноября. — С. 2.

22

Неверно. Это не Султан-Клыч-Гирей, а Султан Келеч-Гирей. — Примеч. сост.

Белое дело: Летопись белой борьбы. Кн. II. — Берлин, 1927 г.

24

В последнее время — 5 октября (все числа — по старому стилю).

25

Некоторое время в Главном управлении были представители от казачьих областей, но затем это было упразднено в 1902–1905 гг.

26

На съезде, а затем и в Раде из среды казаков выделились братья Иван и Петр Макаренко, Манжула, Воропинов, Игнат Белый. Все они импонировали казакам знанием митинговых правил и обычаев. Особенно рисовался Иван Макаренко. Откормленный, самодовольный — он каждую минуту по любому вопросу, в любом собрании хотел говорить и говорил с апломбом, долго, нудно, с развязностью самовлюбленного человека, не щадя слушателей.

27

Кубанская область разделялась на 7 отделов.

28

Где я был атаманом с 1911 по 1917 гг.

Впоследствии известным самостийником, а ныне член пражской кубанской конференции.

Членов исполнительного комитета было около 40 человек, в совете было около 100 человек.

31

На конференции казачьих войск в Екатеринодаре 20–23 сентября 1917 г. резолюция по вопросу об «обвинении генерала Корнилова в мятеже» определенно требовала «широкой гласности» в расследовании этого вопроса.

32

Ф.А. Щербина — имя известное на Кубани среди черноморской ее части. Это кубанский летописец, написавший историю черноморских казаков. Есть и другие его труды по истории и статистике Кубанского края. Последними его трудами являются история горских армян селения Армавира и обширное исследование под заглавием: «Эволюция большевизма». Достоинства этого труда критикой упорно замалчиваются.

33

Генерал Пржевальский рекомендовал нам во главе кубанских военных сил поставить либо генерал-майора Колюбакина, либо генерал-майора Филимонова. Первый из них был терский казак, и назначение его могло обидеть кубанских генералов, а второй был моим родным братом, и представлялась угроза «филимоновского» засилья.

34

Впоследствии известного партизана, генерала и начальника конницы в Крымской (Русской. — А.Д.) армии генерала Врангеля.

35

Пехотные части, как и везде в России, на Кубани подверглись большему, чем конница, разложению.

36

В 12 верстах от Екатеринодара.

37

Впоследствии, после разрыва моего с Бычем, Фесько состоял в группе Быча в качестве преданного его сторонника, и Быч не любил, когда ему указывали на прошлое его почитателя.

38

Мне было доложено, что Покровский давно выслужил право на чин полковника и только вследствие падения центральной власти он остался капитаном и что поэтому производство его в чин подполковника не явилось бы наградой за блестящее дело под Георгие-Афипской станицей, поэтому пришлось перескочить через чин.

При особом мнении остался член правительства по военным делам полковник Успенский, который в тот же вечер подал рапорт об увольнении его от службы.

В отдельных отрядах всего: пехоты — 2500 чел.; конницы — 800 чел. и артиллерии — 12 орудий. Пулеметов — 24. Во всех родах войск большинство — офицеры.

41

42

Кстати, скажу несколько слов об исключительной способности Покровского устраиваться с удобствами при всяких обстоятельствах. Даже в качестве гостя он с первых же дней начинает «подсказывать» хозяевам, чего он хочет; на второй день он уже требует, а затем просто берет сам все, что ему нужно.

43

Алексей Порошин в своей книге «Поход Корнилова», описывая, очевидно, с чужих слов это совещание, рисует кубанцев в очень непривлекательных красках и отзывается о них в очень пренебрежительном тоне.

Кубанца есаула Шкуропатского.

45

Старейшая станица Линейного казачьего войска, названная по имени князя Григория Потемкина.

чин и подпись неразборчивы

По другим сведениям, 7 (20) ноября.

По сведениям Н.Н. Рутыча, он был убит в июле 1919 г.

49

Вариант: «На бой, кровавый бой!»

Вариант двух последних строк: «Мы одну мечту лелеем: Дать России мир». Иногда этот куплет не пелся.